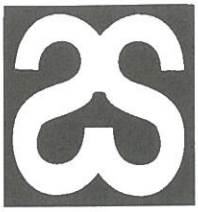
ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ



СОРОС–ҚАЗАҚСТАН ҚОРЫ
ФОНД СОРОС–КАЗАХСТАН
SOROS FOUND–KAZAKHSTAN

В 1999 году Фондом Сорос – Казахстан
был объявлен международный конкурс
для авторских коллективов на разработку двух учебных пособий:
"История Казахстана и Центральной Азии"
и "История Казахстана: народы и культуры".
Открывая этот конкурс, его организаторы исходили из того,
что каждый казахстанец должен иметь возможность получить
целостное, системное представление об исторических процессах,
которые происходили на территории Казахстана и Центральной Азии.
И если направление по истории Казахстана в последние годы является
предметом более пристального внимания и мы имеем значительное
количество изданных книг, в том числе и учебных пособий, то
история Казахстана как ***история народов Казахстана*** и история
Центральной Азии до сих пор почти не привлекали внимания
исследователей. Фонд Сорос – Казахстан решил восполнить
существующий пробел, объявив конкурс
на вышеназванные учебные пособия.
Предлагаемое Вашему вниманию издание представляет
собой оригинальную работу авторского коллектива, ставшего
победителем конкурса Фонда Сорос – Казахстан, и рекомендуется
в качестве экспериментального учебного пособия
для студентов вузов и аспирантов,
а также для всех интересующихся историей
Казахстана и Центральной Азии.
Фонд Сорос – Казахстан
с благодарностью примет отклики и пожелания
по поводу данного издания.

М. Х. Абусеитова, Ж. Б. Абылхожин,
С. Г. Кляшторный, Н. Э. Масанов,
Т. И. Султанов, А. М. Хазанов

ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

АЛМАТЫ
"БІЛІМ"
2001

ББК 63.3 (0)
И 90

И 90 **История Казахстана и Центральной Азии:** Учеб. пособие / Абусеитова М. Х. и др. – Алматы: Білім, 2001. – 620 с.

ISBN 5-7667-2443-8

На территории Центральной Азии и Казахстана на протяжении столетий формировались глубоко интегрированное единое геополитическое пространство, пространственно-временная общность, определившие исторические судьбы народов региона. В течение последнего столетия в основном издавались учебники, в которых единый регион Центральной Азии был искусственно разделен либо по этническому, либо по государственно-политическому признакам. В предлагаемом учебном пособии впервые история Центральной Азии и Казахстана представлена во взаимосвязи, как единый целостный процесс.

Рекомендуется в качестве учебного пособия для студентов вузов, аспирантов, ученых, а также для всех интересующихся историей Центральной Азии и Казахстана.

И $\frac{0503010000-22}{412\ (05)-2001}$ без объявл.

ББК 63.3 (0)

© Абусеитова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М., 2001
© Фонд "Сорос–Казахстан", 2001
© Издательство "Білім", оформление, 2001

ISBN 5-7667-2443-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Центральная Азия и Казахстан, расположенные в глубине Евразии примерно на равном удалении от океанов, представляют собой достаточно однородный в пространственно-географическом отношении регион. Его очертания определяет узел горных систем Памира и Тянь-Шаня на юге и востоке, окруженный с севера и северо-запада безводными пустынями и обширными степными зонами, которые на западе упираются в побережье Каспийского моря. На протяжении тысячелетий в предгорных районах, оазисах и плодородных речных долинах процветали поливное земледелие, города и торговля, а в пустынях и степях жили кочевники. Веками кочевники проникали в оазисы, оседали в земледельческих районах, завоевывали города. Такая система социокультурного и хозяйственно-экономического развития определила специфику центральноазиатской цивилизации.

Вместе с тем общность судеб Центральной Азии и Казахстана, прослеживаемая на протяжении тысячелетий, была обусловлена не только территориальной близостью и взаимовлиянием, но и сходными природно-климатическими условиями и тем, что весь регион периодически подпадал под влияние общих культурно-исторических процессов. Центральная Азия и Казахстан представляли собой обширный внутриконтинентальный плацдарм для миграций номадов с территории Монголии и Джунгарии, которые в течение тысячелетий волнами прокатывались через степи и пустыни региона. За историческое время экспансии кочевников произошла кардинальная трансформация этнической и лингвистической карты всего региона.

Вследствие общности исторических судеб, географических условий и действия общих культурных закономерностей Центральная Азия и Казахстан всегда представляли собой достаточно целостную и своеобразную культурно-историческую "провинцию" на карте Евразии. Причем важную роль играло не только единство этнокультурных процессов, но и отсутствие внутренних границ, что обусловливало постоянные и широкомасштабные контакты внутри региона. Именно поэтому Центральная Азия всегда была самодостаточным и целостным регионом с четко выраженной спецификой культурно-исторических процессов.

На обширном пространстве Центральной Азии сложилась уникальная система взаимодополняющих друг друга "цивилизаций" – оседло-земледельческая с развитыми городами, ремеслами, религией, письменностью, литературой, торговлей и ирригацией, с одной стороны, и номадная – с дисперсной системой расселения – с другой. На протяжении всей истории кочевники поддерживали тесные связи с городами и оседали в них. Это определяло специфику культурно-исторических процессов в оседло-земледельческих регионах, когда города и оазисы были своего рода частью кочевого мира. В свою очередь, степи были не менее важной периферией оазисов, городов и оседлых государств. Тесное взаимодействие и взаимопроник-

новение разных хозяйственно-культурных и цивилизационных комплексов оказывали значительное влияние на процессы генезиса и эволюции государств, народов, этноязыковой ситуации, расогенеза и т. д.

Центральная Азия играла роль связующего моста между Востоком и Западом, теплыми, влажными субтропическими культурами Юга и холодными, дождливыми бореальными культурами Севера. Она была транзитной зоной и для нашествий номадов, и для торговых маршрутов трансконтинентальной значимости. Центральная Азия была "местом встречи" мировых религий: христианства, ислама и буддизма, европеоидной и монголоидной рас, индо-европейских, тюрко-монгольских и финно-угорских языков. С территории Казахстана и Центральной Азии номады совершали завоевательные походы во все стороны света. Этно-культурные процессы в рассматриваемом нами регионе играли чрезвычайно важную роль в общеконтинентальных процессах этногенеза, в формировании языков, многих древних, средневековых и современных народов Евразии. Таким образом, будучи этноконтактной зоной, регион Центральной Азии играл важную роль в судьбах всего Евразийского континента.

Необходимость создания учебника, обобщающего историю всей Центральной Азии, определяется тем, что на протяжении столетий здесь формировалось глубоко интегрированное единое геополитическое пространство, пространственно-временная общность, определившие исторические судьбы народов региона.

Во все исторические эпохи данная этнокультурная область испытывала влияние и воздействие общих и сходных закономерностей всемирно-исторического процесса: в эпоху энеолита и бронзы здесь повсеместно проживали индоарии, в эпоху раннего железа – индоиранцы. На рубеже нашей эры в центральноазиатский регион продвинулись кочевые племена юэчжей, хунну и усуней. В первом и втором тысячелетиях тюркские номады и ислам прочно осваиваются как в степной зоне, так и в городах и оазисах, так же как позднее здесь повсеместно доминировали монголы Чингиз-хана, Тимур и их тюркизированные потомки. В новое время как степи, пустыни, так и оазисы Центральной Азии вошли в состав Российской империи, а позднее СССР. Общность исторических судеб на протяжении трех-четырех тысячелетий, однозначно прослеживаемая в многочисленных исторических источниках и засвидетельствованная разнообразными историческими фактами, является очевидной константой исторического времени Центральной Азии. И не случайно, что тысячелетние корни истории актуализируют сегодня идею евразийства и интеграционные процессы на современном постсоветском пространстве Центральной Азии.

На протяжении последнего столетия издавались в основном учебники, в которых единый регион Центральной Азии был во многом искусственно разделен либо по этническому, либо по государственно-политическому признакам. В настоящее время мы имеем лишь отдельные сегменты в виде "Истории Казахстана" как преимущественно истории казахов, "Истории Узбекистана" как преимущественно истории узбеков, "Истории Киргизии" как преимущественно истории киргизов и т. д., но не имеем истории данной культурно-исторической провинции во всем ее многообразии и общности.

Суверенизация независимых государств Центральной Азии усугубила разрыв единого культурно-исторического пространства, что привело к мистификации и этнизации культурно-исторического наследия, преувеличению самобытности и исключительности вопреки историческим фактам и объективной реальности. Подчас история становится объектом прямых фальсификаций и политических инсинуаций, в то время как она должна способствовать не только формированию научного знания, но и развитию открытого гражданского общества.

ЧАСТЬ 1

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ДРЕВНОСТИ И В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ

Глава 1. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ДРЕВНОСТИ

Географическая среда

Территория и природно-климатические условия. Обширная территория (около 4 млн. км^2), называемая в англоязычных источниках Центральной Азией, включает в себя территории, которые в русскоязычных источниках обозначались как Средняя Азия и Казахстан. Эта территория, располагаясь на стыке различных географических зон, отличается разнообразием геофизических и природно-климатических условий и характеризуется рядом особенных черт и свойств. Из-за внутриконтинентального расположения в глубине материка Евразии между 35–55° с. ш. и 46–87° в. д. на значительном расстоянии как от Тихого и Атлантического, так и от Индийского и Северного Ледовитого океанов, природа региона носит переходный характер между Западной Сибирью и Внутренней Азией, Юго-Восточной Европой и Средним Востоком.

Рельеф. В геофизическом отношении Центральная Азия представляет собой в основном низкогорную равнину с обширными плоскими низменностями, приподнятыми плато и низкогорными массивами, чередующимися по всей территории региона. Высокогорные районы со снежными вершинами занимают его восточную и юго-восточную части. Поверхность территории Центральной Азии имеет общий наклон с юга на север и с востока на запад, понижение происходит постепенно, причем высокогорные и низкогорные участки чередуются с межгорными долинами и обширными равнинами. Такой характер поверхности играет важную роль в формировании климата и размещении природных ландшафтов.

В равниннонизкогорной части значительную территорию занимают Западно-Сибирская, Туранская и Прикаспийская низмен-

ности, которые характеризуются горизонтальными отложениями, небольшими речными долинами и впадинами, чередованием на юге обширных плоских равнин с песчаными массивами. В отличие от Западно-Сибирской Туранская и Прикаспийская низменности плохо обводнены, имеют большие песчаные пространства (Кызылкум, Каракумы и др.), большая часть рек маловодна и теряется в песках. Здесь имеется немало крупных бессточных впадин с глубокими понижениями до 40–90 м ниже уровня моря.

Значительную часть территории Казахстана занимают возвышенности: Устюрт, Тургайское, Предуральское (Эмбинское) плато, Бетпак-Дала, Прибалхашская равнина и часть возвышенности Общий Сырт. На юге подгорные равнины и возвышенные плато, окаймляющие горные системы Тянь-Шаня и Памира, постепенно понижаясь, протягиваются на сотни километров в западном и северо-западном направлении до берегов Каспия и Арала.

Возвышенности представляют собой горизонтально залегающие осадочные отложения, поверхность которых по большей части ровная, с небольшими повышениями. Имеются значительные песчанные массивы. На севере региона Бетпак-Дала, Устюрт, Прибалхашская равнина плохо обводнены, имеют небольшие понижения с солончаками. В отличие от них Тургайское плато сравнительно хорошо орошается ручьями и притоками рек Тобола и Ишима, Предуральское плато – рекой Эмбой и мелкими степными речками, Общий Сырт – многочисленными притоками Урала и т. д.

На южной части территории Средней Азии при переходе от гор к равнинам идет мощная полоса так называемых наклонных равнин, которые окаймляют подножия гор и имеют значительный уклон – до двух-четырех и больше километров в сторону Туранской низменности. Крупнейшими из возвышенностей на юге и юго-западе региона являются кроме плато Устюрт Джанак и Красноводское плато.

Низкогорные районы Центральной Азии, являющиеся основными участками равнинного региона, представлены на территории Казахстана древними, сильно разрушенными горными массивами, к которым относятся Центральноказахстанский мелкосопочник, Мугоджары и Мангыстауские горы. Они представляют собой чередование мелкосопочного рельефа, останцевых гор и выравненных участков, расчлененных долинами рек, котловинами и оврагами. На территории Средней Азии низкогорные районы представлены постепенно спускающимися с горных систем

участками территории, чередующимися низкогорным рельефом и равнинами.

Низкогорные районы, особенно на севере региона, играют важную роль в формировании климатических зон и являются естественным водоразделом между сточными и внутренними замкнутыми бессточными бассейнами, климаторазделом между севером и югом (Центральноказахстанский мелкосопочник) и Западным и Центральным Казахстаном (Мугоджары).

Высокогорные области Центральной Азии на северо-востоке представлены мощными горными системами Алтая, на востоке – Саур-Тарбагатая, Джунгарского и Заилийского Алатау, Кунгей-Алатау, Терскей Алатау и другими западными отрогами Тянь-Шаня, на юго-востоке – горами Алтая и Памира, на юге – Копет-Дага. Некоторые горные хребты Тянь-Шаня и Памира имеют до 5000 м высоты над уровнем моря. Отдельные вершины достигают 7000 м.

Все горные системы имеют сложное орографическое и геологическое строение и отделены друг от друга обширными межгорными равнинами (сырты) и впадинами (Ферганская, Иссык-Кульская, Нарынская, Алайская и др.). Они отличаются сильнорасчлененным рельефом и обрывистыми спусками, множеством рек и озер, горными хребтами со снежными вершинами и многочисленными и сильноразветвленными отрогами, чередующимися с выравненными участками, межгорными котловинами и впадинами.

Природа Центральной Азии отличается большим разнообразием. Высочайшие горы располагаются в непосредственной близости с глубочайшими впадинами, а большие горные ледники – по соседству с самыми жаркими и сухими пустынями.

Реки. Особенности рельефа и атмосферных осадков в сочетании с другими географическими факторами определили гидрографический режим территории Центральной Азии. Основные водные ресурсы относятся к области внутреннего стока и лишь северная часть региона – к сточному бассейну (бассейны рек Иртыша, Ишима, Тобола). Начало многим речным артериям и грунтовым водам дают горные районы (ледники, вечные снега, частые атмосферные осадки), что обеспечивает сравнительно стабильный характер их наполнения. По выходе из гор реки приобретают равнинный характер, условия их питания ухудшаются. Большая часть рек заканчивается в бессточных озерах или теряется в песках.

Реки равнинной части питаются в основном за счет таяния снегов, атмосферных осадков и грунтовых вод. Большинство рав-

нинных рек пересыхает в летний период, образуя небольшие озера, солончаковые поверхности, заболоченные участки, либо уходят под землю, теряются в песках. Это обусловлено тем, что в Центральной Азии наблюдается значительное преобладание величины испарения с водной поверхности над суммой годовых атмосферных осадков. Густота речной сети уменьшается по направлению с севера на юг, в степной зоне она составляет на 1 км^2 40–60 м, в полупустынной – 20–40 м и в пустынной – 2–5 м. Реки Казахстана варьируются также по сезонам основного стока. Весенний сток составляет у всех равнинных рек 86–90, летний – 5–7, осенний – 1–3, зимний – 2–4 %. Отличительными особенностями равнинной части Казахстана являются редкая сеть рек с постоянным круглогодичным стоком воды и большая густота временных потоков. Иной характер носят горные реки (наиболее крупные из них Или, Чу, Талас, Арысь, Каратал, Лепса, Чарын), у которых сток всего паводкового периода (с апреля по сентябрь) составляет в среднем 50–60 %.

На юге региона находится один из самых больших бессточных бассейнов мира, охватывающий территорию более чем 2 млн. км^2. Здесь насчитывается около 12 тыс. рек, крупнейшими из которых являются Амударья (2325 км) с естественным годовым стоком воды в 50–60 км^3 в год, Сырдарья с Нарыном (2670 км) с годовым стоком в 38 км^3, Пяндж (921 км), Заравшан, Чу, Талас, Мургаб, Теджен, Атрек и др. Большинство из них носят характер бурных горных потоков и не имеют большой длины.

Большинство рек, особенно на юге региона, имеет огромное хозяйственное значение и прежде всего для поливного земледелия. Вокруг них располагаются крупнейшие оазисы и оседло-земледельческие центры, крупные города и древнейшие цивилизации, разветвленная сеть ирригационных сооружений и т. д.

Озера. На обширных пространствах Центральной Азии рассеяно несколько тысяч озер. Крупнейшие из них Каспий, Арал, Иссык-Куль, Балхаш и др., одновременно являющиеся и самыми большими озерами в мире. Сильная изменчивость климатических условий и водного баланса обусловливает непостоянство площади и режима озер, их геохимического состава. По мере нарастания засушливости с севера на юг доля бессточных озер и их минерализация увеличиваются. В Казахстане, например, 90 % озер имеют площадь до 1 км^2. Преобладание мелких и небольших озер объясняется наличием слабовыраженных отрицательных форм рельефа, поскольку большая часть этих озер размещена в лесостепной и степной зонах Казахстана, в поймах крупных рек и в дель-

товых участках бессточных рек. Основными источниками питания озер являются поверхностные и грунтовые воды, талые снега и атмосферные осадки. Вследствие этого большинство озер – пресные и слегка солоноватые. Неравномерность водного баланса ведет к пересыханию значительной части озер летом и осенью, а также в многолетние маловодные периоды. В отличие от рек хозяйственное значение озер Центральной Азии не очень велико. Для целей земледелия использовались ресурсы лишь тех небольших пресных озер, воды которых в паводковый период заливали прибрежные участки суши.

Климат. Географическое положение Центральной Азии определило особенности и характер природно-климатических условий, являющихся результатом взаимодействия подстилающей поверхности, солнечной радиации и атмосферной циркуляции. Продолжительность солнечного сияния на территории региона составляет в среднем от 2000 до 3000 и более часов в год. Поскольку величина притока солнечной радиации изменяется по направлению с севера на юг, а также по сезонам года, то закономерным итогом этого является интенсивный перегрев поверхности земли в летний период, когда величина суммарной радиации на юге более чем в четыре раза превосходит сумму радиации зимних месяцев.

Следствием внутриконтинентального положения Центральной Азии является резко континентальный климат на большей части ее территории, характеризующийся значительными суточными, сезонными и годовыми колебаниями температуры воздуха. Континентальность климата, например, на территории Казахстана увеличивается в направлении с запада на восток. Климат некоторых межгорных котловин, наоборот, представляет собой сухие субтропики, где безморозный период достигает 277 дней в году.

Наибольшая континентальность имеет место на северо-востоке Казахстана, где разность средних температур января и июля достигает 41 °С. С продвижением к югу на большей части равнинной территории годовые амплитуды колебаний средних месячных температур равны 37–39°, за исключением крайней южной части, где они уменьшаются до 30–35°. Весьма велики и суточные колебания температуры воздуха, которые в летний период, например, в Казахстане составляют в среднем 12–16° (25–40 % всех дней) и нередко достигают 25–30°, а в зимний – от 4 до 12° (50–70 % всех дней), иногда достигая 16–20°. Наибольшие среднесуточные амплитуды колебаний воздуха наблюдаются на севе-

ре Казахстана в июне и июле (13–15°), а на юге – в августе и сентябре (18–20°). Даже в оазисах после высоких дневных температур сильно ощущается спад температуры в ночное время. Так, в пустынях, примыкающих к Байрам-Али, суточные амплитуды более 20 градусов составляют в июле около 25 %.

Другой особенностью климата Центральной Азии, обусловленной удаленностью от океанических источников влаги, является резко выраженная аридность (засушливость), наиболее отчетливо проявляющаяся в равнинной его части, которая наименее обеспечена атмосферными осадками. Относительное увлажнение, например, на севере Казахстана, составляет 50–30 % и, уменьшаясь по направлению к югу, не превышает в пустынной зоне 5 %. На юге региона на территории пустынь, примыкающих к Каспию и Аралу, количество атмосферных осадков составляет в среднем 100 мм в год, а в междуречье нижних течений Амударьи и Сырдарьи и частично в левобережье Амударьи не превышает 75 мм в год. В горных регионах юго-востока Центральной Азии число атмосферных осадков превышает 400–500 мм в год и на высотах более 1000 м может составлять 1000 мм. В предгорных и низкогорных районах Тянь-Шаня и Памира осадки не превышают 300–400 мм.

В лесостепной зоне, расположенной севернее 54° с. ш. и охватывающей около 7 % территории Казахстана, в среднем в год выпадает от 250 до 350–400 мм осадков. В степной зоне, расположенной севернее 50° с. ш. и составляющей более 20 % его территории, их количество снижается до 200–300 мм. В полупустынной зоне, расположенной севернее 48° с. ш.. и составляющей более 20 % его территории, годовое количество атмосферных осадков колеблется в диапазоне 160–220 мм. В зоне пустынь (южнее 47–48° с. ш.), занимающих более 40 % территории Казахстана, количество осадков уменьшается до 180–80 мм в год. Недостаточность увлажнения усугубляется тем, что повсеместно, за исключением высокогорья, годовая величина испаряемости вследствие большой солнечной радиации значительно превышает годовое количество осадков: в лесостепной зоне в 2–3 раза, степной – в 3–7, полупустынной – в 7–20, пустынной – в 10–12 (а в летний период – в 20–70 раз).

В предгорьях и горах Казахстана в отличие от равнинной части в среднем в год выпадает более 400 мм атмосферных осадков, достигая вблизи области современного оледенения – 700–800 мм.

Климат северной части Центральной Азии – Казахстана характеризуется также неравномерным сезонным распределе-

нием атмосферных осадков. Зимой на равнинной части выпадает 50–100 мм (20–30 % годовой нормы), к предгорьям и в горах их количество возрастает до 500 мм. Из-за этого почва часто, особенно в степной зоне, бывает оголена и промерзает на большую глубину, в Центральном Казахстане – до 200–250 мм. Большая же часть осадков выпадает в летний период: в лесостепи и степи до 275 мм (60–80 % годовой нормы), в пустыне – менее 50 мм (35–40 %), в предгорной зоне и горах – до 600–700 мм. На юге региона в Средней Азии осадки выпадают преимущественно в холодное время года.

Вследствие неравномерного выпадения атмосферных осадков на всей территории Центральной Азии уже в весенний период наблюдается умеренно засушливая погода, а в мае – даже суховейно-засушливая. Когда осадков бывает особенно мало, происходит сильное иссушение почвы. Почвенный покров из-за неравномерного распределения осадков, промерзания почвы, действия талых вод, сильного иссушения, пыльных бурь, суховеев и обильных летних осадков подвержен эрозии.

На территории Центральной Азии широко распространены явления атмосферной засухи, представляющей собой жаркую и резкозасушливую погоду. Засуха формируется радиационными процессами трансформации воздушных масс и характеризуется высокой испаряемостью, отсутствием осадков фронтального происхождения, незначительной облачностью и повышенной солнечной радиацией. Примерно в 50–70 % случаев продолжительность засухи достигает, например, в Казахстане, 3–5 дней, в 25–30 % случаев – 6–10 дней и в 5–12 % случаев – 11–15 дней.

В среднем на севере Казахстана в течение теплого полугодия (апрель – октябрь) бывает 8–10 случаев засухи различной продолжительности. К югу среднее число засух возрастает до 12–15. В отдельные годы оно колеблется от 2–10 (минимум) до 17–20 (максимум). В среднем число дней с засухой в теплое полугодие колеблется преимущественно в пределах 8–11 в месяц. В отдельные годы это число может возрастать до 17–29. Месяцев без засухи не бывает. На юге региона в пустынях Кызылкум и Каракумы число суховейных дней достигает 100 и более дней в теплый период года. В Ташкентском оазисе число суховейных дней доходит до 100 в теплый период года.

Среднее число дней с засухой в лесостепной зоне составляет 37, в отдельные годы превышает 100, в степной – в среднем 69 и больше. В полупустынной зоне число дней с засухой в отдельные годы достигает 20–25 в один летний месяц. Результатом засухи являются обмеление бессточных озер, водоемов и болот, пони-

жение уровня и водоносности рек, их пересыхание и понижение уровня грунтовых вод, иссушение почвы, что обусловливает угнетенное состояние и усыхание пастбищной растительности, лесные и степные пожары и т. п.

Разнообразие орографических и природно-климатических условий определяет многообразие ландшафтов при сохранении хорошо выраженных горизонтальных и вертикальных географических зон. Широтная зональность в Центральной Азии проявляется не только в увлажненности, термическом режиме, но и в продолжительности летнего и зимнего сезонов года, условным показателем которых являются устойчивые переходы средней суточной температуры воздуха соответственно через 15 и 0 °С.

Наиболее длительная зима (6 месяцев) и самое короткое лето (3 месяца) на севере Казахстана, самая короткая зима (менее 60 дней) и продолжительное лето (около 6 месяцев) – на крайнем юге в пустынной зоне Казахстана. В Центральном Казахстане зимний и летний сезоны по продолжительности примерно равны. Весна и осень повсеместно отличаются небольшой продолжительностью и характеризуются быстрым повышением температуры весной и менее интенсивным спадом осенью. Весенний период на всей территории Казахстана длится менее 50 дней, за исключением юга и предгорий юго-востока (2 месяца). Осень не превышает 2 месяцев на всей территории за исключением Центрального Казахстана и Прииртышья (менее 50 дней). На юге региона в Средней Азии число летних дней может доходит до 200, а температуры от 5 до 15 °С – до 300–350 дней.

Ландшафты. Геофизические и природно-климатические условия определяют многообразие ландшафтов на территории Центральной Азии. В Казахстане они группируются в четыре природно-ландшафтные зоны. Из-за особенностей рельефа широтная зональность в расположении ландшафтов не везде выражена одинаково равномерно. В северной части, в основном на плоских равнинных участках, располагается **лесостепная ландшафтная зона**, характеризующаяся суровым и резко континентальным климатом, максимальной средней мощностью снежного покрова 30–50 см и продолжительностью его залегания 150–160 дней. Период активной вегетации растительности с температурой выше 10 °С составляет 120–130 дней. Это зона явно выраженного преобладания летних осадков (до 60 % годовой нормы). Амплитуда колебаний среднесуточной температуры января и июля составляет 38–40°. Поверхностный сток невелик, преобладает вертикальный дренаж почвы. В лесостепной зоне почвы в основном черноземные

почвы, толщина гумусного слоя достигает порой 75 см. Растительность состоит из злаков и разнотравья.

Значительную часть территории Казахстана занимает **зона степей**, протянувшаяся на 2200 км от северной части Прикаспийской низменности до Алтая. В степной зоне преобладает равнинный рельеф и сухой, резко континентальный климат. Большая часть атмосферных осадков (около 50 % годовой нормы) приходится на летний период. Максимальная средняя мощность снежного покрова составляет 30–40 см, а длительность – 140–160 дней. Вследствие неравномерности его распределения и зимних оттепелей (в 50 % всех зим наблюдаются оттепели с повышением температуры воздуха до 0°) при последующем резком похолодании почва промерзает на 150–220 мм, наступает продолжительный гололед. Среднегодовая амплитуда колебаний температуры воздуха составляет 37–43°. Число дней в году с температурой выше 10 °С равно 135–160.

Степная зона отличается развитием ветровой эрозии, наиболее проявляющейся в конце весны. Общее число дней с пыльными бурями в теплое время колеблется от 20 до 80. Степная зона характеризуется большей засушливостью и континентальностью климата по сравнению с лесостепной. Если в последней число дней с осадками составляет в среднем в год 100–145, то в степной – 100–130, а число дней с гололедом – соответственно 5,3 и 6,2–8,7 в год. Причем в отдельные годы продолжительность гололеда может достигать в степной зоне 25 и более дней. Почвы степной зоны черноземные с толщиной гумусного слоя от 25–30 до 60–70 см и каштановые – с гумусным слоем от 15 до 30 см, в меньшей степени – карбонатные, солончаковые и др. Растительность – разнотравная с преобладанием дерновинных злаков.

Полупустынная зона отличается резко континентальным, засушливым климатом, жарким летом и суровой зимой. Среднегодовая амплитуда колебаний температуры воздуха составляет 37–41°. Максимальная средняя мощность снежного покрова не превышает 20–30 см, а на востоке 40–60 см, длительность его залегания 80–180 дней. Продолжительность периода с температурой воздуха выше 10° – 150–180 дней. Зимой выпадает 40 % годовой суммы осадков. Продолжительность сухих периодов без атмосферных осадков изменяется в летний период в диапазоне 41–65 дней. Число дней с осадками в течение года от 80 до 100. Основные почвы зоны светло-каштановые, имеются солонцы и т. п. Толщина плодородного слоя незначительна, широко распространены степные злаки, пустынные и полупустынные растения (эфемеры, полыни и т. п.).

Большую часть равнинного Казахстана занимает **пустынная зона**, характеризующаяся продолжительным жарким летом, очень холодной для данных широт зимой, малым количеством осадков, засушливостью, значительными суточными, сезонными и годовыми колебаниями температуры воздуха и почвы, отсутствием поверхностного стока, накоплением в верхних горизонтах почвы солей, большими песчаными массивами и т. д.

Максимальная средняя мощность снежного покрова в пустынной зоне составляет от 20 до 1 см, длительность его залегания – от 35 дней на юге до 120 на севере зоны и в предгорных районах. Среднегодовая амплитуда колебаний температуры воздуха составляет 30–41 °С. Продолжительность периода с температурой свыше 10 °С – 150–215 дней. Число дней с осадками в течение года составляет 50–70. На долю зимних осадков приходится 30–65 % годовой суммы. Суточные колебания температуры воздуха в среднем составляют 18–20 °С, а нередко и 25–32 °С. Среднее число дней с гололедом в течение года наибольшее на всей территории Казахстана – 9,7.

В результате устойчивых и сильных похолоданий после оттепелей и переохлажденных дождей повсеместно в Казахстане наблюдаются гололедные явления, повторяемость которых резко возрастает по направлению к горам и с севера на юг. Гололед является причиной джута – гибели скота из-за бескормицы, когда поверх снежного покрова или почвы образуется ледяная корка, которая не позволяет скоту потреблять сохранившийся под снегом травостой. Другим фактором, вызывающим джуты, являются сильные снегопады и метели. Средняя продолжительность метелей в течение года составляет 300–450 ч. в Северном и Центральным Казахстане и 1–5 ч. в Южном.

На юге региона в равнинной части явно преобладают пустыни, которые дифференцируются на пустыни с холодными зимами и пустыни с теплыми. Количество атмосферных осадков здесь не превышает 100 мм в год, а количество безморозных дней доходит до 200 дней в год. Суховейно-засушливые дни могут превышать 100 дней в теплый период года. В предгорных и горных районах по мере повышения высоты над уровнем моря растет количество атмосферных осадков, а пустынные ландшафты постепенно сменяются степными и альпийскими лугами.

Растительный покров. Следствием засушливости, неравномерности сезонного распределения атмосферных осадков, бедности почвенных ресурсов, слабой обводненности, атмосферной засухи, промерзания почвы, сильных ветров, солнечной радиации,

наличия огромных песчанных массивов является крайне низкая кормовая продуктивность растительного покрова. По мере аридизации природно-климатических условий и увеличения сухости воздуха производительность травостоя уменьшается с севера на юг и составляет в пустынной зоне 0,5—3,5 ц/га, в полупустынной — 2—3,5 ц, в степной и лесостепной — 3,5—12 ц/га. В горной и предгорной полосе продуктивность растительного покрова увеличивается: до 2,5—5 ц/га в зоне пустынных предгорий, до 3—17 в степных предгорьях и до 8—25 в горных и высокогорных районах Казахстана.

В видовом отношении в Казахстане, так же как во всей Центральной Азии, преобладают мезофиты (до 50 % всего растительного покрова), ксеромезофиты и мезоксерофиты (до 30 %) и ксерофиты (10 %). В пустынной зоне преобладают ксерофиты, псаммофиты и галофиты, приспособленные к жизни в условиях минимального водообеспечения. В степной зоне наиболее распространены ксерофиты и мезофиты. В горах иная структура растительного покрова. Данная видовая структура оказывала немаловажное воздействие на скотоводческое хозяйство кочевого и полукочевого населения Центральной Азии. В оазисах доминируют культурные растения.

Для растительного покрова Центральной Азии характерны сезонная продуктивность, обусловленная различиями в продолжительности вегетационного периода, зональность и т. п. Например, развитие эфемеров и эфемероидов определяется увлажнением в зимний и ранневесенний периоды, в результате чего они достигают 100 %-ной продуктивности весной и 50—60 %-ной летом. Полынные же формы растительности достигают максимума продуктивности лишь к середине осени и наиболее поедаемых для скота после осенних заморозков, когда улетучиваются их эфирные масла. Солянки идут в корм скоту только в осенне-зимний сезон, в то время как растительность песков пригодна для выпаса в течение всего года, но ее использование в основном приходится на тот период, когда другие пастбища бескормны. Весна является временем наивысшей урожайности большинства злаковых травостоев, которые потребляются преимущественно в летний период. Осенью наступает время поедания полыней и большинства солянковых, а в степной зоне — злаков осенней вегетации. Зимой возрастает относительная поедаемость солянковой и полынной растительности, а также тростниковых зарослей.

Наряду с этим для растительного покрова характерны весьма значительные колебания урожайности, в частности в полупусты-

нях в пределах 1:5,4 на песчаных пастбищах и 1:40 для разнотравья, в пустынях на песчаных пастбищах в пределах 1:5 и для однолетнего разнотравья 1:60. Такие значительные колебания продуктивности растительного покрова нередко влекут за собой гибельные последствия для скотоводческого хозяйства.

Таким образом, природно-климатические условия Центральной Азии характеризуются повышенной величиной солнечной радиации, засушливостью и резко выраженной аридностью, континентальностью, посезонной дифференциацией климата, его многолетней изменчивостью, бедностью водных и почвенных ресурсов, дефицитом атмосферных осадков, что, в свою очередь, обусловливает крайне скудный растительный покров, резкие колебания его урожайности, посезонно-зональные особенности вегетации, разреженность и низкую кормовую продуктивность пастбищного травостоя. Вследствие этого данная зона представляет собой очень хрупкую экосистему, обладающую повышенной чувствительностью к внешним воздействиям и хозяйственной деятельности человека.

В результате освоения человеком аридной зоны Евразии была выработана особая стратегия природопользования и хозяйственно-культурной адаптации – кочевое скотоводческое хозяйство в степных и пустынных региона и поливное оседло-земледельческое хозяйство в речных долинах и оазисах, предгорных и низкогорных районах.

Кочевое скотоводство на протяжении почти трех тысячелетий оставалось главной формой жизнедеятельности и способом существования населения на территории степной и пустынной зон Центральной Азии. Земледелие здесь всегда играло вспомогательную и второстепенную роль. Но в речных долинах и оазисах издревле развивалось поливное земледельческое хозяйство с широко разветвленной сетью ирригационных сооружений. В этих районах были развиты города и городской образ жизни, развивались письменность и культура. Эти города и оазисы были важными связующими пунктами на пути трансконтинентальных торговых маршрутов (Великий Шелковый путь и др.). Именно здесь возникали древнейшие государства Евразии.

Хозяйственно-культурная эволюция

Мир первых кочевников и первых земледельцев. Древняя история Великой Степи – это прежде всего история скотоводческих племен, освоивших степи в III–II тыс. до н. э. Созданный здесь

тип скотоводческого и скотоводческо-земледельческого хозяйства, как и тип сопутствующей такому хозяйству культуры, никогда не знал полного разрыва с традицией предшествующих эпох, хотя под воздействием достижений в материальной культуре (например, возникновение бронзолитейного, а позднее железоделательного производства) или изменения природных условий (большая или меньшая увлажненность климата) повседневная жизнь незаметно менялась. Процесс изменений в хозяйстве неизбежно завершался изменениями в формах быта, а затем и в общественном устройстве населения степей, в его идеологии и культуре.

Эпоха боевых колесниц. Небольшие племена охотников и рыболовов, обитавшие на кратковременных стоянках в речных долинах и вблизи многочисленных озер, лишь во второй половине III — начале II тыс. до н. э. начали наряду с каменными орудиями использовать металл, занимаясь примитивным земледелием и разведением скота. Рядом с местными неолитическими племенами селились пришедшие с Запада, из-за Волги, племена скотоводов, принадлежавшие по языку к той общности, которую в XIX в. назвали индоевропейской. Речь идет о переселении в Заволжье лишь малой части индоевропейцев, тех из них, которых археологи именуют племенами *ямной* культуры.

В индоевропейскую общность сегодня входят славянские, германские, романские и иранские языки, а также языки Северной Индии и некоторые другие. В целом эта языковая семья сформировалась примерно к V тыс. до н. э. между Дунаем, Рейном и Волгой, и только в III тыс. до н. э., в процессе распада и расселения, началось ее распространение южнее и восточнее прародины.

В III тыс. до н. э., с развитием скотоводства и заимствованием из стран древневосточной цивилизации колесной повозки (через Кавказ и Подунавье), началась восточная миграция индоевропейцев. Причиной переселения было то, что в сравнении со скотоводством занятие земледелием в степи стало малопродуктивным. Быстро разраставшееся стадо и демографический взрыв, обусловленный хозяйственными успехами, требовали новых пастбищных территорий. Редко заселенные, обильные водными источниками ковыльные и полынно-типчаковые степи к востоку от Волги стали желанным объектом хозяйственного освоения племенами, накопившими огромные стада быков, лошадей и овец. Ведь на одном квадратном километре разнотравной степи выпасается до семи голов лошадей или крупного рогатого скота.

Несколько волн миграции индоевропейских племен, в особенности носителей ямной культуры, постепенно проникли так

далеко на восток, что связанные с ними археологические памятники или родственные археологические культуры обнаруживаются не только в Казахстане (район современной Караганды), но даже на Енисее и в Западной Монголии (афанасьевская культура). Наиболее крупные подвижки на восток племенных групп из Поволжья и Причерноморья произошли в 1800–1600 гг. до н. э., когда в степи сложились две новые археологические общности: западная, сформировавшаяся между Днепром и Волгой, получила название *срубной* культуры (по способу погребения в срубах); восточная, относящаяся к степной зоне Казахстана и Южной Сибири, по месту выявления (на Енисее) стала именоваться *андроновской* культурой. Возможной предпосылкой смены культурных комплексов стало тогда освоение бронзового литья, резко улучшившее качество орудий и оружия, и появление конской упряжи, приведшее наряду с трансформацией древней повозки к созданию легкой боевой колесницы и нового бронзового оружия (втульчатые копья, секиры, металлические наконечники стрел), что дало огромное военное преимущество.

Обе степные общности раннего бронзового века были предельно близки и по типу хозяйствования, и по социальному развитию, и по культуре. Лишь ассимиляция каждой из групп предшествующего населения и постепенные утраты первоначальной близости обусловливали нарождающееся различие. Именно носители андроновской культуры, а в прикаспийских районах – "срубники", стали основным населением азиатского ареала (до Енисея) степей в эпоху бронзы.

Изучение памятников андроновской культуры в Казахстане и на Южном Урале, основных очагов ее распространения было особенно интенсивным последние сорок лет. За это время выявлено около 150 поселений андроновцев и много могильников. Оказалось, что зона андроновской культурной общности простирается не только в Западной Сибири и долине верхнего Енисея, но достигает Центрального Тянь-Шаня, Южного Таджикистана, Афганистана, а некоторые андроновские элементы явно прослеживаются и в Северном Пакистане (долина Свата). Тем не менее коренной территорией андроновцев остаются Казахстан и прилегающие районы Урала. Именно здесь были обнаружены древнейшие памятники этой культуры.

Андроновская культура существовала около восьми-девяти веков, и в ее развитии выделяются три этапа: ранний (XVII–XVI вв. до н. э.), развитой (XV–XIII вв. до н. э.) и поздний (XII–IX вв. до н. э.). За многие века жизнь андроновских племен существенно

изменилась. О внешнем облике андроновцев В. П. Алексеев писал: "**Андроновцы, конечно, европеоиды,** и характерные черты у них доведены до полного выражения, в какой-то мере, может быть, даже, на наш современный взгляд, до утрировки – ведь кажутся нам резкими черты лица кавказцев, а все за счет того же очень полного и четкого выражения классического европеоидного типа. Андроновцы были очень носаты, а лица их, почти без скул, с широко открытыми глазами, возможно, напоминали лица кавказцев. Но они были еще более широколицы, чем афанасьевцы, а на лбу, над глазами вздувалось еще более мощное и сильное надбровье. Грубого облика, но красивые люди, мощного телосложения, мужественного вида..."

Андроновцы жили в оседлых поселениях по берегам небольших речек. В каждом таком поселке, окруженном глубоким рвом и валом с установленным на нем частоколом, было 10–20 больших полуземлянок, площадь которых варьировалась от 25–100 м^2 в ранний период до 150 м^2 в позднейшее время; встречаются и жилища в 200–300 м^2. Заглубленный на 1–1,5 м деревянный сруб перекрывался двускатной или пирамидальной крышей с отверстиями – дымоходами и световыми люками. Крыша поддерживалась несколькими столбами. **В каждом доме жила большая семья (30–50 чел.)**, а поселок с прилегающими пахотными землями, пастбищами и кладбищем принадлежал одному роду. Иногда род рассредоточивался по малым речкам и ручьям, а в соседних долинах были разбросаны поселки, принадлежавшие к тому же племени. Эта одноплеменная группа поселений создавала, по терминологии археологов, локальный вариант культуры. Территории таких групп были отделены друг от друга большим незаселенным пространством. Поймы речек, где земля была влажная и мягкая, тщательно обрабатывались мотыгами, а выращенный урожай зерновых жали бронзовыми серпами. В жилищах андроновцев часто находят каменные зернотерки. Судя по наскальным изображениям (петроглифам) бронзового века, андроновцам была известна и плужная упряжка, влекомая быками.

Но **главным источником средств существования для андроновцев всегда было скотоводство.** Судя по следам на стенках горшков, обнаруженных в могилах, их основной пищей были молочные продукты. В кухонных отбросах андроновских поселений во множестве содержатся кости быков, коней и овец. По подсчетам палеозоологов, мясная пища андроновцев на 60–70 % состояла из говядины и только на 10 % из баранины. Конина составляла в мясном рационе 20–30 %. В жилищах существовала отгорожен-

ная половина для зимнего стойлового содержания животных, скорее всего молодняка, иногда к дому примыкала постройка-хлев.

Наиболее ценимой частью андроновского стада были табуны лошадей. По костным остаткам удалось установить, что лошади были трех пород: малорослые, выносливые, с крупной головой "монгольского типа" (высота в холке 128–136 см); высокие – 136–152 см; высокопородные – высотой 152–160 см с тонкими ногами, маленькой головой на длинной изогнутой шее и подобранным крупом. Лошади элитной породы предназначались для колесничной упряжки и составляли славу их хозяев. Именно они были предками современных ахалтекинцев.

Оседлость андроновского хозяйства имела свои выгоды и недостатки. Скот ежевечерне возвращался с ближних пастбищ в поселок. Такой режим обеспечивал сравнительную безопасность стада и регулярный молочный рацион, но поголовье стада ограничивалось площадью прилегавших пастбищ. Кроме того, пастбища сравнительно быстро истощались и вытаптывались, что побуждало жителей поселка покидать насиженные места и каждые 20–25 лет переселяться на новые земли. Пока существовала угроза частых нападений, другого способа выпасать скот не было. Но после XV в. до н. э., во время расцвета андроновской культуры, **появились неукрепленные поселения.** Видимо, опасность угона животных и разграбления поселков уменьшилась, межплеменные войны стали происходить реже. **Тогда и возникла новая форма скотоводства – отгонная.** Пастухи весной угоняли часть стада на дальние пастбища или горные луга, перекочевывали вместе со скотом и лишь осенью возвращались в поселок. На дальних пастбищах они строили из жердей легкие каркасные жилища, со стенами из плетенки или циновок – своего рода предшественники юрт. Находки на таких стоянках крайне скудны – кострища, черепки разбитых горшков с характерным андроновским орнаментом, дротик или стрела. Вблизи нередко имеются выкопанные пастухами неглубокие колодцы, а на горных перевалах – выбитые ими петроглифы.

Именно отгонное скотоводство стало опосредствующим звеном в переходе к более продуктивному способу освоению степных и пустынных пастбищ – кочевому хозяйству. Важной предпосылкой к таким изменениям образа жизни был состав стада, в котором особенно многочисленны стали лошади и овцы, более других приспособленные к тебеневке (добыванию корма из под снега) и дальним передвижениям. Соответственно доля крупного

рогатого скота в стаде уменьшилась, а лошадей увеличивалась. В поздний период существования андроновской культуры (XII–IX вв. до н. э.) в Северном и Центральном Казахстане доля лошадей в стаде увеличилась с 14 до 36 %. Андроновская культура становится по преимуществу культурой коневодов.

Закрепляется и другое новшество. По мере роста подвижности хозяйства возросло поголовье двугорбых верблюдов – бактрианов. Их кости обнаружены на самых ранних стоянках андроновцев, а в поздний период устанавливается культ верблюда. Найдены его глиняные статуэтки и изображения на скалах. Появляются приспособленные к дальним перекочевкам войлочные кибитки, устанавливаемые на четырехколесных телегах; фрагменты их глиняных моделей находят при раскопках андроновских поселений, кибитки на колесах изображены на скалах среди других петроглифов.

В позднеандроновский период полностью завершился процесс формирования скотоводческого хозяйства совершенно иного типа, чем тот, который был свойствен раннему этапу истории андроновских племен. Началась эра скотоводов-кочевников.

Погребальные памятники андроновцев дают представление и о разделении общества на социальные слои (группы), идеологии, о некоторых религиозных представлениях создателей андроновской культуры. **У андроновцев было два погребальных обряда: трупоположение**, т. е. захоронение в могильной яме с курганной насыпью, и **трупосожжение**. Наличие двух традиций говорит не только о существовании локальных культур у разных племенных групп андроновцев, но и о возможных этнических различиях или присутствии весьма близких по культуре и идентичных по образу жизни этнических традиций, характерных для разных по происхождению групп населения. Другой особенностью погребального обряда, характеризующей социальную неоднородность общества, является градация захоронений по размерам и богатству. Если жилища андроновцев свидетельствуют о жизни в составе большесемейной общины, то разделение погребений на рядовые и богатые говорит о том, что в андроновских родах и племенах не было равенства их членов.

Инвентарь обычной могилы, т. е. совокупность предметов, сопровождавших покойного в иной мир, состоял обычно из нескольких глиняных горшков с пищей, скромных украшений, иногда орудий (ножи, тесла, каменные стрелы) и частей туши жертвенного животного. В богатых погребениях могильная яма отличалась большими размерами, грандиозностью курганной насыпи,

каменной оградой вокруг нее и в особенности инвентарем. Так, в пяти погребениях могильника Синташта I (Южный Урал) найдены боевые двухколесные колесницы с десятью спицами в колесе, конские скелеты (от двух до семи), предметы конской упряжи. В таких захоронениях обильно представлено оружие: втульчатые бронзовые копья, луки со стрелами, бронзовые топоры-секиры, каменные и бронзовые булавы, кинжалы. Среди украшений – медные браслеты и кольца, покрытые золотом височные кольца, нагрудные уборы из серебряных пластин.

Следовательно, в родах и племенах андроновцев наряду с рядовыми общинниками – пастухами и хлебопашцами – существовала военная аристократия. Основу этого привилегированного слоя составляли воины-колесничие, добывавшие богатство и славу в набегах и на войне, в защите своего рода и племени, в угоне скота у других племен. Жизнь андроновцев была не всегда мирной и безмятежной, так же, как и между племенами.

Колесница у андроновцев была не только орудием войны, но и предметом особого культа, почитания. В жилищах и погребениях нередки находки глиняных моделей колес со спицами или бронзовых блях, имитирующих колесо. Изображения колеса со спицами или колесниц с конной упряжкой часты не только среди петроглифов Тянь-Шаня, но и на глиняных сосудах. Конь был главным жертвенным животным. Жертвы приносились как на похоронах, так и в почитаемых местах, в родовых и племенных святилищах. Такие капища часто располагаются высоко в горах, в труднодоступных местах, где скальные плоскости обильно украшены выбитыми на камне изображениями животных, людей, колесничих и землепашцев, странных существ с головой – солнечным диском и другими сюжетами. Свидетельством другого объекта поклонения – священного огня – являются прямоугольные культовые очаги с чистым зольным слоем, обнаруженные в андроновских жилищах.

Дополнить картину жизни андроновских племен могли бы письменные источники, но очаги письменности тех времен были далеки от урало-казахстанских и южносибирских степей – в городских цивилизациях Ближнего Востока, в долине Хуанхэ, может быть, в долине Инда.

Страна ариев. Три тысячи лет назад в стране *Арианам Вайджа*, что значит "Простор ариев", жрец Заратуштра провозгласил веру в единственного, несотворимого и вечного бога, творца всех прочих божеств (*ахур*) и всего благого – *Ахура Мазду*, "Господа Мудрость". Целью всех уверовавших стали "благая мысль", "бла-

гое слово" и "благое дело" – триада, которая в конце времен должна сокрушить *Анхра Манью*, "Злого духа", несведущего в истине и зловредного предводителя демонов-дэвов (даэва).

Суть проповеди Заратуштры в сравнении с прежними верованиями так изложена немецким иранистом Г. Хумбахом: "Заратуштра воспринял веру в ахур от своих предшественников. Очевидно, он видоизменил эти верования, а возможно, даже создал имя Ахура Мазда и предложил считать ахур воплощением качеств Ахура Мазды. Но такими теологическими вопросами вряд ли удалось бы вовлечь целый народ в религиозное движение. Привилегированное положение, созданное для Арты ("Истина", "Праведный путь"), прославлявшейся и противниками пророка, не было новшеством, равно как и почитание коровы, которое уже Заратуштра приписывал Фрияне, мифическому предку кави Виштапсы. Возможно, что даже дуализм (т. е. вера в два начала) в основных своих чертах был разработан предшественниками Заратуштры. Эта отличная от прежних идея, которой Заратуштра затмил всех поклонявшихся корове магов и брахманов и которая сделала его одним из величайших религиозных реформаторов, заключалась в представлении о вплотную приблизившемся начале последнего этапа существования мира, когда Добро и Зло будут отделены друг от друга. Это представление дал человечеству Заратуштра. Он учил, что каждый индивидуум может участвовать в уничтожении Зла и в установлении царства Добра, перед которым одинаково равны все преданные пастушеской жизни, и таким образом восстановить на земле рай с молочными реками".

Заратуштра, арий из рода Спитамы, сын Поурушаспы (Серолошадного), не владел богатством. Его имя значило "Обладающий старым верблюдом" (по другой интерпретации – "Тот, кто погоняет верблюдов"). Его авторитет в своей стране был невелик, он сумел убедить в истинности своего учения лишь двоюродного брата. В соседних землях также не воспринимали Заратуштру как пророка. Его учение много лет отвергали, и о причинах долгого неприятия зороастризма (из позднейшей греческой переделки имени пророка – Зороастр) яснее других написала виднейшая современная исследовательница этой религии Мэри Бойс: "Хотя учение Зороастра – развитие старой веры в Ахуру, оно содержит много такого, что раздражало и тревожило его соплеменников. Предоставляя надежды на достижение рая всякому, кто последует за ним и будет стремиться к праведному, Зороастр порывал со старой аристократической и жреческой традицией, от-

водившей всем незнатным людям после смерти подземное царство. Более того, он не только распространил надежду в спасение на небесах среди бедняков, но и пригрозил адом и в конечном счете уничтожением сильным мира сего, если они будут поступать неправедно. Его учение о загробной жизни, казалось, задумано так, чтобы вдвойне рассердить привилегированных. Что касается его отрицания демонов-даэва, то оно могло показаться опрометчивым и опасным как богатым, так и бедным, потому что навлекало гнев этих божественных существ на все общество. Далее, величественные представления об одном Творце, о разделении добра и зла и грандиозной мировой борьбе, требующей постоянных нравственных усилий, было трудно постичь, а будучи понятыми, эти представления оказались слишком вызывающими для обычных беспечных политеистов.

После долгих скитаний Заратуштра нашел прибежище вдали от родных мест, у одного из кави (царей-жрецов) "арийской страны", Виштапсы. Жена царя, Хутаоса, восприняла новую веру, а когда правители соседних стран, недовольные успехами Заратуштры при дворе Виштапсы, заключили против него союз, царица побудила мужа к войне против соседей. Виштаспа оказался победителем, а учение Заратуштры утвердилось в стране. Но старое жреческое сословие не простило Заратуштру – по легенде, он был заколот жрецом во время молитвы".

Священное писание зороастризма получило название Авеста ("Наставление" или "Восхваление"). В этом своде эсхатологических и литургических текстов самому Заратуштре приписываются только *Гаты*, "Песнопения". В течение многих веков жрецы – последователи Заратуштры заучивали и изустно передавали из поколения в поколение священные тексты. Учение, созданное в стойбищах арийских пастушеских племен и перенявшее их поверия и мифы, не знало поначалу ни храмов, ни культовых сооружений. Арии молились и приносили жертвы на вершинах холмов и гор, у домашнего очага, на берегах рек и озер. Лишь через полтора тысячелетия, в Иране, при династии Сасанидов, зороастризм, ставший государственной религией, был зафиксирован специально изобретенным письмом. Письменная Авеста составила 21 книгу из разнородных и разновременных частей, лишь некоторые из которых восходят ко времени Заратуштры или к еще более древним временам. К наиболее древним "дозаратуштровским" разделам Авесты принадлежат *Яшты* ("Гимны"), сохранившие, несмотря на все позднейшие переделки и сокращения, бесценные крупицы прошлого знания и знания о прошлом,

повествования и мифы минувших веков, безмерно далеких от дней Заратуштры.

Впрочем, время жизни Заратуштры нельзя считать установленным. Мэри Бойс указывает на промежуток между 1500–1200 гг. до н. э. Но более принято относить время Заратуштры к самому началу I тыс. до н. э. или даже к VIII–VI вв. до н. э. Мы принимаем более грубую оценку – конец II – начало I тыс. до н. э. Еще более спорны гипотезы о родине Заратуштры и месте первоначального распространения его учения. В дискуссии между сторонниками локализации родины зороастризма в Западном или Восточном Иране (включая Среднюю Азию) ныне преобладает последняя точка зрения. В какой-то мере она отражена сводным трудом Р. Фрая "Наследие Ирана": "Лингвистические данные говорят в пользу отнесения пророка к Восточному Ирану. Исторически оправданно, что Авеста, с ее мифологией и чертами героического эпоса, примешивающимся к общим восточноиранским сказаниям, оказалась составленной на языке, который был близок к языку первоначальной территории обитания арийцев. Эта прародина могла располагаться в Средней Азии или даже южнее, в районе Герата. Индийцы, когда они продвинулись с этой прародины в различные районы (Индийского) субконтинента, сохранили, несмотря на происшедшие в их диалектах изменения, ведические гимны на древнем языке преданий, иранцы, распространившиеся по (Иранскому) нагорью, также сохранили гимны Митре и другим арийским богам".

Хронологически многослойность Авесты обусловила по мере распространения зороастризма с востока на запад или с северо-востока на юго-запад отнесение к наиболее почитаемым и изначальным местам религии самых разных местностей в Средней Азии и Иране.

Бурная история межплеменных войн ариев, туров и хьона, почитающих одних и тех же древних богов и молящих их о победе на одном языке, разворачивается на границе Арианам Вайджа, на берегах Амударьи и Сырдарьи, на Каспии и Арале, на Волге и в Прикамье. События, чей отзвук сохранили Яшты, происходили, возможно, задолго до времени Заратуштры, во второй половине II – начале I тыс. до н. э.

Сражения и молитвы богов и героев Яшт – это и есть мифы и эпос андроновской эпохи, мифы и эпос ариев и племен, которые названы вместе с ариями – туров, хьона, дана, сайрима, саина, даха. Многовековая миграция "андроновцев" – ариев на юг и восток, как и типология их поселений в начальный период переселе-

ний, нашли свое отражение в авестийских сказаниях. Так, во втором фаргарде "Видевдаты" Ахура-Мазда рассказывает Заратуштре о первом человеке, которого он "наставляет в вере". Им был Йима Прекрасный, "владетель добрых сил". Но он не смог стать проповедником наставлений Ахуры. Зато, по велению и при помощи Ахуры, он стал "взращивающим" и "защищающим" земной мир для своего скота и своего народа. И после того, как царству Йимы настало "триста зим", не стало хватать места для живых существ – "мелкого и крупного скота и людей". И тогда Йима "выступил к свету в полдень на пути Солнца" и "эту землю раздвинул на одну треть больше прежнего, и нашли себе здесь пристанища мелкий и крупный скот и люди по своему желанию и как им хотелось". Новый кризис наступил через "шестьсот зим". И вновь Йима идет "к свету в полдень на пути Солнца" и еще раз раздвигает землю "на две трети больше прежнего". И расселяет скот и людей на новых землях. Через "девятьсот зим" все повторяется в третий раз. Так, в далеком и долгом прошлом, по воле Ахуры и трудами Йимы Прекрасного, была создана для народа ариев просторная страна, "славная Арианам Вайджа".

И в этой стране, по воле Ахуры, Йима создал тип поселений для "людей и скота", который в Авесте назван "*вар,* размером в бег на все четыре стороны". Выстроенный из глины и земли, *вар* состоял из трех концентрических кругов валов и жилищ, причем во внешнем круге было девять проводов, в среднем – шесть, во внутреннем – три.

Спустя три тысячи лет археологи обнаружили между реками Урал и Иртыш десятки андроновских поселений XVII–XVI вв. до н. э. с тремя вписанными друг в друга окружностями валов и стен. Стены двух внутренних окружностей были образованы торцами жилищ, которые либо упирались в вал, либо сами составляли внешнюю стену. Выходили жилища на кольцевую улицу. Внешние и внутрение рвы дополняли оборонительную структуру, а радиально расположенные улицы выводили на центральную площадь. Наиболее известное из таких поселений, **Аркаим**, находится в Челябинской области. В жилищах его двух внутренних городов, каждое из которых имело площадь от 190 до 300 м^2, жили не менее 2 тыс. человек. Сам поселок, с его мощными укреплениями, был ставкой вождя, а в случае вражеского нападения – убежищем для людей и скота из близлежащих мелких поселений с их обычной для андроновских поселков линейной планировкой. Поселения с радиальной планировкой и с

трех-двухкольцевой системой оборонительных сооружений и были обозначены в Авесте термином *вар*.

Воины Яштов – это колесничие (*ратаэштар* – "стоящие на колесницах"), обладатели быстрых коней и тучных стад, "просторных пастбищ" и "добрых повозок". Их бог-покровитель Митра, солнечный бог, небесный колесничий.

Основное оружие колесничего – лук с тетивой из оленьих жил, стрелы с орлиным опереньем, дротик с длинным древком, метательные ножи, металлическая булава "из желтого металла".

Боевая колесница, изготовленная плотником (строители колесниц упомянуты в Авесте), была верхом мастерства, совмещающая прочность конструкции и маневренность на большой скорости. Ее основой являлась обтянутая кожей деревянная рама, укрепленная на длинной оси. Колеса с девятью-десятью спицами были значительно легче сплошных колес повозок. В дышло запрягали двух-четырех лошадей. Для достижения большей устойчивости при поворотах ось зачастую выносили в заднюю часть кузова.

Изображенные на скалах урочища Арпаузень в г. Каратау атакующие колесницы имеют ось в середине кузова. На колесницах такого типа рядом с воином мог расположиться и возница, который иногда упоминается в Яште, посвященном Митре. Когда воин-колесничий сражался один, он привязывал вожжи к поясу, используя на дальней дистанции лук, а на ближней – дротики (колчан с дротиками крепился на раме). Прорывая вражеский строй, колесничий использовал длинное копье, но главным поражающим оружием становилась секира.

Народ, над которым властвуют воины-колесничие, цари или боги – народ скотоводов, чьи имущество – быки, кони и верблюды, земля – пастбище, пища – молоко и мясо. Жертвы, которые они приносят богам, –

Сто жеребцов, и тысячу
Коров, и мириад овец.

(Авеста).

Пантеон и эпос ариев увековечены не только словесно, но и изобразительно. В древних горных капищах, где приносились жертвы и звучали гимны, обнаружены грандиозные "художественные галереи". Одно из таких святилищ находится в урочище Тамгалы в 170 км к северо-западу от Алматы, в горах Анрахай. Древнейшие из множества изображений относятся к эпохе бронзы, т. е. ко времени андроновцев. Эпические герои несутся на колесницах, на-

тягивая луки, кочуют в повозках, запряженных верблюдами, кружатся в ритуальном танце. Главные фигуры святилища – возвышающиеся над смертными "солнцеголовые существа" (так называли их археологи, работавшие в Тамгалы). Огромные головы-диски окружены ямками-углублениями, символизирующими нимб, божественную благодать. В одних случаях головы имеют "расходящиеся по радицусу лучи", а в других – нет. Основой сюжета является композиция из двух "солнцеголовых существ", окруженных домашним скотом и двенадцатью танцующими перед ликом богов человечками.

Индоевропейская языковая и культурная общность, которая в начале II тыс. до н. э. обособилась в степной части Восточной Европы и Казахстана, стала известна современной науке в качестве носителей срубной и андроновской культур. Арии Казахстана и Средней Азии закончили свое существование под этим именем в начале I тыс. до н. э., когда завершилось формирование нового типа скотоводческого хозяйства – кочевнического, а на юге, в области оседлого земледелия и городского ремесленного производства, окончательно сложился тот способ обработки земли, который связан с созданием крупных ирригационных систем.

Преемниками ариев в Великой Степи стали их потомки – саки и савроматы.

Землепашцы и строители городов. Оседлое земледельческое население впервые в Средней Азии появилось на юге нынешней Туркмении. Между северными склонами Копетдага и песками Каракумов тянется узкая равнина, орошаемая стекающими с гор речками и ручьями. Ширина этой плодородной и обводненной полосы в среднем 10–20 км. Еще в эпоху неолита, в VI–V тыс. до н. э., здесь появились небольшие поселения. Знаковый памятник той эпохи – холм Джейтун в 20 км к северо-западу от Ашхабада. Исследования памятника показали, что основой хозяйства джейтунцев было возделывание земли под посевы пшеницы-однозернянки. Посевы обходились без сложных оросительных сооружений, так как сеяли их в западинах, сохранявших влагу весенних разливов. Разводили джейтунцы овец и коз. Жили они небольшими поселками, рассредоточенными на равнине, в однокомнатных глинобитных домах. Высокого совершенства достигли в изготовлении кремневых орудий для уборки урожая и других целей. Ручной лепкой изготавливалась глиняная посуда, которую украшали несложными узорами и рисунками, нанесенными красной краской. Глиняные фигурки людей и жи-

вотных были скорее символами религиозных верований, чем предметами для забавы и игр.

Резко изменило этот мир появление медных орудий труда. **На III тыс. до н. э. приходится демографическая революция** – возникли относительно крупные поселения, в которых обитали по 5–6 тыс. человек. Они сооружали оросительные каналы, что позволило расширить посевные площади. Тогда ясно обозначились связи с территориями северного и центрального Ирана, откуда на подгорную равнину Копетдага мигрировали новые группы населения. Скорее всего, с ним связано **появление здесь металлургии бронзы в III тыс. до н. э.** Основным строительным материалом стал сырцовый кирпич размером 50 × 25 см. Кучки глинобитных лачуг сменились четко спланированными поселениями, крупнейшие из которых – Намазгадепе и Алтындепе – имели площадь соответственно 50 и 26 га. Квартальные комплексы многокомнатных домов разделяли прямые улицы, сходившиеся к центральной площади. Главным зданием являлось святилище с очагами-жертвенниками. В это время обособились мастерские и жилища ремесленников – металлургов и гончаров. Крашеную керамику ручной лепки вытеснила керамика разнообразных форм, изготовленная на гончарном круге. Массовым становится производство керамической посуды, развиваются художественные промыслы, прежде всего изготовление фигурок, связанных с культом. Главными божествами были женские. Именно их изображения обнаружены во множестве – великой богини-матери, богини бегущей воды, украшенные зигзагом, богини небес с ее символом – многоконечной звездой.

Важным нововведением стало широкое использование в хозяйстве тягловой силы. При раскопках Алтындепе были обнаружены глиняные модели четырехколесных повозок, в передней части которых была изображена голова верблюда. **На среднеазиатском юге был, скорее всего, доместицирован двугорбый верблюд-бактриан.** Верблюжья упряжка специфична именно для эпохи бронзы Южной Туркмении, ведь в Передней Азии предпочитали ослов, а в Индии – волов.

Еще одним открытием на Алтындепе стал монументальный храмовый комплекс, в центре которого высилась двадцатиметровая трехступечатая башня из сырцового кирпича. Рядом с башней, на трехметровой платформе, располагались дом жреца и несколько строений с очагами и алтарями. Тут же, в гробнице жрецов, найдены бусы и печати с изображением быка и волка. Глаза

быка переданы вставками из бирюзы, бирюзовая вставка в виде луны сделана и на лбу быка.

Образ быка-Луны был популярен в культах древней Месопотамии, что говорит о многообразии связей древнейших в Средней Азии поселений с городами Месопотамии и Иранского нагорья. Если контакты с переднеазиатскими цивилизациями были опосредствованы, то изящная чернолощеная керамика из северо-восточного Ирана свидетельствует о непосредственных контактах носителей достаточно близких культур. Скорее всего, столь необходимое для древней металлургии олово поступало из бассейна р. Хильменд и района севернее оз. Хамун (юго-западный Афганистан), где обнаружены древнейшие рудные выработки. Впрочем, был и более близкий источник олова – Саразм.

Саразм – самое северное земледельческое поселение той эпохи, открытое в Средней Азии. Оно находится в долине Зеравшана, в 15 км к западу от Пенджикента. Время существования поселения – 1500 тыс. лет (между 3400–2000 гг. до н. э.). Его основателями были, видимо, выходцы из Юго-Восточной Туркмении, о чем свидетельствуют особенности изготовления местной керамики. Особенность этого крупного земледельческого поселения заключалась в наличии развитого здесь металлургического производства и металлообработки. С конца IV тыс. до н. э. **Саразм был одним из крупнейших центров древней металлургии Центральной Азии.** В верховьях Зеравшана расположены месторождения важнейших компонентов бронзы: меди, мышьяка, олова, свинца, золота, серебра. На поселении найдены плавильные тигли, глиняные литейные формочки, различные заготовки и более 150 готовых металлических изделий. Близ поселения обнаружен могильник, относящийся к периоду возникновения первых построек. Центральным в нем является захоронение женщины в богато расшитых одеяниях, сохранились украшавшие одежду бусы из золота, лазурита, бирюзы и минералов. Однако самой примечательной была находка двух массивных браслетов, изготовленных из морских раковин. И тут проступает другой путь связей – путь к южным морям.

Особенно тесными были связи с древнеиндийской цивилизацией Хараппы. В 1975 г. французские археологи, работавшие в северо-восточном Афганистане, открыли у слияния рек Пяндж и Кокча близ селения Шортугай древнее поселение площадью 2,5 га. В остатках зданий из сырцового кирпича были найдены типичная хараппская керамика с росписью черной краской по красному фону, а также печать с изображением носорога и зна-

ками хараппского письма. Обнаружены следы металлургического производства и обработки меди, свинца, золота, камнерезных работ. **Сложная ирригационная система** высоко поднимала воду на речную террасу и распределяла по полям. Вероятно, Шортугай был одной их хараппских колоний близ источников металлургического сырья и месторождений бадахшанского лазурита, столь ценимого в древнем мире. Поселение индийских землепашцев и металлургов, поддерживавших связи со своей метрополией, просуществовало не менее пятисот лет (2300—1800 гг. до н. э.). Через посредство таких колоний или более прямыми путями прикопетдагские города III тыс. до н. э. **осуществляли торговый обмен с городами долины Инда.** В богатых погребениях квартала знати на Алтындепе найдены издания из слоновой кости и индийские печати с надписями хараппским письмом. Таким образом, **городская (протогородская) цивилизация Южной Туркмении в эпоху ранней бронзы была составной частью связанных между собой оазисных и речных цивилизаций Верхнего Инда, северного Афганистана и северо-восточного Ирана.**

Во всем том обширном регионе вплоть до начала II тыс. до н. э. отмечаются рост и развитие очень близких земледельческих культур, перераставших в протогородские и городские цивилизации. Для всех этих местных культур характерны общие существенные признаки: развитое ирригационное земледельческое хозяйство; дальняя межрегиональная торговля или многоконтактный обмен внутри ареала и за его пределами; многоотраслевое ремесло, включая металлургию и массовое гончарное производство на ножном круге, сменившее ручную лепку посуды; крупные поселения и центры городского типа, включавшие административно-хозяйственные дворцовые и храмовые комплексы; появление письменности (Хараппа), следы проявления которой фиксируются на юге Средней Азии.

Однако многочисленные попытки приписать все достижения эпохи ранней бронзы в Иране, Афганистане и на юге Средней Азии племенам индоариев, представлявшим совершенно иной хозяйственно-культурный тип, ныне обоснованно отвергнуты.

Большинство народов, говорящих на дравидских языках, живут в Центральной и Южной Индии. Их появление на Индостанском субконтиненте связано с распадом протодравидской общности в IV тыс. до н. э. Не позднее III тыс. до н. э. они создали в долине Инда хараппскую городскую цивилизацию. Другая ветвь дравидских племен, овладевшая в непосредственном соседстве с Месопотамией навыками ведения земледельческого хозяйства,

постепенно осваивая пригодные для несложных форм ирригационного хозяйства оазисы и речные долины Иранского плато, продвинулась на юг Средней Азии, ассимилируя местное неолитическое население. На территориях от Персидского залива до Зеравшана и долины Инда возникла и просуществовала по крайней мере до второй четверти II тыс. до н. э. не только хозяйственно-культурная, но и в определенной степени этно-лингвистическая общность, слабым отголоском которой является сохранившийся в мифологии дравидских народов Индии культ Великой богини-матери, археологически засвидетельствованный уже в энеолите среднеазиатского юга.

Упадок раннеземледельческих культур никак не связан с волнами миграций на юг индоариев и индоиранцев. Он начался много раньше, на рубеже III–II тыс. до н. э. На среднеазиатском юге пришли в запустение прежние городские центры, площадь застройки, где еще тлела хозяйственная жизнь, сократилась с 50–26 до 2–1 га. По всей вероятности, **наступление в Евразии засушливого ксеротермического периода совпало с превышанием естественного лимита водо- и землепользования.** Исправить положение при том уровне агротехники и ирригационного благоустройства было невозможно. Для природной реабилитации истощенных и засолонцованных почв потребовались века. **Население уходило на плодородные земли в долину Мургаба и средней Амударьи (будущие Маргиана и западные территории Бактрии), где и возникли в первой половине II тыс. до н. э. новые поселения и города.** В отличие от покинутых, эти новые города укреплены двумя-тремя рядами высоких кирпичных стен с мощными башнями. Относительно спокойная эпоха освоения быстро закончилась – на юг наступали, волна за волной, племена степной бронзы.

Этнокультурные процессы

Саки. Эпоху господства в азиатском ареале степей саков и савроматов принято обозначать либо археологическими терминами, либо термином, в который вкладывается скорее этнографическое, чем историческое содержание, – эпоха ранних кочевников, скифская эпоха. В последнем случае на весь кочевой мир евразийских степей перенесено самоназвание одного из племен иранских кочевников Причерноморья (*скуда* или *шкуда*, более поздняя форма с показателем множественного числа – *сколоты*). “Все вместе они называются сколоты... Скифами же их назвали греки”, – писал Геродот. Свойственный скифам тип вооруже-

ния и конского убора, характерная скифская одежда, "звериный стиль" в искусстве засвидетельствованы археологическими раскопками на пространстве от Хуанхэ до Дуная, что стало основанием для общего названия той культурной общности, которая сложилась в степях не позднее IX–VIII вв. до н. э. и просуществовала по крайней мере до III в. до н. э.

То, что сакские племена осознавали свою генеалогическую и культурную общность, выраженную единством самоназвания и, возможно, подтвержденную языковой близостью, не только не исключает, но и предполагает существование местных племенных союзов. Названия некоторых из них были зафиксированы в немногих сохранившихся доныне письменных текстах их соседей.

Известны две группы древних текстов, содержащих сведения о саках: клинописные наскальные надписи ахеменидских царей и сочинения греко-римских авторов, начиная с Геродота. В сочинениях античных авторов нашла некоторое отражение ахеменидская политическая и историографическая традиция, но все же преобладала информация, полученная разными путями и через разных посредников. К примеру, информаторами Геродота были не только персы, но и причерноморские греки, хорошо знакомые с местными скифами, сами путешествовавшие по скифским землям и собиравшие сведения о дорогах на восток. Весь этот информационный массив имеет как бы три уровня. Самый нижний, т. е. самый ранний уровень, построен на сведениях древнеперсидских надписей и скифском рассказе Геродота. Второй – сведения, полученные и сохраненные эллинами во время и непосредственно после походов Александра Македонского и его политических наследников диадохов и эпигонов в Среднюю Азию. Третий – сведения греческих и латинских писателей, не только воспроизводивших прежние рассказы, но и передававших сообщения, полученные от своих современников, так или иначе соприкасавшихся с миром центральноазиатских народов и стран. Этому хронологическому уровню синхронны сведения о центральноазиатских "варварах", запечатленные в государстве Хань (Древний Китай).

Главными для стран глубинной Азии политическими событиями, по крайней мере с точки зрения иноземных историографов, **были в VI–IV вв. до н. э. отношения с Ахеменидской державой, а в IV–III вв. – поход Александра Македонского на восток и возникновение в центре Азиатского материка эллинистических или эллинизированных государств.** Главными событиями, обусловившими содержание третьего информационного уровня, стали кру-

шение среднеазиатского эллинизма под натиском кочевой периферии и **возникновение Великого Шелкового пути, впервые соединившего через Среднюю Азию суперцивилизации Дальнего Востока и Средиземноморья.**

Началом сакской эпопеи для исторической науки древности были киммерийские и скифские вторжения в VIII–VII вв. в Переднюю Азию и Причерноморье. Ее продолжением стали военные операции ахеменидских царей Кира и Дария против саков за Оксом и Яксартом (Амударья и Сырдарья) против заморских, т. е. причерноморских, саков – скифов-сколотов Геродота. На фоне этих событий появилась первая, не всегда ясная и не вполне достоверная информация о родине сакских племен, их жизни на своей земле, обычаях и нравах, их племенах, северных и восточных соседях.

В 558 г. до н. э. главой персидских племен на юго-западе Иранского плато стал Кир, внук Кира, царя страны Парсуаш из рода Ахеменидов. Соседями его небольшого царства были четыре самые могущественные державы того времени: Мидия (на Иранском плато), Лидия (в Малой Азии), Вавилония (в междуречье Тигра и Ефрата) и Египет. В 553 г. Кир восстал против своего сюзерена мидийского царя Астиага, а через три года поселился во дворце прежнего владыки Ирана. В 547 г. н. э. было сокрушено Лидийское царство Креза, а в 539 г. н. э. настала очередь Вавилонии. Никто не мог устоять перед персидским войском.

Но еще до захвата Вавилонии, между 545–539 гг., Кир повернул главные силы своей армии на восток. Сведений о первом походе Кира очень немного, и они не отличаются точностью. Однако благодаря Бехистунской надписи известно, что Дарий унаследовал от Кира земли до северо-западных границ Индии, в том числе и страну саков. А античные историографы сообщают, что на границе с саками, близ Яксарта (Сырдарьи), был сооружен город-крепость Куриштиш (вероятно, Курушката – город Кира). Впоследствии он был назван спутниками Александра Македонского Кирополем. Мощные стены Кирополя с трудом проломили осадные машины македонцев, и взятая ими крепость была переименована в Александрию Эсхату – Александрию Крайнюю.

Второй, роковой для себя поход на восток, Кир предпринял в 530 г. (ему было тогда около 70 лет). Очевидно, ситуация на восточной границе требовала решительных действий. Противников Кира через сто лет Геродот назовет *массагетами*, "племенем большим и сильным". Жили массагеты, по Геродоту, на равнинах к востоку от Каспия и за р. Аракс, сорок рукавов которого впада-

ют в топи и болота, а один – в Каспийское море. Здесь Араксом названа Амударья, а ее главным рукавом – полноводный тогда Узбой. Для того чтобы достигнуть массагетов, Кир наводит мосты и "сооружает башни на судах для переправы через реку".

Вокруг последнего похода Кира в античной литературе сложилось несколько легенд, связанных с именем массагетской царицы Томирис, которая будто бы, после гибели Кира в проигранном им сражении, приказала бросить его голову в бурдюк, наполненный человеческой кровью. Впрочем, сам Геродот называет эту версию одним из "многочисленных рассказов о смерти Кира". Достоверно известно лишь то, что Кир погиб в сражении на берегах Узбоя (Амударьи) в начале августа 530 г. и что тело его вовсе не стало добычей врагов. Оно было доставлено в Пасаргады и погребено, после чего там была сооружена великолепная гробница, сохранившаяся до сих пор.

Противников Кира античная традиция именует по-разному. Геродот называет их массагетами; Ктесий Книдский – врач, вернувшийся в Элладу в 398 г. до н. э. после семнадцатилетнего пребывания при персидском дворе, – дербиками; Берос – вавилонский жрец, историк и астроном, писавший по-гречески в III в. до н. э. и знавший как эллинистическую, так и персидскую традицию, именует племя, сражавшееся с Киром, даями (дахами).

В 522 г. до н. э. в охваченном смутой Иране к власти пришел дальний родственник Кира Дарий. Завоеванные прежде страны и среди них страна саков спешили восстановить свою независимость. Дарий начал вновь собирать империю, жестоко карая мятежников. Особенно суровой была расправа с Маргианой (Мерв, совр. г. Мары в Туркменистане), разгромленной сатрапом Бактрии, персом Дадаршишем, оставшимся верным Дарию. Вместе с маргианцами, как полагает немецкий исследователь Ю. Юнге, были разгромлены и приведены к покорности и саки. Через одиннадцать лет после гибели Кира и на третьем году правления Дария (в 519 г.) события на востоке обеспокоили царя: "Говорит Дарий царь: затем я с войском отправился против Страны саков. Затем **саки, которые носят остроконечную шапку**, выступили, чтобы дать битву. Когда я прибыл к реке, на ту сторону ее со всем войском перешел. Затем я наголову разбил часть саков, а другую [часть] захватил в плен... Вождя их по имени Скунха взяли в плен и привели ко мне. Тогда я другого назначил их вождем, как было на то мое желание. Затем страна стала моей". Таков **текст победной надписи Дария на Бехистунской скале о походе против "саков в остроконечных колпаках"**, *саков-тиграхаудов*. Здесь впервые

назван один из сакских племенных союзов, но назван он тем именем, которое ему дали персы, выделившие в одежде саков этого племени характерную особенность. Битва царя с саками-тиграхаудами выгравирована на одной из печатей Дария: поверженный враг лежит у ног владыки, а другого, в высоком колпаке, царь хватает левой рукой, готовясь нанести удар коротким мечом. Саки-тиграхауды не были до этой битвы подчинены персам, так как Дарий не называет их мятежниками, а их вождя, Скунху, не обвиняет во "лжи", т. е. в мятеже против власти. Сам Скунха изображен на Бехистунском рельефе не с обнаженной головой, как прочие мятежники, а в остроконечном колпаке высотой в половину его роста. Ничего не говорится и о казни Скунхи, упомянута лишь его замена другим вождем саков, угодным Дарию. Следовательно, поход Дария против саков-тиграхаудов был не карательной акцией, а подчинением ранее непокоренного народа.

Местоположение страны саков-тиграхаудов определяется названием той большой реки (употреблено слово *драйа* – море, большая река), через которую переправился Дарий перед битвой. В надписи река не названа, однако имеются косвенные свидетельства, указывающие, что большой рекой, разделявшей тогда персов и саков, была Сырдарья. В нескольких надписях, выгравированных на золотых и серебряных пластинах (такие пластины закладывались в фундамент строящихся царских дворцов), Дарий, определяя пределы своей державы, на крайнем северо-востоке называет страну "саков, которые за Согдом", а на крайнем юго-западе – Куш (Эфиопию). В этих надписях Дарий хотел показать размеры своих владений, насколько удалены друг от друга их крайние пределы. При этом географические определения задаются с точки зрения западного иранца, для которого Согд лежал на северо-востоке, а Эфиопия – на юго-западе. Следовательно, надписи должны указывать на саков, живших на северо-восток от Согда.

Центром Согда был Самарканд (греч. *Мараканда*), но на востоке Согд граничил с Ферганой и Чачем (область Ташкента). Страна саков, находившаяся к северо-востоку от Согда и подчиненная персам, была отделена от согдийских земель Сырдарьей. Но единственный поход Дария против заречных саков, упомянутый в Бехистунской надписи, был походом против саков-тиграхаудов, западная граница которых – правобережье Сырдарьи в ее среднем течении, к северо-востоку от Согда.

Дарий и его наследник Ксеркс (486–465 гг. до н. э.) называют в своих надписях еще один племенной союз среднеазиатских са-

ков, подвластных персам, – саков-*хаумаварга*, т. е. "почитающие Хаому". Хаомой назывался возбуждающий напиток, получаемый из сока эфедры (хвойника) и употреблявшийся в культовых целях. Но "Хаома золотоглазый" был одним из арийских божеств, первым совершившим обрядовое истолчение хаомы и приготовление ритуального напитка.

Обиталище Хаомы – высокая Харати, т. е. Памиро-Алайская горная страна и прилегающие к ней горные системы, где обильно произрастает эфедра. Именно в предгорьях Памиро-Алая, в долинах у подножий "высокой Харати", прежде всего в Фергане и Восточном Туркестане, были основные земли саков-хаумаварга. Далеким потомком языка этих саков был так называемый "хотано-сакский язык", сохранившийся в рукописях VIII–X вв. в оазисах Восточного Туркестана. В тех случаях, когда в ахеменидских надписях упомянуто просто *сака*, без сужающего значения термина имени или определения, имелись в виду саки-хаумаварга.

Персепольская надпись Ксеркса вместе с саками-тиграхаудами и саками-хаумаварга называет среди подвластных Ахеменидам народов еще и дахов, которым вавилонянин Берос приписывал победу над великим Киром. Никаких других скифских народов к востоку от Ирана древнеперсидские источники не упоминают. Зато греко-римские авторы называют их во множестве. Геродот упоминает саков-ортокорибантиев, т. е. "острошапочных", и саков-амюргиев (у других авторов – "саки царя Аморга/Омарга"), которых достаточно уверенно отождествляют с саками-тиграхаудами и саками-хаумаварга. Неоднократно упомянуты и дахи (даи). Все остальные этнонимы сакских племен названные в античных источниках, отсутствуют в ахеменидских надписях. Наиболее загадочным казалось отсутствие упоминаний о массагетах, главных врагах персов со времен Кира. Ведь узбойско-хорезмийский регион, где Кир сражался с массагетами, вошел в состав Персидской державы.

Если массагеты действительно фигурируют в ахеменидских надписях, то более всего на отождествление с ними мог претендовать могучий племенной союз дахов (даев). Упомянутые еще Авестой среди племен, которые, по выражению Дария, "не чтили Ахура Мазду", дахи помещены в Персепольской надписи Ксеркса в перечне самых крупных стран и народов, подвластных этому грозному завоевателю. Коренные земли дахов в IV в. до н. э. находились за Танаисом, т. е. Сырдарьей, и по Танаису, а также в Приаралье. Среди союзников Дария III Кадомана в его проигранной войне с Александром названы и дахи. В битве при Гавга-

мелах, открывшей Александру путь на Восток, дахи вместе с бактрийской конницей противостояли лучшей части македонской армии – коннице друзей, личного окружения Александра. Характерная черта вооружения сражавшихся дахов, необычная в то время, отмечена Аррианом: "Сами скифы (дахи) и лошади их были тщательно защищены броней". Эти "даи с Танаиса" сражались с македонцами и после гибели Дария, но затем они стали союзниками Александра в его походе на Индию. Отряд дахов назван конными лучниками.

Следует обратить внимание на важную деталь вооружения дахов – броню, защищавшую всадников и их коней. Такого рода двойной доспех столетием раньше Геродот отмечал только у массагетов: "Лошадям на грудь они надевали медные панцири". Появление катафрактариев – конных воинов в тяжелых пластинчатых доспехах и на защищенных броней конях отмечено не только письменными источниками, но и документировано археологическими находками в стране дахов и массагетов. Еще в 50-х гг. Хорезмская экспедиция С. П. Толстова вела раскопки на городищах Чирик-Рабат – столице приаральских саков, расположенной на левом берегу Сырдарьи, в верховьях ее пересохшего русла Жанадарьи. Там, в одном из погребальных сооружений, датируемом IV в. до н. э., был обнаружен железный пластинчатый доспех. Такого рода защитная броня сохранилась в последующие века у родственных дахам парфян и не отмечена у других степных племен.

Название массагетов сохранилось только в античной историографии, где оно объединяет самые разные по хозяйству, образу жизни и культуре племена – от кочевников-коневодов до охотников за тюленями и собирателей кореньев, одевающихся в "древесную кору".

Массагеты в сочинениях греческих авторов связаны только территориальной общностью – Приаралье, низовья Амударьи и Сырдарьи, район Узбоя. Отмеченные у них общие обычаи: остатки группового брака, ритуальное убийство и поедание стариков – невероятно архаичны и не могут свидетельствовать о каком-либо единстве. Скорее всего, название "массагеты" объединяло группу племенных союзов, связанных бесконечно древней генеалогической традицией. У внешне различных племен были общими территория, политические и культовые центры в Приаралье.

Оставленные этими племенами могильники, укрепленные городища и поселения по древним руслам Сырдарьи (Жанадарье, Кувандарье, Инкардарье) стали объектом исследования Хорезмской экспедиции. Археологические находки ярко характеризу-

ют повседневную жизнь скотоводческих и земледельческих племен Приаралья в VII–II вв. до н. э. и выявляют несомненную зависимость памятников этого времени от памятников эпохи бронзы, их генетическую связь. Особенно это заметно при раскопках Тагискена и Уйгарака на левобережье Сырдарьи. Преемственность культур здесь вполне очевидна и распространяется на все Приаралье к востоку от Хорезма. Племена столь огромного объединения кочевников, и не только кочевников, не могли быть одинаковы, но могли носить общее название. **Массагеты** – общее древнее имя приаральских племен, имевших общую генеалогическую традицию и, возможно, общий этноним, т. е. общего предка, чаще всего мифического, по имени которого и назван народ. Древнее эпонимическое имя массагетов сохранилось в иранской ономастике и зафиксировано письменно – одного из полководцев Ксеркса звали "Массагес, сын Оариза". Неизвестно, кто был подлинным героем-эпонимом массагетских племен, но он носил то же имя.

Дахи – военное ядро сырдарьинских и приаральских племен, чье имя было единственно значимым в том политическом аспекте, который проявился в надписи Ксеркса. Именно поэтому нельзя исключить, что врагами Кира были дахи. В III в до н. э. имя дахов (даев) полностью вытесняет более древнее общее имя – массагеты. Этот процесс тогда завершился даже в Прикаспии, где со времен Геродота эллинские историки любое скифское племя считали массагетами. В 247 г. до н. э. одно из племен даев – парны (парфяне), – возглавляемое родом Аршакидов, создало в Иране новую империю, сменившую наследников Александра. А на севере, в степях Западного Казахстана и Приуралья, дахо-массагетская экспансия III в. до н. э. заставила уйти в Причерноморскую Скифию племена сарматов, потомков савроматов, близких сакам по языку, образу жизни и культуре.

Некоторые современные исследователи предполагают, что в III в. до н. э. дахи, продвинувшись с Сырдарьи в Прикаспийские степи, вытеснили с их земель массагетов. Но достоверно ответить на вопрос, куда делись и где появились вытесненные массагеты, невозможно. Массагеты окончательно стали дахами.

Мир заяксартских степей и гор был закрытым миром для античных авторов. Древнейшие сведения, касающиеся его и приводимые Геродотом, основаны на поэме некоего Аристея, который совершил шестилетнее путешествие через страну скифов на Восток, стремясь достигнуть земель таинственных гипербореев. Он дошел до страны исседов, или исседонов, а

возвратившись, изложил свои впечатления в поэме. Жил Аристей в VII в. до н. э.

Большинство исследователей локализуют исседонов в лесостепях Зауралья и в Казахстане. Некоторые обычаи исседонов схожи с обычаями массагетов. Крупнейший исследователь сакских археологических памятников Казахстана К. А. Акишев считает раннесакскую культуру Центрального Казахстана, названную тасмолинской, принадлежавшей исседонам, которых он безусловно относит к кругу сакских племен. Более того, расцвет сакской культуры в Семиречье и Южном Казахстане, по его мнению, "является результатом переселения центральноказахстанских исседонских племен с почти сформировавшейся культурой сакского типа на юг Казахстана и в Киргизию".

Представление о сакской культуре Центральной Азии дают раскопки археологических памятников, прежде всего знаменитые Бесшатырские курганы в долине р. Или и Иссыкского кургана. Большой Бесшатырский курган диаметром 104 м, высотой 17 м, окруженный валом, представляется подлинным архитектурным сооружением. Внутри кургана построена погребальная камера из стволов тянь-шаньских елей. Царские усыпальницы были ограблены еще в древности, но случайно уцелело погребение "золотого человека" из кургана Иссык, датируемое IV в. до н. э. Среди находок наиболее важной представляется двухстрочная надпись из 26 знаков неизвестного руноподобного письма, процарапанная на серебряном сосуде. Погребенного юношу относят к числу вождей саков-тиграхаудов, так как на нем был парадный вариант головного убора саков. Но название по одному этнографическому признаку не может быть самоназванием народа, поэтому разгадку этнонима следует искать в последующих событиях сакской истории.

Во II в. до н. э. начались крупные подвижки степных племен, вызванные формированием в Центральной Азии державы гуннов. Движение ушедших на запад после долгой и неудачной для них войны юэчжийских племен и вытесненных со своих пастбищ в Восточном Туркестане усуней обрушилось на семиреченских саков, которых китайская хроника именует *сэ* – сак. Саки ушли в нескольких направлениях, в том числе – к Сырдарье. **Между 141–128 гг. до н. э. они перешли Яксарт и сокрушили в Греко-Бактрии наследников Александра.** В поле зрения античных авторов попали племена, до того неведомые им: асни, тохары, сакарауки (сакавараки, сакараулы). Истории этих загадочных племен посвящено в научной литературе немало страниц, но достоверных вы-

водов немного. Во всяком случае, до переправы через Яксарт племена жили много восточнее. Собственно сакской группой племен в этом перечислении были сарауки (сакараваки, в более точной передаче – сакарауки). Их имя теперь объяснено на древнеиранском языковом материале: *сака раука* – светлые саки. По другой этимологии этот этноним восстанавливается как *царские саки.* Скорее всего, именно их называет саками китайская династийная история, когда повествует об изгнании усунями народа сэ из Семиречья. В V–II вв. до н. э. они владели Семиречьем, а вождей хоронили в Бесшатыре. К роду вождей сакарауков принадлежал юноша из Иссыкского кургана.

Сакские племена Средней Азии были прямыми потомками андроновского населения – ариев, туров и дахов. Этот неоспоримый вывод подтверждают археологи, проводящие прямые линии связей между андроновской и сакской культурой, а также антропологи, установившие генетическую преемственность населения сакского времени от населения эпохи бронзы. Вместе с тем установлено, что **с начала сакской эпохи у обитателей приаральских степей появляются монголоидные примеси центральноазиатского происхождения.** Как пишет В. П. Алексеев, "...широкий пояс евразийских степей... на век-два раньше середины I тыс. до н. э. заволновался. Через него потянул ветерок с востока, население стало впитывать этнические влияния центральноазиатского происхождения. Среди европеоидов появились люди какого-то чужого, малознакомого облика – с жесткими черными волосами и раскосыми глазами... Этих людей было мало, единицы, но потом, к началу нашей эры, их количество стало увеличиваться".

Главным прорывом из века бронзы, мира авестийских ариев, в железный век, век скифо-сакских племен, были коренные изменения в образе хозяйственной деятельности и, следовательно, в образе жизни. **Переход к кочевничеству вовлек в хозяйственный оборот огромные незаселенные и не использовавшиеся ранее междуречные степные пространства.** Изменившееся в позднеандроновскую эпоху стадо, в котором крупный рогатый скот все более заменялся лошадью, не требующей повседневного ухода и способной к тебеневке, позволило в начале I тыс. до н. э. резко удлинить маршруты перекочевок и сделать их сезонными. Однако вместе с ростом стада и специализацией хозяйства возросла зависимость населения степи от погодных и климатических колебаний и состояния пастбищ. Любой сбой в природных циклах создавал кризисную ситуацию, которая не компенсировалась

ослабленным земледелием на зимниках, в поймах рек и ручьев. Обусловленность миграций, завоевательных походов, набегов кризисными изменениями в кочевом хозяйстве смутно сознавали и сами кочевники. Не исключался и временный возврат к оседлому или полуоседлому быту и даже к ирригационному земледелию части племен союза, что, например, наблюдают археологи у дахов и массагетов нижней Сырдарьи. Оседание стимулировалось и резким расслоением племени по величине стада, находившегося в собственности разных семей. Беднейшие семьи неизбежно оседали.

Кочевое хозяйство было наиболее рациональным в изменившихся природных условиях при резком росте народонаселения в конце эпохи бронзы и усилившейся военной опасности. Последняя была обусловлена появлением всадничества и созданием войска конных лучников – подвижным, тактически пластичным, обладающим огромными возможностями быстрых и длительных перемещений и высокой поражающей силой оружия.

О социальном устройстве сакского общества наиболее достоверные сведения дают археологические материалы. Различия между громадными погребальными сооружениями знати и рядовыми погребениями убеждают в дифференциации общества. Имущественная поляризация внутри племен усиливала, конечно, и социальное расслоение всего общества, но далеко не всегда играла решающую роль для статуса его членов. Принадлежность к знатному роду или личная воинская слава были не менее престижны в сакских племенах.

Сакские цари и царицы, упоминаемые античными источниками, обладали немалой властью: они решали вопросы войны и мира, посылали послов и заключали союзы, возглавляли войско. В конце V–IV вв. до н. э. страна саков не входила ни в одну из ахеменидских сатрапий, а царь саков считался не подданным, а союзником персидского царя. Но пределы их власти внутри племен не ясны. Царская власть сохранялась в одном роду. Арриан упоминает о случае, когда умершему царю наследовал его брат. Более неопределенны сообщения о наследовании власти царицами, все сведения о которых содержатся в легендарных повествованиях или связаны с литературными сюжетами.

Роль народного собрания отмечена только в единственном сообщении о переговорах Александра с царем скифов после неудачного для саков (вероятно, дахов) столкновения на Танаисе. Царь не считал этот бой войной, так как напала на македонцев, по его словам, сакская вольница, а скифский народ в целом войну Александру не объявлял. Возможно, этот случай свидетельствует об

ограничении власти вождей решениями и властью народного собрания, т. е. всех взрослых мужчин племени.

В числе институций царской власти Арриан упоминает сатрапов, т. е. поставленных царем управителей в какой-либо местности или племени. На втором месте названа военно-племенная аристократия. Вообще же сведения о сословиях у саков отсутствуют, а их существование можно предположить лишь по аналогиям. Так, упоминание у массагетов пехоты может свидетельствовать о безлошадных членах сакской общины. Сведения греческих авторов о скифах Причерноморья, выделяющих, кроме племенной знати и рядовых общинников, еще и сословие жрецов, вполне допустимо распространить на саков. Духовная культура и религия саков реконструируются, скорее, по памятникам искусства, чем по письменным памятникам.

Непосредственными продолжателями сакских традиций были в первые века н. э. усуни в Семиречье и царство Канг (Кангюй) в Присырдарьинских оазисах и западной части Семиречья. Появление во II в. до н. э. на территории древней авестийской Кангхи царства Канг, видимо, связано с переселением сюда части юэчжийских (тохарских) и сакараукских племен, поделивших с усунями прежние земли заяксартских и семиреченских саков. Однако подлинное изменение этнической, расовой и культурной обстановки связано с поистине эпохальным событием – Великим переселением с Востока в евразийских степях.

ЛИТЕРАТУРА

Авеста: Избранные гимны / Пер.И.М.Стеблина-Каменского. Душанбе, 1990.

Алексеев В. П. В поисках предков: Антропология и история. М., 1972.

Бойс М. Зорастрийцы. Верования и обычаи. М., 1987.

Казахстан. Общая физико-географическая характеристика. М.; Л., 1950.

Казахстан. Природные условия и естественные ресурсы СССР. М., 1969.

Климат Казахстана. Л., 1959.

Кузьмин Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. М., 1986.

Мордкович В. Г. Степные экосистемы. Новосибирск, 1982.

Ракитников А. Н. География сельского хозяйства. М., 1970.

Средняя Азия. Физико-географическая характеристика. М., 1958.

Федорович Б. А. Природные условия аридных зон СССР и пути развития в них животноводства // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1973.

Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.

Чупахин В. М. Физическая география Казахстана. Алма-Ата, 1968.

Dumezil G. L'ideologie triparte des Indo-Europeens. Bruxelles, 1958.

Глава 2. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ

Этнокультурные процессы

Средняя Азия в I тыс. до н. э. Важнейшими событиями первой половины I тыс. до н. э. в зоне оседло-земледельческой и городской культуры стали окончательная иранизация населения на этом огромном пространстве и сложение первых относительно крупных государств. Сведений исторического характера о начальных веках жизни первых среднеазиатских государств почти нет. Однако несомненно, что **самыми крупными государственными образованиями VII–VI вв. до н. э. были Маргиана и Согд. Другим крупным государством, возникшим тогда же, был Хорезм.**

Походы ахеменидских царей в Среднюю Азию (конец VI в. до н. э.) впервые позволяют связать события, происходившие тогда в этом регионе, с историей Передней Азии, а по существу – с тогдашней мировой историей. Во времена правления Кира II и Дария Средняя Азия была включена в состав Ахеменидской державы и оставалась в составе империи до самого ее конца, т. е. почти 200 лет. В Средней Азии были образованы четыре сатрапии (административно-податные провинции). Племена, обитавшие между Каспием и Амударьей, входившие в состав 11 сатрапий, платили ежегодные подати. Кроме выплаты податей жители среднеазиатских сатрапий составляли немалую часть ахеменидского войска. В армии наследника Дария Ксеркса Геродот упоминает отряды бактрийцев и саков-амюргиев, которыми командовал сын Дария Гисгасп.

Хотя персидскую администрацию в среднеазиатских владениях Ахеменидов возглавляли персы (в Хорезме археологи даже обнаружили дворец сатрапа, построенный на манер царского дворца в Пасаргадах), крупных персидских гарнизонов там не было. Власть Ахеменидов опиралась на теснейший союз с местной знатью, служившей царю. Вхождение в имперское пространство и имперскую структуру создало для среднеазиатских элитарных групп такие возможности обогащения и проявления себя на военно-административном поприще, в том числе и за счет возвышения над собственным народом, что до самого конца Ахеменидов среднеазиатские воинские контитенты были их верной опорой. Бактрийская знать не только не проявляла сепаратистских настроений, но активно укрепляла свое влияние при царском дворе, часто поддерживая в придворных междоусобицах тех представителей династии, которые были связаны с Бактрией и ее зна-

тью личными интересами и родственными узами. Даже после гибели разгромленного Александром Дария II его родственника (и убийцу) Бесса, по словам Диодора Сицилийского, народ Бактрии провозгласил царем. Лишь отдаленный Хорезм еще до падения Ахеменидов отделился от империи, а в IV в. до н. э. там появилась местная царская династия.

Середина I тыс. до н. э. ознаменовалась для земледельческих стран Средней Азии новым подъемом ирригационного хозяйства. Как выявили археологические исследования, VI–IV вв. до н. э. были временем усиленного строительства мощных магистральных каналов, подводивших воду на земли, лежавшие вне зоны естественных разливов. В сфере культивации оказались значительные новые территории. Зафиксированы, например, каналы и поселения того времени в Кобадианском оазисе и в долине Вахша. Вероятно, в ахеменидское время стали строить первые крупные системы кяризов (подземных оросительных каналов). Их сооружение в немалой степени связано с хозяйственной политикой ахеменидских царей, всячески поощрявших освоение земель.

Освоение новых земель под пашню и вовлечение в международную торговлю и межрегиональные связи того времени предопределили быстрый рост городов и сельских поселений. Огромных размеров достигли часто упоминаемые в письменных источниках Бактра (ныне район Балха) и Мараканда (Самарканд). Самарканд ахеменидского времени занимал площадь в 200 га, был обнесен стеной протяженностью 12–12,5 км и имел мощную цитадель, обнесенную рвом. Очень крупные поселения того времени выявлены археологами и в Хорезме. В Южной Туркмении выделяется своими огромными размерами городище древнего Мерва (Теур-Кала), периметр которого достигает 7,5 км. В долине Кашкадарьи археологами исследовано городище середины I в. до н. э. Еркурган площадью 35 га.

Хлынувшая после македонского завоевания (20-е гг. IV в. до н. э.) на земли среднеазиатского юга волна новых поселенцев, прежде всего эллинов и эллинизированных жителей Малой Азии и Сирии, мало повлияла за несколько столетий на их традиции городской и оседло-земледельческой жизни.

Земли, завоеванные Александром Македонским в Средней Азии, унаследовало Греко-Бактрийское царство, отколовшееся в 246 г. до н. э. от государства ближайшего сподвижника Александра Селевка и его наследников. Основателем этого государства стал наместник Бактрии Диодой, опиравшийся на многочисленные военные колонии эллинов. Но подлинным основателем

могущества царства стал грек из Магнессии Евтидем, пришедший к власти между 235–230 гг. до н. э. и правивший до 200 г. до н. э. Он впервые распространил власть греческой администрации на Фергану и, возможно, часть Восточного Туркестана. В 209–206 гг. до н. э. Селевкид Антиох III Великий предпринял попытку вернуть покорность Бактрии. Десятитысячное конное войско Евтидема было разбито, и селевкидская армия осадила Бактрию. После двухлетней осады Антиох пошел на уступки, фактически признал Евтидема правителем Бактрии. Одним из доводов в пользу мирного соглашения стало напоминание Евтидема Антиоху, что на севере полчища кочевников угрожают им обоим. Сын Евтидема Деметрий продвинул власть эллинов в Индию. Но уже в 170 г. до н. э. вернувшийся из Индии Деметрий был убит военачальником Евкратидом, после трагической гибели которого (он был убит собственным сыном около 155 г. до н. э.) начался неуклонный упадок Греко-Бактрии. Индийские владения отошли к сподвижнику Деметрия Менандру, который принял буддизм и известен в индийской традиции как Лизарий, царь Мелинда. Бактрия захлебнулась в междоусобице, и в 128 г. до н. э. посол китайского императора Чжан Цень застал страну покоренной кочевыми племенами.

Хозяйственно-культурные процессы

Этно-лингвистическая ситуация в Великой Степи в начале I тыс. до н. э. В течение I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. оседлое население и кочевые племена в полосе степей и гор между Нижним Поволжьем и Алтаем были преимущественно носителями индоевропейских языков. Вместе с тем уже тогда в результате интенсивных и постоянных миграций населения в евразийских степях на территорию Казахстана и Средней Азии постоянно проникали более или менее компактные группы не только индоевропейских, но также протоугорских племен из Западной Сибири и Приуралья и так называемых **алтайских племен** из Восточной Сибири и восточной части Центральной Азии. Алтайскими эти племена названы условно. **Первоначально они формировались значительно восточнее Алтая – на огромной территории южной полосы Сибири, между Енисеем и Тихим океаном – в Монголии, Маньчжурии и в нынешних провинциях Северного Китая. Во II–I тыс. до н. э. в среде "алтайских" племен постепенно сформировались пратюрко-монгольская и пратунгусо-маньчжурская языковые общности.** Внутри первой из них **в середине I тыс. до**

н. э. началось сложение прототюркских и протомонгольских языков, причем племена – носители протомонгольских языков консолидировались в Северной Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии, а племена – носители прототюркских языков расселились главным образом в Центральной и Внутренней Монголии – от Байкала до Ордоса. Процессы языковой дифференциации были весьма сложными и протекали в разных областях неодинаково. На многих территориях проторюркские и протомонгольские племена жили смешанно. В Западной и Центральной Монголии, где до начала II в. до н. э. преобладали ираноязычные юэчжи, а прототюркские племена находились в непосредственном соседстве с ними. Такова была в самых общих чертах **этно-лингвистическая карта Средней и Центральной Азии до образования первой кочевнической империи в Центральной Азии, которую создали племенные союзы хунну (гуннов), оттеснившие юэчжей и многочисленные сакские племена в Среднюю Азию.** Хотя сами гунны не относились к числу "алтайских" этносов, внутри гуннской конфедерации преобладали племена, говорившие, по-видимому, на древнейших тюркских языках (следует учесть, что в лингвистическом отношении кочевые племена, входившие в состав гуннской империи, не были однородны).

Проникновение прототюркских и протомонгольских племен на запад началось рано – уже у приуральских ираноязычных саков антропологи фиксируют монголоидную примесь. **Именно "алтайские" племена были носителями монголоидного физического типа.** Среднеазиатские и казахстанские степи в I тыс. до н. э. были очагом постоянных языковых и культурных контактов иранских, угорских (приуральских) и "алтайских" племен. Но вероятно, лишь после начавшегося на рубеже н. э. движения на запад гуннских племен в степной зоне Средней Азии начинают складываться тюркоязычные общности.

В IV–V вв. н. э. в Поволжье и Западном Казахстане консолидируются так называемые огузские племена, самым крупным из которых были булгары. Они говорили на одном из очень архаичных тюркских языков. По отдельным словам и грамматическим формам, сохранившимся в письменных памятниках и отразившим язык волжских и дунайских булгар (до славянизации последних), установлено, что булгарское наречие было предшественником современного чувашского языка, его элементы сохранились также у татар Поволжья, гагаузов, кумыков и некоторых других тюркоязычных народностей. Все эти этно-лингвистические процессы связаны с изменениями, которые на протяжении многих столе-

тий происходили в глубинах Центральной Азии и на Дальнем Востоке и породили мощные миграционные потоки, сотрясавшие цивилизации Средней и Передней Азии, а затем Европы на протяжении более тысячи лет. Именно на востоке Великой Степи родилась кочевая государственость того типа, который был свойствен протогосударственным и государственным образованиям кочевников Средней Азии и Казахстана. Все это побуждает обратиться к процессам, происходившим в конце I тыс. до н. э. – начале I тыс. н. э. в центре Азии.

Ранние кочевники Центральной Азии. В середине II – начале I тыс. до н. э. на востоке Евразии окончательно сформировались два отличных друг от друга хозяйственно-культурных региона: собственно китайский, в среднем и нижнем течении Хуанхэ, и центральноазиатский, охватывающий огромную территорию от Восточного Туркестана на западе до Южной Маньчжурии на востоке, от Гоби и Ордоса в излучине Хуанхе – до Тувы и Забайкалья. На большей части этой территории основой хозяйственной деятельности было кочевое и полукочевое скотоводство, сочетавшееся с примитивным земледелием и охотой. В начале I тыс. до н. э. племена, населявшие Центральную Азию, создали кочевую культуру скифского типа. Они освоили металлургию бронзы и железа, металлообработку, колесные повозки и всадничество. Жилищем им служила полусферическая с коническим верхом войлочная кибитка, которую при перекочевке укрепляли на большой повозке, влекомой быками.

Облик скифской культуры Центральной Азии, восстановленный археологами, мало дополняется письменными источниками, созданными в древнем Китае. В иньских гадательных надписях на панцирях черепах и лопаточных костях животных (XIV–XI вв. до н. э.) северо-восточные соседи протокитайских племен обычно именуются *цянами*, а позднее, в исторических трактатах, – *жунами*. Они названы в надписях "лошадиными цянами" и "во множестве разводящими лошадей цянами". Северные соседи китайских государств VIII–VII вв. до н. э. именовавшиеся *ди*, также относились к кругу скифских племен, что археологически засвидетельствовано находками так называемых ордосских бронз – великолепных памятников скифского искусства Центральной Азии.

Ранние рассказы о северных соседях собрал в "Исторических записках" создатель нормативной китайской историографии Сыма Цянь (135–67 гг. до н. э.). Но его сведения отрывочны, несистематичны, предельно кратки и ничем не напоминают обширные повествования Геродота о причерноморских скифах.

Кочевников, населявших Центральную Азию в VII–VI вв. до н. э. Сыма Цянь называет *жунами* и *ди*. Позднее их стали называть *ху*. В ту же эпоху в степях Внутренней Монголии, Южной Маньчжурии и в отрогах Большого Хингана жили *горные жуны* и *дунху* (восточные "варвары"). Северные племена были постоянными участниками политической жизни древнекитайских царств, то сражаясь с ними, то вступая в коалиции воюющих друг с другом государств и получая за это вознаграждение. Жуны и дунху не были политически объединены, "все они были рассеяны по горным долинам, имели собственных вождей, и хотя нередко собиралось свыше ста племен жунов, они не сумели объединиться в одно целое". Источники отмечают у жунов и дунху наличие посевов проса, но главным их занятием было скотоводство: "...переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к Востоку. Питаются мясом, пьют кумыс, одежду делают из разноцветных шерстяных тканей... Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами. Наследственного преемствия у них нет. Каждое стойбище имеет своего начальника. От ста до тысячи юрт составляют общину... От старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение... В каждом деле следуют мнению женщин, одни военные дела сами решают... Войну ставят важным делом".

Китайский наблюдатель VII в. до н. э. также отмечает, что у жунов "высшие сохраняют простоту в отношении низших, а низшие служат высшим (т. е. выборным старейшинам и вождям), руководствуясь искренностью и преданностью". Важной стороной их жизни были войны и набеги с целью захвата добычи. Однако даже во времена наибольшей слабости мелких китайских царств жуны никогда не угрожали им завоеванием. Набеги кочевников сдерживались или ограничивались военными мерами, дарами, подкупом вождей, торговлей. В ходе военных столкновений китайцы не раз убеждались в достоинствах варварской конницы, а иногда даже перенимали одежду и оружие своих противников.

Радикальное изменение общей ситуации в Центральной Азии произошло, согласно Сыма Цяню, в "период воюющих царств" (403–221 гг. до н. э.), когда на севере появились сильные объединения кочевых племен *сюнну* (гуннов) и *юэчжей*, а про дунху сообщается, что они "достигли расцвета" и у них появился единый правитель. В IV в. до н. э. китайцы впервые называют гуннов сре-

ди своих противников, которые позднее начали ожесточенную борьбу за Ордос с царством Чжао. Война шла с переменным успехом, но в составе гуннского объединения оказались за это время те жунские племена, которые прежде были независимы. На западе соседями гуннов были юэчжи – восточноскифские (сакские) племена, занимавшие вместе с родственными им усунями огромную территорию от Тянь-Шаня до Центральной Монголии. Тамги (геральдические знаки) вождей юэчжийских племен, недавно обнаруженные на черных скалах ущелья Цаган-гол в Гобийском Алтае, фиксируют южную границу юэчжийских земель.

Благодаря работам советских и монгольских археологов оказалось возможным проверить, дополнить и конкретизировать сообщения письменных источников. Раскопками обнаружены два типа культур скифского круга (I тыс. до н. э.). Один тип представлен культурой плиточных могил и "оленными камнями". Плиточные могилы сооружались из неглубоко погруженных в землю плоских каменных плит, образующих прямоугольный ящик. Погребенных клали головой на восток вместе с оружием, украшениями, сосудами. Специфическими предметами в захоронениях являются сосуды на трех полых ножках (триподы) и бронзовые ножи с выемчатыми фигурками людей и животных, бронзовые удила, часто кости коня. Плиточные могилы располагаются на местности цепочками, образуя родовые кладбища. К сожалению, большинство погребений разграблено.

С плиточными могилами сопряжен другой тип памятников – "оленные камни", представляющие собой каменные стелы, на которые нанесены изображения стилизованных оленей с вытянутыми вперед узкими клювообразными мордами, закинутыми за спину длинными ветвистыми рогами и подогнутыми в летящем галопе ногами. Вместе с ними на камень нанесены изображения других предметов – боевых топоров, кинжалов, зеркал, круто изогнутых луков. Большая часть таких предметов, сделанных из бронзы, и роговые обкладки луков найдены в плиточных могилах. Находки железных предметов там крайне редки.

Культура плиточных могил распространена на огромной территории от Забайкалья до Северного Тибета, охватывает степную часть Маньчжурии, всю Внутреннюю, Восточную и Центральную Монголию, резко обрываясь на западных склонах Хангайских гор. Там начинается область другой культуры скифского типа: каменные ящики сменяются курганами, такими же, как раскопанные на Алтае знаменитые гробницы Пазырыка. Эта область охватывает Западную Монголию, Туву, Алтай, Восточный Казахстан. Ан-

тропологически погребенные отличаются так же резко, как и тип захоронений. В плиточных могилах погребены монголоиды северной (палеосибирской) ветви этой расы, а в курганах – европеоиды. В III–II вв. до н. э. плиточные могилы и скифские курганы вытесняются другими погребениями, в которых железный инвентарь сменяет бронзовый.

Наложив сведения письменных источников на археологическую карту, можно заключить, что носителями культуры плиточных могил были племена жунов и дунху. Культура курганных захоронений Западномонгольского и Саяно-Алтайского регионов, датируемая V–III вв. до н. э., принадлежала восточноскифским племенам, в том числе юэчжам и усуням.

Именно среди памятников, близких, но не тождественных скифским, выделены многочисленные погребальные комплексы VII–V вв. до н. э., несущие все признаки, характерные для позднейших гуннских захоронений. Район распространения этих своеобразных памятников расположен к востоку и юго-востоку от нынешней Монголии, в степных и лесостепных пространствах Маньчжурии и частично во Внутренней Монголии. Здесь и была, скорее всего, первоначальная родина или территория формирования тех кочевых скотоводческих племен ярко выраженного монголоидного облика, которые позднее, в IV–III вв. до н. э., сместившись к западу и овладев степями между Ордосом и Забайкальем, стали известны под именем гуннов.

Держава гуннских шаньюев. В последние десятилетия III в. до н. э. союз гуннских племен, возглавлявшийся военным вождем шаньюем, вместе с подчиненными племенами испытал небывалую ломку традиционных отношений, завершившуюся возникновением примитивного варварского государства. Сыма Цянь так излагает события в Степи, положившие начало гуннскому могуществу: “В то время дунху были сильны, а юэчжи достигли расцвета. Шаньюем у гуннов был Тоуманъ. Он имел двух сыновей от разных жен. Для того чтобы сделать наследником младшего, шаньюй решил пожертвовать старшим, Маодунем, и отправил его заложником к юэчжам. Затем Тоуманъ напал на юэчжей. Маодунь не погиб, он украл коня и ускакал к своим. Отец дал ему под начало отряд. Маодунь, обучая воинов, приказал стрелять туда, куда летит его “свистунка” (боевые стрелы гуннов снабжались костяными шариками с отверстиями – сотни свистящих стрел наводили ужас на врагов и пугали их коней). Вскоре Маодунь пустил стрелу в своего прекрасного коня. Тем из его отряда, кто не выстрелил, он приказал отрубить головы. Некоторое время спус-

тя Маодунь пустил стрелу в свою любимую жену. Он отрубил головы тем, кто не последовал ему. На охоте Маодунь направил стрелу в коня своего отца, и никто из его воинов не опоздал выстрелить. Тогда Моадунь понял, что время настало. И когда он пустил стрелу в отца, никто из его воинов не дрогнул – Тоуманъ был утыкан стрелами. Казнив младшего брата, мачеху и приближенных отца, Маодунь стал шаньюем.

Узнав о событиях в орде (так называли гунны военный лагерь и княжескую ставку), правитель дунху решил, что смута ослабила гуннов, и потребовал от Маодуня уступить пограничную территорию. Многие старейшины, опасаясь войны, советовали Маодуню отдать землю. "Крайне разгневанный Маодунь ответил: "Земля – основа государства, разве можно отдавать ее!" Всем, советовавшим уступить землю, он отрубил головы. Затем Маодунь сел на коня, приказал отрубить голову каждому, кто опоздает явиться, двинул на восток и внезапно напал на дунху... Он разгромил дунху, убил их правителя, взял людей из народа и захватил домашний скот".

В 203–202 гг. до н. э. Маодунь подчинил племена Саян, Алтая и Верхнего Енисея, в том числе древних кыргызов на территории современной Хакасии, и окончательно установил северные границы своей державы. Но оставались два главных противника – Китай и юэчжи. В 202 г. до н. э. закончилась гражданская война в Китае. К власти пришла династия Хань. Ее основатель Лю Бан (император Гао-ди), стремясь обезопасить границу, зимой 200 г. лично повел войска против гуннов. После первых столкновений Маодунь отступил, а ханьский авангард в преследовании противника оторвался от основных сил. С авангардом был сам император. Гунны сразу же прекратили отступление и четыре их конных корпуса окружили императора в горах Байдэн. "В течение семи дней ханьские войска, находившиеся в горах и вне их, не могли оказать друг другу ни военной помощи, ни помощи продовольствием". Спасло императора только обещание заключить с гуннами мирный договор, основанный на родстве, т. е. выдать за Маодуня принцессу из императорского дома. Маодунь снял окружение. Император выполнил обещание лишь после нескольких новых набегов гуннов и вместе с принцессой прислал богатые подарки: шелковые ткани и вату, вино и рис, украшения, обязавшись возобновлять их ежегодно. Фактически это была дань. Между гуннами и Хань на 40 лет установились мирные отношения, лишь ненадолго прерванные гуннскими набегами в 166–163 гг. После них договор о мире и родстве был возобновлен.

Самую жестокую войну Маодуню и его наследнику Лаошаньюю (174–161 гг. до н. э.) пришлось выдержать с юэчжами. Борьба длилась четверть века, и лишь к 165–164 гг. до н. э. ценой величайшего напряжения гуннам удалось переломить борьбу в свою пользу. А западная граница гуннов надолго стабилизировалась в Восточном Туркестане, где они не раз сражались с ханьцами за власть над богатыми городами-оазисами бассейна Тарима.

Юэчжи. Этот могущественный племенной союз центральноазиатских кочевников известен под этим именем только из китайских источников, описывающих события, происходившие в степи по периметру северокитайских государств в III–II вв. до н. э. Но к этому времени юэчжи уже были давними обитателями степей Внутренней Азии. Данные об юэчжах, усунях и сэ (саках) свидетельствуют о том, что эти племена продвинулись далеко на восток (юэчжи до провинции Ганьсу) задолго до III в. до н. э., скорее всего, не позже VII–VI вв. до н. э.

Хотя Сыма Цянь располагает коренную территорию юэчжей в конце III в. до н. э. "между Дуньхуанем и Циляньшанем", т. е. севернее Ньаншаня, в юго-западной части провинции Ганьсу, более детальный анализ источников позволяет утверждать, что здесь находились лишь основные центры юэчжей, привязанные к древней трансазиатской торговой трассе. Реальная власть юэчжийских вождей и расселение их племен распространялись тогда на большую часть Монголии, Джунгарию, Ньяншань, где они соседствовали с усунями, а также на Таримский бассейн и верховья Хуанхэ.

Первые сведения о юэчжах и их стране появились в Китае еще в доханьской литературно-историографической традиции. В несколько иной иероглифической транскрипции (*юйши, юйчжи*) этноним упоминается уже в трактате "Гуаньцзы" (V–IV вв. до н. э.) как название народа и страны, где в горах добывают нефрит. Позднее китайские комментаторы текста объяснят, что "юйши есть название северо-западных варваров". Страна Юйчжи упоминается в другом древнекитайском трактате – "Повествовании о Сыне Неба Му". Трактат, записанный на бамбуковых дощечках, был найден в 279 г. до н. э. в разграбленной княжеской могиле вместе с летописью ("Бамбуковые анналы"), доведенной до 299 г. до н. э. Страна Юйчжи, согласно той реалистической части маршрута путешествия Сына Неба Му, которая в точности соответствует маршруту похода Чжаоского государя Улинь-вана (325–299 гг. до н. э.), находилась в пяти днях пути к западу от нынешнего горного прохода Янь-Мэньгуань на севере Шаньси, во-

сточнее излучины Хуанхэ. Упоминается она в связи с Нефритовой горой. Китайские транскрипции названий юйши, юйчжи и юэчжи адекватно передают одну и ту же исходную форму этнонима.

Другой аспект юэчжийской проблемы – этно-лингвистическая идентичность носителей этого имени. **Одни исследователи древней Внутренней Азии связывают юэчжей со скифо-сакской этнокультурной общностью, другие – с народом, который в античных и индийских источниках именуется тохарами.** Последняя точка зрения серьезно подкреплена текстами середины и второй половины I тыс. н. э., обнаруженными в Восточном Туркестане, и связывает юэчжей с тохарами Таримского бассейна, говорившими и писавшими на диалектах архаичного индоевропейского языка. Реконструкция этапов тохарского продвижения на восток и возможных тохаро-китайских языковых связей также основательно подкрепляет гипотезу о тождестве юэчжей с тохарами.

Более определенное суждение об этно-лингвистической принадлежности юэчжей дает анализ тех языковых материалов, которые представлены памятниками среднеазиатских потомков юэчжей, создателями Кушанской империи. Благодаря эпиграфическим и нумизматическим находкам выяснилось, что кроме греческого и санскрита в кушанской официальной языковой практике использовался иранский язык, связанный с территорией древней Бактрии и получивший название бактрийского. По мнению В. А. Лившица, предки кушан юэчжи-тохары принесли в Бактрию сакский диалект кушан, прямо связанный с хотано-сакскими диалектами Восточного Туркестана. Сакский язык кушан, подобно языку парнов в Парфии, исчез в результате ассимиляции пришельцев местной иранской средой. Напротив, В. В. Иванов не исключает тохарской принадлежности первоначального языка тохар-кушан, имея в виду тохарский диалект кучи. Именно В. В. Иванов сформулировал гипотезу об этнической неоднородности юэчжийского племенного союза, в который "на определенном этапе наряду с тохарами входили и восточноиранские племена". Учитывая, что во II в. до н. э. отнюдь не все юэчжи покинули Внутреннюю Азию (согласно китайским источникам, в Ганьсу и Восточном Туркестане остались "малые юэчжи"), В. В. Иванов допускает факт откочевки на запад, в Среднюю Азию, именно восточноиранского компонента этого племенного объединения, пользовавшегося наряду с другими также этнонимом *тохар*.

Тезис об этнополитической неоднородности юэчжийского племенного союза получил неожиданное подтверждение в результате петроглифических находок в юго-западной Монголии,

где на скалах ущелья Цаган-Гол (Гоби-Алтайский аймак) среди наскальных рисунков помещался комплекс тамговых знаков. Исследование цагангольских тамг показало их единство по начертанию и происхождению с группой тамг Средней Азии и Причерноморья – с тамгами на монетах царей Хорезма, Согда и Бухары, а также с сарматскими тамгами.

Очевидно, что та ветвь юэчжийских племен, тамги которой зафиксированы в Гобийском Алтае, а позднее – в Согде, Бухаре и Хорезме, не была идентична южной кушанской группе юэчжей. По своим генетическим связям северные юэчжи тяготели к сарматским племенам Казахстана и Приуралья. Цагангольский комплекс тамг свидетельствует о расселении в юго-западной Монголии, по крайней мере в пределах Монгольского и Гобийского Алтая, во второй половине I тыс. до н. э. группы иранских племен. Именно цагангольские тамги надежно подтверждают гипотезу о юэчжийской принадлежности пазырыкцев, более того, об их сарматских (восточноиранских) связях.

Этнополитическое разделение юэчжийских племен и их владетельных домов во II–I вв. до н. э. на северную и южную группы отражает распад после тяжелых поражений конца III – начала II в. до н. э. юэчжийского (тохарского) многоплеменного объединения, создавшего до того во Внутренней Азии архаичную кочевническую империю, во главе которой стоял единый правитель и которая располагала войском до 100 тыс. конных воинов. Об этом периоде юэчжийской истории Сыма Цянь пишет: "В прежние времена (юэчжи) были могущественны и с презрением относились к сюнну". Кроме того, хунны находились в политической зависимости от юэчжей, понуждавших их посылать ко двору правителя юэчжей заложниками сыновей шаньюя. Последним таким заложником был Маодунь, который, став шаньюем, нанес юэчжам первое военное поражение и вторгся на их коренные земли в Восточном Туркестане. Но лишь через несколько десятилетий наследник Маодуня "сюннский шаньюй Лаошан убил правителя юэчжей и сделал из его головы чашу для питья". После 165 г. до н. э. начался исход большей части юэчжей на запад.

Таким образом, и прямо и косвенно китайская историография свидетельствует о долгой истории хунно-юэчжийских войн, двух периодах в истории хунно-юэчжийских отношений. **До конца III в. до н. э. юэчжи имели явное военно-политическое превосходство над хуннами, которого лишились на грани III–II вв. до н. э.**

Когда и где стали возможными первые контакты между юэчжами и гуннами? Сыма Цянь упоминает сюнну в связи с их набе-

гами на царство Чжао (403–222 гг. до н. э.), занимавшее южную часть провинции Хэбэй, восточную часть провинции Шаньси и земли к северу от Хуанхэ до Хэнани. Под контролем Чжао находились земли севернее Ордоса, столь ценимые кочевниками монгольских степей. Для противодействия им было создано несколько военных округов. Главным противником Чжао на севере и стали хунну. В середине III в. до н. э. командовал этими округами самый опытный полководец Чжао – Ли Му.

Много раньше на территорию Внутренней Монголии, близкой к Ордосу, появились юэчжи, что засвидетельствовано и археологически. Только с юэчжами можно соотнести многочисленные находки во Внутренней Монголии блях с изображенными на них сценами борьбы мифических хищников, вполне пазырыкского облика, хорошо датируемых IV в. до н. э. Юэчжи вели активную военную политику не только на западе от Алтая, о чем свидетельствуют некоторые трофеи пазырыкских вождей, но и на далеком востоке Великой Степи. Здесь они встретились с очень несхожими по внешнему облику племенами. **Антропологически хунну были монголоиды**, что подтверждают материалы из хуннских погребений Монголии.

В 121 г. до н. э. император У-ди назначил прославленного воина Хо Цюй-бина "военачальником сильной конницы", предназначенной для подавления хуннов на их же территории. Действия Хо Цюй-бина были столь успешны, что, несмотря на скорую кончину (119 г. до н. э.), он сумел нанести хуннам невосполнимые потери. Особенно прославила его победа над хуннами у гор Цилянь, на земле малые юэчжи. Над могилой Хо Цюй-бина был насыпал холм, по форме напоминающий горы Цилянь. А на мраморной гробнице были вырезаны барельефом несколько групп его противников и сцены триумфа. В 1936 г. венгерский антрополог Золтан Такач посетил погребальный комплекс Хо Цюй-бина и снял эстампажные копии той группы, которая носила название "Кони топчут сюнну". В 1938 г. эстампажи и прорисовки были опубликованы в Пекине, но великолепный иконографический материал остался незамеченными исследователями.

Иконографические изображения хуннов из гробницы Хо Цюй-бина носят все признаки монголоидности: выдающиеся скулы, низкий лоб, толстые губы, короткий приплюснутый нос, борода и торчащие вверх прямые жесткие волосы. Другое свидетельство о монголоидности хуннов – позолоченные головы на пазырыкской узде, украшавшие парадный убор коня одного из юэчжийских вождей. Это головы убитых им воинов-хуннов, из

черепов которых были сделаны золоченые чаши, свидетельство жестоких хунно-юэчжийских войн IV—III вв. до н. э. В ходе этих войн, надолго задержавших западную экспансию хуннов (гуннов), юэчжи создали во Внутренней Азии свою кочевническую империю и, по оценке Сыма Цяня, достигли расцвета. Свидетельством гегемонии юэчжей в Великой Степи, когда юэчжийские князья, похороненные на Алтае, сражались далеко на востоке ради власти "над народами, натягивающими лук", стала пазырыкская узда, деревянные подвески которой изображают отрубленные головы гуннов. Прошло менее двух веков, и на Алтае утвердились новые владыки Великой Степи, сделавшие золоченые чаши из черепов вождей своих прежних сюзеренов — юэчжей.

Хозяйство, общественное и государственное устройство. Дань, которую получали шаньюи от ханьского двора, была недостаточна для удовлетворения потребностей значительного кочевого населения в продуктах оседлого хозяйства, поэтому для гуннов более существенным было установление пограничной торговли, которую, однако, не разрешало императорское правительство, видевшее в торговле только инструмент давления на "варваров". Позднее суть этой политики четко сформулировал один из китайских историографов: "Нет дани (от варваров) — нет и торговли с ними, есть дань — есть и вознаграждение (т. е. торговля)". Добиваясь открытия рынков на границе, шаньюи начали в 158 г. новую серию набегов и опустошили несколько северных округов. После этого в 152 г. император Сяоцзин снова заключил с гуннами мир, основанный на родстве, открыл рынки на пограничных пропускных пунктах, послал гуннам подарки и отправил принцессу, согласно прежнему договору. Экономика гуннского общества, по описанию Сыма Цяня, была примитивной: "В мирное время они следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом свое существование, а в тревожные годы каждый обучается военному делу для совершения нападений. Таковы их врожденные свойства... Начиная от правителя, все питаются мясом домашнего скота, одеваются в его шкуры и носят шубы из войлока". Столь же простой кажется и проистекающая из характера экономики программа отношений с Китаем, сформулированная одним из шаньюев: "Я хочу открыть вместе с Хань большие заставы для торговли, взять в жены дочь из дома Хань, хочу, чтобы мне ежегодно посылались 10 тыс. даней рисового вина, 5 тыс. ху (мер) проса, 10 тыс. кусков различных шелковых тканей, а также все остальное, и в этом случае на границе не будет взаимных грабежей".

Вместе с тем в источниках имеются и упоминания о городах в глубине гуннских земель, о хранимых там запасах зерна. Так, сообщая о суровых для гуннов зиме и лете 89–88 гг. до н. э., летописец замечает: "В это время начался снегопад, длившийся несколько месяцев подряд, скот падал, среди населения начались болезни, хлеба не вызрели, напуганный шаньюй построил молельню". В Забайкалье археологи исследовали один из гуннских городков у впадения р. Иволга в Селенгу. Иволгинское городище, окруженное четырьмя рвами и четырьмя валами, имеет площадь 75 га, застроенных полуземлянками (отрыто около 80 жилищ). В нем обнаружены следы железоделательного и бронзолитейного производства, а главное – сошники из чугуна и литейные формы для них, железные серпы и каменные зернотерки. Судя по малым размерам сошников, плуги у гуннов были небольшие, деревянные, и земля вскапывалась неглубоко. Развитию земледелия, однако, препятствовали суровые природные условия страны гуннов, и собственное производство зерна (главным образом, проса и ячменя) никогда не удовлетворяло потребностей довольно многочисленного населения (по расчетам исследователей, около 1,5 млн.). **Основным видом хозяйственной деятельности гуннов всегда было кочевое скотоводство,** что подтверждают и сообщения письменных источников, и результаты археологических раскопок. Первостепенную роль у гуннов играла лошадь. При экстенсивном скотоводческом хозяйстве, когда корма для скота на зиму не заготовливались, лошадь имела и то преимущество, что могла круглый год находиться на подножном корму, добывая траву из-под неглубокого снега. Судя по костям, найденным в гуннских погребениях, лошади были монгольскими – небольшого роста, грубого, но мускулистого сложения, с короткой и широкой мордой.

Кроме огромных табунов лошадей, богатство гуннов составляли стада быков, яков и верблюдов, громадные отары овец и коз. По современным подсчетам, хотя и весьма приблизительным, гунны в пору расцвета имели на душу населения 19, в пору упадка – 5–9 голов скота. Для сравнения заметим, что в предреволюционной Монголии (1918 г.) на душу населения приходилось 17 голов всех видов домашнего скота. Скот находился в семейной собственности, каждая семья имела право на определенную часть родовой территории для выпаса скота и пользовалась защитой рода. Для сохранения численности и нераздельности имущества семьи гунны, как отмечает Сыма Цянь, "после смерти отца берут в жены мачех, после смерти старшего или младшего брата женятся на их

женах" (у гуннов, как и у многих кочевников, существовало многоженство). Предусматривалась и семейная ответственность за кражу чужого имущества, прежде всего скота, – семья виновного могла быть обращена в рабство.

Социальное устройство гуннского общества и его государственная организация не могут быть реконструированы с достаточной полнотой, но социально развитый характер гуннской империи несомненен. Верхушку гуннского общества составляли четыре аристократических рода, связанных между собой брачными отношениями, когда мужчины любого из этих родов брали себе жен только из трех других знатных родов. Глава государства – шаньюй – мог быть только из рода Люаньди, самого знатного из четырех. Позднейшие источники упоминают и другие знатные роды. Очевидно, что иерархия родов и племен играла в гуннском обществе немалую роль, причем на низшей ступени находились покоренные племена, адаптированные в гуннскую родо-племенную систему. Ниже их были покоренные племена, не включенные в состав гуннских, которые подвергались особенно безжалостной эксплуатации. Так, подвластные гуннам дунху выплачивали постоянную дань тканями, овчинами и кожей. Если дань задерживалась, то гунны казнили родовых старейшин, отнимали и обращали в рабство женщин и детей данников, требуя затем выкуп за их освобождение.

Рабство у гуннов часто упоминается в источниках. Рабами были иноплеменники, но в рабство за различные преступления попадали и сами гунны. Рабы-иноплеменники использовались прежде всего в оседлом хозяйстве. Они жили вместе с гуннами в укрепленных городах, копали оросительные канавы, пахали землю, участвовали в строительных и горных работах, в различных ремесленных промыслах. Положение рабов-гуннов неясно. Возможно, они составляли низшую часть большой патриархальной семьи.

Устройство гуннского государства было столь же строго иерархично, как и их общественная структура. Держава гуннов, выросшая из военной демократии жунских племен V–IV вв. до н. э., сложилась в борьбе с соседними племенными союзами и китайскими царствами. Основатели страны и их преемники видели свою главную цель в господстве над "всеми народами, натягивающими лук" (т. е. над кочевниками) и превосходстве над "людьми, живущими в земляных домах" (т. е. над оседлыми землепашцами). Такое государство могло существовать только на военно-административных принципах.

Государство гуннов, как и другие государства кочевников, возникло в результате внутренних процессов в самом кочевом обществе – имущественного и классового расслоения, приведших к рождению государства со всеми его атрибутами. Во главе государства стоял шаньюй, чья власть была строго наследственной и освященной божественным авторитетом. Его называли сыном Неба и официально титуловали «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный, великий гуннский шаньюй». Власть государя определялась его правами и функциями: правом распоряжаться всей территорией государства, землями, принадлежавшими гуннам, и функцией охраны этой территории; правом объявления войны и заключения мира и функцией личного руководства войсками; правом концентрировать в своих руках все внешние сношения государства и функцией определения внешнеполитического курса; правом на жизнь и смерть каждого подданного и функцией верховного судьи. Вероятно, шаньюй был и средоточием сакральной власти, во всяком случае, все упомянутые источниками действия в защиту и соблюдения культа исходили от шаньюя, который утром выходил из ставки и совершал поклонение восходящему солнцу, а вечером совершал поклонение луне. Верховного владетеля окружала многочисленная группа помощников, советников и военачальников, однако решающее слово всегда оставалось за ним, даже если он действовал вопреки единодушному мнению своего окружения.

Высшие после шаньюя лица в государстве – левый и правый (т. е. западный и восточный) "мудрые князья" – были его сыновьями или ближайшими родственниками. Они управляли западными и восточными территориями империи и одновременно командовали левым и правым крыльями армии. Ниже их стояли другие родичи шаньюя, управлявшие определенной территорией. Все они носили различные титулы и назывались начальниками над десятью тысячами всадников (темниками). Их число было строго фиксировано – 24 высших военачальника, распределенных между левым и правым крыльями войска, западной и восточной частьями империи. Тот или иной пост давался в зависимости от степени родства с шаньюем. Темников назначал сам государь. Он же выделял подвластную каждому темнику территорию вместе с населением, проживавшим на этой территории. Какое-либо перемещение племен без приказа шаньюя строго возбранялось. Наибольшее значение имел не размер удела, а именно численность его населения, которым и определялись власть и военная сила темника. Число в 10 тыс. воинов, находившихся под его коман-

дой, было условным. Сыма Цянь замечает, что каждый из 24 начальников имел от десяти тысяч до нескольких тысяч воинов. В пределах своих владений темник, подобно шаньюю, назначал тысячников, сотников и десятников, наделял их землей с кочующим населением. Но сместить и наказать темника мог только шаньюй. В свою очередь, темники участвовали в возведении шаньюя на престол, не имея, впрочем, права выбора. Власть переходила по строгой наследственной системе, которая утратила свое значение лишь в период полного ослабления гуннского государства.

Основной повинностью всего мужского населения государства была военная служба. Каждый гунн считался воином, и уклонение от исполнения военных обязанностей каралось смертью. Все мужчины с детства и до смерти были приписаны к строго определенному воинскому подразделению, и каждый сражался под командованием своего темника.

При Лаошан-шаньюе началось систематическое взимание податей. Трижды в год все начальники, как правило, выходцы из четырех аристократических родов, съезжались в ставку шаньюя для "принесения жертв предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам", для обсуждения государственных дел и один раз, осенью, – "для подсчета и проверки количества людей и домашнего скота". Эти совещания были не столько каким-либо правительственным органом, сколько семейным советом родственников, поскольку все их участники были родичами шаньюя.

Таким образом, правящий слой гуннской империи сложился из родо-племенной знати. Отношения родства и свойства сохраняли решающее значение для определения социального положения и политической роли каждого, кто принадлежал к высшим слоям гуннского общества. В то же время вся эта знать выступала и как патриархальная верхушка племен, как их "естественные" вожди, кровно связанные с рядовыми соплеменниками.

Основу общественного влияния и политической силы знати составляла собственность на пастбищные земли, проявлявшаяся в форме права распоряжаться перекочевками, а значит, распределять кормовые угодья между родами. Степень реализации права собственности целиком зависела от места того или иного знатного лица в военно-административной системе, что, в свою очередь, предопределялось его местом в родо-племенной иерархии. Вся эта структура обладала достаточной устойчивостью, чтобы предопределить более трех веков существования гуннской империи и еще несколько веков жизни мелких гуннских государств.

Государственно-политическое развитие

Расцвет и упадок кочевой империи гуннов. С образованием гуннской империи и после окончания долгой гунно-юэчжийской войны в степях наступил мир. Большая часть II в. до н. э. была временем подъема гуннского кочевого хозяйства. В ходе нескольких гунно-китайских войн кочевники вернули захваченные цинскими императорами пастбища к югу от Гоби и добились своей главной цели — постоянного поступления тканей и зерна из Китая через рыночную торговлю на границе и "дары" (замаскированную дань) шаньюям. Новый цикл гунно-китайских войн начали в 133 г. до н. э. ханьцы. Император У-ди (140—87 гг. до н. э.), решил вновь захватить гуннские земли к югу от Гоби и навсегда сокрушить мощь северных кочевников. Наступление ханьцев привело к успеху в 127 г. до н. э.: "Гунны бежали далеко, и к югу от пустыни уже не было ставки их правителя. Ханьцы, перейдя Хуанхэ... построили оросительные каналы и, понемногу захватывая земли, стали граничить с гуннами..." В 124—123 гг. война была перенесена на коренные земли гуннов, в монгольские степи, где шла с переменным успехом. В 119 г. огромная китайская армия захватила северную ставку шаньюя и перебила около 90 тыс. гуннов, но и сама понесла тяжелые потери. Одновременно началось продвижение ханьских войск на запад, в Среднюю Азию, где в 101 г. ими были разграблены ферганские города, а гунны отрезаны от восточнотуркестанских оазисов. В 99 и 97 гг. ханьцы вновь предприняли два крупных наступления против гуннов, но успеха не добились. Наконец, в 90 г. семидесятитысячная китайская армия под командованием полководца Ли Гуань-ли вторглась в гуннские земли, разгромила передовые отряды гуннов и сошлась для генерального сражения с армией шаньюя. В это время Ли Гуань-ли узнал, что его семья арестована в столице по обвинению в колдовстве и всем его родичам, а по возвращении и ему самому, грозит смерть. Он решил заслужить милость императора победой, но в первом же бою понес тяжелые потери. Тогда старшие командиры войска решили взять его под стражу. Однако Ли Гуань-ли, казнив участников заговора, начал генеральное сражение у горы Яньжинь. В тяжелом бою китайцы были окружены, и Ли Гуань-ли сдался в плен. У императора не осталось больше полевой армии для продолжения войны. Китай не сумел сломить гуннов своими силами, но через двадцать лет нанес им тяжелые поражения с помощью других кочевых народов — в 71 г. усуни с запада, ухуани (часть дунху) с востока и енисейские дин-

лины с севера ворвались в гуннские земли. В жестокой войне гунны потеряли до трети населения. Начался кризис политического господства гуннов в Центральной Азии. Внешним выражением его был **раскол гуннов в 56 г. до н. э. на южных и северных.** Южные гунны, во главе с Хуханье-шаньюем установили мирные отношения с Китаем, отказавшись от набегов, а Китай делал все для их умиротворения. Более пятидесяти лет на гунно-китайской границе не было крупных столкновений. Северные гунны во главе с Чжичжи-шаньюем ушли в Среднюю Азию, в союзное государство Кангюй (на средней Сырдарье), но здесь были настигнуты китайским экспедиционным корпусом и уничтожены. Ханьские власти опасались, что Чжичжи в союзе с кангюйцами будет угрожать их господству в Восточном Туркестане.

Единство и могущество гуннской империи было восстановлено на короткий срок в начале I в. н. э., но уже **в 48 г. н. э. произошел новый раскол гуннов на северных и южных.** Вся дальнейшая судьба гуннов, вплоть до падения Ханьской империи, была историей обычных варваров-федератов, целиком зависимых от правительства в имперской столице. Северяне под ударами с юга и под натиском бывших вассалов – древнекыргызских племен Енисея, в особенности потомков дунху сяньби – протомонгольских племен юго-западной Маньчжурии, с каждым десятилетием утрачивали свое могущество и территории. Их ставки сместились в Западную Монголию, в Юго-Западную Сибирь и Восточный Туркестан, где до середины II в. н. э. они продолжали сопротивляться ханьскому продвижению на запад. Наиболее тяжелые поражения гунны понесли в войнах с сяньби в 93–94 гг., когда десятки тысяч их семей были включены в состав сяньбийской племенной конфедерации, в 151–155 гг., когда создатель эфемерной сяньбийской империи Таньшихай вытеснил гуннов из их последних владений в Джунгарии. Именно **в первой половине II в. н. э. началась миграция гуннских племен сначала в Восточный Казахстан и Семиречье, где они создали государство Юэбань, просуществовавшее до V в., а затем, вместе с угорскими племенами Западной Сибири, – в Приуралье, в Прикаспийские и Заволжские степи.**

Идентификация "азиатских" и "европейских" гуннов зачастую вызывала сомнение, так как нет прямых указаний на их миграцию к западу от среднеазиатских степей. Достоверно неизвестен и язык гуннских племен Востока и Запада, хотя по косвенным указаниям можно предположить, что их основную массу составляли прототюркские племена. Это, конечно, не исключает

многоязычия гуннских объединений, в которые входили предки монголов, тунгусов, угров, а в Средней Азии и на западе – ираноязычных племен и даже славян.

Наибольшее затруднение для историка вызывает то обстоятельство, что в степях юго-восточной Европы гунны появились внезапно, в 70-х гг. IV в. Первой их жертвой стали приазовские аланы, часть которых спаслась в горах Северного Кавказа. Затем, овладев Прикубаньем, гунны зимой по льду переправились через Керченский пролив и разгромили богатые города Боспорского царства. Вся причерноморская периферия античного мира, вплоть до Днестра, сармато-аланские и готские племена были разгромлены в течение нескольких лет. Частью они были включены гуннами в состав орд, частью бежали за Днестр. К 376 г. гунны продвинулись непосредственно к границам Римской империи.

"Невиданный дотоле род людей, – пишет автор V в. Аммиан Марцеллин, – поднявшийся как снег из укромного угла, потрясает и уничтожает все, что покажется навстречу, подобно вихрю, несущемуся с высоких гор". Для римского эрудита гунны были новым племенем, "о котором мало знают древние памятники". В середине II в. автор стихотворного "Описания населенной земли" Дионисий размещает гуннов где-то в Прикаспии. Во второй половине II в. их упоминает там и знаменитый александрийский географ Клавдий Птолемей. Но даже для образованного человека IV–V вв. эти краткие сведения мало о чем говорили. Поэтому столкновение с невиданным дотоле народом казалось не только внезапным, но и ужасным. Классическое описание пришельцев и их воздействие на римский мир дал Аммиан Марцеллин. По его словам, гунны, "которые превосходят всякую меру дикости", были "семенем всех несчастий и корнем разнородных бедствий", "все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь страшным и чудовищным видом, что можно принять их за двуногих зверей... кочуя по горам и лесам, они с колыбели приучаются переносить холод, голод и жажду; и на чужбине они не входят в жилище за исключением крайней необходимости... они плохо действуют в пеших стычках, но зато как бы приросшие к своим выносливым, но безобразным на вид лошаденкам, и иногда, сидя на них по-женски, они исполняют на них все обычные свои дела; на них каждый из этого племени ночует и днюет, покупает и продает, ест и пьет и, пригнувшись к узкой шее своей скотины, погружается в глубокий сон... Если случится рассуждать о серьезных вещах, они все сообща советуются в том же обычном порядке; они не подчиняются строгой власти царя, а

довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают все, что попадается на пути... У них никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи. Все они, не имея определенного места жительства... кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости. Никто из них не может ответить на вопрос, где его родина; он зачат в одном месте, рожден далеко оттуда, вскормлен еще дальше".

Описание гуннов Аммианом Марцеллином, конечно, грешит преувеличением. Гунны имели достаточно развитую материальную культуру и такие навыки военного дела, вплоть до стенобитной техники, которые позволяли им сокрушать хорошо вооруженных противников, брать его укрепленные города. Но несомненно и то, что пришедшие в Европу племена утратили многое из достижений экономического, социального и культурного развития, которые были характерны для их предков в Центральной Азии. Собственные производительные силы европейских гуннов были ничтожны. Нападения на оседлые народы, захват продуктов их труда, пленение и обращение в рабство ремесленников сделались для них основным источником добывания жизненных благ, а гуннское общество стало полностью паразитическим. Все это с особой силой проявлялось в последующий период, когда степняки прорвали пограничную линию Римской империи, а их вождь, Аттила, создал гуннскую империю в Европе.

Гунны между Алтаем и Аралом. Если память о гуннах в Европе сохранена многочисленными и яркими свидетельствами греческих и латинских авторов, то сведений о появлении новых кочевых завоевателей с Востока в Средней Азии почти нет. Крайне скудны и археологические материалы. Повествования сирийских и византийских летописцев о "белых гуннах" – *хионитах* и *эфталитах* (IV–VI вв.) – не указывает на генетическое родство обоих народов с гуннами Центральной Азии. Тем не менее частичная реконструкция гуннского периода в истории кочевых народов Казахстана возможна.

Продвижение гуннов на Запад началось еще при шаньюе Маодуне, с войны за политическое преобладание в Восточном Туркестане. Зависимые от гуннов владения вскоре появились не только в бассейне р. Тарим, но и много западнее. Одно из них упомянуто китайским историографом в связи с событиями середины I в. до н. э. Сын наследника гуннского престола был женат на дочери владетеля Учаньму, о котором рассказывается: "Учаньму

первоначально был правителем небольшого владения, лежавшего между землями усуней и владениями Кангюй. Он неоднократно подвергался нападениям и притеснениям соседей, а поэтому во главе своего народа (воинов) в несколько тысяч человек перешел на сторону гуннов. Шаньюй Хулугу... приказал ему по-прежнему управлять его народом и жить на западных землях".

Следовательно, в северо-западном Семиречье (между усунями и кангюйцами) существовало небольшое княжество, владетель которого, вступив в брачные отношения с царским домом гуннов, обеспечил защиту и покровительство могучего родственника на условиях вассалитета. Позже зять Учаньму после неудачной попытки занять освободившийся трон бежит со своей ордой во владения тестя. Это самое раннее упоминание о переселении гуннов на территорию нынешнего Казахстана.

Трепет, который внушала власть шаньюев их западным соседям, заставляла владетелей государств Западного края признавать сюзеренные права гуннских владык и блюсти их интересы. Такая ситуация сохранялась до распада гуннской державы и подчинения шаньюя "южных" гуннов, Хуханье, власти ханьского императора (53 г. до н. э.).

Младший брат Хуханье Чжичжи, возглавив "северных" гуннов, вскоре перенес свою ставку в Джунгарию. Именно с ним связано первое отмеченное источниками вмешательство гуннов в войну между Кангюем и усунями, завершившееся переселением Чжичжи-шаньюя и части его войск в долину Таласа. В 42 г. до н. э. гунны и кангюйцы разгромили столицу усуней – город в "Долине красных скал" на берегу Иссык-Куля. Затем Чжичжи совершил поход в Фергану. Опасаясь за безопасность границы, командование китайских войск в Западном крае направило экспедиционный корпус в Кангюй. Крепость, где находилась ставка Чжичжи, была взята штурмом, а он сам и его спутники погибли.

В начале I в. н. э. "северные" гунны восстановили свое политическое влияние в Восточном Туркестане, но уже в 73–94 гг. им пришлось вести ожесточенную борьбу с ханьскими войсками. Особенно тажелое поражение гунны понесли в 90–91 гг. на Восточном Тянь-Шане. Ставки северян, возглавляемых знатным родом Хоянь, находились между оз. Баркуль и Алтаем. Именно здесь на них обрушилась армия двух ханьских полководцев – Доу Сяня и Гэн Куя, после чего, по словам китайского историографа, "испуганный шаньюй, накинув на себя войлочные одежды и боясь от страха дышать, бежал в земли усуней. Земля к северу от пустыни обезлюдела".

Итак, в конце I в. н. э. под влиянием поражений в борьбе за Джунгарию и Восточный Тянь-Шань масса "северных" гуннских племен откочевала в "земли усуней", т. е. в Семиречье и Восточный Казахстан, соседствующие с их прежними землями. Никаких сведений об их возвращении в Джунгарию в источниках нет, хотя неудачные попытки наладить дипломатические отношения с ханьским двором предпринимались. Между 120–150 гг. гунны со своих новых земель совершали набеги на оазисы Таримского бассейна, но их военные успехи часто сменялись крупными поражениями. Так, в 137 г. правитель Дуньхуаня изрубил гуннский отряд у оз. Баркуль, а в 151 г. гуннское нападение на Хами закончилось поспешным бегством от войск, посланных из Дуньхуана. Сяньбийское вторжение в 70-х гг. II в. окончательно вытеснило северян из Джунгарии и отбросило их за Тарбагатай. Началось постепенное овладение гуннами землями в степях между Тарбагатаем и Прикаспием. **Единственное государственное образование, созданное тогда гуннами к северу от оз. Балхаш, получило в китайских источниках название Юэбань.** Самым знаменательным в сообщениях о Юэбане является упоминание об одинаковости языка населения этого государства, потомков "северных" гуннов, с языком гаогюйцев, т. е. с языком древних тюркских племен. Таким образом, вполне осведомленный письменный источник впервые фиксирует тюркскую языковую принадлежность населения одного из древних государств, существовавшего на территории Казахстана во II–V вв. С этого времени на огромном пространстве казахских степей вместе с племенами "северных" гуннов появляется население, говорившее на древнем языке из тюркской языковой семьи.

Кушанское царство в Средней Азии. Между 141 и 128 гг. до н. э. Бактрия перестала быть единым государством. Владычество эллинов-базилевсов было сокрушено вторжением кочевых племен, пришедших из-за Яксарта. Китайские источники называют их юэчжами, греческие и латинские авторы не знают общего названия, но перечисляют отдельные кочевые племена, игравшие главную роль: асианы, тохары и сакарауки.

По китайским источникам, **во II до н. э. "большие юэчжи" двинулись на запад, где столкнулись с другими кочевниками – усунями.** Усуни были побеждены, а их вождь (гуньмо) убит. Затем юэчжи побеждают "царя сэ" (саков), обитавших в Семиречье, и побежденные саки уходят через "висячий проход" (очевидно, район Памира) в Северную Индию. Около 160 г. до н. э. младший сын убитого усуньского вождя, поддержанный гуннами, разгро-

мил юэчжей в Семиречье, оттеснил их на запад, а сам вместе со своим народом занял Северное Притяньшанье. Пройдя через Фергану, юэчжи вторглись в Бактрию. В 128 г. до н. э. в Бактрии не было верховного главы, а каждый город управлялся своим князем. После покорения Бактрии юэчжи разделились на пять владений, одно из которых – Гюйшуань (Кушан) – позднее подчинило себе все остальные.

Новые завоеватели Бактрии, в немалой степени смешавшись по маршруту своих переселений с другими кочевыми племенами, довольно скоро перешли к оседлому образу жизни и освоили те формы управления и быта, которые сложились в Греко-Бактрии. Новое объединение Бактрии наметилось в начале нашего летоисчисления примерно через полтора века после появления юэчжей к западу от Яксарта, но создателем Кушанского царства в китайской хронике назван Кудзула Кадфиз, имя которого запечатлено не только на монетах, но и в многочисленных камнеписных надписях, где он именуется "великим царем". **Время существования Кушанского царства было временем наивысшего расцвета античной городской культуры Средней Азии,** ее теснейших экономических связей с переднеазиатским западом, ханьским востоком и индийским югом. Официальным языком империи становится бактрийский, вытеснивший из канцелярской сферы греческий. Впрочем, греческий алфавит, приспособленный к бактрийскому языку, остался наряду с индийским письмом кхарошти официальным письмом Кушанского царства. Судя по монетам, несмотря на распространение буддизма, все местные древние культы Средней Азии не потеряли своего значения. Находки в Северном Афганистане, где советско-афганская экспедиция обнаружила захоронения кушанских князей, показали высокий уровень кушанского искусства, впитавшего в себя и синтезировавшего греческое наследие и индийские традиции, наложившиеся на местную среднеазиатскую основу.

Вскоре после своего возникновения (226 г.) опаснейшим противником Кушанского царства стала Сасанидская держава в Иране. Уже при первых сасанидских царях кушаны понесли ряд поражений. В 260-х гг. кушаны частично утратили свои индийские владения. Впрочем, в III в. Кушанское царство еще сохраняло могущество и власть на покоренных землях в Бактрии. Лишь в IV в. войска Шапура II нанесли кушанам ряд тяжелейших поражений, приведших к утрате ими приамударьинских замель и постепенному угасанию династии.

Кангюй. В то время, когда только начинала формироваться территория Кушанского царства, появились записки о могущественном государстве кочевников, которое китайцы именовали Кангюй. Мусульманские авторы раннего средневековья все еще не знали о нем, **и среднее течение Сырдарьи, где были основные центры Кангюя,** именовали рекой Канга. Китайские авторы ханьской эпохи пишут о Кангюе как о большом государстве, населенном кочевыми племенами, но имеющем и города. Хотя оно и уступало юэчжам и гуннам по силе, все же власть кангюйского владетеля простиралась до северных берегов Каспия, где от него зависело владение Яньцай – союз сармато-аланских племен, обитавших между Приаральем и низовьями Волги. На севере племена лесного Приуралья платили Кангюю дань пушниной. В Средней Азии кроме основной территории Кангюю были подчинены пять владений по Сырдарье и в Приаралье, возможно, включая Хорезм. Очевидно, в Кангюй входил весь север Среднеазиатского Междуречья. Политическая история Кангюя практически неизвестна – лишь немногие события нашли отражение в китайских источниках. В 101 г. до н. э., когда войска ханьского полководца Ли Гуанли овладели Даванью (Ферганская долина), Кангюй поддержал ферганцев. В 46–36 гг. до н. э. Кангюй вновь занял враждебную позицию по отношению к Китаю, оказав помощь северных гуннов Чжичжи. В 78 г. н. э., когда ханьский полководец Бань Чао захватывал восточнотуркестанские города, Кангюй вначале выступал как союзник имперского наместника, но в 85 г. посылал помощь восставшему против ханьцев кашгарскому владетелю. Кангюй стремился сохранить влияние на южном торговом пути через Давань в Восточный Туркестан. Возможно, этим обусловлены частые войны с усунями и сложные военно-дипломатические маневры между гуннами и Китаем. Последние сведения о Кангюйском царстве, пережившем период распада, относятся к 270 г. В середине V в. о Кангюе сообщается уже как о мелком владении среди нескольких десятков других, подчинившихся эфталитам.

Еще более ограниченны сведения о политике Китая на севере и западе. Ханьские историографы отмечают зависимость от Кангюя сармато-аланских племен Приаралья–Прикаспия. Но в первые века н. э. аланские племена приобрели господствующее положение в сарматском союзе племен. И по обычаям, и по одежде кангюйцы не отличались от сарматов и алан и еще ничем не выделялись из круга североиранских скотоводческих племен. Лишь под влиянием всеусиливающейся инфильтрации тюркоязычных этнических групп с востока, не ранее середины I тыс. н. э., раз-

дробленные и разделенные к тому времени кангюйские племена начали менять свой этнический облик.

Средняя Азия в IV–VI вв. Эпоха упадка Кушанского царства и появление новых завоевателей-кочевников в оазисах Средней Азии (IV–VI вв.) **стала эпохой хозяйственного кризиса и распада сложившихся экономических связей, распада относительно устойчивой системы взаимодействия нескольких крупных государств на множество малых, самостоятельных владений.** Археологические исследования свидетельствуют о почти полном прекращении жизни ряда крупных городов, запустении целых оазисов, сокращении орошаемых земель. Особенно отчетливо этот процесс засвидетельствован в Согде, Ташкентском оазисе, Хорезме и Фергане. Внешними факторами, способствовавшими политическому и экономическому кризису, были вторжение Сасанидов в 60-х гг. IV в. и появление в Согде племен, которые в западных (византийских) источниках именуются хионитами (сер. IV в.). Шапур II, нанесший сокрушительный удар Кушанскому царству, овладел Маргианой и Бактрией, продвинувшись на восток до Термеза, но уже в 346 г., согласно Аммиану Марцеллину, ощутил угрозу восточным границам со стороны некоего племенного союза кочевников, выступившего совместно с кушанами. Название этих племен – хиониты – связывается с гуннской политической традицией, хотя, по словам того же Аммиана Марцеллина, они нисколько не походили на гуннов. Хотя, если гунны, которые, согласно китайским источникам, во второй половине IV в. завоевали страну Судэ (Согд), были хиониты, то связь обеих племенных групп весьма вероятна.

Уже в начале V в. на среднеазиатской исторической арене вновь появились юэчжийские племена. Согласно китайской династийной истории Бэйши, это были "малые" юэчжи. Жившие до того в предгорьях Нань-Шаня, эти племена завоевали "пять царств" к югу от Гиндукуша, овладели Гандхарой и Тохаристаном, вытеснив Сасанидов, и объединились с хионитами. Но в те же годы решающей политической силой в Средней Азии становятся эфталиты, которых их современники также связали с гуннами. В западных источниках они именуются "белые гунны", в армянских – хоны и в индийских – хуна. Название "эфталиты", согласно византийским авторам, они получили по имени одного из их царей. Но отнесение хионитов и эфталитов к гуннским племенам очень условно. Еще Прокопий Кесарийский писал: "Хотя эфталиты народ гуннский и так называются, они, однако, не смешиваются и не общаются с теми гуннами, которых мы знаем, так

как не имеют с ними пограничной области и не живут вблизи них... Они не кочевники, как прочие гуннские народы, но издавна обосновались на плодородной земле... Они одни из гуннов белы телами и не безобразны видом... и не живут какой-то звериной жизнью, как те, но управляются одним царем и имеют законную государственность, соблюдая между собой и соседями справедливость ничуть не хуже ромеев и персов".

Характеристика византийского автора относится к тому времени, когда эфталиты уже освоились в земледельческой и городской среде Средней Азии, восприняли на государственном уровне бактрийский язык и бактрийскую (кушанскую) письменность, созданную на основе греческого алфавита. Если их исходной территорией в 50-х гг. V в. был Тохаристан, то продвинуться на север и стать подлинными наследниками Кушанского царства они смогли после войн с сасанидским царем Перозом (459–484 гг.). Эфталиты овладели Хорасаном и начали продвижение на восток, подчинив Турфанский оазис. Между 490–509 гг. они завершили подчинение большинства городов-государств Таримского бассейна, а возможно, всего Восточного Туркестана. К концу V в. эфталиты овладели и Северной Индией, где в первые десятилетия VI в. правили эфталитские цари Торамана и его сын Михиракула. Так эфталиты полностью овладели кушанским наследием.

ЛИТЕРАТУРА

Геродот. История: В 9 кн. /Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. Л., 1972; *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в древние времена. Т.1–3. М.; Л., 1950.

История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Т.1. Алма-Ата, 1979.

История Казахстана с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Т.1. Алматы, 1997.

Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

Кляшторный С. Г., Лившиц В. Л. Согдийская надпись из Бургута // Страны и народы. 1971. Вып. 10.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан: Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Азии. Спб., 1994.

Миняев С. К. К проблеме происхождения сюнну // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып. 9. М., 1985.

Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. Т. 1. М., 1968; Т. 2. М., 1973.

Hulsewe A. L. China in Central Asia. Leiden, 1979.

ЧАСТЬ 2

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Глава 1. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Этнические процессы

Степная империя тюрков и ее наследники. "Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу – Бурая Земля, между ними обоими возник род людской. И воссели над людьми мои пращуры Бумын-каган и Истеми-каган. Воссев на царство, они учредили Эль (государство) и установили Тёрю (Закон) народа тюрков... Имеющих головы они заставили склонить головы, имеющих колени – заставили преклонить колени! На восток и на запад они расселили свой народ. Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы". Так повествует о начале Тюркского эля и его первых каганах Йоллыг-тегин, первый тюркский летописец, имя и труд которого сохранились. Он начертал тюркским руническим письмом на "вечном камне", на двух стелах, увенчанных фигурами драконов, поминальные строки почившим родичам – Бильге-кагану и Кюль-тегину – и не забыл упомянуть основателей державы. Он повторил этот текст дважды – в 732 и 735 гг. Две каменные плиты с надписями, повествующими историю тюрков, и поныне лежат в одной из межгорных котловин Хангая, близ р. Орхон.

В I тыс. до н. э. началось постепенное изменение этнической среды в евразийских степях – здесь стали преобладать тюркоязычные племена. Ускорение процессов социального развития и территориально-политической консолидации **привело во второй половине I тыс. к созданию тюркоязычными племенами нескольких крупных государственных образований (каганатов) на территории Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа: первого Тюркского каганата, Вос-**

точнотюркского каганата, Западнотюркского каганата, Тюргешского каганата, Уйгурского каганата, а также государств енисейских кыргызов, карлуков, кимаков и приаральских огузов (гузов). Это время принято называть древнетюркской эпохой. Именно тогда возникли этнополитические объединения, ставшие прямыми предшественниками и предками современных тюркоязычных наций, поднялась на новую ступень духовная культура степняков (возникла тюркская письменность, заимствованная и оригинальная, появилась запечатленная на письме тюркская литература, тюркские племена впервые приобщились к буддизму, манихейству, христианству, исламу, широко освоили достижения других цивилизаций). В условиях кочевого и полукочевого быта, а иногда после перехода к оседлой и городской жизни (например, в Семиречье) была создана самобытная культура, занявшая свое место в мировой культуре того времени. Все эти процессы невозможно расчленить на "истории" отдельных племен и народов Великой Степи и совместить их исключительно с прошлым какой-либо современной нации. Тюркоязычные народы Евразии, так же, как и их предшественники, в течение многих веков имели общую историю и общую по происхождению культуру, ставшую их общим наследием. Смена на исторической арене одних племенных объединений другими вовсе не означала их полного исчезновения. Древние племена сохранялись во вновь возникших этнических и политических структурах, часто под другими названиями, и формировали новые народы, претерпевавшие свои деформации. Судьба каждого из них неотделима от судьбы соседей и сородичей.

Сложение древнетюркского союза племен. В 1968 г. в Монголии был открыт пока единственный эпиграфический памятник начального периода существования Тюркского каганата – стела с согдоязычной надписью из Бугута. В навершии памятника изображена волчья фигура, под брюхом которой лежит человек с обрубленными ногами и руками.

Согласно тюркской легенде, записанной в VI в. китайскими историками, предки тюрков, "жившие на краю большого болота", были истреблены воинами соседнего племени. Уцелел лишь изуродованный врагами десятилетний мальчик, которого выкормила волчица, ставшая ему впоследствии женой. Скрываясь от врагов, убивших мальчика, волчица бежала в горы, где родила десятерых сыновей, отцом которых был спасенный ею мальчик. Сыновья волчицы женятся на женщинах Турфана. Один из ее внуков, по имени Ашина, стал вождем нового племени и дал ему

свое имя. Позднее вожди из рода ашина вывели своих сородичей на Алтай, где, возглавив местные племена, приняли имя *тюрк*.

Легенда связывает происхождение тюрков с Восточным Тянь-Шанем. О том же сообщают китайские исторические хроники, согласно которым группа позднегуннских племен в конце III – начале IV в., переселившаяся в местность севернее Нань-Шаня, была вытеснена в конце IV в. в район Турфана, где продержалась до 460 г. В том году на них напали монголоязычные жуань-жуани (авары), уничтожили созданное ими владение и переселили покорившихся гуннов на Алтай. В числе переселенцев было и племя потомков Ашина.

И тюркская легенда, и китайские хроники отмечают, что род ашина за время жизни в Восточном Туркестане принял в свой состав новую этническую группу – местные племена. На территории, где жили ашина с конца III в. до 460 г., преобладало иранское (согдийское) и тохарское (индоевропейское) население, повлиявшее на язык и культурные традиции ашина. Именно здесь было положено начало тесным тюрко-согдийским связям, оказавшим огромное воздействие на всю культуру и государственность древних тюрков.

Само слово *ашина* имеет иранскую этимологию и означает "синий, темно-синий". В царской ономастике Восточного Туркестана, с которой связано это имя, обычны цветовые обозначения. Так, царский род Кучи именовался белым а царский род Хотана – золотым, золотистым. Позднее, в 732–735 гг., в больших орхонских надписях, повествующих о первых каганах, народ, населявший вновь созданную империю, именуется *кок тюрк* (голубые, синие тюрки). Но первое слово здесь является просто тюркским переводом родового имени тюркской каганской династии, и переводить это сочетание следует иначе – коки и тюрки, т. е. ашина и тюрки. На Алтае род ашина постепенно консолидировал вокруг себя местные племена. **Новый племенной союз принял наименование *тюрк*.** По легенде, это имя совпадало с местным названием Алтайских гор. Последующие события начальной истории тюрков-ашина были тесно связаны с историей китайских государств.

Начало империи. В государстве Западный Вэй, одном из трех наследников некогда единой империи Северный Вэй (386–534 гг.), шел 8-й год эры Датун. Восьмой год как китайское царство Вэй, возглавляемое правящим родом монгольского племени сяньби, распалось на два: восточное и западное. Бессильный и безвластный император Вэньди царствовал, но не правил. Его дворец в

Чаньани, где он принимал иноземных послов, был лишь символом имперского величия. Послы подносили диковинные подарки и рассказывали о своих странах, своей вере и календарях. Послы из Дацинь – Византии считали нынешний год 542-м со дня рождения Мессии, именуемого ими Христом. Подлинным правителем царства был Юйвэнь Тай по прозвищу Черная Выдра. Сам из племени сяньби, он скромно именовал себя первым советником императора. Впрочем, жизнь в императорском дворце его не привлекала, и Черная Выдра учредил ставку в горном округе Хуа. Год собаки (Черная Выдра предпочитал степной календарь) был тревожным. Не прекращалась вражда с Восточным Вэем и южным царством Лян. Но более всего беспокоила Черную Выдру протяженная степная граница на севере. Там, за рекой Хуанхэ, жили родственные сяньбийцам монголоязычные жуань-жуани (жужане). Их еще недавно дружественный каган Анагуй вдруг начал переговоры с Восточным Вэем о брачном и военном союзе. А тут еще сообщение с западной границы – на округ Суйчжоу, что в излучине Хуанхэ, напало кочевое племя, называвшее себя *тюрк*. Вот уже несколько зим, как только река замерзала, тюркские отряды переходили ее по льду. В том году племянник Черной Выдры отразил набег одной лишь демонстрацией силы. Но ведь вчерашний враг мог стать завтрашним союзником, а опора в степи стала для Западного Вэя крайне нужна. И вэйский правитель приказал собрать и предоставить ему все сведения о тюрках. То, что он узнал, попало в анналы правящей династии и после нескольких редактур стало главным источником сведений о древнейшем периоде тюркской истории.

По китайским источникам, раньше тюрки жили далеко на западе от китайской границы, в южных предгорьях Алтая. **В 534 г. их вождем стал Бумын,** унаследовавший от отца титул Великий ябгу (князь). Формально он считался вассалом жужаньского каганата и посылал в его ставку дань железом из алтайских рудников и плавилен. В действительности же Бумын перестал считаться со своим сюзереном и продвинул владения тюрков далеко на восток. Тюрки появились на берегах Хуанхэ и поначалу вели себя мирно. На пограничных китайских рынках они выменивали лошадей на шелк и зерно, но чиновники не поощряли торговлю, шедшую мимо их рук, и чинили препоны. Тогда начались зимние набеги.

В 542 г., когда тюрки распространили свои владения от Алтая до берегов Хуанхэ, правителю царства Вэй предстояло определить, кого из степных соседей он предпочтет для заключения во-

енного союза. Альтернативой были многочисленные и многолюдные племена, которых китайцы именовали *гаогюй*, высокие телеги, а монголоязычные жужане на своем наречии называли их *тегрег* – тележники (в китайской транскрипции *теле*).Сами они называли себя *огурами* (*огузами*). Позднее их племена возглавили уйгуры, но в VI в. огузы не имели лидера. Не отличаясь от тюрков по языку и образу жизни, огузы в отличие от тюрков не были консолидированы и часто враждовали друг с другом. Подданные кагана Анагуя регулярно восставали против жужаней и каждый раз терпели поражение. В 542 г. жужане подавили очередной мятеж огузов. Вождь, возглавивший восстание, бежал в столицу Восточного Вэя. Там он был обласкан и обнадежен. Для Западного Вэя союз с огузами стал невозможен. Правитель Вэя стал готовить посольство к тюркам. Он учел информацию об иранских генеалогических связях царского рода Ашина. Во главе посольства был поставлен согдиец из бухарских выходцев, живших на крайнем западе Китая в одном из торговых центров на Шелковом пути. **В 545 г. от Р. Х. посольство прибыло в ставку Бумына. С этого момента государство тюрков, получив признание одной из крупнейших держав того времени, обрело международный статус.**

Обретя сильную опору на юге, Бумын начал покорение севера. Первыми были подчинены 50 тыс. семей огузов. Объединенными силами Бумын обрушился на главного врага – жужаней. Их государство было уничтожено, Анагуй кончил жизнь самоубийством. **В 551 г. Бумын был поднят на белой кошме и провозглашен каганом Тюркского эля.** Начался отсчет дней новой империи Великой Степи. В 552 г. вскоре после женитьбы на китайской принцессе из вэйского дома Бумын умер. Его брат и соправитель Истеми-каган начал завоевательный поход в Среднюю Азию, на Волгу и на Северный Кавказ, а его сыновья Муган-каган и Таспар-каган утвердили господство династии в Центральной Азии и Южной Сибири. Оба северокитайских государства стали фактическими данниками Тюркского эля, и Таспар-каган насмешливо именовал их вассалами.

Часть жуань-жуаней бежала в Корею и Северный Китай, другие – на запад, где стали известны под именем аваров. Включив в состав своих орд многочисленные позднегуннские племена Поволжья, Приазовья и Северного Кавказа, эти авары в 558–568 гг. прорвались к границам Византии, создали в долине Дуная свое государство и не раз опустошали страны Центральной Европы.

Во второй половине VI в. термин *тюрк* получил широкое распространение. Согдийцы передавали его как *турк*, согдийское

множественное число – *туркут*, тюрки. Согдийскую форму (во множественном числе) заимствовали китайцы (*туцзюе-тюркют*), так как первоначально дипломатические письменные сношения между тюрками и Китаем осуществлялись при посредстве согдийцев и согдийского письма. Затем термин *тюрк* фиксируется византийцами, арабами, сирийцами, попадает в санскрит, иранские и тибетский языки.

До создания каганата слово *тюрк* означало лишь союз десяти (позднее двенадцати) племен, сложившийся вскоре после 460 г. на Алтае. Это значение сохранялось за термином и в эпоху каганатов. Оно отражено древнейшими тюркскими текстами выражением *тюрк бодун* (*бодун* означает совокупность, союз племен, народ, состоящий из отдельных племен). Еще в середине VIII в. источники упоминали двенадцатиплеменной тюркский народ. Этим же словом было обозначено и государство, созданное собственно тюркским племенным союзом, – ***Тюрк эль***.

Древнейшие очаги тюркского этно- и глоттогенеза (т. е. территории формирования их этносов и языка) неразрывно связаны с Восточной Азией и Южной Сибирью. Этот огромный регион не был изолирован от соседних цивилизаций и горно-таежных и степных племен. Трассы миграционных процессов, то усиливаясь, то затихая, пронизывали Великую Степь. Отличительной чертой этногенетических процессов в ней была несвязанность с одной территорией, обусловленная высокой степенью подвижности населявших степь племен. Общей особенностью тюркоязычных племенных объединений древности и средневековья была их неустойчивость, мобильность племенных группировок. Только в рамках этнополитических объединений, созданных той или иной родо-племенной группой (династией), казалось бы, хаотические миграции приобретали определенную направленность. И только в пределах обширных хронологических периодов заметно, что эти миграции подчинялись общей закономерности – *смещению тюркоязычних групп с востока на запад.*

Крайняя скудость письменных источников и трудность этнической интерпретации археологических материалов предопределяют реконструктивный характер рассматриваемых процессов в целом и известную гипотетичность частных выводов. Мы ограничимся рассмотрением наиболее общих и ясно очерченных периодов в границах древнетюркской эпохи, с которыми связаны качественно отличные этапы в формировании тюркоязычных этнических общностей.

Начало тюркского этногенеза обычно связывается с распадом государства гуннов и обособлением на территории Центральной Азии неизвестных ранее племенных групп. Однако связь последних с гуннами, несмотря на определенную тенденцию китайской историографической традиции, в этногенетическом отношении далеко не бесспорна. К настоящему времени достаточно определенно выявилось различие между "неалтайской" (в лингвистическом понимании) принадлежностью ранних гуннов, создавших империю, и явно конгломератным позднегуннским сообществом, в котором преобладали "алтайские" этнические группы. Именно на периферии империи гуннов обозначились в первые века новой эры прототюркские этнополитические образования.

Первыми тюркскими фольклорными памятниками, зафиксированными письменно в VI в. и отразившими ранний этап тюркского этногенеза, являются генеалогические легенды о происхождении племени ашина и его превращении в господствующую группу внутри возникшего тогда племенного союза. Генеалогические легенды тюрков позволяют *кроме* собственно тюркской генеалогии обнаружить истоки еще трех племенных традиций, связанных, как оказывается, с начальными этапами этногенеза кыргызов, кыпчаков и теле (огузов).

Обычно интерпретируются две записанные в Чжоу шу и Бэй ши легенды о происхождении тюрков. Скорее всего, это разные записи одной легенды, отражающие последовательные этапы расселения тюрков ашина в Центральной Азии. После переселения ашина на Алтай в их генеалогическую традицию включаются как равноправные участники тюркоязычные этнические группы севера Центральной Азии и Южной Сибири, создавшие обособленные племенные объединения по соседству с тюрками ашина. Согласно записанной в Китае генеалоги, это группа *цигу*, т. е. енисейских кыргызов, группа *белого лебедя*, отождествляемая с кыпчаками, и группа *теле*, отождествляемая с упоминаемыми в легенде родичами ашина, поселившимися на р. Чжучже.

Анализ версий легенды позволяет заметить два важных обстоятельства: во-первых, четыре основные древнетюркские группировки племен, сохранившие в позднейшую эпоху историческую преемственность, сложились на раннем этапе тюркского этногенеза, когда еще ощущалось их генеалогическое родство. Во-вторых, по счету поколений, сведения, сохранившиеся в записи VI в., отражают события V в., возможно, IV—V вв., происходившие на территории Восточного Тянь-Шаня и Саяно-Алтая (вклю-

чая Монгольский Алтай). Последнее обстоятельство дает возможность обратиться к сохранившимся фрагментам описаний исторических событий и археологическим материалам того времени.

На территории Саяно-Алтая в II–V вв. выделяется несколько археологических культур, которые по некоторым характерным элементам могут быть с различной степенью достоверности определены как раннекыргызская, раннетелеская и раннекыпчакская. Так, в таштыкской культуре II–V вв., сложившейся на территории Среднеенисейской низменности, четко прослеживается ряд элементов (обряд трупосожжения, некоторые конструктивные особенности погребальных склепов, отдельные виды украшений и керамики), получившие развитие в культуре енисейских кыргызов. Памятники берельского типа на Горном Алтае (III–V вв.) отличаются сопроводительными захоронениями лошадей и на этом основании справедливо трактуются как раннетелеские (раннеогузские). В синхронных памятниках Северного Алтая достаточно рано прослеживаются элементы, характерные впоследствии для культуры раннесредневековых кыпчаков. Создатели перечисленных археологических комплексов явно связаны с этнокультурным субстратом гуннского времени, но в II–V вв. древнетюркские культуры уже обособились как проявление самостоятельных этнических общностей. Таким образом, анализ письменной традиции и археологических материалов позволяет наметить первый по глубине этап тюркского этногенеза, который может быть условно обозначен как этап легендарных предков.

В середине VI в. четыре основные группы древнетюркских племен вошли в состав нового политического образования, созданного тюрками ашина, чем было положено начало следующему этапу этнической и политической истории Центральной Азии – этапу архаических империй (VI–IX вв.).

Новый этап тюркского этногенеза протекал на фоне изменившихся социальных условий – активизации процессов выделения господствующих и подчиненных групп населения, распространения власти тюркских каганов на среднеазиатскую часть Великой Степи и проникновения их политического влияния в зону оседлой среднеазиатской цивилизации. Этот этап обусловил новый уровень этнических контактов и экономического симбиоза с восточноиранским миром. Образование тюркских и уйгурских каганатов, а также государств карлуков, тюргешей, кыргызов и кимаков, создавших аналогичные социально-политические структуры, предопределило *постепенное смещение к западу центров тюркского этногенеза* и одновременное ослабление прежних, свя-

занных с тюрками этнических процессов на территории Центральной Азии.

Внутри архаических империй родо-племенной партикуляризм, т. е. стремление к обособлению, впервые приобретает противовес – им становится общеимперская идеология. В рамках единой державы появляются и продолжают существовать даже после ее распада единые литературный язык и письменность, общеимперская мода в материальной культуре, единая социально-политическая номенклатура. Эти процессы отражали новое этническое мироощущение противопоставления себя как целого другому культурному миру. Вместе с тем в Семиречье, Восточном Туркестане и отчасти в Среднеазиатском Междуречье обозначились совершенно отличные от отмеченных выше процессы сравнительно узкой локализации устойчивых этнотерриториальных групп, внутри которых усилилось воздействие центростремительных сил, и окрепли прежде нестойкие межплеменные связи, формирующие будущие тюркские народы.

Центростремительные и центробежные процессы, сменявшие друг друга и сосуществовавшие в истории архаических империй, отразились в противоречивом характере развития археологических культур того времени. С одной стороны, шло сложение общетюркского культурного комплекса, включавшего широкораспространенные по всему степному поясу во второй половине I тыс. до н. э. формы предметов материальной культуры (седла со стременем, сложносоставные луки, трехперые стрелы, пряжки, украшения), идеологических представлений, отраженных в погребальном обряде, памятников изобразительного искусства. С другой – достаточно четко фиксируются культурно-дифференцирующие признаки археологических комплексов, имеющих конкретное этническое содержание. Можно выделить три самостоятельные археологические культуры, различающиеся погребальным обрядом, оформлением предметов и их декором, – *культуру енисейских кыргызов, культуру алтайских тюрков и сросткинскую,* т. е. *кимакско-кыпчакскую культура* Восточного Казахстана и Северного Алтая. Общая тенденция развития раннесредневековых культур прослеживается в характере распространения инноваций – с юга на север, с востока на запад.

Таким образом, в течение всего I тыс. н. э. в Центральной Азии и степной части юго-западной Сибири, в Семиречье и на Тянь-Шане в рамках общих для тюркской этнической среды процессов происходило сопряженное ***формирование культурных традиций, связанных с собственнотюркским, огузским, кыргызским и кыпчак-***

ским этногенезом. В границах архаических империй четыре группы тюркоязычных племен консолидировались и превратились в очаги формирования новых этносов. Кимакско-кыпчакская группа и некоторые огузские племена, покинувшие Центральную Азию, передвинулись в бассейн Иртыша, а затем стремительно распространились в западном направлении, оттеснив на юг многие другие тюркские племена. Кыргызы, раздвинув границы своего енисейского государства, освоили малоудобные для кочевников, но обладавшие значительным хозяйственным потенциалом предгорные и лесостепные районы от Байкала до Восточного Казахстана, что нашло отражение и в археологических материалах. Границы распространения кыргызов в IX–X вв. маркируют на востоке погребения близ Читы, на западе – могильник Узун-Тал на Южном Алтае. Кыргызские элементы прослеживаются в инвентаре курганов Западного Алтая и Верхнего Иртыша. Западная граница распространения влияния енисейских кыргызов отмечена материалами захоронения на р. Или.

Группа токуз-огузских племен в жестокой борьбе с северной экспансией Тибета все более смещалась в западную часть Ганьсу и в Восточный Туркестан, уже в середине VII в. превратив Таримский бассейн в западную периферию своего государства. Тюрки, потерпевшие политическую катастрофу в 744 г. и утратившие свою центральноазиатскую прародину, сконцентрировались в Кашгарии и в Семиречье, где в X в. после принятия ислама и смешения с родственными карлукскими племенами создали Караханидское государство. Их семиреченская ветвь, потомки тюрко-огузских племен Западного каганата, теснимые карлуками, тогда же сформировали государство приаральских огузов, ассимилируя население присырдарьинских оазисов и приаральских степей. Динамика этнического развития, определившаяся в недрах архаических империй, отчетливо проявилась в этих государствах, формирование которых положило начало следующему этапу политической, социальной и этнической истории Великой Степи – *этапу варварских государств,* преобразующихся в раннефеодальные державы. Именно в рамках этих государств наиболее ясно обозначились нуклеарные компоненты, вокруг которых консолидировались этнические процессы, определившие языковую и культурную специфику тюркских протонародностей раннего средневековья.

Государственно-политическое и этнокультурное развитие Центральной Азии в раннее средневековье

Первый Тюркский каганат (551–630 гг.). Муган-каган, наследник Бумына и Кара-кагана, окончательно утвердил господство Тюркского эля в Центральной Азии и Южной Сибири, покорив монгольские племена киданей в юго-западной Маньчжурии и кыргызов на Енисее. Успешными для тюрков были их западные походы. **К концу 60-х гг. VI в. Тюркский каганат включился в систему политических и экономических отношений крупнейших государств того времени – Византии, Сасанидского Ирана, Китая и вел борьбу за контроль над торговым путем, связывавшим Дальний Восток со странами Средиземноморья.**

Непрерывные завоевательные войны на время приглушили острые противоречия, возникшие в ходе социальной перестройки тюркского общества, но первые же неудачи быстро изменили обстановку. В 581–588 гг. раздробленный Китай был объединен под властью династии Суй (581–618 гг.). Осуществленные там реформы привели к быстрому росту экономической и военной мощи империи. Усиление Китая совпало с началом распрей внутри правящей группировки тюрков, прежде всего в самом династийном племени ашина, и со страшным голодом в степи. Рост государства и влияния тюркской аристократии, стремившейся к автономному управлению захваченными территориями, обеднение массы рядовых кочевников, вынесших на своих плечах все тяготы непрерывных войн и лишившихся средств существования вследствие джута 581–583 гг., новая политическая обстановка, не дававшая тюркским каганам возможности искать выход в набегах, все это привело каганат к острейшему кризису и междоусобице. **В 582–583 гг. завершился распад каганата на восточную (центральноазиатскую) и западную (среднеазиатскую) части.**

Лишь при Шиби-кагане (609–619 гг.) Восточнотюркский каганат на короткое время вышел из состояния кризиса; наметился новый подъем его политического могущества. Гражданская война в Китае (613–618 гг.) и падение династии Суй позволили Шиби и его младшему брату Эль-кагану возобновить войны на южной границе. Однако к этому времени обстановка в каганате существенно изменилась.

Восьмидесятилетний путь исторического развития созданного тюрками государства привел к глубоким качественным изменениям общества. Всевластный каган руководствовался в политике интересами аристократической верхушки, в значительной мере

оторвавшейся от своих родов и племен. Война становилась выгодной только для правящего слоя каганата, которому доставалась львиная доля добычи и дани. Основная же масса населения жила доходами от скотоводческого хозяйства. Большая часть тюрков была заинтересована не в походах за рабами и драгоценностями, не в дани шелком, а в мирной меновой торговле. Иногда каганы, считаясь с насущными проблемами своих подданных, обращались к императорскому правительству Китая с просьбой разрешить меновой торг, но на протяжении почти тысячелетия пограничная торговля рассматривалась в Китае лишь как средство политического контроля над "варварами", монополизировалась императорским двором и предельно ограничивалась. За двести лет существования в Центральной Азии тюркских каганатов имеется только несколько сообщений об открытии меновых рынков на китайской границе, поэтому на определенном этапе истории тюркской аристократии удавалось получать широкую поддержку рядовых общинников в ее военных предприятиях на юге. Алчность и борьба за господство над чужими землями были свойственны и императорскому двору, и каганской ставке, а страдали от этого китайские землепашцы и тюркские скотоводы. Непрерывные войны требовали бесперебойного снабжения огромной армии и многих других затрат. В результате Эль-каган, не довольствуясь данью и добычей, усилил обложение податями и сборами собственный народ. Подати оказались особенно тяжелыми в годы джута (627–629 гг.) Эль-каган, следуя по пути, проложенному его предшественниками, перешел к формам и методам осуществления власти, свойственным более развитым обществам. Не полагаясь на старые органы управления, связанные в какой-то степени родо-племенными традициями, он заместил должностных лиц, занимавших ключевые посты, китайцами и согдийцами. В глазах народа обострение социального неравенства и классового угнетения было непосредственно связано с переходом реальной власти в руки чужаков. Недовольство обездоленных превратилось в ненависть к иноземцам. Последствия не замедлили сказаться. В 629 г. Эль-каган потерпел поражение в Шаньси. Против него сразу же восстали огузские племена. Императорская армия, воспользовавшись обстановкой, вторглась на территорию каганата. Покинутый всеми Эль-каган попал в плен (630 г.). **Так завершилась история Первого Тюркского каганата.**

Тюрки в Средней Азии. Тюркский историограф VIII в., повествуя о державе своих предков и завоеваниях первых каганов, пишет: "Вперед (т. е. на восток) вплоть до Кадырканской черни,

назад (т. е. на запад) вплоть до Железных ворот они расселили свой народ". Кадырканская чернь – это горы Большого Хингана, а Железные ворота – проход Бузгала в г. Байсун-тау, по дороге из Самарканда в Балх, в 90 км к югу от Шахрисябза. **В момент своей наибольшей территориальной экспансии (576 г.) Тюркский каганат простирался от Маньчжурии до Боспора Киммерийского (Керченского пролива), от верховьев Енисея до верховьев Амударьи.** Таким образом, тюркские каганы стали создателями первой евразийской империи, политическое и культурное наследие которой оказало существенное влияние на историю Средней Азии и Юго-Восточной Европы. Правителем западных территорий каганата стал брат Бумын-кагана Истеми. Он носил титул ябгу-кагана, в дальнейшем традиционный для западной ветви тюркской династии Ашина. Военный титул ябгу (явуга) был заимствован тюрками из кушанской политической традиции, сохраненной эфталитами. Именно при Истеми тюрки достигли на западе пика своего военного могущества.

Уже к 555 г. тюркские племена, двигавшиеся на запад, овладели Семиречьем и всей степной зоной Казахстана вплоть до Сырдарьи и Приаралья. Возможно, тогда же сюзеренитет тюркского ябгу-кагана распространился на Хорезм. Движение тюрков на запад было не просто завоеванием, а крупной миграцией центральноазиатских тюркоязычных племен и заселением ими обширных горно-степных районов на севере и востоке Средней Азии. Местные кочевые племена, по языку родственные тюркам, были либо включены в военно-административную систему, созданную тюрками, либо бежали вместе с аварами в степи Юго-Восточной Европы, приняв то же этническое имя и значительно усилив военный потенциал авар. Последнее обстоятельство дало повод византийскому автору Феофилакту Симокатте, писавшему в начале VII в., назвать этих беглецов "псевдоаварами". Однако сами тюрки, судя по свидетельству византийского историка Менандра (конец VI в.), именовали бежавших врагов именно аварами.

Даже на ранних этапах завоевания Средней Азии с городами и оседлоземледельческим населением тюркский каган не менял существовавшие там социальную, экономическую и политическую системы, а ограничился утверждением своего сюзеренитета и получением дани. Кочевое же население было организовано в "десятистрельный племенной союз" (*он ок бодун*), аналогичный военно-административной системе, существовавшей у восточных тюрков. Сам Истеми-ябгу-каган назван в одном из китайских

источников "каганом десяти племен". Все "десять стрел" были сгруппированы в восточный и западный союзы, по пять "стрел" в каждом. Разделение на два крыла было присуще многим крупным тюркским племенным объединениям древности и средневековья. В VII в. десятистрельная система в Восточнотюркском каганате была заменена системой "двенадцати племен", делившихся на две конфедерации: телисов и тардушей (восточное и западное крылья). Эта последняя система в VIII в. была унаследована Уйгурским каганатом.

Таким образом, уже через три года после создания Тюркского каганата, в 555 г., на его западных (среднеазиатских) территориях сложилась военно-административная система, подобная той, которая существовала на востоке, но не объединенная с ней, что создало политические условия для последующего распада каганата.

Освоение новых территорий сделало тюрков соседями могущественного государства эфталитов, восточные владения которого (Хотан и вассальные княжества в Семиречье) были завоеваны тюрками. Враждебность, сразу же проявившаяся в тюрко-эфталитских отношениях, в первые годы сдерживалась. Эфталиты, связанные войной в Индии и опасностью, угрожавшей из Ирана, не решались на поход в Степь. Тюркские же вожди считали своей главной целью докончить разгром аваров, ушедших за Волгу. **К 558 г. тюрки завершили покорение Поволжья и Приуралья.** В том же году император Юстиниан принял в Константинополе послов аварского кагана Баяна, овладевшего обширными землями к западу от Волги и Северным Кавказом. Вскоре к аварам прибыло ответное византийское посольство. Все это не могло не встревожить Истеми, тем более что набеги авар на новые тюркские владения создавали на западной границе каганата напряженное положение.

В конце 50-х гг. VI в. перед Истеми открылась перспектива успешных военных действий против эфталитов. Шах Ирана Хосров I Ануширван (531–579 гг.), прекративший выплату дани эфталитам и готовящийся к войне с ними, уже в 557 г. возобновил перемирие с Византией и тем самым развязал себе руки на западе. Хотя окончательная договоренность о прочном мире была достигнута только в 561–563 гг., Хосров предложил тюркам военный союз против эфталитов. Союз был заключен и скреплен брачным договором (дочь Истеми стала женой Хосрова и матерью наследника престола Хормизда). Этот союз определил направление новых походов кочевников. В Константинополь было отправлено тюркское посольство во главе с вождем нушиби Эс-

киль Кюль-иркином, которое прибыло туда в 563 г. с целью добиться от императора прекращения помощи аварам. А армия кагана, поддержанная с запада наступлением иранских войск на Балх, в том же году вторглась в эфталитские земли с востока. По "Шах-наме", решающая битва произошла под Бухарой. Войско эфталитского царя Гатифа̓ра было разгромлено. Лишь небольшое эфталитское владение в Тохаристане, на севере нынешнего Афганистана, сохраняло некоторое время независимость, но и оно вскоре оказалось под властью Хосрова, который распространил свое влияние на все бывшие эфталитские земли южнее Амударьи.

Трения между Хосровом и тюркским каганом, начавшиеся из-за раздела эфталитского наследства, вскоре переросли в открытый конфликт, причиной которого стали различные экономические интересы держав.

Тюркский каганат, Сасанидский Иран и Византия. Шелковый путь. После завоевания Средней Азии тюрки стали хозяевами значительной части торгового пути из Китая в страны Средиземноморья – Великого Шелкового пути. Главными посредниками в торговле шелком были согдийцы (на центральноазиатском и среднеазиатском участках пути) и персы, контролирующие путь от Пайкенда (близ Бухары) до Сирии. Основным покупателем шелковых тканей была Византия. Торговля шелком приносила согдийским купцам и тюркским ханам огромные доходы. Тюрки получали возможность сбывать через согдийцев военную добычу и дань, выплачиваемую им китайскими царствами. Согдийцы сосредоточили в своих руках небывалое количество драгоценных шелковых тканей. Но уже с конца IV в. в Согде существовало свое шелкоткацкое производство на местном сырье. Согдийские шелка высоко ценились не только на западе, но и в Восточном Туркестане и Китае. Сбыт этих тканей в VI в. стал важной проблемой для согдийских городов. В Иране и Византийской империи, особенно в Сирии и Египте, также существовало развитое шелкоткацкое производство, но сырьем для него был шелк-сырец, ввозимый из Восточного Туркестана и Средней Азии. Однако в VI в. в Иране и Византии появляется и свой шелк-сырец.

Первая попытка сбыть накопившийся у них шелк и договориться о регулярной торговле была предпринята согдийцами в Иране. Согдийский посол Маниах прибыл туда в 566 или 567 гг. как представитель тюркского кагана. Однако Хосров, опасавшийся свободного доступа тюрков в страну и не заинтересованный в резком увеличении количества импортного шелка на иранском рынке, купил привезенный Маниахом шелк и тут же сжег приве-

зенный товар. Тогда Маниах сделал попытку найти более выгодного покупателя – Византию. В 567 г. он возглавил посольство тюркского кагана в Константинополь. Византия, как и Иран, не испытывала острой нужды в согдийском шелке, но была заинтересована в союзе с тюрками против персов. Именно этот аспект внешней политики константинопольского двора и стремились использовать согдийцы для заключения торгового соглашения.

Тюркское посольство с почетом приняли при императорском дворе, и между тюрками и Византией было заключено военное соглашение против Ирана. Вместе с Маниахом в ставку кагана выехал византийский посол Земарх Киликиец, "стратег восточных городов" империи. Каган принял Земарха в своей ставке близ Золотой горы", на Тянь-Шане, предложил сопровождать тюркское войско в походе на Иран. Попытка шаха дипломатическим путем остановить тюркское наступление не удалась, и тюрки захватили в Гургане несколько богатых городов. Впрочем, уже в 569 г. их войско вернулось в Согд.

Затем Истеми перенес военные действия на Волгу. К 571 г. он завоевал Северный Кавказ и вскоре вышел на Боспор (Керчь), подчинив аланов и утигуров. Этим каган расчистил трудный обходной путь в Византию, путь через Хорезм, Поволжье и Кавказ или Крым. Византийский историк Менандр упоминает семь византийских посольств к тюркам между 568–576 гг. и сообщает, что к каждому посольству присоединялись тюрки, согдийцы и хорезмийцы. Число их было часто значительно – к посольству мечника Валентина, например, присоединилось в 576 г. 106 тюрков, т. е. подданных кагана, в разное время прибывших в Константинополь. В большинстве своем это были купцы. Регулярные торговые связи с Византией подтверждаются и многочисленными находками в Средней Азии византийских монет VI в. В 575–576 гг. тюрко-византийские отношения внезапно обострились после смерти Истеми-кагана. Его сын Турксанф, получивший свой удел на крайнем западе каганата и крайне недовольный мирными переговорами, которые император Юстин II вел с аварами, обвинил Византию в нарушении союзных отношений, а затем захватил Боспор Киммерийский и вторгся в Крым (576 г.). Вскоре, однако, он был вынужден покинуть полуостров.

Второй поход тюрков в Иран относится к 588–589 гг. Войско, возглавленное Савэ (или Шаба), вторглось в Хорасан. Возле Герата его встретили иранские войска, которыми командовал прославленный полководец Бахрам Чобин. Он разгромил тюркское войско и застрелил из лука царя тюрков. Попытка реванша ока-

залась безуспешной, и стороны заключили мир. Вплоть до разгрома сасанидов арабами граница между тюркскими владениями в Средней Азии и Ираном оставалась неизменной. Все эти годы с большей или меньшей регулярностью караваны с шелком и другими товарами шли на запад через Иран, Хорезм и Поволжье.

Западнотюркский каганат. Согдийские колонии Семиречья. Междоусобная война в Тюркском каганате, раздираемом сепаратистскими тенденциями и борьбой за уделы внутри правящего рода, длилась более 20 лет и завершилась в 603 г. окончательным распадом на два государства: Западнотюркский каганат в Средней Азии, включая Джунгарию и часть Восточного Туркестана, и Восточнотюркский каганат в Монголии. Кратковременный расцвет Западнотюркского каганата при каганах Шегуе и Тон-ябгу стал временем максимальной территориальной экспансии нового государства, быстрого обогащения и роста влияния военно-племенной знати, объединившей силы племен под эгидой каганской власти для не всегда успешных походов. Уже Шегуй сделал Алтай восточной границей каганата и распространил свою власть на весь бассейн Тарима и восточное Припамирье. Тон-ябгу возродил активную западную политику каганата и перенес свою зимнюю резиденцию в Суяб – крупный торгово-ремесленный центр в долине р. Чу (ныне городище Ак-Бешим близ г. Токмака), а летнюю ставку – в Мингбулак близ Исфиджаба (невдалеке от современного г. Туркестана). Новые походы раздвинули границы каганата до верховьев Амударьи и Гиндукуша. Управление югом (Тохаристаном) Тон-ябгу передал сыну Тарду-шаду, ставка которого находилась в Кундузе.

Реализуя договорные отношения с Византией, Тон-ябгу-каган принял личное участие в третьем походе императора Ираклия в Закавказье. Тюрки захватили огромную добычу во взятых ими Чоре (Дербенте) и Тбилиси. Апофеозом успехов Тон-ябгу-кагана была его встреча с Ираклием у стен Тбилиси, во время которой византийский император возложил на голову тюркского хана собственную корону и пообещал выдать за него свою дочь принцессу Евдокию.

При Тон-ябгу-кагане был установлен более строгий политический контроль каганата в практически независимых среднеазиатских государствах, чей вассалитет всегда ограничивался лишь уплатой дани. Во все подвластные ему владения от Исфиджаба и Чача (Ташкентский оазис) на севере до территорий Южного Афганистана и северо-западного Пакистана были посланы уполномоченные кагана – тудуны, которым вменялся контроль над

сбором податей и посылкой дани в каганскую ставку. Местным владетелям были пожалованы тюркские титулы, как бы включавшие их в административную иерархию каганата. Вместе с тем Тон-ябгу стремился укрепить с крупнейшими из местных владетелей личные связи. Он выдал свою дочь за наиболее сильного в Средней Азии владетеля – правителя Самарканда. Подводя итоги правления Тон-ябгу, китайский хронист замечает: "Никогда еще западные варвары не были столь могущественны". Деспотический характер власти Тон-ябгу скоро вошел в противоречие с возросшим сепаратизмом разбогатевшей в ходе победоносных войн племенной знати. Пытаясь предотвратить междоусобицу, дядя Тон-ябгу Кюль-багатур убил племянника и провозгласил себя Кюль Эльбильге-каганом. Однако часть племен поддержала другого претендента, и межплеменная война началась вновь. Уже в 630–634 гг. каганат утратил все свои среднеазиатские владения к западу от Сырдарьи. Государство вступило в полосу затяжного политического кризиса, главной причиной которого была борьба за власть между знатью двух конфедераций, составлявших западнотюркский племенной союз – дулу и нушиби.

В 634 г. к власти пришел Ышбара Эльтериш Шир-каган, опиравшийся на нушиби. Он сделал попытку возродить военно-административную систему десяти стрел. Новые реформы превратили племенных вождей (иркинов и чоров) в назначаемых или утверждаемых каганом управляющих, зависимых лично от него. Кроме того, для осуществления действенного контроля в каждую стрелу был направлен член каганского рода – шад, никак не связанный с племенной знатью и руководствовавшийся интересами центральной власти. Это резко ограничило политическую инициативу метных вождей. Однако военно-политические ресурсы каганской власти оказались недостаточны для удержания племен в повиновении. Уже в 638 г. племена дулу провозгласили каганом одного из посланных к ним шадов. После кровопролитной и тяжелой войны между дулу и нушиби каганат распался на два царства, граница между которыми проходила по р. Или. Ышбара-каган был низложен и бежал в Фергану. Межплеменная война и династийная борьба, продолжавшиеся последующие 17 лет (640–657 гг.), привели в конце концов к вторжению в Семиречье китайских войск. Ополчение "десяти стрел" потерпело поражение, а их последний независимый правитель Нивар Ышбара-ябгу-каган был схвачен в плен, где и умер в 659 г.

Танская империя пыталась управлять западнотюркскими племенами, опираясь на своих ставленников из каганского рода. Ка-

кое-то время эти методы были действенными, но непрекращавшаяся борьба тюрков за независимость в конце VII в. увенчалась успехом. Государство западных тюрков восстановил вождь племени тюргешей Уч-элиг, создавший новое государство – Тюргешский каганат. К этому времени в Центральной и Средней Азии сложилась новая политическая ситуация, определявшаяся возрождением Восточнотюркского каганата и арабскими завоеваниями в Средней Азии.

Западнотюркский каганат значительно отличался от Тюркского каганата на востоке. Если там преобладала кочевая жизнь, то на западе значительная часть населения была оседлой и занималась землепашеством, ремеслом и торговлей. Социальная структура Западнотюркского каганата была несравненно сложней, и его с большим правом можно считать государством с более развитыми феодальными отношениями, чем в Восточнотюркском каганате.

Раннесредневековая городская и земледельческая культура Западнотюркского каганата была создана с участием согдийцев, рано начавших создавать свои торгово-земледельческие колонии на Великом Шелковом пути: в Семиречье, Джунгарии, Восточном Туркестане, Северном Китае. В V–VII вв. интенсивная согдийская колонизация в долинах рек Талас ("страна Аргу" тюркских кочевников), Чу и Или привела к созданию там десятков городов и укрепленных поселков. Основной приток согдийцев в Семиречье, особенно в Чуйскую долину, приходится на VII–VIII вв. Поселения этого времени частично вскрыты раскопками. Это были большие города, не уступавшие по размерам большинству раннесредневековых городов Средней Азии. Их центральная часть состояла из цитадели и плотно застроенного шахристана. К шахристану примыкали рабад (ремесленно-торговое предместье) и обнесенная стенами территория усадебной застройки; укрепленные усадьбы – кешки, окруженные садами и виноградниками, отстояли друг от друга на 50–100 м; прилегающая местность, составлявшая пахотные земли жителей города, также была обнесена валами.

Только **в Чуйской долине в VI–VIII вв. существовало не менее 18 крупных городов и большое число мелких поселений,** основанных и населенных согдийцами, тюрками, сирийцами, персами. Первое описание городов Семиречья и их населения принадлежит китайскому путешественнику Сюань Цзану, посетившему страну в 630 г.: "Пройдя более 500 ли на северо-запад от прозрачного озера (Иссык-Куль), прибыли в город Суй-е (Суяб). Этот

город в окружности 6–7 ли. В нем смешанно живут торговцы из разных стран и ху (согдийцы). Земли пригодны для возделывания красного проса и винограда. Леса здесь редки, климат ветреный и холодный. Люди одеваются в тканые шерстяные одежды. Прямо на западе от Суй-е находятся несколько десятков одиночных городов, и в каждом из них свой старейшина. Хотя они не зависят один от другого, но все подчиняются тюркам". Сюань Цзан не находил этнического различия между частью населения семиреченских городов и собственно Согда. Описав одежду, внешний вид и письменность согдийцев, он отметил их обычаи, торговую предприимчивость и тот факт, что: "Тех, кто возделывает поля, и тех, кто преследует выгоду (т. е. ремесленников и купцов), – поровну". Это свидетельство явно указывает не только на торгово-ремесленный, но и на аграрный характер согдийских городов, что подтверждается и археологическими раскопками.

В Западнотюркском каганате VII–VIII вв. власть каганов не была столь сильна, как на востоке. Ожесточенная борьба различных группировок военно-племенной знати, в чьих руках была военная сила, часто делала каганов подставными фигурами, цеплявшимися за каждую возможность найти политическую и экономическую опору в своей стране. В этих условиях положение больших и богатых согдийских городов, обладавших мощными укреплениями, сильными военными отрядами и огромными торгово-дипломатическими связями, было исключительно выгодным. Они имели неизменную возможность выступать как третья сила во всяком крупном внутреннем или внешнем конфликте. Тюркские каганы называли своих согдийских подданных татами, т. е. зависимыми данниками. Однако есть все основания полагать, что роль согдийцев в Западном каганате была более значительной – под их контролем находилась вся экономическая жизнь государства, включая денежную эмиссию. Все местные монеты VIII в., найденные при раскопках столицы тюркских и тюргешских каганов Суяба, имеют легенды на согдийском языке и отлиты в согдийских мастерских.

Средняя Азия – провинция Арабского халифата. Возникновение ислама и создание Арабского халифата в первые десятилетия VII в. оказали решающее влияние на историческую судьбу всей Передней Азии и Среднего Востока. Не стала исключением и Средняя Азия. После поражения Сасанидов при Нехавенде (642 г.) и гибели последнего царя из династии Сасанидов Йездигерда III (651 г.), арабы, овладев Мервом, оказались на границе с городами Среднеазиатского Междуречья. Набеги арабов на Мавераннахр

(так арабы назвали страну за Амударьей) начались в 645 г. **В 70–80-х гг. VIII в. арабы закрепились в нескольких городах страны, но систематическое завоевание Средней Азии началось лишь в 705 г.** после назначения на должность арабского наместника Хорасана Кутейбы бен Муслима.

Овладев городом купцов Пайкендом, где арабы захватили огромную добычу, Кутейба приблизился к Бухаре, которую взял в 709 г. В 710 г., глубоко вторгнувшись в Согд, Кутейба принудил владетеля страны Тархуна к уплате дани и подчинил другие согдийские земли. В 711 г. Тархун, свергнутый с престола своими приближенными, покончил жизнь самоубийством, и афшином Самарканда, ихшидом Согда, стал Гурак. Уже в следующем году, вслед за подчинением Хорезма, Кутейба объявил себя мстителем за кровь вассала и двинул арабские войска на Самарканд, усилив их войсками местных союзников. Гурак, не надеясь на собственные силы, обратился за помощью к владетелям Шаша и Ферганы, а также к хакану тюрков (речь идет о тюрках Капаган-кагана, занявших тогда Семиречье). Союзники отправили на помощь Гураку отряд, который попал в засаду и потерпел поражение. Согдийцам оставалось надеяться только на стены Самарканда, но город не устоял, и Гурак капитулировал. Был заключен мир, однако после ухода арабов в городе вспыхнуло восстание, которое Кутейба с трудом подавил. В следующем году он с многочисленными войсками вторгся в Шаш и Фергану, опустошил и сжег захваченные города. В 714 г. Кутейба продолжал войну за овладение этими землями, но в 715 г. погиб.

После того как арабы разместили свои гарнизоны во всех городах Мавераннахра, часть обрабатываемых земель и городских построек перешла во владения арабов, переселенных сюда с Ближнего Востока. Местные жители были принуждены к уплате поземельного налога (хараджа), достигавшего половины урожая, и подушного налога (джизьи), первоначально распространявшегося лишь на тех, кто не принял ислам. Новая религия насаждалась принудительно, но принявшим мусульманство предоставлялись льготы в налогообложении. Храмы огня и зороастрийская литература сжигались.

Восстания против арабов и их власти в Согде продолжались в 720–722 гг. и в 30-х гг. VIII в. Особенное возмущение вызвал приказ халифа Хишама (724–743 гг.) взимать подушную подать с новообращенных мусульман. Лишь новому наместнику в Хорасане и Мавераннахре Насру бен Сейару удалось военными и дипломатическими мерами на время умиротворить страну. Однако в 747 г.

в Хорасане вспыхнуло мощное народное восстание, но уже под исламским лозунгом – восставшие требовали передачи власти "семье пророка", т. е. потомкам дяди Мухаммада Аббаса. Аббасиды обещали народу уменьшить налоги, прекратить насильственные меры, облегчить жизнь крестьян и горожан на завоеванных арабами землях. Руководил восстанием в Хорасане выходец из беднейших слоев населения Абу Муслим. Под черные знамена Аббасидов стекались люди со всех концов Хорасана и Мавераннахра. В 748 г. под Нишапуром армия Абу Муслима нанесла Насру бен Сейару решающее поражение. В 750 г. к власти в Дамаске пришли Аббасиды, в 755 г. халиф ал-Мансур пригласил правителя всех восточных провинций халифата Абу Муслима во дворец и там вероломно убил его.

Жизнь населения при Аббасидах не стала легче. Напротив, налогообложение стало еще более тяжелым. Уже при халифе ал-Махди (775–785 гг.) широкое народное движение охватило весь Мавераннахр. Руководил им уроженец Мерва Муканна, центром движения стало селение Наршах около Бухары. Сторонники Муканны, которые именовались "людьми в белых одеждах", в 776–777 гг. фактически овладели всем Мавераннахром. Долгая и упорная борьба с арабскими войсками и их союзниками, несмотря на многие победы, была слишком неравной. В 783 г. арабы захватили крепость, где находился Муканна, и тот покончил с собой.

Возрождение Восточнотюркского каганата. Тюргешский каганат. Борьба с арабами. В 679–687 гг. восточные тюрки в результате упорной борьбы за независимость с Китаем восстановили свое государство. Первым каганом стал Кутлуг, принявший титул Эльтериш-кагана. Центр каганата находился в Отюкене (Хангайские горы), а его западной границей уже при Эльтерише был Алтай. В 691 г., после смерти Эльтериша, на престол сел его брат Капаган-каган (691–716 гг.), при котором отмечен наивысший подъем военно-политического могущества второго Восточнотюркского каганата. Несколько успешных кампаний против китайских армий в Северном Китае, разгром киданей (696–697 гг.), подчинение Тувы и разгром государства енисейских кыргызов (709–710 гг.) сделали Капагана господином Центральной Азии.

В 699 г. вождь тюргешей Уч-элиг вытеснил в Китай претендента на власть в Западном каганате Хосрова Бери-шада, и установил свою власть на всей территории от Чача (Ташкент) до Турфана и Бешбалыка. Вместе с Хосровом Бёри-шадом в Бешбалык ушли 60–70 тыс. человек из подвластных ему западнотюркских племен. Бешбалык, где кроме крупного китайского гарнизона

сконцентрировались все подчинявшиеся Китаю вожди из рода Ашина, стал грозным врагом тюргешей. В 704 г. один из претендентов Ашина Сянь вместе с Бери-шадом глубоко вторгся в Семиречье. Тюргеши предприняли несколько ответных нападений и начали подготовку к большому походу в Восточный Туркестан.

В Чуйской и Илийской долинах Уч-элиг учредил каганские ставки, а страну разделил на 20 областей (тутукств), каждая из которых выставляла 7000 воинов. При наследнике Уч-элига Сакале начались первые мятежи племенной аристократии, поддержанной китайскими войсками. Сакал нанес поражение восставшим и разбил армию китайского наместника в Куче. Поход 708 г. на Кучу готовил еще Уч-элиг который хотел прекратить вторжения Танской империи в Семиречье. В полевом сражении китайские войска понесли сокрушительное поражение, погиб сам наместник Аньси Ню Шицзян, а вместе с ним и многие другие военачальники. Для тюргешей угроза с юга на некоторое время исчезла. Но вскоре поднял восстание младший брат Сакала, обратившийся за помощью к восточному соседу – Капаган-кагану. В 711 г. восточнотюркское войско, во главе которого были сын Капагана Инэль и главнокомандующий Тоньюкук, разбило армию Сакала на р. Болучу в Джунгарии. Оба враждовавших брата были по приказу Капагана казнены, а **Тюргешский каганат на некоторое время (711–715 гг.) перестал существовать.**

Остатки тюргешских войск, возглавляемые полководцем и членом каганского рода Сулуком Чабыш-чором, отступили за Сырдарью и ушли на юг. Преследуя их, в 712–713 гг. отряды восточнотюркского войска, которыми командовали Тоньюкук и сыновья Эльтериш-кагана, будуший Бильге-каган и Кюль-тегин, оказались в Согде. Здесь они приняли участие в сражениях с арабами на стороне царя Согда Гурека, но, разбитые арабским полководцем Кутейбой бен Муслимом, отступили и в 714 гг., преодолевая сопротивление восставших на Алтае племен, возвратились в Отюкен. Сулук же вернулся в Семиречье и, провозгласив себя тюргеш- каганом, восстановил Тюргешское государство. Ему пришлось вести борьбу на два фронта. На западе стране серьезно угрожали арабские армии, в 714–715 гг. совершившие походы за Сырдарью. На востоке китайский двор поддерживал князей из рода западнотюркских каганов, обосновавшихся в Восточном Туркестане.

Сулук прежде всего попытался нейтрализовать восточную угрозу. В 717 г. он совершил успешную дипломатическую поездку

в Чанань, столицу Танской империи, затем заключил брачные союзы с тремя опасными для него владетелями: женился на дочери потомка западнотюркских каганов из рода Ашина и тем узаконил свою власть, второй женой сделал дочь Бильге-кагана, сменившего Капагана на троне Восточнотюркского каганата, третьей женой Сулука стала дочь царя Тибета. Своего сына Сулук женил на дочери Бильге-кагана, после чего дружественные отношения ни разу не нарушались. Попытки китайских наместников в Восточном Туркестане ограничить суверенитет Сулука решительно пресекались. В 726 и 727 гг. тюргешская армия дважды осаждала Кучу. Однако основная военная активность Сулука была направлена на запад, где он активно включился в антиарабскую борьбу государств Средней Азии. В 720–721 гг. полководец Сулука, вождь сары-тюргешей Кули-Чор вел успешные боевые действия против арабов в Согде. В 728–729 гг., во время крупнейшего антиарабского восстания населения Самарканда и Бухары, согдийцы обратились за помощью к кагану. Вторжение тюргешей привело на короткий срок к почти полному освобождению Согда от арабов, которые удерживали лишь Самарканд. В 730 г. арабы сумели закрепить некоторые успехи, но в 731 или 732 г. были вновь разбиты тюргешами в горах между Кешем и Самаркандом, а затем под Кермине. Лишь в конце 732 г. арабский наместник Джунейд бен Абдаллах разбил тюргешей и вошел в Бухару.

Прошло около пяти лет после взятия Бухары, и тюргешская армия вновь появилась в верховьях Амударьи, откликнувшись на призыв о помощи осажденного там арабами ябгу Тохаристана (сам ябгу принадлежал к тюркской династии). Кагана поддержали согдийцы. В короткий срок тюргеши вытеснили из Тохаристана армию арабского наместника Асада бен Абдаллаха и рассеялись мелкими отрядами по стране. Каган с небольшими силами атаковал арабов и потерпел сокрушительное поражение. Эта неудача стоила Сулуку жизни. По возвращении в Невакет (737г.) он был убит своим полководцем Бага-тарканом. Новый арабский наместник в Хорасане – Наср бен Сейяр – в 739 г. вторгся в каганат, нанес тюргешам поражение и казнил захваченного в плен их вождя Кули-чора.

Арабы прозвали Сулука Абу Музахимом (букв. ударяющий, бодающийся) и видели в нем главную угрозу своей власти в Согде. В годы правления омейядского халифа Хишама (724–743) была предпринята попытка решить дело дипломатическими средствами, обратив тюргешского кагана в ислам, но эта попытка не удалось.

Гибель Сулука и недолгое правление его сына Тухварсен Кутчор-кагана положили начало двадцатилетней борьбе за власть между "желтыми" и "черными" тюргешами и привели к распаду и деградации Тюргешского каганата. Междоусобица среди тюргешей позволила китайским наместникам в Восточном Туркестане вмешиваться в дела страны. Между тем **Второй Тюркский каганат** после гибели Капаган-кагана (716 г.) и **был возрожден** Бильге-каганом и его братом Кюль-тегином. Победой в войне с Китаем (721–723 гг.) Бильге добился выгодных условий мира: была расширена пограничная торговля, а в обмен на символическую дань в 30 лошадей император Сюаньцзун только в 727 г. прислал в тюркскую ставку 100 тыс. кип шелка. Это была щедрая плата за мир на северной границе, который Бильге-каган никогда не нарушал.

В 731 г. умер Кюль-тегин. Бильге ненадолго пережил брата – в 734 г. он был отравлен одним из своих приближенных. Близ р. Орхон, в межгорной котловине на месте стоянки караванов, в память о братьях были воздвигнуты поминальные храмы и стелы с руническими надписями – летописью бурной истории второй тюркской империи. Наследники Бильге-кагана не изменили его политического курса, но удельные правители из рода Ашина стали все меньше считаться с центральной властью. В 741 г. малолетний Тенгри-каган был убит своим дядей Кутлугом-ябгу, захватившим престол. Началась война с прежними вассалами – огузами, басмылами и карлуками, в которой погибли Кутлуг-ябгу и его наследники. **В 744 г. династия Ашина закончила свое существование.** Каганом был провозглашен вождь басмылов, царствовавший около двух лет. Тюркские племена, сохранившие часть земель на западе бывшей империи, на Алтае и в Джунгарии, не играли заметной роли в событиях последующих лет. Последнее сообщение о них в китайских источниках относится к 941 г., в эти годы часть тюрков была в числе племен, создавших Караханидский каганат.

Кыпчаки. Ибн Хордадбех, иранский аристократ, выросший в Багдаде и близкий ко двору аббасидских халифов, еще в молодые годы получил назначение на важный пост в провинции Джибаль (северо-западный Иран) – начальника государственной осведомительной службы и почтовой связи. Затруднения в его работе вызывало отсутствие служебных справочников. Собрав отчеты чиновников и донесения осведомителей, в 846–847 гг. он написал "Книгу путей и провинций", ставшую образцом для подобных сочинений.

Кроме названий провинций и городов, селений и почтовых станций, дорожных маршрутов и расстояний, информации о налоговых поступлениях и экономической жизни, ибн Хордадбех приводит некоторые сведения о соседях халифата. В частности, используя некий документ VIII в., он включил в "Книгу" перечень тюркских народов – и тех, кто жил "по эту сторону реки", т. е. Амударьи, и тех, кто жил "за рекой". "По эту сторону реки", к западу от Амударьи, названы лишь тохаристанские карлуки и халаджи. Напротив, список "заречных" племен внушителен, и к тому же впервые в арабской географической литературе упомянуты шестнадцать городов тюрков. **Четко обозначена граница стран ислама и стран тюрков – область Фараба, т. е. нынешнего г. Туркестана:** "В области Фараба находятся одновременно отряды мусульман и отряды тюрок-карлуков". В 812 г. арабский отряд Зу-р-рийасатайна напал на карлуков и убил "начальника карлукской пограничной стражи". Естественно, ибн Хордадбех упоминает только самые значительные "страны тюрков", как, например, "землю токузгузов" (Уйгурский каганат), добавляя при этом: "Их область самая большая из тюркских стран, они граничат с Китаем, Тибетом и карлуками". Сразу после "страны токузгузов" в списке значится "страна кимаков", а где-то в конце списка, перед малоизвестными арабам "кыргызами, у которых есть мускус", названы кыпчаки. Так, впервые в мусульманских источниках появились упоминания двух крупнейших племенных союзов, едва ли не самых значительных для последующей этнической истории казахстанских степей.

В VIII–X вв. преобладание кимаков и кыпчаков сначала на Алтае, в Прииртышье и Восточном Казахстане, а затем в Приуралье и Центральном Казахстане становится определяющим фактором в этом огромном степном регионе. Крах государства кимаков и смещение части кыпчаков к западу, в Приаралье и Поволжье (вторая пол. X – первая пол. XI в.), составили основное содержание новой фазы кимакско-кыпчакского расселения. Наконец, в середине XI – начале XII в., на последней фазе миграций кыпчаков в домонгольский период, окончательно формируется пять основных групп кыпчакских племен: 1) алтайско-сибирская; 2) казахстанско-приуральская (включая так называемую "саксинскую", т. е. итиль-яикскую, группу); 3) подонская (включая предкавказскую подгруппу); 4) днепровская (включая крымскую подгруппу); 5) дунайская (включая крымскую подгруппу). Отдельные группы кыпчаков известны также в Фергане и Восточном Туркестане. Так, Махмуд Кашгарский упоминает "местность кыфчаков (кыпчаков)" близ Кашгара.

Ранние кыпчаки. Более тысячи двухсот лет назад в сочинениях разноязыких авторов появилось название племени, именовавшегося на Руси – половцами, в Центральной Европе – команами, а на Востоке – кыпчаками. Мусульманские историографы и русские летописцы знают кыпчаков-половцев как племя многочисленное и сильное, именем которого стала называться вся Великая Степь. Нет, однако, ни одного повествования того времени, где рассказывалось бы о прошлом кыпчаков. Даже легенды о происхождении кыпчаков, призванные объяснить сам этноним, возникли в более поздней этимологии.

Отсутствие каких-либо упоминаний о кыпчаках ранее VIII–IX вв. кажется загадочным и заставляет предположить, что такого рода информацию содержат в зашифрованной для нас форме уже известные источники. Для проверки этого предположения вернемся к самому раннему случаю фиксации этнонима *кыпчак*.

В 1900 г., во время путешествия по Монголии, финский ученый Г. Расмстедт обнаружил в котловине Могон Шине Усу, южнее р. Селенги, стелу с руническим текстом. Первооткрыватель назвал памятник "Надписью из Шине Усу", или Селенгинским камнем. Надпись оказалась частью погребального сооружения Элетмиш Бильге-кагана (747–759 гг.), одного из создателей Уйгурского каганата. Значительная часть надписи посвящена войнам уйгуров с тюркскими каганами в 742–744 гг. В полуразрушенной строке северной стороны стелы Рамстедт прочел: "Когда турки-кыбчаки властвовали (над нами) пятьдесят лет..." Действительно, в 691–742 гг. тюрки были сюзеренами тогуз-огузов, которых тогда возглавляли уйгуры.

Хотя предложенное Рамстедтом чтение "турки-кыбчаки" грамматически правомерно, оно вряд ли приемлемо. Надписи не знают случая слияния или отождествления в унитарном написании двух этнонимов. Более того, смысловое содержание каждого этнического имени строго определено и не имеет расширительного значения, поэтому следует предпочесть для рунических текстов чтение стоящих подряд этнонимов как самостоятельных имен: "тюрки и кыбчаки (кывчаки)".

Надписи в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана (Кошоцайдамские памятники) называют рядом с *тюрк бодун*, "тюркским племенным союзом", лишь многочисленный и могущественный племенной союз тогуз-огузов в 687–691 гг. и о войнах с ними в 714–715 и 723–724 гг. В объединении тогуз-огузов господствовали "десять уйгурских (племен)". Именно вождь десяти уйгуров и глава девяти огузов Элетмиш Бильге-каган называет время существо-

вания Второго Тюркского каганата (681–744 гг.) пятидесятилетием господства над уйгурами "тюрков и кыбчаков". Надпись Тоньюкука, советника и родственника первых трех тюркских каганов, повествующая о тех же событиях, совершенно иначе называет правящую племенную группу Тюркского эля. Пока Тоньюкук рассказывает о времени, предшествующем образованию каганата (подчинение Китаю), он так же, как и автор Кошоцайдамских текстов, упоминает лишь "тюркский племенной союз". Но с момента восстания тюрков и последовавшего затем образования тюркского государства в земле Отюкен, т. е. после переселения в Хангай, Северную и Центральную Монголию, обозначение *тюрк бодун* (тюркский племенной союз) заменяется на *тюрк сир бодун* (тюркский и сирский племенной союз (племенные союзы)). Коренная территория Второго Тюркского каганата, Отюкенская чернь, названа "страной племенного союза (племенных союзов) тюрков и сиров", но ее властелин именуется "тюркским каганом". Вождя сиров в полуразрушенном тексте упоминает памятник из Ихе Хушоту, близкий по времени Кошоцайдамским текстам. Там он назван *сир иркин* (иркин сиров). В заключительной строке надписи Тоньюкука племенной союз тюрков и сиров и племенной союз огузов поименованы как два отдельных объединения.

Однако племена сиров несколько иначе, чем надпись Тоньюкука, упоминает и памятник в честь Бильге-кагана. Его преамбула содержит обращение кагана к подданным, сохранившееся не полностью: "...о, живущие в юртах беги и простой народ... (тюрков?), шести племен сиров, девяти племен огузов, двух племен эдизов!" Автор надписи в честь Бильге-кагана Йоллыг-тегин в обращении от имени своего покойного сюзерена воззвал к бекам и простому народу тех племен, чье отношение к династии определяли, по меньшей мере, делостность эля. Сиры здесь упомянуты раньше огузов, что фиксирует их приоритет в иерархии племен. Если Тоньюкук выделяет сиров как ближайших союзников тюрков, причастных к власти над страной и покоренными племенами, то Йоллыг-тегин, хотя и не столь отчетливо, выделяет высокое положение сиров в этнополитической структуре каганата.

Господствующую группу племен, которую собственно тюркские памятники именуют **"тюрками и сирами", уйгурский (огузский) памятник из Шине Усу называет "тюрками и кыбчаками".** Напрашивается вывод, что при обозначении одного и того же племенного союза в какой-то мере делившего власть с тюрками, тюркские источники пользуются этнонимом *сир*, в то время как

уйгурский – этнонимом *кыбчак* (*кывчак*). Другими словами, оба эти этнонима тождественны, а различия в употреблении применительно к известному авторами надписей племени (племенному союзу) проистекают из политических или каких-то иных причин.

Еще в 1899 г. немецкий китаист Ф. Хирт предположил, что известные по китайским источникам племена *се* и *яньто* составили конфедерацию *сеяньто*. Вместе с теле и тюрками они часто упоминаются при описании событий первой половины VII в. Сеяньто по-тюркски именовались сирами и тардушами (сир-тардуши). В 1932 г. И. А. Клюкин доказал ошибочность отождествления этнонима *яньто* (*ямтар* орхонских надписей?) с названием военно-административного объединения ("крыла") западных племен каганата – *тардуш*. А вслед за ним П. Будберг, не отвергая уравнения *се=сир*, окончательно ликвидировал "сир-тардушский фантом" (выражение П. Будберга). Таким образом, было установлено, что: этноним, обозначенный в китайской транскрипции как *се*, соответствует *сир* тюркского памятника; племя, именовавшееся в китайских источниках *сеяньто*, в надписи Тоньюкука названо *сир*.

Первые сведения о племенах *се* и *яньто* фрагментарны. Яньто упомянуты среди гуннских племен, перекочевавших на территорию китайского государства Раннее Янь (337–370 гг.), т. е. в степь восточнее Ордоса. Шаньюй Халатоу, возглавивший перекочевку подвластных ему 35 тыс. семей, правил, по всей вероятности, в 356–358 гг. Несколько позднее яньто были покорены своими соседями, племенем се (сир), истребившим правящие рода яньто и подчинившим остальную часть племени. Новую конфедерацию возглавил правящий род сиров, Илиту (Ильтэр). В обозначении названия племенной группы, существовавшей в IV–VII вв., китайские историографы механически соединили два этнонима, и название господствующего племени, сиров, слилось с названием подчиненного племени, яньто. В тюркских памятниках, соответственно законам древнетюркской этнонимики, это механическое соединение двух имен отсутствует, там упомянуто лишь главенствующее племя – сиры.

После крушения империи жуань-жуаней (551 г.) сеяньто стали вассалами тюркских каганов. Значительная их часть жила в Хангае, другие переселились в горы Таньхань (Восточный Тянь-Шань). В китайских исторических трудах упоминается, что "их (сеньято) административная система, оружие и обычаи почти такие же, как у тюрков". В конце VI в., после распада Тюркского каганата, тянь-шаньские сеяньто оказались в подчинении у за-

паднотюркских ябгу-каганов. Вместе с некоторыми племенами теле сеяньто кочевали между Восточным Тянь-Шанем и юго-западными отрогами Алтая. Хангайскую группу сеяньто около 600 г. потеснило телеское племя сикер. В 605 г. западнотюркский Чурын-ябгу-каган, опасаясь мятежа тянь-шаньских сеяньто, "собрал в большом количестве и казнил их вождей". Сразу же началось восстание и переселение на восток части племен теле, а вместе с ними и сеяньто. Несколько неудачных столкновений с западными тюрками понудили большую часть сеяньто покинуть Тянь-Шань. Семьдесят тысяч их семей во главе с вождем Инанчу-иркином откочевали на свои древние земли южнее р. Толы и подчинились восточнотюркским каганам. В 619 г. Эль-каган назначил для управления сеяньто своего младшего брата, получившего высший после кагана титул – шад.

После того как наместник кагана собрал с новых подданных "беззаконные подати", те "вышли из повиновения ему". Сильная группировка телеских племен, возглавленная сеяньто и уйгурами, нанесла Эль-кагану столь серьезное поражение, что тот бежал в свои южные земли, к Иньшаню, оставив Хангай восставшим племенам (628 г.). Тюркские племена, оставшиеся в Хангае, влились в состав сеяньто. *Так было положено начало племенному союзу тюрков и сиров.*

В 630 г., после неудачных сражений с танскими войсками, Эль-каган попал в плен. Самостоятельное существование Первого Тюркского каганата прекратилось. В Хангае соперничали за власть сеяньто и уйгуры. Уже в 629 г. и те, и другие прислали ко двору китайского императора отдельные посольства. Поддержку танского двора получили сеяньто и их вождь Инанчу-иркин, провозгласивший себя Йенчу Бильге-каганом. Именно в это время произошел раскол внутри союза десяти племен теле, сложившегося в Северной Монголии в начале VII в. Сеяньто, возглавлявшие племена, вышли из союза, и главенствующее положение там заняли уйгуры. Тем самым **завершилось формирование могущественной племенной конфедерации тогуз-огузов.** После 630 г. тогуз-огузы оказались скорее вассалами, чем союзниками сирского кагана, и, очевидно, первоначально смирились с этой ролью. Во всяком случае, в 630–640 гг. они уже не посылали самостоятельных посольств к танскому двору. Нет сообщений и о столкновениях между ними и сеяньто. В Северной Монголии появилось новое государство – Сирский каганат во главе с династией Ильтэр. Его границами стали Алтай и Хинган, Гоби и Керулен. На севере каган сеяньто подчинил страну енисейских

кыргызов и держал там "для верховного надзора" своего наместника — эльтебера.

Йенчу Бильге-каган принял в своем государстве ту же административную структуру, которая существовало в Тюркском каганате. Возродилось два территориальных объединения племен: западное крыло тардушей и восточное крыло телисов. Во главе тардушей и телисов были поставлены сыновья Йенчу, шады, получившие затем титулы "малых каганов". Сам Йенчу учредил свою ставку на северном берегу р. Толы. В центре Отюкенской черни сложился новый племенной союз — объединение сиров и тюрков, при главенствующем положении сирской династии.

Тайцзун был серьезно обеспокоен возникновением на северных рубежах империи сильного государства кочевников. Единственным приемлемым для него решением оказалось восстановление вассального и небольшого по размерам государства тюрков, способного прикрыть северную границу. Тюркские племена, переселенные в 630 г. на юг от Хуанхэ, были возвращены в горную область Иньшана (*Чугай кузы* тюрков) и степи севернее Ордоса (*Кара-кум),* на южные земли Эль-кагана и в его южную ставку (*Хэйшачэн* "город Черных песков" китайских источников). Тюрков возглавил близкий родственник Эль-кагана Ашина Сымо, принявший каганский титул. Новый каган был лично предан Тайцзуну и пользовался его полным доверием, но не имел авторитета у сородичей. Обеспокоенный появлением соперника и опасавшийся за судьбу союза с хангайскими тюрками Йенчу Бильге-каган принял ответные меры. В декабре 641 г. войско сиров и тогуз-огузов во главе с сыном Йенчу Тардуш-шадом пересекло Гоби. Ашина Сымо успел скрыться за Великой стеной, а сиры оказались втянутыми в войну с империей и потерпели поражение. Начались переговоры о "мире и родстве", которые тянулись более трех лет.

После смерти Йенчу его младший сын Бачжо (Барсчор?) убил брата и захватил власть. В 646 г. огузские племена, страдавшие от притеснений Бачжо, обратились за помощью к Тайцзуну. Их послы жаловались, что Бачжо "жесток и беззаконен, не способен быть нам господином". Против кагана сиров был заключен военный союз империи с тогуз-огузами. В июне 646 г. тогуз-огузы во главе с вождем уйгуров "великим эльтебером" Тумиду напали на сиров и нанесли им тяжелое поражение. Бачжо бежал, но был настигнут уйгурами. "Хойху (уйгуры) убили его и истребили весь его род". Поражение сиров в Хангае довершили китайское войско и действовавшие совместно с ним два тюмена уйгурской конни-

цы. Государство сиров прекратило свое существование. Многие роды были уничтожены, многие угнаны в Китай.

Гибель могучего племенного союза оказалась столь внезапной и полной, что породила среди остатков сиров легенду о злом вмешательстве сверхъестественных сил. Легенда представлялась убедительным объяснением событий и в Степи была общеизвестна. Во всяком случае, китайскими историографами она была зафиксирована в нескольких весьма близких вариантах.

Спасшиеся после разгрома племена сиров частью бежали в Западный край, на земли, покинутые двадцать лет назад. В 647–648 гг. там с ними сражался Ашина Шэр, тюркский царевич на танской службе. Другая часть сиров осталась на прежних кочевьях в Хангае. В 668 г. их попытка возродить независимость была подавлена по приказу императора Гаоцзуна. Однако в 679–681 гг. сиры поддержали восстание тюрков в Северном Китае. Вместе с тюрками они сражались с танскими войсками в Черных песках и несли тяжелые потери. Дальнейшая история сиров – это история "племенного союза тюрков и сиров", в котором главенствующая роль принадлежала тюркам. Сиры были верны союзу. Вместе с тюрками они восстали против помыкавших их племенами китайских управителей и стали грозными противниками Танской империи. В войске Эльтериш-кагана и Тоньюкука они мстили уйгурам за гибель сородичей в резне 646 г. Вместе с тюрками они отвоевали Отюкенскую чернь, "страну тюрков и сиров". В середине сороковых годов VIII в., после гибели государства и "племенного союза тюрков и сиров", они разделили судьбу тюрков. Но судьба названий племен была различна. Этноним *тюрк* не только сохранился, но и возродился как политический термин, утратив прежнюю этническую определенность. Этноним *сир* после 735 г. не упоминает ни один известный источник, но уже во второй половине VIII в. в руническом тексте и в первом арабском списке тюркских племен появляется этноним *кыбчак* (*кывчак*) – *кыпчак*.

Ситуационная однозначность употребления этнонимов *сир* и *кывчак – кыбчак* в тюркских и уйгурском рунических памятниках, весьма близких по времени написания и полемизирующих друг с другом, свидетельствует, что оба этнонима некоторое время сосуществовали и были понятны читателям текстов. Выбор названия авторами памятников, принадлежавших к двум враждебным племенным группировкам, мог быть, следовательно, либо случайным, либо мотивированным, но не зависел от хронологии памятников или разницы в этнической терминологии тюрков и уйгуров.

Очевидно, что появление нового этнического термина, связанного с примечательными и всем известными обстоятельствами, явилось ответом на событие, коренным образом повлиявшим на судьбу сирских племен. Таким событием, ближайшим по времени к эпохе рунических памятников, было массовое истребление сиров уйгурами и китайцами, гибель их государства и правящего рода. Естественным отражением их было смысловое содержание нового племенного названия. Нарицательное значение слова *кывчак-кыбчак* в языке древнетюркских памятников сомнений не вызывает: "неудачный", "злосчастный", "злополучный"; в устойчивом парном сочетании *кывчак ковы – кыбчак кобы* – "пустой", "никчемный" (по значению второго компонента). Семантика этнонима прозрачна и не требует сложного анализа.

По-видимому, объяснение кроется в одной из самых универсальных особенностей религиозно-магического мышления – представления о неразрывной связи между предметом (существом) и его названием (именем). В частности, у тюркских и монгольских народов и поныне существует некогда обширный класс имен-оберегов. Так, детям или взрослым, обычно после смерти предыдущего ребенка или члена семьи (рода), а также после тяжелой болезни или пережитой смертельной опасности дают имя-оберег с уничижительным значением или новое охранительное имя, долженствующее ввести в заблуждение преследующие человека (семью, род) сверхъестественные силы, вызвавшие несчастье. Та же ситуация сложилась у сиров после междоусобиц и резни 646–647 гг., когда остатки прежде богатых и могущественных сирских родов с трудом отстаивали право на жизнь. Сирская легенда приписала все несчастья злобе божеств (духов), решивших извести племя. И, следовательно, надежным мог оказаться только путь спасения, который укрыл бы остатки сиров от мести кровожадных духов, отождествленных легендой с предками-прародителями враждебного племени – уйгуров. Средством спасения стала смена названия племени, принятие прозвища-оберега с уничижительным значением ("злосчастные", "никчемные"), возникшего, скорее всего, как подмена этнонима в ритуальной практике.

Политическая оценка сосуществовавших какое-то время старого этнонима и прозвища-оберега возникла не сразу. В возрожденном Тюркском каганате имя сиров превалировало над прозвищем. С древним этнонимом было связано право на обладание коренной территорией ("земли тюрков и сиров"), право на совластие. Пока сиры, знатнейшие из телесских (огузских) племен,

хотя бы символически делили власть с тюрками, законность их господства над огузами не могла быть подвергнута сомнению.

Для уйгуров, давних соперников сиров, подмена древнего названия этого племени уничижительным прозвищем была кстати. Победа над тюрками рисуется уйгурскими руническими памятниками торжеством исторической справедливости и генеалогического легитимизма. Но в сравнении с сирами, их правящим родом Ильтэр, никакого превосходства знатности князья из рода Яглакар не имели. Принятый ими каганский титул в правовых представлениях других огузских племен был, по меньшей мере, сомнительным. Недаром уже на самых первых порах существования Уйгурского эля разразилось грозное восстание огузов, отказавшихся признать яглакарских каганов. Следовательно, предать забвению имя сиров, акцентировать внимание на их прозвище с уничижительным значением оказалось политически выгодным и необходимым, и вот в памятнике Элетмиш Бильге-кагана племя, делившее власть с тюрками, названо кыбчаками.

Прошло время. Были забыты и причины появления имени *кыбчак,* и его семантика, мало приемлемая для этнического самоназвания. Для объяснения этнонима родилась новая легенда. Ее запечатлел многократно перерабатывавшийся эпос огузов. Огуз-каган, именующий себя "уйгурским каганом", духом-покровителем которого был "сивый волк", мифический предок уйгуров, дарует своим ближним бекам имена, ставшие, по легенде, эпонимами огузских племен. Один из беков назван Кывчак, и это имя связывается с деревом. Другой вариант той же легенды, приведенный Рашид ад-дином и повторенный Абулгази, уточняет: имя Кывчак связано с дуплистым, пустым внутри деревом, называемым "кабук" (древнетюрк. *ковук*). Абулгази замечает: "На древнем тюркском языке дуплистое дерево называют кыпчак". Так, прежнее значение слова *кывчак-кыбчак* сужается и закрепляется в понятии "пустое, дуплистое дерево".

После победы уйгуров в 744 г. тюрки и их союзники были вытеснены из "Отюкенской страны". Северной и западной границами Уйгурского эля стали Саяны и Алтай. А за этими рубежами, на Северном Алтае и в Верхнем Прииртышье, археологически фиксируется появление во второй половине VIII – первой половине IX в. усложненных вариантов древнетюркских погребений с конем, представленных большим числом памятников. Позднее, в IX–X вв., этот тип погребений получает развитие в так называемой "сросткинской культуре", приписываемой кимакам и кыпчакам.

Так закончилась история сиров и началась история кыпчаков – вначале одного из племен Кимакского каганата, а впоследствии – главенствующего племенного союза в огромном объединении кочевых племен Великой Степи.

Государство кимаков. В то время как на Алтае вокруг сировкыпчаков началось формирование нового племенного союза, на востоке казахстанских степей, в Прииртышье, сложилось сообщество тюркских племен, которых мусульманские источники именовали *кимаками*, а тюркский филолог XI в. Махмуд Кашгарский – йемеками. То немногое, что известно о кимаках, сообщают несколько арабских и персидских источников.

Единственная генеалогическая легенда о происхождении кимаков, а точнее – о начале формирования их племенного союза, сохранена Гардизи (XI в.), который использовал здесь источники VIII–X вв., т. е. того же времени, что и список тюркских племен Ибн Хордадбеха. Легенда связывает возникновение кимакского союза с племенем татар, что послужило поводом для поиска предков кимаков среди монголоязычных племен Центральной Азии. Однако Махмуд Кашгарский, основательно знакомый с языками тюрков, относит к этим языкам не только кимакский (йемекский), но и наречие татар, оговаривая, впрочем, что у них свой диалект.

Представления о древних татарах как о едином монголоязычном народе, жившем в VIII–XIII вв. на востоке Монголии, не точны. Орхонские надписи пишут сначала об *отуз татар* "тридцати татарских (племенах)", а затем о *тогуз татар* "девяти татарах", т. е. о громадных и неустойчивых племенных сообществах. Персидский историк конца XIII в. Рашид ад-дин вообще отрицает какое-либо единство татар в прошлом и настоящем, рассказывает о вражде и постоянных войнах татарских племен между собой, упоминает, что до монгольских завоеваний было шесть отдельных татарских государств, а вообще татарами тогда именовались многие тюркские племена.

На юго-востоке Туркестана в IX–XIII вв. существовала большая и политически организованная группа татарских племен, имевшая своего государя и поддерживавшая дипломатические связи с Китаем. "Худуд ал-алем", анонимная персидская география X в., связывает их с тогуз-огузами ("они из расы токузгузов"), а страну, т. е. Восточный Туркестан, не без некоторого преувеличения называет "страной токузгузов и татар".

Поэтому, начальный этап формирования кимакской общности не следует обязательно связывать с монголоязычными пле-

менами, а появление в Прииртышье татар в VIII–IX вв. вовсе не было свидетельством происходившей тогда их миграции из Восточной Монголии. Генеалогическая легенда кимаков и добавления к ней, заимствованные Гардизи из других источников, показывают лишь тот круг тюркских племен, из которых сформировался кимакский племенной союз. Этот процесс завершился не ранее середины IX в., когда после падения Уйгурского каганата в центре кимакских земель на Иртыше появились осколки бежавших сюда после разгрома тогуз-огузских племен. Но важнейшим событием для кимакского объединения стало вхождение в него кыпчаков, что произошло, вероятно, не ранее конца VIII – начала IX в.

Именно после 840 г. глава кимакского племенного союза принял засвидетельствованный мусульманскими источниками титул кагана (хакан) и тем самым обозначил не только создание нового государства, но также, наравне с карлуками и енисейскими кыргызами, декларировал свою претензию на верховный авторитет в степи. Источники говорят об "одиннадцати управителях" областями страны кимаков. Эти управители, именуемые также "царями", т. е. ханами, утверждаются каганом и наследственно правят своими уделами. Внутренняя неустойчивость таких государственных образований, порождаемая сепаратизмом наследственных владетелей, неизбежно предопределяла их крах при столкновении с более сильным противником уже через несколько поколений после создания.

Если Прииртышье было коренной территорией кимаков, то очень скоро они распространили свои владения до Джунгарии, овладев северо-восточным Семиречьем, а кыпчаки – и Приуральем. Арабский географ XII в. ал-Идриси так пишет о политической значимости кимакского государя: "Царь кимаков один из великих царей и один из славных своим достоинством... Тюркские цари опасаются власти хакана, боятся его мести, остерегаются его силы, берегутся его набегов, так как они уже знали это и испытали от него раньше подобные действия".

На западе и юго-западе кимаки граничили с семиреченскими и приаральскими огузами, на юге – с карлуками, на востоке – с государством енисейских кыргызов. Наиболее спокойными были, очевидно, отношения с огузами. Во всяком случае, если между ними не было войны, кимаки и огузы, по взаимному согласию, пасли скот на пастбищах, принадлежавших и тому, и другому племени. Соперничество с карлуками и кыргызами, владетели которых также именовали себя каганами и также претендовали

на "уйгурское наследство", было более острым. Ал-Идриси пишет, что кыргызы "особенно должны опасаться предприимчивости царя кимаков, воинственного государя, который находится почти всегда в состоянии войны со своими соседями". Впрочем, источники отмечают не только войны, но и тесные культурные связи кимаков и кыргызов. Согластно "Худуд ал-алем", одно из кыргызских племен по одежде не отличается от кимаков, а у кимаков многие следуют обычаям кыргызов.

Ал-Идриси упоминает шестнадцать кимакских городов, в одном из которых была резиденция царя. Оседлые поселения упоминает и арабский путешественник Тамим ибн Бахр, посетивший страну кимаков в начале IX в. О пашнях и селениях, а также о резиденции царя говорит и анонимный автор "Худуд ал-алем". Однако все источники свидетельствуют, что главным занятием кимаков было кочевое скотоводство.

Крушение кимакского государства в конце IX или начале X в. связано с миграциями племен в Великой Степи.

Кыпчакская степь. Насири Хосров, знаменитый персидский поэт и путешественник, родившийся в 1004 г. в Кобадиане, на юге Таджикистана, в 1045 г. поселился в Мерве и состоял там на государственной службе у сельджукского султана Чагры-бека: "Я был дабиром (чиновником) и принадлежал к числу тех, кому поручены имущество и земли султана", – писал он впоследствии.

Тогда он впервые познакомился с "делами тюрков". Политическая обстановка на северо-восточной границе Сельджукской державы была тревожной и требовала от окружения Чагры-бека постоянного внимания к бывшим огузским землям, прародине Сельджукидов, которую арабские географы X в. именовали *Мафазат ал-гузз* – "Степь огузов". Поэт и чиновник схватил главную суть изменений – первым и на века Насири Хосров назвал земли от Алтая до Итиля *Дешт-и Кыпчаком* (Степью кыпчаков). Прошло полстолетия, и причерноморские степи стали Полем половецким русских летописей, а в начале XIV в. близкий Рашид ад-дину персидский историк Хамдаллах Казвини разъяснил, что волжско-донецкие степные просторы, ранее называемые Хазарской степью, давно стали Степью кыпчаков.

Первая глухая информация о новых этнических волнах, тогда еще только омывавших запад Великой Степи, содержится в беглом упоминании великого арабского географа и историка первой половины X в. ал-Масуди. В одном из своих географических сочинений в рассказе о печенегах и их уходе на запад он пишет: "А мы упомянули... причины переселения этих четырех тюркских

племен с востока и то, что было между ними, гузами, карлуками и кимаками из войн и набегов на Джурджанийском озере (Аральском море)".

Сообщение ал-Масуди явно относится к IX в., когда огузы, вытеснив печенегов из Приаралья, создали там свое государство со столичным городом Янгикентом на нижней Сырдарье. Тогда же карлуки контролировали Фараб, т. е. земли по средней Сырдарье. Об участии же кимаков в приаральских событиях ал-Масуди упоминает первым. Несколько позднее другой арабский географ и путешественник – ал-Максиди, фиксирует кимаков в Приаралье и на Сырдарье. Пользуясь информацией из саманидских источников, ал-Макдиси назвал сырдарьинский город Сауран "(саманидской) пограничной крепостью против гузов и кимаков". Те же сведения есть и у других географов – современников ал-Макдиси.

В. В. Бартольд заметил, что кимаками у ал-Макдиси названы кыпчаки, западное "крыло" Кимакской державы. Между временем, которому принадлежит сообщение ал-Масуди (IX в.), и актуальной для конца X в. информацией ал-Макдиси прошло столетие. Кыпчакские пастбища вплотную примыкали к приаральским и присырдарьинским землям огузов, и, пользуясь миром, кыпчаки пасли там свой скот. Ситуация взорвалась внезапно, но взрыв исподволь готовился с давнего времени.

В начале XII в. придворный врач сельджукского султана Маликшаха и его наследников, уроженец Мерва Шараф аз-Заман Тахир Марвази написал трактат по зоологии (*Табаи ал-хайаван* – "Природа животных") и дополнил свое сочинение сведениями по этнографии и истории. Основываясь на каких-то местных огузских повествованиях, он поместил в раздел о тюрках не очень ясный рассказ о давних и полузабытых событиях, имевших отношение к прошлой истории сельджукских, а вернее огузских, племен: "Среди них (тюрок) есть группа племен, которые называются кун, они прибыли из земли Кытай, боясь Кыта-хана. Они были христиане – несториане. Свои округа они покинули из-за тесноты пастбищ. Из них был хорезмшах Икинджи ибн Кочкар. За кунами последовал (или: их преследовал) народ, который называется каи. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех пастбищ. Куны переселились на землю шаров, а шары переселились на землю туркменов. Туркмены переселились на восточные земли огузов, а огузы переселились на земли печенегов, поблизости от Армянского (Черного) моря".

Туркменами, по словам Марвази, называются тюрки, пришедшие в страны ислама и принявшие мусульманство. Кто были туркмены, жившие на восточной границе огузских земель накануне начала их движения на печенегов, помогает понять текст ал-Макдиси: "Орду – маленький город, в нем живет царь туркмен, который постоянно посылает подарки владетелю Исфиджаба". Город Орду, в междуречье Таласа и Чу, еще в X в. был столицей семиреченских карлуков. Следовательно, туркменами названы у Марвази исламизированные в IX в. Саманидами карлуки, до того исповедовавшие несторианский толк христианства. В 893 г. саманид Исмаил ибн Ахмед в походе на карлуков разрушил несторианскую церковь в Таразе, воздвигнув на ее месте мечеть, а население этого небольшого западнотюркского княжества обратил в ислам.

Итак, согласно Марвази, кытаи, т. е. кидане, вытеснили из своих владений племена кунов. Из-за недостатка пастбищ и нападений племени каи куны вторглись в земли шары, те – в земли туркмен, которые, в свою очередь, захватили восточные земли огузов. Огузы ушли на запад, к Черному морю, в земли печенегов. Западные земли туркмен-карлуков, по р. Талас и в предгорьях Каратау, граничили с восточными землями сырдарьинских огузов. Уже в IX в. здесь начались религиозные войны. В начале 40-х гг. XI в. туркмены-сельджукиды и туркмены-карлуки окончательно сокрушили государство сырдарьинских огузов, и те ушли в приволжские степи.

В 985 г. приволжские огузы в союзе с князем Владимиром совершили набег на камских булгар. В 1050 г. они появились на берегах Дона и Днепра, где сражались с печенегами и русами. Русские летописцы называли их торками, т. е. турками, а византийцы – узами, т. е. огузами.

Западная миграция восточных тюркских племен была результатом неблагоприятных для них политических условий X – первой половины XI в., возникших вследствие создания в Северном Китае и Монголии киданьской империи Ляо, в Ганьсу – тангутского государства Си Ся, в Семиречье и Восточном Туркестане – Караханидского каганата. В 1036 г. тангуты подчинили государство уйгуров в Ганьчжоу и окончательно закрыли для восточных тюрков, испытавших киданьский натиск, Ганьсуйский коридор. Исламизированные карлуки, в недавнем прошлом христиане-несториане, стали для "неверных" тюрков заслоном на пути к оазисам Семиречья и Мавераннахра. Относительно свободным оставался только один путь на запад – через верховья Оби, Иртыша, Се-

верную Джунгарию и северо-восточное Семиречье, вдоль северных границ Караханидской державы.

В 1027 г. кидани, искавшие союзников против Караханидов, прислали посольство в Газну, к султану Махмуду. Через два года, ал-Бируни, живший тогда при дворе Махмуда, упоминает в одном из своих сочинений два не известных дотоле восточнотюркских племени: *кунов* и *каи*. Около 960 г. на северных рубежах Караханидов начинаются жестокие и длительные войны карлукских гази, борцов за веру, с тюрками-язычниками, войны, почти не известные мусульманским авторам. Отзвуки этих событий, запечатленные в караханидских эпических песнях, сохранились в записях Махмуда ал-Кашгари. В них перечислены главные враги тюрок-мусульман: ябаку, бысмылы, чомулы, каи, йемеки и др. Самих мусульманизированных карлуков, создателей Караханидской державы, Махмуд ал-Кашгари, как и Марвази, именует туркменами, так же, как и исламизированных в X – начале XI в. огузов-сельджукидов.

Главным героем тех эпических отрывков, которые записал Махмуд, был гази Арслан-тегин. Не исключено, что впоследствии он стал одним из первых караханидских каганов.

Враги Караханидов, племена тюрков-язычников, перечисляются несколько раз: *уйгуры* – идолопоклонники, что жили за р. Ила (Или), в стране Мынглак; *ограки*, пограничное племя, которое жило в местности Кара Йигач; прииртышские *йемеки*. Но самым страшным врагом Караханидов был союз трех племен: *басмылов, чомулов* и *ябаку*, а также соседи ябаку – *каи*. Все три племени известны по китайским и древнетюркским источникам. Их земли еще в VII–VIII вв. протянулись от восточной части Семиречья, через Тарбагатай, Северную Джунгарию, Алтай до Оби. Новая мусульманская держава, с ее стремлением навязать свою власть и идеологию, отрезала эти племена от богатых городов и селений Семиречья и Восточного Туркестана, поставила под свой контроль часть привычных кочевий. Столкновения перерастали в войны, войны становились частью повседневной жизни и тянулись десятилетиями. Лишь иногда известие о прорыве язычников или обращении их в ислам мелькало на страницах мусульманских хроник.

В эпических отрывках инициаторами войн чаще всего изображали *ябаку*, *чомулов* (остатки древнейших гунно-тюркских племен Семиречья) и басмылов. Именно басмылы после разгрома Тюркского каганата в 742 г. стали преемниками имперской традиции. Но власть и титул были отняты у басмылов уйгурами и карлуками.

У Марвази народ, подчинивший на одном из этапов западной миграции шары, назван кунами.

Куны – одно из древнейших тюркоязычных племен, занимавших почетное место в конфедерации теле. После разгрома в 840 г. Уйгурского каганата они бежали на восток Монголии и вскоре попали в сферу влияния киданей. Когда и в связи с какими событиями они были вытеснены киданями из Монголии, неясно, но уже у ал-Бируни куны и каи упоминаются рядом с енисейскими кыргызами. *Каи* принято отождествлять с монголоязычными си из племенного союза шивэй но, кроме си из племени шивэй, китайские источники многократно упоминают "белых си", которые уже в начале VII в. входили в состав тюркоязычного племенного союза теле.

Появление этнонима *шары*, возможно, связано с переселением басмылов в середине IX в. на территорию "желтых" тюргешей. Но возможны и другие гипотезы. Сами тюрки-туцзюе изначально подразделялись на группы, обозначаемые цветовыми маркерами. Так, после распада Первого Тюркского каганата в 630 г. китайцы выделяют среди покоренных и переселенных на юг племен кроме тюрков-ашина, т. е. кок-тюрков ("синих" тюрков), тюрков-шели, тюрков-шары ("желтых" тюрков). Это разделение на группы устойчиво сохранялось, и в 735 г. в донесении императорскому двору китайский пограничный чиновник пишет о мочжо-тюрках (здесь личное имя кагана – Мочжо заменило его родовое имя – Ашина) и "желтоголовых" тюрках.

В тюркской этнонимике более известно деление родственных племенных групп на "белых" (*ак*) и "черных" (*кара*). Эти обозначения никак не связаны с антропологическими различиями. Они лишь маркируют структурные подразделения внутри племенных союзов. Иногда возможны другие цветовые маркеры: "синие" и "желтые", "черноголовые (черношапочные)" и "красноголовые". Обозначения со словом "*сары-шары*" преобладают среди племен кыпчакской группы: казахов, каракалпаков, киргизов, алтайцев. Обозначение *кызыл* преобладает у туркмен.

Первоначально цветовые ономастические маркеры всегда парные. Обособление одного из них и превращение структурного маркера в устойчивый этноним означает распад прежней племенной общности, рождение новой племенной группировки, цветовые обозначения которой утратили атрибутивную семантику.

Итак, в первой половине XI в. крупная группа тюркских племен (куны и каи), некогда входивших в племенную конфедерацию теле, вытесненная из монгольских степей киданями, продви-

нулась в Западную Сибирь, Северную Джунгарию и северо-восточное Семиречье. Там они слились с другой группой тюркских племен – шары и басмылами. Потерпев поражение в войнах с караханидскими карлуками, обе группы двинулись далее на запад, по традиционному пути центральноазиатских миграций. Контакт с кыпчаками, земли которых лежали на пути миграции, был неизбежен, но характер этого контакта неясен. Очевидно, что в новом объединении племен сохранялись две основные группы – куны-команы и шары-половцы.

В IX–X вв. между Северным Приаральем и Южным Уралом кочевала отдельная группа куманов (команов), которая в начале XI в. "попала под политическое влияние кыпчаков". В середине XI в. именно команы составили авангард западной миграции степных племен, вероятнее всего, политически стимулируемой кыпчаками, но возглавленной команами – кунами-шары. Именно в этой группе, среди кунов – команов, существовало племя кытан, т. е. киданей, безусловно связанное с самым ранним и самым восточным этапом этой миграции.

Уже в 1055 г., вытесняя огузов-торков, шары-половцы закрепились на южных рубежах Киевской Руси. В их составе оказались и тюркский династийный род Ашина – хан Осень (Асень) был отцом Шарукана Старого, – и каи (каепичи), и йемеки (емякове). Судьба кунов-команов решалась в западу от кочевий половцев. А из дунайских половцев в 1187 г. выдвинулась династия основателей второго Болгарского царства – Асеней (Ашена).

В приаральской части Дешт-и Кыпчака состав племен начал меняться в XII в.: появились многочисленные племена канглы, вошедшие в кыпчакское объединение, но не слившееся с ним. Главная ставка канглы была на Нижней Сырдарье, а значение их в степи столь велико, что в начале XIII в. монгольское повествование о Чингиз-хане "Сокровенное сказание" (1240 г.) называет степь к западу от Иртыша "страной канлийцев и кыпчаков". Но с приходом монголов в истории Великой Степи началась другая эпоха.

Государственно-политическое развитие в X – начале XIII в.

Государства Тахиридов, Саффаридов и Саманидов. В начале IX в. в Хорасане и Мавераннахре созрели условия для успешного завершения борьбы за выход из состава Арабского халифата и обретения собственной государственности. Процесс обретения политической независимости был реализован **в государствах Тахи-**

ридов (821–873 гг.), Саффаридов (873–903 гг.) и Саманидов (899–999 гг.)

Основателем первого самостоятельного хорасанского государства стал владетель Бушенга (близ Герата) Тахир бен Хусейн, военачальник, поддержавший в междоусобной войне за престол в халифате одного из сыновей Харун ар Рашида аль Мамуна. Пришедший к власти аль Мамун вначале сделал Тахира командующим военными силами халифата (813 г.), а в 821 г. – наместником Хорасана. Но самостоятельность новое государство окончательно обрело при сыне Тахира Абдаллахе (830–844 гг.). Этот правитель сумел улучшить положение крестьян, снизив налогообложения и интенсивно улучшая систему водопользования. Абдаллах и его сын Тахир II (844–862 гг.) много сделали для подъема культуры и расширения школьного образования. Оба правителя немало покровительствовали литераторам и ученым в столице Нишапур. Но последний представитель династии Мухаммад бен Тахир (862–873 гг.) не сумел противостоять вооруженным отрядам газиев, поднявшим мятеж в Систане.

Существованию государства Саффаридов положила конец новая династия, возводящая свой род к некоему хорасанскому вельможе Саману, попавшему около 812 г. в окружение сына Харун ар Рашида, ал-Мамуна. Ал-Мамун убедил зороастрийца Самана принять ислам. Внуки Самана стали правителями четырех областей: Самарканда, Ферганы, Герата и Шаша с Усрушаной. Но подлинным основателем государства Саманидов стал правнук Самана Исмаил, с 874 г. правивший Бухарой. В 884 г. Исмаил силой подчинил Насра и других братьев, а в 892 г., после смерти Насра, стал признанным главой династии и государства со столицей в Бухаре. Впервые за многие века в Средней Азии сложилась централизованная бюрократическая монархия во главе с местной династией, управлявшая страной с помощью иерархически организованных чиновничьих структур – от специализированных диванов (министерств) в Бухаре до местных, назначаемых центром, хакимов. Однако региональная самостоятельность, нередко перераставшая в сепаратизм, давала себя знать, да и местные династии сохранились в ряде областей. Иногда политическую значимость приобретали и назначенные из центра чиновники, правившие самовластно. Опорой державы была наемная гвардия из тюркских рабов – гулямов, многие из которых достигли высокого положения и богатства. Значительно укрепилась при Саманидах роль мусульманского духовенства. Один из представителей духовенства, ас Сулами, даже стал везирем, но действовал неудачно и

был казнен. Важнейшими аспектами деятельности Исмаила стали консолидация державы и укрепление ее границ, поэтому на первый план для него вышли отношения с кочевым миром.

Исмаил Самани и кочевой мир. Арабский географ ал-Истархи, вслед за официальной точкой зрения Абу Зейд ал-Балхи, писал: "Вся граница Мавераннахра место военных действий: от Хорезма до окрестностей Исфиджаба – с тюрками-огузами, а от Исфиджаба до отдаленнейших мест Ферганы – с тюрками-карлуками".

Казалось, **сплошная фронтовая линия поделила Среднюю Азию на два враждующих мира – Иран и Туран**, – застывших в вечном военном, этнокультурном и религиозном противостоянии и противоборстве. **К западу от Сырдарьи прочно утвердился ислам, а в степи, к востоку от реки, почитали небесного бога Тенгри и его божественную супругу Умай; в городах и селениях Семиречья и Ферганы шли службы и возносились молитвы в христианских церквах и в манихейских обителях, в храмах огня и буддийских монастырях.**

Но те же арабские и персидские географические труды, основанные на личных наблюдениях путешественников и купцов, лазутчиков и послов, дают иную картину. И к западу, и к востоку от Сырдарьи, в городах и селениях Мавераннахра и Семиречья, живут в смешении и мире иранцы и тюрки, мусульмане и "неверные". Среди семиреченских горожан и селян преобладают согдийские дехкане со своими сородичами и слугами. Некоторые из них уже приняли ислам, но все они подданные карлукского ябгу. А в Мавераннахре опора Саманидов, их гвардия, рекрутирована из тюркских воинов – гулямов, возглавленных тюркскими же военачальниками. Более того, границу с тюрками в Исфиджабе и Шаше (район современного г. Чимкента в Казахстане и Ташкентский оазис), вместе с иранцами-*гази,* т. е. "борцами за веру", охраняют, сражаясь при нужде со своими соплеменниками и сородичами, тысячи тюркских воинов. Ибн Хаукаль, младший современник ал-Истархи, так описывает пограничный городок Сюткенд: "...в нем собираются тюрки из разных племен огузов и карлуков, которые уже приняли ислам. Они живут по своему обычаю в шатрах, и у них нет построек". Кроме почетного прозвания *гази*, тюрки-мусульмане приобрели еще одно имя – их стали именовать *туркменами.* Об этом сообщают самые компетентные среднеазиатские ученые – хорезмиец ал-Бируни и мервец Тахир Марвази. А тюркский филолог XI в. Махмуд ал-Кашгари, уточнил, что туркменами именуют выходцев только из двух

племен: огузов и карлуков. "Карлуки, – пишет Махмуд, – племена из тюрков, они кочевники, но не огузы. Они также туркмены". Это очень важное уточнение для понимания свидетельств о войнах Исмаила Самани с тюрками.

В 840 г. карлукский ябгу принял высший титул в иерархии Великой Степи – кагана. В том же 840 г. Нух бен Асад Самани в Фергане овладел Исфиджабом. И оказался лицом к лицу сразу с двумя тюркскими племенными государствами: Карлукским каганатом в Семиречье и государством огузов на нижней Сырдарье. Вскоре **возникли еще два государства: Кыргызское на Енисее и Алтае и государство кимаков в Прииртышье.** Изменившаяся политическая конфигурация на востоке Средней Азии создала новую ситуацию для государства Саманидов. Пассивная оборона становилась бессмысленной, а потенциальная военная угроза – более ощутимой. Поэтому, овладев Исфиджабом, Нух бен Асад сохранил там у власти прежнюю династию Каратегинов, ставших его вассалами. Более того, он отказался от доходов этой богатейшей области. Члены династии Каратегинов, приняв ислам, не раз занимали при саманидском дворе высокие посты. В Исфиджабе скрещивались торговые пути и военные маршруты, ведущие во все страны Великой Степи: на север – к огузам, на восток – к карлукам, на северо-восток – к кыргызам и кимакам. Уже в 812 г. Исфиджаб и Отрар привлекли внимание наместника Хорасана будущего халифа ал-Мамуна. Полководец ал-Мамуна Фадл бен Сахл обрушив удар на Исфиджаб и Отрарский оазис, вторгся во владения карлуков, убил начальника карлукской пограничной стражи и заставил бежать к кимакам карлукского ябгу. Ставка ябгу была недалеко от Исфиджаба. Ал-Макдиси пишет о ней: "Орду – это маленький городок, где живет царь туркмен, а тот постоянно посылает подарки владетелю Исфиджаба".

Нух бен Асад правильно оценил обстановку и заключил союз с сильным вассалом. Отрарский оазис, находившийся ниже по Сырдарье, на границе с огузами, и позволявший контролировать их, был подчинен только через четверть века племянником Нуха Насром бен Ахмедом старшим братом Исмаила.

Другой **ключевой позицией на границе с тюрками был г. Тараз, столица Западного Семиречья.** Подъем Тараза как городского центра связан с переселением в VI в. группы бухарских дехкан. Даже в XI в. в Таразе, наряду с тюркским был в обиходе согдийский язык. Правила здесь согдийская знать, но город имел и тюркских сюзеренов – карлукского кагана и князя карлук-

ского племени чигилей. **В Таразе были самые крупные в Семиречье христианская несторианская церковь и манихейский монастырь, прихожанами которых были иранцы, согдийцы, тюрки, сирийцы.**

Богатство Исфиджаба и Тараза, их стратегическая роль в IX–X вв. определялись не только их положением на торговой трассе, но и господствующей позицией на внутреннем центральноазиатском рынке, выросшем в результате интенсивной торговли со Степью. Наряду с лошадьми, другим скотом, мясом, шерстью, кожами в Тараз и другие города поступали два главных стратегически важных товара: серебро, из которого в Мавераннахре вплоть до XII в. чеканили серебряные монеты, и тюркские рабы, за которых на невольничьих рынках Ближнего Востока платили высокую цену. Саманиды комплектовали из них свою гвардию. В Степь шли караваны с зерном и сухофруктами, но главным товаром были ткани – от простых хлопковых до самаркандской парчи, а также высококачественная керамика и металлические изделия.

Очевидно, первоначальной целью походов первых Саманидов на восток было нанесение превентивных ударов вероятному противнику и создание дальних оборонительных рубежей. Однако восточные войны Исмаила Самани вышли за рамки этих достаточно ограниченных задач. В 893 г. Исмаил был владетелем Бухары и правителем разоренного междоусобицей государства в Мавераннахре, однако еще не стал правителем Хорасана. Первый поход он совершил на восток, туда, где добывалось серебро, так необходимое для содержания армии и чиновников, где был основной рынок тюркских рабов – живой силы саманидской армии, где можно было получить огромную контрибуцию в богатых торговых городах, столь существенную для истощенного внутренними войнами Мавераннахра.

Поход 893 г. первоначально был направлен против ставки карлукского хана в Орду, против полевой армии тюрков. Внезапность сыграла свою роль, хан был взят в плен с большим числом приближенных и воинов. Только после этой победы и нелегкой осады Тараз, лишенный поддержки извне, капитулировал, а вместе с Таразом сдались на милость победителя и близлежащие городки. Исмаил закреплялся в завоеванной стране надолго и прочно. Добыча серебром, пленниками и лошадьми была огромна. Храмы неверных были обращены в мечети, центры торговли со Степью и транзитные пути поставлены под контроль. В глазах всего мусульманского мира Исмаил стал главным воителем за веру, продвинувшим границу ислама далеко на восток. По существу,

этот поход материально и политически подготовил успешную войну за Хорасан.

Став в 900 г. правителем Хорасана, Исмаил лично, с 20 тыс. воинов, совершил победоносный поход в Степь. В 904 г. он вел изнурительную войну с тюркским войском и одержал победу. Карлукский хан стал именовать себя Табгач-ханом, буквально "ханом Китая", т. е. Кашгарии. А через несколько десятилетий под влиянием бухарской исламской миссии карлуки приняли ислам. Так Саманиды, сокрушив могущество карлуков в Западном Семиречье, сместили их центры в Кашгарию и Прииссыккулье. Там, возглавив союз тюркских племен и принудив их принять ислам, карлуки создали новую династию Табгач-ханов, возвели ее происхождение к дому Афрасиба, легендарного царя Турана, и подготовили крушение Саманидов в конце тысячелетия.

Кризис и крах государства Саманидов. Мятежи, восстания и дворцовые перевороты, сотрясавшие Саманидское государство в течение всей его вековой истории, начались сразу после смерти Исмаила (907 г.). Его наследнику Ахмаду (907–914 гг.) сразу же пришлось противодействовать мятежным правителям Самарканда и Рея, подавлять восстание в Систане, а враждебное отношение к нему тюркской гвардии привело к убийству эмира его гулямами. Столь же неспокойно было царствование Насра II (914–943 гг.) – мятежи в Самарканде и Герате, карматское (исмаилитское) движение в Нишапуре и Мавераннахре, принудительное отречение Насра, обвиненного в сочувствии карматской ереси, продолжение борьбы с карматами при сыне и наследнике Насра Нухе (943–954 гг.) – все это привело к финансовому кризису, усилению налогового гнета, неуплате жалованья войскам. С трудом была подавлена попытка дворцового переворота, но власть Нуха и его сына Абд ал-Малика становилась все более зыбкой и зависимой от поддержки и настроений командиров тюркской гвардии. Особым влиянием пользовался Алп-тегин, самовластно снимавший и назначавший везирей.

Крушение государства, крайне ослабленного мятежами, сепаратизмом и междоусобицами, **стало неизбежным при Нухе бен Мансуре (976–997 гг.)**, когда к непрерывным внутренним распрям и заговорам добавилось первое крупное вторжение тюркских кочевых племен во главе с ханами из династии Караханидов (922 г.). Первое же сражение с Караханидом Богра-ханом было проиграно из-за измены саманидского военачальника Фаика, помогшего тюркам овладеть Бухарой. Лишь неожиданная смерть Богра-хана заставила тюрков покинуть Мавераннахр, а помощь правителя

Газны Себук-тегина позволила Нуху вернуться в Бухару и подавить восстание местных правителей. Сын Нуха Мансур (997–999 гг.) был ослеплен мятежным полководцем Фаиком и умер, его наследник Абу аль-Малик II не смог противодействовать новому вторжению караханидских войск, возглавленных илеком Насром, сдал Бухару и погиб в темнице. Саманидское государство перестало существовать.

Уйгурский каганат и Карлукское государство. Караханиды. Падение второго Тюркского каганата создало в Степи политический вакуум. В борьбу за господство над тюркскими племенами, за титул кагана вступили племена-победители, довершившие разгром империи Ашина: басмылы, уйгуры и карлуки. Сильнейшими оказались уйгуры, отнявшие власть у басмылов.

Уйгуры, так же как и тюрки, кыргызы и кыпчаки, принадлежали к числу древнейших племенных союзов Центральной Азии. В III–IV вв. они входили в объединение, которое в китайских династийных хрониках носило название *гаогюй* (букв. высокие телеги). В V в. в китайских хрониках появляется новое название этого союза – *теле*. Значительная группа племен теле мигрировала на запад, в степи Казахстана и Юго-Восточной Европы. Оставшиеся в центральноазиатских степях были подчинены тюрками и вошли в состав их государства. Основные земли теле были тогда в Джунгарии и Семиречье. Но в 605 г., после предательского избиения западнотюркским Чурын-каганом нескольких сот вождей теле, предводитель уйгуров увел племена в Хангайские горы, где они создали обособленную группу, названную китайскими историографами "девятью племенами". В орхонских надписях племена этой группы названы ***тогуз-огузами***. С 630 г., после падения Первого Тюркского каганата, тогуз-огузы выступают как значительная политическая сила, лидерство внутри которой утвердилось за десятью племенами уйгуров во главе с родом Яглакар.

Вождь *тогуз-огузов* эльтебер Тумиду в 647 г. создал свое государство в бассейне рек Тола и Орхон. Китайские хроники сообщают: "Тумиду все же самовольно именовал себя каганом, учредил должности чиновников, одинаковые с тюркскими должностями". Танское правительство не признавало вновь созданное государство. Более того, в 630–663 гг. между огузами и Танской империей шла война, в которой китайские войска не смогли одержать победу. Однако в начале 80-х гг. тогуз-огузы потерпели поражение в боях с тюрками Элетмиш-кагана и утратили свою государственность.

Новое государство уйгуров возникло в ожесточенной борьбе не только с бывшими союзниками басмылами и карлуками, но и с многими племенами тогуз-огузов. Уйгурам удалось отстоять право рода Яглакар на титул кагана, но окончательное умиротворение наступило лишь после крупных военных успехов в Китае, раздираемого после 735 г. восстанием пограничных войск под командованием выходца из знатного тюрко-согдийского рода Ань Лушаня и последовавшей затем гражданской войной. Элетмиш Бильге-каган (747–759 гг.) и его сын Бегю-каган (759–779 гг.), оказав поддержку императорскому правительству, помогли подавить мятежи, за что получили громадную материальную выгоду. Добыча, дань и пограничная торговля обеспечили на некоторое время мир в каганате и авторитет династии. Вместе с военной добычей и императорскими дарами каган увез из Китая в Ордубалык, свою столицу на Орхоне, проповедников нового учения – согдийских миссионеров-манихеев, чью веру он принял в Лояне. После 763 г. и почти до конца столетия уйгуры стали решающей политической силой в Центральной Азии. Их соперниками были только тибетцы и карлуки.

Крупное племенное объединение, неоднократно упоминаемое в рунических надписях под именем *уч карлук* (три карлука), упоминается в китайских источниках уже в связи с событиями первой половины VII в. Кочевья в Джунгарии, Восточном Казахстане и на Алтае (включая Монгольский Алтай) в течение нескольких столетий оставались главной территорией карлукских племен. В середине VII в. карлуки активно проявляли себя в политической жизни Западнотюркского каганата, где они кроме Джунгаро-Алтайского региона контролировали Тохаристан. Согласно арабским источникам, владетель Тохаристана именовался то "ябгу тохаров", то "ябгу карлуков". В 710 г. арабский завоеватель Средней Азии Кутейба ибн Муслим арестовал карлукского ябгу Тохаристана, и тот провел долгие годы в Дамаске, что не помешало его сыну занять отцовский престол.

Восстание джунгарских карлуков на Черном Иртыше в 630 г. стало одной из причин гибели западнотюркского Тон-ябгу-кагана. Известна также попытка подчинить эту группу карлуков, предпринятая в 647–650 гг. восточнотюркским Чабыш-каганом, поднявшим восстание против Танской империи и обосновавшимся на Северном Алтае.

Общий глава карлуков впервые упоминается в орхонских надписях под титулом *эльтебер*, который носили вожди крупных племенных объединений. Китайский источник отмечает, что обы-

чаи карлуков такие же, как у других западных тюрков, а язык мало отличается от языков большинства из них. Характерной чертой языка карлуков было "джеканье": они произносили, например, "джабгу", вместо обычного для соседних тюркских племен "ябгу". Оставаясь в сфере политического влияния восточнотюркских каганов с конца VII в., карлуки не смирились с утратой независимости. Только в первой четверти VIII в. Бильге-каган и Кюль-тегин трижды участвовали в боях с мятежными карлуками, а в надписи полководца Кули-чора Тардушского рассказано о поражении тюрков в жестокой битве на р. Тез (в Северо-Западной Монголии).

Участвуя в коалиции с басмылами и уйгурами, а затем враждуя со своими бывшими союзниками, глава карлуков принял титул ябгу, который носили правители западного "крыла" тюркских каганов. Потерпев поражение, карлуки, согласно надписи уйгурского Элетмиш Бильге-кагана, "в год Собаки (746 г.), замыслив измену, бежали. На запад, в страну Десяти стрел". Элетмиш правильно оценил обстановку. Уже в следующем году карлуки в союзе с тогуз-татарами вновь сражались с уйгурами. Однако быстрое изменение военно-политической ситуации между Сырдарьей и Алтаем заставило карлуков на время забыть о соперниках на востоке и противостоять новому врагу.

Воспользовавшись фактическим распадом Тюргешского каганата после гибели Сулука, танская администрация Западного края постепенно подчинила своей власти Семиречье, а имперская армия продвинулась на рубеж Сырдарьи. В 740 г. китайскими войсками был захвачен и разграблен Тараз; правившая там тюргешская династия *кара чоров* была физически истреблена. В Семиречье появился китайский ставленник – "хан десяти стрел" Ашина Сянь, но в 742 г. он был убит в Кулане. В 748 г. китайский экспедиционный корпус захватил и разрушил столицу западнотюркских каганов Суяб, а в 749 г. китайская армия взяла Чач (Ташкент). Местный владетель был казнен. Танский губернатор в Куче Гао Сяньчжи, казалось, мог считать завершенным полное подчинение еще недавно грозных соперников империи в Западном крае.

Между тем успехи Китая серьезно обеспокоили наместника аббасидских халифов в Хорасане Абу Муслима и вызвали всенарастающее противодействие карлуков. Арабский отряд Салиха ибн Хумейда взял Тараз, но был осажден превосходящей китайской армией. Просьбы о помощи сына казненного владетеля Чача и опасения за судьбу своего отряда в Таразе заставили Абу Муслима отправить на выручку осажденным еще один отряд под ко-

мандованием Зияда ибн Салиха. Противодействующие армии сошлись **на р. Талас в июле 751 г.,** несколько дней не решаясь вступить в битву. На пятый день противостояния в тыл китайцам внезапно ударили карлуки, и тогда атаку с фронта начали арабы. Танская армия, неся большие потери, дрогнула и обратилась в бегство. Конвой Гао Сяньчжи с трудом проложил ему дорогу среди охваченных паникой бегущих воинов.

Мусульмане и карлуки овладели огромной добычей, а обнаруженные среди пленных китайские ремесленники были доставлены в Самарканд и в Ирак, где занялись изготовлением бумаги и шелкоткачеством. **Таласское сражение "положило конец попыткам танского Китая вмешиваться в среднеазиатские дела".**

Своим участием в Таласской битве карлуки не испортили отношений с танским двором. Уже в 752 г., после шестилетнего перерыва, в имперскую столицу Чанань прибыло посольство карлукского ябгу. Причиной столь быстрого восстановления связей стало тревожившее обе стороны усиление уйгуров. В том же году карлуки возобновили войну с уйгурами. Ябгу все еще рассчитывал занять каганский престол в Отюкенской черни, захваченной яглакарами, – традиционной ставке повелителей кочевых народов Центральной Азии. Надежды ябгу были небезосновательны – его союзниками стали енисейские кыргызы, басмылы и тюргеши, а оставшиеся в Хангайских горах после 744 г. карлукские племена были особенно опасны для Элетмиша.

Война, с переменным успехом, длилась более двух лет и велась в центре уйгурских земель. С огромным трудом уйгурскому кагану удалось одолеть своих противников, действовавших слишком разобщенно, чтобы победить. Последствия войны имели немалое значение для будущего карлуков. Отюкенские карлуки подчинились Элетмишу и приняли поставленного им тутука (управителя). Карлукский ябгу окончательно оставил надежды на каганат и прекратил войну за тюркское наследство. Отныне все его устремления были направлены на овладение Семиречьем и закрепление в Джунгарии и в городах Таримского бассейна. Впрочем, и здесь он потерпел неудачу – в 756 г. уйгуры принудили к подчинению джунгарскую группу карлукских племен.

О западном походе двух полководцев Элетмиша известно из Терхинской надписи кагана. Китай, охваченный восстанием Ань Лушаня, уже не мог оказать поддержку отдаленным западным гарнизонам. Под контроль Уйгурского каганата попали не только основные городские центры Таримского бассейна, но и тюркские

племена Восточного Туркестана. Среди них впервые упомянуто племя или племенной союз *ягма*.

О ягма было известно прежде всего по двум персидским географическим сочинениям – "Худуд ал-алам" ("Граница мира", X в.) и "Зайн ал-ахбар" ("Украшение известий") Гардизи (XI в.). Согласно этим сочинениям, ягма объединили многочисленные племена, обитающие между уйгурами на востоке, кочевьями карлуков на западе, притоками Тарима на юге, т. е. на большей части Восточного Тянь-Шаня. На западе ягма контролировали округ и г. Кашгар. В X в. правящий род ягма происходил из тогуз-огузов. Гардизи, чьи источники восходят к VIII в., называет Ягма "богатыми людьми, владеющими большими табунами лошадей", живущими в стране протяженностью "в один месяц пути". Оба сочинения сообщают о непрерывных стычках ягмы с карлуками и кимаками, об их зависимости от западных каганов.

В Семиречье карлуки встретили ожесточенное сопротивление не мелких тюргешских княжеств, ставших союзниками и вассалами ябгу, а огузских племен, обитавших там со времен Первого Тюркского каганата и обособившихся на несколько столетий от их основной ветви (тогуз-огузов). Общий ход борьбы между карлуками и огузами плохо освещен источниками. Известно только, что во второй половине VIII в. огузы покинули Семиречье и ушли в низовья Сырдарьи. Их глава также принял титул ябгу, претендуя на главенство над западнотюркскими племенами. Вскоре в Приаралье сложилось государство огузов (мусульманские источники называли их *гуззами*) со столицей в Янгикенте, городе на Сырдарье. История государства огузов стала предысторией Сельджукской державы, владевшей в XI–XII вв. всем Средним и Ближним Востоком, от Туркмении до Малой Азии. **Власть карлуков окончательно утвердилась в Семиречье в 766 г., когда они заняли Тараз и Суяб.** С той поры в соперничестве с уйгурами карлуки начали борьбу за Восточный Туркестан.

В 80-х гг. VIII в. отношения между уйгурской династией и населением городов Тарима резко ухудшилось. Недовольство и опасения там вызвал антиманихейский переворот в Ордубалыке, жертвой которого пал Бегю-каган. Его убийца, провозгласивший себя Алп Кутлуг Бильге-каганом, санкционировал избиение согдийцев и манихейских вероучителей, живших в уйгурской столице. И в Семиречье, и в таримских оазисах манихейство было тогда господствующей религией. Именно согдийские и тюркские манихейские конгрегации были главными координаторами торговых операций на трассе от Семиречья до столичных центров

Танской империи. Важным отрезком этой трассы был путь через Ордубалык, блокированный самозванным каганом сразу же после захвата власти в столице. Договорные принципы, благодаря которым прежнему правителю Бегю-кагану удалось утвердиться в таримских оазисах, были нарушены – узурпатор выгодам торговли предпочел ограбление согдийских и тюркских общин. Последствия не заставили себя ждать – города Притяньшанья восстали, а соседи – карлуки и тибетцы, – заключив между собой союз, поддержали восставших. Как пишет китайский историограф, "тюрки в белых одеждах", т. е. манихеи, вместе с карлуками нанесли несколько серьезных поражений командующему уйгурской аримей Иль Угеси. В 790 г. тибетцы и тюрки взяли Бешбалык, последний оплот уйгуров. Новая уйгурская армия в 50–60 тыс. воинов попыталась было изменить положение, но потерпела неудачу.

Поражения в Джунгарии и на Тариме не прошли бесследно для каганской ставки – начались распри, наследник Алп Кутлуга был свергнут и убит младшим братом, который не сумел удержаться у власти и сам погиб в ходе мятежа.

В смутное время к власти в Ордубалыке пришла новая династия из племени *эдиз*, принявшая прозвание Яглакар и тем самым отождествившая себя с легитимным каганским родом (795 г.). В столице была восстановлена "религия света", и туда прибыл манихейский представитель. После пятнадцатилетнего перерыва были возобновлены союзные и договорные отношения с манихейскими общинами Притяньшанья, а Шелковый путь по "уйгурской дороге", через Ордубалык, был вновь открыт для караванов.

Карлуки лишились мощной опоры в Северном Притяньшанье, где города и кочевые племена признали протекторат кагана Отюкенской черни. В 803 г. уйгурское войско заняло Турфан и, нанеся поражение карлукам, через Фергану вышло на Сырдарью. Это был последний успех уйгуров на западной границе.

В первом десятилетии IX в. главным врагом Уйгурского каганата стали енисейские кыргызы. Войны между ними, с переменным успехом, шли более двадцати лет. В 840 г. кыргызы, объединив усилия с мятежным уйгурским полководцем, взяли Ордубалык. Уйгурский каган пал в сражении. Теряя по пути отставших и отчаявшихся, остатки тогуз-огузов во главе с одним из яглакарских принцев, оставив родину кыргызам, пришли на свои прежние пограничные земли. Единство племен вскоре было утрачено. Беглецы укрепились в Куче и в Бешбалыке. Вождь бешбалыкских уйгуров Буку Чин, разгромив тибетцев, стал господи-

ном положения во всем Таримском бассейне. Так было положено начало уйгурскому государству Кочо с центрами в Турфане и Бешбалыке.

Несмотря на неудачи в войнах начала IX в., положение Карлукского государства, опиравшегося на богатые семиреченские города, оставалось прочным. Обогащению ябгу способствовали выгодная торговля тюркскими рабами для гвардии аббасидских халифов на сырдарьинских невольничьих рынках и контроль за транзитом в Китай на участке от Тараза до Иссык-Куля. Укрепились позиции карлуков и в Фергане, несмотря на несколько попыток арабов вытеснить их оттуда. Самым опасным для ябгу оказался поход знаменитого сподвижника халифа ал-Мамуна (813–833 гг.) Фадла ибн Сахла. Арабы предприняли поход между 812–817 гг. в район Отрара. Там был убит начальник карлукской пограничной охраны, а сам ябгу бежал к кимакам.

Прошло четверть века, и крах последних каганов Отюкена, прежде доминировавших на протяжении трех веков, создал во всей тюркской Центральной Азии совершенно новую геополитическую ситуацию: впервые за триста лет окончательно исчез мощный центр власти, определявший возможность экспансии или даже существования любого государства в Туркестане. Отныне тюркские племена признавали лишь высокий статус рода, унаследовавшего каганский титул, но уже никогда – его единую власть.

После утраты уйгурами их могущества верховный авторитет тюркских племен перешел к вождям карлуков. Происхождение из рода Ашина, правящего рода Тюркского каганата, позволило карлукской династии принять новый каган. Из среды карлуков произошел "каган каганов", имевший власть над всеми тюркскими племенами. Так **было положено начало новой тюркской империи в Средней Азии и Кашгарии, названной в русской науке государством Караханидов.**

Сведения о Караханидском государстве содержатся в трудах арабских и персидских авторов, писавших за пределами каганата. Труд единственного караханидского историка – имама Абу-л-Футуха ал-Гафира ал-Алмаи – "Тарихи Кашгар" известен лишь в небольших отрывках у Джамаля Карши (XIII в.). Отсутствие своей историографии было отмечено уже поздними современниками Караханидов, один из которых, Низами Арузи, писал в 1156 г.: "Имена царей из дома хакана (т. е. Караханидов) сохранились только благодаря поэтам".

Существует семь гипотез о происхождении Караханидов. В. В. Бартольд ограничил круг поисков тремя племенами (карлу-

ки, ягма, чигили). Чигили и ягма, а также одно из тюргешских племен, тухси, и остатки орхонских тюрков вошли в карлукский племенной союз, и история этих племен, во всяком случае с XI в., неразрывна.

Собственно караханидское предание (кашгарская традиция у Джамаля Карши) называет первым государем караханидской династии Бильге Кюль Кадыр-кагана, с которым вел войну один из саманидских эмиров, владетелей Самарканда и Бухары Нух ибн Асад. В 840 г. он совершил поход против семиреченских тюрков и завоевал Исфиджаб. Именно в том году, по сообщению Гардизи, ябгу карлуков принял титул кагана.

Власть в Караханидском государстве была поделена между знатью двух племенных группировок, составивших в IX в. ядро карлукского племенного союза, – чигилей и ягма. Внешне это выражалось в разделении каганата на две части: восточную и западную со своими каганами во главе. Верховным считался восточный каган, имевший ставку в Кашгаре и Баласагуне (городище Бурана, близ г. Токмак в Кыргызстане). Он был из чигилей и носил титул Арслан Кара-хакана. Западный, младший каган, из ягма, носил титул Богра Кара-кагана и имел ставку в Таразе, а позднее в Самарканде. В обоих каганатах существовала сложная иерархия правителей. Впервые дуальная система власти была реализована при сыновьях первого кагана Базыр Арслан-хане и Огулчак Кадыр-хане, но окончательный распад державы относится к середине XI в. При Огулчаке успешным походом саманидского эмира Исмаила ибн Ахмада на Тараз в 893 г. начались длительные и жестокие войны между Караханидами и Саманидами за власть над всей Средней Азией. Войны длились более века и завершились полным крахом Саманидов и распространением власти их противников до Амударьи. На территории Средней Азии возникло множество караханидских владений, зависимость которых от каганов в Баласагуне была минимальной, а отношения друг с другом далеки от дружественных.

Крупнейшим событием времени ранних Караханидов было принятие династией и зависимыми от нее племенами ислама. "Еще арабские географы X в. описывают тюрок как народ, совершенно чуждый исламу и находящийся во вражде с мусульманами", – замечает В. В. Бартольд. Однако именно в X в. произошли решительные изменения. Один из арабских географов того времени Ибн Хаукаль сообщает о принятии ислама тысячью семей тюрков, кочевавших в местах между Исфиджабом и Шашем, т. е. в горно-степном районе, прилегающем к среднему течению Сыр-

дарьи. Но самое крупное событие такого рода произошло в 960 г., когда где-то во внутренних областях Караханидского государства, скорее всего в Семиречье, ислам приняли 200 тыс. шатров тюрков. Этот факт связывается с именем караханидского кагана, сына Базыра и племянника Огулчака Сатук-Богра-хана, который еще до массовой исламизации тюрок, принял новую веру и новое имя — Абд ал-Керим. Именно сын Сатука Муса, унаследовавший престол в 955 г., объявил ислам государственной религией. Исламизация караханидских тюрок была следствием не кратковременных усилий какого-либо миссионера, а длительным процессом постепенного проникновения ислама в тюркскую среду в силу тех экономических и политических выгод, которые проистекали из этого обращения. Уже Сатук, ведший длительную войну против своего дяди, великого кагана, использовал свой переход в новую веру для того, чтобы заручиться существенной для него поддержкой Саманидов. Сын Сатука Муса под лозунгом борьбы с неверными и защиты ислама успешно осуществлял военную экспансию в направлении Хотана и в сторону Исфиджаба.

Оказавшись в зоне мощного воздействия оседлой цивилизации, тюркские племена были втянуты в новую систему экономических и социальных отношений, стали частью этой системы и нашли приемлемые пути вхождения в уже сложившиеся хозяйственно-культурные регионы Средней и Передней Азии. Внешним выражением такой интеграции, по крайней мере, в ее идеологическом аспекте, была сравнительно быстрая исламизация тюрков в государствах Караханидов и Сельджукидов, создавшая предпосылки для политического восприятия новых династий в мире абсолютного господства мусульманской религии.

Государства Караханидов и Сельджукидов, на первых порах продолжая традиции тюркских каганатов, не стали их повторением ни в экономическом, ни в социальном плане. Здесь возникла и оформилась иная, чем в Центральной Азии, политическая система, с другой культурной ориентацией. Сложилась раннефеодальная военно-ленная структура (*икта*), породившая новую знать и получившая быстрое и полное развитие в тюркских империях Средней и Передней Азии.

Нашествие кара-китаев (киданей) — дальневосточных монгольских племен — и создание ими своего государства в Семиречье (1130—1210 гг.) надолго превратило часть караханидских владетелей в вассалов гурхана, главы киданей. Кара-китаи, впрочем, ограничились лишь верховным сюзеренитетом и взиманием налогов, не затрагивая ни устроения, ни религии, ни культуры сво-

их подданных. Даже небольшое карлукское княжество в Алмалыке – реликт докараханидского государства карлукских ябгу – не было уничтожено ими. Тем не менее кара-китайское владычество стало началом политической гибели Караханидов. В 1210 г. в борьбе с найманами пресеклась восточнокараханидская династия. В 1212 г. в Самарканде был казнен хорезмшахом Мухаммадом последний представитель западнокараханидской династии. А вскоре исчезла и ферганская ветвь Караханидов.

К этому времени Средняя Азия, Семиречье, Кашгария приобрели новое этническое лицо, новую социальную и экономическую структуру, новый тип духовной культуры. По мере сложения здесь феодальной государственности и включения тюркских племен в сферу оседлой, прежде всего городской, цивилизации явно виделось оформление надплеменной этнической общности, с одним общеупотребительным языком и письменной культурой, и лишь потрясения монгольского завоевания прервали естественный процесс наметившегося развития.

Социально-экономическое и культурное развитие

Социальная структура. Оценка социальной природы древнетюркских государств, обладающих одинаковыми институтами общественного устройства, до сих пор весьма разноречива. Их определяют и как военную демократию, и как родо-племенное государство, и как военно-рабовладельческие империи, и как феодальные или патриархально-феодальные государственные образования. Причиной этого является прежде всего отсутствие источников.

Особое значение для выявления социальных связей и зависимостей имеют памятники, созданные в древнетюркской среде. Отсчет древнетюркских памятников начинается со стелы, получившей название Бугутской. Полтысячелетия воздвигались на поминальных курганах высшей знати тюрков, уйгуров и кыргызов каменные стелы с руническими надписями. Заупокойные эпитафии были средством монументальной пропаганды. Они отражали, формулировали и формировали видение и картину мира, отстаивали и навязывали жизненные и нравственные идеалы, устремления, цели.

Через несколько столетий в столице Караханидской державы, уже включившейся в систему развитых цивилизаций ислама, но еще сохранившей архаичные институты древнетюркского времени, была написана дидактическая поэма *Кутадгу билиг* (“Бла-

годатное знание"). Ее автор, государственный деятель и политический теоретик, хасхаджиб Юсуф Баласагунский обрисовал идеальные формы общественного и политического устройства, во многом совпадающие с социальными реалиями, запечатленными в рунических текстах. Общество, конструируемое Юсуфом, строго иерархично. Личность в нем полностью лишена индивидуальности и выступает только как воплощение сословных черт, ее поведение запрограммировано и определено исключительно сословными функциями. Все, что делает или может сделать человек в мире, воспетом Юсуфом, сводится к двум категориям: должного и недолжного. Конечно же, должное и недолжное совершенно различны для людей из разных сословий, а покушение на сословные разграничения почитается абсолютным злом, нарушением божественной воли и заветов предков. Вряд ли какой-либо из документов тюркского средневековья столь же полно отражает образ мышления кочевой аристократии. И ни один из источников не перекликается столь же живо с древнейшими тюркскими текстами – камнеписными памятниками Центральной Азии. И здесь, и там на первом плане политическая доктрина, отражающая взгляд на мир тюркской военно-племенной знати, для которой абсолютным императивом было стремление к подчинению иноплеменников и господству над ними.

Война ради добычи, усердие в ее поиске и щедрость при распределении добытого среди войска представляются Юсуфу едва ли не главными добродетелями правителей.

Структуры древнетюркской общины веками складывались и приспосабливались к целям и задачам военного быта. Тюркский племенной союз (*тюрк кара камаг бодун*), состоявший из племен (*бод*) и родов (*огуш*), был политически организован в *эль* – имперскую структуру. Родо-племенная организация – бодун и военно-административная организация – эль взаимно дополняли друг друга, определяя плотность и прочность социальных связей. Хан "держал эль и возглавлял бодун". Он осуществлял функции главы "гражданского" управления внутри собственного племенного союза (народа) по праву старшего в генеалогической иерархии родов и племен и выступал в роли вождя, верховного судьи и верховного жреца. Возглавляя политическую организацию, созданную его племенным союзом, он выполнял и функции военного руководителя, подчинявшего другие племена и вынуждавшего их к уплате даней и податей. Поддержание на должном уровне боевой мощи армии, ориентация походов и набегов, удержание в подчинении и послушании покоренных, использование их эко-

номических и военных ресурсов – таковы функции древнетюркского эля, который возглавлялся каганом. Он, в свою очередь, опирался на племенную аристократию, из которой комплектовались военно-административное руководство и личное окружение кагана.

Обращаясь с надписями-манифестами к своим "слушателям" ("Слушайте хорошенько мою речь!" – требует в своей надписи Бильге-каган), тюркские каганы и их приближенные выделяют среди "внимающих им" два сословия: знать и народ. В Бугутской надписи эти два сословия именуются *куркапыны*, т. е. "обладающие саном", и "народ" ("тюркские беги и народ"). Беги и "простой народ" фигурируют в памятниках енисейских кыргызов. Наиболее резкое противопоставление знати и народа содержится в терминологии обоих древнеуйгурских рунических памятников середины VIII в.: *атлыг* (именитые) и *игиль кара бодун* (простой народ).

В памятниках отчетливо проявляется двуступенчатый характер социальных оппозиций внутри регистрируемой тестами структуры "каган – беги – народ". Описываемые в надписи ситуации выявляют различия поведения и интересов бегов и народа. Так, в Онгинской надписи рассказывается о битве, в ходе которой "простой народ" сражается и гибнет, а беги спасаются, покинув поле боя. Уйгурский каган Элетмиш Бильге, противопоставляя интересы изменивших ему "именитых" интересам "своего простого народа", призывает отколовшиеся племена вновь ему подчиниться. В иной ситуации тюркский Бильге-каган требует от народа, чтобы тот "не отделялся" от своих бегов. Здесь проявляется та же тенденция, что и в "аристократическом фольклоре", сохраненном Махмудом Кашгарским:

Опора земли – гора,
Опора народа – бег.

Самая суть отношений знати к народу ясно выражена в эпитафии – завете одного из кыргызских бегов: "Простой народ, будь усерден (трудолюбив)! Не нарушай установлений эля!"

Другая оппозиция объединяет бегов и народ, противопоставляя племенные интересы единству эля, олицетворяемому каганом. Упрекая бегов и народ за былые измены, за стремление откочевать и выйти из-под руки кагана, Бильге обвиняет их в прежних несчастьях тюркского эля, требует раскаяния в прошлых поступках и постоянной верности кагану. В некоторых вариан-

тах политических сентенций упомянут только "тюркский народ", "провинившийся" перед каганом, но контекст явно указывает, что беги не отделяются здесь от народа. Призыв к покорности кагану бегов и народа, призыв к совместному противостоянию враждебному окружению выражен орхонскими надписями предельно эмоционально.

Обе оппозиции, столь отчетливые в древнетюркских памятниках, оставаясь сословными, не стали зрелыми классовыми противоречиями. Фиксируя положение традиционных сословий, составлявших общину, они скорее отражают борьбу этих сословий за свою долю материальных благ, получаемых общиной, нежели попытки изменения структуры. Показателен в этом отношении рассказ осведомленного китайского историографа о возвышении и гибели тюргешского кагана Сулука: "В начале [своего правления] Сулук хорошо управлял людьми: был внимателен и бережлив. После каждого сражения добычу всю отдавал подчиненным, почему роды были довольны и служили ему всеми силами... В последние годы он почувствовал скудность, почему награбленные добычи начал мало-помалу удерживать без раздела. Тогда и подчиненные начали отдаляться от него... Мохе Дагань и Думочжы неожиданно в ночи напали на Сулука и убили его".

Высшим сословием древнетюркской общины были беги, аристократия по крови, по праву происхождения из рода, особый статус которого в руководстве делами племени считался неоспоримым, освященным традицией. Элитой аристократии по крови был в Тюркском эле каганский род Ашина, в государстве уйгуров – род Яглакар. Вместе с несколькими другими знатными родами, иерархия которых была общеизвестна и общепризнана, они составляли верхушку своих общин, наиболее привилегированное сословие.

Положение знатных родов зиждилось как на праве руководства племенем и общиной, так и на обязанности заботиться о благосостоянии соплеменников. Каждую племенную группу – тюркскую, уйгурскую, кыргызскую – связывала идеология генеалогической общности, реальной материальной базой которой было право собственности на коренные и завоеванные земли, право на долю в доходах от военной добычи, эксплуатации побежденных и покоренных племен. Во всех надписях тюркских каганов и их сподвижников настойчиво повторяется, что только каган с помощью своих родичей и свойственников способны "вскормить народ". В уцелевших фрагментах текста Бугутской надписи эта формула повторена трижды: про Муган-кагана (553–572 гг.) ска-

зано, что он "хорошо вскормил народ". Бильге-каган постоянно напоминает "слушателям", что он "одел нагой народ", накормил "голодный народ", сделал богатым "бедный народ"; благодаря ему "тюркский народ много приобрел", "ради тюркского народа" он и его младший брат Кюль-тегин "не сидели без дела днем и не спали ночью". Тоньюкук напоминает о неустанных "приобретениях" ради тюркского народа, осуществлявшихся Элетмиш-каганом и им самим, сопровождая свои слова сентенцией: "Если бы у народа, имеющего кагана, (тот) оказался бы бездельником, что за горе бы у него (народа) было!"

Единство, которого требуют каганы, единство внутри общины, основанное не на равенстве соплеменников, а на многоступенчатой системе подчинения, означало отказ от сословных разногласий и принятия такой политической структуры и таких правовых норм, при которых власть, а следовательно и богатство, добываемое путем внеэкономического принуждения, войной и угрозой войны, принадлежало бы аристократам по крови, выделявших остальной общине установленную традицией долю добычи и дани. Свое социальное и правовое проявление единство находило в применении ко всем ее членам единого наименования *эр* (муж-воин).

Мужем-воином становился по праву рождения каждый юноша, достигший определенного возраста и получивший *эр аты* – "мужское (геройское, воинское) имя", будь он одним из сотен рядовых воинов или принцем крови. Так, в сочетании "начальник над пятью тысячами мужами-воинами" термином *эр* обозначен каждый воин пятитысячного отряда. Но "мужем-воином" стал, по исполнении десяти лет, и сын Элетмиш-каган Кюль-тегин.

Получение "мужского имени" было связано с обрядом инициации (посвящения), которому предшествовало совершение юношей охотничьего или воинского подвига. Скорее всего, с таким обрядом связаны упоминаемые в надписи из Ихе Хушоту охотничьи подвиги героя: "В семь лет Куличор убил горную козу, а в десять лет – дикого кабана". Не исключено, что в знатных семьях обряд посвящения происходил несколько раньше, чем в остальных, после первых же охотничьих успехов испытуемого. О более распространенном варианте инициации упоминает сравнительно поздний рунический текст на бумаге (X в.) "Ырг битиг" ("Книга гаданий"): "Рассказывают: сын героя – воина пошел в поход. На поле боя Эрклиг (подземный бог) сделал его своим посланцем. И говорят: когда он возвращается домой, то он сам

приходит знаменитым и радостным, со славой (мужа), достойного зрелости. Так знайте – это очень хорошо!" Лишь приняв участие в бою и проявив воинскую доблесть, юноша "достигает зрелости".

Подобная же ситуация, рисующая сам обряд инициации, описана в огузском эпосе "Книга моего деда Коркута": сыну хана Бай-Бури исполнилось пятнадцать лет, он стал джигитом, "но в тот век юноше не давали имени, пока он не отрубил головы, не пролил крови". Речь идет не об отсутствии имени вообще – мальчика звали Басам, а об отсутствии "мужского имени". Басам убивает разбойников, напавших на купеческий караван. И тогда Бай-Бури созывает на пир беков огузов; вместе с беками "пришел мой дед Корку; дал юноше имя: ты зовешь своего сына Басамом, (теперь) пусть имя его будет Байси-Бейрек, владелец серого жеребца!". Получив "мужское имя", воин мог присоединить к нему титулы, указывающие на его знатность или место в военно-административной иерархии каганата, однако во всех случаях он оставался прежде всего "мужем-воином", т. е. полноправным членом тюркской общины. Вместе с тем Тюркский эль, как и любое другое из племен, входивших в него, был детально ранжированным сообществом, где положение каждого эра определялось прежде всего степенью привилегированности его рода и племени. Строгая иерархия родов и племен была в кочевнических государствах Центральной Азии основополагающим принципом общественного и государственного устройства. Место эра в обществе определял его титул, сан, являющийся частью его "мужского имени" и неотделимый, а иногда и неотличимый от имени. Титул был зачастую наследственным по праву майората при престолонаследии и минората при наследовании хозяйства и дома. Именно титул указывал место эра в системе управления и подчинения. Большинство эпитафий, найденных в Центральной Азии, на Енисее и на Таласе, в первых же строках сообщают имя и титул покойного, иногда указывают его родственные связи, но чаще просто воспроизводят его родословную *тамгу* (тавро, герб) с добавочными (диакритическими) знаками, фиксирующими место героя надписи в счете поколений. Вот пример енисейской надписи со сравнительно полными указаниями на положение умершего: "С вами, мой эль, мои жены, мои сыновья, мой народ – о, жаль мне! – я расстался в свои шестьдесят лет. Мое имя Эль-Тоган-тутук. Я был правителем моего божественного зля. Я был бегом моему шестисоставному народу".

Для положения и престижа эра немалое значение имели его богатство, благосостояние его семьи. Понятие собственности в

отношении движимого имущества, включая юрты и постройки, но прежде всего собственности на скот, проявляется в орхоно-енисейских надписях со всей определенностью. Имущественная дифференциация внутри тюркских племен, как и других кочевников Центральной Азии, была весьма значительной. Богатство становилось предметом гордости и похвальбы тюркской аристократии. Особенно яркие имущественные характеристики содержат кыргызские надписи. "Я был богат. У меня было десять загонов для скота. Табунов у меня было бесчисленное (множество)!" Этими словами из эпитафии определяет свой социальный вес в мире, который он покинул, Кутлуг-бага-таркан, знатный кыргызский бег, живший в Северной Монголии во второй половине IX в. Другой кыргызский бег упоминает шесть тысяч коней, т. е. по обычному соотношению между лошадьми и другим скотом, он владел более чем двадцатью тысячами голов. В других надписях упоминаются также верблюды и разный скот в "бесчисленном количестве". Счастье, которое просит человек у божества, оно дарует ему обычным благопожеланием – "Да будет у тебя скот в твоих загонах!".

Богатым (бай, байбар, йылсыг) противопоставлены в надписях бедняки, неимущие (чыгай). Для автора рунических надписей бедный люд, "не имеющий пищи внутри, не имеющий платья снаружи", – "жалкий, ничтожный народ" (ябыз яблак бодун). Бедность не вызывала сочувствия, более того, была презираема. Настоящий муж-воин оружием добывал свое богатство.

Яркие примеры социальной и имущественной дифференциации древнетюркского общества дают результаты археологических исследований. По сравнению с великолепными погребальными сооружениями высшей знати, которые строили сотни людей и для украшения которых приглашались иноземные мастера, казались невзрачными курганы простых воинов, где рядом с хозяином в полном вооружении лежал его боевой конь под седлом. Но в могилах же беднейших общинников не было ни дорогого оружия, ни коня.

На границе Тувы и Монголии, в высокогорной долине р. Каргы в Монгу-Тайге, где раскопано несколько тюркских курганов VI–IX вв., два захоронения привлекают к себе особое внимание. Одно из них – погребение богатого и знатного эра из далекого пограничного племени Тюркского каганата. Он похоронен по полному обряду, с конем, в одежде из дорогих китайских шелков. Такие шелка обозначались в древнетюркском языке словом *агы* – "драгоценность, сокровище". Рядом лежало китайское ме-

таллическое зеркало с иероглифической надписью и высокохудожественным орнаментом, из тех, что чрезвычайно ценились древними кочевниками центральной Азии и иногда упоминались в эпитафии. Десять золотых бляшек, украшающих конский убор, изготовлены из высокопробного золота. В соседнем кургане был похоронен 30–35-летний мужчина, главным имуществом которого был берестяной колчан. Вместо боевого коня рядом был положен взнузданный и подпруженный баран.

Малоимущие эры неизбежно попадали в личную зависимость от бегов. Именно о них пишет Махмуд Кашгарский: "Эр стал на колени пред бегом". Только у знатных и богатых бегов они могли получить в пользование скот за отработку и службу или стать пастухами громадных табунов и стад своих богатых сородичей. Из обедневших эров формировались постоянная дружина бега и его челядь, ходившая с ним в набег и поход, защищавшая его стада и имущество, прислуживавшая бегу в повседневном быту. Махмуд Кашгарский называет каждого из них *кулсыг эр* – эр, подобный рабу.

Содержать большое количество зависимых сородичей могли только богатые беги. В свою очередь, от числа дружинников и челяди зависела способность бега приобрести и умножить богатство, престиж и положение.

Бег не мог сохранить свой престиж без зависимых от него эров. Лишившийся скота и обедневший эр не мог прожить без материальной помощи и защиты бега. Но даже самый бедный из эров, не брезгующий подаянием, сохранял известную независимость и свободу по отношению к бегу-сородичу. И какими бы противоречиями не характеризовались отношения между бедными и богатыми, между бегами и простым людом, бодун в целом противостоял другой группе населения, входившей в древнетюркский эль, – полностью зависимым от эров невольникам, которые, даже влившись в семьи своих хозяев, не стали членами древнетюркской общины. Именно невольники были бесправной социальной периферией древнетюркского общества.

Семантический спектр терминов, которыми обозначены в древнетюркских рунических памятниках Центральной Азии несвободный мужчина (*кул*) и несвободная женщина (*кюн*), выявляются при анализе описанных текстами типических ситуаций, когда эти понятия употреблены. Наиболее обычным был захват людей во время набега, в ходе межплеменных войн. Сообщения о захвате полона обычны для рунических надписей. Рабы и рабыни в древнетюркской общине были людьми, насильственно увезен-

ными с мест их обитания, вырванными из их племенной среды, лишенными своего статуса, отданными во власть своих хозяев. Рабство становилось их пожизненным состоянием. Более того, даже соплеменники, попавшие в рабство, а затем вернувшиеся в родное племя, не возвращали себе прежнего статуса, о чем свидетельствует рассказ арабского автора конца IX – начала X в. Ибн ал-Факиха об обычаях тюрков, которые он хорошо знал: "Время от времени какая-либо группа (тюрков) покидает свое племя и переходит в другое племя. А вместе с ними в другое племя переходят и те женщины, которые раньше вышли из этого племени (и стали рабынями), а также дети тех женщин, которые также были сделаны рабами. И племя, принявшее пришельцев, не наказывает их за своих сородичей, обращенных в рабство, а считает последних такими же рабами, как и своих рабов, согласно их обычаю и тому, о чем у них есть согласие". Согласно Ибн ал-Факиду, даже кровное родство не могло разорвать новых социальных связей, возникших в результате захвата в плен и превращения в рабыню ранее свободной женщины.

Тексты фиксируют тот факт, что в неволю уводили прежде всего, а зачастую исключительно женщин и девушек, иногда мальчиков и юношей, но никогда взрослых мужчин. Женщин и девушек упоминают как главную военную добычу, их требовали в качестве контрибуции, их отнимали у подвластных племен, если те поднимали мятеж или задерживали выплату дани. Стремление захватить в неволю прежде всего женщин явно указывает на преобладание домашнего рабства.

Попав в неволю, женщина тем самым оказывалась с системе хозяйственной деятельности, осуществляемой семьей хозяина, участвуя как в семейном, так и в общественном производстве. При этом не имело решающего значения, оказывалась ли она в положении одной из жен своего владельца или в положении рабыни-служанки. Этнографические наблюдения показывают, что у кочевников доля участия женщин в повседневной трудовой деятельности превышала трудовой вклад мужчин. Эту особенность воинственного кочевого общества тонко подметил францисканский монах Плано Карпини: "Мужчины вовсе ничего не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах. Но они охотятся и упражняются в стрельбе... Жены их все делают: полушубки, платье, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их, вьючат верблюдов и во всех своих делах очень проворны и споры". Сведения Плано Карпини дополняют Гильом Рубрук и Марко Поло, о том

же свидетельствуют позднейшие этнографические материалы. Так, у монголов дойкой скота, переработкой животноводческой продукции, пошивом одежды, приготовлением пищи и другими домашними работами целиком заняты женщины". Вместе с тем женщины активно участвуют в выпасе овец и коз.

В условиях патриархального натурального хозяйства, а любое кочевое и полукочевое хозяйство является таковым, благосостояние семьи зависело не только от количества скота, его сохранения и воспроизводства, но и, в неменьшей степени, от способности своевременно и полностью переработать, подготовить к использованию или хранению всю многообразную продукцию животноводства, охоты, собирательства, подсобного земледелия. Во всем этом женский труд играл основную роль. Потому и в многоженстве кочевников древней Центральной Азии, и в стойком сохранении у них левирата (женитьба младшего брата на вдове старшего), и в захвате во время набегов преимущественно женщин очевидна экономическая обусловленность, стремление обеспечить дополнительной рабочей силой свое семейное хозяйство, основную производственную ячейку любого кочевого общества. И чем богаче было это хозяйство, тем в большем количестве женских рук оно нуждалось.

Использование в кочевом хозяйстве подневольного женского труда вместо сколько-нибудь значительного числа рабов-мужчин настоятельно диктовалось также соображениями безопасности. Концентрация рабов, т. е. недавних воинов враждебных племен, в аулах, рассеянных по степи и горам, в ставках кочевой знати, передача на попечение рабов скота, домов и семей во время длительных отлучек ушедших в очередной поход воинов господствующего племени были невозможны из чувства самосохранения.

Уже в истории Геродота приведен полулегендарный рассказ о войне скифов со своими рабами, захватившими ставки своих хозяев, когда скифы ушли в поход. Подобные же события знает и недавняя история казахов. Они описаны по русским архивным материалам Г. И. Семенюком: "Когда в 1755–1756 гг. в Казахстане на территории Младшего жуза скопилось несколько тысяч захваченных в плен и обращенных в рабство людей, они убивали своих хозяев, угоняли их скот, убегали в сопки и в камышовые заросли, создавали там шайки и своими набегами терроризировали население целого ханства (жуза), заставив аулы скучиваться для защиты, что приводило к бескормице, заболеваниям и массовому падежу скота. Хозяйство и безопасность самих кочевников жуза были поставлены... под угрозу".

Концентрация невольниц, часть из которых становилась женами и наложницами хозяев, не представляла для тех опасности, надзор за ними осуществлялся в рамках семейного быта. Вместе с тем интенсивное использование труда невольниц на всех работах, включая выпас скота, высвобождало для войны значительную часть мужчин. Ведь, согласно "Ясе" Чингиз-хана, во время походов женщины исполняли труды и обязанности мужчин".

Были у кочевников и рабы-мужчины. Если судить по примерам, относящимся к гуннской и монгольской эпохам, многие из них становились пастухами коров и овец (чабанами), но не табунщиками – коней рабам не доверяли. Лишь у енисейских кыргызов, практиковавших ирригационное земледелие и строивших укрепленные "городки", труд рабов-мужчин применялся сравнительно часто. Часть захваченных пленников тюрки освобождали за выкуп или продавали в Китай.

Таким образом, хотя личное рабство в тюркских государствах Центральной Азии не выходило за пределы домашнего рабства, вся жизнедеятельность древнетюркской общины, а в какой-то мере и ее боевая сила были связаны с эксплуатацией невольников и в еще большей степени – невольниц. Захват полона был одной из главных целей войн, которые вели тюрки.

Религия и мифология древнетюркских племен. Три источника, близких по времени создания, но бесконечно далеких в пространстве и в культурной традиции, обнаруживают неожиданное схождение в одном сюжете. Речь идет о верованиях трех кочевых народов – тюрков Центральной Азии, гуннов Кавказа и дунайских болгар. Рассказывают же нам о них рунические каменные стелы Монголии, греческая эпиграфика дунайской Мадары и албанский историограф Мовзес Каганкатваци.

Памятники Мадара, крупнейшего культового центра праболгар, как бы связывают культуры раннесредневековых кочевников долины Дуная, Северного Кавказа и Центральной Азии. Само святилище, величественный рельеф Мадарского всадника, эпиграфические тексты из Мадара позволяют судить о религиозной идеологии и литургических действах праболгарских племен, чей далекой прародиной были степи и горы Центральной Азии. Одна из надписей Мадарского святилища упоминает имя верховного бога праболгар, которого "хан и полководец Омуртаг" почтил жертвоприношениями, – тангра. Это имя вводит в мир древнейшей религии центральноазиатских кочевников, нашедшей свое самое раннее отражение в орхонских надписях. В орхонских рунических текстах названы лишь три божества – Тенгри (тюрк.

Небо), Умай и Ыдук Иер-Суб (Священная Земля-Вода). Почитание Неба как верховного божества было присуще едва ли не всем древним кочевникам Центральной Азии независимо от этнической принадлежности. Но этот факт сам по себе еще не предопределяет единства их мифологий и верований. Поэтому терминологического совпадения в имени верховного божества праболгар и древних тюрков, указывающего на общие истоки обеих религий, еще недостаточно для того, чтобы судить о степени их близости. Праболгарский пантеон, из-за крайней скудости сведений о самих дунайских болгарах, остается невыявленным. Реконструировать дохристианскую религию основателей древней Болгарской державы на Дунае позволяет описание древнетюркской религии орхонскими памятниками. В них не содержится прямых указаний, классифицирующих пантеон, однако в сибирско-центральноазиатской мифологии существовала своя, органично присущая ей система классификации божеств, в основе которой лежало трихотомическое (разделение на три части) деление макрокосмоса на Верхний, Средний и Нижний миры, между которыми распределены все живые существа, все боги и духи.

Трихотомическая концепция дополняла существовавшие горизонтальные модели мира вертикальной моделью, а ее создание отнесено в глубочайшую древность – эпоху верхнего палеолита Сибири. Противопоставление в древнетюркском пантеоне Неба (Тенгри) и Земли (Ыдук Йер-Суб) позволяет говорить о существовании в религиозной идеологии каганата двух групп божественных сил, соответственно связанных с Верхним и Средним мирами. Доказательством существования в древнетюркской мифологии полной трехчленной модели Вселенной стало выявление в рунических текстах Енисея и Восточного Туркестана наиболее важного и яркого персонажа Нижнего мира – его владыки Эрклиг-хана, "разлучающего" людей и посылающего к ним "вестников смерти".

Владыкой Верхнего мира и верховным божеством древнетюркского пантеона является Тенгри (Небо). В отличие от Неба – части космоса оно никогда не именуется кок ("голубое небо", "небо") или калык ("небесный свод", "ближнее небо"). Именно Тенгри, иногда с другими божествами, распоряжается всем происходящим в мире и прежде всего судьбами людей: Тенгри "распределяет сроки (жизни)", но рождениями "сынов человеческих" ведает богиня Умай, а их смертью – Эрклиг. Тенгри дарует каганам мудрость и власть, дарует каганов народу, наказывает согрешивших против каганов и даже "приказывая кагану, решает го-

сударственные и военные дела. Согдоязычная Бутугская надпись, эпитафия Таспар-кагана (ум. в 581 г.), упоминает о постоянных вопросах кагана к богу (богам?) при решении государственных дел. Тенгри в какой-то степени антропоморфизован – он наделен некоторыми человеческими чувствами, выражает свою волю словесно, но решения осуществляет не прямым воздействием, а через природных или человеческих агентов.

Другим божеством Верхнего мира была Умай – богиня плодородия и новорожденных, олицетворяющая женское начало. Вместе с Тенгри она покровительствует воинам. Так же, как каган подобен (по своему образу) Тенгри, его супруга-царица подобна Умай (моя мать-царица, подобная Умай). Здесь содержится явное указание на миф о божественной супружеской чете Тенгри и Умай, земной ипостасью которой и является царская чета в мире людей.

Главным божеством Среднего мира была "священная Земля-Вода". В орхонских надписях это божество нигде не упомянуто обособленно, но вместе с Тенгри и Умай (или только с Тенгри) оно покровительствует тюркам и наказывает согрешивших. В енисейских рунических надписях герой эпитафии, ушедший в Нижний мир, вместе с атрибутами Верхнего мира – Солнцем и Луной, – от которых он "удалился" и которыми "не насладился", называет также Землю-Воду, т. е. покинутый им Средний мир. По сообщениям иноземных информаторов, божество Земли было объектом особого культа. Культ священных вершин был частью общего культа Земли-Воды у древнетюркских племен.

Кроме четырех главных божеств (Тенгри, Умай, Ыдук Йер-Суб и Эрклига) в древнетюркский пантеон входили многочисленные второстепенные божества или божества-помощники. В важном для анализа древнетюркского пантеона руническом тексте на бумаге из пещерной библиотеки Дуньхуана, именуемом "Книга гаданий" (Ырк битиг), упомянуты среди прочих два божества "второго плана" – "бог путей на пегом коне" и "бог путей на вороном коне". Столь же древнее упоминание у тюрков "бога путей" имеется в древнетибетском "Каталоге княжеств", фрагмент которого был обнаружен также в пещерах Дуньхуана. Так, среди соседей Тибета названы "восемь северных земель", в столице которых, крепости Шу-балык, почитают "бога тюрков Йол-Тенгри". Тибетская запись (или ее источник) надежно датируется VIII в. Хотя представления тибетского автора о "северных землях" были весьма смутны, важно отметить, что для иноземного наблюдателя образ Йол-тенгри ("бога путей") был непосредственно связан с государственным культом тюрков.

Судя по функции обоих Йол-Тенгри в древнетюркской "Книге гаданий", одно из которых дает человеку божественную благодать, душу, а другое восстанавливает и устраивает государство, оба они, скорее всего, посланцы небесного божества (Тенгри), непосредственные исполнители его воли. Рунические надписи дают много примеров того, что именно Тенгри ниспосылал благодать или "приказывал" и побуждал к созданию и воссозданию государства тюрков. Само государство именуется в енисейской рунике "божественный эль". Оба Йол-Тенгри являются, таким образом, младшими божествами, младшими родичами Тенгри, которые, выполняя его волю, постоянно находятся в пути и связывают Верхний и Средний миры, так же как каганы, обращаясь к Небу с вопросами и мольбами, осуществляют обратную связь Среднего мира с Верхним. Таков был в главных проявлениях древнетюркский пантеон.

Несмотря на некоторые модификации, проникшие в древнетюркскую мифологию под влиянием меняющихся социально-политических условий, общий для самого широкого круга древнетюркских этнических групп характер всех основных персонажей этого архаичного центральноазиатского Олимпа не вызывает сомнений. О том свидетельствуют и орхонские стелы, и надписи енисейских кыргызов, и древнеуйгурские рунические и курсивные тексты, и сведения мусульманских авторов о верованиях кимаков, кыпчаков, гузов, карлуков, и сообщения китайских источников о племенах, живущих к северу от Великой стены. Сколь ни были заметны те или иные различия племенных культов, они не нарушали общей структуры пантеона, сложившейся много раньше появления на исторической арене племени тюрк (460 г.). Само название этого пантеона как древнетюркского условно, но вполне отражает реальную историко-культурную и религиозно-идеологическую общность, сложившуюся в среде кочевых племен Внутренней Азии, общность, сохраненную ими в ходе многих миграций I тысячелетия н. э.

Подтверждением сказанному является источник, синхронный эпохе рунических памятников, но созданный далеко от Орхона и Енисея – "История авган" Мовзеса Каганкатваци (X в.). Значительную часть второй книги этого сочинения составляют включенная в него хроника Михранидов, княжеской династии Кавказской Албании в VII в., а частью хроники Михранидов стал текст жития епископа Исраэля, повествующий о пребывании христианской миссии во главе с Исраэлем в "стране гуннов" (682 г.), находившейся в предгорной равнине Дагестана. Эта группа род-

ственных племен укрепилась в степях севернее Дербента еще в начале VI в., создав жизнестойкое государственное объединение, которое Ананий Ширакаци (VII в.) называет "царством гуннов". Под влиянием местного ираноязычного сельского и городского населения и начавшейся среди гуннов в первой четверти VI в. систематической миссионерской деятельности церкви часть гуннов перешла от "жизни в шатрах" к оседлому и даже городскому быту. Но основная масса гуннов, в том числе знать, сохраняла кочевой быт и скотоводство, прежде всего коневодство, в качестве основного занятия. После утверждения здесь в 80-х гг. VII в. власти хазар гунны сохранили свою автономию.

Большая часть современных исследователей истории Северного Кавказа придерживается мнения, что гунны Дагестана были частью савирских племен, или савиров и барсилов, в свою очередь, принадлежавших к болгарским племенам. Тюркоязычные этнические группы, населявшие Прикавказье и Северный Кавказ в конце IV–VI в., к которым принадлежали гунны Дагестана, неотделимы от основной массы гунно-болгарских племен и надежно связываются с западной миграцией части союза племен теле (тегрег), на основе которого в Центральной Азии сформировались в V–VI вв. новые племенные союзы "девяти огузов" (тогуз-огуз) и "десяти уйгуров" (он-уйгур), игравшие выдающуюся политическую и культурную роль вплоть до монгольской эпохи.

Имя князя северокавказских гуннов – Алп Илитвер (в букв. переводе герой-эльтебер). Скорее всего, здесь не собственно имя, а титул. Тот же самый титул носили цари волжских болгар. Титул эльтебер не был царским (каганским, ханским), он обычен в Центральной Азии тюркского времени для вождей крупных племен и племенных союзов, зачастую сохранявших независимость. Так, среди вождей огузских племен, носивших титул иркин, лишь самые могущественные вожди уйгуров были эльтеберами. То обстоятельство, что князь гуннов в Дагестане носил титул эльтебера, а не хана, указывает не только на его место в иерархии гунно-болгарских вождей Юго-Восточной Европы, но и на признание им первенствующего положения иных, более значительных объединений племен – таких, как союз болгар-унногундуров при хане Курбате (Великая Болгария) или Хазарский каганат.

Единственным источником, рассказавшим о внутренней жизни "царства гуннов" на Кавказе в конце VII в., и поныне остается "Житие епископа Исраэля", сохраненное в труде Мовзеса Каганкатваци. Автор жития, участник албанской миссии, не мог подчеркнуть характеристики "дьявольских заблуждений" и

"скверных дел" идолопоклонников, погруженных в "языческую грязную религию", чтобы еще более значительным выглядел подвиг своего патрона, обратившего гуннов во главе с Алп Илитвером (алп-эльтебером) в христианскую веру. Именно в этих "разоблачениях" содержатся ценнейшие реальные детали, дающие представление о пантеоне, обрядах и обычаях гунно-болгарских племен.

Албанский клирик прямо не называет в гуннском пантеоне главную фигуру, но упоминает двух особо почитаемых богов: Куара, бога "молний и эфирных огней", и Тенгри-хана, "чудовищного громадного героя", "дикого исполина". Последнего автор "Жития" именует на иранский манер Аспендиатом (*среднеперс.* созданный святым [духом]).

Имя Куар созвучно среднеперсидскому xwar – солнце. Поклонение Богу-Солнцу в скифо-сарматской и сармато-аланской среде хорошо известно. Унаследованный гуннами на Кавказе бог Куар, вероятно, оставался богом местного иранского населения, а в пантеоне самих гуннов его образ слился с образом "громовержца" Тенгри-хана. Во всяком случае, все дальнейшие упоминания Тенгри-хана (Аспедиата) в тексте "Жития" выделяют его культ как главное зло, с которым боролся христианский миссионер. Упоминаются два рода святилищ, где свершались обряды в честь Тенгри-хана: капища, т. е. языческие храмы, в которых установлены идолы (изображения Тенгри-хана?), и священные рощи, где самые высокие деревья олицетворяли Тенгри-хана. В жертву божеству приносили коней, которых закалывали в священных рощах. Затем их кровью окропляли землю под деревьями, головы и шкуры вешали на ветви, а туши сжигали на жертвенном огне. Жертвы сопровождались мольбами, обращенными к Тенгри-хану. Уничтожение священных деревьев, олицетворявших Тенгри-хана, и сооружение из их стволов гигантского креста стало кульминацией миссионерской деятельности Исраэля, символом его победы над язычеством.

Культ Тенгри-хана, владыки Верхнего мира, сопровождаемый поклонениями его символам и ипостасям – Солнцу (Куар), Луне, "громам небесным", высоким деревьям, "кумирам" – и был центральным культом в царстве Алп Илитвера. Этот культ до деталей совпадает с тем, что известно о поклонении Тенгри (Небу) у древнетюркских племен Центральной Азии и Сибири. Так же, как кавказские гунны, тюрки VI–VIII вв. совершали жертвоприношения Небу в священных горных лесах и пещере предков. Вместе с Небом почитались небесные светила – Солнце и Луна.

А Махмуд Кашгарский, правоверный мусульманин XI в., сокрушался о тюрках – "неверных", которые словом *Тенгри* называют большие деревья. Этнографические свидетельства подтверждают и обряд сожжения туш жертвенных животных.

Наряду с Тенгри-ханом в царстве гуннов почиталось, по словам христианского наблюдателя, женское божество, которое автор "Жития" именует "Афродитой". Не вызывает сомнений связь гуннской богини с древнетюркской Умай. Особо упоминаются как объекты почитания гуннами Вода и Земля, т. е. божества (божество) Среднего мира. Отмечается даже особый разряд гуннских колдунов, призывающих Землю. Речь идет о древнетюркском культе "священной Земли-Воды" с его гимнами Земле.

Наиболее характерными персонажами гуннского пантеона, которые отмечены в "Житии", были некие боги путей, в которых можно узнать йол-тенгри – древнетюркских божеств. Лишь о божествах Нижнего мира ничего не сказано в описании "языческих заблуждений" гуннов, но зато упомянутые там погребальные сооружения схожи с таковыми у тюрков Центральной Азии. Христианина глубоко поразило то, что наряду с проявлениями скорби (плачи и царапание щек ножом) на кладбище устраивались конные скачки, игры "по демонскому их обычаю", "предавались разврату". Подобным же образом описывает похороны знатного тюрка в VI в. китайский источник. Родственники умершего убивают жертвенных животных, надрезают себе в знак скорби щеки, после чего устраивают конные скачки и игры юношей и девушек, нарядившихся в лучшие одежды. Игры носят эротический характер, и после них родители молодых договариваются о браках.

Рассказывая о разрушении гуннских погребальных сооружений, христианский автор отмечает, что они были устроены на высоком месте, состояли из капищ (заупокойных храмов), идолов, и "скверных кож жертвенных чучел" (вывешенных при храмах шкур жертвенных животных). Капища названы высокими и уничтожались одним огнем, т. е. были построены из дерева. Возможно, из дерева изготовлялись идолы гуннов. Все эти элементы погребения упоминаются источником и у центральноазиатских тюрков: храм, построенный при могиле, изображения покойного (древнетюркские каменные изваяния), вывешенные на шестах головы и шкуры жертвенных овец и лошадей. Другим обычаем, общим для гуннов и древнеуйгурских племен, было почитание громовых ударов и молнии и принесение жертвы на место, куда молния ударяла.

Если кавказский гунно-болгарский пантеон обнаруживает генетическое родство с древнетюркской мифологией, то развитие культа Тенгри в политизированную религию раннефеодального государства более ясно показывают процессы, синхронно, но независимо друг от друга происходящие в VII–VIII вв. в Монголии и на Дунае. Орхонские надписи постоянно декларируют небесное происхождение каганского рода. Вместе с представлениями о Тенгри и Умай как божественной чете, покровительнице династии, этот поздний мифологический цикл носил явственный отпечаток его рождения в классовом обществе и являлся несомненной частью государственного культа Тюркского каганата. Составными частями этого культа были ежегодные жертвоприношения в пещере предков, где в роли первосвященника выступал сам каган, почитание умерших предков-каганов, освящение каганских погребальных комплексов и стел.

Те же процессы, особенно гиперболизация культа вождя, земного наместника небесного владыки, характерны и для истории Первого Болгарского царства.

Общность пантеона, мифологии, обрядности, архаических верований и суеверий, установленная между тюрко-огузскими племенами Центральной Азии и гунно-болгарскими племенами Северного Кавказа, в большей или меньшей степени распространялась и на религиозные верования дунайских праболгар с их культом Тангра (Тенгри, Тенгри-хана).

Памятники письменности Казахстана и Центральной Азии в раннем средневековье. В VI–VII вв. тюркоязычные племена Центральной Азии, входившие в состав Тюркского каганата, а также западнотюркские племена Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа, создавшие Хазарское государство, **уже пользовались собственным письмом.** Необходимость в письменности возникала, очевидно, из нужд административной и дипломатической практики и фиксации государственных актов, определенную роль могли играть и религиозные мотивы. Иноземные источники сообщают о деревянных дощечках, на которые у тюрков наносились резы (знаки?) при исчислении "количества требуемых людей, лошадей, податей и скота". Кроме того, тюркские послы снабжались грамотами. Так, прибывший в 568 г. в Константинополь ко двору Юстина тюркский посол, согдиец Маниах, привез послание от кагана, написанное, как рассказывает византийский историк Менандр, "скифскими письменами". О том, что это были за "письмена", можно судить по древнейшему сохранившемуся памятнику Тюркского каганата – Бугутской надписи. Стела была

водружена на кургане одного из первых тюркских каганов, Таспара (572–581 гг.), примерно через 15 лет после посольства Маниаха. Надпись сделана на согдийском языке. С одной из сторон стелы находится почти полностью уничтоженный эрозией текст на санскрите письмом брахми. Согдийский вариант, сохранившийся не полностью, рассказывает о событиях первых тридцати лет существования Тюркского каганата, особенно подробно описываются заслуги Таспар-кагана. Из обращения к читателям видно, что согдийское письмо было понятно в каганате достаточно широкому кругу образованных людей из верхов тюркского общества.

В те же годы, когда была воздвигнута **Бугутская стела,** на тюркский язык было впервые переведено и зафиксировано письменно буддийское сочинение (Нирвана-сутра) с целью пропаганды буддизма среди тюрков. Оно не могло быть записано на бумаге другим алфавитом, кроме хорошо известного тюркам согдийского. Есть все основания полагать, что наряду с использованием в письменности согдийского языка тюрки употребляли согдийский алфавит и для фиксации собственной речи. Позднее этот алфавит получил название "уйгурского". Уйгуры пользовались им особенно широко в IX–XV вв. Но для письма на камне (так называемого "монументального письма") курсивный согдийский алфавит применялся редко.

Памятники рунического письма. В начальный период истории Тюркского каганата, не позднее второй половины VII в., на основе согдийской письменности, дополненной несколькими знаками, в тюркской среде возникло новое письмо. Оно состояло первоначально из 37 или 38 не соединявшихся между собой знаков геометризованных очертаний и, в отличие от согдийского, было хорошо приспособлено для фиксации на дереве и камне (процарапыванием и резьбой). **Новая письменность достаточно точно передавала фонетические особенности тюркского языка:** так, большая часть согласных знаков имела два варианта написания, в зависимости от того, с каким гласным этот согласный употреблялся.

Древнетюркское письмо было впервые открыто в долине Енисея в 20-х гг. XVII в. немецким ученым Д. Мессершмидтом, состоявшим на службе у Петра I, и сопровождавшим его пленным шведским офицером И. Страленбергом. Они назвали письмо "руническим" – по его сходству со скандинавскими руническими текстами. Это название и закрепилось в науке. В 1889 г. русский ученый Н. М. Ядринцев открыл в Северной Монголии, в долине

р. Орхон, огромные каменные стелы с руническими надписями. Дешифровали и прочли тексты датский ученый В. Томсен, который первым нашел ключ к алфавиту, и русский тюрколог В. В. Радлов, впервые давший их связное прочтение. По месту находки основных памятников это письмо стали называть "орхоно-енисейским".

Самыми крупными образцами рунического письма являются памятники Северной Монголии, сосредоточенные главным образом в бассейнах рек Орхона, Толы и Селенги. Они были воздвигнуты в эпоху Второго Тюркского каганата (689–744 гг.) и Уйгурского каганата в Монголии (745–840 гг.). В надписях приводится очень богатый материал для изучения истории, идеологии и культуры древнетюркских племен и народностей, их языка и литературных приемов.

Более ста пятидесяти памятников рунических надписей обнаружено в долине Енисея, на территории Тувы и Хакасии. Большую их часть составляют стелы при погребениях древнекыргызской знати, воздвигнутые в VIII–XII вв. Енисейские тексты значительно короче орхонских и носят характер эпитафий, оплакивающих и восхваляющих погребенных кыргызских беков; однако, в отличие от орхонских, здесь крайне мало историко-политических сведений и описаний. Написаны они тем же древнетюркским литературным языком.

Мелкие и плохо читаемые тексты найдены на скалах Прибайкалья и верхнего течения р. Лены, где жило древнетюркское племя курыкан. Несколько мелких наскальных надписей и надписей на сосудах обнаружено на Алтае. Достаточно крупные тексты на бумаге относятся к Восточному Туркестану, где руническим алфавит до X в. использовался в Уйгурском государстве (IX–XIII вв.), созданном бежавшими из Монголии после военного поражения от кыргызов (840 г.) тогуз-огузскими племенами (главными из них были уйгуры).

На территории Средней Азии и Казахстана можно выделить две группы рунических памятников: ферганскую (мелкие надписи на керамике, VIII в.) и семиреченскую (на территории Кыргызстана и Казахстана). К ним относятся одиннадцать надписей на могильных камнях-валунах (VIII в.) и наскальные тексты в ущелье Терек-Сай (долина р. Талас), надписи на керамике, обнаруженные близ г. Джамбула, мелкие надписи или отдельные знаки на монетах и бытовых предметах, надпись на деревянной палочке (выявлена при горных работах в долине р. Талас), а также надписи на двух бронзовых зеркалах из Восточного Казахстана и

краткая надпись на глиняном пряслице с Талгарского городища (близ г. Алматы).

Эти памятники созданы в Западнотюркском каганате и Карлукском государстве; надписи на бронзовых зеркалах принадлежат кимакам. Наболее загадочен текст на деревянной палочке. Тип письма на ней сильно отличается от орхоно-енисейского, но совпадает с письмом мелких надписей, обнаруженных на территории Хазарского государства – в Поволжье, Подонье и на Северном Кавказе, а также с письмом на золотых сосудах, открытых при раскопках в долине Дуная (надписи Надь-Сент-Миклоша). Этот западный вариант рунического письма, несмотря на многочисленные попытки, все еще остается нерасшифрованным из-за отсутствия сколько-нибудь крупных текстов. Таласская палочка, быть может, указывает на древние связи между хазарами и Западнотюркским каганатом.

Маловероятно, что руническое письмо употреблялось после XI–XII вв. В Центральной Азии его потеснили сначала уйгурское, а затем арабское письмо, распространившееся среди тех тюркских народов, которые приняли ислам.

Большие рунические тексты Монголии и Енисея являются не только важными историческими документами, но и выдающимися литературными произведениями. Особенно показательны в этом отношении два самых крупных рунических текста – надписи в честь Бильге-кагана и Кюль-тегина. Они написаны от имени самого Бильге-кагана, хотя, как указано в конце текстов, их автором было другое лицо. Во всей средневековой тюркоязычной литературе нет более блестящих образцов политической прозы, сохранившей традиционные формы ораторского искусства и обработанного веками устного повествования о деяниях богатырей. Композиции обеих надписей аналогичны, более того, значительная часть текстов совпадает. Вводные строки памятников посвящены давним временам: “Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу – Бурая Земля, между ними обоими возникли сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки! ... Четыре угла света были им врагами. Выступая в поход с войском, народы четырех углов света они покорили ... Они правили ... устанавливая порядок среди небесных тюрков, не имевших до того господина. Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы, и их приказные были, надо думать, мудрыми. Были, надо думать, мужественными, и их беги и народ были единодушны. Поэтому-то, надо думать, они и правили столь долго государством ... После них стали каганами их младшие братья, а потом стали

каганами их сыновья. Так как младшие братья не были подобны в поступках старшим, а сыновья не были подобны отцам, то сели на царство, надо думать, неразумные каганы, надо думать, трусливые каганы, и их приказные были также неразумными, были трусливы. Вследствие неверности бегов и народа, вследствие обмана и подстрекательства обманщиков из Китая и их козней, из-за того, что они ссорили младших братьев со старшими, а народ с бегами, тюркский народ привел в расстройство свое до того времени существовавшее государство и навлек гибель на царствовавшего кагана".

Так повествует Бильге-каган о создании и подъеме и последовавшем затем упадке и крушении первого Тюркского каганата, время возникновения которого (сер. VI в.) в 731 г., когда писался текст, казалось легендарно далеким. Традицию, сохранившую через два столетия память о минувших событиях, можно было бы назвать скорее эпической, нежели исторической, если бы за лаконичным текстом памятника не чувствовался отзвук больших общественных потрясений, а в размеренном ритме повествования не проступала столь отчетливо патетика политической декларации, прославляющей то новое социальное устройство, которое дали тюркам далекие предки царствующего кагана. В той же ритмике изложены события, связанные с созданием Второго Тюркского каганата.

Божественная воля, проявлением которой является власть кагана, верность кагану бегов и народа, подчинение народа бегам, – таков лейтмотив идей, пронизывающих обе надписи. Как бы резюмируя преподанный своим слушателям и читателям урок истории, Бильге-каган подводит итог сказанному: "Если ты, тюркский народ, не отделяешься от своего кагана, от своих бегов, от своей родины ... ты сам будешь жить счастливо, будешь находиться в своих домах, будешь жить беспечально!"

В этих строках ясно выражена сущность политической идеологии аристократической верхушки Тюркского каганата. В надписи настойчиво звучит требование абсолютной покорности народа кагану и бегам, и вместе с тем весь текст памятников должен служить, по мысли автора, обоснованием и подтверждением этой идеи. Благополучие тюркского народа есть результат подчинения кагану, который вместе с бегами из своей ставки посылает войско в победоносные походы, награждая народ добычей и данью покоренных племен.

В документах подчеркивается, что все написанное – "сердечная речь" Бильге-кагана, его подлинные слова, высеченные по

его приказу. Для того чтобы тюркский народ помнил, как он, Бильге-каган, "неимущий народ сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным", чтобы тюркский народ знал, чего ему следует опасаться, а чему следовать, "речь" кагана запечатлена на "вечном камне".

Политическая декларация с немалой долей социальной демагогии, хвала и упрек прежним и нынешним поколениям, постоянные обращения и призывы к "слушателям", речения и афоризмы эмоционально окрашивают и преобразуют стиль официального повествования, говорят о незаурядном литературном даровании автора текста, историографа и панегириста царствующей династии. Автором же, "начертавшим на вечном камне" "слово и речь" своего сюзерена, был Йоллыг-тегин, родич Бильге-кагана, первый названный по имени автор в истории тюркоязычных литератур.

Язык рунических надписей был в VIII–X вв. единообразным литературным языком, которым пользовались различные тюркские племена, говорившие на своих языках и диалектах: огузы, уйгуры, кыргызы, кимаки, кыпчаки. Общий письменный литературный язык рунических надписей обладал стилистическим единообразием и устойчивостью образных средств, наиболее богато представленных в орхонских текстах. Общность языка и литературного канона всех рунических надписей указывает на тесные культурные связи древнетюркских племен и делает беспочвенными попытки рассмотрения памятников как языкового и литературного наследия какого-то одного народа.

Древнеуйгурская письменность начиная с VIII в. развивалась в городах Восточного Туркестана. Сами авторы называли язык, на котором они писали, тюркским. И действительно, языковые особенности уйгурских текстов обнаруживают большое сходство с особенностями руники и лишь незначительно отличаются от них некоторыми деталями грамматической структуры. Будучи широко использован в религиозных сочинениях (главным образом переводных), в юридической документации, отражающей новые формы быта тюркского населения Восточного Туркестана, этот язык получил дальнейшее развитие и представлен большим богатством лексики, грамматических и стилистических форм. На территории Средней Азии и Казахстана древнеуйгурская письменность имела меньшее распространение, чем в Восточном Туркестане. Во всяком случае, ее ранние памятники здесь не сохранились, но известно об ее употреблении и на этой территории по упоминаниям в документах, происходящих из Турфанского оази-

са. Так, в одном из них рассказывается о манихейских общинах в Таразе, где писались и переводились на тюркский язык сочинения духовного содержания. Скриптории манихейских монастырей в Таразе существовали в VIII–IX вв. Сохранилось два ярлыка уйгурских (или карлукских) князей на древнеуйгурском языке, относящихся к X в. и содержащих сведения о событиях в долине р. Или. В них упомянуто тюркское племя басмылов и пленники-согдийцы. Важно заметить, что в ярлыке, написанном от имени "правителя государства Бильге-бека", упоминается полученное им послание на согдийском, которое он "соизволил понять". Это свидетельствует о стойкости использования согдийского языка и письма в тюркской среде.

Распространение согдийского письма в тюркской (манихейской или христианской) среде подтверждается двумя согдийскими надписями IX–X вв. на керамике, хранящимися в Джамбулском музее. В одной из них упомянут "архиерей Шифарн" (согдийское имя), а в другой – пресвитер Ильтаг. Еще большее значение для истории тюрко-согдийских контактов в Семиречье имеют наскальные надписи в ущельях Терек-Сай и Куран-Сай, близ р. Талас. Они относятся к X–XI вв., написаны на согдийском языке и содержат длинные перечни тюркской знати, посетившей ущелья. Надписи свидетельствуют, что тюркская знать даже в эпоху начавшейся ее исламизации в государстве Караханидов продолжала сохранять согдийскую образованность и древнетюркские "языческие" имена.

Таким образом, в раннем средневековье в древнетюркских государствах бытовало два вида письменности: руническая и уйгурская. Сохранялась и согдийская письменность, появившаяся здесь ранее. Письмом пользовалась прежде всего верхушка тюркского общества. Однако же существование надписей, начертанных небрежно и без достаточного знания орфографии (например, в надписях на бронзовом зеркале из кимакского женского погребения в Прииртышье и на пряслице с Талгарского городища), может свидетельствовать о довольно широком распространении рунического письма в разных социальных слоях древнетюркского общества.

Юсуф Баласагунский и Махмуд Кашгарский. Девять столетий минуло со времени создания крупнейших памятников тюркских языков и литератур – **"Кутадгу билиг" ("Благодатное знание") Юсуфа Баласагунского** (1069–1070 гг.) и **"Дивану лугат аттюрк" ("Словарь тюркских наречий") Махмуда Кашгарского** (1072–1083 гг.). Эти произведения не являются историческими

трудами и не содержат каких-либо сведений о политической истории своего времени, но по праву считаются значительнейшими источниками для познания новой исторической эпохи, в которую вступила Средняя Азия на рубеже X–XI вв.

Жизнь и творчество Юсуфа Баласагунского и Махмуда Кашгарского относятся к начальному периоду караханидской эпохи.

Юсуф родился в Баласагуне, который он называет Куз-Орду, в 1015 или 1016 г. О его жизни до написания поэмы известно лишь, что он происходил из знатной тюркской семьи и получил хорошее по тем временам образование. Юсуф был начитан в персо-таджикской литературе, и это нашло полное отражение в его книге, которая была написана в Кашгаре, когда сам автор был уже в почтенном возрасте. Вероятно, Юсуф имел определенный административный опыт, полученный на государственной службе, а после передачи поэмы владетелю Кашгара и всей восточной части империи Табгач Богра-Кара-хакану получил высокий административный пост улуг хасс-хаджиба (министра двора). О его дальнейшей судьбе ничего не известно.

"Кутадгу билиг" состоит из 6520 бейтов (85 глав) и имеет приложение из 124 бейтов. В предисловии поэмы сказано, что она написана "на богрохановском языке, тюркскими словами", и что [если] на арабском и таджикском языках [таких] книг много, то на нашем языке это [впервые собранная] воедино мудрость". Сохранилось три рукописи поэмы: венская (гератская) – уйгурским письмом, каирская и наманганская – арабским.

"Благодатное знание" является не просто этико-моралистическим трактатом, но глубоким философско-дидактическим произведением, рисующим нормы идеального, по мнению автора, общества, правила поведения людей различных сословий в этом обществе и правила взаимоотношений между правящими и управляемыми. Основной принцип, на котором, по мысли Юсуфа, должен основываться "счастливый" и "праведный" (в мусульманском смысле) государь, – это соблюдение твердого закона в союзе с разумом, счастьем ("кут", точнее "благодать"), праведной жизнью. Далее в поэме описываются качества, необходимые визиру, полководцу, хаджибу, секретарю, послу, писцу, казначею, повару, виночерпию, ученому, лекарю, толкователю снов, магу, звездочету, купцу, ремесленнику, землепашцу, кочевнику-скотоводу и многим другим. Конечно, эти описания нельзя воспринимать прямолинейно, как реалистические характеристики.

А. Н. Кононов так писал об этом: "Автор "Кутадгу билиг", изображая идеальные условия жизни человека, что является его

основной целью, касается, в известной мере, и того круга людей, среди которых он жил, и, таким образом, приближается к реальной жизни. При этом следует иметь в виду, что Юсуф Баласагунский был прежде всего поэтом, а потому не следует искать в его поэме точного отображения повседневной жизни современного ему общества. И тем не менее сквозь поэтическую оболочку, через вуаль иносказаний проглядывает повседневная жизнь людей того времени. В своих поучительных иносказаниях Юсуф мысленно проецирует идеальные образы людей на фон, состоящий из людей невыдуманных, живых".

Хотя несомненно, что поэма "возникла в Кашгаре под чрезвычайно мощным влиянием литературной школы, сложившейся в IX–X вв. в саманидской Бухаре", тем не менее ее появление было вызвано глубокими внутренними причинами, связанными с социальными идеологическими изменениями в самой тюркской среде и сопровождающими их политическими кризисами. Как отмечает А. Н. Кононов, в роли побудительного фактора для создания книги "могли быть политические смуты, сотрясавшие в ту пору Караханидскую державу. Возможно, что Юсуф Баласагунский ощущал настоятельную необходимость в создании новой морально-этической основы для разрушаемого неурядицами общества".

О жизни Махмуда Кашгарского известно еще меньше. Отец Махмуда, Хусейн ибн Мухаммед, внук караханидского завоевателя Мавераннахра Богра-хана, был эмиром Барсхана, города в Прииссыккулье. Ко времени рождения Махмуда он, вероятно, переселился в Кашгар. Принадлежность Махмуда к высшим кругам караханидской знати позволила получить образование в Кашгаре и продолжить его в Бухаре и Нишапуре. В течение длительного времени Махмуд, проявивший незаурядный интерес в языкам, фольклору и этнографии тюркских племен, путешествовал по землям, населенным тюрками, старательно записывая слова их языком, загадки, легенды, обычаи. Все свои наблюдения Махмуд обобщил в главном труде своей жизни – "Дивану лугат ат-тюрк".

"Хотя я происхожу из тюрок, которые говорят на самом чистом языке, – пишет Махмуд, – ... которые по происхождению и роду своему занимают самое первое место ... я пядь за падью исходил все или, селения, степи тюрок. Я полностью запечатлел в уме своем живую и рифмованную речь тюрков, туркмен, огузов, чигилей, ягма, кыргызов... И вот эту книгу после столь долгого изучения и поисков я написал самым изящным образом,

самым ясным языком ... Этому сочинению я дал название "Дивану лугат ат-тюрк".

Значение труда Махмуда для изучения тюркских языков и фольклора освещено в многочисленных исследованиях. Гораздо меньше "Диван" использовался как историко-этнографический источник. Между тем "Словарь тюркских языков" является подлинной энциклопедией тюркской народной жизни раннего средневековья. "В целом **"Словарь" в настоящее время является единственным источником информации о жизни тюрков в XII в.:** о предметах их материальной культуры, реалиях быта (одежда, обувь, головные уборы, жилище, домашняя утварь, инструменты, хозяйственные постройки, ткани, украшения, оружие, доспехи, конская сбруя, сельскохозяйственные орудия, музыкальные инструменты и т. п.), об этнонимах и топонимах (о происхождении названий племен и местностей) родо-племенном делении, о терминах родства и свойства, о титулах и названиях различных должностных лиц, названиях пищи-питья, о домашних и диких животных и птицах, терминах животноводства, о растениях и злаках, об астрономических терминах, о народном календаре, названиях месяцев и дней недели, о географической терминологии и номенклатуре, о городах, о названиях болезней и лекарств, анатомической терминологии, о металлах и минералах, о военной, спортивной и административной терминологии, об именах различных исторических и мифологических героев, о религиозной и этической терминологии, о детских играх и забавах и т. д.", – писал А. Н. Кононов.

Особое значение имеет "Словарь" для изучения этнической истории тюркоязычных народов и исторической географии их земель. "Я указал, – пишет Махмуд, – начиная с востока, все места, где обитает каждое племя. К Руму ближе других живет племя беченек (печенеги), затем следуют: кифчак, огуз, йемек, башгырт, басмил, кай, йабаку, татар, кыркыз (они живут ближе Чина); все вышеуказанные племена обитают в направлении от Рума на восток; затем идут: читиль, тухси, ягма, ыграк (ограк), чарук, чомыл, уйгур, тангут, хытай – это название Чина; затем – тавгач – так наывают мачин. Эти племена обитают между югом и севером. Всех их, в отдельности, я показал на круглой карте". "Жители городов Кашгарии, – пишет он, – говорят на хаканийско-тюркском языке". Вряд ли требуется более веское подтверждение тому, что в середине XI в. основными носителями оседлой и даже городской культуры на востоке тогдашнего тюркского мира были сами тюрки, вчерашние кочевники, а противопостав-

ление Ирана и Турана как олицетворения оседлости и кочевничества утратило свою силу в царстве "дома Афрасиаба". Богатая средневековая городская культура Семиречья и Восточного Туркестана открыта археологами. "Диван" Махмуда открыл нам, кто же были горожане его времени.

Тюркский язык жителей городов или тех тюрков, кто с ними постоянно общается, Махмуд называет "порченым". Тут же следует объяснение – хотя тюрки и возобладали среди населения городов Кашгарии и Семиречья, вместе с ними там жили согдаки и кенчжеки, аргу и хотанцы, тибетцы и тангуты. Груз культурных и исторических традиций был в городах слишком велик. И Махмуд не без грусти свидетельствует, что лишь те из тюрков, кто ведет прежний кочевой образ жизни, не общается постоянно с горожанами, сохраняют самый чистый и правильный язык.

Особое место в Караханидском государстве Махмуд отводит согдийцам, первым носителям среднеазиатской городской культуры в некогда исконных областях кочевого быта. В городах Семиречья, прежде всего в крупнейших из них – Баласагуне и Таразе – согдийский язык, по свидетельству Махмуда, столь же распространен, как и тюркский. Археологи давно установили, что согдийское заселение Семиречья началось за 700–800 лет до времени Махмуда. Однако только его "Словарь" фиксирует сохранение согдийского языка и культуры в Семиречье XI в., в то время как у себя на родине, в Самарканде и Бухаре, согдийцы утратили свой язык под натиском дари (фарси), а их культура оказалась ассимилированной общемусульманской образованностью халифата. О культурном воздействии согдийцев на тюрков и уйгуров караханидской эпохи говорят также наскальные курсивные надписи на территории Кыргызстана, невдалеке от Таласа, в ущелье Терексей. Ныне установлено, что надписи эти – посетительская эпиграфия караханидских князей X в. (одного из них звали Кюль-тегин Алп-Тархан), написаны они по-согдийски, а датированы эрой Йездигерда. Другой документ конца X – начала XI в. – ярлык (ханское послание, грамота) уйгурским письмом из Восточного Туркестана. В нем упомянуты два пленника-согдийца и добавлено, что переписка между тюркскими князьями о судьбе пленников велась первоначально на согдийском языке.

"Словарю" Махмуда свойственна одна особенность. В то время, как лингвистический и фольклорный материал, содержащийся в нем, относится в основном к территории государства Караханидов, сколько-нибудь существенная информация, имевшая тогда политическое значение, касается только огузов. Махмуд сам

объясняет эту особенность. Тюрки, по его словам, живут от Мачина (Китая) до Рума (Византии). Их двадцать племен, а что касается более мелких подразделений, то число их, как замечает Махмуд, "знает лишь Аллах". "Я описал, – продолжает Махмуд, – только племена, а родовые деления оставил без внимания. Однако я записал даже мелкие родовые деления огузов, а также тамги, которые они ставят на свой скот, потому что в знании всего этого есть нужда у людей".

Какая же "людская нужда" заставила Махмуда сделать для огузов исключение и подробно описать их в "Диване"? За тридцать лет до начала работы над "Словарем" огузские племена, покинувшие приаральские степи, под предводительством вождей из рода Кынык и семьи Сельджука вторглись в Хорасан и разгромили армию газневидского султана Мас'уда под Денданаканом. Так было положено начало Сельджукской империи. В 1055 г., когда Махмуд только начинал свои скитания, огузская армия Тогрул-бека вступила в Багдад. Багдадские халифы, пожаловавшие Сельджукидам титул "султанов ислама", попали под их политический контроль. За год до начала Махмудом той редакции "Дивана", которую он посвятил халифу Муктади, в 1071 г., султан Алп-Арслан нанес поражение византийской армии Романа Диогена и открыл дорогу тюркскому завоеванию Анатолии. И только через двадцать лет после этого султан Меликшах обращается на восток, доходит до Ферґаны и в Узгенде принимает выражение покорности караханидского владетеля Кашгара. Нет оснований полагать, что Махмуд дожил до этого последнего события, и уж во всяком случае оно не могло отразиться на содержании "Дивана". Следовательно, его подробная информация об огузах и его совет овладевать их языком были обращены не к жителям Ферганы или Мавераннахра, не к хорасанцам, где огузов и без того хорошо знали, а к тем читавшим по-арабски людям, для которых тюрки-сельджуки были еще малознакомыми и которым предстояло приспособиться к жизни под их властью, в постоянном контакте с сельджукским войском, состоявшим из ополчения огузских племен. Это было прежде всего население Ирака и Сирии, и писать с учетом их нужд Махмуд мог, только поселившись там после сельджукского завоевания. Именно тогда родоплеменной партикуляризм еще остро чувствовался при разделе и осуществлении власти над вновь завоеванными землями, и информация Махмуда о родовом делении огузов была особенно ценной.

Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1–9. М., 1963–1977.

Зуев Ю. А. Китайские известия о Суябе // Известия АН КазССР. Сер. ист., археол. и этнограф. 1960. Вып. 3 (14).

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан: Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1192.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии. Спб., 1994.

Марвази. Таваи ал хайаван. Minorski V. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi af China, the Turks and India. London, 1942.

Махмуд Кашгарский (пер.). Mahmud al-Kasgari Compendium of the Turkic dialects (Diwan lugat am-Turk). Pt. 1–3. Harward University, 1982.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

Радлов В. В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 1. Спб., 1888.

Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. 1–3. М.; Л., 1946–1960.

Семенюк Г. И. Проблемы истории кочевых племен и народов в период феодализма: (на материалах Казахстана). Калинин, 1974.

Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Пер. С. Н. Иванова. М., 1983.

Chavannes E. Documents sur les Tou-kine (Turcs) Ossidentaux. St. Petersbourg, 1903.

Глава 2. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Государственно-политическое развитие Центральной Азии в XIII–XV вв.

Монгольское завоевание. В истории средневековья был человек, приход к власти которого имел огромное влияние на судьбы многих народов евразийского пространства. Его собственное имя Темучин. Жизненный путь Темучина был долгим и сложным.

Темучин – будущий Чингиз-хан – родился, по одним сведениям, в 1162 г., а по другим – в 1155 г. в семье богатого нойона Есугей-бахадура. Согласно монгольскому преданию, Темучин происходил из рода кият. Мать его была из племени конграт. Он рано осиротел. Сподвижники Есугей-бахадура после его смерти покинули его малолетних детей, и в молодости Темучин пережил немало унижений и нужды, с тяжелой колодой на шее скрываясь от своих врагов в зарослях заводи Онона и питаясь кореньями и сырой рыбой. Возмужав, Темучин, выделявшийся среди своих сверстников хитростью и умом, сумел сплотить вокруг себя преданную ему дружину нукеров, возвратить угнанные стада и рядом удачных набегов снискать славу отважного баха-

дура, а к концу XII в. стать одним из видных предводителей в монгольских степях.

Известность его возросла в войнах хана кереитов с найманами, меркитами и татарами, в которых будущий Чингиз-хан, выступая в качестве вассала кереитского хана, принял столь деятельное участие, что был пожалован почетным титулом. Но вассальные отношения продолжались недолго – могущество Темучина все более возрастало. В 1203 г. он разгромил кереитов, а в следующем году его сорокопятитысячное войско выступило в поход на найманов и меркитов. Часть меркитов и найманов подчинилась Темучину, а другие, переправившись через Иртыш, бежали на запад, в просторы современного Казахстана. Покорив в результате военной кампании 1204–1205 гг. главных своих противников, Темучин завершил объединение всех главных племен Монголии. Весной 1206 г. у истоков Онона состоялся курултай монгольской знати – сторонников Темучина, на котором он был провозглашен повелителем монголов. Одновременно курултай утвердил за Темучином титул Чингиз-хана, позднее заменивший его личное имя.

Вытесненные из окрестностей Байкала, а затем и с берегов Иртыша группы меркитов и найманов, действовавшие сообща, были разбиты в 1209 г. уйгурским идикутом (титул главы уйгурского княжества) при попытке пройти через его владения. В результате они разделились: меркиты ушли к кыпчакам в теперешние казахские степи, а найманы во главе с Кучлуком направились в Семиречье во владения кара-китаев. Последствием этих событий стало то, что в 1211 г. в Семиречье впервые появилось монгольское войско под предводительством Хубилай-нойона, одного из полководцев Чингиз-хана. Глава карлуков Арслан-хан велел убить кара-китайского наместника в Каялыке и добровольно подчинился монголам. Правитель Алмалыка (в долине р. Или) мусульманин Бузар также признал себя вассалом Чингиз-хана (за него была выдана замуж дочь Джучи, старшего сына Чингиз-хана). Однако корпус Хубилая в том же году отбыл на восток, поскольку Чингиз-хан начал войну с Китаем и все свои наличные вооруженные силы направил туда.

Лишь в 1216 г., после завершения военной кампании на юге, Чингиз-хан поручил Джучи добить бежавших на запад меркитов. Давние противники сошлись в ближнем бою около Иргиза, в степных просторах Тургайского края Казахстана. Меркиты потерпели полное поражение. Но тут произошло непредвиденное. На рассвете следующего дня после победы перед монголами объяви-

лось 60-тысячное войско хорезмшаха Мухаммад-султана, который из Дженда, с нижнего течения Сырдарьи, выступил в поход против кыпчаков. Монгольские военачальники решили не вступать в бой с хорезмшахом и объявили, что они посланы Чингиз-ханом только против меркитов и что у них нет разрешения на войну с хорезмшахом. Но султан не внял их словам и своими действиями принудил Джучи вывести своих воинов на поле боя. Монголы сражались отчаянно. Был момент, когда хорезмшах чуть было не угодил в плен, и лишь смелый бросок его сына Джалал ад-дина, отразившего нападение, спас султана от гибельного положения. За световой день ни одна из противоборствующих сторон не добилась решительного успеха. Оба войска отошли на свои стоянки, чтобы вновь начать войну утром. Монголы зажгли сторожевые костры, но, оставив их горящими, сами покинули лагерь и быстрым маршем двинулись на спинах своих коротконогих лошадей на восток. Утром, когда военная хитрость монголов обнаружилась, их невозможно было догнать. Султан вернулся в Самарканд.

Так на территории нынешнего Казахстана произошла первая встреча двух войск: монгольского и мусульманского. То было совершенно случайное столкновение, но по словам ан-Насави, личного секретаря Джалал ад-дина, сына хорезмшаха Мухаммада, храбрость монголов произвела на султана сильное впечатление, и, когда упоминали о них, он говорил: "Не видано подобных тем мужам по отваге и стойкости в страданиях битвы и по опытности в правилах нанесения колющих и рубящих ударов". По мнению В. В. Бартольда, именно тягостное впечатление хорезмшаха от первого боя с монголами было одной из причин, почему он впоследствии не решился встретить их в открытом поле.

В дальнейшем отношения между хорезмшахом Мухаммадом и предводителем монголов привели к так называемой Отрарской катастрофе, послужившей Чингиз-хану формальным поводом для объявления войны султану.

Весть о победах, одержанных Чингиз-ханом в Китае, породила массу толков в Средней Азии. Хорезмшах, желая проверить слухи и получить достоверные сведения об этом завоевателе, отправил в Монголию посольство. Чингиз-хан, со своей стороны, направил посольство на запад. По рассказу ан-Насави, во главе посольства стояли три мусульманина – Махмуд из Хорезма, Алиходжа из Бухары и Юсуф Канка из Отрара. Весной 1218 г. хорезмшах принял это посольство, вероятно, в Бухаре. Послы передали ему ценные подарки и письмо Чингиз-хана, в котором тот

извещал хорезмшаха о завоевании монголами Северного Китая и "стран тюрков" и предлагал заключить мирный договор с гарантией безопасности торговых сношений между обоими государствами. Султан Мухаммад выразил свое согласие на мирный договор с владыкой Монголии.

После возвращения послов **Чингиз-хан отправил в Среднюю Азию торговый караван во главе с Омар-ходжой Отрари, Джамалом Мараги, фахр ад-дином Дизаки Бухари, Амин ад-дином Харави.** Всего в караване, состоявшем из 500 верблюдов, нагруженных золотом, серебром, шелком, мехами и другими предметами, было 450 человек, включая и монголов-лазутчиков, по приказу Чингиз-хана присоединенных к среднеазиатским купцам. Многолюдный караван в своем необычном составе прибыл в середине 1218 г. в Отрар. Правитель Отрара, наместник Султана Мухаммада, Гайр-хан Йиналчук, очевидно, обеспокоенный странным для торговцев поведением людей этого каравана, объявил, по словам ан-Насави, что прибывшие в Отрар, хотя и прибыли в обличье купцов, но не купцы. То ли с ведома хорезмшаха, то ли самовольно он задержал купцов, а затем истребил их. Караван был ограблен, все богатство убитых перешло к Йиналчуку. Удалось бежать только одному человеку из состава каравана, который и доставил весть об отрарской резне Чингиз-хану. Повелитель монголов отправил к хорезмшаху посольство во главе с ибн Кафрадж Богра, в сопровождении двух татар, с требованием выдачи Гайр-хана Йиналчука и с обещанием в этом случае сохранить мир. Хорезмшах не только не исполнил этого требования, но велел убить неповинных послов, вероятно, считая войну с Чингиз-ханом неизбежной.

Война между Чингиз-ханом и султаном Мухаммадом действительно была неизбежной, и причиной этому был не поступок хорезмшаха или его отрарского вассала Йиналчука. Для крупных скотоводческих хозяйств необходимы были обширные пастбища, и стремление кочевой знати приобрести новые пастбища неизбежно порождало завоевательные войны. Война, приносившая наряду с завоеванием новых земель и богатства в виде военной добычи, являлась как бы частью производственной деятельности. Кроме того, она служила для знати средством хотя бы временно ослабить социальные противоречия в монгольском обществе, посулив кочевникам некоторую долю военной добычи. Чингиз-хан понимал, что только завоевательная политика может обеспечить ему верность монгольской кочевой знати, удержать ее от измен, заговоров, междоусобиц, а созданную им империю от бы-

строго распада. В этой политике, которую монгольские феодалы с успехом осуществляли на протяжении многих десятилетий, поход на земли Казахстана и Средней Азии был лишь одним эпизодом, звеном в общей цепи запланированных обширных завоеваний. Как показывают данные источников, Чингиз-хан и не думал ограничиваться захватом империи хорезмшаха, в его планы входило завоевание всей Западной Азии и Восточной Европы, и он заранее отдал в удел своему старшему сыну Джучи еще не покоренные страны к западу от Иртыша и Аральского моря.

Чингиз-хан придавал походу в мусульманские страны большое значение и готовился к нему с особой тщательностью. Началу военных действий предшествовал подробный сбор через мусульманских купцов и перебежчиков, находившихся на службе у монголов, сведений о внутреннем состоянии и военных силах государства хорезмшаха. Изучив добытые сведения и составив на их основе глубоко продуманный план действий, Чингиз-хан и люди его окружения сумели так подготовить войну, что имели возможность даже в глазах мусульман возложить вину на хорезмшаха.

К началу войны Чингиз-хан собрал большое войско. Точная численность его не известна, наиболее вероятной считается число 120—150 тыс. человек вместе с ополчениями семиреченских (Арслан-хан карлукский, Сукнак-тегин) и восточнотуркестанского (уйгурский идикут Барчук) вассальных владетелей. Поход начался в сентябре 1219 г. с берегов Иртыша, где Чингиз-хан провел лето. Судя по данным источников, он вел свои орды от Иртыша до Сырдарьи тем же путем, что и прежние завоеватели: не через степи к северу от Балхаша, а через Семиречье. При подходе к Отрару предводитель монголов разделил свои силы: несколько туменов во главе с сыновьями Чагатаем и Угедэем он оставил для осады Отрара; другую часть, во главе с Джучи, отправил вниз по Сырдарье на Джент и Янгикент; третий отряд был назначен для покорения городов по верхнему течению Сырдарьи. Сам Чингиз-хан и Тулуй с главными силами пошли на Бухару.

Источники не дают точного определения времени, когда монгольские войска появились под стенами Отрара. Правитель Отрара Гайр-хан, знавший, что ему не будет пощады от монголов, защищался отчаянно, до последней возможности. Под его началом, согласно ан-Нисави, было 20 тыс. воинов. По Джувайни, хорезмшах дал ему 50 тыс. На исходе пятого месяца обороны Отрара Караджа-хаджиб пал духом и, покинув город через ворота Суфи-хане, сдался со своим войском монголам. По приговору

царевичей Чагатая и Угедэя он вместе с приближенными был предан казни за измену. Но монголы успели ворваться в город и, выгнав из города его жителей "словно стадо баранов", начали повальный грабеж. Однако Отрар еще упорно защищался. Гайр-хан с 20 тыс. смельчаков укрепился в цитадели, для взятия которой монголам понадобился еще месяц. Когда цитадель была взята и все ее защитники полегли, Гайр-хан с двумя оставшимися в живых боевыми товарищами продолжал оказывать сопротивление на кровле здания. Когда пали и эти два товарища и не осталось стрел, он бросал в своих врагов кирпичи, которые рабыни подавали ему со стены дворца; когда не осталось и кирпичей, монголы, имевшие приказание взять его в плен живым, окружили его и связали. Разрушив крепость и сравняв стены с землей, Чагатай и Угедэй с толпами пленных жителей Отрара и окрестных сел в феврале 1220 г. присоединились к Чингиз-хану, когда тот находился на пути между Бухарой и Самаркандом, и доставили ему живого Гайр-хана Йиналчука. Чингиз-хан приказал расплавить серебро и влить ему в уши и глаза, и тот был умерщвлен этим жестоким способом в наказание за его "безобразное деяние и мерзкий поступок".

Старший сын Чингиз-хана Джучи, выделенный для покорения городов по нижнему течению Сырдарьи, прежде всего подошел к Сыгнаку, с жителями которых начал переговоры. В качестве своего представителя он отправил в город мусульманского купца Хасан-хаджи, еще до войны поступившего на службу к монголам, с тем чтобы он уговорил жителей сдаться без боя, но "злодеи, чернь и бродяги" возмутились и, умертвив предателя, приготовились к "великой, священной войне". Монголы семь дней и ночей непрерывно осаждали город, наконец, взяли его приступом и перебили все население. Управляющим той местности был назначен сын убитого Хасан-хаджи.

На дальнейшем пути монголы взяли Узгенд и Барчылыгкент, население которых не оказало сильного сопротивления и потому всеобщей резни не было. Затем монгольский отряд подошел к Ашнасу. Город, "большинство воинства которого составляли бродяги и чернь", оказал упорное сопротивление, но пал в неравной борьбе, и множество жителей было перебито. После этого монголы подступили к Дженду, который к тому времени был покинут войсками хорезмшаха во главе с Кутлук-ханом, бежавшим в Хорезм. Узнав об этом, Джучи отправил в город для переговоров Чин-Тимура. Посланник монголов, однако, был дурно принят жителями и получил возможность вернуться живым только по-

тому, что напомнил джендцам о печальной судьбе постигшей Сыгнак из-за убийства Хасан-хаджи и обещал им удалить монголов от города. Выпустив Чин-Тимура, жители заперли ворота, но не оказали никакого сопротивления. Монголы, подготовив предварительно осадные орудия, приставили лестницы, спокойно взошли на стены и без кровопролития заняли город, затем всех жителей выгнали в поле, где они оставались в течение девяти дней, пока продолжалось разграбление города. Убиты были только несколько лиц, которые своими речами оскорбили Чин-Тимура. Управляющим городом был назначен бухарец Али-ходжа, который уже много лет назад перешел на службу к монголам. Тогда же корпус в один тумен, посланный Джучи, занял Шехркент (Янгикент) и посадил там своего "блюстителя порядка". Все это произошло в течение зимы и весны 1219–1220 гг.

Столь же успешно действовал и главный корпус монгольской армии во главе с Чингиз-ханом. К маю 1220 г. весь Мавераннахр был в руках завоевателей. Летом и осенью 1220 г. монголы взяли Мерв, Тус и другие города Хорасана. В результате зимней кампании 1220–1221 гг. был завоеван Хорезм и завершились военные действия монголов в Средней Азии. Весной 1221 г. Чингиз-хан переправил свое войско через Амударью, и война сместилась на территорию Хорасана, Афганистана и Северной Индии. 30-тысячный корпус под командованием полководцев Джэбэ-нойона и Субэдэй-нойона, выступив из Северного Ирана в 1220 г., вторгся в кавказские страны и, разгромив аланов, кыпчаков, а затем русских на р. Калке, проник в степи нынешнего Казахстана с северо-запада.

Весь 1220 г. Джучи оставался в Дженде, оттуда, с берегов Сыра, в следующем году он повел свой корпус на Хорезм. Чингиз-хан отправил ему на подмогу из Бухары Чагатая и Угедэя со значительными силами. Передовые отряды монгольского войска подступили к Гургенджу (город на Амударье в северной части Хорезма), военной хитростью заманили хорезмийцев в западню, перебили до тысячи человек и следом за беглецами ворвались в город, но под напором горожан вынуждены были отступить. Тем временем подоспели основные силы монголов численностью до 50 тыс. воинов. Город был обложен со всех сторон. Жители города не только защищались с большим упорством, но временами переходили в атаку. Действуя таким образом, хорезмийцы перебили множество вражеского войска. "Говорят, – писал Рашид ад-дин в начале XIV в., – что холмы, которые собрали тогда из костей убитых, еще теперь стоят в окрестностях старого города Хорезма".

Главной причиной неудачи монголов были, по словам мусульманских авторов, раздоры между братьями Джучи и Чагатаем. Первый старался спасти от разрушения цветущий город, а второй желал быстрейшей победы любой ценой. Когда эта весть дошла до Чингиз-хана, он рассердился на старших сыновей и назначил начальником всего войска младшего сына Угедэя. После этого монгольские воины "дружно направились" на штурм и в течение семи дней захватили город. Жителей вывели в степь, отделив от них ремесленников, малолетних детей и молодых женщин, чтобы угнать в полон, а остальных перебили. Покинув поле, усеянное изрубленными телами, войско завоевателей занялось разграблением домов и кварталов. Завершив операцию на берегах нижнего течения Амударьи, Чагатай и Угедэй вернулись к отцу, а Джучи со вверенным ему корпусом, со всеми чадами и домочадцами остался в Приаралье.

Зиму 1222–1223 гг. Чингиз-хан провел в Самарканде. В начале 1223 г. он выступил оттуда с намерением устроить весеннюю охоту в степях Присырдарьи. Джучи получил приказ пригнать диких куланов из Кыпчака. Во исполнение приказа отца он пригнал табуны онагров и, кроме того, в виде подарка еще 20 тыс. белых коней. Встреча Джучи с отцом и братьями произошла на равнине Кулан-Баши, в нескольких переездах от Сайрама. Устроили курултай, состоялась грандиозная облавная охота с участием всех царевичей, и все лето 1223 г. они провели вместе в тех пределах. Затем выступили из степи Кулан-Баши – шли медленно от стоянки к стоянке, пока не достигли Иртыша, где провели лето 1224 г. Там же состоялась встреча Чингиз-хана с его любимыми полководцами Джэбэ-нойоном и Субэдэй-нойоном, которые из Северного Ирана отправились в рейд по кавказским странам. Воздавая долг их верности, мужеству и отваге, хан устроил курултай с пирами. Осенью того же 1224 г. повелитель монголов снялся со стоянки и последовал с войском, слугами и челядью дальше на восток.

Так, **к середине 20-х гг. в XIII в. Чингиз-хан распространил свою власть от Северного Китая на востоке до Амударьи на западе.** В августе 1227 г. во время похода против государства тангутов во Внутренней Азии Чингиз-хан умер. Но война не закончилась: ее продолжили преемники Чингиз-хана. **В результате военных побед Чингизидов** (мужских потомков основателя монгольской династии Чингиз-хана) **к 1260 г. образовалась самая обширная и могущественная империя из всех кочевых империй, простиравшаяся от Амура и Желтого моря на востоке до Дуная и Евфрата на западе.**

Начало династии Чингизидов. Рашид ад-дин (ум. в 1318 г.), автор знаменитого "Сборника летописей", главного труда по истории Монгольской империи, утверждает, что Чингиз-хан имел до пятисот жен и наложниц. Но только пятеро из них были главными женами: 1) Борте из племени конграт; 2) Кулан из племени меркит; 3) Есукат из племени татар; 4) Гунджу, дочь Алтан-хана, государя Хитая; 5) Есулун, сестра упомянутой выше Есукат, также из племени татар. Из их числа только одна, а именно Борте, "была самой почтенной и старшей".

Борте родила Темучину – Чингиз-хану – четырех сыновей (Джучи, Чагатай, Угедэй, Тулуй) и пять дочерей. Согласно Рашид ад-дину, от других жен у Чингиз-хана были еще четыре сына: Кулкан, Джаур, Джурчитай и Орчакан. Последние три скончались в детстве, у Кулкана было четыре сына и сам он погиб от боевых ран осенью 1237 г. (по другим данным, в январе 1238 г.) во время похода монголов на русские княжества при осаде Коломны. Чингиз-хан установил Кулкану "степень (*мартабе)* четырех упомянутых старших сыновей", однако судьба сложилась так, что "людьми особо авторитетными" и наиболее известными стали четверо сыновей от конгратки Борте. Правда, ни один из них не унаследовал высоких дарований отца, но все четверо были людьми небездарными, дельными, энергичными. "Эти четыре сына Чингиз-хана, – сообщает автор "Джами ат-таварих", – были умны, исполнены достоинств и совершенны, отважны и мужественны, ценимы отцом, войском и народом. Государству Чингиз-хана они служили как четыре столпа. Каждому из них он уготовил государство, и их называли *четырьмя кулуками,* а *кулуками* называют тех из людей, коней и прочих, которые выделяются, превосходят других и стоят впереди".

К концу жизни Чингиз-хана общее число всех наличных его потомков достигало примерно ста человек: пять сыновей, не менее 40–50 взрослых внуков и много подрастающих правнуков. История Монгольской империи после смерти ее основателя сложилась, однако, так, что только первые четыре сына Чингиз-хана от старшей жены Борте, его "четыре кулука", стали родоначальниками царевичей и государей чингизидских улусов, т. е. прародителями членов *алтан уруга* (золотого рода). Из потомков братьев Чингиз-хана только потомки Хасара (Джучи-Касара) получили права царевичей, остальные вошли в состав аристократии. Известен случай, когда в 1336–1337 гг. на престол Табаристана (область вдоль южного побережья Каспийского моря) был возведен потомок Хасара по имени Туга-Тимур. Однако в действи-

тельности даже в самой Монголии на потомков Хасара смотрели косо, "как бы не совсем признавая, порой, их равноправными настоящими *тайджи* (царевичами)". Словом, с позиции политического сознания той эпохи, настоящими членами *алтан уруга* были только Джучи, Чагатай, Угедэй, Тулуй и их мужские потомки, рожденные как от законной жены, так и от наложницы или служанок. В самой Монголии и в восточных областях Монгольской империи царевичей дома Чингиз-хана именовали *кобегун,* со времени монгольской династии Юань (1260–1368 гг.) – *тайджи.* В западных улусах Чингизидов для обозначения принцев крови употреблялись совсем другие слова и титулы. В сочинениях мусульманских авторов XIII – начала XIV в. первые Чингизиды обычно именуются *шахзаде, падишахзаде* (царский сын) или просто персидским словом *песар* (букв. сын), а для обозначения представителей династии западных Чингизидов третьего, четвертого и последующих поколений употребляется уже тюркское слово *огул* или *оглан* (букв. сын, ребенок), которое обычно ставится только после собственных имен принцев. С XIV в. наиболее употребительным титулом каждого члена западных династий Чингизидов становится слово *султан.* Важно отметить, что в государствах Джучидов и Чагатаидов султанами называли и принцев крови, и принцесс, причем титул *султан* ставился как перед собственным именем его обладателя, так и после него.

По мере естественного роста численности царевичей, дробления *алтан уруга* и распада Монгольской империи образовалось несколько параллельных династий Чингизидов, а именно: **династия Джучидов (потомков Джучи), правившая в Дешт-и Кыпчаке; Чагатаидов (потомков Чагатая) – в Семиречье, Мавераннахре, Восточном Туркестане; Хулагуидов (потомков Хулагу, сына Тулуя) – в Иране; Династия Юань (потомков Тулуя) – в Монголии и Китае.**

Историческая судьба этих четырех монгольских династий сложилась по-разному. Потомки Тулуя, правившие в Китае (династия Юань) китаизировались. Они сохраняли власть в собственно Монголии до XVII в., а в Китае правили только до 1368 г., когда им на смену пришла династия Мин. Последний хулагуид Абу Саид умер в 1335 г., государство Хулагуидов в Иране распалось между 1336 и 1353 гг. Династия Чагатаидов прекратила свое существование в конце XVII в. Зато Джучиды, потомки старшего сына Чингиз-хана, сохраняли верховную власть в Дешт-и Кыпчаке и смежных регионах до середины XIX в.

Из названных четырех монгольских государств особое значение для политической и этнической истории тюрков имела Золотая Орда (Улус Джучи).

Улус Джучи. Монгольские завоевания полностью изменили политическую карту региона, внесли определенные коррективы и в этническую карту расселения племен на территории Центральной Азии. В начале XIII в. на степных просторах Северного Казахстана от Иртыша и дальше на запад располагались кочевья кыпчаков. Империя гурхана кара-китаев охватывала земли от области уйгуров в Восточном Туркестане (современный Синьцзян) до Аральского моря. В 10-х гг. XIII в. часть этой территории захватил Кучлук, предводитель найманов, а северная часть Семиречья была подчинена Арслан-хану – предводителю карлуков. Страну между Таласом, Чу и о. Иссык-Куль занимали канглы. Бассейн Сырдарьи с его городами-крепостями и прилегающими районами, а также Мавераннахр (Междуречье Амударьи и Сырдарьи) с примыкающими к нему округами принадлежали хорезмшаху Мухаммаду. После нашествия монголов картина изменилась – появились новые политические структуры.

Чингиз-хан, по словам Джувайни, еще при своей жизни выделил "особые земли, называемые *йуртом*", каждому из своих сыновей. Розданные Чингиз-ханом земли назывались уделами или улусами. Степень отдаленности уделов соответсвовала при этом возрасту сыновей: младший сын Тулуй получил коренной йурт Чингиз-хана – собственно Монголию, а также 101 тыс. из 129 тыс. человек монгольской регулярной армии. Обширные территории, завоеванные к западу от Монголии, были поделены между старшими сыновьями, причем каждому из них было пожаловано только по 4 тыс. человек из регулярной армии. Йурт третьего сына Чингиз-хана – Угедэя – находился в пределах Эмиля. Владения Чагатая, второго сына Чингиз-хана, простирались от Южного Алтая до Амударьи и "от области уйгуров до Самарканда и Бухары", т. е. включали Восточный Туркестан, большую часть Семиречья и Мавераннахр. По Джамалю Карши, область, составлявшая основную часть владений Чагатая, называлась Иль-Аларгу, главным городом ее был Алмалык. Летней резиденцией Чагатая была местность Куяш в долине р. Или, вблизи высоких гор Кок. Около Куяша он устроил селение Кутлук (Счастливое). Зимует Чагатай обычно проводил также в долине р. Или, в местности Мераузик-Ила. В состав владений Чагатая и его преемников входили также области Балх и Хорасан. Удел старшего сына Чингиз-хана – Джучи, – по словам Джувайни, занимал обширные

земли к западу от Иртыша и от границ Каялыка в Семиречье и Хорезма до мест Саксин и Булгар, вплоть до тех пределов, куда доходили копыта татарских коней.

Все три царевича в качестве наместников отца осуществляли свою власть в местности, составляющей их удел, строя дороги, возводя мосты и подавляя то и дело вспыхивавшие мятежи. Уделы должны были служить для них только источником дохода и оставаться подчиненными главе империи. Но положение постепенно менялось. Обширность монгольской державы, удаленность местопребывания улусных владетелей от общеимперского центра на Орхоне вели к тому, что действительной властью была только власть на местах. Династийное начало удельной системы возбуждало у улусных Чингизидов, в распоряжении которых находилась значительная военная сила, стремление сделать свою династию полностью самостоятельной, а улус независимым владением.

С притязанием на государство, независимое от центра империи, первым открыто выступил Джучи, что явилось причиной столкновения между отцом и сыном. Джузджани в "Табакат-и Насири", написанном в 1260 г., передает следующее.

Джучи настолько полюбил Кыпчак, что решил избавить эту страну от разорения. Мой отец, Чингиз-хан, потерял рассудок, сказал он своим приближенным, так как он губит столько земель и изводит столько народу; потому он, Джучи, хочет убить Чингиз-хана во время охоты. Чагатай, узнав об этом коварном плане, рассказал отцу, который велел тайно отравить Джучи.

Другая версия столкновения между сыном и отцом приводится В "Сборнике летописей" Рашид ад-дина (начало XIV в.). Чингиз-хан, пишет он, поручил Джучи покорить "северные страны, как-то: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дешт-и Кыпчак и другие области тех краев". Сын не исполнил поручения отца. Чингиз-хан крайне рассердился и вызвал сына в свою орду (ставку). Тот ответил, что его постигла кручина болезни и он не может отправиться в Монголию. Между тем один монгол из племени мангыт, прибывший из западных границ империи, рассказал, что видел Джучи на охоте у "одной горы". "По этой причине воспламенился огонь ярости Чингиз-хана, и, вообразив, что Джучи, очевидно, взбунтовался, что не обращает внимания на слова отца", он послал против него Чагатая и Угедэя с войском, намереваясь идти вслед за ними. В это время пришло роковое известие о кончине Джучи. Дата смерти Джучи у Рашид ад-дина не указывается. Согласно источнику XV в. "Шаджарат ал-атрак", он умер за 6 месяцев до смерти отца, т. е. в феврале 1227 г.

По ранним источникам, Джучи был похоронен на верхнем Иртыше; по преданию, приведенному автором XVI. Хафиз-и Танышем, гробница Джучи находилась в Центральном Казахстане, в бассейне Сары-Су, близ р. Сарайлы, несколько севернее р. Терс-Кендерлик. Джучи имел много жен и наложниц. У него было около 40 сыновей, и от них "народилось несметное количество внуков". После смерти Джучи из всех его сыновей второй, Бату (Батый), был признан войсками на западе наследником отца, и этот выбор был утвержден Чингиз-ханом. Нарративные источники XIII–XIV вв. упоминают об этом лишь вскользь. Некоторые подробности вопроса содержат более поздние источники. Так, у Абулгази приводятся два рассказа.

Согласно первому, Чингиз-хан, услышав о смерти Джучи, крайне опечалился. По окончании траурных дней он сказал своему младшему брату Отчигину: "Отправляйся в Дешт-и Кыпчак и второго сына Джучи-хана – Бату – по прозванию (лакаб) Саин-хан, возведи на отцовский престол". Когда Бату узнал о том, что к его орде (ставке) приближается Отчигин, выслал для встречи его своих сыновей и младших братьев, а вслед за ними и сам выехал для встречи высокого гостя. По прошествии трех дней Отчигин, соблюдая все обычаи, посадил Бату на отцовский престол. По случаю коронации устроили большой пир (той). В это время из ставки Чингиз-хана прибыл нарочный с известием, что хан умер. Согласно второму рассказу, когда Джучи заболел и умер, Чингиз-хан был еще жив; он вызвал к себе в орду своего внука Бату, по прозванию Саин-хан, и сказал ему: "Прими на себя власть отца и отправляйся в земли, в которые хотел идти он"; когда Саин-хан собирал войско для похода, умер и Чингиз-хан.

Подробный рассказ о передаче верховной власти в Дешт-и Кыпчаке Бату приводится в "Чингиз-наме", написанном в XVI в. в Хорезме Утемишем-хаджи. Когда умер Джучи, пишет он, между двумя старшими его сыновьями – Орда-Эдженом и Бату – произошел спор, кому из них быть главой улуса. Каждый хотел уступить престол другому. Для разрешения спора о власти два сына Джучи, родившихся от одной матери, и 17 сыновей, родившихся от других матерей, все вместе отправились к Чингиз-хану. "Великий" дед, принимая царевичей, велел поставить три юрты (ургэ): белую юрты с золотым порогом (алтун босагалы *ак ургэ*) – для Саин-хана (т. е. Бату), синюю юрту с серебряным порогом (кумуш босагалы *кок орда*) – для Эджена (т. е. Орда-Эджена); серую юрту со стальным порогом (болад босагалы *боз орда*) – для Шейбана (Шибана); для Тука-Тимура он не поставил и крытой повоз-

ки (телеген). Так Чингиз-хан выделил Бату из всех своих внуков, и вопрос о наследнике Джучи был решен окончательно. Его братья подчинились, а весь народ изъявил покорность этому решению.

В 1228 или 1229 г. Бату-хан присутствовал на всемонгольском курултае, на котором **Угедэй был провозглашен великим ханом.** На всемонгольском курултае 1235 г., на котором было принято решение о новом походе в западные страны, он был назначен начальником объединенного монгольского войска. Разгромив в ходе кампании 1236–1242 гг. Волжскую Булгарию, русские княжества, опустошив Польшу, Венгрию, Чехию, Валахию и другие европейские страны, Бату вернулся в низовья Волги. **Завоевания Бату в ходе семилетнего похода 1236–1242 гг. изменили лик Евразии.** Перестало существовать государство волжских булгар, погибла династия западных кыпчаков, исчезли многие другие самостоятельные владения, царствующие фамилии, и впервые в истории **все пространство Великой Степи от Иртыша на востоке до Дуная на западе оказалось в составе владений одной и той же династии – династии Джучидов, мужских потомков Джучи, старшего сына Чингиз-хана.** Северными рубежами владений Джучидов были города Булгар и область Башгырд; южный рубеж на Кавказе составляли Железные Ворота (г. Дербент в Дагестане); юго-восточная территория Улуса Джучи включала всю местность от Верхнего Иртыша к оз. Ала-Куль и дальше по югу оз. Балхаш (Кокче-Тенгиз) к Сырдарье. Оттуда граница тянулась через район среднего течения Сырдарьи южнее Аральского моря, захватывая Северный Хорезм с Ургенчем, плато Устюрт и Мангышлак.

Бату, первый правитель Улуса Джучи, после смерти своих дядей Угедэя (ум. в конце 1241 г.) и Чагатая (ум. в начале 1242 г.) считался, по выражению Джувайни, "всем царевичам старшой (*ака*)", пользовался наибольшим авторитетом и обладал даже некоторыми правами государя. Тем не менее он до конца жизни оставался вторым после великого хана человеком в Монгольской империи и не стал главой самостоятельного государства. Как при правлении Бату (ум. в 1255 г.), так и при первых преемниках его (Сартак, Улагчи, Берке) Улус Джучи составлял лишь одну из частей обширной монгольской империи с центральным правительством в Каракоруме (Монголия). Политическую самостоятельность Джучиды обрели лишь в годы правления внука Бату **Менгу-Тимура** (1267–1280 гг.) – он первым из правителей Улуса Джучи **стал чеканить монеты от своего имени с титулом "правосудный великий хан" и выдавать ярлыки (повеления).**

Таким образом, с конца 60-х гг. XIII в. Улус Джучи отделяется от общеимперского центра и становится самостоятельным государством. Для обозначения этого нового монгольского государства в сочинениях мусульманских авторов и тексте официальных документов средневековья употребляются различные названия. Вот неполный их перечень: *Улус Джучи, Дешт-и Кыпчак, Кыпчак, Дом Бату, Страна Берке, Дом Берке, Северное царство, Улуг улус, Токмак, Токмакский улус, Узбеков государство, Узбекский улус.* В исследовательской литературе оно известно под именем *Золотой Орды.*

По обширности территории Золотая Орда была крупнейшим государственным образованием средневековья. Напомним, что в состав государства потомков Джучи входила вся Великая Степь – от Дуная на западе до Иртыша на востоке. Все государство (*Улуг улус*, т. е. Великий Улус) делилось на два крыла: левое (*Кок-Орда*) и правое (*Ак-Орда*) и на множество более мелких уделов – владений, также называвшихся улусами или ордами. Управленчески золотоордынскому хану подчинялись владения всех царевичей из дома Джучи, но это подчинение не всегда имело действительное значение. В частности, потомки Орды, старшего сына Джучи, правители Кок-Орды (Восточной Орды), лишь номинально признавали над собой власть хана, сидящего в Сарае. "С самого начала не бывало случая, – говорится в "Сборнике летописей" Рашид ад-дина (сочинение написано между 1300–1307 гг.), – чтобы кто-либо из рода Орды, занимавший его место, поехал к ханам рода Бату, так как они отдалены друг от друга, а также являются независимыми государями своего улуса. Но у них было такое обыкновение, чтобы своим государем и правителем считать того, кто является заместителем Бату, и имена их они пишут вверху своих ярлыков".

Номинально **правители Кок-Орды с центром в г. Сыгнаке, на Сырдарье,** сохраняли по отношению к ханам Золотой Орды политическую независимость и в первой половине XIV в. Насколько известно, за это время лишь однажды, при Мабарак-ходже, правителем Кок-Орды (Восточной Орды) была предпринята попытка сделаться государем самостоятельного государства. Он позволил себе чеканку монеты в 728/1327–1328 и 729/1328–1329 гг. в Сыгнаке с титулом: "Султан правосудный Мубарак хо [джа] да продлит Бог царство его". Чеканка монеты, являвшейся в ту пору прерогативой суверенного правителя, не могла не вызвать протеста со стороны хана Золотой Орды, считавшегося верховным главой всего Джучиева Улуса. Стремление золотоордынского хана

Узбека вернуть потомков Орды к прежней вассальной зависимости и желание последних к полной политической самостоятельности вызвали смуту (*булгак),* которая, по словам Муин ад-дина Натанзи, "до сих пор известна в Дешт-и Кыпчаке". В этой борьбе правитель Кок-Орды Мубарак-Ходжа потерпел поражение от золотоордынского хана, бежал и несколько лет бездомно скитался в краях и странах кыргызов и Алтая, пока не погиб там.

Некоторые исследователи считают захват верховной власти Узбек-ханом узурпацией. Но такая постановка вопроса по отношению к Чингизиду неправомерна. Согласно концепции верховной власти древних монголов, право на царство имел **любой** член "золотого рода" Чингиз-хана, если он признан большинством *алтан-уруга* достойнейшим по своим качествам и утвержден на курултае царевичей и высшей аристократии. В Монгольской империи (*Еке Монгол улус*) и ее улусах-государствах, образованных после распада, существовало несколько (4–5) порядков преемственности верховной власти, причем каждый из них признавался правильным, а вопрос о предпочтении того или иного решался всякий раз с учетом конкретных обстоятельств. Поэтому, как справедливо заметил В. В. Бартольд, обсуждение вопроса о том, который из Чингизидов в том или ином случае имел больше прав на престол и было ли избрание хана законным, является некорректным.

По древнемонгольской концепции власти любой нечингизид, претендующий на сан хана, признавался не просто государственным преступником, а мятежником против воли Вечного Неба и подлежал немедленной казни. Это правило действовало неукоснительно и во времена Узбек-хана. Генеалогия Узбек-хана хорошо известна по надежному источнику – "Сборнику летописей" Рашид ад-дина (ум. в 1318 г.) и подтверждается как известиями арабских послов в Золотую Орду и путешественников XIV в., так и тимуридскими авторами XV в.

Узбек-хан был сыном Тогрылча, девятого сына Мунка-Тимура, второго сына Тукана, второго сына Бату, второго сына Джучи, первого сына Чингиз-хана. Он владел монгольским и тюркским языками, был красивой наружности, прекрасного нрава, отличался доблестью и отвагой, соединенными с проницательностью, почтительным отношением к законам и постановлениям Чингиз-хана (*йаса ва йусун).*

Приход к власти молодого царевича Узбека был подготовлен теми кругами Чингизидов и тюрко-монгольской кочевой аристократии Джучиева Улуса, которые стояли за исламизацию и цен-

трализацию государства. Узбек-хан оправдал их надежды и чаяния вполне. **В 1321 г. Узбек-хан принял ислам,** мусульманское имя Мухаммад и стал именоваться Султаном Мухаммадом Узбек-ханом, а ислам сделал официальной религией Золотоордынского государства. **Именно в годы правления Узбек-хана, а именно при описании событий 1335 г. в Золотой Орде, в мусульманских источниках впервые появляются слово *узбекийан* (**узбекцы, узбековцы) и словосочетание *мамлакат-и узбеки* (государство узбековцев). **Постепенно имя мусульманского правителя Золотой Орды Узбек-хана становится собирательным названием разноплеменного населения Джучиева Улуса.** При правлении Узбек-хана усилилась ханская власть, упрочилась политическая централизация, возникли новые города, одним из которых был Сарай ал-Джадид (остатки его находятся у с. Царев Волгоградской обл.), ставший второй столицей Золотоордынского государства. Узбек-хан, мусульманин-суннит, был похоронен в Сарае ал-Джадиде, подвергшемся в 1395 г. полному разрушению войсками эмира Тимура.

В Золотой Орде ханская власть была достаточно сильной и при правлении сына Узбека Джанибек-хане (1342–1357 гг.). После Джанибека на престоле утвердился его сын Бердибек (правил в 1357–1259 гг.), властолюбивый и крайне жестокий. По словам автора "Мунтахаб ат-таварих-и Муини" и "Муизз ал-ансаб", Бердибек, сделавшись ханом, умертвил большинство царевичей Джучиева Улуса, которые приходились ему близкими родственниками. Рассказывается, что одного его единоутробного брата, которому было всего восемь месяцев, принесла на руках ханша (царица) Тайдула-хатун и просила, чтобы он пощадил это невинное дитя. Бердибек взял его, ударил об землю и убил.

Политика физического уничтожения султанов (с XIV в. в Улусе Джучи и в Чагатайском улусе *султан* стало титулом каждого члена династии, происходившей от Чингиз-хана) привела к тому, что после гибели в 1359 г. Бердибека не осталось представителей ветви Джучидов, ведущих свое родство по прямой линии от Бату (умер в 1255 г.). В Золотой Орде началась полоса смут и дворцовых переворотов: в 60–70-х гг. XIV в. власть в государстве потомков Джучи захватывали многие. Одни из них правили по полгода, другие по году, по два, самое большее – три года. В борьбе за верховную власть в Улусе Джучи активное участие приняли потомки Орды и Тука-Тимура, т. е. султаны Кок-Орды (Восточной Орды), постепенно захватывая столицу Золотой Орды Сарай.

В ходе этих политических неурядиц на территории Джучиева Улуса начал образовываться ряд независимых владений, во главе которых стояли местные правители, властвовавшие одновременно с ханом, сидящим в Сарае. Так, около 1359 г. на территории Пруто-Днестровского междуречья, представлявшей собой окраинный западный улус Золотой Орды, образовалась новая политическая единица – Молдавское княжество. Политическая ситуация в стране привела к территориальным потерям и на юго-востоке. В частности, в 1361 г. в Хорезме (нижняя Амударья) возникла независимая от Золотой Орды династия, называвшаяся Суфи, по имени основателя династии Хусайна Суфи из тюркизированного монгольского племени кунграт. Эти правители чеканили монеты без своих имен, с одной лишь арабской надписью: *ал-мулк ли-ллахи* ("власть принадлежит Богу").

В 1379 г. Хорезм был завоеван эмиром Тимуром. В начале 80-х гг. Токтамыш-хан воссоединил Хорезм с Поволжьем, однако в 1388 г. Тимур снова завоевал Хорезм. В XV в. Хорезм находился во владении то ханов Золотой Орды, то Тимуридов, то местной династии Суфи. В начале XVI в. страна перешла во владение Шейбанидов, потомков Шейбана (Шибана), сына Джучи, образовавших Хивинское ханство.

После смерти Бердибека (1359 г.), последнего золотоордынского хана из дома Бату, от Золотой Орды отделились и султаны Кок-Орды, власть которых распространялась на все юго-восточные пределы Джучиева Улуса. Западная Орда (Ак-Орда) раскололась на несколько самостоятельных частей: Нижнее Поволжье контролировалось сарайскими ханами, Причерноморье и Крым-эмиром Мамаем, Волжская Булгария – царевичем Булат-Тимуром, а затем Асаном и т. д.

В середине 70-х гг. XIV в. глава Восточной Орды Урус-хан (ум. в 1377 г.) выступил в качестве объединителя всего Джучиева Улуса. Хотя ему удалось захватить столицу Золотой Орды, г. Сарай, удержать верховную власть он не сумел и в 777/1375–1376 гг. вновь вернулся на берега Сырдарьи, в свои коренные владения. То, что не сумел сделать Урус-хан, потомок Орды, осуществил в 80-х гг. XIV в. другой представитель Кок-Орды – мангышлакский царевич Токтамыш, потомок Тука-Тимура, сына Джучи.

В 1378 г. Токтамыш-султан при поддержке властелина Средней Азии эмира Тимура был возведен на ханский престол в г. Сыгнаке (на Сырдарье), столице царевичей Кок-Орды (левого крыла Джучиева Улуса). Оттуда Токтамыш выступил на войну с претендентами на золотоордынский престол (и опять при под-

держке эмира Тимура), завладел столицей Золотой Орды. Вскоре Токтамыш сумел объединить все владения Джучидов и восстановить в стране сильную власть. Но Токтамыш имел неосторожность вступить в войну с эмиром Тимуром, и эта война, длившаяся несколько лет, закончилась в 1395 г. полным поражением и низложением золотоордынского хана. Токтамыш больше уже не возвращался на престол всего Улуса Джучи, хотя погиб, по одним известиям, в 1404 г., по другим – в 1496 г. около Тюмени (по-тюркски – "низина"; так называлась в то время также местность в низовьях р. Терека), во время сражения с войсками золотоордынского хана Шадибека.

Начало XV в. выдвинуло еще несколько объединителей Джучиева Улуса. Однако после Токтамыша больше никому не удалось добиться власти, которая признавалась бы во всем Улусе Джучи. Более того, **в 30–70-х гг. XV в. Золотоордынское государство с центром на Нижней Волге окончательно распалось, и на его развалинах образовалось несколько новых тюркских государств: Крымское ханство, Казанское ханство, Астраханское ханство, Сибирское ханство, Казахское ханство, а также ряд других политических единиц:** Большая Орда (в степи между Волгой и Днепром), Ногайская Орда (с центром в местности по нижнему течению Яика).

Распад Золотой Орды был обусловлен тем, что в XVI столетии Россия превратилась в сильное государство с центром в Москве. Взаимодействие России с политическими наследниками Золотоордынского государства привело к тому, что все они (каждый в свое время) были включены в состав Русского государства. Вот основная хронология этого включения и постепенного превращения Московского царства в многонациональную и поликонфессиональную Российскую державу с обширными азиатскими владениями к востоку, югу и юго-востоку от ядра собственно Русского государства.

2 октября 1552 г. после двухмесячной осады русские войска во главе с Иваном Грозным заняли Казань, и закончилось самостоятельное существование Казанского ханства, основателем которого считается Джучид Улуг-Мухаммад-хан (ум. в 1446 г.). Ликвидация Казанского ханства, стоявшего у самых восточных границ Московского царства, предопределила судьбу Астраханского ханства – страны, управляемой потомками Тука-Тимура, сына Джучи. В августе 1556 г. Астрахань (собственно Хаджи-Тархан) была завоевана русскими войсками, и Астраханское ханство перестало существовать.

Так, в 1552–1556 гг. все Среднее и Нижнее Поволжье было присоединено к России, и для управления новой территорией создан так называемый Казанский дворец (приказ) – учреждение, ведавшее всеми вопросами административного, военного, финансового, а также судебного характера в присоединенных владениях.

20 августа 1598 г. русские нанесли решающее поражение потомку Шейбана (Шибана), сына Джучи, Кучуму – последнему "татарскому" хану Сибири, и включили Сибирское ханство со столицей в Искере (недалеко от места впадения Тобола в Иртыш) в состав Московского государства. Новая территория – Западная Сибирь – управленчески также была подчинена Казанскому дворцу. В начале XVII в. был положен конец политическому значению ногайцев, центром которых был г. Сарайчик (буквально "Малый Сарай"), основанный Джучидами во второй половине XIII в. при устье Яика (приблизительно в 60 км выше современного Гурьева). Непосредственным соседом Русского государства на юго-востоке теперь стало **Казахское ханство, основанное в 875/1470–1471 г. двумя султанами, Гиреем и Джанибеком,** потомками Орды, старшего сына Джучи.

Из всех этнополитических образований Джучидова постзолото-ордынского периода дольше всего просуществовало именно государство казахских султанов, а также Крымское ханство. Конец владычеству в Крыму династии Гиреев (названной так по имени ее основателя Хаджи-Гирея, потомка Тука-Тимура, сына Джучи) и присоединение полуострова к Российкой империи относятся к 1783 гг. Тогда же последний из Гиреев, носивший титул хана, Бахты-Гирей, удалился из страны и умер в январе 1801 г. на острове Митилена. Присоединение Казахстана к России, начавшись в 30-х гг. XVIII в., по ряду причин затянулось на многие десятилетия и закончилось лишь в 60-х гг. XIX в.

Примечательно, что расширение сферы российской государственности на юг (до Черного моря и Кавказа включительно), восток (до Тихого океана) и юго-восток (до Ферганы и Семиречья включительно) сопровождалось мощным миграционным потоком русского населения на новые земли. Так что со второй половины XVI в. начинается эпоха российской многонациональной и поликонфессиональной государственности, а заодно и новый опыт военно-политической, социально-экономической и т. п. интеграции евразийского пространства – русско-тюркского (XVI–XX вв.), вместо прежнего монголо-тюркского (XIII–XV вв.).

Чагатайский улус. Владения второго сына Чингиз-хана – Чагатая – включали Восточный Туркестан, большую часть Семире-

чья и Мавераннахр (междуречье Амударьи и Сырдарьи), а также земли левобережья Амударьи – Балх, Бадахшан, Газни, Кабул и районы включительно до р. Синд. **Орда (ставка) Чагатая находилась в Кульджинском крае,** на южной стороне р. Или.

Первый правитель среднеазиатских и восточнотуркестанских владений монголов Чагатай был вторым сыном Чингиз-хана от жены Борте. Дата его рождения точно не установлена. Еще при жизни отца Чагатай слыл лучшим знатоком ***Ясы* (законы и приказания Чингиз-хана)** и высшим авторитетом во всех вопросах, связанных с монгольскими законами и обычаями. Как и братья, он принимал участие в походах отца против Китая (1211–1216 гг.) и против империи Хорезмшахов (1219–1224 гг.). Вместе с братьями Джучи и Угедэем Чагатай осаждал Отрар, а затем Гургендж. Вероятно, в 1221 г. ему было поручено преследование Джалал ад-дина, сына хорезмшаха Мухаммада, вследствие чего зиму 1221–1222 гг. он провел в Северной Индии. Во время тангутского похода Чингиз-хана (1225–1227 гг.) Чагатай находился в Монголии в качестве начальника оставленных там войск. После смерти Чингиз-хана в 1227 г. Чагатай отправился в свой *йурт* и больше не участвовал ни в каких военных походах.

По Джалалу Карши, **область, составлявшую основную часть владений Чагатая в Семиречье, называлась Иль-Аларгу. Главным городом ее был Алмалык в Илийской долине.** Небезынтересно, что от этого географического названия получил свою вторую *нисбу* (Иль-Аларгуви) мусульманский министр Чагатая, купец Кутб ад-дин Хабаш-Амид, умерший в 1260 г. и похороненный в одном из городов области Алмалыка. Известны начинания Чагатая по благоустройству своего улуса. Так, по его приказу была построена дорога из Восточного Туркестана через Урумчи, Манас и перевал Талки в Илийскую долину, для чего в нескольких местах были пробиты скалы и возведены из горного леса 48 мостов, настолько широких, что по ним могли проехать рядом две телеги. Около Алмалыка, вблизи высоких гор Кок, в местности Куяш (Солнечное), которая летом была "похожа на рай", Чагатай устроил селение Кутлуг (Благодатное). Там находилась его летняя резиденция. Зиму он проводил также в долине Или, в местности Мераузик-Ила. Область Или оставалась центром могущества улуса и после смерти Чагатая. *Орда* (резиденция) первых Чагатаидов находилась в долине Текеса (притока Или) и, согласно Джувайни, называлась *Улуг-Иф*.

Как старший в ханском роде после смерти отца и старшего брата Джучи (оба умерли в 1227 г.) Чагатай пользовался непрере-

каемым авторитетом. В 1228–1229 гг. он вместе дядей Учугеном (Отчигином) стоял во главе царевичей, провозгласивших великим ханом Угедэя. По словам Рашид ад-дина, при правлении Угедэя (1229–1241 гг.) Чагатай обладал такой фактической властью во всей империи, что даже сам великий хан не принимал сколько-нибудь важных решений "без его совета и одобрения". Однако при всем том он не являлся самостоятельным государем улуса, правителем культурных областей Мавераннахра и Восточного Туркестана был мусульманин Махмуд Ялавач, назначенный великим ханом. Великий хан назначал и начальников монгольских войск в Мавераннахре. Чагатай как улусный правитель не имел полномочия смещать их без согласия великого хана.

Как в мусульманских, так и в китайских источниках Чагатай характеризуется как суровый человек, никогда не допускавший на своем лице улыбки и внушавший подчиненным только страх. Будучи знатоком и блюстителем *Ясы,* Чагатай очень жестоко преследовал нарушения монгольских законов, а поскольку мусульманские обычаи часто вступали в противоречие с Ясой, он относился к исламу неблагожелательно. Жестокость, с которой Чагатай карал всякие проступки, возводимые им в ранг преступления, сделала его имя ненавистным мусульманам.

Чагатай умер в начале 1242 г., пережив лишь на несколько месяцев своего брата Угедэя, великого хана. Место его захоронения неизвестно. Судя по тому, что и Джучи и Угедэй были похоронены каждый на территории своего удела, Чагатай, очевидно, также был похоронен в своем уделе, вероятнее всего, в области Иль-Аларгу, в Илийской долине. Из всех сыновей Чингиз-хана, как отмечал В. В. Бартольд, **Чагатай был единственным, имя которого сделалось: 1) официальным термином для обозначения среднеазиатского монгольского государства; 2) названием кочевников, составлявших военную силу Чагатайского государства; 3) также названием сложившегося в Средней Азии в эпоху Тимуридов тюркского литературного языка.**

По Рашид ад-дину, у Чагатая было восемь сыновей. Он еще при жизни, с согласия великого хана, назначил своим преемником Кара-Хулагу, старшего из детей своего старшего сына Мутугена, павшего в битве под Бамианом, на Гиндукуше в 1221 г. В декабре 1241 г. умер великий хан Угедэй. Через несколько месяцев скончался и Чагатай. Положение Монгольской империи осложнилось: начался смутный период пятилетнего междуцарствия, в течение которого в роли правителя оставалась вдова Угедэя Туракина. На курултае 1246 г., вопреки воле Угедэя, назна-

чившего другого наследника, великим ханом был провозглашен Гуюк, старший сын Угедэя, отличавшийся, как передает Джувайни, необузданно грубым и неумолимо жестоким характером. По приказу Гуюка в Чагатайском улусе Кара-Хулагу был низложен, и на престол в среднеазиатских владениях монголов возведен личный друг нового великого хана – Есу-Мунке, сын Чагатая, при котором всеми улусными делами заведовала его жена Тукаши. После кратковременного царствования Гуюка (1246–1248 гг.) началась борьба за власть, и потомки Джучи и Тулуя, совершив переворот, в 1251 г. провозгласили главой империи старшего сына Тулуя Мунке.

Приход к власти нового великого хана начался с кровавых репрессий. Царевичи из рода Чагатая и Угедэя, обвиненные в заговоре против Мунке, были частью умерщвлены, частью изгнаны. Чтобы учинить погром в улусах мятежных Чингизидов, Мунке отправил на запад войско, которое должно было соединиться с отрядами Джучидов, расположившихся в местности между Каялыком и Отраром. По прибытии войска великого хана все улусные военачальники, заподозренные в сочувствии заговорщикам, были казнены. Формально эти улусы, однако, продолжали существовать. Вдова Гуюка оставалась в его орде на Эмиле, а правительницей Улуса Чагатая, с согласия великого хана, сделалась Оркына, вдова скончавшегося незадолго перед этим Кара-Хулагу, дочь Туралчи-гургена из племени ойрат. В 1254 г. она, как владетельница Улуса Чагатая, встретила в Алмалыке войско Хулагу, брата великого хана, который завоевал впоследствии Иран, Ирак, уничтожил династию Аббасидских халифов и образовал новое Монгольское государство в Передней Азии. Фактически вся империя была поделена между потомками Тулуя и Джучи, и вместо господства всего ханского рода, как обычно было в царствование Угедэя, наступило двоевластие. Граница между сферами влияния великого хана Мунке и главы Улуса Джучи (Батыя), по свидетельству Рубрука, проходила в степи между реками Талас и Чу.

В 1260-х гг. единству Монгольской империи был нанесен окончательный удар. После смерти Мунке в 1259 г., последовавшей во время похода на Китай, произошла борьба за престол между двумя его братьями, и в 1260 г. были одновременно провозглашены два великих хана – Ариг-Буга в Монголии, в Каракоруме, и Хубилай в Китае (Кайпине). Сделавшись ханом, Хубилай поспешил отправить в Семиречье царевича Абишку, с тем чтобы он убил Оркына-хатун и стал правителем Улуса Чагатая. Однако по дороге в Алмалык царевич был перехвачен воинами Ариг-Буга и убит.

Со своей стороны, Ариг-Буга отправил на запад внука Чагатая Алгуя, выдав ему "ярлык быть государем Чагатаева улуса и охранять те рубежи от войска Кубилай-каана и войска дома Чагатая". Алгуй должен был заботиться также о подвозе провиантов и необходимых товаров для войска из Туркестана в Монголию.

Решительный и энергичный Алгуй в короткое время подчинил все бывшие родовые владения своего деда, отвоевал у Берке, хана Золотой Орды, Отрар и даже захватил Хорезм и северную часть Афганистана, раньше никогда не принадлежавшие дому Чагатая. Действуя сначала от имени Ариг-Буги, он потом открыто восстал против него и повсюду выступал как самостоятельный государь. Ариг-Буга вступил в борьбу с ним, но после некоторых успехов потерпел поражение и покинул Самиречье. Алгуй женился на Оркына-хатун и, как государь среднеазиатских владений монголов, утвердил Масуд-бека правителем оседлых областей Чагатайского улуса. Ариг-Буга ушел в Монголию, потерпел там поражение от своего брата Хубилая и в 1264 г. сдался ему. Ханом всей империи был объявлен Хубилай, но только номинально: Хулагу в Персии, Берке во владениях Джучидов и Алгуй в Улусе Чагатая были фактически независимыми государями. По мнению В. В. Бартольда, Алгуя можно считать "основателем самостоятельного монгольского государства в Средней Азии".

После смерти Алгуя в 664/1265–1266 г. обстановка изменилась. Весной 1266 г., по рассказу Джамала Карши, ханом Чагатайского улуса, без назначения со стороны великого хана, был провозглашен на берегу Ангрена сын Кара-Хулагу и Оркына-хатун Мубарак-шах. Царствование его было непродолжительным. Осенью того же года он потерпел поражение от правнука Чагатая Барака и вынужден был поступить к нему на службу в качестве начальника "*барсчиев*" (придворных охотников). Ханом среднеазиатских владений монголов был провозглашен в Узгенде Барак. Он, в свою очередь, должен был подчиниться внуку Угедэя Хайду, пользовавшемуся поддержкой Джучидов. Низложенный Барак-хан до своей кончины (1271 г.) оставался главой чагатайских царевичей, но верховная власть в Улусе перешла от дома Чагатая в руки потомков Угедэя, и вся страна контролировалась военными отрядами двадцати четырех сыновей Хайду.

При Хайду (1269–1301 гг.) государство среднеазиатских Чингизидов как самостоятельная политическая единица получило свое окончательное оформление. Весной 1269 г. на берегу Таласа состоялся курултай, на котором в Средней Азии было создано полностью независимое от великого хана государство под влады-

чеством Хайду. Пределы этого государства то расширялись, то сужались в зависимости от военных успехов или неудач. В последние годы правления Хайду оно включало в свой состав в северном Афганистане земли от Бадахшана до берегов Мургаба, на Сырдарье граница проходила северо-западнее Дженда и Узгенда. В Восточном Туркестане часть территории была утеряна, и она перешла во владение великого хана Хубилая. Судя по тому, что Чапар, старший сын Хайду и его преемник на среднеазиатском престоле, был провозглашен ханом на Эмиле, коренных владениях предков, границы между Улусами Чагатая и Угедэя не были четко установлены. После смерти Хайду (1301 г.) его сын и преемник Чапар был низложен Тувой, сыном Чагатаида Барак-хана, и верховная власть в Средней Азии, Семиречье и Восточном Туркестане от потомков Угедэя снова перешла к потомкам Чагатая.

Таким образом, начало XIV в. совпало с началом возрождения значения рода Чагатая в собственном улусе, а заодно и решительным изменением курса политики улусными правителями в среднеазиатских владениях монголов.

Как известно, в верхних слоях монгольских завоевателей еще в годы царствования Чингиз-хана наметились две резко противоположные тенденции: центробежно-кочевая и централистская. Первое направление было представлено большей частью монгольской и тюркской кочевой знатью, которая последовательно и твердо стояла за сохранение кочевого быта и степных традиций. Представители этой политики относились крайне враждебно к оседлой жизни и городам. Представители второго направления стремились создать прочное централизованное государство с сильной ханской властью и обуздать таким образом центробежные устремления военно-кочевой знати. Централистское направление поддерживалось небольшой группой кочевой аристократии, тесно связанной с ханской фамилией, чиновниками центрального государственного аппарата, а также частью мусульманских авторитетов и большинством купечества.

Наиболее яркими проводниками кочевой тенденции были сам Чингиз-хан, а из его потомков – великий хан Гуюк (1246–1248 гг.) и улусный хан Чагатай; сторонниками первого направления были и первые правители Улуса Чагатая – Оркына-хатун, Барак-хан. Великие ханы Угедэй (1229–1241 гг.), Мунке (1251–1259 гг.) и улусный хан Джучи (ум. в 1227 г.) были проводниками второго направления. Между сторонниками этих двух направлений велась глухая, продолжительная по времени борьба, сведе-

ния о которой содержатся в сочинениях Джузджани, Джувайни, Сейфи ибн Мухаммад ал-Харави и др. Спор между двумя направлениями касался, по определению И. П. Петрушевского, методов эксплуатации коренного населения и вместе с тем вопроса о слиянии с феодальной верхушкой покоренных стран, о принятии их феодальной государственности, идеологии и культурных традиций.

В среднеазиатском государстве дольше, чем в других государствах, образованных монголами в завоеванных странах, сохраняли свою силу основные начала центробежно-кочевой тенденции. Последовательное проведение политики первого направления, насильственно насаждавшей кочевой быт, не могло не отразиться пагубно на благосостоянии оседлых земель и особенно на городской жизни. В Семиречье, почти не пострадавшем от военных действий монгольских войск во время завоевания, уже к 1260-м гг., как видно из рассказов путешественников, городская жизнь находилась в упадке. Превращению цветущих оазисов в пустоши, культурных земель – в пастбища для кочевников, а значительных городов – в развалины самым деятельным образом способствовали и феодальные смуты, порожденные отсутствием в среднеазиатском государстве после смерти Чагатая сильной ханской власти. Обязательства царевичей и кочевой знати жить в городах и степи, принятые ими на Таласском курултае в 1269 г., на деле не выполнялись. Договор 1304 г. о федерации отдельных монгольских государств под главенством великого хана остался "мертвой буквой". Но начало было положено, и в деятельности чагатайских ханов XIV в. наблюдается решительный поворот в сторону политики второго направления.

После смерти Тувы (Дувы) в 706/1306–1307 г. в Чагатайском государстве один за другим правили пять братьев, сыновей Тувы – случай, пожалуй, единственный в средневековой истории Центральной Азии. Курс на объединение владений Чагатаидов и централизацию государства принял уже старший сын Тувы Есен-Буга, провозглашенный ханом на курултае 1309 г. Однако неудачные внешние войны, длившиеся почти все время его девятилетнего правления, неблагоприятно отразились на благосостоянии страны, и он не достиг в своих начинаниях особых результатов.

Заметный шаг в сторону централизации и подчинения традиции мусульманской культуры и государственности был сделан в царствование другого сына Тувы, Кебек-хана (1307–1309 гг., вторично – 1318–1326 гг.) Брат Есен-Буги оказался достаточно сильным государем, чтобы объединить все владения в прочное целое, и достаточно разумным правителем, чтобы заботиться о благосо-

стоянии страны. Кебеком были введены в обращение серебряные монеты с именем хана, получившие название *кебеки,* которые можно рассматривать как первые общегосударственные монеты чагатайской династии Чингизидов. Кебек восстановил некоторые города, разрушенные во время военных событий и феодальных смут. Так, о восстановлении им Балха говорится в "Шаджарат ал-атрак", но более подробно – в "Бахр ал-асрар", автор которого сам был из Балха. Кебек-хан, сообщает Махмуд ибн Вали, переселил в Балх жителей, уведенных в 1316 г. противником Кебека, царевичем Ясавуром из Мавераннахра в Газн, поэтому первое селение, возникшее в окрестностях города, получило название Ясавури.

Хотя **столичным городом Улуса Чагатая по-прежнему считался Алмалык,** Кебек-хан переселился из долины Или в Мавераннахр и построил для себя дворец по нижнему течению Кашкадарьи недалеко от г. Нахшеб. По этому дворцу город получил название Карши (*харш* по-монгольски "дворец"), сохраненное им до сих пор. Переход Чингизидов в города считался нарушением Ясы Чингиз-хана, и каждая попытка переменить образ жизни вызывала столкновение с их беками (эмирами) – предводителями кочевых родов и племен, составлявших основную военную силу государства. Чтобы привлечь на свою сторону представителей главных родов улуса, Кебек-хан осуществил реформу, которая произвела существенные преобразования в административно-политическом управлении страной. Вместо прежней удельной системы, при которой уделы назначались представителям ханского рода, по реформе Кебек-хана территория всей страны была поделена на мелкие административные и податные округа – *тюмены* (десять тысяч), во главе с кочевой тюрко-монгольской знатью. В Фергане и Кашгари вместо термина *тюмен* употреблялось монгольское слово *орчин* (окрестности).

Главных родов в Улусе Чагатая было четыре: ***барлас, джалаир, арлат*** **и** ***каучин.*** Естественно, они получили уделы первыми и в лучших районах: барласам были пожалованы долины Кашкадарьи с главным г. Шахрисябзом, джалаирам – бассейн Сырдарьи с главным г. Ходжентом, арлатам – Северный Афганистан, каучинам – бассейн верховьев Амударьи. Уделы-тюмены в западных владениях державы Чагатаидов получили и представители других родов, пришедших в Мавераннахр с ханом. С переносом местопребывания хана и переселением главных родов Улуса Чагатая в Мавераннахр процесс приобщения Чингизидов и кочевой знати тюрко-монгольских родов к традициям оседлой мусульман-

ской культуры со всеми ее институтами приобрел фактически необратимый характер.

Таким образом, **Кебека с полным основанием можно считать настоящим устроителем среднеазиатской монгольской державы, за которой установилось название Чагатайское государство.** В мусульманских источниках этот термин передается обычно словосочетанием *Мулк-и Чагатай* ("Тарих-и Шейх Увайс") или *"Мамалек-и Чагатай* ("Зайл-т Джами ат-таварих" Хафиз-и Абру и "Муизз ал-ансаб"). Границы этого государства по отношению к другим монгольским державам (государству Джучидов в Великой Степи, Хулагуидов в Иране и потомков Хубилая в Китае) обозначены на средневековой китайской карте, датируемой 1329 г. На этой карте к государству потомков Чагатая отнесены южная часть Хорезма с городами Дарганом и Кятом, берега Сырдарьи до Отрара включительно, Мавераннахр, оседлые области Восточного Туркестана до Бишбалыка и Кара-Ходжа включительно, Кульджинский край до Лукчуна включительно.

Мусульманские авторы прославляют Кебека как справедливого государя и покровителя мусульман, хотя сам он не принимал ислам и оставался до конца жизни язычником. Согласно известиям Ибн Баттуты, Кебек-хан был убит братом Тармаширином. По словам тимуридских историков начала XV в. Муин ад-дина Натанзи, Хафиз-и Абру и анонимного автора "Муиза ал-ансаб", он умер естественной смертью в 721/1321 г. (по другим данным – в 726/1326 г.). Кебек умер язычником, был похоронен не в степи, по монгольскому обычаю, а в Карши, и над его могилой, по словам Шараф ад-дина Али Йазди и автора "Шаджарат ал-атрак", был построен куполообразный мавзолей мусульманского типа.

После смерти Кебека Чагатайским государством правили один за другим три других сына Тувы: Ильчигидай, Дурра-Тимур и Тармаширин.

Ильчигидай, по сообщению мусульманских авторов, был мудрым и добродетельным государем. Будучи еще царевичем, он принимал деятельное участие во всех начинаниях и делах брата Кебека.

Сделавшись ханом, он, как и брат Кебек, не принимал ислама. Местом своего основного пребывания также избрал Западный Туркестан и продолжал начатые предшественником работы по благоустройству страны: восстановил крепость Хиндуван, на юго-западной окраине Балха построил большое селение, получившее название Ильчигидай, побуждал население "рыть кана-

лы, сажать деревья, увеличивать число пашен и распределять участки по жребию". Вместе с тем Ильчигидай обеспечивал внутренний порядок в стране и успешную ее защиту от внешних врагов. В частности, он совершил военный поход на северо-восток ханства с целью наказания "военачальников кыргызских племен", которые нападали на окраинные земли Чагатаидов. Оттуда Ильчигидай прибыл к берегам Иртыша и переселил тамошних "лесных жителей (*бишенишинан*) в центральные районы своей "богохранимой страны" (вероятно, в юго-западные пределы Семиречья).

Ильчигидай умер естественной смертью в Карши и похоронен рядом со своим братом Кебеком, пишет автор "Бахр ал-асрар", однако он не приводит год смерти хана. А вот что содержится у католического миссионера Журдена де Северака, который с 1321 г. до начала 1328 г. жил в Индии, в его "Описании чудес": "Слышал я, что между двумя татарскими империями, а именно между той, что прежде называлась Катаем, а теперь называется Обсет, и Гатсарией, лежит империя Дувы и Кайды, некогда царя Капака, ныне Эчигадея, и она тянется на двести и более дней пути". Из этого сообщения можно предположить, что в 1327 г. Ильчигидай, возможно, был еще жив. Вероятно, он умер в 728/1327–1328 г.

После смерти Ильчигидая на престол взошел его брат Дурра (Дува)-Тимур. Мусульманские авторы характеризуют его как доблестного, справедливого и щедрого государя. По сведениям китайских источников, Дурра-Тимур до своего вступления на престол был удельным царевичем в одной из восточных областей страны. Наиболее подробные известия об этом хане со ссылкой на источники приводит балхский историк XVII в. Махмуд ибн Вали. По его рассказам, Дува-Тимур, сделавшись ханом, переселился в Мавераннахр, как и его предшественники. Он поддерживал дружественные отношения с Ильханом Абу Саидом (1316–1335 гг.) с которыми они часто обменивались посольствами. Однако в самом Чагатайском государстве при нем не было твердого порядка, и Дурра-Тимуру приходилось подавлять вспыхивавшие в разных уголках обширной страны мятежи. Дурра-Тимур, как и его брат Ильчигидай, совершил военный поход в страну кыргызов, вернулся в Мавераннахр и внезапно умер. Похоронен в Нахшебе. Царствование Дурра-Тимура длилось три года. Год смерти хана у Махмуда ибн Вали не приводится. Судя по событиям в Чагатайском государстве, смерть Дурра-Тимур-хана произошла в 731/1330–1331 г.

Преемник Дурра-Тимура, его брат Тармаширин, продолжал политику предшественников. Он также жил на Кашкадарье, сделав Мавераннахр административно-политическим центром Чагатайского государства. Известны серебряные монеты с именем Тармаширина, чеканенные, в частности, в Таразе. Став ханом, Тармаширин принял ислам, а заодно и мусульманское имя – прозвание Ала ад-дин ("Слава веры") и сделал ислам официальной религией Чагатайского государства. Тамаршрин, разумеется, не только творил молитвы и совершал *зикр,* но и водил войска. В частности, он совершил военные походы в Афганистан и Индию. Об индийском походе Тармаширина упоминается в "Дневнике" Гийас ад-дина, рассказывается в "Шаджарат ал-атрак", а подробное описание этого похода содержится в "Бахр ал-асрар". Тармаширин выступил с огромным войском из Мавераннахра, прошел через Афганистан, вторгся в Индию и дошел до Дели. Город не взял, но разграбил близлежащие округа и, отягченный награбленным добром, вернулся в свою страну. Вскоре после возвращения Тармаширина из индийского похода против него подняли восстание недовольные политикой хана Чингизиды и эмиры. В качестве причины и оправдания восстания они выдвинули обвинения в том, что хан "не соблюдал придписаний *Ясака"* (монгольского обычного права), несколько лет кряду "не созывал *той"* (ежегодно устраивавшееся собрание, на которое приходили потомки Чингиз-хана, эмиры, знатные женщины и крупные военачальники), а также в течение четырех лет оставался в округах, смежных с Хорасаном, и не ездил в восточные области страны – в Семиречье, где "начало их царства" и где столичный г. Алмалык.

Восстание возглавил Бузан, сын хана Дурра-Тимура. Войско мятежников подступило к Кешу, Тармаширин выступил из Карши. Враждующие стороны встретились в местности Козы-Мендак. Тармаширин потерпел поражение. Хан бежал, но был схвачен около Самарканда, убит и похоронен там же, в одном из селений. Нарративные источники называют разные даты смерти хана. По мнению В. В. Бартольда, Тамаршрин едва ли был жив после 1334 г.

После военного поражения и трагической гибели Тамаршрина "люди присягнули" Бузану.

Вот что сообщают о Бузане тимуридские источники XV в. и историк Аштарханидов Махмуд ибн Вали (XVII в.). Бузан, сын Дурра-Тимур-хана, родился от Ургенч-хатун и был одержим джиннами. Он был неверующим. Став ханом, Бузан убедился воочию, что часть чагатайских царевичей и большинство здешних

(т. е. западных) эмиров с их кочевыми родами и племенами стали мусульманами. Тогда, чтобы сохранить свою власть, он решил истребить всех принявших ислам Чингизидов и эмиров улуса. С этой коварной целью он перебил много царевичей, как, например, Дорджи, сына Илчигидая, царевичей Кулла и Рустама, а также целый ряд великих эмиров – Джаду, Сатылмыша и др. Зато возвысил до высоких степеней немало безвестных людишек. Он предпринял также попытку распространить "ржавчину нечестия" в стране. Против Бузана было поднято восстание, и в 736/1335–1336 г. эмиры убили его.

По сведениям современника событий Ибн Баттуты, Бузан до вступления на престол был одним из удельных царевичей "в дальней провинции, граничащей с Китаем". Он "был мусульманином, однако маловерующим и дурного поведения". Сделавшись ханом, Бузан жил в Мавераннахре, стал притеснять мусульман, несправедливо обращался с подданными и позволял христианам и иудеям строить храмы. Мусульмане стали волноваться из-за этого и ждали удобного случая, чтобы отвергнуть его. Вскоре такой случай представился. Халил, сын Чагатаида Ясавура, убитого Ильчигидаем в 1319 г., прослышав о положении дел в Чагатайском государстве, обратился к правителю Герата султану Хусайну за помощью. Тот отрядил ему войско. По дороге в Мавераннахр к нему примкнули еще несколько эмиров-мусульман со своими отрядами, в их числе правитель Термеза Ала ал-Мулк Худаванд-заде, которого Халил назначил своим везиром. Враждующие стороны сошлись в одной местности и готовы были завязать побоище, но тут воины Бузана вдруг "перешли на сторону Халила, разбили Бузана, взяли его в плен и привели к Халилу. Халил его казнил, задушив тетивой лука, так как у них в обычае убивать царевичей лишь удушением. Царство перешло к Халилу".

Ибн Баттута приводит затем подробный рассказ о некоторых событиях царствования Халила. Халил, овладев всем Мавераннахром, направился в Алмалык. Восточные "татары" Чагатайского государства выбрали себе другого хана и встретили Халила, мусульманина, вблизи Тараза, но были разбиты. Халил занял Алмалык, оттуда выступил в поход, дошел до границ Китая, овладел Каракорумом и Бишбалыком. Китайский император отправил было против него войско, но потом заключил с ним мир. Халил стал могущественным, и цари стали бояться его. Вскоре Халил оставил в Алмалыке везира Худаванд-заде с большим войском, а сам вернулся в Самарканд и Бухару. Какие-то люди донесли Халилу на Худаванд-заде, утверждая, будто он хочет восстать

против хана. Халил отозвал везира и после его возвращения велел убить. "Это было причиной крушения царства Халила", утверждает Ибн Баттута.

Укрепив свою власть в Чагатайском государстве, Халил стал покушаться на правителя Герата, благодаря которому он "получил царство" и кто "обеспечил его войсками и снабдил деньгами". Чтобы дать отпор врагу, султан Хусайн отправил войска со своим двоюродным братом Малик-Варна. Обе стороны встретились в одной местности и произошел бой. Халил потерпел поражение, был взят в плен и приведен к Хусайну, который ему даровал жизнь и назначил достойное содержание. Халил еще оставался в Герате, когда Ибн Баттута весной 1347 г. проехал через этот город на обратном пути из Индии.

Когда Халил направился в земли Алмалыка, то кочевое население восточной части государства, тогда в подавляющем большинстве своем еще немусульмане, выбрали себе другого хана, а именно царевича Джанкши, который не был сторонником ислама. Когда правитель Герата, пленив Халила, "поместил его в своем дворце, дал рабыню и назначил содержание", Джанкши сумел распространить свою власть на всю страну. Причем последнее событие имело место не позднее 737/1336 г. Сохранились серебряные монеты, чеканенные в указанном году, в частности в Термезе и Бадахшане, со следующей легендой: "Джанкши-хан, великий хакан, да увековечит Бог его царствование и власть его".

Некоторые источники называют Джанкши сыном Тувы (ум. в 796/1306–1307 г.), однако в некоторых других источниках он назван сыном Абукана, сына Тувы (Дувы). По китайским источникам, Джанкши до своего вступления на престол был одним из удельных царевичей в восточных областях Чагатайского государства, в частности сообщается, что в 1332 г. царевич Джанкши отправил в Китай 170 русских пленных и получил за это денежное вознаграждение, царевич Йен-Тимур отправил китайскому императору 1500 русских пленных, третий царевич – тридцать.

Сделавшись ханом, Джанкши переместил политический центр страны снова в долину Или, в Алмалык. При его царствовании **Семиречье стало местом активной миссионерской деятельности.** Именно там, около Алмалыка, католические миссионеры построили церковь и, получив возможность "проповедовать невозбранно и открыто", многих окрестили. Сообщается, что даже семилетний сын хана с согласия своего отца приинял крещение и имя Иоанна. Однако в 1338 г., по сообщениям католических миссионеров, в стране вспыхнул мятеж, Джанкши-хан был низложен и убит своим братом.

По словам Муин ад-дина Натанзи, Джанкши-хан "имел сильную склонность к вероотступничеству, так что устроил в *орде* (кочевая резиденция хана) передвижные капища, во всех делах, и больших и малых, совещался с буддийскими жрецами (*бахшийан*) и с их одобрения повелел во всех соборных мечетях Мавераннахра, Туркестана и Уйгурстана делать изображения идолов. Из забав и развлечений питал страсть к шахматам и охоте. После двух лет независимого правления был убит однажды ночью, и никто не нашел его убийцу. Согласно автору "Шаджарат ал-атрак" и Махмуду ибн Вали, убийцей Джанкши был его брат Йисун-Тимур, который по наущению матери зарубил хана саблей. Став ханом, Йисун-Тимур вскоре лишился рассудка от угрызений совести и вырезал обе груди у матери за то, что она подстрекала его поднять бунт против Джанкши-хана и совершить братоубийство.

В 1339 г. Йисун-Тимур-хан был низложен потомком Угедэя Али-султаном, мусульманином. Его преемником стал Мухаммад-хан, потомок Чагатая, которому наследовал Казан, сын мятежного Чагатаида Ясавура, брат гератского пленника Халила. Казан был крайне жестокий государь. Против него взбунтовалась часть тюркских эмиров. Хан выступил на них войной, но борьба оказалась для Казан-хана неудачной, и в 747/1346–1347 г. он пал в битве с эмиром Казаганом.

Казан был последним полновластным ханом Чагатайского ханства. После его гибели Чагатайская держава распалась на два отдельных государства: западное и восточное.

Моголистан. В западных владениях Чагатайского улуса – Мавераннахре род Чагатая потерял свое господство, и власть перешла в руки тюрко-монгольских беков (эмиров). Иначе обстояло дело в восточных областях Чагатайского ханства. Эмиры (беки) этой части государства не стали узурпировать верховную власть, а решили возвести на престол своего хана – Чингизида. Эмир Пуладжи (Буладжи) из племени дуглат, самый могущественный из эмиров восточных областей, привез из долины р. Или шестнадцатилетнего царевича Туглук-Тимура, мнимого или действительного потомка Чагатая, и в 748/1347–1348 г. возвел его на престол в Аксу. **Государство, возникшее в восточной половине Чагатайского улуса** в результате совместной деятельности эмира Пуладжи и Туглуг-Тимур-хана, **именуется в средневековых источниках по-разному:** ***Улус моголов, Улус Джете, Страна Джете,*** **но чаще всего –** ***Моголистан, Мамлакат-и Моголистан.***

Моголистан **– персидское слово и означает "Страна моголов".** Оно образовано от слова *могол* (могул, у автора XVI в. Ахсикенди

дается вариант *мугал*). Так, без буквы "н", произносилось и писалось народное название мо*н*голов в Средней Азии и соседних мусульманских странах. Произношение *могол* (*могул*) сохранилось до нашего времени у потомком монголов в Афганистане. Кстати, название Моголистан встречается в "Сборнике летописей" Рашид ад-дина. Правда, для Рашид ад-дина, умершего в 1318 г., т. е. до разделения Чагатайского улуса на два независимых государства, Моголистан – это коренной *йурт* Чингиз-хана, собственно Монголия. Небезынтересно отметить, что для автора "Муизз ал-ансаб", который писал в 20-х гг. XV в. в государстве Тимуридов, т. е. в западной части бывшего Чагатайского улуса, и знал о существовании Моголистана Туглук-Тимур-хана и его потомков, собственно Монголия, что в глубине Азии, – это "*Шарки Моголистан*" (букв. "Восточный Моголистан").

В этой связи представляется уместным напомнить, что есть разные границы, а именно: *этнографическая* граница (например, между иранцами и тюрками), *хозяйственная* (например, между областью земледелия и областью кочевой жизни), *религиозная* (например, между областью ислама и немусульманскими странами), *политическая* (например, между Арабским халифатом и не подчиненными ему областями) и, наконец, *государственная* граница между отдельными суверенными государствами. Границы эти могут совпадать в разных сочетаниях или не совпадать. В Моголистане, в частности, государственно-политическая и хозяйственная границы не совпадали совсем. Соответственно термин *Моголистан* употреблялся, по меньшей мере, в двух значениях. **Как политический термин Моголистан обозначал государство восточных Чагатаидов в целом,** т. е. объединял все владения потомков Чагатая, где только моголы составляли политическую элиту и такой важнейший фактор средневекового общества, как воинство. **В состав такого *Мамлакат-и Моголистана* входили и Семиречье и Восточный Туркестан (Кашгария) вместе. Соответственно государственные границы Моголистана простирались от Ферганы на западе до Баркуля (Байкуля) на востоке, от оз. Балхаш (Кокче-Тенгиз) на севере до Хотана включительно на юге.**

Государственные границы Моголистана не оставались, однако, неизменными: в зависимости от политической ситуации они то сужались, то расширялись. Так, **при Туглук-Тимур-хане** (1347–1363 гг.) **границы Моголистана на востоке Кашгарии проходили в районе Куча;** в 90-х гг. XIV в. Хизр-Ходжа-ханом был предпринят поход против Кара-Ходжи и Турфана, в результате чего эти

два очень важных города на границе Китая оказались включенными в состав Моголистана. Впоследствии граница Моголистана в Восточном Туркестане была перенесена еще дальше на восток – к Баркулю. Мирза Хайдар в "Тарих-и Рашиди" утверждает, что в 50-х гг. XV в. западную окраину Моголистана составлял округ Чу и Козы-Баши, т. е. долина р. Чу и горные склоны Курдая. В другом месте "Тарих-и Рашиди" говорится о том, что западные границы Моголистана составляют Тараз, Туркестан и Ташкент. В последние десятилетия XV – начале XVI в. эти города с округами по преимуществу действительно принадлежали моголам, а Ташкент являлся даже местом пребывания могольского хана Юнуса (ум. в 1487 г.) и его преемника Махмуд-хана. Но в 1503 г. все западнотуркестанские владения моголов перешли в руки Шейбанидов, а хан моголов со своими придворными переселился в Кашгарию. В 20-х гг. того же столетия моголы были вытеснены из Семиречья казахами, и эта территория скоро стала называться Казакстаном (Казахстаном). Однако моголы сохранили власть в Кашгарии, и их собственно восточнотуркестанское государство с центром в Яркенде получило у местных историографов конца XVII – XVIII в. название *Моголийе, Мамлакат-и Могулийе.* Первоначально в состав *Мамлакат-и Могулийе* входили города Кашгар, Ячги-Хисар, Уч, Аксу и Хотан с прилегающими округами, а впоследствии (с 70-х гг. XVI в.) Бай и Кусан (Куча), а также восточные области с центрами в Чалыше и Турфане.

Заметим, что слово *Моголийе* встречается еще у Хамдаллаха Казвини (род. в 1280 г.); однако в его "Нузхат ал-кулуб", написанном в 740/1340 г. термином *Могулийе* называется не Восточный Туркестан, а округ Кагаз-Кунан в Иране. После падения монгольской династии в Восточном Туркестане в конце XVII в. постепенно вышли из употребления и названия *Моголистан, Моголийе, Мамлакат-и Могулийе.*

Как этнографический термин *Моголистан* обозначал те районы владений могольских ханов, где количественно преобладали кочевники-скотоводы. Для периода XIV – начала XVI в., судя по некоторым местам "Тарих-и Рашиди", это прежде всего территории Семиречья и современного Кыргызстана. Примерно такое же понимание этнографического термина *Моголистан* мы встречаем в ряде мест "Бабур-наме". Для Бабура (ум. в 1530 г.) Моголистан – варварская периферия, окраинные земли, где кочуют "злосчастные" моголы и пасутся табуны диких куланов. Результаты длительного пребывания значительного количества мого-

лов на территории современного Кыргызстана и Семиречья в период их политического могущества отразились, в частности, в топонимике. Как установил О. Ф. Акимушкин, оз. Балхаш, которое у мусульманских авторов средневековья обычно именуется "Кокче-Тенгиз" или "Атрак-Куль", в одном из петербургских списков "Зафар-наме" Йазди назван Могол-Кулем (Могольским озером). В сочинении среднеазиатского автора первой половины XVI в. Сайф ад-дина Ахсикенди "Маджму ат-таварих" Центральный и Южный Тянь-Шань назван "Кух-и мугал" (Могольские горы); на этот факт впервые обратил внимание В. А. Ромодин. Тянь-Шань называется Могольскими горами и в "Хафт иклиме", Амина бен Ахмада Рази.

Термин *могол* первоначально, в XII в., обозначал в Западном и Восточном Туркестане собственно монголов – пришельцев из глубин Центральной Азии. Он служил различителем и содержал в себе политическую, этнографическую и другие характеристики носителей этого имени. Другими словами, могол был названием этнографической группы в Западном и Восточном Туркестане по названию народа-завоевателя. В XIV–XVII вв. слово *могол* обозначало уже не совсем тех и не только тех. Остались термин *могол* и этнографическое преставление о называемом, но сам первоначальный объект изменился. Моголы (мо*н*голы) приняли тюркский язык, значительная часть их приняла ислам, но в массе своей сохранили кочевой образ жизни. Поскольку кочевую часть населения Моголистана составляли не только моголы (мо*н*голы), но и многочисленные тюркские народы и племена, то **за термином *могол* закрепилось по меньшей мере два значения:**

1. В узком смысле моголы – отюреченные мо*н*голы, которые выступали как ревностные хранители мо*н*гольских кочевых традиций в этнографическом, бытовом и ином планах и именно этим отличались не только от тогдашних западнотуркестанских своих соседей, но и от других подданных ханов, Чагатаидов Восточного Туркестана, которые (ханы) в мусульманских источниках также называются моголами.

2. В широком смысле термин *могол* употребляется в собирательном значении и обозначал простую принадлежность различных кочевых скотоводческих родов, племен и народностей независимо от их языка, верований и т. п. именно к государству моголов – Моголистану, Моголийе. Поэтому многие авторы XV–XVII вв. причисляли к моголам не только такие отюреченные монгольские племена, как дуглат, чурас, кереит и др., но и семире-

ченских канглы, присырдарьинских карлуков, тянь-шаньских кыргызов, т. е. природных тюрков.

Как видно, **термин *могол* трактовался то в узкоэтнографическом смысле – монгол вообще, то в широком социально-бытовом смысле – кочевник-скотовод.** И смотря по тому, которое из этих значений средневековый автор хотел подчеркнуть, моголы характеризовались и даже назывались по-разному. Если, например, моголы противопоставлялись коренному населению Западного и Восточного Туркестана, то употреблялся чаще всего выражение *каум-и могол* (сообщество монголов), если чагатаям, т. е. кочевым тюрко-монгольским родам и племенам Западного Туркестана, то употреблялось слово *джете* (*в*ольница), если коренным оседлым жителям Моголистана и Моголийе, то, соответственно, могол – это *сахранишин* (степняк-кочевник).

Восточнотуркестанский историк Мирза Хайдар Дуглат (1500–1551 гг.) пишет, что в его время население Кашгарии разделялось на четыре группы (*кисм*): *тюмень* – крестьянство (*райят*), платившее ежегодную подать хану; *каучин* – войско (*сипахи*), *аймак* – кочевники, имевшие право на определенное количество хлеба, тканей и т. п., и наконец, на чиновников и представителей мусульманской религии. По мнению В. В. Бартольда, вероятно, *каучины* и *аймаки* вместе составляли моголов Моголистана и Моголийе.

Исходя из сказаного, в целом значение слова *могол* можно определить так: **моголы Моголистана и Моголийе – это кочевники вообще, составлявшие основную военную силу страны.** В этом смысле моголы не составляли особый этнический коллектив, так как среди них были и природные монголы, еще не оставившие шаманских воззрений, и природные тюрки-мусульмане, и другие сохранившие кочевые традиции народности. Моголы Моголистана и Моголийе не составляли и особое сословие – моголы вообще и собственно монголы в частности были и среди султанов, и среди эмиров, и среди рядовых кочевников.

После распада Чагатайского ханства на два отдельных государства в середине XIV в. официальное название *чагатай* сохранилось только за западным государством (государством Тимура) и его населением. Жители этих двух государств, пишет Мирза Хайдар Дуглат, "по причине взаимной неприязни называют друг друга разными уничижительными именами, а именно: чагатаи называют моголов джете, а моголы именуют чагатаев караунасами".

Караунас – метис, человек смешанного происхождения. Именно в таком значении употребляет это слово и автор XIII в. Марко Поло. Описывая некудерийцев, т. е. отряды Некудер (Не-

гудер) – огула, сына Муджи-Иебе, сына Чагатая, кочевавших в области Кермана и юго-восточного Хорасана и совершавших частые и опустошительные набеги на соседние земли, он пишет: "Городов, крепостей тут много. Города обнесены земляными валами, высокими, толстыми, в защиту от *каранов*, что бродяжничают по здешним местам и грабят всех. Зовут их так потому, что матери у них индианки, а отцы татары". О караунасах в районе Газни и Герата говорится и в "Джами ат-таварих" Рашид ад-дина. Со второй половины XIV в., как мы знаем, моголы Моголистана называли караунасами чагатаев, т. е. подданных государства Тимура и Тимуридов. Автор XVII в. Махмуд ибн Вали, описывая военные события XV в., называет караунасами (*аквам-и караунас*) самих моголов Моголистана и противопоставляет их токмаковцам, т. е. кочевым скотоводческим родам и племенам Великой Степи. В XVI–XVII вв. термин *караунас* в значении метис широко применялся в Индии для обозначения уже потомков и чагатаев и моголов, прибывших туда вместе с Бабуром.

Монгольское слово *джете* – вольница, равнозначно тюркскому *казак*. Оно впервые встречается, как установил В. В. Бартольд, в "Мулхакат ас-сурах" Джамала Карши. В нем без указания года говорится о том, что Кашгар подвергся нашествию джете. О монголах-джете в районе Байбурта сообщает Рашид ад-дин в своей "Переписке". В обоих случаях речь идет, по-видимому, просто о "вольнице".

Термин *джете* получил дальнейшее развитие у тимуридских историков XV в., где это слово появляется уже как насмешливое прозвание монголов и одновременно как название их страны, причем для них *джете* (Улус Джете, Страна Джете) – термин, равнозначный политическому термину *Моголистан*. Так употребляет термин *джете* и Мирза Хайдар в своем "Тарих-и Рашиди" (XVI в.), а аштарханидский историк XVII в. Махмуд ибн Вали прямо заявляет: "Джете – то же самое, что Мамлакат-и Моголистан".

Данные источников о родословной Туглук-Тимура, первого хана восточной части Чагатайского улуса, противоречивы: по одним сведениям, он был сыном Эмил-ходжи, сына Дува (Тува)-хана, сына Барака, сына Йисун-Дувы, сына Мутугена, сына Чагатая, сына Чингиз-хана, по другим, Туглук-Тимур был сыном Есен-Буги, другого сына Дувы (Тувы).

По преданию, рассказанному в "Муизз ал-ансаб", мать Туглук-Тимура после смерти мужа-царевича Эмил-Ходжи вышла замуж за другого. Туглук-Тимур родился в доме этого человека и

считался его сыном. Согласно преданию, которое приводят Мирза Хайдар Дуглат и Абулгази, у Есен-Буга-хана, сына Дувы (Тувы), была любимая жена по имени Сатылмыш-хатун, у которой не было детей. От хана забеременела служанка по имени Менгли. Однажды, когда Есен-Буга отправился в поход, Сатылмыш-хатун выдала Менгли замуж за эмира по имени Широгул из племени дохтуй и переселила их в один из дальних *йуртов* страны. Между тем все знали, что невольница была беременна от хана. В доме эмира Менгли родила мальчика, которого нарекли Туглук-Тимуром. По прошествии некоторого времени Есен-Буга-хан умер, и в государстве начались беспорядки. Пуладжи, эмир племени дуглат, в 746/1346–1346 г. привез из Кульджинского края в г. Аксу шестнадцатилетнего Туглук-Тимура, а в 748/1345–1348 г. возвел его на престол.

О первых годах правления Туглук-Тимур-хана в источниках мало сведений. Утверждается только, что за короткий срок он подчинил себе Кашгар, Яркенд, Ала-Таг и Уйгуристан и что власть его распространялась на "весь Моголистан". Согласно Мирза Хайдару Дуглату и Абулгази, в возрасте 24 лет (т. е. в 754/1353 г.) Туглук-Тимур сделался мусульманином, вместе с ним мусульманскую веру приняли 160 тыс. человек, и с этого времени в Улусе Чагатая ислам сделался господствующей верой.

Туглук-Тимур, владевший Семиречьем и Восточным Туркестаном, решил распространить свою власть и на западные области Улуса Чагатая. С этой целью весной 1360 г. он выступил в поход на Мавераннахр, где после смерти Казан-хана в 747/1347 г. власть находилась в руках нескольких эмиров, из которых самым могущественным был Хусайн, внук эмира Казагана. По прибытии Туглук-Тимур-хана с огромным войском в Мавераннахр многие эмиры западных владений Чагатаидов признали его верховную власть, в том числе Тимур из племени барлас, бывший тогда помощником эмира Хусайна. Но вскоре несогласованные действия могольских военачальников заставили Туглук-Тимура вернуться в Моголистан.

Весной 1361 г. Туглук-Тимур второй раз выступил в поход на Мавераннахр. Эмир Тимур, владетель Кеша (с сер. XIV в. называется Шахрисябз – Зеленый город), вновь заявил о своей покорности хану моголов, многие другие эмиры, в том числе эмир Хусайн, бежали за Амударью. В погоне за бежавшими противниками в начале зимы Туглук-Тимур дошел до Гиндукуша, провел в тех пределах весну и лето 1362 г., а осенью возвратился в Мого-

листан, оставив своим наместником в Мавераннахре своего сына Илйас-ходжу. Однако часть военачальников во главе с эмиром Бекчиком, оставленных Туглук-Тимур-ханом в Мавераннахре с сыном, подняла против него мятеж. К ним примкнули местные эмиры со своими отрядами. Объединенные силы мятежников нанесли поражение войску Илйас-ходжа-оглана в сражении около *Пул-и сангин* (Каменный мост). В это время Илйас-ходжа получил известие о кончине своего отца.

По "Зафар-наме" Йазди, Туглук-Тимур-хан умер в 764/1362–1363 г. Согласно монгольским преданиям, ему было 34 года. Туглук-Тимур был похоронен в Илийской долине, около г. Алмалыка, столицы бывшей Чагатайской державы. Тогда же, в XIV в., над могилой хана была возведена великолепная гробница с высоким (более 16 м) куполом в стиле самаркандских мечетей. По словам В. В. Бартольда, лично осмотревшего гробницу Туглук-Тимур-хана в 1894 г., мазар первого хана Моголистана далеко оставлял "за собой все виденные нами архитектурные памятники Средней Азии, за исключением самаркандских".

Получив весть о смерти отца, Илйас-ходжа спешно покинул Мавераннахр и прибыл в Моголистан. В том же 764/1362–1363 г., по словам Муин ад-дина Натанзи, "эмир Ширамун, эмир Хаджи, эмир Тунам, эмир Камар ад-дин, эмир Шамс ад-дин и прочие могольские эмиры, собравшись и вынеся общее решение, посадили Илйас-ходжа-оглана на ханский престол". Царствование Илйас-ходжа-хана было кратковременным, так как он вследствие малолетства и небольшого жизненного опыта беспечно относился к делам. Спустя год власть в стране оказалась в руках эмиров-узурпаторов во главе с эмиром Камар ад-дином. Однако при жизни Илйас-ходжи, потомка Чингиз-хана, ни у кого не возникало желания изъявить покорность *карачу* (чернь). Тогда Камар ад-дин напал на орду, захватил Илйас-ходжа-хана в опочивальне во время послеполуденного сна и убил его. Согласно известиям автора "Шаджарат ал-атрак", Илйас-ходжа был похоронен в Алмалыке, рядом со отцом Туглук-Тимур-ханом.

По "Мунтахаб ат-таварих-и Муини" и некоторым другим источникам, смерть Илйас-ходжа-хана имела место в 765/1363–1364 г. Однако это утверждение не соответствует действительности. Илйас-ходжа погиб не раньше лета 1365 г. Известно, что он лично возглавлял могольское войско во время "грязевой битвы" (Джанг-и лай), когда объединенные силы эмиров Хусайна и Тимура потерпели поражение у Сырдарьи, между Чинасом и Таш-

кентом. Согласно Шараф ад-дину Али Иазди, автору официальной истории Тимура, "грязевая битва" произошла в начале месяца рамазан 766 г. хиджры, сответствующего году Змеи по циклическому календарю двенадцати животных, т. е. в конце мая 1365 г. У другого тимуридского историка – Фасиха Ахмада – датой сражения джанг-и лай называется даже 767/1365–1366 г.

Как гласят предания моголов в передаче Мирзы Хайдара Дуглата и Абулгази, эмир Камар ад-дин убил Илйас-ходжу из-за давней вражды к его отцу Туглук-Тимур-хану. Камар ад-дин был младшим братом эмира Пуладжи из племени дуглат, который привез из Илийской долины царевича Туглук-Тимура и в 748/1347–1348 г. провозгласил его ханом в Аксу. А всего их было пять братьев: эмир Тулик, эмир Пуладжи, эмир Шамс ад-Дин, эмир Камар ад-Дин, эмир Шайх-Даулат. В царствование Туглук-Тимура эмир Пуладчи занимал высшую должность в администрации государства Моголистан – должность *улусбеги*. По Абулгази, эмир Пуладчи умер вскоре после принятия Туглук-Тимур-ханом ислама, т. е. около 1353–1354 гг.; по Мирза Хайдару Дуглату, Пуладжи умер незадолго до Туглук-Тимура, т. е. около 1360–1363 гг. Хан передал должность улусбеги сыну Пуладжи эмиру Худайдаду, которому было семь лет. Брат Пуладжи эмир Камар ад-дин, человек по природе своей тщеславный, но смелый и храбрый, возмутился таким решением и обратился к хану с предложением передать ему власть, так как "эмир Худайдад вследствие своего малолетства не может надлежащим образом управлять столь великим государством". Туглук-Тимур не принял его предложения, и Камар ад-дин затаил обиду на хана. Когда Туглук-Тимур умер, эмир Камар ад-дин возмутился против его преемника Илйас-ходжи и, улучив момент, убил его. Захватив власть, эмир Камар ад-дин старался истребить всех детей и родственников Туглук-Тимур-хана. Однажды люди Камар ад-дина, которым эмир-узурпатор поручил разыскивать и убивать всех из рода Туглук-Тимура-хана, за один день умертвили 18 ханских сыновей и родичей. Однако эмиру Худайдаду удалось спасти и надежно спрятать в горах Бадахшана сына Туглук-Тимур-хана Хизр-ходжа-оглана, который был грудным ребенком. Впоследствии эмир Худайдад посадил Хизр-ходжа-оглана на ханский престол.

Год начала правления Хизр-ходжа-хана точно неизвестен. По "Тарих-и Рашиди" и "Шаджара-йи тюрк", Хизр-ходжа был возведен на ханский престол после того, как эмир Камар ад-дин пропал без вести в диких лесах страны Тюлес во время одного из нашествий Тимура на Моголистан, т. е. после 1390 г. Однако это не

соответствует датам, которые приводятся в более ранних источниках. В "Зафар-наме" Шами и в "Зафар-наме" Йазди Хизр-ходжа именуется "ханом Джете" в описании событий 791/1388–1389 г. Согласно Муин ад-дину Натанзи, Хизр-ходжа-оглан был провозглашен ханом в 769/1367–1368 г., но вследствие малолетства в начальные годы его царствования все дела при нем вела Мирак-ага, жена эмира Пуладжи, мать Худайдада, женщина властная и чрезвычайно строгая. Власть Хизр-ходжа-хана и его *атабека* распространялась лишь на часть территории Моголистана. Какую-то часть территории Семиречья контролировал эмир – узурпатор Камар ад-дин. Но вскоре все разрешилось в пользу Хизр-ходжи: сначала он избавился от Мирак-аги, опекунши, а потом – от Камар ад-дина, своего главного противника внутри страны. Осуществил он это с помощью эмира Тимура, который к началу 70-х гг. XIV в. подчинил себе все западные владения Чагатаидов и создал там сильное государство с центром в Самарканде.

Тимур, пользуясь смутным временем, предпринял несколько походов на Моголистан. Во время одного из них, имевшего место, согласно "Матла ас-садайн", в 779/ 1377–1378 г., войско Тимура во главе с Омар-Шейхом и Хитай-бахадуром вошло в Кашгар. Хизр-ходжа-оглан и эмир Худайдад, оставив город, ушли. "Эмирзаде Омар-Шейх, – пишет далее Абд ар-Раззак Самарканди, – захватив мать Худайдад могола, Амире-ака, и гаремы эмиров, отправили их в Самарканд, а жителей Кашгара переселили в Андуган". По Муин ад-дину Натанзи, Мирак-ага скончалась при дворе Тимура спустя три года после пленения. В 1390 г. Тимур снова отправил войско против Джете, на войну с Камар ад-дином. Последний бежал на Иртыш, оттуда – на север, в страну Тюлес. Как полагает В. В. Бартольд, Камар ад-дин после этого, вероятно, уже не возвращался в Моголистан. Хизр-ходжа воспользовался этим благоприятным моментом. По словам Натанзи, он тут же "распростер руку захвата на весь улус, приведя к повиновению непокорных". Занятый войнами на западе, Тимур не мешал Хизр-ходжа-хану утвердить свою власть в Моголистане. "Укрепив основы ханства, разрушенные господством эмира Камар ад-дина и засилием эмира Тимура", Хизр-ходжа, согласно "Тарих-и Рашиди", предпринял поход против "Кара-Ходжи и Турфана, двух очень важных городов на границе Китая, и принудил их жителей принять ислам, и оба города с тех пор рассматриваются как *дар ал-ислам* (т. е. как часть мусульманского мира)".

По словам Мирзы Хайдара Дуглата, Хизр-ходжа-хан пережил эмира Тимура (ум. в феврале 1405 г.). Однако это утверждение

автора "Тарих-и Рашиди" никак не согласуется с известиями более ранних тимуридских источников.

В дальнейшем история сложилась таким образом, что все последующие ханы Моголистана и Моголийе были из потомков Хизрходжи, действительного или мнимого сына Туглук-Тимур-хана.

Тимур предпринял более десяти грабительских походов на Моголистан, но так и не подчинил моголов своей власти. В год его смерти, как и в год начала его правления, крайним пунктом владений чагатаев на северо-востоке оставалась р. Ашпара, а на юго-востоке – Фергана. Правда, в 818/1415–1416 г. Тимуриды захватили Кашгар и утвердились там, но около 838/1434–1435 г. внук эмира Худайдада эмир Саййид-Али отвоевал город у Тимуридов, и Кашгар оставался под властью дуглатских эмиров до 920/1514 г. Более того, к концу правления внука Тимура Улугбека моголы отняли у Тимуридов все области к востоку от Сайрама. Экспансия моголов в пределы государства Тимуридов была особенно успешной во второй половине XV в. В годы правления Юнус-хана (1462–1487 гг.) и его сына Махмуд-хана (1487–1508 гг.) к моголам перешли Ташкент, Сайрам, Ахси, Шахрухийе, Ура-Тепе, Дизак, Ош и ряд других западнотуркестанских городов и населенных пунктов.

В начале XVI в. государство Тимуридов пало, но не под натиском моголов, а в борьбе с вышедшими из северных степей, из Дешт-и Кыпчака, тюркскими кочевниками узбеками. Под власть новой династии, династии Шейбанидов, во главе с Мухаммадом Шейбани, потомком Шейбана (Шибана), сына Джучи, сына Чингиз-хана, первоначально находились лишь Бухара и Самарканд с округами; но уже при жизни Мухаммада Шейбани в состав государства Шейбанидов вошли Хорезм и западнотуркестанские владения моголов.

Верховный предводитель моголов Махмуд-хан отправился в Кашгар осенью 1503 г. и с весны 1504 г. поселился в Джетикенте, у восточной границы Ферганы, по дороге к перевалу Ясы. В течение четырех последующих лет он не предпринимал никаких военных действий. Между тем в стране царила междоусобная вражда. Дуглатский эмир Аба Бакр-мирза еще при жизни Юнус-хана, отца Махмуд-хана, основал в западной части Кашгарии фактически независимое княжество с центром в Яркенде. В 1504 г. Махмуд-хан передал Аксу и восточную часть Моголистана (Карашар, Турфан и т. д.) племяннику Мансур-хану, старшему сыну Ахмад-хана. Другой сын Ахмад-хана – Халил-султан – действовал в юго-западных районах Семиречья и стоял во главе тянь-

шаньских кыргызов. Халил-султан и находившийся вместе с ним его младший брат Саид-султан в то время открыто враждовали со своим дядей Махмуд-ханом. Отряды эмира Аба Бакра дуглата совершали набеги и в район Джетикента, и во владения Мансур-хана Халил-султана.

Махмуд-хан был сугубо мирным человеком со склонностью к литературным занятиям и влечением к тихим радостям жизни. Лишенный военных способностей и отличавшийся нерешительным характером, он не смог справиться с натиском внутренних врагов, и в 914/1508 г. вместе сыновьями подался в Мавераннахр, рассчитывая на милость и помощь узбекского хана Шейбани. Встреча двух ханов состоялась на берегу Сырдарьи, у Ходжента. На обращение Махмуд-хана Шейбани сказал: "Однажды я проявил благородство по отношению к вам, повторное милосердие может статься причиной гибели моего царства!" Сказав так, Шейбани-хан приказал своим нукерам предать смерти Махмуд-хана вместе с пятью малолетними сыновьями, старший сын Махмуд-хана, по имени Султан-Мухаммад, чудом спасся от гибели. Он находился в это время в Дешт-и Кыпчаке, у политических и династийных противников Шейбанидов – казахского хана Бурундука и могущественного казахского султана Касима.

Спустя месяц после гибели Махмуд-хана Мансур-хан сразился со своими младшими братьями Халил-султаном и Саид-султаном при Алматы и разбил их. Халил бежал в Фергану, где был убит по приказанию Шейбанида Джанибека, узбекского правителя области. Саид-султан провел в казачестве несколько месяцев в лесах около Нарына, а затем добрался до Кабула и поступил на службу к Бабуру. В 1511 г. вместе с Бабуром вернулся в Мавераннахр, а в 1514 г. решил попытать счастья на поприще войны с давним врагом Чагатаидов – дуглатским эмиром Аба Бакром. Собрав под своим знаменем около 5 тыс. воинов, Саид-султан вторгся в Кашгарию из юго-западного Семиречья, через перевал Торугарт, у о. Чатыр-Куль. Предприятие молодого Саида оказалось успешным. Завоевав Кашгар и Яркенд, он заложил основу нового могольского государства, которое получило у местных историографов Кашгарии XVII–XVIII вв. название Мамлакат-и Моголийе. Иногда его называют Кашгарским государством, Кашгаром – по имени крупного города Восточного Туркестана Кашгара, Яркендским ханством – по имени столицы ханства г. Яркенда.

Государство Тимура и Тимуридов. В середине 40-х гг. XIV в. Чагатайская держава разделилась на два государства: западное и восточное. В западном Мавераннахре род Чагатая потерял свое

господство, и фактическая власть находилась в руках тюрко-монгольских эмиров (беков), которые поделили между собой области Западного Туркестана.

После гибели Казан-хана первым улусным правителем Мавераннахра из тюрко-монгольских эмиров стал Казаган (правил в 1346/47–1356 гг.) из *каучинов*. Так первоначально назывались привилегированные части войска в Улусе Джучи и в Чагатайском улусе. Точнее – собственная тысяча правителя. Затем это слово, видимо, стало названием рода или племени. Эмир Казаган много сражался, часто одерживал победы, но терпел и поражения. Один глаз у него был выбит стрелой в стычке с Газан-султаном в окрестностях Герата в 1346 г. Казаган оставался верен кочевой жизни: зимовал на берегах Амударьи, где, судя по всему, был дворец, а летом переходил в горную местность около города Мунка (ныне Бальджуан). Не трогал земель оседлого населения, старался не допускать насилия над горожанами и селянам. При его правлении и кочевое, и оседлое население страны пользовалось полным благоденствием. В 1358 г. по наущению противников Казаган был убит на охоте своим зятем.

После смерти Казагана власть в Мавераннахре перешла к его сыну Абдулле. Он правил хорошо, отмечают источники, но своим желанием перейти к оседлому образу жизни (постоянно жить в Самарканде) вызвал недовольство кочевой части населения и был низложен эмирами главных племен Мавераннахра меньше чем через год после начала правления. Преследуемый отрядами эмиров Байан сулдуза и Хаджи барласа Абдулла бежал в Андараб (около Мерва), где был убит. Спустя некоторое время, в течение которого у власти побывало несколько верховных эмиров, правление в Мавераннахре перешло к внуку Казагана эмиру Хусайну, сыну Мусаллаба. Показательно, что верховный эмир Казаган и все его преемники возводили на престол подставных ханов из числа Чингизидов, а сами не принимали титул хана.

Эмир Хусайн (с нач. 60-х гг., погиб в 1370 г.) был самым могущественным из правивших до него верховных эмиров Мавераннахра. Он слыл человеком деятельным и храбрым, но в то же время имел ряд недостатков, порочащих его как правителя. Историк XV в. Фазлаллах ал-Мусави, сочинитель "Тарих-и хайрат", пишет: "Он был очень упрямым и храбрым эмиром; его строгость доходила до такой степени, что он садился в "диван принесения жалоб" с железной палицей в руках; если истец с ответчиком путались в своих речах или не понимали глубины его решения, он собственноручно бил их этой палицей. Скуп он

был до такой степени, что носил одежду из хлопчатобумажной ткани; если его одежда разрывалась вследствие трения об луку седла, то он клал заплату. Один этот порок затмевал все его похвальные качества".

На войне он был неудачлив. Вдобавок ко всему эмир Хусайн задумал перейти к оседлому образу жизни – сделать столицей Балх, укрепить его цитадель, перестроить стены и переселиться в город. Эта инициатива вызвала восстание эмиров главных племен Мавераннахра, в котором самое деятельное участие принял эмир Тимур.

Эмир Тимур происходил из отюреченного монгольского племени барлас, которые, как полагают, переселились из Семиречья в Мавераннахр еще во второй половине XIII в. вместе с ханом Мубарак-шахом и избрали местом своих кочевий долину Кашкадарьи с главным городом Шахрисябзом. Тимур родился 9 апреля 1336 г. в окрестностях Кеша (Шахрисябза). Его отец Тарагай был благочестивым мусульманином, другом ученых и дервишей (мусульманский мистик), а также поддерживал дружеские отношений с рядом чагатайских и могольских вельмож.

Тимур рано проявил качества вожака. По словам Ибн Арабшаха, он рос юношей настойчивым, отчаянным, решительным и хитрым, водил дружбу с детьми везирей и проводил время с сыновьями эмиров. Он с малых лет любил лошадей, был хорошим наездником, много занимался военными тренировками и в результате прекрасно стрелял из лука, как никто другой из своих сверстников владел саблей – самым почитаемым тогда оружием воина.

Тимур начал свою политическую карьеру в конце 50 – начале 60-х гг. XIV в. с установления власти над племенем барлас, владевшим долиной Кашкадарьи, для чего ему пришлось даже прибегнуть к помощи владетелей из восточной части Чагатайского улуса. Когда в начале 60-х гг. XIV в. Хусайн был провозглашен верховным эмиром Мавераннахра, Тимур стал его главным помощником, правой рукой.

Высокий ростом, атлетически сложенный, обаятельный Тимур, по словам лично знавшего его Ибн Арабшаха, отличался мощной физической силой и отчаянной смелостью, смерти не боялся и шел в бой напролом. В 764/1362–1362 г. он, кинувшись в рискованную авантюру, стал калекой в 26 лет. В результате полученных в Сеистане ранений его правая рука с изуродованными двумя пальцами утратила способность сгибаться в локте, но не утратила подвижности в плечевом суставе и в целом функциони-

ровала, правая нога была заметно короче левой. Со времени ранения Тимур получил прозвище Тимурленг, т. е. Тимур-"Хромец" ("хромец" по-персидски – *ленг*, а по-тюркски – *аксак*), в европейском произношении – Тамерлан.

Другая важная веха в биографии Тимура – 1370 г. Весной 1370 г. произошло восстание против верховного эмира Мавераннахра Хусайна, причем во главе недовольных эмиром Хусайном стал сам Тимур. Восставшие осадили Балх, где укрепился эмир, и овладели городом, который служил резиденцией Хусайна. Верховный эмир Мавераннахра был схвачен и казнен. Там же, в Балхе, 9 апреля 1370 г. группой начальников войск Тимур был провозглашен верховным правителем государства Мавераннахр. Спустя некоторое время был на курултае в Мавераннахре, все эмиры, вельможи и должностные лица страны принесли присягу новому правителю. Дальнейшая история западной части Чагатайского государства сложилась так, что в Мавераннахре возникла династия Тимуридов, правившая страной до начале XVI в.

В Туркестане и Дешт-и Кыпчаке право Чингизидов на власть оставалось непререкаемым долгое время, оказывая огромное влияние на идею суверенности политических образований. Тимур был рьяным представителем монгольских традиций и ревнителем прав монгольских ханов-Чингизидов. Став полновластным правителем государства, он тем не менее принял только титул эмира, ханского титула никогда не носил, как и его предшественники, возводил на престол подставных ханов из Чингизидов и называл себя представителем "обладателя престола" (*сахиб ат-тахт*). На своих монетах и в письмах к иностранным монархам он называл себя "эмир Тимур Гурган". *Гурган* – монгольское слово, означает "зять". Со времени Чингиз-хана это нарицательное имя превратилось в почетное прозвание, титул лиц, женатых на царевнах из дома Чингиз-хана. Царевичи дома Тимура носили титул *мирза* (сокр. от амирзаде – сын эмира). В качестве руководящей идеи своего правления Тимур придумал персидский девиз: *расти ва русти* (справедливость и сила). Девиз помещался на печати и на перстне Тимура. Одержав победу над верховным эмиром Хусайном, Тимур создал для себя укрепленную столицу в Самарканде с крепостными стенами и цитаделью, где построил дворец-замок Кок-Сарай, который как при самом Тимуре, так и при его преемниках служил преимущественно казнохранилищем и государственной тюрьмой.

Создание укрепленной столицы в нарушение Ясы Чингиз-хана вызвало заговор эмиров кочевых племен против Тимура и

смуту в стране, которая была подавлена, а виновники наказаны. Еще некоторое время Тимуру пришлось вести борьбу за власть с эмирами арлатов, джалаиров и каучинов, пользовавшимися особым влиянием среди чагатаев. Самыми упорными врагами Тимура были джалаиры. Опираясь главным образом на барласов, а также на эмиров племен найман и дуглат,Тимур в конце концов одержал верх и окончательно укрепил свою власть в западных частях Чагатайского улуса. Хотя теперь Тимур располагал достаточной силой, чтобы подавить племенной мятеж, но реальная угроза исходила не от отдельных личностей, а от политической системы как таковой. Тимур был просто вынужден разрушить прежнюю политическую систему – вытеснить местную автономию государственной централизацией, превратив активную племенную конфедерацию в слепо преданную ему армию.

Первым шагом в этом нелегком деле было создание надежного корпуса военачальников, подчиненных лично Тимуру. Новую элиту (общей численностью до нескольких сот человек) составили ближайшие сподвижники Тимура и члены его семьи. Постепенно Тимур заменил этими людьми прежнюю племенную аристократию, отстранив таким образом последнюю от реальной власти. В годы правления Тимура (1370–1405 гг.) система распределения областей между главами сильных родов была упразднена, и в западной части Чагатайского улуса восстановлено прежнее, действовавшее еще до Кебек-хана деление государства на уделы между представителями одного правящего рода. Одновременно создавались отряды войск специального назначения под командованием ближайших сподвижников и родичей Тимура. Состав воинского контингента Тимура был различен, но главной его опорой были все те же тюркские кочевые племена Чагатайского улуса – *чагатаи*, по своему внешнему виду похожие более на монголов, чем на мусульман.

Тимур, однако, не чувствовал себя в безопасности. Прежде всего, ему необходима была уверенность, что против него не выступит новая элита. Чтобы обезопасить себя, он применил тот же способ, что и для создания государства. Объединив под своим началом население западной части Чагатайского улуса, Тимур задумал объединить и соседние области. С этой целью в начале 70-х гг. XIV в. он начал серию военных походов, сначала против ближайших соседей, а затем предпринял ряд грандиозных дальних походов, лишь изредка возвращаясь в Мавераннахр. Начался второй этап правления Тимура. Для политической деятельности он использовал теперь завоевания.

Тимур был государем от бога и обладал многими выдающимися достоинствами, такими, как честь, благородство, познания в науке, талант и т. п. По свидетельству Ибн Арабшаха, Тимур не получил образования, не знал даже грамоты, тем не менее кроме тюркского языка он знал персидский и понимал по-монгольски. Посредством бесед с учеными Тимур приобрел основательные познания в нескольких науках, которыми удивил одного из выдающихся арабских историков того времени Ибн Халдуна. Подробности мусульманского вероучения были усвоены им настолько, что он мог следить за религиозными прениями и даже принимать в них участие. Архитекторы при возведении построек должны были руководствоваться художественными замыслами Тимура. По словам историка Хафиз-и Абру, современника и служителя его двора, Тимур не пил крепких напитков. Из всех удовольствий, которым предавались властители, Тимур занимался охотой, игрой в нарды (кости), шахматы, причем достиг в ней редкого искусства. В военном деле Тимур был знатоком и новатором, отличался также большим организаторским талантом. Царственный облик Тимура был прекрасен. Даже калекой он был велик и внушал покорность. Обладал громким голосом и говорил с твердой решительностью, не терпел фальши, предпочитал правду, какой бы горькой она ни была. У него были стальная выдержка и самообладание, он не терял бодрости духа при неудачах и не радовался при успехах. Тимур любил смелых и храбрых воинов, благодаря которым "переворачивал вершины гор", и был удачлив в высшей степени. Так пишет о Тимуре его заклятый враг Ибн Арабшах, который двенадцатилетним мальчиком был взят в Дамаске в плен Тимуром и увезен в Самарканд. Впоследствии Ибн Арабшах вернулся на родину, затем перебрался в Египет и написал там в 1436–1437 гг. книгу, посвященную жизни и деяниям Тимура. В. В. Бартольд действия Тимура-правителя объясняет тремя принципами: династическим, религиозным, военным.

Династический принцип заключался в том, что жизнь потомков и ближайших родичей Тимура не подвергалась опасности и была неприкосновенной, даже если они с оружием в руках выступали против Тимура. Краеугольным камнем *религиозного принципа* Тимура было уважение к религии и ее представителям, особенно к *саййидам* (потомкам дома пророка Мухаммада), считавшимся главными представителями религиозных идей мусульманства. Саййиды, как и потомки самого Тимура, пользовались неприкосновенностью жизни, где бы они ни жили. Войскам было

запрещено грабить и захватывать в плен потомков дома пророка Мухаммада и ученых-теологов. Если саййиды совершали враждебные действия по отношению к Тимуру, то обычно подвергались только переселению в другие области или изгнанию из страны. *Военный* принцип заключался в том, что Тимур примыкал к традициям Монгольской империи и очень высоко ставил традиции государственного управления Чингиз-хана. В его войске господствовали монгольские порядки. Тимур оправдывал свои завоевания тем, что считал себя восстановителем порядка Монгольской империи, нарушенного ее распадом.

Тимур совершил великое множество походов. Область походов Тимура охватывает огромный регион с северо-востока от Иртыша на юго-восток до Дели, на северо-западе до Ельца в Рязанской земле, на западе до Средиземного моря. Но Тимур присоединил к Мавераннахру только Прикаспийские области, Персию, Афганистан и Месопотамию. Его походы в страну Джете (Моголистан), Дешт-и Кыпчак (Золотая Орда), Сирию, Индию и другие регионы имели только характер опустошительных набегов. Свои войны Тимур вел с исключительной жестокостью.

Тимур провел почти всю свою жизнь в походах на спине лошади. Он унаследовал две хорошо известные системы государственного управления – тюрко-монгольскую и арабо-персидскую – и приспособил их для своих целей. Возводя на престол подставных ханов из потомков Чингиз-хана, управляя формально от их имени, фактически он был единовластным правителем. Как замечал В. В. Бартольд, нет никаких известий о том, чтобы эмир Тимур когда-нибудь в присутствии войска, в торжественной обстановке воздавал почести подставным ханам. Почести, воздаваемые по монгольским обычаям государю, всегда принимал сам Тимур. На пирах и праздниках хан, предоставляя первенство эмиру Тимуру, сам скромно сидел, поджав под себя ноги; то же происходило и при посещении послов иностранных держав, смотр войск также прозводил Тимур, он же принимал все воинские почести.

Кочевые и оседлые подданные управлялись отдельно. Соответственно центральная администрация в государстве Тимура включала два дивана: *диван-и а"ла* и *диван-и бузург*. Эти два дивана не были аналогичными институтами. Диван-и а'ла представлял собой административное учреждение с широкими полномочиями, в то время как диван-и бузург функционировал главным образом как трибунал для чагатайских эмиров.

Тимур умер в феврале 1405 г. в Отраре, во время похода на Китай, оставив в наследство огромную империю. Сыновья и внуки усопшего владыки начали междоусобную войну из-за верховной власти, и в конце концов царство досталось Халил-султану.

При Халиле, внуке Тимура, была совершена первая попытка переноса ханства из рода Чингиз-хана в род Тимура. Заняв в 1405 г. столицу государства Самарканд, Халил провозгласил ханом Мухаммад-Джахангира, сына умершего в 1403 г. внука Тимура Мухаммад-Султана. Однако в 1409 г. Халил был низложен, и вместе с владычеством Халила закончилось ханство Мухаммад-Джахангира, представителя Тимуридов. Верховной главой Тимуридов был провозглашен четвертый сын Тимура Шахрух (правил в 1409—1447 гг.).

За годы смуты часть завоеванных Тимуром стран и областей отошла от владений его потомков. Шахрух, сделавшись главой тимуровой державы, сделал своей столицей г. Герат в Хорасане, который в годы правления Тимуридов стал одним из наиболее населенных и крупных городов Ближнего и Среднего Востока. В 1409 г. Шахрух назначил сына Улугбека наместником Самарканда, однако тот вскоре сделался фактически независимым правителем и оставался им до смерти в 1449 г.

При правлении Шахруха в государстве Тимуридов мусульманская государственная идея получила перевес над степной. При дворе Шахруха, в Герате, подставных ханов из Чингизидов не было. В официальных документах объявлялось, что постановления и законы Чингиз-хана отменены и действует только шариат. Зато сын Шахруха Улугбек, который правил в Самарканде, подобно Тимуру по родству с Чингизидами называл себя *гурганом* (зятем ханского "золотого рода"), старался соблюдать, по крайней мере в военных делах, все законы, связанные с именем Чингиз-хана, назначая по примеру Тимура подставных ханов из числа Чингизидов в Самарканде, и вообще правил в Мавераннахре в духе своего деда, который признавал, даже дорожил законами Чингиз-хана.

После смерти Шахруха (в начале 1447 г.) и Улугбека (осенью 1449 г.) начался более чем двадцатилетний период почти непрерывных войн между Тимуридами. Весной 1469 г. захватил гератский престол, а вскоре и весь Харасан Тимурид Султан Хусайн Байкара, который до самой смерти (в 1506 г.) оставался правителем этой области. Султан Хусайн (1469—1506 гг.) считался номинальным главой государства Тимуридов, фактически же оно со-

стояло из двух самостоятельных владений: Хорасана с центром в Герате и Мавераннахра с центром в Самарканде, в котором самостоятельными правителями оставались сыновья Тимурида Абу Саида – сначала султан Ахмад (1469–1494 гг.) затем султан Махмуд и, наконец, сын последнего – султан Али.

В конце XV в. внутреннее положение государства Тимуридов еще более осложнилось. Власть султана Хусайна в Хорасане ослабла в результате борьбы сыновьями и непокорными вассалами. В крупных городах Мавераннахра появились самостоятельные, враждующие между собой правители, каждый из которых обращался за военной поддержкой то к ханам Моголистана, то к предводителям кочевых узбеков Восточного Дешт-и Кыпчака. В результате этих распрей Тимуриды потеряли все районы на северо-востоке владений. Раздробленность государства Тимуридов на ряд владений при соперничестве и внутренней слабости удельных правителей привела к падению династии Тимуридов и переходу власти в Мавераннахре и Хорасане в руки кочевых узбеков Дешт-и Кыпчака, возглавляемых представителями династии Шейбанидов.

Династия Шейбанидов. *Шейбаниды* – потомки монгольского царевича Шейбана (Шибана), пятого сына Джучи, старшего сына Чингиз-хана.

Дата рождения Шейбана неизвестна. В 1229 г. вместе с братьями Бату, Берке, Беркечар, Тука-Тимур и Ураде он присутствовал на курултае в Монголии, на котором Угедэй был провозглашен великим ханом. В 1236–1242 гг. вместе с другими Чингизидами Шейбан участвовал в семилетнем походе монголов в западные страны. Его десятитысячный отряд находился в авангарде войска монголов во время похода осенью 1236 г. против булгар и башгирдов. По Джувайни и Рашид ад-дину, Шейбан лично вступал в сражение и в короткое время монголы захватили Булгар и Башгирд. В 635/1237–1238 г. Шейбан, Бучек и Бури выступили в поход в страну Крым и захватили ее.

В 1246 г. вместе с братьями Ордой, Берке, Беркечаром, Тангутом и Тука-Тимуром Шейбан присутствовал по заданию Бату на курултае в Монголии, на котором Гуюк был провозглашен великим ханом. Последний раз имя Шейбана упоминается в источниках в 1248 г. Дата смерти Шейбана неизвестна.

Согласно Абулгази (XVII в.), Бату после возвращения из похода в Восточную Европу пожаловал своим братьям и другим родичам уделы, в частности Шейбану в качестве летовки была на-

значена область между восточным берегом Яика, Иргизом и Уральскими горами, а в качестве зимовки – области на берегах Сырдарьи, при устьях Чу и Сары-Су. Под власть Шейбана Бату отдал 15 тыс. семейств. Согласно автору "Зубдат ал-асар" (XVI в.), иль Шейбана составляли четыре племени: кушчи, найман, буйрак, карлук. У Шейбана было много жен и наложниц, двенадцать сыновей и их первых потомков. Власть в роде Шейбанидов в течение нескольких поколений передавалась от отца к сыну, т. е. по прямой линии.

Их потомки постепенно обособились, образуя особые ветви рода Шейбана, в результате в начале XVI в. в Мавераннахре и Хорезме возникло два самостоятельных ханства под главенством Шейбанидов.

Другим последствием раскола в улусе Шейбана явилось то, что уже в 20-х гг. XV в. на коренной территории Шейбанидов одновременно правили несколько независимых правителей. Одним из них был Джумадук-хан (правил в 1425–1428 гг.). Владения Джумадука находились к северу от Аральского моря, между реками Эмбой и Сары-Су. На левом берегу Атбасара правого притока Ишима самостоятельно правил Шейбанид Мустафа-хан. Другого правителя улуса Шейбана звали Махмуд-Ходжа. Около 1427–1428 гг. часть населения соседнего с владениями Джумадука Мангытского улуса восстала. Джумадук-хан выступил против повстанцев, но потерпел поражение, попал в плен и был казнен. В плен попал и юный Абулхайр-оглан. Но ему не только была сохранена жизнь, но и оказана поддержка при переходе власти во владениях Джумадука.

Так, при поддержке некоторых предводителей мангытов (ногаев) и большинства предводителей кочевых племен и родов улуса Шейбана 17-летний Абулхайр был провозглашен ханом в начале весны 1429 г. После победы над другими Джучидами тех краев ему подчинилась большая часть Восточного Дешт-и Кыпчака (Узбекского улуса).

Население Восточного Дешт-и Кыпчака, которым управлял Абулхайр (правил 1429–1468 гг.), называлось *узбеками,* по-видимому, по имени известного государя Золотой Орды Узбек-хана, хотя ханы этой области не происходили от хана Узбека. Узбек-хан был потомком Бату, старшего брата Шейбана (Шибана), сына Джучи.

Историческое значение ханствования Шейбанида Абулхайра определяется тем, что при нем усилилось могущество кочевых узбеков Восточного Дешт-и Кыпчака и именно при его царство-

вании среди населения Восточного Дешт-и Кыпчака, носившего тогда название Узбекский улус, или Узбекистан, около 1459 г. произошел раскол, в результате которого часть обитателей степи откочевала в соседний Моголистан и получила название *узбек-казаки*, или просто казаки. Во главе отделившейся части населения Узбекского улуса стояли Гирей-султан и Джанибек-султан, потомки Орда-Эджена, старшего сына Джучи, сына Чингиз-хана.

После смерти (1468–1469 гг.) предводителя кочевых узбеков в Узбекском улусе началась борьба за верховную власть. В этой обстановке султаны Гирей и Джанибек и их казачья вольница вернулись из Моголистана в Узбекский улус и в 875/1470–1471 гг. захватили верховную власть в стране и основали династию собственно казахских султанов. Имя *казак* сначала передалось ханству, а затем стало и названием народности.

Сын Абулхайра Шайх-Хайдар-хан и люди его окружения были убиты, большая часть Шейбанидов со своими приближенными ушла во владения астраханского хана Касима. После осады Астрахани Шейбаниды бежали из города в степи, рассеявшись по краям и углам обширного улуса. Так в 1470–1471 гг. Шейбаниды потеряли верховную власть в Узбекском улусе (Восточном Дешт-и Кыпчаке), но не отказались от политической борьбы. Во главе такой группы Шейбанидов стали молодой, энергичный и воинственный царевич Мухаммад Шейбани (род. в 1451 г.) и его младший брат Махмуд (род. в 1454 г.). Юные султаны, которые после гибели Шайх-Хайдара (ок. 1470 г.), сына и преемника Абулхайр-хана, были увезены в Астрахань, вернулись в Присырдарьинские степи и, образовав там небольшой отряд, начали борьбу за восстановление власти семьи Абулхайра в Восточном Дешт-и Кыпчаке. Во время этой борьбы Шейбаниды не раз пользовались покровительством и прямой поддержкой мангытских мурз и Тимуридов. Однако Мухаммаду Шейбани не удалось повторить опыт деда – сделаться главой Узбекского улуса, слишком сильны были казахские владетели (они водили 30–50-тысячное войско), а около Мухаммада Шейбани была лишь небольшая кучка людей (от нескольких десятков до 300–400 чел.).

Мухаммад Шейбани и Махмуд-султан обратились с воззванием ко всем своим приверженцам собраться вместе и выступить на войну с Тимуридами. На призыв откликнулись несколько близких родственников и ряд предводителей кочевых племен Восточного Дешт-и Кыпчака. В 1500 г. Мухаммад Шейбани во главе небольшого отряда двинулся на юг, захватил Самарканд, Бухару и еще несколько крепостей. Правда, Самарканд он скоро потерял,

но в следующем, 1501 г. вновь овладел городом и объявил его своей столицей, а в Бухаре посадил наместником младшего брата Махмуд-султана. Так начало нового, шестнадцатого, столетия совпало с началом воцарения в Мавераннахре новой династии, династии Шейбанидов – потомков Шейбана (Шибана), сына Джучи, внука Чингиз-хана. Мавераннахр оставался под властью потомков Абулхайр-хана до конца XVI в.

Столицей Сибирского ханства Шейбанидов был г. Искер, недалеко от места впадения Тобола в Иртыш. В 1581 г. Искер был завоеван русскими казаками во главе с атаманом Ермаком. Своей победой Ермак был обязан исключительно применению огнестрельного оружия, неизвестного тогда в Сибири. В 1003/1593–1594 г. Кучум-хан потерпел очередное поражение от русских казаков и бежал к мангытам (ногайцам). В августе 1598 г. Кучум-хан вновь сразился с русскими казаками, но вновь потерпел поражение и бежал к мангытам. Сообщается, что на этот раз мангыты убили его в отместку за набеги отца в их йурт.

Таким образом, в конце XVI в. почти одновременно закончили свою историю две ветви рода Шейбана (Шибана) – в Мавераннахре и Западной Сибири. Самой продолжительной оказалась история хорезмской ветви Шейбанидов – потомки Шейбанида Арабшаха правили в низовьях Амударьи с 1511 по 1695 г. включительно.

Монгольское нашествие явилось величайшим военно-политическим и моральным потрясением средневековья в целом. Среди кочевых империй государство, основанное Чингиз-ханом, представляет собой совершенно исключительно явление. Впервые в истории под властью одной династии были объединены разные племена и народы, страны и государства Дальнего Востока, Передней Азии и Восточной Европы. Естественно, такая империя не могла просуществовать долго, и во второй половине XIII в. она распалась на четыре улуса-государства. В результате распада Золотой Орды (Улуса Джучи) и Чагатайского улуса образовался ряд новых тюркских государств. Монгольские государственные традиции оказали заметное влияние на политическую жизнь этих тюркских государств Центральной Азии.

Институты власти и система социально-экономических отношений

Концепция верховной власти у древних монголов. Отец Чингиз-хана Есугей был только бахадуром ("витязь", "герой"; древний тюрко-монгольский титул) и никогда не имел при жизни ханского титула. Его сын Темучин дважды избирался ханом. С целью обоснования прав Темучина, человека, не принадлежащего к правящему дому, на ханский титул была придумана легенда, будто его отец Есугей-бахадур был племянником последнего из монгольских каганов Хутул-кагана, сына Хабул-кагана. Тогда Чингиз-хана, надо думать, вполне удовлетворяло такое прозаическое, чисто земное обоснование его власти над монголами: он знал, он видел собственными глазами, что людьми посажен на всемонгольский престол. Но вскоре произошли величайшие события, которые предопределили совсем другое толкование вопроса о праве Темучина на власть, а именно – создание Чингиз-ханом мировой державы.

Победы над многими государями и народами, быстрые завоевания Чингиз-хана уверили его в том, что сам он и его народ находятся под покровительством божественного Провидения.

Прежнее обоснование прав Чингиз-хана на власть – родословная связь по боковой линии его отца с прежними каганами – в новом положении уже было недостаточным. Надо было освободить фактическую самодержавную власть Чингиз-хана от всякого земного юридического источника и поставить ее на более возвышенную основу. Ею стала идея божественной предопределенности власти Чингиз-хана. Эта идея была мастерски воплощена в легенде об Алан-Гоа, матери Бодончара, отдаленного предка Чингиз-хана.

Согласно легенде, Алан-Гоа, женщина красивая и знатная, была женой Добун-Мергена и имела двух сыновей: Белгунотая и Бугунотая. Добун-Мерген умер молодым. После того как Алан-Гоа лишилась мужа, она забеременела от луча света, проникшего к ней с Небес через верхнее отверстие юрты, и произвела на свет трех сыновей: Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончара. Белгунотай и Бугунготай, старшие сыновья, родившиеся еще от Добун-Мергена, стали поговаривать про Алан Гоа: "Вот наша мать родила трех сыновей, а между тем при ней нет ведь ни отцовских братьев, родных или двоюродных, ни мужа. Единственный мужчина в доме – это Маалих, Баяудаец. От него-то, должно быть, и эти три сына".

Алан-Гоа, узнав об этих пересудах, посадила рядом всех своих сыновей и произнесла: "Вы двое сыновей моих, Белгунотай и Бугунотай, осуждали меня и говорили между собой: "Родила, мол, вот этих троих сыновей, а от кого эти дети?" Подозрения ваши основательны. Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри гасло, входит, бывало, ко мне светло-русый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево. А уходит он так: в час, когда солнце с луной сходится, процарапываясь, уходит, словно желтый пес". Что же болтаете всякий вздор? Ведь если уразуметь все это, то и выходит, что эти сыновья отмечены печатью небесного происхождения. Как же вы могли болтать о них, как о таких, которые под стать простым смертным? Когда станут они царями царей, ханами над всеми, вот тогда только и уразумеют все это простые люди".

По прошествии многих лет, когда в политической жизни монголов настал переломный период, "Небо с Землей сговорились" и определили его, Темучина, потомка "отмеченного печатью небесного происхождения" Бодончара, быть единственно законным правителем мира, "царем царей". Таким образом, Чингиз-хан – государь божьей милостью. Он угоден Небу, его власть от Неба и потому для утверждения в своих правах на верховное руководство народами и странами он не нуждается в человеческих санкциях, в согласии и одобрении людей, более того, Чингиз-хан, как государь по велению Вечного Неба, – сам источник права на власть.

Идея о небесном мандате Чингиз-хана на правление земной империей без границ стала официальной идеологией *Еке Монгол улуса* – Великого Монгольского государства, как стало называться основанное Чингиз-ханом государство с 1211 г. Деятельность всех четырех великих ханов Могольской империи – Угедэя, Гуюка, Мунке, Хубилая – осуществлялась согласно принципам именно этой официальной идеологической доктрины, отчетливо провозглашавшей незыблемость власти Чингиз-хана и Чингизидов над ойкуменой и руководящую роль монголов над всеми прочими народами. Это положение хорошо иллюстрирует следующая фраза из письма великого хана Гуюка Папе Римскому в 1246 г.: "Силою бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где заходит, пожалованы нам".

Согласно официальной идеологической доктрине древних монголов, легитимность власти Чингиз-хана жалована Небом. Источник же политической власти членов "золотого рода" – генеалогия, их принадлежность к прямым потомкам Чингиз-хана по

мужской линии. Понятие о наследственных правах потомков Чингиз-хана на верховную власть ярче всего выражено в рассказе Рашид ад-дина о вступлении Газан-хана в 1300 г. в Дамаск. Газан-хан будто бы обратился к жителям с вопросом: "Кто я ?" Они воскликнули: "Царь Газан, сын Агруна, сына Абага-хана, сына Хулагу-хана, сына Тулуй-хана, сына Чингиз-хана". Потом Газан-хан спросил: "Кто отец Насира?" Они ответили: "Альфи". Газан-хан спросил: "Кто был отцом Альфи?" Все промолчали. Всем стало ясно, что царствование этого рода случайно, а не по праву, и что все являются слугами знаменитого потомства предка государя ислама.

Согласно древнемонгольской концепции власти верховная власть в государстве сосредоточена в лице хана и является наследственной в роду Чингиз-хана. Исключительное право на царство признается только за первыми четырьмя сыновьями Чингиз-хана от его старшей жены Борте – Джучи, Чагатаем, Угедэем, Тулуем – и их прямыми потомками, которые, собственно, и составляют *алтан уруг* (золотой род) – правящую монгольскую династию. Единственный источник права на верховную власть – это воля золотого рода, высшим непосредственным выражением власти "золотого рода" является *курултай* – собрание царевичей и знати. Ханом может быть любой член алтан уруга, если он будет признан большинством золотого рода достойнейшим по своим качествам и утвержден на курултае царевичей и высшей аристократии. Хан, права которого не признали большинством золотого рода и не утвердили на курултае, – узурпатор и подлежит наказанию. Одно из постановлений Чингиз-хана, по словам Плано Карпини, гласило: "Всякого, кто, превознесясь в гордости, пожелает быть императором собственной властью без избрания князей, должно убивать без малейшего сожаления". Любой нечингизид, претендующий на сан хана, признается мятежником против воли Неба, а не просто государственным преступником.

Монголам было запрещено давать своим государям и знати многообразные цветистые титулы, как то делают другие народы, в особенности мусульмане. Согласно Ясе Чингиз-хана, как ее излагают Абу-л-Фарадж и Джувайни, "тому, кто на царском троне сидит, один только титул приличествует – *хан* или *каан*. Братья же его и родичи пусть зовутся каждый своим первоначальным, личным, именем". Этот пункт Ясы соблюдался достаточно строго, и ханы до и после вступления на престол носили одно и то же имя. Правда, есть отдельные случаи, когда уже царствую-

щие Чингизиды принимали второе, мусульманское, имя. Более того, с середины XIV в. арабское слово *султан* сделалось в улусах Джучи и Чагатая титулом каждого члена династии, происходившей от Чингиз-хана.

Итак, правовым основанием для получения сана хана служили принадлежность претендента к золотому роду и воля большинства Чингизидов и высшей аристократии. Царствующий род как бы делегировал одного из своих членов на исполнение определенных функций, наделив его известными правами.

Хотя формально все вопросы престолонаследия решались на курултае, однако в действительности обсуждение и признание прав соответствующего кандидата на престол происходили на сходках царевичей заранее, еще до начала работы курултая. На всемонгольском курултае, как отмечал В. В. Бартольд, происходил только акт провозглашения хана, торжественной присяги и торжественного восшествия его на престол. Все это сопровождалось определенной церемонией.

Всемонгольский курултай для торжественного утверждения нового суверена созывался старшим членом царствующего рода или временным правителем государства (регентом). Время его созыва определялось заранее и сообщалось по улусам через гонцов. В назначенный срок и в определенное место со всех концов обширной империи съезжались царевичи, дяди и двоюродные братья царевичей, царевны, зятья-гурганы, влиятельные нойоны и старшие эмиры, должностные лица, а также покорные монголам цари и правители – все они являлись туда со свитой и челядью, с большими дарами и приношениями.

Прибывшие на курултай высокие гости размещались в шатрах, число которых доходило до тысячи, развлекались, получали удовольствия. А тем временем звездочеты делали астрологические наблюдения и по гороскопу выбирали благоприятный для интронизации хана день.

Царевичи же во главе с самым старшим по возрасту из присутствующих членов царствующего рода и наиболее влиятельные эмиры (*нойоны*) и сановники собирались в отдельном шатре и вели разговоры о делах государства и царствования. Курултай, на котором провозглашался новый суверен, длился несколько недель (например, курултай 1229 г. – сорок дней, 1246 г. – более четырех недель и т. д.) Участники такого курултая, согласно рассказу Джувайни, "каждый день надевали новую одежду другого цвета". По свидетельству Плано Карпини, в первый день курултая 1246 г., когда великим ханом провозгласили царевича Гуюка, "все

одеты были в белый пурпур, на второй – в красный, и тогда к упомянутому шатру прибыл Куйюк; на третий день все были в голубом пурпуре, а на четвертый – в самых лучших балдахинах".

Церемония интронизации хана происходила в специально возведенном по такому случаю шатре, который монголы называли *Золотой Ордой*. После того, как завершались долгие словопрения (когда присутствующие хвалили кандидата на престол, а тот отказывался, перепоручая это каждому царевичу, и наступал выбранный звездочетами благоприятный день, совершался сам акт торжественного восшествия избранника на престол и торжественной присяги. Все присутствующие по обычаю обнажали головы, развязывали пояса и перекидывали их через плечо. Двое самых старших по возрасту членов ханского рода брали за руки избранника и усаживали на "престол верховной власти и подушку царствования".

Перед избранником, сидящим на троне, царевичи клали меч и говорили: "Мы желаем, мы просим, мы приказываем, чтобы ты владычествовал над всеми нами". А кандидат на престол верховной власти обращался к присутствующим со словами: "Если вы хотите, чтобы я царствовал над вами, то готовы ли все до одного делать то, что я прикажу, приходить, когда бы я ни позвал, идти туда, куда я пошлю вас, предать смерти всякого, кого я прикажу?" Присутствующие отвечали, что они готовы. Тогда избранник говорил: "Мой приказ будет мой меч". С этим они все соглашались. Затем кандидата на престол царствования сажали на белый войлок, говоря ему: "Смотри вверх и познай Бога, и смотри вниз и увидишь войлок, на котором сидишь. Если ты будешь хорошо управлять своим царством, будешь щедр и будешь поступать справедливо и почитать каждого из князей соответственно его рангу, то будешь царствовать во славу, весь мир преклонится перед твоим правлением и Господь пошлет тебе все, что ты пожелаешь в сердце твоем. Но если ты будешь делать противное, то будешь несчастен, отвержен и беден так, что этот войлок, на котором ты сидишь, не будет оставлен тебе". После этих слов царевичи сажали на войлок также жену и поднимали вверх несколько раз и громогласными криками провозглашали: "Император и императрица всех татар".

Все собравшиеся как внутри огромного шатра, "Золотой Орды", так и вне ставки вместе с царевичами девять раз преклоняли колени и вновь громогласно выкрикивали имя нового хана. Затем царевичи и высшая знать давали письменную присягу в

верности новому суверену. По выходе из шатра совершали троекратное поклонение Солнцу. А после все принимались за чаши и неделю-другую занимались пиршествами.

Царствующий хан являлся верховным носителем светской власти в государстве. Ханская власть традиционно рассматривалась как гарант общего блага, стабильности и правопорядка в обществе.

В общих чертах характер ханской власти в обществе определялся в средневековых источниках следующим образом: хан обязан заботиться о своих подданных и войске, как мать о своих детях, а подданные и войско должны считать государя отцом для себя и искренне ему повиноваться, верно служить и жертвовать своими жизнями для поддержания его власти. Если же говорить конкретно, то власть хана определялась известными правами и была связана с исполнением ряда функций. Этих прав и функций было по меньшей мере пять:

1. Хан как глава царствующего рода и верховный сюзерен всех подданных государства имел верховное право распоряжаться всей территорией страны, всеми землями, принадлежавшими улусам, право, которое было следствием основной функции и главной обязанности – вооруженная охрана страны от внешних врагов.

2. Хану принадлежало право объявления войны и заключения мира, бывшее следствием его функции верховного руководителя войск.

3. Хану принадлежало верховное право переговоров с иностранными государствами, что являлось следствием его функции определять внешнеполитический курс государства.

4. Хану принадлежало право убить или оставить в живых своего подчиненного – право, бывшее следствием его функции верховного судьи.

5. Наконец, хану, принадлежало право издавать законы и обязательные для всех членов общества приказания – право, бывшее следствием его функции сохранять существующее общественное устройство и порядок.

О единоличной верховной власти монгольского хана Рашид ад-дин пишет: "Было не в обычае, – чтобы кто-либо переиначивал решение и указ каана, а тот, кто бы это совершил, являлся бы преступником...". Плано Карпини уточняет: "Император же этих татар имеет изумительную власть над всеми. Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указыва-

ют места тысячникам, тысячники сотникам, сотники же десятникам. Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия...".

Однако в ряде случаев хану приходилось делить верховную власть с какими-либо другими политическими силами внутри государства или отдельным, наиболее могущественным членом золотого рода. В истории чингизидских улусов были периоды, когда одновременно правили несколько соправителей. Так, после смерти золотоордынского хана Менгу-Тимура, внука Батыя, на престол воссел его брат Туда-Менгу. Сыновья Менгу-Тимура и сыновья Тарбу, брата Менгу-Тимура, по словам Рашид ад-дина, "свергли Туда-Менгу с престола под тем предлогом, что он помешанный, и сами совместно царствовали пять лет". В 1620–1621 гг. Шейбанид Хабаш-султан ослепил своего отца Араб-хана, государя Хивы, и один год и шесть месяцев "правил вдвоем в содружестве" со своим братом Ильбарс-султаном.

Однако совместное царствование и примеры двоевластия были следствием практического развития конкретных событий, каждого данного обстоятельства и не отражали норму политического порядка в *Еке Монгол улусе* и государствах Чингизидов. Нормой политического порядка было единовластие, случаи же двоевластия и "совместного царствования" нескольких Чингизидов следует рассматривать как отступление от этого порядка.

Яса и билики Чингиз-хана. Образование Еке Монгол улуса (Великого Монгольского государства – так стало называться созданное Чингиз-ханом государство с 1211 г.) в начале XIII в. вызвало необходимость выработки общих, закрепленных письменно правовых норм и законодательных уложений для управления государством. Для этой цели было приспособлено обычное право, подвергшееся кодификации и изменениям, отвечавшим новым условиям. Свод законов и установлений получил название "Великая Яса" или просто Яса Чингиз-хана. *Яса* (более полная форма от *ясак*; монгольское *дзасак, йосун*) означает "постановление", "закон". Яса Чингис хана – санкционированный им монгольский свод законов и установлений.Она, как полагают, была принята на общемонгольском курултае в 1206 г., пересмотрена в 1218 г. и утверждена в окончательной редакции в 1225 г.

Наиболее подробные сведения о постановлениях Ясы дают персидский историк XIII в. Джувайни и египетский писатель XV в. Макризи.

По словам Джувайни, Яса Чингиз-хана была написана уйгурским письмом на свитках (*тумар*) и называлась "Великою книгою ясы" (*йаса-наме-йи бузург*). Эти свитки хранились у наиболее авторитетных царевичей — знатоков Ясы. При вступлении нового хана на престол, отправлении большого войска, созыве собрания царевичей для обсуждения государственных дел и их решений эти листы приносили и на основании их вершили дела. Яса не сохранилась в подлиннике и известна лишь в отрывках и сокращенных изложениях у Джувайни, Рашид ад-дина, Вассафа, Ибн Баттуты, Григория Абу-л-Фараджы, Макризи и др.

Из сохранившихся фрагментов можно сделать заключение, что основной задачей постановлений Чингиз-хана было создание новой системы права, которая отвечала бы запросам и потребностям феодализирующегося государства. Соблюдение постановлений Чингиз-хана было обязательно не только для всех жителей империи, но и для самих ханов. Но Яса, конечно, нарушалась как жителями империи, так и самими Чингизидами. Яса Чингиз-хана регламентировала лишь нормы кочевой жизни. В большинстве покоренных монголами стран, в частности в Средней Азии и Иране, где издревле существовала своя правовая традиция, подчинить население новому праву было чрезвычайно трудно. Правовая система монголов, выработанная на основе обычного права кочевников и преимущественно для кочевников, в других условиях оказывалась крайне неудобной. Многие стороны социально-бытовой и общественной жизни оставались не регламентированы Ясой, а отдельные ее положения вступали в противоречие с мусульманским религиозным правом и обычаями местного населения. На этой почве возникали столкновения между блюстителями Ясы и местным населением, оборачивавшиеся, как правило, трагедией для последнего.

Яса Чингиз-хана, которая возводила всякий проступок, даже простую человеческую халатность и неосторожность, в ранг преступления и предусматривала строгое наказание вплоть до смертной казни, признается "чрезвычайно строгой" даже историком Монгольской империи Рашид ад-дином.

Однако не для всех Яса была законом, который неукоснительно соблюдался. Это касалось прежде всего Чингизидов. Чингиз-хан повелел: "Если кто-нибудь из нашего уруга единожды нарушит Ясу, которая утверждена, пусть его наставят словом. Если он два раза ее нарушит, пусть его накажут согласно билику, а на третий раз пусть его сошлют в дальнюю местность Балджин-

Кулджур. После того, как он сходит туда и вернется обратно, он образумится. Если бы он не исправился, то да определят ему оковы и темницу. Если он выйдет оттуда, усвоив *адаб* (нормы поведения), и станет разумным, тем лучше, в противном случае пусть все близкие и дальние его родичи соберутся, учинят совет и рассудят, как с ним поступить".

В империи было немало людей из военной аристократии, которым сам Чингиз-хан и последующие монгольские ханы даровали титулы, награды и привилегии за их особые заслуги перед государем и государством. Такие привилегированные люди назывались *тарханами.* Они освобождались от всяких податей, а добыча, захваченная ими на войне или охоте, составляла их полную собственость. Во всякое время они могли входить во дворец без позволения, к ответственности привлекались только за девятое совершенное ими преступление (при этом, однако, имелись в виду только те преступления, которые влекли за собой смертную казнь); во время пира тарханы занимали почетные места и получали по чарке вина.

Со временем Чингизиды и военно-кочевая знать в западных улусах империи все более воспринимали традиции мусульманской культуры и государственности и все менее ограничивали свою жизнь предписаниями Ясы. По словам Хамдаллаха Казвини, "у монголов нет обычая обитать в городах, и это противно Ясаку Чингиз-хана". Между тем именно это требование наиболее часто нарушалось самими Чингизидами как в улусе Чагатая, так и в улусах Джучи и Хулагуидов.

Период действия Ясы во всех монгольских улусах неизвестен. В государстве Тимура связанное с именем Чингиз-хана право чаще обозначалось старотюркским словом "*тору",* переделанным в *тура,* чем монгольским *яса.* Об отношении к Ясе Чингизхана в государстве Тимура при последних Тимуридах можно наглядно судить по следующим словам Бабура: "Прежде наши отцы и родичи тщательно соблюдали постановления (тура) Чингизхана. В собрании, в диване, на свадьбах, за едой, сидя или вставая, они ничего не делали вопреки тура. Постановления Чингиз-хана не есть непреложное предписание (Бога), которому человек обязательно должен следовать. Кто бы ни оставил после себя хороший обычай, этот обычай надлежит соблюдать: если отец издал хороший закон, его надо сохранить; если он издал дурной закон, его надо заменить хорошим".

В восточных областях Чагатайского улуса, в Моголистане, основные положения Ясы сохранили свои действия до XV – начала

XVI в. Джучиды Восточного Дешт-и Кыпчака XVI в. – предводители узбеков и узбеков-казаков, согласно сведениям источников, при решении многих важных дел также поступали "по установлению Чингиз-хана". Некоторые статьи, главным образом уголовного характера, перешли в кодифицированное обычное право последующих веков, в частности в законы хана Тауке ("Жети жаргы") – памятник обычного права казахов XVII в.

Монголы заимствовали у китайцев обычай, по которому записывались изречения ханов и после их смерти издавались. Некоторые исследователи смешивали Билики Чингиз-хана с Ясой. П.Мелиоранский в 1901 г. установил, что разница между содержанием Ясы и Биликов Чингиз-хана состояла в том, что в Ясе перечислялись и описывались разные проступки и преступления и указывались наказания, которым должно было подвергать виновных, а в Биликах определялся сам порядок следствия и судопроизводства в монгольском суде. Другими словами, Яса представляла собой узаконенное предписание, которому должны были строго следовать Чингизиды и их подданные, а Билик был своего рода процессуальным кодексом, согласно которому совершался суд над нарушителями Ясы – действующего закона.

Чингизиды и военная аристократия в начале и конце каждого года должны были приходить и внимать Биликам Чингиз-хана. Знание Биликов Чингиз-хана высоко ценилось. В Китае однажды вопрос о престолонаследии был решен в пользу претендента, который обнаружил более основательное знание Биликов.

Со времен Чингиз-хана существовал обычай записывать слова хана, причем хан для этой цели часто говорил рифмованной прозой, "складно и со скрытым смыслом". Так что при каждом знатном Чингизиде был свой *битикчи*. У великого хана Угедэя эту обязанность исполнял уйгур Чингктай, у улусного правителя Чагатая – китаец по прозванию Везир.

Политический и государственный строй в улусах. Переход верховной власти к степному народу не мог, конечно, остаться без последствий. Победа монголов-кочевников, хотя и не изменила в целом общественного строя, но во многом способствовала оживлению степных традиций и внесла новую струю в государственно-политическую жизнь и быт народностей большинства покоренных стран.

В области государственного права в созданной монголами империи господствовал принцип, согласно которому империя считалась собственностью ханского рода, совместно владеющего ею как вотчиной. Эта особенность государственного управления была

подмечена еще Джувайни. "Хотя, по видимости, правление и страна вверены одному лицу, наделенному ханским достоинством, — писал он, — в действительности все его потомки и дядья по отцу сообща владеют землей и общественным богатством".

Каждый взрослый представитель царского дома, в том числе и вдовствующая ханша, получал определенное число ремесленников и земледельческий район из общей территории империи, доходы с которых служили для удовлетворения потребностей его двора и войска. Наряду с этим каждый совершеннолетний монгольский царевич претендовал на *иль-эль* (определенное количество родов и племен) и *йурт* (территориальный удел, земля для пастбищ). При этом они должны были жить со своими улусными людьми в отведенных им летовках и зимовках и не вмешиваться в дела управления и сбора податей. Управление оседлыми областями, сбор доходов с пашен и ремесленных заведений и "отписка их кому следует" были возложены на особое лицо по назначению великого хана, а затем местных правителей.

Сохранение монголами кочевого образа жизни способствовало развитию и усилению аристократических элементов в обществе, возникновению сословных прав и привилегий. Высшее сословие в государствах, образованных монголами, составляли Чингизиды. Степенью ниже стояла тюрко-монгольская кочевая знать. Военная власть, которую представляла в себе кочевая знать, была первоначально отделена от гражданской, кочевая знать в качестве военного сословия противопоставлялась даже высшим чинам гражданской власти. О значении этого правового различия среди высших государственных чиновников можно судить, например, из сообщения Вассафа, согласно которому монгольский владетель Персии Кайхату (правил в 1291—1295 гг.) удостоил своего министра мусульманина Садр ад-дина Ахмада Халиди небывалого отличия, которое должно было поставить его наравне с монгольскими военачальниками — он получил военный чин и был назначен начальником отряда в 10 тыс. человек.

Гражданская власть в улусах находилась, как правило, в руках образованных представителей местного населения. Для гражданского управления оседлыми народами были нужны образованные люди, усвоившие необходимые знания, для того чтобы руководить чиновниками. Но число монголов, способных занимать высшие должности в гражданском управлении страной, всегда было очень незначительно, хотя еще при жизни Чингиз-хана, по словам Джувайни, все юное поколение монгольской знати, в том числе потомки самого государя, должны были учиться уй-

гурской грамоте и даже были отдельные монгольские юноши, обладавшие достаточной культурой и говорившие на нескольких языках. Как при Чингиз-хане, так и при его преемниках монголы нуждались в услугах образованных иноплеменников для управления покоренными народами: административных руководителей и чиновников, врачей и ученых, торговцев и т. п. При дворе великого хана в Каракоруме и улусных ханов представители покоренных стран, в особенности представители мусульманской культуры, занимали выдающееся положение.

Мусульманин Хабаш-Амид, купец, происходивший, по одним известиям, из Отрара, по другим – из Кермине, был советником и гражданским министром Чагатая. Гражданское управление оседлыми областями улуса Чагатая было поручено мусульманскому купцу Махмуду Ялавачу, уроженцу Хорезма, жившему в Ходженте. После его назначения губернатором Пекина верховное правление всеми оседлыми областями Средней Азии, от страны уйгуров до Хорезма, было возложено на его сына Масуд-бека. Семейство Махмуда Ялавача, несмотря на все перевороты, происшедшие в самой Монголии и улусе Чагатая, сумело сохранить в своих руках гражданское управление оседлыми областями Мавераннахра и Восточного Туркестана до начала XIV в. После смерти Масуд-бека его должность переходила по наследству трем сыновьям.

В улусе Чагатая улусный правитель и Чингизиды до начала XIV в. оставались предводителями кочевников и не вмешивались непосредственно во внутреннее управление страной. В стране сохранялся в целом прежний общественный строй, и в отдельных областях и городах (Бухаре, Отраре, Шаше, Ходженте, Фергане, Таласе) во главе местного гражданского управления стояли автономные правители из тюркской династии домонгольского происхождения. Они носили арабский титул *малик* и, обладая достаточной независимостью в управлении, чеканили монеты в своих областях.

Отношения между местными владетелями и верховным правителем оседлых областей Туркестана оставались неопределенными. Столь же неопределенны были и отношения между маликами и *садрами* улуса Чагатая и монгольскими *даругачи,* сидевшими в покоренных городах наряду с местными владетелями. Первоначально даругачи представляли, видимо, военную власть победителей на местах. После покорения Туркестана, пишет, например, автор "Сокровенного сказания", "Чингиз-хан стал ста-

вить по всем городам охранных воевод, даругачинов". Впоследствии даругачи вменили в обязанности перепись жителей, набор войска из местных жителей, устройство почтовых сообщений, собр податей, доставление ко двору дани.

Этот строй политической жизни в основе своей сохранялся до начала XIV в., ставшего важным периодом в государственно-политической жизни Чагатайского государства. Монгольские царевичи, воспринимая традиции мусульманской культуры, постепенно порывали со степными обычаями и переселялись в развитые области Туркестана. Хан Кебек перенес ставку монгольского хана из долины р. Или в Мавераннахр и предпринял ряд реформ, сыгравших важную роль в деле развития феодальной государственности в улусе Чагатая. Одной из задач реформ, направленных на политическую централизацию Чагатайского государства, было уничтожение автономных прав местных маликов и приобщение тюрко-монгольской кочевой знати к традициям оседлой культуры среднеазиатского общества со всеми его институтами. В результате денежной реформы, проведенной в 1321 г. с учетом денежных систем в государстве Хулагуидов и Золотой Орды, была введена общегосударственная серебряная монета, чеканившаяся от имени хана, а не от имени местных маликов. Административная реформа предусматривала разделение страны на мелкие административные единицы – *тюмены,* во главе которых теперь стояла тюрко-монгольская кочевая знать, составлявшая прежде лишь военную силу государства.

Однако ослабление ханской власти и, как следствие, междоусобицы и ряд других факторов свели последствия реформ на нет, и фактически управление находилось в руках местных властей, с той лишь разницей, что правителей домонгольского происхождения заменили в системе административного управления главари кочевых тюрко-монгольских племен.

Государственное и административное устройство Золотой Орды. Первый правитель Улуса Джучи Бату был и первым его устроителем. Он и его брат Берке заложили основные общегосударственные устои, сохранившиеся и при последующих правителях. В состав владений потомков Джучи входили и оседлые народы, говорившие на разных языках, находившиеся на разных ступенях развития и исповедовшие разные религии. Сближение с культурными народами и постепенное приобщение военно-кочевой знати во главе с Чингизидами к мусульманским традициям не изменили основных начал государственного строя Улуса Джу-

чи. Государство потомков Джучи, несмотря на значительную пестроту экономических условий, по политическому устройству представляло собой типичное кочевое государство, разделенное на улусы, дробившиеся, в свою очередь, на более мелкие уделы-владения.

Улусная система – это типичная норма родовых отношений. Поскольку государство кочевников рассматривалось в качестве собственности всей царствующей династии, то, как уже говорилось, каждый достигший зрелого возраста царевич получал *эль* (*иль*), т. е. определенное количество кочевых орд, обязанных поставлять военные отряды, а также достаточное для их кочевания пространство земли (*йурт, вилайет*). Наряду с этим каждый взрослый монгольский царевич претендовал на получение *инджу* (так в ранних источниках; в более поздних мусульманских источниках – *мал*), т. е. определенного количества ремесленников и определенного земледельческого района из общей территории государства, доходы с которых служили для удовлетворения его двора и войска.

Сведения о выделении улусов (эля, йурта) первым Джучидам в Золотоордынском государстве, хотя и скупые, содержатся в ранних мусульманских источниках.

По словам Абулгази, Бату после возвращения из похода в Восточную Европу сказал своему брату Орде, по прозванию *Эджен:* "В этом походе ты содействовал окончанию нашего дела, поэтому тебе отдается народ, состоящий из десяти тысяч семейств, и земли в том месте, где жил отец твой", т. е. в районе Верхнего Иртыша и оз. Ала-Куль. Известие Абулгази согласуется со сведениями современника Орды и Бату Плано Карпини. Во время его путешествия в Монголию в 1246 г. старший сын Джучи Орда жил в районе Верхнего Иртыша и оз. Ал-Куль. Земли между владениями самого Бату и уделом Орды были пожалованы другому сыну Джучи – Шейбану (Шибану), с тем чтобы он проводил лето к востоку от Яика, на берегах Иргиза, Ори, Илека до гор Урала, зиму – в Каракуме, на берегах Сырдарьи и при устьях Чу и Сары-Су. Под власть Шейбана Бату отдал народ, состоявший из 15 тыс. семейств (*эв*).

По Махмуду ибн Вали, Бату, особо отметив заслуги своего брата Тука-Тимура во время семилетнего похода (1236–1242 гг.), выделил ему несколько кочевых орд и в качестве *йурта* пожаловал *вилайет* (область) асов и Мангышлак. В другом месте сообщается о том, что потомки Тука-Тимура, "согласно воле Бату", осуществляли власть также над Хаджи-Тарханом (Астрахань).

Из европейских источников самые подробные известия об улусных владениях в государстве Джучидов содержатся у Плано Карпини. Г. А. Федоров-Давыдов и В. Л. Егоров, основываясь на сообщении Плано Карпини и дополнив его данными других источников, реконструировали членение Золотоордынского государства в XIII в. на наиболее крупные улусы – владения:

1. Во время путешествия Плано Карпини в 1246 г. в самой восточной части Улуса Джучи, в верховьях Иртыша и оз. Ала-Куль, жил старший сын Джучи-Орда.

2. Область между реками Или и Сырдарьей, а также территория нынешнего Центрального и Северного Казахстана принадлежали Шейбану. После его смерти улусом управлял сын Бахадур. Очевидно, в годы его правления, в любом случае – в XIII в., область между Или и средним и нижним течением Сырдарьи с городами Отрар, Сыгнак, Дженд, Сайрам перешла в руки потомков Орду и стала политическим центром их улуса.

3. Северный Хорезм с Ургенчем (Нижняя Амударья) составлял особую территорию Улуса Джучи. Однако имена его первых владетелей неизвестны. При Узбек-хане там правил в качестве наместника золотоордынского хана великий эмир Кутлуг-Тимур, "сын тетки по матери" Узбек-хана.

4. Мангышлак, Хаджи-Тархан (Астрахань) и область асов на Северном Кавказе входили в состав владений Тука-Тимура, сына Джучи, и его потомков.

5. Вдоль левого берега р. Яика (Урал) располагался улус другого Джучида, имя которого неизвестно.

6. Земли по правому берегу Яика также составляли тогда отдельный улус. Имя его правителя неизвестно.

7. Поволжские степи были территорией, составлявшей собственные кочевые владения правителей Улуса Джучи. При этом каждый царевич, провозглашенный ханом, сохранял в своих руках свой прежний улус.

8. При жизни Бату в степях Северного Кавказа, вдоль западного побережья Каспия до Железных Ворот, находились владения его брата Берке.

9. В степях между Волгой и Доном располагался улус старшего сына Бату Сартака.

10. Имя первого владетеля Крыма неизвестно. В начале 60-х гг. XIII в., при правлении Берке, всем степным Крымом распоряжался Тук-Буга. По словам Махмуда ибн Вали, Менгу-Тимур в самом начале своего правления пожаловал вилайет Крым и Кафу сыну Тука-Тимура Узан (Уран)-Тимуру.

11. Территория вдоль правого берега Дона составляла улус Картана, мужа сестры Бату.

12. Земли вдоль левобережья Дона, согласно Плано Карпини, занимал Мауци (родословная его неизвестна).

13. Земли к западу от Днепра в 1246 г. принадлежали Коренце. О его происхождении в известных источниках сведений нет. Плано Карпини лишь констатирует в своем отчете, что по положению Мауци "выше Коренцы".

14. Имя первого владетеля самого западного улуса, лежавшего за Днестром, неизвестно. В последней четверти XIII в. этой территорией владел царевич Ногай (Нокай), сын Татара, сына Бувала, седьмого сына Джучи от наложницы Карачин-хатун.

Границы между улусами были определены в самых общих чертах. В каждый данный исторический период, в зависимости от политической ситуации, они то сужались, то расширялись. Вопросы о распределении улусов, изменении границ улусов обычно решались на курултае. Право ограничения территории улуса, отчуждения и передачи улуса другому лицу принадлежало также государю, если, конечно, он был достаточно силен и авторитетен. Одной из ранних фиксаций этого права в Улусе Джучи является пример с Бату. По свидетельству Гильома де Рубрука, осенью 1253 г. Бату (тогда второй после великого хана человек в Монгольской империи) отобрал улус у своего младшего брата Берке, который находился в "направлении к Железным Воротам (Дербент), где лежит путь всех сарацинов (т. е. мусульман), едущих из Персии и из Турции", и "приказал ему, чтобы он передвинулся с того места за Этилию (Волгу), к востоку, не желая чтобы послы сарацинов проезжали через его владения, так как это казалось Бату убыточным".

Золотая Орда как кочевническое государство делилась на три военно-административных округа: правое крыло (*барaунгар*), левое крыло (*джунгар*) и центр (*гол, кул*). Территориально центр составлял личный домен правителя Улуса Джучи. В него входили Поволжье и степи вдоль западного побережья Каспийского моря до Железных Ворот (г. Дербент), которые, как уже говорилось, в 1253 г. Бату отобрал у своего брата Берке и присоединил к своим личным владениям, т. е. к территории центра. По мнению ряда исследователей, именно с делением Улуса Джучи на правое и левое крыло связано образование широко известных в истории государства потомков Джучи Белой и Синей орд (по терминологии мусульманских источников – соответственно Ак-Орда и Кок-Орда). Правое крыло (*барaунгар*) составляли владения младшего

сводного брата Бату Шибана, а также других Джучидов, улусы которых находились к западу от Яика (р. Урал). Территория Джучидов правого крыла простиралась, таким образом, от Дуная на западе до Среднего Иртыша на востоке и получила название Ак-Орда, т. е. Белая Орда. Согласно Рашид ад-дину, правым крылом Улуса Джучи ведал сам Бату, а после него, вероятно, другие правители Улуса Джучи.

Левое крыло (джунгар) составляли владения пяти сыновей Джучи: Орды, Удура, Тукай-Тимура, Шингкума, Сингкума. Главой этого крыла был старший сын Джучи Орда, а потом его потомки. Территория царевичей левого крыла Улуса Джучи простиралась от верховьев Иртыша и Тарбагатая (на востоке современного Казахстана через Северное Семиречье, Среднюю Сырдарью и Нижнюю Амударью) к Плато Мангышлак на западе и называлось Кок-Ордой (Синей Ордой). При названии этих владений употреблены тюркские прилагательные *кок* (синий) *ак* (белый) и тюрко-монгольское слово *орда* (урда, урду – стан, лагерь, кочевая ставка предводителя, ханский шатер, двор хана, скопище кочевников). По словам историка XIII в. Джувайни, орда второго сына Чингиз-хана Чагатая и его потомков находилась к югу от р. Или, в Кульджинском крае, и называлась *Улуг-Иф* (тюрк. *Большой, Великий Дом*).

Происхождение названий владений царевичей правого крыла (Ак-Орды) и левого крыла (Кок-Орды) Улуса Джучи связано, видимо, с символическими значениями прилагательных, обозначающих цвет. Часто цветовые эпитеты *ак* (белый), *кара* (черный), *кок* (синий) и прочие означали на Востоке не только цвет, но и стороны света. В частности, *ак* – запад, *кок* – восток. В применении же к административному делению Улуса Джучи эпитеты *кок* и *ак*, как полагают, служили соответственно для обозначения Восточной Орды (Кок-Орды) – владения Джучидов левого крыла и Западной Орды (Ак-Орды) – владения царевичей правого крыла Улуса Джучи.

Происхождение названий орд Западной (Ак-Орды) и Восточной (Кок-Орды) вполне могло быть связано и с названиями кочевых резиденций (орд) первых предводителей правого и левого крыла Улуса Джучи-царевича Бату и его старшего брата Орда-Эджена. Согласно Рашид ад-дину, орда Джучи располагалась в пределах Иртыша, а точнее – в верховьях Иртыша, в районе оз. Ала-Куль. По Абулгази, кочевая резиденция Джучи (букв. местонахождение орды-двора Джучи) называлась Кок-Ордой.

При перераспределении улусов Джучидам после обширных завоеваний в ходе семилетнего похода Бату на запад, именно эта, самая восточная часть владений Джучидов перешла к Орде. Известно, что войска и владения царевичей левого крыла Улуса Джучи (Восточной Орды) находились в ведении Орды, а после – его потомков. Во второй половине XIII в. резиденция левого крыла была перемещена в район Сырдарьи. Судя по всему, уже при Орду или первых его преемниках термин Кок-Орда стал обозначением владений всех царевичей левого крыла Джучиева Улуса, т. е. Восточной Орды.

Очевидно, орда-ставка царевича Бату в Приволжских степях также имела свое особое название. Скорее всего, она называлась Ак-Ордой (Белой Ордой). Уже при Бату или его первых преемниках словосочетание Ак-Орда стало обозначением владений царевичей правого крыла Улуса Джучи, т. е. Западной Орды.

Сегодня можно считать установленным, что в Золотой Орде было несколько бараунгаров и джунгаров. В частности, правое крыло Улуса Джучи (Ак-Орда), в свою очередь, делилось на правое и левое крыло. По арабским источникам, при Менгу-Тимуре (правил в 1267–1280 гг.) начальником левого крыла Ак-Орды был Маву, правого – Тайра. В начале XV в. старшим эмиром правого крыла был Текина, а левого – Едиге (Идику).

В XIV в. вся территория Золотой Орды была разделена на четыре крупные административные единицы – улусы (Поволжье, Хорезм, Крым, Дешт-и Кыпчак), во главе которых стояли наместники хана – *улусбеки*, и на 70 областей – мелких улусов, во главе которых находились эмиры-темники. Особые административные единицы представляли золотоордынские города во главе с градоначальником. К середине XIV в., когда государство потомков Джучи достигло наивысшего расцвета, число только крупных золотоордынских городов превышало двадцать.

В системе внутреннего управления Золотой Ордой важное место занимал административно-чиновничий аппарат, представленный служилыми людьми, а также военно-кочевой знатью. Для непосредственного руководства армией и внутренними делами государства были учреждены особые должности, и хан из потомков Джучи обычно, "не входя в подробности обстоятельств", "довольствовался тем, что ему доносили, но не доискивался до частностей относительно взимания и расходования". Всеми военными делами от имени хана заведовал *беклярбек* (бек над беками), а главой гражданской власти был *везир*. Центральный орган испол-

нительной власти – диван – имел в своем подчинении финансовые, налоговые и другие ведомства; в диване были секретари, которые назывались *битикчи*.

Появление развитого чиновничьего аппарата, приобщение военно-кочевой знати к государственным и административным делам содействовали оттеснению некоторых, потерявших свое значение в новых условиях кочевнических обычаев и традиций, но не изменили в целом военно-кочевого характера Золотоордынского государства. Очень показателен в этом смысле факт существования в государстве потомков Джучи системы двух резиденций.

Первоначально столицей Золотой Орды был город, основанный царевичем Бату в начале 50-х гг. XIII в. на левом берегу Ахтубы, на Нижней Волге, и носивший имя Сарай. В начале 30-х гг. XIV в. хан Узбек основал Сарай ал-Джадид (араб. *Новый Сарай*), куда и была перенесена столица Золотоордынского государства. В 1395 г. город разрушили войска Тимура. Однако Сарай и Сарай ал-Джадид не были постоянной резиденцией золотоордынских ханов. В Золотой Орде со времен первых ее правителей Бату и Берке утвердилась система двух резиденций: город Сарай, а затем Сарай ал-Джадид служили центром городской жизни и торговли, а центром политической жизни страны была орда – кочевая резиденция хана, где выдавались ярлыки и где было сосредоточено управление государством. Такое положение сохранялось вплоть до распада Золотой Орды в XV в.

Население и этническая ситуация

Племена в составе Джучиева Улуса, их миграции и этническая история. Дешт-и Кыпчак (Кыпчакские степи) делился на две части: Западный и Восточный Дешт-и Кыпчак.

По замечанию В. В. Бартольда, были отдельные кыпчакские ханы, но хана всех кыпчаков никогда не было и в каждой части Кыпчакской степи (Западная и Восточная) одновременно владычествовали несколько кыпчакских ханов. В начале XIII в. в Восточном Дешт-и Кыпчаке одним из кыпчакских ханов был Кунджек. Согласно известиям "Сборника летописей" Рашид ад-дина, когда Восточный Дешт-и Кыпчак был покорен монголами, Кунджек вместе сыном Кумурбиш-Кунджи, искусным охотником, попал в плен и состоял на службе у Чингиз-хана в качестве старейшины зонтикодержателей (особого рода зонт, который держат над государем, являлся на Востоке одним из внешних знаков

монаршего достоинства). О дальнейшей судьбе последнего государя восточных кыпчаков нет сведений.

Одним из последних государей западных кыпчаков был Котан. Как уже говорилось, во время нашествия Бату он несколько раз терпел поражение от монголов, осенью 1239 г. вместе с 40-тысячной ордой подался в Венгрию и в 1241 г. пал в Пеште, став жертвой интриг придворных венгерского монарха Бела IV.

В состав кыпчаков Восточного Дешт-и Кыпчака в XII – начале XIII в. входили шестнадцать племен: борилу, токсоба, иетиоба, дуртоба, ал-арс (ал-ас), бурджоглу, манкуроглу, йимак, таг, башкурт, куманлу, базанак (баджанак), баджна, караборикlу, уз, джортан. Кыпчаки Западного Дешт-и Кыпчака делились на одиннадцать племен: токсоба, иетиоба, бурджоглы, ельборили, кангароглы, анджоглы, дурутоба, кулабаоглы, джортан, караборикли, котан. В результате нашествия монголов какая-то часть кыпчаков погибла, какая-то бежала на запад, а какая-то была пленена и продана в рабство. Но в массе своей они остались кочевать в степях и составляли главную часть кочевых тюркских подданных потомков Джучи. Несколько позднее, вероятно во второй половине XIII в., имя *кыпчак* даже было перенесено на монгольское государство Золотой Орды. Тем не менее Дешт-и Кыпчак периода Золотой Орды резко отличался по племенному составу от Дешт-и Кыпчака домонгольских времен. С приходом в Кыпчакскую степь центральноазиатских (монголо-татарских) племен наступил новый этап этнической интеграции. Главными результатами этого сложного и продолжительного многоаспектного процесса были: смешение родов и племен, смена многих прежних тюркских (кыпчакских) этнонимов на монголо-татарские, формирование ряда новых родо-племенных групп с ранее неизвестными или парными наименованиями; тюркизация монголо-татарских племен и принятие ими ислама; формирование из конгломерата родов и племен, находившихся на разных стадиях своего развития, каким было население Дешт-и Кыпчака в период распада Золотой Орды, целого ряда тюркских народностей, в том числе и с монгольскими названиями.

Из собственно монгольских племен одними из первых на территории Кыпчака оказались меркиты.

Меркиты (*мекриты*) – одно из крупных монгольских племен, обитавших в районе р. Селенги, согласно монгольским и мусульманским источникам, много воевали с Чингиз-ханом, но столь же часто терпели поражение. В очередном сражении, разыгравшемся в 1208 г., Чингиз-хан разбил меркитов и действовавших с

ними сообща найманов. Вытесненные сначала из окрестностей Байкала, а затем и с берегов Иртыша группы меркитов и найманов были разбиты в 1209 г. уйгурским правителем при попытке пройти через его владения в Восточном Туркестане. В результате они разделились: найманы во главе с Кучлуком направились в Семиречье, во владения кара-китаев, а меркиты во главе с Култуганом (Туктуган) подались к кыпчакам в теперешние казахские степи.

В 1216 г., после завершения очередной военной кампании в Китае, Чингиз-хан поручил Джучи добить бежавших на запад меркитов. Давние противники сошлись в ближнем бою около Иргиза, в степных просторах современного Центрального Казахстана. Меркиты потерпели полное поражение, а их предводитель Култуган был схвачен и доставлен в ставку Джучи. Так как царевич Джучи, говорится в источнике, слыхал о меткости его стрельбы, то, "поставивши мишень, приказал ему пустить в нее стрелу". Култуган-мерген (мерген – меткий стрелок), выстрелив, попал в цель, а вслед пустил другую, попав в самую зарубку, где оперенье первой стрелы, и расколол ее. Джучи это чрезвычайно понравилось. Он отправил к Чингиз-хану посланца с просьбой сохранить жизнь Култугану. Чингиз-хан не одобрил это и сказал: "Нет ни одного племени хуже племени меркитов: сколько раз мы воевали с ними; много беспокойств и затруднений видели от них – каким же образом возможно оставить его в живых, чтобы он опять возбудил мятеж?! Я приобрел для вас все эти области, войско и племена; какая же нужда в этом человеке?! Врагу государства нет лучшего места, чем могила!" По этой причине Джучи казнил Култугана. Оставшиеся в живых и на свободе меркиты рассеялись по всей стране кыпчаков. Со временем они вобрали в свой состав немало тюркских элементов, тюркизировались, но сохранили монгольское название. В эпоху Казахского ханства меркиты входили в племенное объединение абак казахского Орта жуза (средней Орды).

Чингиз-хан еще при жизни выделил Джучи четырех эмиров с четырьмя тысячами войска: тысячу Мангура, из племени *сиджиут* (*сихиут*); тысячу Кингитая Кутан-нойона, из племени *кингит*; тысячу Хушитая, из племени *хушин*; тысячу Бауку, также бывшего из племени *хушин*. Эти четыре личные тысячи воинов царевича Джучи после его смерти перешли в ведение Орды и уже при жизни Орды составили вместе с прямыми потомками более одного тумана живого войска, т. е. более 10 тыс. воинов.

По сообщению Махмуда ибн Вали, в составе войска Бату были ополчения племен аргун, огуз, найман, буйрак, ойрат, карлук,

кушчи, усун, минг, конграт, кереит, барлас. После завершения военной кампании 1236–1242 гг. большая часть центральноазиатских племен вместе со своими вождями возвратилась к себе на историческую родину. Но какое-то количество из них было распределено после похода между Джучидами в качестве эля, и они стали таким образом дештскими. Так, по словам Абулгази, Бату после возвращения из похода в Восточную Европу отдал под власть своего брата Шейбана (Шибана) народ, состоящий из 15 тыс. семейств, выделив ему из "древних родов" (байри элинден) четыре главных племени: *кушчи, найман, карлук, буйрак.* Другому своему брату, Тука-Тимуру, Бату выделил из каучинов, т. е. из привилегированной части войска, минг, тархан, ушун, ойрат.

Определенное количество кочевых орд, а также достаточное для кочевания пространство земли получили в Дешт-и Кыпчаке и другие братья и родичи Бату и, конечно, сам Бату, но конкретного списка названий этих племен нет. Некоторое количество новых монголо-татарских племен прибыло в Дешт-и Кыпчак из самой Монголии и других монгольских улусов за период, прошедший отправления Бату до воцарения Узбека. В составе войска золотоордынских ханов XIII – начала XV в. в источниках называются части из племен кунграт, кыят, сарай, бахрин, найман, джалаир, уйшун, кыпчак, курлаут, алчин, буруджоглы, йисут, курдер.

В связи с событиями в Дешт-и Кыпчаке в 30–90-х гг. XV в. в мусульманских источниках называются еще несколько десятков названий дештских родов и племен. Обобщив наличный материал, мы получаем следующий сводный список названий родов и племен Улуса Джучи в XIII–XV вв.: алтын, аргун, ас, барак, барин, барлас, бахрин, башгырд, буйрак, буркут, буруджоглы, джалаир, джуркун, дурман, ички, ички-байри, йиджан, йисут, йети-минг, каанбайлы, карлук, кенегес, кереит, кингит, кипчак, кунграт, кият, куйун, курдер,курлаут, кушчи, маджар, мангыт, масит, меркит (мекрит), минг, найман, огуз, ойрат, салор, сарай, сихиут (сиджиут, таймас, табгут (тангут), тархан, татар, тили-минг, тубай, тубай-туман, туман, туман-минг уйгур, уйсун, украш-найман, утарчи, хитай, хушин, чат, чинбай, чубурган, шадбаклы, шункарлы.

Обилие монгольских названий племен в составе Джучиева Улуса говорит о том, что монголы среди тюркского мира Кыпчакской степи были господствующим слоем и составляли привилегированную часть войска Улуса Джучи. А своеобразие рассматриваемой исторической ситуации заключается в том, что все мно-

гочисленные племена и роды Джучиева Улуса, носившие монгольские названия, представляли собой в XIV–XV вв. тюркоязычную этническую общность, так как удельный вес собственно монгольского населения в Золотой Орде с самого начала ее образования был сравнительно невелик. В XIV в. и эти монголы были полностью тюркизированы. Об ассимиляции монголов, пришедших в Дешт-и Кыпчак, с жившими здесь тюркскими кочевниками писал еще в XIV в. арабский автор ал-Омари: "В древности это государство было страною кыпчаков, но когда им завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными. Потом татары смешались и породнились с кыпчаками, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами татар, и все они стали точно кыпчаки, как будто они одного с ними рода, оттого, что монголы и татары поселились на земле кыпчаков, вступали в брак с ними и оставались жить на земле кыпчаков. Таким образом, долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменяет прирожденные черты согласно ее природе...". Государство потомков Джучи с центром в Поволжье было "монгольским государством" лишь в династийном отношении, являясь на самом деле тюркской страной по культуре, хозяйству и этнической основе.

В источниках при освещении событий XIII – первой половины XIV в. для обозначения кочевого населения Улуса Джучи одинаково употребляются слова *татары, монголы, тюрки, кыпчаки*. Из этих названий дольше всего удержалось слово *татары*: в частности, в русских источниках кочевое население Золотой Орды продолжали называть татарами и после XV в., так что для русских татарскими были все тюркские государства монгольской династии, с которыми они имели непосредственный контакт в XV–XVI вв. – ханства Казанское, Астраханское, Крымское и Сибирское (на Иртыше, около современного Тобольска). Постепенно центральноазиатское слово *татары* превратилось в самоназвание тюркоязычного населения Поволжья (от Казани до Астрахани), Крыма и части Западной Сибири. Этническую основу *татар* Поволжья, Крыма и Западной Сибири составили тюркские племена и общности, исконно жившие на этих территориях. Происхождение современных татар Российской Федерации не определялось этнической историей древних татар Центральной Азии и прямо не связано с ними – это следует четко помнить и различать.

Около 1511 г. из Восточного Дешт-и Кыпчака (Узбекского улуса) выступила еще группа оставшихся в Великий Степи Шей-

банидов во главе с братьями Илбарс-султаном и Билбарс-султаном. Они овладели Ургенчем, Хивой и прочими областями Хорезма и в низовьях Амударьи основали другое независимое государство Шейбанидов, впоследствии получившее в литературе название Хивинское ханство. Господство этой особой ветви потомков Шейбана (Шибана), сына Джучи, в Хорезме длилось до 1106/1694–1695 г. Кстати, знаменитый историк хан Абулгази – из этой династии: он правил в Хорезме в 1645–1663 гг. и сам написал историю своих предков и страны.

Анализ письменных источников показывает, что общее число ушедших в начале XVI в. в Среднюю Азию кочевников Дешт-и Кыпчака достигло 360 тыс. человек. Уход Шейбанидов со значительной частью кочевых племен Узбекского улуса с территории современных казахских степей привел к переносу термина *узбек* в покоренные ими области Мавераннахра. Однако еще долгое время название *узбек* оставалось только за теми родами и племенами Узбекского улуса, которые вместе с Шейбанидами перешли в Мавераннахр. Даже в XIX в. в самих среднеазиатских государствах термин *узбек* употреблялся редко, обычно только в тех случаях, когда узбека (т. е. дештикыпчакца по происхождению) нужно было противопоставить представителю другой этнической или социальной группы, например таджику, сарту (так называли в то время в большинстве районов Средней Азии говорившее потюркски городское население) или чагатаю (так по имени Чагатая называла себя часть населения Средней Азии). Объединяющим этнонимом на территории современного Узбекистана термин *узбек* стал лишь в XX в., после формального разделения Туркестана (Средней Азии) на национальные республики. Так что история современного узбекского народа не тождественна с историей его имени.

С образованием в 875/1470–1471 г. Казахского ханства Узбекский улус окончательно распался. С тех пор, по словам информированного историка Мирзы Хайдара Дуглата, казахи всецело владычествовали в большей части Узбекистана. Степи западной части Узбекского улуса, с центром в местности по нижнему течению Яика, служили для кочевок объединения племен, известных в восточных источниках как *мангыты*, по имени одного из тюркизированных монгольских племен, некогда живших в Восточной Азии. В русских источниках мангыты называются ногайцами, по имени известного в истории Золотой Орды монгольского царевича Ногая. В XV–XVI вв. мангыты (ногайцы) составляли не только этнографическую, но и политическую единицу (Ман-

гытский йурт – в восточных, мусульманских, источниках; Ногайская Орда – в русских источниках) и имели своих властителей (*бий, мурзы*). В XVII в. объединение мангытов окончательно распалось, большая часть составлявших его население родов и племен откочевала на запад. Русский термин *ногайцы* полностью заменил восточное название *мангыт* и стал самоназванием ныне живущего в Дагестане и Ставропольском крае тюркоязычного ногайского народа.

Как следует из сказанного, этнический состав населения Золотой Орды был пестрым: какую-то его часть составляли покоренные монголами оседлые народы, но основную массу населения государства потомков Джучи составляли различные тюркские и тюркизированные кочевые роды и племена, еще не сложившиеся в народности. После распада Золотой Орды в XV в. на их основе стали формироваться отдельные народности, которые говорили по-тюркски и исповедовали ислам. Часть родов и племен западных областей Джучиева Улуса составила этническую основу крымских татар; какие-то родо-племенные группы вошли в состав башкир, казанских татар, а также тюркских народов Северного Кавказа. Кочевые роды и племена Восточного Кыпчака составили ядро казахского и ногайского народов. Роды и племена Дешт-и Кыпчака, переместившиеся в Мавераннахр, Хорезм и Притяньшанье, вошли в состав современного узбекского, каракалпакского и кыргызского народов.

Родо-племенной состав моголов Моголистана и их этнографическая характеристика. Моголы как кочевники делились на отдельные роды и племена. Опираясь на работы В. П. Юдина и Mano Eiji, приведем названия основных могольских родов и племен, о которых имеются исторические сведения.

Арлат. По словам Мирзы Хайдара Дуглата, арлаты были сильным племенем и находились в оппозиции к Султан Ахмад-хану но в конце концов султан одержал верх над эмирами арлатов. Несколько позже эмиры этого племени подняли бунт уже против Мансур-хана, но вновь были побеждены. Ополчение арлатов было расформировано, а многие представители племени казнены. Однако арлаты не исчезли из политической жизни Моголийе. В XVII в. арлаты состояли при Тимур-султане, и их эмиры враждовали уже с "народом йарки из-за предводительства на левой руке".

Арканут. Согласно Йазди, Хаджи-бек арканут со своим племенным ополчением участвовал в походе Туглук-Тимур-хана на

Мавераннахр в 1360 г. Арканутъ Моголистана упоминаются в описании событий XV в.

Байрин (*барин, байри, баарин, бахрин*). В составе войска Илйас-ходжа-оглана, сына Туглук-Тимур-хана, находился эмир Хайдар со своими байринами (*каум-и барин*). Племя бахрин часто упоминается в тимуридских источниках в связи с походами Тимура против Джете. Судя по этим сообщениям, в XIV в. байрины обитали в Семиречье, в районах Улан (Улаг)-Чарлык и Чапар-Айгыр.

После смерти Вайс-хана (между 1428–1432 гг.) Могольский улус разделился на две части: одна часть была на стороне Юнус-хана, а большинство поддержало Исан-Буга-хана. Бек Тумана барин Иризан и Мирак Туркмен, принадлежавшие к числу беков тумана чурас, ушли из Моголистана вместе с Юнус-ханом и с тремя-четырьмя тысячами семейств моголов к Улугбек-мирзе в Самарканд. Улугбек не оказал им военной помощи, на которую они рассчитывали, более того, по его распоряжению прибывшие моголы "частично были пленены, а частично были рассеяны по разным вилайетам".

Туман барин и бек этого племени Джан-Хасан (Хусайн) упоминаются в описании событий истории Средней Азии и Восточного Туркестана конца XV – начала XVI в. В 903/1497–1498 г. хан моголов Махмуд-султан назначил в помощь Бабуру Мухаммад-мирзу дуглата Айуб бекчика и Джан-хасана барина с 700–800 воинами. В составе войска Бабура барины сражались также у Сар-и Пула против кочевых узбеков Дешт-и Кыпчака. Джан-Хасан с туманом барин участвовал в походе могольских ханов против Танбала в 908/1502–1503 г.

Аймак байрин упоминается и при описании событий XVII в. в Кашгарии. Эмиры этого племени занимали в Могольском государстве такие важные должности, как аталыка, хакима и т. п.

Балыкчи. Рассказ о могольском аймаке балыкчи содержится в "Хронике" Чураса и "Тарих-и Кашгар" анонимного автора. Сообщается, что аймак балыкчи находился в арьергардном карауле, когда Абд ал-Латиф-султан могол вел военные действия против казахов и кыргызов в Семиречье. Токтамыш-
во главе этого племени, обнаружил неприятеля, но, не предупредив султана, бежал прочь. Казахи и кыргызы внезапно напали на лагерь моголов: войско было разбито, а Абд ал-Латиф-султан погиб. За это племя балыкчи было уничтожено впоследствии отцом Абд ал-Латифа, Абд ар-Рашид-ханом (правил в 1533–1560 гг.).

Барлас. Представители многотысячного аймака барлас играли важную роль в военно-политической жизни Могольского государства XVI–XVII вв.

Бекчик. Рассказывается, что был некий купец по имени Бекчик, который в 748/1347–1348 г. помог юному царевичу Туглук-Тимуру на его пути в Аксу, когда с ним приключилось несчастье. Став ханом, Туглук-Тимур возвеличил его. Во второй раз имя Бекчика упоминается уже под 1360 г. Во время похода Туглук-Тимур-хана на Мавераннахр Бекчик стоял во главе племенного ополчения канглы. В дальнейшем группа племени канглы, которую возглавлял Бекчик, получила новое наименование – бекчик. Бекчики принимали участие во многих событиях истории Моголистана рубежа XV–XVI вв. и Моголийе XVII в.

Булгачи. В 791/1388–1389 г. Тимур отправился с войском в поход против Джете, дошел до местности Сычкан-Дабан и, обнаружив там иль и вилайет булгачи, приказал, чтобы воины перебили все, что смогут, а остальное разграбили. Племя булгачи упоминается в "Тарих-и Рашиди" при описании событий XV в. и в "Хронике" Чураса для времени могольского хана Абдаллаха (1638–1668 гг.).

Долон (*долан*). Упоминаются в "Хронике" Чураса в качестве могольского аймака. Во второй половине XVII в. долоны жили в районе Барчука, что на дороге из Яркенда в Аксу и Уч.

Дохтуй. Одно из основных племен Моголистана и Моголийе. Представители этого племени принимали активное участие в политической жизни страны XIV–XVII вв.

Дуглат. Племени дуглат принадлежало уникальное место в истории моголов и Моголистана XIV – начала XVI в. Эмирами именно этого племени был возведен на престол Туглук-Тимур в 748/1347–1348 г. – первый хан Моголистана. В восточных областях бывшего Чагатайского ханства дуглаты "господствовали на обширной территории в качестве князей, а иногда управляли всем государством как регенты и могли по своему желанию возводить на трон и низлагать принцев царствующей династии". Потомком эмиров этого могущественного могольского племени был и автор знаменитого "Тарих-и Рашиди" Мирза Хайдар Дуглат (1550–1551 гг.).

Итарчи. Племя образовалось в период ранней истории Моголистана. Родоначальником племени был некто Арджирак, сопровождавший сына Туглук-Тимур-хана Хизр-Ходжу в бегах. Итарчи упоминаются и в истории Моголистана XVI в. В дальнейшем это племя становится известным под именем *барак* и *акбарак.*

Йарки (*барки*). Упоминаются в описании событий Моголистана начала XVI в. и Моголийе XVII в.

Калучи. По словам Мирзы Хайдара Дуглата, "в Моголистане не было племени многочисленнее их". Эмиры калучи оказывали противодействие Исан-Буга-хану, а в 80-х гг. XV в. они составили заговор против султана Ахмада, ранили его, но вынуждены были отступить и бежать к калмакам. Султан Ахмад, оправившись от ран, преследовал их повсюду в течение двух лет, пока не искоренил их беков. Однако племя калучи не исчезло из политической жизни, они упоминаются в истории Моголийе в XVI и XVII вв.

Канглы. В "Зафар-наме" Йазди племя канглы упоминается в составе войска Туглук-Тимур-хана во время его похода на Мавераннахр в 1360 г. О канглы XVII в. сообщает автор "Тарих-и Кашгар". В связи с тем, говорится в этом источнике, что кыргызы держали злой умысел против могольского хана Абдаллаха, "некоторых кыргызов во главе с Сатимом, найманов, кыпчаков, канглы и прочих распределили кого в Яркенд и Кашгар, а кого – в Аксу и Хотан, и там они осели".

Карлук. Ополчение карлуков во главе с Малик-Алием, смелым воином, упоминается в составе войска Саид-хана во время его похода в Кашгарию в 1514 г.; эмир этого племени Джан-Хасан состоял на службе у Мирзы Аба Бакра.

Кераит. Кераиты участвовали в походе Туглук-Тимур-хана на Мавераннахр в 1360 г. В 1425 г. во время похода Улугбека на Моголистан аймак кераит был обнаружен в районе Йанги-Тараза. Кераиты упоминаются и в сочинении автора конца XVII в. Шах-Махмуда Чураса.

Кончи. По рассказу Мирзы Хайдара Дуглата, двенадцатилетнего Хизр-Ходжа-хана (ум. в 1399 г.) сопровождали в бегах двенадцать человек. Впоследствии все они стали эмирами Моголистана, одним из них был хорезмийский купец по имени Таджри. Эмиры аймака кончи – его потомки, говорится в "Тарих-и Рашиди". Как считает В. П. Юдин, племя кончи получило второе название, *сагрычи,* которое затем за ним и закрепилось. Например, в описании событий, имевших место в Моголистане в 50-х г. XV в., одно и то же лицо, Шир Хаджи (или Пир Ходжи), в одних источниках называется беком тумана сагрычи, в других (Шарафнаме-йи шахи) – беком тумана кунджи.

Курлагут. Ополчение племени (*умак*) курлагут во главе с эмиром Хамидом участвовало в походе Туглук-Тимур-хана на Мавераннахр в тюркском переводе "Тарих-и Рашиди". Название этого племени приводится в форме *коркунут.*

Кушчи. Согласно рассказу Мирзы Хайдара Дуглата, двенадцатилетнего сына Туглук-Тимур-хана Хизр-Ходжу в бегах сопровождал также некий охотник из Чалыша. Имя его в источнике не называется. Впоследствии "его потомки стали эмирами и получили прозвище (лакаб) *кушчи* (букв. охотник за ловчей птицей), но их называют также *кукелдаш*". В XVII в. представители могольского рода кушчи жили в основном в г. Кашгаре и его округе и имели значительное влияние на политическую жизнь страны.

Меркит. Упоминаются в составе войска Султан Саид-хана во время его похода против Аба Бакра в 1514 г. Играли важную роль в политической жизни Моголийе XVII в.

Нарин. В "Бабур-наме" и "Шараф-наме-йи шахи" Хафиз-и Таныша в качестве могольского аймака упоминается туман нарин (назин, марин). Как полагают В. П. Юдин и Mano Eiji, слово *нарин* (соответственно *назин* и *марин*) – ошибочное написание этнонима *барин* (*байрин*, *бахрин*).

Нойгут (*нуйагут*). Представитель этого племени по имени Тубра был сподвижником могольского хана Султан Саида.

Оглакчи (*аглакчи*). Как передает Бабур, в числе эмиров Тимурида Ахмад-мирзы был Саййид Юсуф оглакчи. Судя по замечанию о том, что "его дед, говорят, пришел от моголов", в составе моголов, возможно, были оглакчи. Представители рода оглакчи состояли на службе у Тимурида Султана Хусайна и самого Бабура.

Ордабеги. Один из основных родов Моголийе XVI–XVII вв.

Сагрычи. Как считает В. П. Юдин, сагрычи – второе название племени кончи. Эмиры сагрычи играли активную роль в политической жизни Моголистана и Моголийе XV–XVII вв.

Салучи. Упоминаются в "Зафар-наме" Шами в связи с походом Тимура в 791/1388–1389 г. на Моголистан. Чагатайское войско, пишет он, переправилось через р. Или, дошло до Сют-Куля и Чичаклика, оттуда отправилось дальше, "двигаясь по равнине, и старалось разузнать о положении булгачи и салучи".

Сулдуз. Упоминаются в "Раузат ас-сафа" Мирхонда при описании похода Улугбека на Моголистан в 1425 г.

Татар. Упоминаются в "Хронике" Чураса при описании событий в Моголийе XVII в.

Чурас. Одно из влиятельных могольских племен.

Шункарчи (*шулкарчи*). Упоминаются в "Тарих-и Рашиди" Мирзы Хайдара Дуглата среди воинов войска Султан Саид-хана во время его похода против Аба Бакра в 1514 г.

Таков сводный алфавитный список названий основных могольских родов и племен XIV–XVII вв. Стоит особо отметить,

что мусульманские авторы XV–XVII вв., приводя названия родов и племен Моголистана и Моголийе, не делают этнографического различия между собственно монгольскими и тюркскими родами, ибо вопреки своему названию моголы (монголы) Моголистана, по крайней мере с XV в., говорили по-тюркски, а ислам приняли еще в середине XIV в.

Первым из могольских ханов поселился в городе и побудил к тому же часть своих кочевых подданных Юнус-хан. Воспитание и привычки Юнус-хана определенным образом сказались на характере его правления. Хана тяготила кочевая жизнь, и он старался поселиться в каком-нибудь городе. По Мирза Хайдару Дуглату, им руководила также религиозная цель – Юнус-хан понимал, что до тех пор, пока моголы останутся кочевниками, они всегда "будут мусульманами только по имени". Желая приучить хотя бы часть кочевой знати к городской жизни, Юнус-хан поселился в Аксу, но вызвал неудовольствие большинства моголов и был вынужден вновь поменять город на степь. В 1482 г. Юнус-хан присоединил к своим владениям Сайрам, а в 1485 г. – Ясы (нынешний г. Туркестан) и Ташкент с его округой и поселился в Ташкенте. Тогда часть моголов, которым городская жизнь казалась хуже тюрьмы, ушла от него вместе с сыном хана Султан Ахмадом в Восточный Туркестан. Султан Ахмад (его также называли "Алача-ханом" и "Кичик-ханом") был полной противоположностью своему отцу и старшему брату Махмуд-хану. В "Записках" Бабура, племянника Султан Ахмада, дается описание "национальной" одежды моголов Моголистана. Описывая прибытие в 1502 г. Султана Ахмада из Восточного Туркестана и встречу его с братом Махмуд-ханом в окрестностях Ташкента, Бабур отмечает, что люди, составлявшие свиту Султан Ахмад-хана, все были одеты по-могольски: "В могольских шапках и халатах из китайского атласа, расшитого золотыми блестками. У них были могольские колчаны из зеленой шагрени, седла и могольские кони. Все это было под стать их необычному внешнему виду".

Моголы Моголистана сохраняли не только национальную одежду, но и некоторые старинные языческие обряды. В "Бабур-наме" описывается следующий эпизод. В 1502 г. могольский хан Махмуд повел свое войско из Ташкента на Ура-Тепе. Между Бискентом и Самсираком произвели смотр войску. По обычаю моголов распустили знамена. Хан сошел с коня. Перед ханом водрузили девять знамен. Один могол привязал к берцовой кости быка длинную белую холстину и держал кость в руке: еще три длин-

ных холстины привязали к трем знаменам ниже *кутаса* (украшение из конского хвоста или хвоста яка) и пропустили их концы под древки знамен. На конец одной холстины наступил ногой хан, "на конец холстины, привязанной к другому знамени, наступил я (т. е. Бабур), а на конец третьей – Султан Мухаммад Ханыке, сын Махмуд-хана. Могол, который держал в руке бычью кость с привязанной к ней холстиной, что-то произнес на могольском языке и, смотря на знамя, подал знак. Хан и все те, кто стоял подле него, принялись кропить кумысом в сторону знамени".

Как видно, Бабуром зафиксирован здесь обряд завораживания бунчуков, существовавший у монголов-шаманистов. Могол, обслуживавший обряд, – по всей вероятности, шаман, жрец-посредник между людьми и миром духов, а бычья кость и длинная белая холстина – его ритуальные принадлежности. В приведенном эпизоде речь идет о ритуале призывания Сульде-тенгри, который занимал важное место в шаманском пантеоне. Культ сульде находил свое выражение в поклонении боевому знамени, которое олицетворяло и само божество. Считалось, что, пока сульде-знамя в сохранности, народ благоденствует, если ритуал призывания Сульдэ-тенгри исполнять точно, то в военных походах ожидает удача. Ритуал призывания Сульдэ-тенгри совершался перед военным походом или во время марша и сопровождался обрядом освящения знамени и бунчуков и жертвоприношением им.

В приведенном рассказе Бабура обращает на себя внимание также его замечание о том, что могол, обслуживаваший обряд завораживания бунчуков, что-то сказал по-могольски и Бабур не понял, хотя и слышал его. Из этого сообщения ясно, что в начале XVI в. монгольский язык еще употреблялся моголами Моголистана. В этой связи укажем еще на два сообщения Бабура, которые имеют непосредственное отношение к рассматриваемой здесь теме. Султан, местопребыванием которого была Кашгария, носил прозвание Алача-хан. "Говорят, – пишет Бабур, – будто причина, почему его прозвали Алача, в том, что на языке калмаков и моголов убийцу называют "алачи". А так как Султан Ахмад-хан несколько раз побеждал калмаков и истребил много их людей, то его называли *алачи*, от частого употребления слово превратилось в Алача". В другом месте говорится о том, что моголы называют костоправов *бахши*. В "Нусрат-наме", составленном в начале XVI в., говорится о том, что моголы Моголистана "*сол кол* (левая рука, левое крыло армии) называют *джунгаром*, *онг кол* (правая рука, правое крыло армии) – *бараунгаром*".

По кратким заметкам Бабура и автора "Нусрат-наме" трудно судить о степени распространения монгольского языка среди моголов Моголистана. По свидетельству арабского путешественника Ибн Баттуты, хан Чагатайского улуса Тармаширин говорил по-тюркски и даже *зикр* (ритуал поминания имен Бога) отправлял на тюркском языке. Ибн Баттута пробыл в ставке Тармаширина 54 дня, но ничего не говорит об употреблении монгольского языка Чагаитаидами и чагатаями Чагатайского улуса. Правда, судя по известиям некоторых других мусульманских авторов, в XIV в. монгольский язык не вполне вышел из употребления в Чагатайском улусе. Так, согласно Ибн Арабшаху, эмир Тимур из монгольского племени барлас знал тюркский, персидский и монгольский языки. Эмир Пуладжи из монгольского племени дуглат, который привез из Кульджинского края царевича Туглук-Тимура и в 748/1347–1348 г. возвел его на престол в Аксу, получил от Туглук-Тимур-хана документ, по которому первый хан Моголистана признавал девять привилегий дома Дуглатов. Этот документ передавался из поколения в поколение в доме эмиров племени дуглат и в конце концов оказался в руках отца Мирзы Хайдар Дуглата Мухаммада Хусайна. "Я собственными глазами видел этот фирман, скрепленный личной печатью Туглук-Тимур-хана", – уверяет своих читателей автор "Тарих-и Рашиди" Мирза Хайдар Дуглат. "Он был составлен в Кундузе на монгольском языке и монгольским письмом", но позднее, "в беспокойное время Шейбани-хана", фирман будто бы был утерян.

К XV в. по языку уже, по-видимому, не было разницы между тюрками и моголами Моголистана: так что и члены династии Чагатаидов, и сановные вельможи страны – предводители тюркских и монгольских родов и племен – говорили на чистом тюркском языке. Показателен в этом отношении пример с Юнусом, ханом Моголистиана. Юнус, который провел в Моголистане только детство и отрочество, а молодость и зрелые годы прожил в Персии, вне тюркской языковой стихии, писал стихи на чистом тюрки. Автор "Раузат ас-салатин" Фахри ибн Мухаммад приводит образцы стихов "Йунус-хана могола". Стихи на тюрки писали также старший сын Юнуса Махмуд-хан, родившийся в 1464 г., дочь Махмуд-хана Аиша-Султан-ханым и его племянник Саид-хан. Зато в известных ныне источниках нет никаких указаний на то, что могольские ханы и вельможи XV – начала XVI в. знали хорошо монгольский язык. Можно предполагать, что к XVI в. монгольский язык не был забыт полностью, но число моголов Моголистана, знавших его как второй язык, было весьма незна-

чительно и что употреблялся он лишь отдельными категориями людей (например, служителями культа), в отдельных случаях (например, во время отправления шаманских обрядов).

При возведении на престол нового государя моголы Моголистана традиционно соблюдали древний обряд поднятия на белой кошме.

В китайских источниках, где описывается Семиречье времени правления Вайс-хана (ум. в 1432 г.), говорится о том, что хан моголов бреет голову и носит чалму, украшенную перьями. При разбирательстве спорных дел (судебном разбирательстве) он усаживается на разноцветный ковер, расстеленный прямо на земле. Когда хан дает аудиенцию иноземным послам, то никогда не требует, чтобы они кланялись до самой земли – достаточно лишь преклонить колени.

Интересные подробности о торжественном церемониале при дворе могольского хана во время встречи и приема высокого гостя сообщает Бабур: В нескольких фарсахах (1 фарсах=6–7 км) от Ташкента разбили шатер, и Махмуд-хан уселся там для торжественного приема брата. Султан Ахмад подъезжал к шатру хана спереди. Приблизившись, он объехал шатер хана слева и сзади и спешился перед ним; дойдя до места встречи, Ахмад девять раз преклонил колени и сказал слова приветствия. Махмуд-хан, когда младший брат приблизился, встал с места, они поздоровались и долго стояли, обнявшись. Отступая назад, Султан Ахмад снова девятикратно преклонил колени, поднося подарки, он опять много кланялся. Затем он подошел к хану, и оба они сели.

В военном деле моголов Моголистана также соблюдались традиции организации монгольского войска. Основной организационной единицей в армии могольских ханов были вооруженные отряды родов и племен. Каждое ополчение во главе с беком (эмиром) имело свое знамя и свой боевой клич (*уран*). Несколько таких автономных отрядов в случае необходимости объединялись в войсковое соединение. Командир войскового соединения каждый раз назначался ханом – самим верховным руководителем войск.

Моголы сохраняли традиционное военное построение, согласно которому войско делилось на левое и правое крыло и центр. "Среди моголов, – пишет Бабур, – установления Чингиз-хана до сих пор таковы, как их учредил Чингиз-хан". Воины правого крыла (*бараунгар*) стоят на правом крыле, левого крыла (*джунгар*) – на левом крыле, центра (*кул*) – в центре. Каждый занимает в строю то место, которое досталось ему от его предков. На правом и на

левом крыле тот, чье значение больше, стоит ближе к краю, т. е. во главе фланга. По словам Бабура, в его время между двумя племенами, бекчиками и чурасами, которые входили в состав правого крыла могольского войска, постоянно происходили раздоры из-за того, кому возглавлять фланг.

Из других элементов полного боевого порядка в мусульманских источниках упоминаются *йаравул* – часть войска, находящаяся впереди главных сил (авангард), *чагдаул* – часть войска, находящаяся сзади боевых линий для прикрытия главных сил с тыла (арьергард), *караул* – сторожевой отряд, обычно шедший впереди авангарда, а также *ильгар* – передовой отряд легкой конницы особого назначения и *кумек* – резервный отряд .

Перед военным походом или во время марша устраивался торжественный смотр войсковым подразделениям. Согласно постановлениям Чингиз-хана, проводить его должен был сам хан. Смотр представлял собой своеобразную военную инспекцию, во время которой определялась общая численность войска, проверялось снаряжение воинов и т. д. На месте смотра в присутствии всего воинства совершался обряд завораживания бунчуков. Смотр кончался боем барабанов и военным кличем.

Основным боевым оружием моголов Моголистана были сабли и лук. Из других видов упоминаются: шестопер (*шашпур*), палица (*пийази*), кистень (*кистан*), секира (*табарзин*), боевой топор (*балту*), копье (*найза*). Данных о наличии у моголов отрядов войск, вооруженных каким-либо определенным видом оружия, нет. Из воинских доспехов упоминаются кольчуги, щит, латы, шлем с подшлемником и калмакский панцирь (*джибе*) с двойным слоем.

Непременной принадлежностью военного снаряжения моголов были звуковые сигнальные инструменты – боевой барабан, трубы, литавры, карнай и т. д. Они не только поднимали воинский дух, но и служили военным сигналом.

По словам среднеазиатских авторов XVI в. (Мухаммада Салиха, Захир ад-Дина Бабура), внешний вид могольского войска представлял "диковинное зрелище": "дивоподобные воины" в странных головных уборах и одеждах, низкорослые монгольские кони, покрытые разноцветными попонами и украшенные кутасами из "хвостов павших лошадей", и т. п. Из эпизода, в котором описывается обряд завораживания бунчуков, очевидно, что Махмуд-хану как верховному руководителю могольского воинства принадлежало девять знамен (*туг, бунчук*). Из сочинения Бабура не ясно, все ли эти девять знамен считались священными или только одно из них признавалось государственной святыней, которо-

му единственно и поклонялись. О цвете (цветах) военных знамен ничего определенного не говорится. На древке знамени, ниже полотнища, привязывался *кутас* – украшение из конского хвоста или хвоста яка. О том, имели ли все девять ханских знамен кутас или только главное знамя, сообщений нет. Обязанности оберегать знамена хана и выносить их по торжественным случаям и во время смотра войск лежали на спецотряде во главе с *тугбеги*.

Коренные перемены в истории моголов совпали с началом XVI в. В 1503 г., как уже упоминалось, хан моголов Махмуд потерпел поражение от Мухаммада Шейбани-хана, покинул Ташкент и переселился в Кашгарию. Все западнотуркестанские владения моголов – Ташкент, Сайрам, Ура-Тепе и ряд других городов и крепостей с округами – перешли в руки Шейбанидов. Тогда же Шейбани-ханом была задержана большая часть могольского воинства, т. е. тысячи моголов, которых он затем поселил в Мавераннахре. В 1520-х гг. под напором казахов Чагатаиды и могольские беки были вынуждены покинуть Семиречье и удалиться в Восточный Туркестан. Роды и племена, которые остались кочевать на просторах Семиречья, влились в состав казахов. Примерно в те же десятилетия, так сказать, самоисключились из числа моголов и тянь-шаньские кыргызы – "лесные львы Моголистана". Какая-то часть моголов подалась вместе с Бабуром в Афганистан, оттуда в Индию и приняла участие в создании империи Великих Моголов. Следствием всего этого явилось, писал Мирза Хайдар в 40-х гг. XVI в., что "моголы (монголы) теперь стали самыми отдаленными и самыми малочисленными созданиями" и что их, "может быть, осталось около тридцати тысяч в пределах Турфана и Кашгара".

Семнадцатое столетие оказалось для моголов Восточного Туркестана трагичным. Многие предводители могольских родов и племен пали жертвой придворных интриг, в их числе Мирза Тинибек бекчик, который, по словам восточнотуркестанского историка XVII в. Шах-Махмуда Чураса, "являлся красой и украшением могольской аристократии и принадлежал к элите того сообщества", другие могольские беки были насильственно изгнаны или добровольно удалились из страны, так что уже к 1667 г. при Абдаллах-хане состояли в основном киргизы. К концу XVII в. пресеклась и династия рода Чагатая в Восточном Туркестане, а Могольское государство прекратило свое существование. К тому времени сильно поредели и собственно могольские роды и племена. Природные условия Кашгарии неблагоприятны для веде-

ния кочевой жизни, и моголы-кочевники постепенно слились с местным оседлым населением и в большинстве своем утратили свое название.

В XVIII и XIX вв., под властью китайцев, население Восточного Туркестана не имело общего имени, и жители разных местностей страны называли себя по-разному: *йерлик, мусульман халх, кашгарлык, яркендлик* и т. п. Уже в XX в., когда в связи с идеей автономизации края появилась необходимость в общем этническом имени, тюркская интеллигенция Восточного Туркестана избрала термин *уйгур,* хотя владения древних уйгуров никогда не доходили до западной части Кашгарии. Слово *уйгур* постепенно стало общим собирательным именем основной части современного тюркоязычного населения Восточного Туркестана и вошло в состав нынешнего титульного названия края – Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики.

В исторической литературе существуют самые разнообразные толкования происхождения слова *казак.* Одни выводили его из тюркских глаголов *каз* – рыть, *кез* – скитаться, *кач* – бежать, спасаться; другие создали невероятную этимологию этого слова от *каз* – гусь и *ак* – белый; некоторые исследователи выводят слово *казак* из монгольского термина *касак-тэргэн,* обозначающий род повозки. Другие связывают его с названием древнего кавказского племени или объединения племен *касог.*

Достоверного этимологического объяснения слова *казак* нет. Но каково бы ни было его происхождение, несомненно, что первоначально оно имело нарицательное значение – свободный, бездомный, скиталец, изгнанник, а также человек удалой, храбрый. Не имея, таким образом, ни политического значения, ни этнического содержания, слово *казак* обозначало всякого вольного человека, отколовшегося от своего народа и племени, своего сеньора и законного государя и принужденного вести жизнь искателя приключений. Кстати сказать, отсюда это тюркское слово и в русском языке. Казаками на Руси звали людей без определенных занятий, а также вольнонаемных батраков и т. д. Хотя слово *казак* зарегистрировано на севере Руси с конца XIV в., первоначальной родиной русского казачества историки признают южные окраины Руси, смежные с Кыпчакской степью, условия которых придавали этой вольнице характер военного сообщества.

Другими словами, исходное значение термина *казак* – социальное. Это состояние, положение, статус некоего лица, известного коллектива в каждый данный момент по отношению к правителю, обществу, государству: изгой, который бродит по раз-

ным местам, прокармливая себя мечом своим – казак; человек, который пускается в дальний и опасный путь один, без товарищей – казак; удалой молодец, по выражению Бабура, "неутомимо, с отвагой угоняющий табуны врага" – тоже казак. Людей, ведших какое-то время образ жизни казака, по необходимости или по доброй воле, всегда было немало. Этому способствовали условия жизни, в частности то обстоятельство, что по понятиям того времени, как передает автор "Тарих-и Рашиди", считалось даже похвальным, чтобы мужчины в молодости провели некоторое время, подвергая себя опасности, в уединении, в пустыне, в горах или лесах, на расстоянии одного или двух месяцев пути от обитаемых мест, питаясь мясом дичи и одеваясь в шкуры убитых ими зверей.

Казаком мог стать любой человек – тюрок или перс, рядовой кочевник-скотовод или принц крови. Некоторое время казаками были, например, старший сын Токтамыш-хана Джалал-ад-дин, основатель государства кочевых узбеков Шейбанид Абулхайр-хан, его внук Мухаммад Шейбани, Чагатаиды Вайс и Саид, Султан Хусайн, владевший саблей как никто другой из Тимуридов, провел в казачестве не один месяц. Бабур вспоминает в своих знаменитых "Записках", как он "во время казачества" решил направиться из горной страны Масча к Султан Махмуд-хану. Лицо, сделавшееся казаком, могло перестать быть таковым и вернуться в прежнее состояние, в свое общество, как это и сделали все перечисленные выше казаки из тогдашнего высшего света. Султан Хусайн и Султан Саид позднее стали государями, Мухаммад Шейбани и Захир ад-дин Бабур основали государства.

Таким образом, в те далекие времена казаком становились, делались. Для обозначения образа жизни казака в ираноязычных и тюркоязычных источниках образовано существительное *казаклык* – казакование, казачество, скитальчество, вольность, а также глагол *казакламак* – скитаться, вольничать. Понятие *во времена казачества* обычно передается соответственно: *казаклыкда, казаклыкларда* (в тюркоязычных источниках) *и дар аййам-и казак(и), муддат-и казак* (в ираноязычных источниках).

Понятно, что образ жизни казака скромный. Отсюда и слово *казакане,* т. е. по-казацки, скромно. Чагатаид Султан Ахмад был настоящим сыном степей, вел суровый образ жизни. Бабур описывает жилище Султан Ахмада во время похода против эмира Танбала в 1502 г. так: "Палатка и обстановка, в которой он жил, были скромными, казацкими (*казакане*). Дыни, виноград,

принадлежности конской сбруи – все лежало тут же в палатке, где он жил".

Казак не всегда проводил свое "казакование" в полном одиночестве. Человек, пожелавший разделить с вольным казаком его непредсказуемую судьбу, становился ему казакдашем. Слово *казакдаш* (образовано по аналогии с: йолдаш – спутник, *аркадаш* – товарищ, *аулдаш* – земляк, *ватандаш* – соотечественник) – встретилось только однажды в сочинении ал-Хаджжа Абд ал-Гаффара Кирими "Умдат ат-таварих".

Существовали даже общества из казаков – *джама ат-и казак*, по выражению средневековых мусульманских авторов. Подобные коллективы возникали в разное время, в разных местах и по разным причинам. Временами, пишет историк XV в. Абд ар-Раззак Самарканди, "некоторые из войска узбекского, сделавшись казаками", приходили в Мазандеран и, устроив везде грабеж, опять уходили назад. Иногда общество казаков состояло из спасшегося бегством претендента на престол и его преданных сторонников, которые вдали от городов и сел вели жизнь искателей приключений. Слово *казак* служило также для обозначения группы, части кочевников, отделившихся по разным причинам и разными путями от государства, к которому они принадлежали, и находившихся с ним в состоянии войны. Таким коллективом и были кочевники государства Абулхайр-хана, восставшие против него и в 1459–1460 гг. ушедшие из-под его власти, чтобы во главе с потомками Урус-хана Гиреем и Джанибеком искать счастье в другом месте. Эта группа людей из Узбекского улуса какое-то время скиталась в степях Семиречья и получила название *узбеки-казаки*. В рассматриваемую эпоху случаев, когда слово *казак* с нарицательным значением прилагалось к названию отдельных этнических, политических и т.п. групп и даже к собственному имени отдельных лиц, было неизмеримо больше, чем сейчас известно. В частности, были казаки могольские, ногайские, дештские, кызылбашские, а также казаки эмира Танбала, наши казаки (слова Бабура), "шибан-казаки" и т. п.

Употребление автором "Тарих-и Рашиди" парного термина "узбеки-казаки" связано именно с этим обстоятельством, т. е. ему было хорошо известно значение слова *казак*, которое служило и для обозначения казаков (казахов) как уже вполне обособившейся к тому времени (начало 30-х гг. XVI в.) этнической общности, и для обозначения разного рода вольниц, к какой бы народности они не принадлежали. Так что, употребляя парный термин, Мирза Хайдар как бы подчеркивал, напоминал своим читателям, что казаки Гирея и Джанибека и их потомков являются выходцами

именно из Узбекского улуса. Память об этих событиях сохранялась долго у казахов. Так, согласно записям известного этнографа XIX в. А. Хорошхина, когда речь заходила об исторических предках, казах обычно говорил: "Предки мои, начало мое – узбеки".

Итак, узбекское происхождение казаков Гирея и Джанибека несомненно: они формировались из беглецов из Узбекского улуса, что и получило отражение в их первоначальном названии *узбеки-казаки*. Ясно и появление *узбеков-казаков* в западных пределах соседнего Моголистана – оно связано с бегством из своей страны, поиском вольности на ее окраинах.

Откочевка Гирея и Джанибека из Узбекского улуса в Семиречье, безусловно, сыграла решающую роль в этногенезе казахского народа. Но не в образовании самого народа, а в определении его современного названия, т. е. откочевка 1459–1460 гг. не определила возникновение казахской народности, а лишь ускорила уже шедший процесс ее сложения. Переходный характер этого процесса хорошо подтверждается парным термином "узбек-казак". В связи с этим можно сказать, что завершающий этап формирования казахской народности – это процесс выделения, обособления определенной группы племен под влиянием целого комплекса факторов, в особенности политических, из конгломерата родов, племен и формирующихся народностей, находившихся на различных стадиях своего развития, каким было население Восточного Дешт-и Кыпчака к началу второй половины XV в. (государство Шейбанида Абулхайр-хана, Ногайской орды и других политических образований). Это уже были не разрозненные племена или союзы племен. Среди разноплеменного населения, известного соседям под общим собирательным названием *узбеки*, уже шел процесс консолидации нескольких народностей, в том числе и той, которая получила чуть позднее название казахской. Другими словами, из Узбекского улуса выделилась и прикочевала в Семиречье не просто группа разрозненных племен, недовольных политикой Абулхайра, а объединение родов и племен, составлявших в Дешт-и Кыпчаке население (эль) улуса потомков Джучида Урус-хана. Более того, данное объединение племен представляло собой не просто политическую группировку, а субэтническую общность конгломератного типа, обособившуюся еще до откочевки 1459–1460 гг. в результате осуществления политики сепаратизма возглавлявших ее потомков Урус-хана.

Потомки Урус-хана со своими улусными людьми откочевали из государства Шейбанида Абулхайр-хана и обосновались в За-

падном Семиречье. С этих событий и началась новая страница истории Казахстана. Образование по соседству с владениями Абулхайр-хана довольно крупной группировки, состоявшей из враждебно настроенных бывших его подданных, вызвало военный поход предводителя кочевых узбеков Восточного Дешт-и Кыпчака, прерванный скоропостижной смертью хана. С кончиной Абулхайра путь в родные края для Гирея, Джанибека и их приверженцев был открыт, и они, вернувшись в Узбекский улус, вскоре захватили там верховную власть, частью истребив, частью прогнав своих соперников. Этими событиями было положено начало собственно казахской государственности.

Замена правящей династии в Узбекском улусе другой ветвью Джучидов не привела к сколько-нибудь существенным переменам в экономической и социальной структуре государства кочевых узбеков. Однако это событие в конечном счете привело к изменению названия государства, страны и к приобретению словом *казак* этнического содержания. В лице потомков Урус-хана, возглавивших узбеков-казаков (казахов), а затем ставших и во главе большинства узбеков Узбекского улуса, возникла конкуренция среди прежней знати потомков Шейбана (Шибана) (сына Джучи, сына Чингиз-хана), которые были рассеяны теперь в разные стороны и оказались непригодными к роли объединителей. Отныне безраздельному господству термина *узбек* в Восточном Дешт-и Кыпчаке был таким образом положен конец. Если прежде племена, обитавшие в Узбекском улусе, характеризовались общим собирательным название узбеки, то теперь их стали разделять на собственно узбеков (*шибанитов*), *казаков* (казахов) и *мынгытов* (ногаев).

Вот как характеризует этнополитическую ситуацию на территории Восточного Дешт-и Кыпчака того времени Ибн Рузбихан, один из самых осведомленных придворных историков Мухаммада Шейбани-хана: “Три племени относят к узбекам, кои суть славнейшие во владениях Чингиз-хана. Ныне одно из них – шибаниты, и его ханское величество (т. е. Шейбани-хан) после ряда предков был и есть их повелитель. Второе племя – казаки, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью, и третье племя – мангыты, а из них правители астраханские. Один край владений узбеков граничит с океаном (Каспийским морем), другой – с Туркестаном, третий – с Дербентом, четвертый – с Хорезмом и пятый – с Астрабадом. И все эти земли целиком являются местами летних и зимних кочевий узбеков. Ханы этих трех племен находятся постоянно в распре друг с другом, и каждый из

них посягает на другого". Словом, процессы политического и этнического разграничения населения бывшего Узбекского улуса приняли в 70–90-х гг. XV в. глубинный, необратимый характер, но шли они медленно.

В начале XVI в. произошли события, которые привели к большим политическим, этническим и другим переменам в истории Центральной Азии. Предводитель Шейбанидов Мухаммад Шейбани, пользуясь политической раздробленностью соседней страны, выступил из Восточного Дешт-и Кыпчака и в 1500 г. захватил Бухару, а в мае следующего года – Самарканд, изгнав оттуда потомка Тимура Бабура. Бабур вынужден был искать прибежище у своего дяди, могольского хана Махмуда, а после его поражения от Шейбани-хана в сражении под Ахси в 1503 г. удалился в Кабул. Тем временем победное шествие Шейбанидов по раздробленным на мелкие уделы владениям Тимуридов продолжалось. В 1505 г. Шейбани-хан завоевал Хорезм (Хиву) – область в нижнем течении Амударьи. В мае 1507 г. Шейбани-хан выступил в пределы Хорасана и захватил Герат, Астрабад, Гурган и другие города. Тимурид Бади аз-Заман, сын и преемник Султана Хусайна и последняя надежда в борьбе с кочевыми узбеками Дешт-и Кыпчака, бежал в Азербайджан, оттуда – в Турцию и кончил жизнь в Стамбуле. Власть Тимуридов в Средней Азии пала, и на большей части ее территории воцарилась новая династия, возводившая свой род к внуку Чингиз-хана Шейбану (Шибану), сыну Джучи-хана.

В 1510 г., когда Мухаммад Шейбани-хан пал в битве под Мервом с кызылбашами, Хорезм перешел во власть персидского шаха Исмаила I, но ненадолго. В 1511 г. братья Илбарс и Билбарс, сыновья Буреке-султана, тоже Шейбанида, но политического соперника дома Абулхайр-хана, деда Мухаммада Шейбани-хана, выступили со своими приверженцами-узбеками из Восточного Дешт-и Кыпчака, изгнали наместника иранского шаха и утвердились в Хорезме, основав там независимое государство, известное как Хивинское ханство. Господство этой ветви династии (особой ветви потомков Шейбана (Шибана), сына Джучи-хана) в Хорезме длилось до 1106/1694–1695 г.

Завоевание государства Тимуридов кочевыми племенами Дешт-и Кыпчака, известными под общим собирательным названием *узбеки*, и основание в Мавераннахре (среднеазиатское междуречье Амударьи и Сырдарьи) двух независимых узбекских ханств – Бухарского (с главным городом Самаркандом, а затем Бухарой) и Хивинского (с центром вначале в Ургенче, а затем в

Хиве) – стали выдающимися событиями в этнополитической истории современного узбекского и казахского народов. Последствием ухода главных ветвей династий Шейбанидов из степи было определенное передвижение части кочевых племен Дешт-и Кыпчака в покоренные области Мавераннахра и Хорезма, где они обрели вторую родину. Общее число ушедших из степи в Мавераннахр кочевников Дешт-и Кыпчака достигало 240–360 тыс. человек. Окончательный уход Шейбанидов с большим числом людей привел к различиям в быту, нравах и обычаях, культуре и т. д. между узбеками Мавераннахра и узбеками-казаками (казахами) Восточного Дешт-и Кыпчака.

Территориально-этническое, социально-экономическое и культурно-бытовое разграничение населения Восточного Дешт-и Кыпчака, вызванное передвижением значительной части кочевых племен в Мавераннахр во главе с Шейбанидами, сыграло решающую роль в окончательном сложении новой этнической общности – казахской народности. Слово *узбек* стало обозначением группы племен, передвинувшихся вместе с Шейбанидами на территорию Мавераннахра. За оставшимися кочевать в степях Восточного Дешт-и Кыпчака и Семиречья тюркоязычными родами и племенами, объединенными под властью потомков Джучида Урус-хана, окончательно закрепилось название *казаки*, за страной – название *Казахстан*. С тех пор и до ныне коренные жители этой страны называют себя только казахами (казак). Между тем в русскоязычной литературе и документах долгое время (начиная с XVIII в. и до 30-х гг. XX в.) для обозначения коренного населения Казахстана употреблялись названия *киргизы* (имя соседнего тюркского народа, который фигурировал в русских документах как кара-киргизы или дикокаменные киргизы), либо *киргиз-казаки*, *киргиз-кайсаки* (причем здесь слово *кайсак* – искаж. тюркское слово *казак*). Слово же *казах* – современное официальное русское название народа.

Монгольское нашествие захватило и вовлекло в водоворот политических и военных потрясений множество тюркских племен, по преимуществу кыпчакских, которые к тому времени составляли основное население Великой Степи до Дуная. Сами монголы после походов XIII в. частью вернулись на родину, частью растворились в тюркском массиве Туркестана и Дешт-и Кыпчака. Сохраняя зачастую древние монгольские племенные названия, они утратили свой язык, мусульманизировались, их знать сливалась со знатью тюркских племен. Новые тюркские аристократические роды присваивали себе монгольские генеалогии.

Перемешавшиеся в ходе завоеваний и бесконечных переселений XIII–XVI вв. племена поселялись на новых землях, раздвигая политические границы Великой Степи. Так, на рубеже XV–XVI вв. кочевые племена узбеков Восточного Дешт-и Кыпчака, возглавленные Чингизидом Мухаммадом Шейбани-ханом, овладели Мавераннахром и создали Узбекское государство Шейбанидов (потомков Шейбана (Шибана), сына Джучи, внука Чингиз-хана). Другая часть узбеков Восточного Дешт-и Кыпчака, узбеки – казахи, еще в 70-х гг. XV в. создали Казахское ханство. На землях расколовшихся и обособившихся улусов Монгольской империи, управляемых Чингизидами, начался новый этап тюркского этногенеза – интенсивное смешение с субстратным населением, формирование современных тюркских народов.

ЛИТЕРАТУРА

Абу-л-Гази (пер.). Histore de Mogols et des Tatares par Aboul-Ghazi Behadour Khan. Publiee, traquite et annotee par Le Baron Desmaisons. T. 1. Texte. St.-Petersbourg, 1871.

Акимушкин О. Ф. К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-х гг. XVI в. – 60-х гг. XVII в. // Палестинский сборник. Вып. 21. Л., 1970.

Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент, 1958.

Бартольд В. В. Сочинения. Т.1–9. М., 1963–1977.

Вернадский Г. В. О составе Великой Язы Чингиз-хана. С приложением главы о Ясе из истории Джувейни в переводе В. Ф. Минорского. Брюссель, 1939.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Джувайни (пер.). The Tarikh-i-Jahan-gucha of Ala ud-Din Ata Malik-i-Juwyni (Comprosed in A.H. 658 A. D. 1260). Pt. 1. Leiden; London, 1912.

Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988.

Махмуд бен Вали. Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар. Т.6, ч. 2–3: Фотокопия рукописи Джурабека (Спб. филиал Института востоковедения РАН, ФВ-82); Т. 6, ч. 4: Ксерокопия рукописи библиотеки "Индия Оффис" (Соединенное королевство).

Мирза Хайдар Дуглат. Тарих-и Рашиди: Рукопись Спб. филиала Института востоковедения РАН. В 648.

Муизз ал-ансаб фи шаджарат салатин могол: Рукопись Национальной библиотеки, Париж.

Натанзи, Муин ад-Дин. Мунтахаб ат-таварих-и Муини ("Аноним Искандара"): Рукопись Спб. филиала Института востоковедения РАН. С 381.

Пищулина К. А. Юго-восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI века: Вопросы политической и социально-экономической истории. Алма-Ата, 1977.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1–3. М.; Л., 1946–1960.
Сокровенное сказание / С. А. Козин. Монгольская хроника 1240 г. Т. 1. М.; Л., 1941.
Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. М., 1982.
Султанов Т. И. О невольниках в Казахском ханстве в XV–XVII вв. // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986.
Трепавлов В. В. Соправительство в Монгольской империи (XIII). М., 1991.
Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М., 1993.
Утемиш-хаджи. Чингиз-нами / Факсимиле, пер., транскрипция, текстологич. примеч., исследования В. П. Юдина. Алма-Ата, 1992.
Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
Юдин В. П. Известия "Зийа ал-кулуб" Мухаммад Аваза о казахах XVI века // Вестник АН КазССР. 1966. № 5.
Юдин В. П. "Тарих-и Шейбани" как источник по истории казахского и каракалпакского народов XVI–XVIII вв. // Тезисы докладов научной конференции профессорско-преподавательского состава КазГУ. Гуманитарные науки. Алма-Ата, 1971.
Ismail Akai. Timur ve devleti. Ankara, 1991.
Manz Beatrice Forbes. The rise and rule of Tamerlane. Cambridge, 1989.

Глава 3. ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Культурная эволюция центральноазиатских обществ

Письменность, язык литературы и делопроизводства. В государствах, образованных монголами к западу от собственно Монголии, в ходу было два алфавита: арабский и уйгурский. Соотношение между ними было различным в разные периоды. Язык письменной литературы и государственного производства в этих государствах был также неоднородным.

Становление и развитие арабоязычной литературы в Туркестане связаны с принятием ислама населением и распространением арабского языка и алфавита. До X в. арабский язык был едва ли не единственным языком письменности на всем протяжении мусульманских владений, включая Туркестан, и играл роль международного литературного языка, подобно латыни в странах Западной Европы. С X в. начинает появляться литература на новоперсидском языке, а персидский язык постепенно становит-

ся литературным языком почти всей восточной части мусульманского мира. Возрождение персидского литературного языка, которое началось при персидских династиях X в. (Сасаниды), во многом обязано тюркским правителям последующих столетий, как правило, не знавшим арабского языка. Распространив свои завоевания в Мавераннахре и Хорасане, а затем в западном направлении — в Анатолию (Малая Азия) и юго-восточном — в Индию, они принесли с собой и персидский язык. Уже с начала нового тысячелетия в этих областях начали писать литературные труды по-персидски: "Тарих-и Бейхаки" (XI в.), "Зайн ал-ахбар" Гардизи (XI в.), История "Великих Сульджуков" ар-Раванди, исторический труд Фахр ад-дина Мубаракшаха и др.

Самые ранние из известных памятников арабографической литературы на тюркском языке относятся к XI в. Так, в 462/1069–1070 г. поэт Юсуф Баласагунский написал для кашгарского хана дидактическую поэму на тюркском языке под названием "Кутадгу билиг" ("Благодатное знание"). Уже в конце XIII в. встречается упоминание трех основных литературных языков мусульманского Востока – арабского, персидского, тюркского — и делается попытка сравнительной характеристики этих трех языков и написанных на них произведений. При этом арабская литература отличалась совершенством формы, а персидская – глубиной мысли; тюркская привлекала искренностью, простотой слога и близостью к жизни.

Ни один из названных языков не вытеснил полностью какой-либо другой, но их использование в культурной жизни Туркестана имело свои особенности. Арабский язык сохранял свое значение некоторое время и после X в.: на нем написаны труды таких выдающихся ученых, уроженцев Туркестана, как аль-Фараби (X в.), Ибн Сина (X–XI вв.), Бируни (X–XI вв.), Махмуд Кашгарский (XI в.) и др. С изменением политической обстановки в Туркестане арабский язык стал терять свои позиции, оставаясь преимущественно языком богословской литературы и богослужения. Удельный вес научной и поэтической литературы, созданной в Туркестане в эпоху позднего средневековья на арабском, незначителен. Зато усиливалось значение персидского языка как литературного. В Бухарском и Кокандском ханствах до новейшего времени персидский язык был языком культуры и государственного делопроизводства. Культура Кашгарии также испытывала влияние персидской, и два самых известных исторических сочинения из Восточного Туркестана – "Тарих-и Рашиди" Мир-

зы Хайдара Дуглата (XVI в.) и "Хроника" Чураса (XVII в.) – написаны на персидском языке.

Хотя начиная с XI в развитие арабографической литературы на тюркском языке и было непрерывным, но до XVI в. он оставался по преимуществу языком поэзии. Возникновение значительной исторической прозаической литературы на среднеазиатском тюрки (чагатайский тюркский язык) относится к XVI в. Параллельно с оригинальной тюркской прозаической литературой интенсивно развивалась в это время также и переводная литература. Но она не подучила дальнейшего развития, а тюркский язык был принят как язык литературы и государственного делопроизводства только в Хивинском ханстве. Развитие мусульманской прозаической литературы на тюркском языке (как оригинальной, так и переводной) в Восточном Туркестане относится по времени к XVIII–XIX вв.

Уйгурская письменность пришла в Западный Туркестан и Дешт-и Кыпчак вместе с монголами. Чингиз-хан до конца жизни был чужд всякого образования и, по словам его сына Угедэя, не знал никакого другого языка, кроме монгольского. Зато он принял меры к тому, чтобы его сыновья и потомки получили образование и не находились в зависимости от иноплеменных чиновников. Для нужд государства Чингиз-хан ввел письменность уйгуров. "Так как у татар не было письменности, – пишет Джувайни, – Чингиз-хан повелел, чтобы дети татарские выучились грамоте у уйгуров".

Более подробные известия об этом сообщаются в китайских источниках. Согласно "Юань-ши", первым человеком, открывшим монголам секрет средневековой уйгурской письменности, был уйгур по имени Тататунг, ведавший государственным делопроизводством при хане улуса найманов на землях современного Восточного Казахстана. "Тататунг, уйгур, обладал природным умом и сообразительностью. Был искусен в беседах и рассуждениях. Глубоко изучил письменность своей страны. Найманский хан Даян ценил его и назначил ведающим золотой ханской печатью и налогами. Государство найманов погибло, Тататунга спрятал печать за пазуху и бежал. Когда его схватили, император (Чингиз-хан) ... спросил, для чего употреблялась эта печать. Ответ был такой: "Она употреблялась как свидетельство подлинности указа хана во всех делах, когда взимались налоги и назначались люди на должности".

После этого при издании государевых (Чингиз-хана) указов всегда стали употреблять печать. Тататунга, как и раньше, ведал

ею. (Чингиз-хан) приказал Тататунге обучить монгольских царевичей писать на своем языке уйгурскими буквами".

Уйгурским письмом воспользовались для кодификации монгольского обычного права и законов Чингиз-хана ("Великой Ясы"), а также для составления "Золотой книги Чингиз-хана" — официальной хроники монгольских племен. Обе книги хранились в ханской сокровищнице, и доступ к ним кроме членов ханского рода был открыт только некоторым вельможам. Уйгурской письменности и наукам обучалось все молодое поколение монгольской знати спустя еще десятки лет после Чингиз-хана. Рашид аддин сообщает, что, когда Хулагуиду Газану "исполнилось пять лет, Абага-хан поручил его китайскому бахши Яруку, чтобы он его воспитал и обучил монгольскому и уйгурскому письму, наукам и хорошим их, бахшиев, приемам". Весьма показательно, что и последний Хулагуид Абу Сайд, по словам автора "Тарих-и Шейх Увайс" ал-Ахари, "хорошо знал монгольское и персидское письмо и хорошо писал".

По словам другого иранского автора XIV в., Мухаммад-Хинду-шаха, в приказах, обращенных к монгольским и тюркским воинам и кочевникам, употреблялось уйгурское письмо в силу принципа, чтобы каждый народ, входивший в состав населения монгольских государств, получал приказы на своем языке и мог понимать их без труда. Согласно замечанию хивинского хана и историка Абулгази, "во времена потомков Чингиз-хана в Мавераннахре, Хорасане и Ираке все служители диванов и канцелярии были уйгурами".

К уйгурским писцам и чиновникам туркестанских и хорасанских правителей, писавших документы уйгурским шрифтом, прилагался особый термин *бахши,* первоначально обозначавший только буддийских отшельников. Как пишет В. В. Бартольд, "по-видимому, эти писцы при чагатайских ханах стояли ближе к престолу, чем представители мусульманской культуры, и ведение хроники исторических событий всецело находилось в их руках". В частности, уйгурскими бахшиями, по-уйгурски и уйгурским письмом была составлена не дошедшая до нашего времени стихотворная хроника походов Тимура под названием "Тарих-и хани", которой в качестве источника воспользовались автор "Зафар-наме" Йазди (XV в.) и сочинитель "Зубдат ал-асар" Абдаллах бен Мухаммад, туркестанский автор первой трети XVI в. Сохранились образцы канцелярских документов и писем туркестанских владетелей к иностранным государствам, написанных на тюркском языке уйгурским алфавитом.

Уйгурские писцы находились при дворе среднеазиатских правителей до начала XVI в. С монголами уйгурская письменность пришла и в страну кыпчаков, где до того она не была известна. В жизни государства Золотой Орды в ходу были два языка: монгольский, тюркский и два алфавита: уйгурский и арабский.

Монгольские кочевники, пришедшие в Дешт-и Кыпчак, по численности значительно уступали местным тюркам, и вскоре их потомки, утратив свой язык, приняли тюркский язык кыпчаков. Однако в первой половине XIV в. в среде Чингизидов и монгольской кочевой знати Дешт-и Кыпчака монгольский язык еще не вполне вышел из употребления.

Письменных памятников, написанных уйгурским шрифтом на монгольском языке, на территории Джучиева Улуса пока найдено всего несколько: три пайцзы (*пайцза* — пластинка с надписью золотая, серебряная, бронзовая или деревянная, выдаваемая от имени монгольского хана как мандат), выданные в XIII—XIV вв. и фрагменты рукописи на бересте, содержащей тексты уйгурским шрифтом на двух языках: монгольском и тюркском. Есть золотоордынские монеты, где уйгурскими буквами написано имя хана, однако монет с монгольскими надписями в Золотой Орде нет, тогда как встречаются монеты с тюркской надписью арабскими буквами *кутлуг болсун*. Имеются золотоордынские документы, в том числе ханские ярлыки, написанные уйгурским шрифтом на тюркском языке. Известна версия "Мухаббат-наме", тюркоязычной поэмы золотоордынского поэта середины XIV в. Хорезми, написанная уйгурским письмом.

И все же в Золотой Орде арабское письмо было в большом ходу. С самого начала золотоордынские монеты чеканились арабскими буквами и с арабскими надписями. Большое количество документов (жалованные грамоты, письма ханов и т. п.) и ряд художественных произведений, вышедших из Золотой Орды и дошедших до наших дней, написаны на тюркском языке арабским письмом: поэма Кутба "Хусрау и Ширин"; "Мухаббат-наме" золотоордынского поэта по прозванию Хорезми (Хорезмиец); перевод на тюркский язык поэтом Сайфи Сараи "Гулистана" знаменитого персидского поэта XIII в. Саади.

Золотоордынские поэты XIV в. имели литературного предшественника. Так, в городе Барчкенде, в нижнем течении Сырдарьи, входившем в состав владений Джучидов, во второй половине XIII в. жил ученый Хусам ад-дин Асими, писавший сочинения на арабском, персидском и тюркском языках. По словам другого туркестанского ученого, Джамала Карши, который

познакомился с Хусам ад-дином Асими в Барчкенде в 672/1273–1274 г., его арабские произведения отличались красноречием, персидские – остроумием, тюркские – правдивостью и простотой слога.

Произведения золотоордынских литераторов XIV в. написаны на языке, близком к литературному тюркскому языку, который потом был назван чагатайским. Таким образом, сложение в XV в. центральноазиатского литературного *тюрки,* так называемого чагатайского языка, тесно связано с литературным движением в XIV в. в Золотой Орде, особенно в Поволжье, а также в Хорезме.

Развитие литературы. Становление и развитие арабографической литературы в Восточном Туркестане связаны с принятием ислама населением этой территории в середине X в. и распространением арабского языка и алфавита. Первые известные произведения восточнотуркестанской мусульманской литературы созданы на арабском и тюркском языках и по времени относятся к XI в.: "Кутадгу билиг" ("Благодатное знание") Баласагуна Юсуфа и "Муджам аш-шуйух" ("Словарь шейхов") и "Тарих Кашгар" ("История Кашгара") жившего в Кашгаре и писавшего по-арабски Абу-л-Футуха.

Этико-дидактическая поэма "Кутадгу билиг" была написана в Кашгаре в 462/1069–1070 г. для местного хана. Дошедшая в трех рукописях, она хорошо изучена, неоднократно издавалась, переводилась (частично или полностью) на другие языки.

Сочинения Абу-л-Футуха до нас не дошли. Некоторые сведения о нем и его отце сообщают Самани (XII в.), Йакут (XIII в.) и Джамал Карши (XIV в.).

Отец Абу-л-Футуха ал-Хусайн был шейхом и проповедником, а также автором многих сочинений о хадисах. Ал-Хусайн пережил своего сына на десять лет. Его сын Абу-л-Футух, говорится в "Китаб ал-ансабе", был хафизом, правдивым человеком. Он был слушателем ряда авторитетных ученых. Из Кашгара Абу-л-Футух совершил путешествие в ал-Джибал, Ирак и в область Багдада. Его перу принадлежит ряд сочинений по всем видам тафсира, хадиса и других наук. По данным Джамала Карши, Абу-л-Футух скоропостижно скончался в Кашгаре, судьба сочинений Абу-л-Футуха на религиозную тему и его "Словаря шейхов" неизвестна. А его "История Кашгара" пережила такое мощное военно-политическое потрясение средних веков, как монгольское нашествие. Списком этого труда пользовался в своем "Мулхакат ас-Сурах" Джамал Карши, писавший в Кашгаре в начале XIV в.

О литературной жизни Восточного Туркестана в XII в. и первых трех веках монгольского периода (XIII—XV вв.) мы имеем далеко не полное представление — литературные памятники, созданные в эту пору, почти не сохранились. Из дошедших до нашего времени литературных трудов той эпохи можно назвать две работы Джамала Карши. Он родился в 628/1230—1231 г. в Алмалыке (столица Чагатайского улуса у бассейне р. Или) в правление местного владетеля Сугнак-Тегина, пользовался покровительством государей, был воспитателем царевича при дворе и потому стал известен как ал-Карши (*харш* — монг. *дворец*). В конце 662/1264 г. Джамал Карши переселился в Кашгар. На новой родине ему покровительствовали местные *садры* (гражданские правители), и при их дружественной поддержке он занимался поэзией, переводами, писал исторические труды.

В 1301 г. Джамал Карши, выполняя желание местного садра, приступил к написанию "Мулхакат ас-Сурах" ("Прибавление к "Ясному"), завершенному им между 1303 и 1306 гг. "Мулхакат ас-Сурах" представляет собой историческую и историко-литературную энциклопедию на арабском языке. Сочинение содержит ценный, порой уникальный материал, по истории Караханидов, тюркской династии, правившей в XIII в. в Алмалыке. Встречаются интересные данные о первых монгольских правителях Туркестана и их сподвижниках. Кроме того, рассказы Джамала Карши о современниках — ученых и шейхах — дает, по определению В. В. Бартольда, понятие об умственной жизни той эпохи в Туркестане.

Из Западного Туркестана XIII—XIV вв. не дошло ни одно мусульманское сочинение, написанное по поручению какого-нибудь чагатайского правителя. Ситуация изменилась во времена Тимура, когда по инициативе государя впервые возникла официальная придворная историография в полном смысле этого слова. Исторические сочинения писались при дворе людьми, входившими в его близкое окружение, по официальному заказу государя под контролем и нередко под его диктовку. Такого рода сочинения были предметом чтения при дворе и считались официальной летописью царствования, санкционированной лично государем. С этого времени произведения историка стали столь же популярными при дворе туркестанских правителей, как и творения придворных панегиристов из среды поэтов. Сложение при первых Тимуридах школы официальной придворной историографии привело к резкому сокращению числа тех авторов, для которых сочинение исторического труда являлось результатом собственных

устремлений. Историческое сочинение, не санкционированное, не одобренное двором, имело крайне мало шансов для копирования и распространения. Возникла своего рода цензура исторических повествований, резко сократившая число "тиражируемых" исторических трудов.

Эпоха Тимуридов была важной в истории народов Средней Азии. Это было время, когда власти, отказавшись от завоевательных войн, обратили исключительное внимание на мирное процветание страны, украшение главных городов империи великолепными постройками, на восстановление разрушенных городов и заброшенных каналов, сохранение для потомков памятников письменной культуры прошлых эпох, создание новых литературных трудов. В этом созидательном труде активнейшее участие принимали многие государственные мужи и деятели культуры. В частности, в Герате, на земле, подаренной ему государем Хусайном, выдающийся тюркский поэт Алишер Навои возвел огромный комплекс благотворительных учреждений, нечто вроде современного университетского городка, но комфортабельнее. Комплекс зданий включал ханаке (обитель с кельями для религиозных подвижников), которое называлось *халасийе* (свободное от материальных забот) и медресе — высшее учебное заведение под названием *ихласийе,* с богатой библиотекой, где над созданием книг трудились известные ученые, каллиграфы, живописцы и т. д. В этом комплексе пребывало много сотен человек, ищущих знания, там они находили приют, питание и хорошие условия для творческих занятий. В медресе и ханаке было написано много ценных трудов, в том числе знаменитый "Раузат ас-сафа" Мирхонда, "Хуласат ал-ахбар" Хондемира и т. д.

Но в начале XVI в., которое совпало с кончиной великого Навои, власть Тимуридов в Туркестане пала и воцарилась новая династия, возводившая свой род к внуку Чингиз-хана Шейбану (Шибану, Сибану). С ним закончилась эпоха средних веков в истории ислама и началась новая история восточно-мусульманских стран.

Религия в истории и культуре Центральной Азии

Исламизация кочевников Великой Степи и Моголистана. Монгольские завоевания XIII в. не только полностью изменили политическую карты Евразии и внесли определенные коррективы в этническую карту расселения кочевых племен Восточной Европы и Центральной Азии. Именно в эпоху правления Чингизидов

официальной религией в Дешт-и Кыпчаке стал ислам. До монгольских завоеваний XIII в. на степных просторах от Иртыша дальше на запад располагались кочевья тюркоязычных кочевых племен, известных на Востоке под общим названием *кыпчаков,* на Руси — *половцев,* в Центральной Европе — *команов.* Значение племен кыпчаков в степи было столь велико, что всю Великую Степь от Иртыша на востоке до Днестра на западе стали называть начиная с XI в. Дешт-и Кыпчаком (перс. Кыпчакская степь), *Полем половецким* (на Руси), *Команией* (в Европе). Дешт-и Кыпчак делился обычно на две части: Западный и Восточный Дешт-и Кыпчак. Западный Кыпчак простирался с востока на запад от р. Яика (Урал) до Днестра, а с юга на север от Черного и Каспийского морей до г. Укека (остатки его находятся в окрестностях современного Саратова). Границу Восточного Кыпчака составляли: на востоке — р. Иртыш, на западе — р. Яик, на севере — р. Тобол, на юге — оз. Балхаш (Кокче-Тенгиз) и местности, примыкавшие к среднему течению Сырдарьи.

В домонгольский период кыпчаки Великой Степи были почти не затронуты исламом и его культурой. Правда, согласно легендарному известию, изложенному арабским историком XIII в. Ибн ал-Асиром, в 1043 г. ислам приняло кочевое население (всего около 10 000 кибиток), жившее зимой по соседству с Чуйской долиной в Семиречье, летом — в степях близ страны волжских булгар. Однако до монгольских завоеваний Кыпчакская степь оставалась вне пределов мусульманского мира, и еще в начале XIII в. мусульманский владетель Средней Азии хорезмшах Мухаммад воевал с немусульманскими кыпчаками на Сырдарье и в Тургайских степях (современный Центральный Казахстан). Такая же обстановка была и в Западном Дешт-и Кыпчаке. У половцев существовали мусульманские проповедники. Несмотря на это, на Кавказе кыпчаки в XII в. в союзе с грузинами принимали участие в набегах на мусульманские земли, а кыпчаки, кочевавшие в степях Южной Руси и полуострова Крым, находились под влиянием христианства и частью были христианами. Причем пропаганда христианства среди кыпчаков из Южной Руси и Западной Европы продолжалась и в монгольский период, что видно из относящегося к концу XIII в. кыпчакского словаря, где приводятся на тюркском языке кыпчаков тексты Евангелия и католические гимны (так называемый *Codex Comanicus*). Но господствующей религией у кыпчаков того времени был шаманизм, выражавшийся в преклонении перед силами природы, особенно в культе Тенгри (Небо). Замечательно, что и древние монголы, завоевавшие

Кыпчакские степи, также были язычниками, причем и у них был распространен шаманизм. Однако история сложилась так, что широкое распространение и укрепление ислама среди кочевников Дешт-и Кыпчака, которые до того не были мусульманами, относятся именно к эпохе монгольского владычества (XIII–XV вв.).

Государство Золотой Орды с самого начала своего существования подвергалось воздействию мусульманской религии и культуры как изнутри – мусульманское население булгарских городов Поволжья и Прикамья, а также мусульмане Хорезма, так и извне – из близкой Бухары и далекого Египта. Последнему обстоятельству способствовал военный союз, заключенный между ханами Золотой Орды и мамлюкскими правителями Египта и направленный против персидских монголов, ильханов, с которыми Джучи находились во враждебных отношениях. Это мощное воздействие мусульманского мира привело к принятию династией Джучидов ислама в качестве официальной религии государства Золотой Орды.

В истории внедрения мусульманства в Золотой Орде четко выделяются три этапа: при хане Берке, хане Узбеке и при эмире Едиге.

Как сообщает автор "Истории завоевателя мира" Джувайни, Бату, первый правитель Золотой Орды, "не был последователем ни одной из сект и религиозных учений". Известно, что тогда многие Чингизиды были враждебны исламу, так как мусульмане во главе с халифом Мустасимом в то время были главными внешними врагами Монгольской империи. Тем не менее еще при жизни Бату несколько его младших братьев стали мусульманами. В их числе был царевич Берке — будущий хан Золотой Орды.

Царевича Берке, по словам его современника Джузджани, еще в юности в Ходженте один из ученых города обучал *Корану*. Берке посещал в Бухаре мусульманских ученых-богословов и неоднократно беседовал с ними. Там же, в Бухаре, по словам арабских авторов, произошло и принятие им ислама от знаменитого суфийского шейха Сайф-ад-дина Бахарзи. Это событие имело место в то время, когда царевич Берке возвращался в Поволжье из Монголии с курултая, на котором Мунке (Менгу) был провозглашен великим ханом, т. е. в 1251 г. Рассказывается, что после своего восшествия на престол в 1257 г. Берке посетил Бухару, чтобы оказать почет выдающимся *улемам* (ученым-богословам) города. По известиям египетских авторов, очевидно, сильно преувеличенных, мусульманинами были не только Берке, но и его жены, а также часть эмиров со своими воинами. Каждая из его

жен и каждый из эмиров, принявших ислама, будто бы имели при себе имама (духовный наставник) и муаззина (человек, провозглашавший азан – призыв на молитву). Свои мечети (молитвенный дом ислама), состоящие из шатров, они возили с собой. Говорится также о мусульманских школах, где детей сановников учили читать Коран. В орде Берке-хана постоянно находились ученые-богословы.

Принятие ислама ханом Берке, его женами и приближенными, представленное мусульманскими авторами как победа "правоверия" в Золотой Орде хотя и было для своего времени фактом огромной политической значимости, однако не привело к массовой исламизации основного населения государства потомков Джучи и заметной исламизации государственной жизни и общественного быта. Известно, что в Джучиевом Улусе и при ханемусульманине Берке языческие обычаи соблюдались с такой же строгостью, как и в самой Монголии, в том числе и обычай, более всего находящийся в противоречии с требованиями ислама — не употреблять речной воды для мытья. Когда в 1263 г. египетские послы прибыли в Поволжье, в ставку Берке-хана, то их заблаговременно предупредили, чтобы они "не ели снега, не мыли платья в орде, а если уж случится мыть его, то делать это тайком". Как факт слабого распространения ислама среди Джучидов и кочевой феодальной знати Дешт-и Кыпчака следует также рассматривать то обстоятельство, что последовавшие за Берке ханы Золотой Орды были язычниками. Они не исповедовали ислама до появления Узбек-хана".

Царствование Узбек-хана (1313–1341 гг.) стало золотым периодом для распространения и укрепления ислама в Золотой Орде. При нем ислам был объявлен официальной религией государства потомков Джучи, и золотоордынская культура приобрела определенный мусульманский отпечаток. Принятие Узбеком ислама арабские авторы связывают с обстоятельствами его восшествия на престол. Предшественник Узбека на троне Токта-хан, говорится в сочинении шейха ал-Бирзали, был идолопоклонником, любил "лам и волшебников, и оказывал им большой почет". У Токта-хана был сын — приверженец ислама. Он любил слушать чтение Корана, хотя и не понимал его, и предполагал, что, когда сделается царем этой страны, не оставит в царстве своем никакой другой религии, кроме мусульманской. Но он умер еще при жизни отца, оставив сына. Токта назначил наследником престола внука, однако после Токты царством овладел сын его брата Узбек.

Согласно летописи ал-Айни и "Книге назидательных примеров" Ибн Халдуна, царевича Узбека возвел на ханство старший эмир страны Кутлук-Тимур со своими сторонниками. Причем, когда захват власти еще только готовился, Кутлук-Тимур будто бы взял с царевича Узбека слово, что если он вступит на престол, то сделается мусульманином и будет строго придерживаться правил ислама. Сев на престол, Узбек действительно умертвил большое количество шаманов и буддийских лам, принял магометанство и провозгласил исповедание ислама. Сделавшись мусульманином, Узбек-хан устроил соборную мечеть, в которой совершал все пять молитв, не надевал более монгольских колпаков, стал надевать булатный пояс и говорил: "Мужчинам неприлично носить золото".

В анонимном сочинении под названием "Шаджарат ал-атрак" ("Родословие тюрок"), составленном на персидском языке в XV в., есть рассказ, по которому Узбека обращал в ислам и дал ему имя Султан Мухаммад Узбек-хана туркестанский шейх Сайид-ата. Это событие будто бы произошло в 720 г. хиджры (12 февраля 1320 г. – 2 января 1321 г.). Примечательно, что на монетах Узбек-хана, чеканенных с 721/1321–1322 г., его полное имя пишется в форме "Султан Мухаммад Узбек-хан", а монеты, чеканенные в более раннее время, обычно содержат легенду: "Верховный Султан Узбек". Начиная с Узбек-хана все золотоордынские ханы были мусульманами и имели кроме личного тюркского имени и мусульманское. Так, судя по монетам, у Джанибек-хана мусульманское имя было Султан Джалал ад-дин Махмуд, у Бердибек-хана — Султан Мухаммад, у Токтамыш-хана — Султан Насир ад-дин и т. д.

В связи с принятием династией Джучидов ислама во второй четверти XIV в. и в государстве Чагатаидов ислам был также объявлен официальной религией. Таким образом, уже в XIV в. ислам сделался государственной религией на всем пространстве, завоеванном монголами, — от Южной Руси до границ собственно Монголии и Китая. Властная элита Золотой Орды поддерживала не только магометанскую религию. Во многих городах Крыма, Поволжья и др. мечети соседствовали с церквами и монастырями. В частности, в столице государства Сарае при Узбек-хане, по свидетельству великого арабского путешественника Ибн Баттуты, было "13 мечетей для соборной службы, одна из них шафийская. Кроме того, чрезвычайно много других мечетей. В нем живут разные народы, как-то: монголы – это настоящие жители страны и владыки ее, некоторые из них мусульмане; асы, которые

мусульмане; кыпчаки, черкесы, русские и византийцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно".

В другом источнике XIV в. говорится, что население Золотой Орды многочисленно и различно по составу и что наряду с христианами между ними "есть мусульмане и неверные". Судя по всему, в XIII–XIV вв. властелины Золотой Орды проявляли полную толерантность и терпимость в делах веры своих подданных. О природе веротерпимости Джучидов говорится в письме брата Ордена Миноритов, Иоганки Венгра, в 1320 г. побывавшего в Золотой Орде. "Ведь татары, – писал он главе Ордена, барону Михаилу, – военною мощью подчинили себе разные племена из народов христианских, но позволяют им по-прежнему сохранять свой закон и веру, не заботясь или мало заботясь о том, кто какой веры держится, с тем чтобы в мирной службе, в уплате податей и сборов и в военных походах они (подданные) делали для господ своих то, что обязаны по изданному закону".

Распространение магометанства успешнее всего шло в среде властной элиты и городского населения Золотоордынского государства. Кочевая степь — Дешт-и Кыпчак — в XIV в. в целом оставалась поверхностно затронутой мусульманством, и жители степи в массе своей были еще во власти старых шаманистских воззрений, о чем свидетельствует сохранение древних языческих обрядов погребения.

В начале XV в. эмир Едиге (Идики, Идику) предпринял попытку насильственного внедрения ислама в среду кочевого населения Золотой Орды.

Эмир Едиге происходил из тюркизированного монгольского племени мангыт и сделался легендарным богатырем еще во времена правления золотоордынского хана Токтамыша. Однако его фактическое вхождение во власть состоялось лишь после полного поражения Токтамыша от эмира Тимура в 1395 г. События развернулись таким образом, что с тех пор и до самой своей кончины в 1419 г. он был полновластным правителем большей части Золотой Орды, но, не будучи Чингизидом, Едиге не принимал титул хана, а носил только титул эмира.

Едиге в короткое время привел в порядок государство, расстроенное двумя опустошительными нашествиями эмира Тимура и, по словам автора "Мунтахаб ат-таварих-и Муи'ни", положил начало в Улусе Джучи "тонким правилам и великим законам". В частности, он "татарам" продавать детей своих в неволю, вследствие чего значительно уменьшился привоз их в Сирию и Египет. В другой раз он обратил свой высокий взор на состояние

ислама в государстве потомков Джучи. Вот что сообщает итальянский купец Иосафат Барбаро, проживший много лет (1436–1452 гг.) в Тане, венецианской колонии в устье Дона: "Магометанская вера стала обычным явлением среди татар уже около ста десяти лет тому назад. Правда, раньше только немногие из них были магометанами, а вообще каждый мог свободно придерживаться той веры, которая ему нравилась. Поэтому были и такие, которые поклонялись деревянным или тряпочным истуканам и возили их на своих телегах. Принуждение же их принять магометанскую веру относится ко времени Едигея, военачальника татарского хана, которого звали Сидахамет-хан". Стремление Едиге насильственно обратить в мусульманство всех кочевников Дешт-и Кыпчака в какой-то степени, возможно, и укрепило религиозный принцип. Однако эти силовые методы решения религиозных задач не привели все же к полной победе ислама в Кыпчакской степи. В ней оставалось много язычников, и такая обстановка сохранялась и в XVI–XVII вв.

В этой связи следует особо отметить, что казахи, этническое ядро которых составили роды и племена именно кыпчакского объединения, в XVI в. считались мусульманами-суннитами ханифитского толка. Но наряду с этим среди них были распространены некоторые обычаи язычества. Они выражались, во-первых, в том, что у казахов были изображения идолов, которым они земно поклонялись. Во-вторых, казахи захваченных в плен мусульман превращали в рабов, не делая никакого различия между ними и рабами-неверными. В третьих, когда наступала весна и появлялся кумыс, казахи, прежде чем налить кумыс в сосуд и выпить, обращали лицо к Солнцу и выплескивали из сосуда небольшое количество напитка в сторону востока, а затем совершали земной поклон Солнцу. Наверное, это было проявлением благодарности Солнцу за то, что оно выращивало травы, которыми питается лошадь и благодаря которым появляется кумыс.

Новый этап в деле распространении и укреплении ислама среди кочевников Кыпчакской степи связан с деятельностью русского правительства.

Когда во второй половине XVI в. Россия включила в свой состав Казанское, Астраханское и Сибирское (Тобольское) ханства, русские познакомились с татарами Поволжья и башкирами как с народами, принявшими мусульманство. В России сложился ошибочный взгляд, что все население бывшего Джучиева Улуса — правоверные магометане и ислам — единственный источник их мировоззрения, государственного строя и общественного быта.

Еще в первой половине XVIII в. с этой ложно принятой точки зрения обсуждалось в правительстве России прошлое, настоящее и будущее тюркоязычных кочевых народов Великой Степи, в частности казахов. Именно поэтому посол императрицы Анны Иоанновны А. И. Тевкелев, отправленный в 1731 г. в Казахские степи к хану Абулхайру для принятия казахов Киши жуза (Младшей орды) в российское подданство, имел строгую инструкцию. Согласно этой инструкции, составленной в стенах Коллегии иностранных дел, А. И. Тевкелев должен был стараться, "яко о наиглавнейшем деле, дабы в верности к ее И. В. оный Абу-л-Хайр-хан со всеми другими ханы и с старшиною, и с прочими всеми киргиз-кайсаки присягу по своей вере на *алкоране* учинили, и тое руками своими подписали, и ему, Тефкелеву, отдали".

А между тем в степях Казахстана и в первой половине XVIII в. ислам был религией народа лишь номинально. Фактически же среди основной массы казахов требования ислама (т. е. пять основ ислама: 1) исповедание единого Бога, Аллаха и его посланника Мухаммада; 2) пятикратная молитва; 3) пост в месяце рамазан; 4) уплата налога в пользу бедных; 5) паломничество в Мекку к Каабе главной святыне всех мусульман) были малоизвестны, религиозные обряды исполнялись далеко не всеми, зато пережитки домусульманских верований были весьма сильны. Так, хан Абулхаир, погибший летом 1748 г., был погребен по мусульманскому обряду, но в могилу в "одежде обыкновенной и с некоторыми военными снарядами, как-то: саблею, копьем и со стрелами".

Окончательная победа ислама в степях Казахстана (т. е. восточной части прежнего Дешт-и Кыпчака) произошла именно после принятия казахами российского протектората и при энергичном содействии русских — последователей христианства.

Отношение русского правительства к исламу в разные исторические периоды было различно. При покорении новых земель на азиатском материке русское правительство не покровительствовало исламу, но и не прибегало к прямому насилию над совестью своих азиатских подданных-мусульман и к принятию христианства не принуждало. Позднее начались гонения на ислам, особенно ожесточенные в 40-х гг. XVIII в., когда именным указом предписывалось распространять среди мусульман христианство, освобождать новокрещеных от податей и рекрутчины, возлагая то и другое на некрещеных, когда сенатским указом в бассейне Волги и Камы уничтожались мечети. Но поскольку религиозные гонения вызывали восстания "восточных инородцев", а насаждение среди них христианства давало ничтожные резуль-

таты, то во второй половине XVIII в. отношение к исламу изменилось. Русское правительство сознательно стало содействовать распространению ислама и укреплению его позиций в азиатских владениях. Специальным указом предписывалось строить мечети, в частности в 1755 г. было разрешено основание недалеко от Оренбурга так называемого Сеитовского посада с великолепной мечетью, который вместе со своей религиозной колонией в Стерлибаше в Уфимской губернии стал новым центром мусульманской науки на границе с Казахской степью. Отсюда с ведома российских властей посылались в казахские степи мусульманские проповедники для насаждения ислама и муллы для организации мусульманских религиозных школ и обучения детей. Об успехах ислама на официальном уровне свидетельствует и тот факт, что в 80-х гг. XVIII в. в казахских степях официально действовал некий ходжа Абу-л-Джалил, носивший почетный титул *пир* (духовный наставник) всего киргиз-кайсакского журта", т. е. своеобразный степной шейх ул-ислам. С того времени мусульманская культура и ислам распространяются в Казахстане не только с юга, как это было первоначально, но и с севера. Данное обстоятельство в конечном счете привело к тому, что бывшая Кыпчакская степь полностью и окончательно сделалась мусульманской.

Мавераннахр уже в IX в. считался чисто мусульманской страной с преобладанием ханифитского толка, но господство мусульманской идеи закончилось с завоеванием монголов-язычников, хотя коренное население страны и продолжало почитать ислам, за что порой подвергалось гонениям со стороны Чагатая, блюстителя Ясы Чингиз-хана. Первым из потомков Чагатая, принявшим ислам, был его правнук Мубарак, в марте 1266 г. на берегу Ангрена (Мавераннахр) провозглашенный главой Чагатайского улуса. Но он правил недолго — в том же 1266 г. престол у него отнял другой чагатайский царевич — Барак, двоюродный брат Мубарака, и провозгласил себя ханом в Узгенде. Зимой 1270—1271 г. в Ташкенте Барак-хан принял ислам, но вскоре умер. После него почти 60 лет Чагатайским улусом правили ханы-язычники, и только хан Тармаширин принял ислам, а заодно и мусульманское имя — Султан Ала ад-дин, объявив ислам государственной религией страны. Ал-Омари по этому поводу писал: "Цари этого государства (Мавераннахра) приняли ислам недавно, после 725 г. (декабрь 1324 — ноябрь 1325 г.). Первый из них, кто принял ислам, — Тармаширин, — да помилует его Аллах. Он искренне предался Аллаху, поддерживал ислам и стоял за него, как мог. Он приказал принять ислам своим эмирам и своим воинам: неко-

торые из них стали еще раньше мусульманами, а другие приняли ислам в повиновение ему. Ислам распространился среди них, и так высоко поднялся его стяг, что не прошло и десяти лет, как ислам приняли все: и знатные, и простонародье. Ему способствовали проживающие в тех краях ученые имамы и угодные Аллаху шейхи. Они использовали случай привести к покорности тюрков и постепенно призвали их к правой вере. И сейчас они (тюркомонгольские эмиры), как у нас стало известно, самые ревностные из людей в делах веры и меньше всех ошибаются в том, что дозволено и что запретно".

В действительности ислам окончательно сделался религией правителей и их подданных только в Мавераннахре, и Чагатаи при Тимуре считали себя вполне мусульманским войском, хотя по своей внешности и военному устройству оставались верны традициям Чингиз-хана. Что касается восточных областей Чагатайского улуса, то ислам стал фактором государственной жизни Моголистана только при правлении Туглук-Тимура. Согласно "Шаджарат ал-атрак", это важное в истории страны событие имело место вскоре после возвращения Туглук-Тимур-хана в Моголистан из его второго похода на Мавераннахр в 1361 г. Согласно "Шаджара-йи тюрк", Туглук-Тимур-хан сделался мусульманином в 754/1353 г. в возрасте 24 лет. По Мирза Хайдару Дуглату, Туглук-Тимура обратил в ислам Маулана Аршад ад-дин, сын шейха Джамал ад-дина. Вместе с ханом мусульманскую веру приняли также многие царевичи и эмиры со своими воинами. Так, к середине XIV в. ислам сделался государственной религией на всем пространстве бывшего Чагатайского ханства — от берегов Амударьи до границ собственно Монголии и Китая. Но, несмотря на официальный переход к мусульманству, распространение ислама в Моголистане шло медленно. Даже среди членов царствующей фамилии были немусульмане, в частности дочь Хизр-ходжахана, жена эмира Тимура, по словам Ибн Арабшаха, была христианкой. Да и рядовые моголы второй половины XIV в., по утверждениям тимуридских источников, "в большинстве своем были лишены украшения исламской веры", и потому их западные соседи чагатаи называли своих восточных соседей *джете, кафирами,* нечестивцами.

В XV в. ислам упрочил свои позиции в Моголистане. Особые заслуги в распространении ислама приписываются Мухаммад-хану. Он насильно заставлял своих подданных носить чалму; непослушным вбивались в голову подковные гвозди. Такими жестокими мерами Мухаммад-хан, по словам автора "Тарих-и Раши-

ди", добился того, что "большинство кочевых племен Моголистана стало мусульманами". Однако и усердная забота Мухаммад-хана о распространении ислама в своих владениях не сделала Моголистан мусульманской страной. Еще и в 823/1420 г., по рассказам послов Тимурида Шахруха в Китай, во многих городах Восточного Туркестана молитвенные здания ислама соседствовали с буддийскими храмами уйгуров. Так, в Турфане, часть жителей которого, согласно Мирза Хайдар Дуглату, приняла ислам только при Хизр-ходжа-хане, т. е. в конце XIV в., горожане, по свидетельству послов, были большей части "иноверцами — поклонялись идолам и имели большой буддийский храм, очень красивый. Там было много изваяний, новых и старых. На переднем возвышении находилось большое изваяние, которое было, как утверждали, фигурой Шакемуни" (Будды). В августе 1420 г. послы прибыли в Комул. "В этом городе эмиром Фахр ад-дином была построена большая мечеть. Напротив мечети был сооружен огромный буддийский храм, в котором находилось большое изваяние. Слева и справа от него располагалось множество подобных красиво оформленных изваяний, но меньших размеров. У входа в храм возвышалось большое изваяние, ростом с девятилетнего мальчика; это была искусно выполненная медная фигура. На стенах храма с большим мастерством, в тонких красках были нарисованы различные рисунки. На дверях храма были изображены два демона, готовых напасть друг на друга".

Только во второй половине XV в., при Юнус-хане, ревностном мусульманине, получившем основательное мусульманское образование в Персии, западные соседи моголов, чагатаи, признали их мусульманами и на моголов было распространено правило, соблюдавшееся в войнах между мусульманами, — запрет продавать мусульман в рабство.

Но хотя Моголистан и был объявлен мавераннахрскими религиозными авторитетами дар ал-исламом ("территорией ислама", "мусульманской страной"), тем не менее какая-то часть оседлого и кочевого населения страны все еще оставалась "язычниками". Это касалось, в частности, кыргызов. По словам Мирзы Хайдара Дуглата, "кыргызы тоже из сообщества могольских племен", но моголы Моголистана стали мусульманами и вошли в число последователей ислама, а кыргызы оставались кафирами. В этом заключалось, по мнению историографа моголов, главное различие между ними. В XVI в. кыргызы отделились от Могольского государства и имели отдельное политическое бытие — у них не было своих ханов, а только беки, которых называли *кашка*. По

словам османского автора конца XVI в. Сейфи Челеби, кыргызы не были "ни мусульманами, ни кафирами".

Окончательное утверждение ислама среди жителей Восточного Туркестана, т. е. среди подданных Могольского государства с центром в Яркенде, относится к рубежу XVI–XVII вв. и связано с успехами пропаганды, суфийских деятелей, особенно шейхов Махдум-и Азама, Лутфаллаха и ходжа Исхака.

ЛИТЕРАТУРА

Абулгази (пер.). Histore de Mogols et des Tatares par Aboul-Ghazi Behadour Khan. Publiee, traquite et annotee par Le Baron Desmaisons. T.1. Texte. St.-Petersbourg, 1871.

Андреев И. Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков / Сост., транскрипция скорописи XVIII в., спец. редактирование текста и коммент. И. В. Ерофеевой. Алматы, 1998.

Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в древние времена. Т. 1–3. М.; Л., 1950.

Ибрагимов С. К. Еще раз о термине *казах* // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960.

Кадырбаев А. Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаиров, найманов и киреитов. Алматы, 1993.

Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

Рычков Н. П. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи в 1771 г. Спб., 1772.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды В. Тизенгаузена. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. Спб., 1884; Т. 2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л., 1941.

Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972.

Фазлаллах ибн Рузбихан Исфагани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). М., 1974.

ЧАСТЬ 3

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В XVI – НАЧАЛЕ XX В.

Глава 1. ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Государственно-политическое развитие в XVI – середине XVIII в.

Казахское ханство. Казахское ханство было основано султанами Гиреем и Джанибеком. Этому событию предшествовал ряд обстоятельств.

В 20-х гг. XV в. в Узбекском улусе (Восточный Дешт-и Кыпчак) шла война. В одном из сражений, имевшем место в 1428 г., погиб хан кочевых узбеков Великой степи Барак-оглан, внук Урус-хана. В том же 1428 г. (или в начале 1429 г.) в Восточном Дешт-и Кыпчаке воцарился Шейбанид Абулхайр-султан, представитель другой ветви Джучидов. За годы сорокалетнего правления Абулхайр-хана произошли тысячи больших и малых событий, в том числе откочевка группы недовольных властью дештских племен за пределы Узбекского улуса. Ни хан Абулхайр, ни султаны, покинувшие Узбекский улус с подвластными им племенами и родами, не предполагали, что это ординарное в жизни кочевого общества событие будет иметь решающее значение для дальнейшей судьбы страны. С этой откочевки **началась новая глава в истории современного Казахстана. Да и возникновение самого топонима *Казакстан* (Страна казаков) – один из ее результатов.**

В 864 г. хиджры (октябрь 1459 – сентябрь 1460 г.), по словам автора "Фатх-наме" Шади, у сорокасемилетнего предводителя кочевых узбеков Восточного Дешт-и Кыпчака Абулхайр-хана, потомка Шейбана (Шибана), внука Джучи, умер старший сын от жены из племени буркут Шах-Будаг-султан. Его сыновья восьмилетний Мухаммад (будущий Абу-л-Фатх Мухаммад Шейбани-хан) и пятилетний Махмуд были отданы на попечение уйгуру Бай-Шайх-кукельташу, воспитателю (*атаке*) их отца. Малолетние

царевичи-сироты росли окруженные заботой атаке и любовью царственного деда, упражняясь в верховой езде, стреляя из лука, обучаясь искусству ведения войны и обращения с подданными. На рубеже XV–XVI вв. они станут завоевателями империи Тимуридов и основателями государства Шейбанидов в Мавераннахре.

Историк Шади (нач. XVI в.) не сообщает подробности смерти Шах-Будаг-султана. Однако из других источников известно, что в конце 50-х гг. XV в. в Восточном Дешт-и Кыпчаке произошел конфликт – династийные противники Абулхайр-хана вновь повели ожесточенный спор за верховенство в улусе узбеков. По всей вероятности, молодой Шах-Будаг-султан и погиб в одном из тех сражений, защищая от претендентов трон своего отца. Тогда Шейбанидам удалось разгромить внутренних политических врагов. Абулхайр, очевидно, мстя за смерть старшего сына, перебил "ряд принцев из потомков Джучи в стране Дешт-и Кипчак, – говорится в источнике, – и рассеял то общество в разных краях".

В числе политических противников Абулхайр-хана, по счастливой случайности оставшихся в живых, были Гирей-султан и Джанибек-султан, потомки Урус-хана, представителя другой ветви Джучидов Дешт-и Кыпчака. Перед ними встал вопрос: искать убежище у соседей (так поступали тогда многие) или же оставаться в улусе и ждать своей участи? После жарких споров и глубоких раздумий Гирей и Джанибек решили покинуть государство Абулхайр-хана в том же 864/1459–1460 г., с группой племен, своих сторонников, направились в соседнюю страну, Моголистан.

В один из месяцев 864 г. хиджры (1459–1460 гг.) Джучиды Гирей и Джанибек со своими приверженцами прибыли в Семиречье, которое в то время принадлежало Чагатаидам и составляло основную часть территории Моголистана. На севере граница Моголистана с Узбекским улусом проходила по Кокче-Тенгиз (с XVIII в. оз. Балхаш), а на юге Моголистан включал в свой состав Кашгарию.

Верховным правителем моголов в те годы был Есен-Буга-хан. Он благосклонно, с почестями принял Гирея, Джанибека и других султанов из рода Джучи и предоставил им западную часть Моголистана, известную как "Джуви (Чу) и Козы-Баши". Их пребывание в чужой стране затянулось. В 1462 г. умер Есен-Буга-хан, и на престоле утвердился его брат Юнус (правил в 1462–1487 гг.). В ту эпоху для обозначения временного состояния вольных людей, оторвавшихся по разным причинам от своей социальной среды или государства и принужденных обстоятельствами вести жизнь искателей приключений, употреблялось слово

казак. Так как Гирей, Джанибек и их приверженцы были людьми, ушедшими от своих и скитавшимися по окраинам государства кочевых узбеков Восточного Дешт-и Кыпчака, к которому они принадлежали, и одновременно находились с ним в состоянии войны, то их прозвали ***узбеками-казаками*, т. е. узбекскими казаками, или просто казаками. Имя это за ними закрепилось.**

Обосновавшиеся в соседнем Моголистане и стоявшие во главе многотысячных узбеков-казаков султаны, естественно, внушали опасения Абулхайр-хану. Поэтому глава кочевых узбеков Восточного Дешт-и Кыпчака осенью 1468 или 1469 г. предпринял в Моголистан тщательно подготовленный поход. Пройдя окрестности Ала-Тага, войско хана через несколько переходов достигло местности Йети-Кудук и там расположилось лагерем. Вскоре начал дуть сильный ветер, пошел проливной дождь, затем начался обильный снегопад, за которым последовали жестокие морозы, сковавшие действия узбеков Дешт-и Кыпчака. Абулхайр заболел и через несколько дней скончался в возрасте 57 лет.

После смерти Абулхайр-хана политический кризис в Узбекском улусе обострился. "Во владениях узбекских ханов появилась смута, – пишет Ибн Рузбихан, хорошо информированный автор начала XVI в., – и очередь ханствовать в улусе Шибана досталась Шайх-Хайдар-хану". Именно во время его правления, которое было кратковременным, Гирей и Джанибек со своими казаками (казахами) вернулись в Узбекский улус и ввязались в спор за политическое главенство в степи. В начавшейся войне между вождями казачьей вольницы и преемником Абулхайра, слабосильным ханом Шайх-Хайдаром последний потерпел поражение и погиб, близкие к нему люди перебиты, а оставшиеся в живых Шейбаниды бежали в Астрахань, к Тукайтимуридам. **Единственными реальными властителями в большей части Узбекского улуса стали Гирей, Джанибек и их приверженцы. Это историческое событие произошло в 875/1470–1471 г.**

Так, спустя сорок с небольшим лет власть в восточном Дешт-и Кыпчаке вновь перешла к потомкам Урус-хана. Но если Урус-хан, его сын Куйручук-хан и внук Барак-хан были государями кочевых узбеков Дешт-и Кыпчака, то их потомки со второй половины XV в. предводительствовали узбеками-казаками, или просто казаками Восточного Дешт-и Кыпчака. Казаки были в Великой Степи и смежных с ней регионах и до XV в. Однако прежде казачьи вольницы со временем распадались, члены таких групп возвращались в прежнее состояние и тем самым теряли прозва-

ние *казак*; теперь же впервые казачья вольница **во главе с султанами Гиреем и Джанибеком, захватила верховную власть в стране и создала собственно казахское государство (*доулат-и казак*). Таким образом, если до создания казахского государства слово *казак* несло только социальную нагрузку, то с тех пор оно превращается в политический термин – в название самостоятельного ханства, а затем становится еще и самоэтнонимом, т. е. самоназванием казахского народа.**

Вопрос о дате образования Казахского ханства остается спорным до сих пор. Первый историк первого казахского государства Мирза Хайдар Дуглат по этому поводу пишет: "Когда Абулхайр-хан полностью подчинил себе Дешт-и Кыпчак, некоторые султаны джучидского рода обонянием предусмотрительности почуяли веяние надвигающейся беды с его стороны и решили предотвратить ее. И с этой целью несколько султанов – Гирей-хан, Джанибек-султан и им подобные с немногочисленным количеством людей, бежав от Абулхайр-хана, прибыли в Моголистан. Очередь ханствования в то время в Моголистане была за Есен-Буга-ханом. Есен-Буга-хан проявил к ним особую заботу и уважение, и местом их пребывания определил один из уголков Моголистана, где они обрели надежную безопасность, и жизнь их проходила в благополучии. После смерти Абулхайр-хана [так!] в Узбекском улусе начались междоусобицы, всякий, кто только мог, ища безопасности и благополучия, уходил к Гирей-хану и Джанибек-хану. Вследствие этого они значительно усилились. Так как сперва бежав и отделившись от своего многочисленного народа, некоторое время пребывали в беспомощности и скитаниях, их и прозвали казаками, и прозвище это закрепилось за ними".

В другой главе **Мирза Хайдар Дуглат, описывая эти же события, добавляет: "За ними утвердилось название *узбеки-казаки*. Начало государства казахских султанов (*ибтидаи-йи доулат-и салатин-и казак*) – с восемьсот семидесятого года (1465–1466 г.). Впрочем, Аллах лучше знает".**

После выхода в свет в 1864 г. второй части книги "Исследование о касимовских царях и царевичах" В. В. Вельяминова-Зернова, где впервые в историографии Казахстана приведены эти сведения Мирзы Хайдара Дуглата, в исторической литературе в целом установилось мнение считать 870/1465–1466 г. годом основания Казахского ханства. Однако приводимый им 870 г. хиджры как год начала власти собственно казахских султанов на поверку оказывается ошибочным.

Согласно Мирзе Хайдару, Казахское ханство возникло после смерти Абулхайр-хана, что подтверждают и другие источники. Из контекста "Тарих-и Рашиди" следует что Мирза Хайдар полагал, что Абулхайр-хан умер **до** или **в** 870 г. х.(1465–1466 гг.), в действительности же он умер на три-четыре года позднее – в 873 г. х./1468–1469 г. Следовательно, образование Казахского ханства не может быть датировано раньше осени 1468–1469 г.

Путаница в хронологии ранней истории казахского ханства, которую допускает Мирза Хайдар Дуглат, объясняется тем, что он писал свой "Тарих-и Рашиди" в Кашмире по памяти, спустя семьдесят с лишним лет после события.

Современные исследователи располагают более достоверными материалами, которые позволяют установить хронологическую последовательность событий. Учитывая, что любой год мусульманского календаря, равно как и двенадцатилетнего циклического календаря, приходится на два года европейского календаря, события датируются двойным годом: воцарение Абулхайр-хана в Восточном Дешт-и Кыпчаке – 1428–1429 гг.; отложение Гирея и Джанибека с частью племен и родов от главы кочевых узбеков Дешт-и Кыпчака Абулхайр-хана и их откочевка в западные пределы Моголистана – 1459–1460 гг.; смерть могольского хана Есен-Буги – 1461–1462 гг.; смерть Абулхайр-хана – 1468–1469 гг.; усиление Гирея и Джанибека за счет новых беглецов из Дешт-и Кыпчака и возвращение их казачьей вольницы из Моголистана в Узбекский улус – 1469–1470 гг.; образование Казахского ханства – 1470–1471 гг.

С 1470–1471 гг. и до ликвидации ханской власти в XIX в. на просторах казахских степей одни потомки Джучида Урус-хана сменяли других, но политическое господство уже не переходило больше к представителям другой ветви Чингизидов. Отдельные члены династии казахских султанов правили также в Хиве в качестве подставных ханов в течение почти всего XVIII в. Представители казахской династии, как и большинство тюрков-кочевников, причисляли себя к мусульманам ханифитского толка и состояли в числе *мюридов* (последователей) крупнейших среднеазиатских суфийских шейхов. **Царствующий правитель казахов носил монарший титул хан, а их страна называлась *Казакстаном*.** Государство казахов, как и все государства кочевников, рассматривалось в качестве собственности всей царствующей фамилии (султанов) и распадалось на ряд крупных и мелких улусов-владений. В XVI в. Казахское ханство включало в свой состав около двадцати обычных, или три укрепленных, улуса.

В "Тарих-и Рашиди" Мирзы Хайдара Дуглата трижды говорится о том, что в первой четверти XVI в. "казахов был миллион человек". Примечательно, что, несмотря на ряд потрясений, пережитых казахами в 30–60-х гг. XVI в., они не только сохранили свою численность, но даже увеличились в числе. В хронике Сейфи Челеби, написанной в 80-х гг. XVI в., о казахах сообщается следующее: "По другую сторону Кашгарского вилайета расположилось сообщество, носящее название казахи (*казак*). Они – кочевники, нет у них ни городов, ни селений. Число их составляет два раза по сто тысяч семейств". Исходя из принимаемого нами среднего расчета шесть человек на семью-кибитку, численность населения Казахского ханства второй половины XVI в. можно приблизительно определить в 1 млн. 200 тыс. человек (по подсчетам А. Левшина, численность казахов в начале XIX в. составляла "от 2 500 000 до 3 000 000 душ обоего пола".

Уже в начале XVII в. существовало деление казахского народа на три объединения племен и родов, называемые самими казахами *Улу жуз* (Старший, или Большой, жуз), *Орта жуз* (Средний, или Серединный, жуз) и *Киши жуз* (Младший, или Малый, жуз). Жузы получили свое название не по числу принадлежавших к ним кочевников (Киши жуз был самым многочисленным), а по старшинству входивших в их состав родов. Кочевья жузов располагались в порядке с юго-востока на северо-запад: Улу жуз занимал самую восточную часть Казахского ханства, Киши жуз – самую западную, а Орта жуз – серединную территорию. Происхождение жузов остается одной из главных загадок казахской истории.

Бухарское ханство. Внук Абулхайр-хана Мухаммад Шейбани начал борьбу с казахскими владетелями за восстановление власти его семьи в Узбекском улусе. В процессе этой борьбы, длившейся много лет, молодой царевич то вступал в союз с мангытскими (ногайскими) мурзами, то обращался за помощью к правителям моголов. Однако ему так и не удалось одолеть казахских владетелей и восстановить в Восточном Дешт-и Кыпчаке власть Шейбанидов. Тогда Шейбани и его ближайшее окружение направили свои усилия на овладение территорией, принадлежавшей Тимуридам. Предприятие это в силу ряда объективных причин – раздробленность страны Тимуридов, ослабление ее политической и военной мощи и т. д. – оказалось удачным, и кочевые узбеки восточного Дешт-и Кыпчака во главе с Шейбани завоевали сначала центральный Мавераннахр, а несколько позже – и все остальные части государства Тимуридов.

В 1500 г. Шейбани при поддержке могольского хана Махмуда во главе небольшого отряда захватил Бухару и передал ее в удел младшему брату Махмуд-султану, а знать Самарканда без боя сдала ему город, но вскоре Шейбани был вынужден покинуть город. В 1501 г. Шейбани отвоевал у Тимурида Бабура Самарканд и сделал его столицей государства Шейбанидов в Мавераннахре, а заодно захватил еще ряд городов и крепостей в междуречье Амударьи и Сырдарьи. В 1503 г. он нанес поражение объединенным силам моголов и их союзников во главе с Махмуд-ханом, его братом Ахмад-ханом и Бабуром, разбив их в бою под Ахси, у г. Архиан захватил Ташкент, Сайрам, Шахрухийе, Ура-Тепе, Дизак и города и крепости Туркестана. В 1504 г. кочевые узбеки Восточного Дешт-и Кыпчака завоевали Фергану, совершили поход на Хорезм, а августе 1505 г. после десятимесячной осады взяли Ургенч. 5 мая 1506 г. скончался Султан Хусайн, номинальный глава Тимуридов, а его сын и преемник Бади аз-Заман не сумел дать отпор Шейбанидам, и осенью того же года Балх сдался Шейбани-хану. В мае 1507 г. гератское войско было разбито и, согласно современнику тех событий Хондамиру, утром в пятницу 23 мая Шейбани-хан вошел в Герат – другую столицу Тимуридов – и потребовал от простых жителей города уплаты контрибуции в 100 тыс., а от знати – 35 тыс. тенгече. Город подвергся двухдневному грабежу. Кочевые узбеки во главе с Шейбанидами захватили еще несколько городов Хорасана. Шейбани-хан все лето провел в Герате и лишь осенью 1507 г. направился оттуда на зимовку в Мавераннахр. Весной 1508 г. Шейбаниды предприняли поход на Хорасан. Последний тимуридский правитель Средней Азии Бади аз-Заман бежал на запад, в Азербайджан, и после долгих лет скитаний на чужбине скончался в Стамбуле в 1517 г.

Так Шейбани-хан стал владетелем обширного государства, простиравшегося от Сырдарьи и низовьев Амударьи до Центрального Афганистана. Завоевание государства Тимуридов Шейбани-ханом привело к окончательному уходу потомков Абулхайр-хана с частью племен и родов Узбекского улуса с территории Восточного Дешт-и Кыпчака и к перенесению термина *узбек* в покоренные им области Мавераннахра. С этого времени оба термина – *казак* и *узбек* – служили не только для обозначения приверженцев старой знати Шейбанидов или Гирея, Джанибека и их потомков, но и для разделения сородичей по месту их обитания, ограниченного рамками определенных политических и государственных границ.

Завоевание Мавераннахра и Хорасана кочевыми узбеками Восточного Дешт-и Кыпчака под главенством Шейбанидов подготавливалось по мере ослабления политической и военной мощи потомков эмира Тимура. Однако немаловажную роль сыграла здесь и личность самого Шейбани-хана.

Завоеватель государства Тимуридов был внуком Абулхайр-хана и старшим сыном Шах-Будаг-султана. Он родился в 1451 г. Собственное имя Шейбани Мухаммад. Но, как известно, знатное происхождение создавало на мусульманском Востоке сложную систему имен, и полное имя взрослого человека могло включать в себя 3–5 и более компонентов. Еще при рождении дед Абулхайр дал ему почетное прозвище (*лакаб*) Шахбахт, другие его прозвания, которые он получил позже, – Абу-л-Фатх, Шахибек-хан, Шайбек-хан, Шидак-хан.

Бабур, в глазах которого Шейбани был вождем варварских орд и разрушителем культуры, зло высмеивает Шейбани, называя его "не видавшим света деревенщиной" и безграмотным писакой, "сочинившим несколько бездарных стихов". Однако известно, что внук Абулхайр-хана получил домашнее образование. Два года обучался в Бухаре науке чтения и был одним из образованнейших людей своего времени и известным в литературных кругах поэтом, в творческом наследии которого значатся объемистое поэтическое произведение под названием "Бахр ал-худа", многочисленные стихи, а также прозаическое сочинение под названием "Рисале-йи маариф-и Шейбани", написанное на чагатайском языке в 913/1507 г., вскоре после захвата им Хорасана.

В стихах внук Абулхайр-хана называет себя Шахбахт (Счастливый государь). Как поэт он пользовался литературным псевдонимом (*тахаллус*) Шейбани. Абулгази, пишет о нем: "Имя старшего сына Абулхайр-хана – Шах-Будаг-султан; у него было два сына: имя старшего сына было Мухаммад, прозвание (*лакаб*) – Шахбахт, да будет на нем милость божия! Он был поэт, и так как он происходил из потомков Шибан-хана [сына Джучи, сына Чингиз-хана], то принял тахаллус Шейбани, да помилует его Бог!"

После побед над Тимуридами в Мавераннахре Мухаммад Шейбани стал называть себя "имамом эпохи, халифом Милосердного". Кроме названных у первого хана государства Шейбанидов в Мавераннахре было много других титулов и почетных эпитетов.

Мухаммад Шейбани был человеком не только большой воли, но и глубокого ума, незаурядной личной храбрости и отваги, искусный организатор и военачальник. Победное шествие Шейба-

ни-хана по обширным владениям Тимуридов было остановлено войсками иранского шаха Исмаила I, нового противника Шейбанидов на юге.

Исмаил I – первый шах из династии Сефевидов, правил в Иране в 1501–1524 гг. Главной опорой Сефевидов были тюркские кочевые племена разного происхождения, обитавшие в Южном Азербайджане. Эти кочевые племена имели общее прозвание – *кызылбаши* (красноголовые), ибо носили, как отличительный знак, чалму с двенадцатью пурпурными полосками в честь двенадцати шиитских имамов. **Вновь созданное государство со столицей в Тебризе стали называть Сефевидской, или Кызылбашской, державой (*доулат-и кызылбаш*).** Сделавшись шахом, Исмаил I объявил шиизм официальной религией созданного им государства и, подчинив себе в короткий срок Западный Иран, Азербайджан и Ширван, стал непосредственным соседом государства Тимуридов и Шейбанидов Мавераннахра на юго-западе.

В ноябре 1510 г. оба соперника оказались в пределах Хорасана. Шейбани, у которого было немного войска, решил укрыться в Мерве в ожидании подкрепления из Мавераннахра. Войска Исмаил-шаха осадили Мерв, но осада грозила затянуться. Тогда кызылбаши прибегли к военной хитрости. Они отступили из-под стен Мерва и подались в глубь страны. Шейбани-хан, не дожидаясь подкрепления, бросился преследовать шаха, чего и ждал Исмаил. Когда Шейбани-хан со своим отрядом пересек Мургаб, кызылбаши разрушили мост, и 17-тысячное войско шаха Исмаила окружило узбеков. Почти все узбекские военачальники пали в битве, в их числе и сам Мухаммад Шейбани-хан. Труп хана был найден кызылбашами, голова отрублена и принесена шаху Исмаилу, по приказу Исмаила кожа с нее была содрана, набита соломой и послана другому сопернику шаха Исмаила – турецкому султану Баязиду II (правил в 1481–1512 гг.), а череп оправлен в золото и превращен в кубок.

Изуродованный труп Шейбани-хана все же был отбит узбеками и перевезен в Самарканд. Его похоронили в заложенном им медресе, в особой суфе (т. е. возвышении), сложенной из серого камня и помещавшейся посреди двора медресе. Строительство здания было продолжено старшим сыном Шейбани-хана Мухаммад Тимур-султаном и завершено женой последнего Михр-султан-ханым, дочерью казахского хана Бурундука.

После завоевания Хорасана в 1507 г. Шейбани-хан назначил своим наследником (*вали'ахд*) старшего сына Мухаммад Тимур-султана и пожаловал ему титул хана, вверив управление Хораса-

ном со всеми округами и районами. Однако после гибели Шейбани-хана под Мервом в 1510 г. его воля не была выполнена, и старшим ханом был провозглашен правитель Ташкента сын Абулхайр-хана Суйундж-Ходжа-султан. Сын Шейбани-хана Тимур-султан вступил в переговоры с шахом Исмаилом и своими действиями вновь возбудил негодование хана Суйундж-Ходжи, не допускавшего возможности примирения с человеком, которому Шейбаниды были обязаны мстить за кровь родственника и который к тому же являлся "врагом веры", т. е. шиитом.

Раздоры между Шейбанидами помогли Бабуру в союзе с шахом Ирана на короткое время установить власть Тимуридов в Мавераннахре. В октябре 1511 г. он захватил Фергану, Самарканд, Бухару и ряд других городов и крепостей Мавераннахра.

Потомки Абулхайр-хана удалились в г. Ясы (Туркестан), однако в апреле 1512 г. племенник Шейбани-хана Убайдулла-султан вторгся в Мавераннахр и нанес поражение Бабуру при Кули Мелике. Бухара, Самарканд и ряд других городов Мавераннахра вновь перешли в руки Шейбанидов. Новым главой династии Шейбанидов был утвержден старший брат Суйундж-Ходжа-хана Кучкунджи (Кучум) – султан, но он, по словам источника, попрежнему "султан и хан только по имени". Фактически власть оставалась в руках племянника Шейбани-хана и победителя Бабура Убайдуллы, который в 1512 г. также принял ханский титул. Таким образом, в рассматриваемый период в государстве Шейбанидов Мавераннахра ханский титул носили одновременно четыре султана: Суйундж-Ходжа, Кучкунджи (Кучум), Мухаммад-Тимур и Убайдулла. Но старшим ханом являлся Кучкунджи.

Осенью 1512 г. объединенное войско чагатаев, моголов и кызылбашей (сефевидов) во главе с Бабуром и Наджм-и Сани, военачальником иранского шаха Исмаила, вновь вторглось в Мавераннахр. В середине ноября 1512 г. под стенами крепости Гиждуван разыгралось кровопролитное сражение за обладание Мавераннахром. Войско чагатаев, моголов и кызылбашей (сефевидов) было разгромлено, сам Наджм-и Сани убит, голова его отделена от тела и доставлена в Самарканд, а Бабур бежал в Карши. Результатом гиждуванской победы Шейбанидов стала полная ликвидация угрозы распространения сефевидской (кызылбашской) экспансии на Мавераннахр.

Бабур после поражения при Гиждуване навсегда покинул пределы родной страны и вернулся в Кабул. Отделившиеся от него по пути моголы разграбили Хисар, но были вытеснены оттуда узбеками во главе с Убайдуллой в конце зимы 1512–1513 гг.

Во время этого похода заболел и умер сын Шейбани-хана Мухаммад-Тимур.

У Мухаммад-Тимур-султана было два сына: Абдулшах и Пулад-султан, которого Шейбани-хан назначил правителем Хорезма. Осенью1512 г. он принимал участие в гиждуванском сражении.

После смерти Кучкунджи-хана, по одним известиям, в 936/1529–1530 г., по другим – в 937/1530–1531 г., дела ханства перешли к его сыну Абу Саиду. После него на ханский трон взошел Убайдулла-султан, сын младшего брата Шейбани-хана Махмуд-султана. Бухара с округой, объявленная Шейбани-ханом уделом Махмуд-султана еще в 1500 г. и вторично в 1502 г., после его смерти перешла к Убайдулле. Он получил хорошее образование, свободно владел арабским и персидским языками, на которых писал стихи и прозаические трактаты, был страстным поклонником рукописной книжности и при его дворе была богатая библиотека, которая служила культурным центром.

Убайдулла считался идеальным правителем в духе мусульманского благочестия. По словам Хафиз-и Таныша, во время его господства, в пору его верховной власти Мавераннахр, в особенности Бухарский вилайет, обрел красоту и блеск. Именно при нем и его преемниках политическое первенство постепенно перешло от бывшей столицы Тимура и его потомков Самарканда к Бухаре. Вскоре после смерти Убайдуллы в 1539 г. государство Шейбанидов в Мавераннахре распалось. Абдаллах I, сын Кучкунджи-хана, правил всего шесть месяцев, затем наступила эпоха двоевластия в Бухаре воцарился сын Убайдуллы – Абд ал-Азиз (правил в 1540–1550 гг.), а в Самарканде – столице Шейбанидов. Начались длительные междоусобные войны между шейбанидскими удельными правителями. Создавшейся политической ситуацией в стране воспользовался молодой, энергичный и честолюбивый Абдаллах II, сын Искандар-султана, владетеля Кермине и Шахрисябза. В 1557 г. он захватил Бухару и при содействии Ходжи Ислама провозгласил своего отца ханом всех узбеков Мавераннахра, чтобы править страной от его имени. В 1583 г., после смерти отца, Абдаллах занял ханский престол, оставшийся за ним до самой смерти.

Все правление Абдаллах-хана II прошло в борьбе за объединение отдельных уделов Шейбанидов и за усиление в стране центральной власти. Особой непокорностью отличались сыновья Шейбанида Барак-хана Баба-султан и Дервиш-султан, властвовавшие более двух десятилетий в Ташкенте и степных простран-

ствах вилайета Туркестан (Ясы). Но все же Абдаллах-хану удалось объединить под своей властью не только владения Шейбанидов в Мавераннахре, Хорезме и Хорасане, но и создать сильную ханскую власть.

Последним шейбанидским правителем Мавераннахра среднеазиатские источники всегда называют сына и преемника Абдаллаха II Абд ал-Мумина, который погиб в результате заговора эмиров летом 1598 г. после шести месяцев правления. Этим именем заканчивается правление Шейбанидов в Мавераннахре.

Во владениях Шейбанидов Мавераннахра в основу государственной жизни были положены степные традиции, согласно которым государство считалось собственностью всей царствующей фамилии, члены которой назывались султанами, и одного из своей среды как главу рода провозглашали ханом. Государство было разделено на уделы, которые находились в управлении и владении султанов и отдельных знатных эмиров. Самарканд считался столичным городом, но провозглашенный государем всех узбеков Мавераннахра султан не всегда переезжал в Самарканд, а продолжал жить в своем уделе, например, в Ташкенте и в особенности в Бухаре. Кочевые узбекские племена и роды Восточного Дешт-и Кыпчака, переселившиеся вместе с Шейбанидами, занимали господствующее положение в Мавераннахре как при Шейбанидах, так и при их политических преемниках Аштарханидах. Очевидно, поэтому потомок Бабура Великий Могол Аурангзеб (правил в Индии в 1658–1707 гг.) называл Мавераннахр, по свидетельству Ф. Бернье, Узбекистаном.

Однако в научной литературе за государством Шейбанидов в Мавераннахре и их политических приемников Аштарханидов утвердилось название Бухарское ханство. Это связано с тем, что хотя столицей Шейбанидов считался Самарканд, но деятельность самых могущественных и авторитетных ханов из этой династии были связаны с Бухарой, уже во второй половине XVI в. значение столицы в Мавераннахре перешло к Бухаре. Деятельность ханов XVII в., происходивших из династии Аштарханидов, также была тесно связано с Бухарой.

С именем новой столицы узбекского ханства в Мавераннахре – Бухарой связаны также происхождение терминов *Великая* и *Малая Бухария*. Бухара стала хорошо известна России и Западной Европе именно с XVI в. – со времени Шейбанидов. В XVII–XVIII вв. русские и западные европейцы называли *бухарцами* всех купцов и переселенцев из Мавераннахра, а их страну *Бухарией*. Тот же термин был произвольно распространен и на Кашгарию

(Восточный Туркестан), которую в противоположность территории узбекского ханства (Великая Бухария) стали называть *Малой Бухарией*.

Термины *Великая* и *Малая Бухария* употреблялись в русской научной литературе еще в первой трети XIX в. Но в трудах английских исследователей Великая и Малая Бухария была заменены терминами *Западный* и *Восточный Туркестан* к середине XIX в. При этом под Восточным Туркестаном в западноевропейской и русской литературе имелся в виду Китайский Туркестан (Синьцзян), а под Западным Туркестаном – по преимуществу владения туркмен и территорий трех существовавших тогда узбекских государств – Хивинского ханства, Кокандского ханства и Бухарского эмирата.

Хивинское ханство. Хорезм, или Хива, – область в нижнем течении Амударьи. Хивинское ханство было создано в 1511 г. двумя братьями – Илбарсом и Билбарсом, сыновьями Буреке-султана, потомка Шейбана (Шибана). Эта ветвь династии Шейбанидов была враждебна Шейбанидам Мавераннахра. Сыновья Буреке-султана и их ближайшие родственники из-за вражды к потомкам Абулхайра не принимали участия в походах Шейбани-хана и его ближайших родственников на Мавераннахр и Хорасан и попрежнему оставались в своих улусах на территории Восточного Дешт-и Кыпчака.

В 1510 г., после поражения и гибели Шейбани-хана под Мервом, Хорезм перешел во власть персидского шаха Исмаила. Местные суфийские шейхи, не желавшие примириться с господством в стране шиитов, обратились за помощью к остававшимся еще в Восточном Дешт-и Кыпчаке Шейбанидам, и в 1511 г. султан Илбарс прибыл в Хорезм в сопровождении своего брата Билбарса (Байбарса) и небольшого числа кочевых узбеков. Братьям удалось подчинить сначала г. Везир, потом г. Ургенч и, наконец, и южную часть Хорезма и образовать здесь, в области нижнего течения Амударьи, самостоятельное ханство. Сначала столицей нового ханства был г. Ургенч и государство Шейбанидов в Хорезме, по установившейся издавна традиции, согласно которой страна обычно называется по столице, называлось Ургенчским ханством. Юргенское (ургенское) ханство упоминалось в русских грамотах еще в начале XVIII в. С начала XVII в. средоточием политической и духовной жизни стали южные города страны, а резиденцией хана и столицей государства – г. Хива (Хивак). Так Ургенчское (Юргенское) ханство превратилось в Хивинское. Таким образом, начало XVI в. было временем окончательного ук-

репления в Мавераннахре и Хорезме кочевых узбеков Восточного Дешт-и Кипчака. Под главенством двух враждующих ветвей династии Шейбанидов они образовали два крупных самостоятельных государства: Бухарское ханство в Мавераннахре и Ургенчское (Хивинское) ханство в Хорезме. Династия Шейбана (Шибана) в Мавераннахре оказалось недолговечной. Государство дома Абулхайра прекратила существование, а Шейбаниды Хорезма сохранили свое господство до конца XVII в., несмотря на ряд военно-политических потрясений. Еще в начале 20-х г. XVI в. Илбарс и Билбарс призвали в Хорезм из Восточного Дешт-и Кыпчака остававшихся там родственников, двоюродных братьев, которые не замедлили явиться со своими улусными людьми.

С появлением новой группы кочевых узбеков, составивших основную военную силу Шейбанидов, дело завоевания Хорезма и ближайших областей пошло очень быстро. Однако эти действия потомков Буреке имели и отрицательные последствия. Уже в 20-х гг. XVI в. в среде Шейбанидов Хорезма четко определилось три династические группы. Первую составляли потомки Буреке. Они занимали вначале первенствующее положение в Хорезме, так как к ней принадлежали первые завоеватели Хорезма и основатели Ургенчского (Хивинского) ханства братья Илбарс и Билбарс. Они утвердились в западной части страны, им принадлежали города Везир и Ургенч, Тисак, Янги-Шахр и др. Другую династическую группу составили прибывшие на призыв Илбарса и Билбарса потомки Аминека. Это была наиболее многочисленная и сильная династическая группа, в короткий срок захватившая города Хиву, Хазарасп, Кят, подчинив себе таким образом юго-восточную часть Хорезма. Наиболее малочисленной и слабой была третья династическая группа – потомки Абулека. К ней принадлежала практически только семья Шейбанида Хасан-Кули, который тем не менее был избран ханом Хорезма, согласно принципу старшинства, и получил столичный город Ургенч после смерти Илбарса. Но вскоре он был низложен и убит вместе с сыном, а оставшиеся члены семьи высланы к родственникам в Бухару. Таким образом, третья династическая группа Шейбанидов Хорезма была устранена с политической арены, и вся страна поделена между потомками Буреке-султана и Аминек-султана.

Соперничество между двумя династическими группами Шейбанидов окончилось победой потомков Аминека. В 1525 г. старшим ханом был избран Суфийан-султан (правил в 1525–1535 гг.), происходивший из династической группы Аминека. С тех пор и до пресечения династии верховная власть в Хорезме оставалась в

руках потомков Аминек-султана. Уцелевшие в династической схватке потомки Буреке нашли убежище в Мавераннахре у потомков Шейбанида Абулхайр-хана. Кровавые междоусобицы происходили не только между династическими группами Шейбанидов Хорезма, но и между Шейбанидами Хорезма и Мавераннахра вообще. В XVI в. Хорезм два раза на короткое время подчинялся бухарским ханам. Первый раз это произошло в 1538 г. В Хорезме разгорелись смуты, которыми воспользовался глава мавераннахрских Шейбанидов Убайдулла-хан. Овладев основными городами страны, он оставил в г. Ургенче в качестве наместника-управителя своего сына Абд ал-Азиза, а сам удалился в Бухару. Хорезмийские Шейбаниды, избежавшие бухарского плена, собрали из туркмен и узбекских родов Хорезма отряд численностью в 3000 человек и нанесли поражение бухарскому гарнизону в городах Хиве и Хазараспе. Эти победы хорезмийских султанов заставили Абд ал-Азиза очистить столичный город Ургенч и удалиться в Мавераннахр. Хорезм освободился от бухарского ига в короткий срок. После ухода бухарцев в Хорезме возобновились смуты, продолжавшиеся много лет и окончившиеся в 1558 г. возведением на престол Хаджжим-хана (собственно: Хаджжи-Мухаммад-хана). Хаджжим-хан правил долго – с 1558 по 1602 г. В годы его царствования бухарский хан Шейбанид Абдаллах II завоевал Хорезм, увез оттуда часть узбекских родов и всех попавших в его руки представителей династии Шейбанидов Хорезма. Хаджжим-хан с ближайшими родственниками бежал в Иран, где находился до самой смерти Абдаллах-хана. Сын и преемник Абдаллаха Абд ал-Мумин был убит своими подданными уже спустя шесть месяцев, а завоевания Абдаллаха в Хорасане и Хорезме были потеряны. Ташкент, г. Туркестан (Ясы) и еще ряд присырдарьинских городов и крепостей перешли в руки казахских владетелей, а в Мавераннахре власть перешла к династии Аштарханидов. Так смерть бухарского хана, Шейбанида Абдаллаха, и последовавшие затем события вернули Хорезму политическую самостоятельность.

После освобождения страны от бухарского ига Хаджжим-хан оставил за собой города Ургенч и Везир, а сыновьям и родичам раздал уделы – Хиву (Хивак) и Кят – Араб-Мухаммаду, Хазарасп – Исфандийару и т. д. Хорезмийские узбеки-дештцы, уведенные ханом Абдуллой в Мавераннахр, почти все вернулись в Хорезм. В 1600 г., когда старший сын Хаджжим-хана Суйундж-султан вернулся из Турции, куда он бежал во время похода Абдаллаха на Хорезм, отец уступил ему Ургенч и Везир, а сам отправился в Хиву к другому сыну – Араб-Мухаммаду, но вскоре

умер. Ханом Хорезма был провозглашен его сын Араб-Мухаммад-султан, который остался в Хиве. Его старший сын и преемник на престоле Исфандийар-хан также жил в Хиве, а младший брат Абулгази был провозглашен ханом на Арале, а в 1645 г. занял г. Хиву. С тех пор и до начала XX в. г. Хива оставалась столичным городом ханства. В 1663 г. Абулгази, будучи нездоровым, передал верховную власть в стране сыну Ануша-султану, а сам предался литературным занятиям.

Абулгази-хан (правил в 1643–1663 гг.) был первым хорезмийским ханом из династии Шейбанидов, который стал совершать набеги на Бухару. Эту политику продолжил его сын и преемник на престоле Ануша (правил в 1663–1687 гг.), при котором Бухара даже находилась короткое время во власти Шейбанидов Хорезма.

Кровавые войны между Шейбанидами Хорезма и Аштарханидами Мавераннахра закончились для Ануша-хана трагически. Во время очередной стычки с войсками бухарского хана Субхан-Кули Ануша потерпел поражение и бежал, а недовольные его политикой хорезмийские эмиры, воспользовавшись тем, что в декабре 1687 г. Ануша-хан выехал на охоту, набросились на него, схватили его и ослепили на оба глаза. На ханский престол посадили его сына Эрнек-султана. После Ануша-хана по завещанию отца на трон правления воссел его сын Худайдад-султан, который умер в семнадцать лет, а правил два года.

После смерти Худайдад-хана на трон взошел другой сын Ануша-хана, Эрнек-султан. Со смертью Эрнека династия Шейбанидов в Хорезме пресеклась.

С 1694–1695 гг. и до основания нечингизидской династии Кунгатов в Хорезме не было никакой династии и вся власть в стране перешла в руки главарей узбекских кочевых родов-дештцев, самым влиятельным из которых был обычно *инак* (глава и военачальник, затем – высшее должностное лицо в Хивинском ханстве) узбекского рода кунграт. Однако в государственной жизни сохранялся принцип, позволяющий только потомкам Чингиз-хана быть законными ханами. Для удовлетворения требования этой формальной законности местная хорезмийская аристократия, в руках которой была фактическая власть в стране, засылали приглашение султанам принять ханское звание в разные регионы, но чаще всего в Казахские степи, так что в течение XVIII в. на престоле Хивы перебывало немалое число казахских Чингизидов.

Подставные ханы Хивы занимали престол (за редким исключением) только короткое время; одни уходили сами, других главы местных родов отсылали на родину, в Казахские степи, и за-

меняли другими ханами. Среднеазиатский историк начала XIX в. Абд ал-Карим Бухари метко называет этот политический обычай "игрой в ханы" (*ханбази*).

Государство Аштарханидов. После смерти бухарского хана Шейбанида Абдаллаха II (1598 г.) созданное им государство распалось, вскоре прекратилось и господство династии Шейбанидов в Мавераннахре. К власти в Бухаре пришла новая династия – династия Аштарханидов, или Джанидов.

Основатель новой династии Джани-Мухаммад-султан (Джанибек-султан) был из потомков Тука-Тимура, сына Джучи, которые правили в Астрахани. Когда в начале второй половины XVI в. Астраханское ханство было присоединено к России, Джани-Мухаммад-султан бежал в 1556 г. к Шейбанидам Мавераннахра и нашел убежище у отца Абдаллаха Искандара. Тот радушно принял султана-Джучида и даже выдал замуж за него свою дочь. От этого брака у Джани-Мухаммада родился сын, которого нарекли Баки-Мухаммад. Он стал первым или одним из первых ханов династии, утвердившейся в Бухаре. Когда в Бухаре произошла смена династий, новая династия получила название *Джанидов* (по имени Джани-Мухаммад-султана), или *Аштарханидов* (по месту происхождения – из Астрахани-Аштархана). Династия Аштарханидов, или Джанидов, правила в Мавераннахре до 1200/1785 г.

В связи с падением династии Шейбанидов и приходом Аштарханидов значительно сократились пределы Бухарского ханства. При Аштарханидах государство было разделено на шесть уделов: Бухару, Самарканд, Сагардж, Ура-Тюбе, Шахрисябз и Хузар. В XVII в. Ташкент, Туркестан, Сайрам, Андижан и ряд других культурных областей Западного Туркестана большей частью находились под властью казахских ханов и султанов.

Власть первых Аштарханидов, не имевших в государстве прочной опоры на узбекские племена, была незначительна, к тому же она ослаблялась ожесточенной борьбой представителей этой династии между собой. Казахские ханы и султаны, пользуясь упадком политической мощи Бухары, не упускали случая извлечь для себя из этого выгоду. Они вторгались во владения Аштарханидов, опустошали пограничные и центральные районы Мавераннахра, а иногда принимали участие в борьбе партий, то выступая против "бунтовщиков", то примыкая к последним и идя против "законного правителя". Порой ханы Казахских степей и ханы Бухары заключали союз между собой и, объединив военные силы, выступали против общего врага – ойратов (джунгаров), экспансия которых на запад несла уже серь-

езную угрозу суверенитету и Казахского ханства, и государства Аштарханидов в Мавераннахре.

Столицей государства Аштарханидов, как и при Шейбаниде Абдаллахе II, была Бухара, довольно велико было значение г. Балха, который являлся резиденцией наследного принца, а иногда вместе с округой становился независимым от Бухары княжеством.

После смерти в 1605 г. Баки-Мухаммад-хана на бухарский престол был возведен его брат, балхский наместник Вали-Мухаммад-султан. Вскоре в Бухаре был организован заговор против Вали-Мухаммада. Хан обратился за помощью к Сефевиду шаху Аббасу, получил от него помощь, но был разбит, захвачен в плен и казнен. Бухарская знать посадила на трон племянника казненного хана Имам-Кули-султана.

В борьбе с Вали-Мухаммад-ханом и кызылбашами Ирана Имам-Кули-хану существенную помощь оказали казахские владетели. Но вскоре бухарский хан направил свое оружие против недавних своих военных союзников – казахов – и пошел войной на Ташкент – владение казахов. Захватил город и посадил там наместником своего сына Искандара. Вскоре Ташкент с округами вновь перешел в руки казахов, где утвердился старший хан казахов Турсун-Мухаммад-султан. Продолжительное, более чем тридцатилетнее, правление Имам-Кули-хана было временем сравнительного усиления ханской власти и относительного благоденствия страны. Но из-за болезни глаз и последовавшей затем слепоты Имам-Кули был вынужден передать верховную власть брату Надир-Мухаммаду. Новый хан был человеком надменным и алчным, чем вызвал всеобщее недовольство. В 1645 г. казахи в своем набеге на территорию Бухарского ханства дошли до Ходжента. Надир-Мухаммад для изгнания их оттуда отрядил войско под начальством старшего сына Абд ал-Азиз-султана. Во время похода недовольные политикой Надир-Мухаммада эмиры провозгласили ханом Абд ал-Азиз-султана. Царствующий государь получил это известие, когда находился на территории Карши. Узнав о происходящем, Надир-Мухаммад-хан поспешил отправиться в Балх, а Абд ал-Азаз – в Бухару, где его избрание ханом было окончательно санкционировано на курултае султанов, эмиров и сановников страны.

Согласно рассказу балхского историка XVIII в. Юсуфа Мунши, низложенный хан обратился за военной помощью к потомку Бабура Великому Моголу Шах-Джахану, но, заподозрив Шах-Джахана в неблагонадежности, Надир-Мухаммад подался на запад и нашел приют у иранского шаха Аббаса II. Борьба продол-

жилась, но победу одержал Абд ал-Азиз. Смуты разорили страну и ослабили ханскую власть. Этими обстоятельствами воспользовались хорезмийские Шейбаниды и несколько раз совершали грабительские набеги на территорию Бухарского ханства при Абулгази-хане и его сыне Ануша-хане. Престарелый и больной бухарский хан Абд ал-Азиз не сумел организовать надежную оборону и дать достойный отпор хорезмийцам. В стране нарастало недовольство и все более возрастал авторитет его брата Субхан-Кули-султана. В такой обстановке Абд ал-Азиз отрекся от престола и направился в *хадж* (паломничество) в Мекку, где и умер. Ханом стал Субхан-Кули-султан.

Со второй половины XVII в. в Бухарском ханстве наблюдаются ослабление ханской власти и чрезвычайное усиление власти глав узбекских-дештских племен и родов. Правительственная власть все больше сосредоточивалась в Бухаре, а остальные местности перешли во власть главарей отдельных узбекских родов, и постепенно установилась та удельная система, которая была в Западном Туркестане в XIV в. до Тимура, когда распределение областей-уделов в стране происходило не между представителями правящего рода, а между главами сильных кочевых родов.

Главы узбекских родов и племен, представлявшие военную аристократию страны с аталыком во главе, нередко пользовались членами ханского рода Аштарханов как орудием для достижения своих политических целей. Борьба с такими удельными правителями-биями заставила Надир-Мухаммада уступить место своему наследнику, а воля Субхан-Кули-хана, который назначил своим преемником Мухаммад-Муким-султана, не была выполнена, и эмиры, вопреки завещанию хана, возвели на престол Убайдулла-султана.

Убайдулла-хан был последним Аштарханидом, пытавшимся поставить предел своеволию главарей узбекских родов и усилить ханскую власть, поэтому все правление этого хана прошло в непрерывной борьбе с главарями узбекских родов и племен — кунгратов, найман, кенегесов, мангытов, хитай-кыпчаков и т. п. В результате заговора хан был схвачен и убит, а на престол Бухары возведен его брат Абу-л-Файз-султан, который стал игрушкой в руках военной аристократии. Центральная власть окончательно потеряла свое значение, управление страной почти полностью перешло в руки аталыка Мухаммад-Хаким-бия из племени мангыт. Ханство распалось на отдельные самостоятельные области. Этим воспользовался завоеватель из Ирана Надир-шах (правил в 1736—1747 гг.), который в 1740 году захватил Бухару и оттуда выступил в поход на Хорезм.

После превращения Бухары в вассальное владение персидского шаха вся государственная власть фактически была сосредоточена в руках ставленника Надир-шаха, аталыка Мухаммад-Хакима из племени мангыт, который на персидский манер принял титул *амир-и кабир* (Великий эмир). После смерти Мухаммад-Хаким-бия выделился его сын Мухаммад-Рахим, которому был присвоен титул *амир ал-умара* (Эмир эмиров).

В 1747 г. Надир-шах был убит; в том же году по указанию Мухаммад-Рахима умертвили и Абу-л-Файз-хана. Всем в стране распоряжался Мухаммад-Рахим. В 1753 г., заручившись согласием знати и мусульманского духовенства, аталык Мухаммад-Рахим вступил на бухарский трон с титулом эмира, а в 1756 г. объявил себя ханом, но в 1759 г. умер. Его ближайший преемник Данияр-бек удовлетворился титулом аталыка, а ханский титул предоставил одному из потомков Чингиз-хана – Абулгази-султану, так что формально династия Аштарханидов продолжала существовать. Лишь его сын Мурад снова присвоил себе в 1785 г. все привилегии государя. Однако он и его преемники не принимали титул хана, а называли себя эмирами.

В 1785 г. закончилась история династии Аштарханидов и началось правление новой династии в Бухаре – Мангытской, свергнутой лишь в 1920 г.

Джунгарское ханство. Образование Джунгарского ханства, или государства ойратов, относится к 30-м гг. XVII в. Западные монголы называли себя *ойратами*, в китайских источниках они называются *элютами*, а в сочинениях мусульманских авторов – *калмаками*.

Слово *калмак,* как полагал В. В. Бартольд, по-видимому, впервые появляется в мусульманских источниках в "Мукаддима" (Введение) и "Зафар-наме" ("Книге побед") Шараф ад-дина Али Йазди. Это слово выводится народной этимологией от тюркского глагола *калмак* – оставаться и означает оставшихся язычниками ойратов. Судя по "Маджму ат-таварих" Ахсикенти, это название могло применяться в XVI в. и к различным враждебным немусульманским племенам и народностям вообще. Что касается термина *ойрат*, то вопрос о его происхождении и значении остается открытым. По мнению одних монголоведов, его следует понимать как *союзник*, согласно утверждению других, номин *ойрат* составлен из двух слов *ой+ара*", которые соответствуют понятию *лесной народ.* Некоторые исследователи считают, что термин *ойрат* не содержит реального смыслового значения и потому бессмысленно пытаться переводить его.

Таким образом, слова *калмаки, ойраты, элюты*, а термин *джунгары* (собственно: люди левой стороны, левого крыла) – это разные названия западномонгольских племен чорос, хошоут, торгоут, дэрбэт, которые во второй половине XIV в. составили ойратский союз племен, вышли из-под власти всемонгольского хана и стали управляться своими предводителями (*тайджи, тайши*). В то время владения ойратских тайши, согласно исследованию И. Я. Златкина, располагались на сравнительно небольшой территории, ограниченной западными склонами Хангайских гор на востоке, песками Гоби на юге, Моголистаном на западе, верховьями Иртыша и Енисея на севере.

Племена западных монголов жили в междоусобных распрях, но бывали времена, когда они, объединившись, становились сильными, и тогда ойраты-калмаки предпринимали набеги на владения соседей, в частности на Моголистан. Хан моголов Вайс провел все свое правление в постоянной войне с калмаками. Как передает Мирза Хайдар Дуглат, хан шестьдесят один раз выступал против калмаков и только один раз не проиграл битвы, а в остальных случаях терпел поражение. Вайс (Увайс)-хан дважды попадал в плен к калмакам. Во второй раз, чтобы получить свободу, хан вынужден был отдать свою сестру Махтум-ханым в жены предводителю калмаков.

В 50-х гг. XV в. калмаки появились уже на берегах Сырдарьи, и там около Кок-Кашане (в окрестности Сыгнака) в 1457 г. произошла битва кочевых узбеков во главе с Абулхайр-ханом с калмаками под предводительством Уз-Тимур-тайджи. По словам Кухистани, автора "Тарих-и Абулхайр-хани", предводитель калмаков предпринял поход на Сырдарьинский край с целью грабежа. Когда Уз-Тимур-тайджи услышал, что Абулхайр-хан собрал большое богатство, то "запылал огонь зависти в груди" у него, и он приказал, чтобы воины привели в порядок свое оружие и явились к его двору. Воины собрались и отправились с женами и домочадцами в поход. Когда орда достигла р. Или, воины, оставив здесь жен, домочадцев, обозы, отправились далее налегке и вскоре достигли окрестностей Сыгнака – столицы Шейбанидов. Выступило и войско Абулхайра. Предводитель калмаков послал одного из своих лучших воинов, чтобы он, выйдя на середину поля битвы, сообщил предводителю дештских племен послание согласия: "Пусть пот не выступит из рубашек, пусть кровь не выступит из тела героев". Однако Джучиды презрительно отвергли предложение. Обе рати сошлись в бою. Длился этот бой много часов, Абулхайр-хан был вынужден отступить и укрыться за сте-

нами Сыгнака. Не встречая сопротивления, победители вступили в окрестности Туркестана, Ташкента и Шахрухии, неся повсюду гибель и насилие, грабеж и полон, увезли с собой все захваченное. Перед уходом Уз-Тимур-тайджи заключил мир с Абулхайром. Историк хана не сообщает ничего об условиях мира, однако, судя по данным других источников, они были унизительными для Шейбанидов. Вскоре после этого поражения часть кочевого населения ханства Абулхайра отделилась и во главе с султанами Гиреем и Джанибеком, потомками Урус-хана, откочевала в Моголистан.

Калмаки продолжали совершать набеги на территорию западного Семиречья и в первые десятилетия XVI в., так что казахский хан Тахир, по словам его современника и придворного литератора Шейбанидов Васифи, построил крепость Джатан "у подножья одной горы для отражения войск калмаков".

Ойраты-калмаки продолжали одерживать победы в Западном Туркестане и во второй половине XVI в. В 1590 г. Сейфи Челеби писал: "Однажды казахи произвели набег и разграбили часть владений калмаков и возвратились к себе. Об этом доложили предводителю калмаков. Он направил одного из своих везиров в погоню за казахами и повелел: "Возвращайся непременно с головой Таваккула (предводителя войска казахов) или принеси свою голову". Тот отправился вслед за казахами и прибыл в местность, которая была йуртом Таваккула. Таваккул, увидев огромное войско калмаков, счел всякое сопротивление бесполезным и подался в сторону Ташкента. Калмаки, преследуя его, дошли до окрестностей Ташкента и, нагнав его, перебили половину войска. Таваккул с некоторым числом оставшихся в живых людей бежал в Ташкент. Как говорят, Ташкент в древности был столицей обширной области Афрасиаба. В то время правителем Ташкента был Науруз Ахмад-хан про прозванию Барак-хан, из потомков Чингиза. В то время, как Таваккул подался в Ташкент, калмаки разграбили его *эль* и вернулись в свою страну. Таваккул отправил человека к Барак-хану со словами: "Я пришел и отдал себя под твою защиту. Мы оба потомки Чингиза, связаны узами родства. Кроме того, оба мы мусульмане, единоверцы. Окажи мне поддержку, и мы отправимся вместе и отомстим этим кафирам". Барак-хан направил ему такой ответ: "Если даже десять ханов, таких как я и ты, объединятся вместе, то и они не смогут противостоять им, ибо они — племя йаджудж".

Напомним, что по вероисповеданию ойраты-калмаки были буддистами. Несмотря на многовековой контакт, мусульманами

сделались лишь немногие калмаки, потомки которых были известны в Туркестане позднее под названием *сарт-калмак*. Экспансия калмаков шла постепенно. Военные столкновения и короткие перемирия сменялись периодами подчинения части передовых калмаков власти казахских ханов и султанов. Так, в грамоте Таваккула русскому царю казахский хан именует себя "царем казацким и калмацким". Более определенные сведения о подчинении части калмаков-ойратов казахскому хану сохранились в записи беседы казахского царевича-пленника в Москве с послом Таваккул-хана Кул-Мухаммадом, датируемой январем 1594 г. Посол говорил: "Ныне дядя твой Тевкель-царевич учинился на Казатцкой орде, а брата своего Шахмагметя-царевича посадил на калмаках, а кочюют-де поблизку и все в соединенье".

Если принять во внимание, что основные кочевья калмаков находились в те годы на Иртыше и по оз. Зайсан, то можно предположить, что калмаки, о которых упоминает посол Таваккул-хана, составляли лишь часть ойратов, приблизившуюся в это время вплотную к землям, находившимся в сфере влияния казахских владетелей. Таковыми могли быть калмаки, обитавшие в 90-х гг. XVI в. в бассейне р. Ишим, о которых сообщает Ремезовская летопись.

К началу XVII в. передовые улусы калмаков настолько продвинулись на запад, что имели возможность совершать набеги на Хорезм. Зимой 1603–1604 гг., пишет Абулгази, пришло калмыцкое войско, произвело погромы среди населения, сидевшего на берегу реки от Ходжа-Куля до крепости Тук, и ушло через Бурли (местность на правом берегу Амударьи, в районе Туйе-Муюна). Предводитель хивинцев Араб-хан отправился в погоню и отнял у калмыков пленных и добычу. По словам Абулгази, это был первый набег калмаков на Хорезм.

По данным русских архивных документов, в августе 1604 г. "все колмацкие тайши и улусные люди пошли воевати с Казацкой ордой". Однако военные действия калмаков против казахов, связанные, видимо, с приходом новых групп кочевников с востока и усилением калмаков, были не совсем удачными – они встретили мощный отпор объединенных сил казахов и ногаев (мангытов). Хотя подробности военных столкновений нам не известны, тем не менее сохранились достоверные сведения о том, что казахи "разорили и повоевали калмаков и жен их и детей и животы поимали, а их с юртов разогнали". Теснимые, таким образом, с запада и юга калмаки вынуждены были откочевать на север и вступить в сношения с русским правительством, чтобы обеспечить тыл.

Достижение соглашения с Москвой развязало им руки в борьбе в казахами. Новый поход калмаков на "Казацкую орду" был удачен. Казахи, раздираемые междоусобной распрей, оказались легкой добычей. Более того, в те годы (1616 г.) Казахская Большая орда оказалась в подчинении у калмакских предводителей. Последние, однако, довольствовались лишь политическим влиянием, не имея реальной власти над большинством племен казахского жуза, и казахи Семиречья, сохраняя автономность в управлении, не прекращали борьбы за свои кочевья.

Из двух казахских ханов – Ишима и Турсуна – только Ишим-хан вел постоянные войны с калмаками. Этот факт отчасти объясняется, во-первых, тем обстоятельством, что Ишим-хан, издавна связанный с моголами и владевший Туркестаном и Семиречьем, постоянно действовал в сопредельных с калмаками районах, а во-вторых, значительной удаленностью местопребывания Турсун-Мухаммад-хана (г. Ташкент) от основных кочевий калмаков. Кроме того, по сообщению источников, калмакские тайши побаивались Турсун-хана, "потому что им Турсун-хан силен, да и потому, что меж ими войны и наперед тово не бывало".

Нажив себе кровных врагов в лице казахов, ногаев (мангытов) и теснимые с востока монголами и китайцами, калмаки очутились в 20-х гг. XVII в. в очень тяжелом политическом положении, выход из которого они пытались найти в мирных переговорах с казахами. По словам приехавшего из улусов калмаков толмача П. Семенова, в 1620 г. тайши отправили послов к казахскому хану Ишиму для переговоров о мире. Однако Ишим-хан, разгневанный нападением некоторых калмакских тайш на казахов, которое последовавало во время ведения переговоров, убил послов и, двинув большое войско, перебил много калмаков, в том числе двух тайш. Войны Ишим-хана с калмаками продолжались с переменным успехом и в последующие годы. Особенно тяжело пришлось калмакам в начале 20-х гг. XVII в., когда они сражались сразу на нескольких фронтах. В эти годы бухарский хан Имам-Кули, возмущенный грабежами и убийствами бухарских купцов калмаками, двинул свое войско на калмаков. Между тем война на несколько фронтов не мешала калмакам одерживать победы в мелких стычках, захватывать в полон казахов и переправлять их затем в Тюмень для обмена на калмаков, оказавшихся в русском плену.

Затем наступило временное затишье. По свидетельству посла тобольского воеводы Я. Буголакова, зимой 1624 г. к дэрбэтскому тайше Далаю приходили от Турсун-хана и Ишим-хана "послы о

миру". В "Ногайских делах" за 1625 г. имеется сообщение о том, что калмаки помирились с казахами, а "с юргенцами и бухарцами мира у них нет, но и войны также нет". Но мир был непрочен. В 1627 г., по сообщению Махмуда ибн Вали, состоялся поход казахов под главенством Ишим-хана на кочевья калмаков. Ойратские тайши потерпели поражение и в следующем, 1628 г., и часть калмаков вынуждена была откочевать подальше от владений казахов.

Между тем в истории ойратов-калмаков происходили важные события. **Около 1627–1628 гг. прежний ойратский союз распался – хошоуты подались в Тибет, а торгоуты во главе с Хо-Урлюком отделились от остального ойратского общества, откочевали через Северный Казахстан на правобережье Нижней Волги, оттеснив на запад ногаев (мангытов), получили название *халимак* (*калмак, калмык*) и в 30-х гг. XVII в. основали там Калмыцкое княжество.**

Оставшиеся кочевать на просторах Южной и Западной Сибири ойратские племена начали объединяться под эгидой чоросских князей и в 1635 г. создали на берегу Иртыша другое ойратское государственное образование – Джунгарское, – во главе которого стоял энергичный и воинственный Батур-хунтайджи (правил в 1634–1653 гг.). Именно при нем государство ойратов (джунгаров) получило определенное устройство. В 1640 г. в орде (ставке) Бабур-хунтайджи был созван курултай, на который явились даже владетели приволжских калмаков. На нем было принято знаменитое ойратское (калмыцкое) "Степное уложение".

Государство, возникшее в 1635 г. энергичными действиями Хара-Хула (Каракула)-тайджи (ум. в 1634 г.) и его сына Батур-хунтайджи (хунтайши), получило в научной литературе название *Джунгарского ханства*. Единственным предводителем джунгарских правителей, носившим титул "хан" в период с 1635 по 1758 г. был Галдан (правил в 1671–1697 гг.). Все другие правители ойратов этого периода носили титул *хунтайджи* (*хунтайши*). Борьба казахов с калмаками из-за обладания кочевьями, изредка прерываемая кратковременными перемириями, переросла при Батур-хунтайджи в изнурительные и непрерывные войны, соотношение сил при этом склонилось не в пользу казахов, предводительствуемых в это время Джахангиром, сыном Ишим-хана. Источники, относящиеся к этому периоду, упоминают помимо мелких столкновений три крупных сражения между казахами и калмаками. В первом из них предводитель казахов Джахангир попал в плен к калмакам, и только счастливая случайность возвратила ему сво-

боду. Освободившись от унизительного плена, он остался на всю жизнь непримиримым врагом ойратов и не переставал беспокоить их частыми набегами. В борьбе с калмаками казахский хан пользовался, видимо, поддержкой моголов. Во всяком случае, Джахангир и могольский хан Абдаллах поддерживали добрососедские отношения и обменивались посольствами. Батур-хунтайджи, желая усмирить беспокойного соседа, собрал 50-тысячное войско и вторгся в 1643 г. в кочевья казахов. Удачный вначале поход окончился, однако, поражением хунтайши и отступлением калмаков с большим уроном. В этой войне на стороне казахов выступили ополчения кыргызов и отряд эмира Бухарского ханства Ялангтуш-бия алчина.

Предводитель калмаков, решившись отмстить Джахангиру за понесенное поражение, собрался идти вновь на казахов и стал организовывать закупку оружия и предметов военного снаряжения, но из-за противодействия некоторых тайш поход так и не состоялся. Калмаки выступили лишь в 1652 г. "В эту зиму (1652 г.), – пишет Зая-Пандит, – Цецен-хан покорил бурутов. В этом походе 17-летний Галдан убил Янгир-хана (Джахангира)".

Зимой следующего, 1653 г. умер основатель джунгарско-ойратского ханства Батур-хунтайши. С его смертью начались новые междоусобные войны тайш за власть, которые не прекращались в течение всех лет правления преемника Батур-хунтайши Сенге (1653–1670 гг.). В эти годы взаимоотношения казахских и джунгарских феодалов были относительное спокойны. Но при хунтайши Галдан-Бошокту (1670–1697 гг.) ойратские тайши начали новые завоевательные походы в Южный Казахстан, Среднюю Азию и Восточный Туркестан. В 1678–1680 гг. ойраты совершили поход в Кашгарию, в 1681 г. Галдан-Бошокту проник за р. Чу и осадил г. Сайрам, но не смог его взять. В 1683 г. он вновь предпринял поход на Сайрам, и, наконец, в 1684 г. Сайрам был взят. Отвлеченные военными действиями с китайцами калмаки вскоре покинули разграбленный и разрушенный город, а многие жители тех краев были уведены в плен в Джунгарию. В 1683–1685 гг. Галдан-Бошокту ходил на Ош и Андижан, но натолкнулся на решительное противодействие кыргызов и узбеков и вынужден был отступить. Тогда Галдан предпринял поход в Восточную Монголию, но его военные действия там были очень неудачны, и в 1697 г. он кончил жизнь самоубийством. После смерти Галдан-Бошокту правителем Джунгарского ханства сделался его племянник Цэван Рабдан.

После прихода к власти Цэван Рабдана (1697–1727 гг.) казахско-джунгарские отношения вновь резко обострились. Предводитель ойратов говорил русскому послу И. Унковскому, что с начала своего правления он "непрестанную войну имеет с Казачьей ордою, которые с каракалпаками за едино воюют". В письме к китайскому императору от 1698 г. он сообщал: "1) что войну имеет он, Раптан, с казаками поневоле; 2) что прежде сего сын хана хазацкого Текея (т. е. Тауке) был в полону у Галдана, и Галданом отослан к Далай Ламе; 3) что потом Текай просил его, Цеван Раптана, о сыне своем, чтобы от Далай Ламы высвободил и к нему доставил. По прозбе сей он, Цеван Раптан, исполнил, и сына его к нему, Текею, отослал с 500 человек; но он в благодарность всех оных 500 человек перерубил, и еще потом убил моего князя, а князеву жену с детьми и с людьми, всего более сто кибиток, увез к себе; 4) что он, Текей, чинил нападение на Цеван Раптанова шурина, Аюки Ханова сына на дороге, который вез к нему, Цеван Раптану, в замужество сестру свою, и 5) что перехватил к себе несколько российских купцов, кои от него, Цеван Раптана, следовали назад в Россию". Отдельные удачи казахского хана Тауке в мелких стычках не могли принести ему в целом успеха в войне, инициатива в которой принадлежала ойратам. В годы правления Цэван-Рабдана калмакско-казахские войны следовали одна за другой. Наиболее значительные из них были в 1711, 1712, 1714, 1717, 1723, 1725 гг. Наступательные действия джунгаров несли серьезную угрозу казахам, что ускорило сближение Казахстана с Россией, а в последующем – вхождение казахских жузов в состав Российской империи.

В 1758 г. под ударами китайцев Джунгарское ханство пало окончательно и прекратило свое существование, причем благодаря жестокому способу ведения войны погибла и значительная часть населения Ойратского государства, а уцелевшая часть бежала прочь и нашла убежище в других странах, в частности в России, Афганистане, Иране.

Таким образом, конец XV – начало XVI в. стали важнейшей вехой в истории народов Центральной Азии. Именно в этот период появились на исторической арене Казахское ханство (1470–1471 гг.), Узбекские ханства в Мавераннахре (1501 г.) и Хорезме (1511 г.). Политическое и общественное значение этих исторических событий заключается в том, что названные ханства – первые по времени в Центральной Азии национальные государства, созданные ныне существующими на этих территориях народами, а не их предшественниками или историческими предками. Важ-

ным историческим содержанием XVII в. рассматриваемого региона были возникновение в 1635 г. Джунгарского ханства (Ойратского государства) – последнего в истории Центральной Азии сильного кочевого государства – и история его взаимоотношений с соседями.

Проблемы взаимодействия кочевой и оседлой культур. Формы и направления культурных связей. Исследование взаимоотношений Казахстана с народами Центральной Азии в период позднего средневековья содействует решению ряда проблем эволюции кочевых обществ, взаимодействия кочевой и оседлой культур, контактов и взаимоотношений цивилизаций, сыгравших существенную роль не только в истории соответствующих стран, но и в истории всего мира.

Историко-культурные связи казахов с соседними народами носили разные формы. Но прежде всего следует выделить два аспекта: культурологический и социологический. Предпосылки этих связей, как свидетельствуют материалы, формировались достаточно давно, а некоторые их виды устанавливались довольно интенсивно в эпоху средневековья и начала нового времени. Они проявлялись в форме торговли, эпизодического и стихийного обмена ремесленниками, взаимного посещения стран путешественниками. Характерными чертами культурных контактов были введение новых предметов материальной культуры, развитие товарно-денежных отношений, образование новых способов общественной и экономической деятельности. Инновации не охватывали сразу все слои и группы населения, не затрагивали все способы общественной деятельности и формы их осуществления. Традиционное и новое часто сосуществовали. Многое из предшествующего не исчезало, но существовало в ограниченном, особом употреблении, адаптируясь по форме к новым условиям.

Изучая политическую историю народов Средней Азии, Казахстана и других стран Востока, нельзя упускать из виду вопросы взаимовлияния и взаимообогащения культур, а за междоусобными войнами необходимо видеть обычную, повседневную жизнь. В историографии нет обобщенного труда, в котором последовательно излагалась бы история взаимовлияния и взаимообогащения культур народов Средней Азии, Казахстана, стран Востока XVI–XVII вв. Из-за малой изученности политической, культурной истории.

Взаимодействие кочевой и оседлой культур, историко-культурные контакты тесно переплетались с определенными историческими (политическими, военными, социальными и др.) собы-

тиями, о которых свидетельствуют материалы археологических, письменных, устных источников. Письменные источники, выявленные за последнее время, материалы археографических экспедиций значительно пополнили источниковую базу и содержат много сведений по истории и культуре кочевников, их связям с соседними народами в средние века, что привело к формированию новых взглядов и более полному исследованию проблемы взаимодействия кочевой и оседлой культур в экономическом, политическом, культурном отношениях.

История казахского народа XV–XVII вв. развивалась в тесных и разносторонних контактах с народами Центральной Азии, пути их развития скрещивались и переплетались, военные конфликты перемежались периодами сотрудничества и дружбы, заключением династических браков. Набеги кочевников в оседлые области не всегда были произвольны и происходили вследствие потеснения со стороны более сильных соседей. К примеру, Казахское ханство, в начале второй половины XVI в. обладавшее значительной политической и военной силой и занимавшее огромные пространства, тем не менее к концу XVI в. оказалось ограниченным в своих кочевьях степями и горами Семиречья южнее линии Сарысу и потеснено джунгарами, ногаями, узбеками. Отсутствие городов отрицательно сказывалось на экономическом состоянии ханства, чем была обусловлена борьба во второй половине XIV в., поднятая высшими социальными слоями средневекового общества за обладание присырдарьинскими районами.

Взаимоотношения народов Казахстана, Средней и Центральной Азии имеют давнюю историю. Они выражались как во внешнеполитических отношениях, так и во взаимной обменной торговле. Интересный материал по истории торговли, торговых путей, экспедиций в степные края свидетельствует о том, что Казахстан являлся связующим звеном, мостом на пути взаимовлияния и взаимообогащения культур Востока и Запада. В XVI–XVII вв. значительно расширяются политические и торговые связи Казахстана со среднеазиатскими ханствами, Индией, Афганистаном, Россией, происходит обмен торгово-дипломатическими посольствами. Обмен посольствами между Казахстаном и этими странами был, по существу, формой торговых сношений. Из археологических данных следует, что межгосударственная и транзитная торговля требовала большого количества денег из серебра и золота[1]. Интересны находки монет иранских городов XVII–XVIII вв., на которых часто изображались различные животные, птицы, рыбы и т. д. Некоторые из них типологически очень близ-

ки зооморфным сюжетам казахстанской и узбекской меди. Это сходство, иногда до полной аналогии в деталях, позволяет считать, что данное явление имеет какую-то общую для ирано-среднеазиатского ареала семантическую основу.

Еще с XII в. наиболее оживленным стал путь, проходивший из Китая на Запад через Семиречье и Южный Казахстан, который входил в орбиту Великого Шелкового пути. В настоящее время уделяется большое внимание изучению трасс Великого Шелкового пути, пересекавшего территорию Казахстана и Центральной Азии. Тем более что начиная со второй половины XVI в. этот путь получил новый импульс жизни. Из письменных источников XVI–XVII вв. известно, что в это время через Казахстан также проходили торговые пути, связывавшие Китай, Индию и Среднюю Азию, здесь проезжали паломники, проходили военные отряды. Торговля велась как морским путем через Каспийское море между Астраханью и Мангышлаком, так и сухопутным – через северное побережье Каспийского моря, Бухару, Хиву. Имеющиеся свидетельства восточных авторов позволяют говорить о регулярности торговых отношений, даже во время смут и войн, хотя последнее обстоятельство сильно препятствовало ее развитию. Сеид Али Раис, автор "Мират ал-Мамалик" и современник описываемых событий в Центральной Азии XVI в., описывает деятельность купцов, ведших торговлю с другими странами. Так, он сообщает о Ташкентской и Туркестанской дорогах, которые через присырдарьинские города и Сарайчик связывали Бухару и Астрахань. В "Михман-наме-йи Бухара" Рузбихана имеются оригинальные сведения о внешнеторговых связях казахов в начале XVI в., состоянии Туркестана, Сыгнака, Сайрама и их роли в политической, экономической и культурной жизни не только кочевников, но и оседлого населения Средней Азии. По словам Рузбихана, город Сыгнак в начале XVI в. оставался гаванью Дешт-и Кыпчака, куда прибывали товары из Поволжья, Мавераннахра, Кашгара, Хотана и Китая: "В город Йассы (Яссы) привозят товары и драгоценные изделия, и там происходит торг, и он [город] является местом развязывания грузов купцов и местом отправления толп путешественников по странам"[2]. Многочисленные находки монет из Отрара, Йассы (Туркестан), Ташкента, Бухары, Самарканда указывают на развитие политических и торговых связей народов Центральной Азии[3].

В XVI–XVII вв. ясно намечаются историко-географические особенности этой торговли, сохранившиеся до наших дней. Об этой торговле имеются документальные данные в Архиве внеш-

ней политики России, фондах "Киргис-кайсацкие дела", "Ногайские дела", в персоязычных сочинениях "Шараф-наме-йи шахи" Хафиза Таныша, "Бахр ал-асрар" Махмуд ибн Вали, "Акбар-наме" и др. Но совершенно не исследованы персоязычные сочинения индийской историографии, в которых наряду со сведениями по истории Средней Азии имеются и данные по истории казахов.

Как известно, в XVI в. в Северной Индии возникает империя Великих Моголов. В этот период существовали большие традиции культурного общения и контактов Средней Азии с империей Великих Моголов. Средняя Азия сыграла особую роль в продвижении достижений индийской культуры, многие культурные ценности которой распространились в соседние страны, в том числе в Казахстан. С начала XVI в. индийские купцы из Северной Индии распространили торговлю на север: в Афганистан, Иран, Среднюю Азию и Казахстан. Особенностью казахско-индийской торговли в XVI–XVIII вв. было то, что она велась при посредничестве среднеазиатских, индийских и афганских купцов. Казахи в основном торговали скотом, который перегонялся через Среднюю Азию в Индию. Среди товаров, провозившихся по направлениям караванного пути особенно отмечаются лошади. Значительное количество лошадей пригонялось в Индию из Бухары. Особенно ценились лошади казахской породы. Казахские купцы перегоняли в Индию до 40 тыс. лошадей[4]. Они вели торговлю и с Китаем. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани сообщает о дороге, соединившей Среднюю Азию и Китай, через Яссы в Туркестан. В мемуарах Бабура упоминаются подобные караваны, возвращавшиеся из Китая в конце XV в., которые состояли из одной тысячи человек. Это число в какой-то степени свидетельствует об объеме торговли, которая велась с Китаем[5].

Взаимоотношения Казахского ханства со среднеазиатскими ханствами были разнообразны. Периоды военных столкновений, взаимные набеги сменялись периодами добрососедских отношений, во время которых развивалась караванная торговля. В источниках XVI–XVIII вв. имеются данные о дипломатических переговорах между казахскими ханами, Хивой, Бухарой, Кокандом и др. С конца XVI в. намечается усиленный обмен русско-казахскими посольствами. Особое место в упрочении казахско-русских отношений имело российское посольство Вельямина Степанова к казахскому хану Таваккулу в 1595 г. Оно явилось тем связующим звеном, которое способствовало расширению торговых и политических связей России с Казахстаном. Через Казахстан проходили торговые пути из России в Среднюю Азию и Си-

бирь. Россия придавала важное значение торговле со среднеазиатскими городами и казахской степью. Ф. Скибин, посетивший в 1697 г. Казахское ханство, подробно описал так называемую Тобольскую дорогу, которая шла по Иргизу и выходила к Адабашскому острогу. В урочище Тюмень-Карагай дорога раздваивалась – вправо и влево. Правая ее ветка вела в Каракалпакию и Хиву, левая шла от Туркестана до Сырдарьи и далее – в Ташкент и Бухару[6]. Торговые пути между Казахским ханством и Центральной Азией, Россией играли большую роль в хозяйственной жизни населения тех регионов, через которые они проходили. Казахи были поставщиками верблюдов и лошадей для караванов. Ремесленники близлежащих населенных пунктов и степей снабжали проходящие караваны необходимой продукцией. В качестве охранников и проводников нанимались в основном казахи и туркмены.

В крупных городах размещались караван-сараи, которые были средоточием приезжих купцов, местом сделок и хранения товаров. В "Раузат ар-ризван" сообщается, что в некоторых караван-сараях для осуществления коммерческих операций собирались саудагеры (торговцы) и туджары (купцы) из Ирана, арабских стран, со всего мира[7]. Казахские ханы и султаны, правившие Ташкентом, с XVI в. держали под контролем торговые пути через Андижан, Ахси, Сайрам и другие города, в результате чего они имели огромные доходы от торговли.

Города Центральной Азии экономически были тесно связаны между собой. Караванные дороги соединяли среднеазиатские города с центрами Индии, Афганистана, Ирана, с присырдарьинскими городами Казахского ханства[8]. Расширение торговых связей стимулировало развитие экономики и укрепляло межгосударственные отношения.

Не менее значительным было влияние Центральной Азии на Казахстан в области идеологической. Средняя Азия сыграла немалую роль в распространении ислама среди соседних народов, хотя параллельно существовали и прежние религии: христианство, зороастризмы и языческие верования. Особенно сильным было влияние ислама на культуру Южного Казахстана. Восточные источники. повествующие об идеологии казахского общества XVI–XVII вв., отмечают наличие у казахов шаманистских воззрений и культов и вместе с тем насаждение ислама, деятельность среди казахов среднеазиатских суфийских орденов, что казахи были давними мюридами среднеазиатских шейхов. Например, Касым-хан был последователем бухарского шейха Абу-Бакр

Са'да и принимал у себя в 1512 г. спасавшегося бегством от Бабура и персов Ходжу Ислама, знаменитого джуйбарского шейха[9]. Казахские ханы проводили активную политику, занимая лояльную позицию в отношении некоторых суфийских орденов, поддерживая их в противовес другим, опираясь на них и используя в своих целях. Известен даже религиозный деятель из среды казахов XVI в. – Маулана Мухаммад казах Рабатеги. Распространителями ислама выступали среднеазиатские суфийские пиры и их агенты, которые преследовали при этом цель – увеличения числа мюридов и размеров своих доходов.

В ряде агиографических сочинений содержится значительный материал, характеризующий быт народов Средней Азии и Казахстана, их родо-племенную структуру, верования, политическую историю, рассказывающий о миссионерской деятельности ходжи Исхака, активно проповедовавшего суфийское учение ордена Накшбандийа среди казахов. Исламизация казахов способствовала укреплению на идеологической основе союза казахских правителей с духовными и светскими среднеазиатскими представителями.

Важную роль, сыграли в казахском обществе представители ходжей и сейидов. В "Убайдаллах-наме" сообщается, что Убайдалла хан, "пообещав звание накиба... двора Абу ар-Рахим-ходжа, брату Кара-Бахадура Сеиид-ата-и, которого казахи признавали своим пиром и питали к нему полнейшее расположение, приказал ему ехать в Ташкент; казахским ханам и ташкентским ходжам с названным ходжою отправили милостивые [ханские] письма, халаты надлежащей ценности и арабских лошадей, дав срок двенадцать дней и обнадеживши ходжу своими [последующими] милостями"[10].

Имеются документы о купле-продаже земли и земельных пожалованиях потомками шейхов Джуйбари. Для более позднего времени имеет важное значение группа документов архива хивинских ханов, дающих полный материал, относящийся к землевладению и налоговому обложению казахов. В документах такого рода содержатся списки казахов, охватывающие 1200 хозяйств, данные об имущественном, социальном и родо-племенном составе налогоплательщиков; распределение населения по отдельным районам, его численность[11]. В целом комплексе источников сообщается о значительном влиянии в XVI в. на государственные дела джуйбарских шейхов. Они являлись и крупными землевладельцами, и богатыми купцами. Особый интерес представляют вакуфные документы, характеризующие хозяйство джуйбарских

шейхов XVI–XVII вв., которые показывают, что в руки определенных категорий служителей переходили районы с десятками селений, пахотных угодий, мельницами, караван-сараями, каналами и др[12].

В "Раузат ар-ризван" сообщается, что 900 джуфти гав земли находилось между Туркестаном и Хорасаном. Все это свидетельствует о том, что шейхи Джуйбари имели огромные земельные фонды в различных районах Средней Азии.

Активное участие в торговле принимало духовенство. Так, Кашмири в "Раузат ар-ризван" приводит сведения об участии в международной торговле джуйбарского шейха Ходжи Ислама.

Как мы уже указывали, шейхи Джуйбари играли значительную роль в политической жизни общества того времени. Они пользовались большим влиянием среди своих мюридов. А. Дженкинсон, побывавший в Бухаре в 1559 г., рассказывал о политическом влиянии могущественного главы бухарского духовенства: "В Бухаре есть духовный глава. Его больше слушают, чем короля, он может сместить короля и посадить другого по своей воле и желанию"[13].

Исторические события рассматриваемого периода способствовали развитию интенсивных отношений между оседлым и кочевыми народами, взаимовлиянию их культур. Этническое родство между населением этих различных областей прослеживается в языке, хозяйстве, быте, искусстве. Исторические связи в духовной культуре народов Центральноазиатского региона нашли свое отражение в устном народном творчестве (преданиях, сказках, песнях). Сходство в эпических произведениях этих народов обнаруживается не только в идеях, образах, сюжетах. Оно вызвано общими исторически типичными чертами воинского быта степных кочевников, реальными общественными отношениями, отраженными в эпосе, а также сходством идеологий, отражающих шаманистские представления тюркских народов до их мусульманизации. Историко-культурные контакты, обмен культурными ценностями, взаимодействие кочевой и оседлой культуры являются столь же древними, как и сама история. Целый ряд свидетельств археологических, письменных, устных источников доказывают их глубокие связи. К примеру, в свое время использование верблюда, лошадей произвело переворот в международных отношениях, оказав огромные услуги во взаимоотношениях и торговле народов. Обширные, недоступные до этого степи и пустыни, отделявшие друг от друга культурные оазисы, стали дос-

тупными для переходов, что устранило препятствия для самых широких культурных взаимодействий.

XVI–XVII вв. – особый период в истории Казахстана, время укрепления казахской государственности, активных военно-политических торговых и культурных отношений казахов с соседними странами и народами, в истории которых они играют особую роль.

Интересный материал о взаимоотношениях между оседлым и кочевым населением имеется в персоязычном сочинении "Раузат ар-ризван ва хадикат ал-гилман" Бадр ад-Дина ал-Кашмири. Автор сочинения был последователем известного джуйбарского шейха ходжи Мухаммад Ислама и свой труд посвятил истории джуйбарских ходжей. Сочинение, написанное в конце 90-х гг. XVI в., содержит ценный материал социально-экономического характера. Политические события конца XVI – начала XVII в. оказали существенное воздействие на историко-культурный процесс в Казахском ханстве. На протяжении почти двух столетий (XVI–XVII вв.) под власть казахских правителей перешли Ташкент и присырдарьинские города, имевшие большое экономическое и торговое значение. Для этого региона характерна с одной стороны, тесная взаимосвязь кочевника и оседлого, адаптация кочевников к существующим производственным отношениям, с другой – воздействие кочевых хозяйственно-бытовых традиций на культуру оседлого населения. Описание церемониала при дворе узбекских ханов в XVII в., в частности при дворе Надир-Мухаммада, показывает, насколько узбекские ханы, утвердившие свою власть в культурных областях в начале XVI в., еще в половине XVII в. должны были считаться с традициями кочевой жизни и родового строя согласно Ясе и Юсуну (Обычному праву).

В. В. Бартольд приводит отрывок из "Бахр ал-асрар" Махмуда бен Вали, где сообщались необычайно любопытные и подробные сведения о былом церемониале питья кумыса при дворе узбекского хана Надир-Мухаммада, правившего в XVII в. сначала в Балхе, потом в Бухаре и Самарканде[14]. Не лишен интереса и тот факт, что этикет XVII в., связанный с питьем кумыса как одного из основных напитков кочевого быта узбеков того времени, позже был перенесен на питье бузы как продукта, связанного уже с культурой оседлой жизни того же народа[15].

Учитывая, что межгосударственная торговля быстрее и глубже влияла на уровень жизни населения кочевого общества, чем оседлого, оседло-земледельческие государства часто использовали ее в целях вовлечения кочевых племен в орбиту своих полити-

ческих интересов, а в отдельные годы шли на ограничение или прекращение торговых связей, применяя это как средство политического нажима· "Военная активность кочевых народов, которую ... наука склонна объяснять характером этих народов или рассматривать как неизбежный атрибут кочевого хозяйства, – отмечал В.С.Батраков, – в действительности в ряде случаев объяснялась нарушением условий их мирного существования с оседло-земледельческими народами, ограничением или прекращением торговых связей с ними, без которых было немыслимо нормальное производство и воспроизводство в районах кочевого хозяйства"[16]. Так, Мухаммад Шайбани-хан перед походом на казахов в 1509 г. с помощью экономических санкций пытался сокрушить могущество казахов, которые испытывали крайнюю нужду "в платье и одежде". Несколько раз выпускался указ, чтобы "население Туркестана никаких торговых сделок с казахскими купцами не совершало и чтобы между ними и жителями этих земель не было взаимных посещений и поездок купцов"[17]. Несколько раз в ряде районов Туркестана и городах Хорезма было приказано грабить казахских купцов.

Важную роль в торговле степных улусов со Средней Азией играли присырдарьинские города, в разное время вошедшие в состав Казахского ханства. Рузбихан, рассказывая о г. Сыгнаке и его округе, выделял его торговое значение: "В эту страну со стороны Дешта, из Хаджи-Тархана доставляют множество благ, жирных овец, коней, верблюдов и другие ценные товары, как-то: шубы из меха, киша и тина, то есть из соболя и белки, тугие луки, стрелы из белой березы, шелковые ткани и другие драгоценные изделия. Так как Сыгнак является началом благоустроенности центра того владения по отношению к обитателям Дешта, то купцы владений и местностей Дешт-и Кыпчака до пределов реки Адил... сделали город Сыгнак местом складов своих [и] привозят сюда торговые товары"[18]. О другом присырдарьинском центре торговли – Яссы (Туркестане), ставшем в XVI–XVIII вв. резиденцией казахских ханов, он пишет: "В город Йасы привозят товары и драгоценные изделия, и там происходит торг, и он (город) является местом развязывания грузов купцов и местом отправления толп путешественников по странам"[19].

Из Бухары в страны Дешта (Казахское ханство, Ногайскую орду), Россию, как можно судить по сведениям Дженкинсона, поставлялись прежде всего изделия из хлопка и шелковые ткани[20]. Мы полагаем, что, участвуя в посреднической торговле, казахские купцы обменивали ряд труднодоступных для Поволжья вос-

точных товаров (возможно, атлас, камку и др.) на некоторые виды товаров, получаемых из России. У Герберштейна (1549 г.) есть указание на обмен вещами между населением татарских Орд. "Если живущие вокруг них народы достанут сколько-нибудь денег от продажи их имущества, то покупают на них платье и другое необходимое для жизни. Границ друг с другом (я говорю о степных татарах) у них нет никаких"[21].

По мере овладения присырдарьинскими городами роль казахских купцов в торговых связях с соседними государствами возрастала. Жалованная грамота Ивана IV Строгановым (1574 г.), разрешавшая "вольную", беспошлинную торговлю с казахами, видимо, отразила факт более частого появления казахских купцов в Зауралье, Башкирии и др.

На основании подробных и достоверных сведений из русских архивных материалов, а также археологических раскопок можно считать, что существовало товарное обращение не только в форме широкого обмена между городским и сельским хозяйством, но и между городом и кочевой степью. В обмен на скот, добычу от звериной охоты кочевники получали товары промышленного хозяйства, что приводило к установлению мирных, дружественных связей. Из документальных источников XVI–XVIII вв. известно, что среднеазиатский хлопок и изделия из него шли на русские рынки (особенно в Поволжье), в Казахстан и Сибирь. Бухарское и Хивинское ханства своими хлопчатобумажными изделиями обеспечивали потребности кочевых народов Казахстана и Средней Азии.

Интересные сведения о шелководстве и шелкопрядстве встречаются в русских источниках, где главным производителем и продавцом шелка называется Бухара. Так, Филипп Назаров, посетивший Среднюю Азию, сообщает: "Шелковичных червей сих такое количество, что, несмотря на вывоз шелков в Бухарию и на выделку из оных множества различных парчей для киркизских орд, шелка сии остаются с избытком до новых"[22].

Торговля между казахами и соседними народами шла постоянно. Однако нельзя согласиться с мнением о том, что казахские ханы, захватив у Шейбанидов власть над присырдарьинскими городами, совершенно опустошали их. Отметим, что в источниках шейбанидской, аштарханидской историографии зачастую проводится тенденциозная линия восхваления ханов – Шейбанидов и крайне отрицательное отношение к кочевникам, поскольку эти исторические хроники составлялись в основном придворными историографами. Между тем археологические и письмен-

ные источники, основанные на так называемой степной устной историографии, а также сохранившиеся предания свидетельствуют, что земледельческая культура и городская ремесленная и торговая жизнь продолжали нормально функционировать. Пострадали лишь династия Шейбанидов и ряд близких к ней знатных фамилий. Казахи под влиянием более высокой земледельческой культуры вступили в значительной своей части на путь постепенного перехода к земледелию, приобщения к городской культуре. Это выражалось не только в том, что казахи изучали таджикский, персидский языки, но и сами принимали участие в создании городской материальной культуры. Многие казахи оседали в городах, становились ремесленниками. Постепенное культурное сближение их с оседлыми народами в XVI–XVII вв. привело к тому, что образование получило широкое распространение среди казахской знати. Туркестан в то время был центром просвещения, где получала образование знать. В ставках казахских ханов имелись канцелярии, из которых должны были исходить необходимые документы.

Исторические связи в духовной культуре, этническое родство между населением различных областей Центральноазиатского региона: казахов, киргизов, узбеков, туркмен, каракалпаков – нашли свое отражение в устном народном творчестве (преданиях, сказках, песнях), прослеживается в языке, хозяйстве, быте, искусстве. В "Очерках Джунгарии" Ч. Валиханов высказывает интересные мысли о взаимном проникновении эпических сказаний у родственных народов и об отношении к ним кочевников: "Эти саги показывают, в какой степени наши кочевники дорожат стариной и как умеют ее сохранять. Надо сказать, что поэтические предания, вследствие сменности кочевьев и при сходстве языка, легко переходят и заимствуются одним народом у другого, и потому нужно уметь их отличать. Г. Ходзько слышал отрывки из Эдиге от туркменцев, но туркменцы заимствовали от кайсаков или от ногайцев, точно так же, как классический их разбойник Кор-Оглу известен кайсацким рапсодам. В Азии очень много странствующих преданий, легенд и саг"[23]. Наиболее существенные исторические отложения в среднеазиатском эпосе связаны с ногайскими и калмыцкими войнами XVI–XVIII вв. (например, вопрос об исторических элементах Манаса и эпических сказаниях о ногайских богатырях).

Своеобразный облик культур народов возникает не только в ходе их внутреннего развития, но в известной степени и в процессе их взаимного влияния. Роль выдающихся поэтов и ученых

стран Востока в укреплении культурных связей и взаимообогащении культур трудно переоценить. Туркестан становится важным центром переводческой деятельности. Здесь переводились сочинения персидских, индийских авторов по истории, литературе, математике, медицине. Литературные сочинения, созданные выдающимися писателями и поэтами стран Востока, доходили до казахского населения. Для этого времени характерно распространение литературного чагатайского и персидского языков среди местного казахского населения. Показательны в этом отношении труды казахстанского историка и этнографа Курбангали Халиди, имеющего немалые заслуги в изучении дореволюционной истории казахов и других народов Средней Азии, Восточного Туркестана. Им написаны два сочинения, изданные в Казани: "Тарих-и джарида-йи джадида", "Таварих-и хамса-йи Шарки". На примере этих трудов прослеживается влияние рукописной традиции стран Востока.

Таким образом, культура одного народа или региона, какой бы замкнутой, самобытной и самостоятельной она ни была, в той или иной степени испытывает влияние других культур, соседствующих или контактирующих с ней. Значение контактов между народами в истории человечества и в развитии культуры получило в науке широкое признание. Этническая история является процессом взаимосвязанным и взаимодополняемым, поэтому нельзя искусственно отделить историю и культуру одних народов от истории и культуры других.

Взаимоотношения Казахстана со странами и народами Центральной Азии

Казахско-узбекские отношения. Характер взаимоотношений казахов с Шейбанидами в XVI–XVII вв. существенно не отличался от тех, которые имели место в первые десятилетия XVI в. Эти связи были достаточно тесными и разносторонними. Военные конфликты перемежались периодами сотрудничества и дружбы, заключались брачные союзы. Наибольшую заинтересованность в сближении и союзе с Хакк-Назар-ханом проявил Шейбанид Абдаллах-хан II. В 1561 г. Абдаллах возвел на ханский престол своего отца Искандара и от его имени успешно вел борьбу со своими противниками, правителями отдельных уделов, а в 1583 г., после смерти отца, он сам занял ханский престол и оставался на нем до своей смерти в 1598 г. Правление Абдаллах-хана характеризовалось усилением ханской власти, что явилось результатом

не только успешных завоевательных походов, но и его победы над всеми враждовавшими с ним родственниками: почти все они были истреблены. В период правления этого хана представители узбекской племенной знати вынуждены были занять положение служилых людей, хотя и обладавших определенным весом на ханской службе, но лишенных самостоятельной политической роли. Абдаллах-хан видел в казахах военно-политическую силу, которую стремился использовать для укрепления своей власти, особенно в районах, где обосновались его соперники Шейбаниды. С этой целью он заключил с Хакк-Назар-ханом "Клятвенный союз", по которому обе стороны обязались поддерживать друг с другом мирные отношения. Точное содержание договора остается неизвестным, но выражение: "Мы и теперь верны тому договору и союзу, которые мы заключили с его величеством"[24] — позволяет думать, что тесные связи казахов с бухарским ханом существовали и до 1579 г.

К концу 70-х гг. XVI в. произошли события, принесшие казахам неудачи. В это время завязалась борьба между Абдаллахом и Баба-султаном, сыном Барака (Науруз-Ахмада). Поводом к войне послужило то, что Баба, овладев Ташкентом, убил своего старшего брата Дарвиша, которого Абдаллах посадил там в качестве правителя[25]. Абдаллах-хану очень важно было знать, какую позицию займут в этой борьбе казахи, так как он, во-первых, опасался того, что казахи могут перейти на сторону Баба-султана, а во-вторых, не мог надеяться только на свои силы. До Абдаллах-хана уже доходили слухи, что мятежники, сговорившись с казахами, замышляют поход против своего законного государя. Однако Хакк-Назар-хан поддерживал Абдаллаха, так как в данном случае он руководствовался не только "Клятвенным договором", но и собственными интересами. Отметим также, что Ташкент, как и другие города, расположенные по среднему течению р. Сырдарьи, с XV в. служил предметом борьбы между Шейбанидами и казахскими ханами. Присырдарьинские города привлекали казахского хана как объект военной добычи и как надежное укрытие на случай поражений[26]. Итак, казахские ханы и султаны оказали активную поддержку Абдаллах-хану.

К Абдаллаху приезжал посланец от казахского хана, чтобы передать уверения в дружбе и преданности ему. Хакк-Назар предложил выдать Абдаллаху пленных "из сыновей Баба-султана Убайдаллах-султана, из его эмиров Джан-Мухаммад-аталык наймана и Шах-Гази-бий дурмана вместе с некоторыми вельможами [Баба-султана]"[27]. Тогда Абдаллах-хан вместе с этим послом от-

правил к казахам могущественного эмира Сурхун-аталыка со следующим посланием: "Всем тамошним хаканам после вознесения высоких молитв сообщаем, что мы жалуем [им] четыре селения в Туркестанском вилайете"[28]. Видимо, это пожалование четырех селений Туркестана являлось одним из пунктов "Клятвенного договора".

Поддержка казахов сыграла решающую роль в подавлении мятежа Баба-султана. В середине 1579 г. близ Ташкента он потерпел поражение. В августе 1579 г. Абдаллах-хан заключил мир с Баба-султаном. Однако последний, "поскольку он не имел возможности и силы противостоять бесчисленному войску казахских [султанов], поднял знамя совещаний [и] заключил с ними союз. [Баба-султан] отдал в качестве союргала этой толпе, подобной яджуджам, вилайеты Йассы и Саурана"[29]. Эта уступка помогла Баба-султану склонить казахских султанов к совместному нападению на бухарские владения. На совете с мятежными казахскими султанами он решил, что Сарбан-султан казах должен переправиться через Сырдарью и напасть на туманы Бухары, а Бузахур-султан с прочими братьями отправится в Самаркандский вилайет. Действительно, первым выступил Бузахур-султан. Он переправился через Сырдарью и, предавая все на своем пути разрушению и разграблению, дошел до местности Кенбай, где захватил огромную добычу, после чего вернулся назад[30]. В это же время Сарбан-султан с огромным войском перешел через Сырдарью и устроил набег на Бухару, откуда угнал весь скот[31].

Но союз казахов с Баба-султаном был непрочным. Когда в апреле 1580 г. ташкентский владетель направил к казахам посла Джан-Кули-бия с предложением собрать силы и совместно выступить против Абдаллаха, казахские султаны, в том числе Хакк-Назар-хан, Джалим-султан, отец жены Баба-султана, составили заговор, чтобы убить Баба-султана. Случайно заговор был раскрыт. Человек, которому поручено было убить Джан-Кули-бия, из жалости отпустил его, дав ему возможность предупредить Баба-султана. Между тем "Джалим-султан ничего не знал обо всем этом, вместе с двумя своими сыновьями и двумя сыновьями Хакк-Назар-хана с огромной толпой людей пошел к Баба-султану"[32]. Когда казахские султаны съехались на берегу р. Шарабхане, чтобы оттуда отправиться к Хакк-Назар-хану, воины Баба-султана перебили всех их. В то же время Баба-султан дал приказ Бузахуру настичь Хакк-Назар-хана и умертвить его. Однако ни один из источников не сообщает о смерти Хакк-Назара. Известно лишь, что Бузахур, узнав о намерении Баба-султана расправиться с ним,

бежал. Тогда Баба-султан послал за ним в погоню Дустум-бия, сына Бултурук-бия. "Неожиданно они настигли тот отряд [фарик] войска Бузахур-султана, который, захватив имущество и скот Хакк-Назар-хана, преследовал последнего"[33]. Все эти события произошли не позже мая 1580 г., так как с этого времени исчезают всякие известия о Хакк-Назаре и казахским ханом называется уже двоюродный его брат Шигай-султан.

Ташкентское восстание 1588 г. К числу важных событий истории казахского народа этого периода относится восстание 1588 г. в Ташкентской области. Интересные сведения и подробности о нем приведены в труде Хафиза Таныша "Шараф-наме-йи шахи" и в "Зафар-наме" Мукими. Ташкентское восстание до сих пор не привлекало внимания исследователей, хотя в значительной степени повлияло на развитие истории в среднеазиатско-казахстанском регионе.

Согласно Хафизу Танышу, это восстание было поднято против Абдаллах-хана и его двоюродного брата Узбек-султана, сына Рустама, правителя области. В то время, как Абдаллах-хан сражался в Герате, воспользовавшись его отсутствием, "группа богатых и почитаемых людей Ташкентской области и окрестностей Шахрухии и Ходжента вместе с отрядом неблагородной черни, питая несбыточные надежды и неосуществимые желания, устроила великое сборище в Пскенте и, заключив между собой договор и скрепив его верой, начала совещаться"[34]. Во главе восставших, таким образом, были знатные люди, эмиры Абдаллах-хана. Это и понятно: ведь уже вскоре после вступления Абдаллаха на престол среди шейбанидской знати возникло недовольство его правлением. Известно, что всех ханов, правивших до Абдаллаха, избирали шейбанидские султаны (об этом постоянно упоминает Хафиз Таныш, говоря о вступлении на правление того или иного государя), но в возведении на престол Абдаллаха участвовали одни эмиры. Абдаллах, не имея законного права на престол и боясь, как бы султаны, узнав о смерти Искандара, не провозгласили правителем претендента, старшего по возрасту, поспешил со своим избранием, и в возведении его на престол участвовало лишь небольшое число преданных лиц. Абдаллах сумел взять верх над родственниками из ханского дома и подчинил себе наиболее видных представителей узбекской племенной знати. В борьбе за власть Абдаллах опирался также на наиболее влиятельную часть мусульманского духовенства, среди которого к середине XVI в. довольно видную роль играли джуйбарские шейхи, владевшие зна-

чительной земельной собственностью и пользовавшиеся в связи с этим большим влиянием.

Влиятельная часть шейбанидской знати, поднявшая мятеж, провозгласила ханом казахского султана Джан-Али, похожего внешне на Баба-султана[35]. Как только распространилось это известие, кочевые племена и войска целыми отрядами стали переходить в лагерь мятежников. Вскоре число их увеличилось до 30 тыс. человек. Повстанцы решили сделать своим предводителем Шах-Назар-бия и из Пскенга направились в Ходжакат, являвшийся союргалом последнего[36]. Однако Шах-Назар отказался участвовать в смуте, и тогда "враги заставили его заключить с ними договор, погубили несколько [человек] из наместников Узбек-султана, которые ходили к Назар-шаху для сбора золота"[37]. В первых числах месяца раджаба мятежники направились в Ташкент, где в то время правил брат Абдаллах-хана Узбек-султан, и окружили город. Узнав об этом выступлении, Узбек-султан без промедления послал людей в Фергану за Асфандйар-султаном, в Ахсикат[38] за своим сыном Хазаре-султаном, в Самарканд за Хаджи-бием, в Сагирдж[39] Дизак[40] за Ишим-бием джалаиром и Гандж Али-бием и просил их прибыть к нему на помощь. Он направил гонца также в Герат к Абдаллах-хану с вестью о сложившихся обстоятельствах и с просьбой оказать помощь. "Его высочество, узнав об этом значительном событии, смыл каплями прощения и водой из источника благородства пыль разногласий... Следы обиды, которые отпечатались на скрижали [его] разбитого сердца, тоже стер [соскоблил] [и] обласкал его руками беспредельной благосклонности. Брату он послал [особый] знак и почетную грамоту о передаче всей области Согд и направил в Мийанкаль Пулад-султана, за ним – Йар-Мухаммад-султана".

Хотя до вступления Абдаллаха на престол между ним и Узбек-султаном были разногласия (еще в 1551 г. Узбек-султан претендовал на власть в Бухаре, а его соперником выступал его брат Абдаллах)[41], но из-за мятежа небезопасным стало и положение Абдаллах-хана, поэтому он решил оказать помощь Узбек-султану. Осада Ташкента продолжалась почти месяц. Узнав, что к нему идет помощь, Узбек-султан прорвал окружение и обратил противника в бегство. Шах-Назар бежал со своим отрядом в Сайрам, Турсун Дараз дурман – в сторону Кара-Саман[42], еще один отряд – в Кара-Таг[43]. Прибывшие в Ташкент войска Асфандйар-султана, Хазаре-султана, Ишим-бия, Гандж-Али-бия начали преследование противника. Узбек-султан настиг неприятеля в окрестностях Сайрама, после сильных боев мятежники бежали

в Дешт-и Кыпчак. Так Узбек-султану удалось отразить первый натиск своих противников, однако восстание окончательно еще не было подавлено.

Спустя некоторое время к мятежникам присоединились казахские султаны – Мунгатай-султан и Дин-Мухаммад-султан[44], сыновья Хакк-Назар-хана, которые в это время с частью казахов кочевали до Дешт-и Кыпчака. Казахские султаны, видимо, ждали удобного момента, чтобы выступить против Абдаллаха. Узнав о смуте и численности мятежников, они отправили к ним гонца и потребовали их к себе. Как сообщает Хафиз Таныш, "поскольку в Дешт-и Кыпчаке не было никого [равного] по отваге упомянутым выше султанам, а у них к тому же не было достойного предводителя, эмиры повиновались им и пожелали отбыть в сторону султанов"[45]. В окрестностях Сыгнака мятежники примкнули к казахским султанам и, изъявив им свою покорность, вместе с ними из Угуз-Тага направились в Йассы и затем в Сабран.

Для султанов, не согласных с правлением Абдаллаха, настал удобный для выступления час. В "Шараф-наме-йи шахи" сообщается, что "сыновья Амин-султана – Адил-султан и Хади-султан, которые еще до этих событий бежали из победоносного войска [Абдаллах-хана] и укрывались у киргизов, теперь, вместе с Хусейн-бием киргизом, восстали и дошли до Фаракатского вилайета и селения Ходжката"[46]. Когда Узбек-султан узнал о восстании султанов, те разбежались в разные стороны: Хади-султан вместе с Хусейн-бием снова вернулся к киргизам, Адил-султана спас Тангри-Берди татар и повел к войскам, находившимся в Дешт-и Кипчаке, Шах-Назар с остальными мятежными эмирами прибыл в окрестности Яассы. В это время казахские султаны, узнав, что Ишан-Кельди-аутарчи, правитель Сабрана, и Науруз-бий кушчи готовят против них заговор, выступили навстречу узбекскому войску. Однако Ишан-Кельди-бий победил в этой борьбе, казахские султаны и мятежные эмиры потерпели поражение.

Так закончилось восстание, длившееся около трех месяцев и носившее характер феодальной смуты. Наряду с мятежными эмирами и казахскими султанами в нем принимали участие и кочевые племена. Восстание было достаточно массовым. **События 1588 г. явились предпосылкой последующих событий 1598–1599 гг., в частности такого значительного, как замена Шейбанидской династии на Аштарханидскую.**

В этом восстании не участвовал Таваккул, который еще в 1586 г. самостоятельно выступал против Абдаллаха. Он не примкнул к этой борьбе, которую вели другие казахские султаны, хотя побе-

да сулила ему определенные выгоды. По всей вероятности, это объясняется, во-первых, тем, что после перехода Шигай-хана, Таваккула и их сторонников к Абдаллаху во главе оставшихся казахских племен стояли султаны Мунгатай-султан и Дин-Мухаммад-султан. После ухода Таваккула от Абдаллаха в конце 1582 г. ему пришлось долго и упорно бороться за верховную власть, и, по-видимому, его противниками были те же сыновья Хакк-Назара. Хотя и в 1596 г. он носил титул хана, однако он получил его не на законном основании. Так, еще Искандар Мунши, описывая набег Таваккула на Ташкент в том же году, сообщает, что "Тауекель-султан, казах, присвоивший себе титул хана, подступил к Ташкенту с многочисленным войском"[47]. Как видно, положение хана было завоевовано Таваккулом лишь в результате длительной и упорной борьбы, происходившей между 1586 и 1594 гг., после которой он выступил как действительный хан при налаживании отношений с Москвой.

События 1598-1599 гг. В 1598 г. Таваккул предпринимал новый набег на государство Шейбанидов. Поводом к этому выступлению послужила ссора Абдаллаха с его сыном Абд ал-Мумином. Как сообщает Искандар Мунши, Абдаллах-хан, не сочтя Таваккула за достойного противника, выслал против него войска султанов, эмиров пограничных областей и часть своих войск. В местности, расположенной между Ташкентом и Самаркандом, произошло сражение. Войску Абдаллаха было нанесено жестокое поражение. Это заставило его быстро мобилизовать новое войско и самому встать во главе. Подготовившись к выступлению, он послал в Герат за эмиром Кульбабой-кукельташем[48]. Узнав о приближении Абдаллаха, Таваккул решил уйти в степь и выждать там некоторое время. Развернувшиеся вслед за тем события 1598 г. оказались благоприятными для казахов. "После того, как явился Кульбаба и собрались воины, Абдаллах-хан выступил в направлении Самарканда, чтобы покончить с Таваккулом и отомстить ему, однако здоровье его, вследствие неприятностей, причиненных ему враждой и неповиновением сына, а также дерзости казахов, ухудшилось и вскоре он умер"[49].

После смерти Абдаллаха ханство вступило в полосу политического кризиса. Власть перешла к его сыну Абд ал-Мумину, но положение нового хана оказалось весьма неустойчивым, и вскоре он был убит мятежными эмирами в 1599 г. После его гибели из мужских представителей Шейбанидов остался в живых лишь дядя Абдаллах-хана Пир-Мухаммад, "остальных уничтожили Абдал-

лах-хан и Абд-ал-Мумин-хан, которые видели в их лице опасных для себя соперников"[50].

С гибелью Абд ал-Мумина прекратилась династия Шейбанидов. Как известно из источников и научной литературы, эта династия завершается правлением Абд ал-Мумин-хана. В одном из исследований так и сообщается: "Династия Шейбанидов прекратила свое существование в 1599 г. вместе со смертью Абд ал-Мумин-хана. Бухарский трон перешел к Аштарханиду Баки-Мухаммаду, сыну Джана и наследницы Шейбана"[51].

Правители, стоявшие во главе различных частей государства Шейбанидов, быстро сходили со сцены, не сумев объединить под единой властью государство. В Бухаре, например, воцарился Пир-Мухаммад-хан. По "Тарих-и аламара-йи Аббаси", он был родственником Абдаллаха и "царевичем из рода Джанибека" и преемником Абд ал-Мумина в Бухаре; узбекская знать провозгласила его ханом; она сплотилась вокруг него, чтобы дать отпор Таваккулу.

Нашествие Таваккула на Среднюю Азию в 1598 г. получило отражение в нескольких нарративных трудах на персидском и таджикском языках ("Тарих-и аламара-йи Аббаси" Искандара Мунши, "Зийа ал-кулуб" Мухаммад Аваза, "Мусаххир ал-билад" Мухаммадйар ибн Араб катагана, "Тарих-и" Кипчак-хана и др.).

Узнав о гибели Абд ал-Мумин-хана, Таваккул в августе 1598 г. развернул активные действия против Шейбанидов. Исходным пунктом его действий были горы Ала-Тау, где он сосредоточил крупные военные силы. Составляла около ста тысяч человек. Искандар Мунши так описывает эти события: "Таваккул-хан, овладев вилайетами Туркестана и Мавераннахра, прежде всего Ахси, Андижаном, Ташкентом и Самаркандом вплоть до Мийанкала, оставил своего брата Ишим-султана с двадцатью тысячами человек в Самарканде, а сам с семьюдесятью-восьмьюдесятью тысячами человек направился [дальше] с целью покорения Бухары[52]. Так как в то время в Бухаре было не более десяти-пятнадцати тысяч человек [войска], то Пир-Мухаммад-хан и эмиры Бухары предпочли не выходить из города и не встречаться в открытом бою, а укрепили башни и стены города и сосредоточили усилия [на приготовлении] к отражению громадного войска. Таваккул-хан осадил огромный город... Одиннадцать дней полыхало пламя боев и сражений между обеими сторонами. На двенадцатый день вся рать Бухары и отважные витязи и бахадуры сплоченно вышли [из города], и от восхода солнца и до захода между обеими сторонами продолжалось великое сражение. В тот день бухарцы скло-

нили победу на свою сторону, а поражение стало уделом казахского войска... Ишим-султан, разгневанный этим обстоятельством, послал к брату гонца [передать], что, де, великий позор, что несметное войско, которое находилось при [его] высоком стремени, терпит поражение от ничтожного отряда Бухары и ударяется в бегство. И если хан, спасаясь бегством, придет в Самарканд, то может [статься так], что самаркандцы распахнут ворота противодействия и закроют перед ним двери согласия. Лучший выход из положения состоит в том, чтобы хан вернулся назад, а он сам, в свою очередь, присоединился бы с [находящимся при нем] войском к величайшему стремени. Таваккул-хан поступил в согласии с советом брата и повернул поводья, [а] Ишим-султан присоединился к нему, и они вновь стали готовиться к боям.

Пир-Мухаммад-хан и его приверженцы после бегства Таваккул-хана выступили из Бухары с целью преследовать его и отбить местности, которые подпали под власть названного [хана]...

В Узун-Сакале [Мийанкал][53] они встретились с противником, и вспыхнул огонь войны. В это время к Пир-Мухаммад-хану прибыл брат Дин-Мухаммад-хана Баки-султан, который под ударами победоносного кызылбашского войска бежал с поля Пул-и Салар...[54] Баки-султан принял участие в боях с людьми Таваккула, и в большей части сражений победа была на его стороне. На протяжении примерно месяца между обеими сторонами пылал огонь войны. Баки-султан, свидетельствуя свою приверженность Пир-Мухаммад-хану, являл образцы доблести и преданности, пока Таваккул-хан не истощил силы в боях и не предпринял большой ночной атаки на войско Пир-Мухаммад-хана. Но и люди Пир-Мухаммад-хана, в свою очередь, отважно устремились в бой, оказав упорное сопротивление врагу, так что между ними завязалась тяжкая битва. Хотя во время ночной атаки воинами Таваккула были убиты Саййид-Мухаммад-султан, родственник Пир-Мухаммад-хана, и Мухаммад Баки-аталык-диванбеги, однако и Таваккул был ранен и не смог добиться успеха. Он отступил в Ташкент. Там недуг сломил его организм, и он ушел в мир вечности"[55].

Таваккул овладел Туркестаном, Ташкентом, Ферганой. Предпринимая поход на Среднюю Азию, Таваккул строил расчеты не только на силе оружия, но опирался на определенные социальные слои населения Средней Азии, которые должны были оказать и в нужный момент действительно оказали ему поддержку. О стремлении Таваккула завоевать расположение среднеазиатских суфийских пиров ордена Накшбандийа, с тем чтобы в дальнейшем за-

ручиться их поддержкой, рассказывает и Мухаммад Аваз. Возможно, связи Таваккула с духовными кругами Средней Азии восходят еще к тому времени, когда он вместе с Шигаем находился на вассальной службе у Абдаллах-хана II.

В XV–XVI вв. в среде казахов еще сохранялись шаманизм и различные языческие культы, а ислам прививался прежде всего в среде казахских ханов и султанов, которыми он и насаждался. Это говорит о том, что **казахские ханы искали себе прочную социальную опору в лице влиятельного мусульманского духовенства и суфийских корпораций. "Исламизация казахов, способствовала укреплению союза казахских правителей с духовными и светскими феодалами Туркестана и Мавераннахра"**[56].

Но Таваккул-хан опирался в Средней Азии не только на духовенство. Искандар Мунши сообщает, что в составе войска Таваккула находились воины "из племен Туркестана и степняков-узбеков"; в их число прежде всего входили казахи. Таваккул включил в состав своего войска и узбеков, проживавших в Туркестане. Судя по описанию военных действий, они активно сражались на его стороне.

Поход Таваккула на Среднюю Азию не был неожиданным и случайным. Его ждали в Мавераннахре, обещали помощь и оказали ее в действительности. При этом он пользовался поддержкой самых различных кругов – духовенства и служилого сословия, и даже Джучидов шейбанидской линии. Таким образом, можно говорить о существовавшей тогда тенденции в высших социальных слоях среднеазиатского общества к замене династии Шейбанидов в Мавераннахре династией казахских ханов. Отдельные Шейбаниды были согласны на раздел власти, на соправление.

Поход Таваккул-хана и Ишим-султана на Среднюю Азию в 1598 г. нельзя рассматривать в ряду многих других набегов кочевников, которые использовали смуты в Мавераннахре в качестве удобного момента для опустошения оседло-земледельческих оазисов и захвата "живого товара". Этот поход был заранее спланирован, подготовлен многолетней предшествующей деятельностью Таваккула и имел далеко идущие цели. Была предпринята попытка основать новое государство, которое включило бы в свой состав и земли, входившие в государство Шейбанидов. Только так Таваккул мог преодолеть относительную хозяйственно-экономическую и социально-политическую изолированность Казахского ханства.

За сто лет до события Мухаммад Шейбани-хану удалось установить свою власть над всем Мавераннахром. Имели место ана-

логичные события и в предшествующей многовековой истории Средней Азии. Как и всякая война, нашествие Таваккула на Среднюю Азию принесло большие страдания народным массам Мавераннахра. Длительные войны между казахскими и бухарскими правителями за обладание сырдарьинскими городами тормозили развитие производительных сил края, губительно сказывались на хозяйстве земледельцев и кочевников. Взаимные набеги узбекских и казахских владетелей противоречили коренным интересам народов Средней Азии и Казахстана, стремившихся к развитию мирных, хозяйственных связей, игравших существенную роль в их экономике. И все же, **анализируя события 1598–1599 гг., нельзя ограничиться лишь констатацией того известного факта, что кочевники вновь выступили как грозная, разрушительная сила; нельзя в анализе этих событий исходить также лишь из агрессивности хана Таваккула и его окружения. В данном случае за ханом стояло кочевое общество с его политико-экономическими потребностями.**

Поставленную перед собой задачу Таваккулу выполнить не удалось – Мавераннахр под власть казахских ханов не перешел. Однако Туркестан, Ташкент и Фергана на определенное время вошли в состав Казахстана. Их вхождение было закреплено миром между казахскими и среднеазиатскими ханами, заключенным при посредничестве шейхов суфийского ордена Накшбандийа, которые, собственно, и благословили казахских ханов на правление в Туркестане.

Таким образом, включение новых областей в состав Казахского ханства не только определило их исторические судьбы, но и ознаменовало начало другого исторического периода.

Последствия событий 1598–1599 гг. События 1598–1599 гг. имели серьезные последствия для Казахского ханства: они способствовали смене правящей династии в Средней Азии. В "Тарих-и аламара-йи Аббаси" отмечается, что лишь заслуги Баки-Мухаммад-султана, Аштарханида, в борьбе против Таваккул-хана и Ишим-султана позволили ему получить власть над Самаркандом и Самаркандским вилайетом.

Но зная характер взаимоотношений среднеазиатских Джучидов, нельзя принимать на веру сообщение Искандара Мунши о том, что Шейбанид Пир-Мухаммад-хан передал Самарканд Баки-Мухаммад-султану в благодарность за помощь. Баки-Мухаммад-султан был силен, и Пир-Мухаммад-хан вынужден был считаться с ним. Кроме того, после победы над Таваккулом возле удачливого и деятельного Баки-Мухаммад-султана собралось, веро-

ятно, значительное число служилых людей. Он щедро использовал доходы подвластных ему областей для широкого привлечения на свою сторону племенной знати и служилого сословия, переманивая их к себе даже от Пир-Мухаммад-хана. Баки-Мухаммад-султан присоединил значительное количество "окраинных" областей к Самаркандскому владению и усилился за этот счет. Он представлялся влиятельным кругам Средней Азии тем правителем, который больше всех способен был дать отпор казахам. Все это, вероятно, и позволило ему основать Аштарханидскую (Джанидскую) династию.

По "Тарих-и аламара-йи Аббаси", Баки-Мухаммад был первым ханом новой династии, что, однако, противоречит данным нумизматики. Е. А. Давидович на местном материале доказала, что первым ханом новой династии Аштарханидов был Джани-Мухаммад, отец Баки-Мухаммада: "Сейчас известны семь типов монет Джани-Мухаммада, сохранилось наименование трех важнейших дворов (Самарканд, Бухара, Ташкент) на монетах с его именем и даже дата – 1009 г. х.=1600/1601 г. н. э. Следовательно, первым ханом новой династии был именно Джани-Мухаммад, царствовавший несколько лет"[57]. В литературе существовало мнение, что Джани-Мухаммаду был предложен трон, но тот от него отказался. Возможно, однако, что Джани-Мухаммад был таким же номинальным ханом при своем сыне Баки-Мухаммаде, как Искандар при Абдаллахе.

Потеря Туркестана, Ташкента, Ферганы была очень ощутимой для Аштарханидского государства, поэтому в первые дсятилетия XVII в. Аштарханиды постоянно совершали походы в эти области, чтобы вернуть их под свою власть. Но возвращена была лишь Фергана. Выше мы уже упоминали о существовании договора между казахскими владетелями и Аштарханидами, по которому Туркестан, Ташкент и Фергана оставались за казахскими ханами на условии невмешательства Аштарханидов в дела Ташкента. Более об условиях договора ничего неизвестно.

Казахские ханы стремились отвоевать завоеванные ими области у Аштарханидского государства и поэтому нарушали условия договора. Последнее послужило поводом для Аштарханидов начать военные действия против казахских владетелей в Ташкенте, Фергане и Туркестане. Со временем казахские ханы потеряли Фергану, но сумели закрепиться в Ташкенте и Туркестане и уже без каких-либо условий включить их в состав Казахского ханства.

Таким образом, в 1598–1599 гг. была сделана последняя попытка кочевников Восточного Дешт-и Кыпчака овладеть Мавераннахром. Утвердить свою влать над всей Средней Азией Таваккулу не удалось, но с этого времени в состав Казахского ханства на двести лет вошел Ташкент, на определенное время – Фергана и весь Туркестан, т. е. оседло-земледельческие районы по обоим берегам среднего течения Сырдарьи, которые до того принадлежали Шейбанидам. **Присоединение этих областей оказало сильнейшее влияние на экономику, общественный и политический строй Казахского ханства, способствовало стабилизации государственных границ и обусловило систему казахско-среднеазиатских политических и экономических взаимоотношений, определенное расселение племен и народностей в бассейне р. Сырдарьи.**

На протяжении XVI–XVII вв. тесно переплетались исторические судьбы казахов и киргизов, узбеков, каракалпаков, ногайцев, башкир, русских, калмыков и др.

Казахско-киргизские отношения. История казахско-киргизских взаимоотношений XVI–XVII вв. специально не исследовалось. В работах дореволюционных авторов (В. В. Вельяминова-Зернова, А. П. Левшина, Н. А. Аристова и др.) так или иначе затрагивались отдельные моменты этой темы, хотя сама она не ставилась. В советское время отдельные вопросы истории казахов и киргизов в их взаимосвязи изучали В. В. Бартольд, А. П. Чулошников, А. Н. Бернштам, С. М. Абрамзон, М. Б. Джамгерчинов, В. А. Ромодин, В. П. Юдин, О. Ф. Акимушкин, М. А. Салахетдинова, А. Мокеев, Т. Т. Машрапов и др. И все же круг источников, отражающих многовековую историю казахско-киргизских взаимодействий, весьма широк. Важное значение имеют персо- и тюркоязычные сочинения, содержащие интересные сведения о тесных взаимоотношениях казахов и киргизов. Это "Тарих-и Рашиди" Мирза Мухаммад Хайдар Дуглата, "Тарих-и Кашгар", "Тарих" Шах Махмуд Чораса, "Бахр ал-асрар" Махмуд ибн Вали, "Шараф-наме-йи шахи" Хафиз Таныша, "Мусаххир ал-билад" Мухаммадйар ибн Араб катагана, "Матлаб ат-талибин" Мухаммад Талиба, "Джалис ал-муштакин" и др. Для письменных источников этого периода становится обычным упоминание киргизов и казахов вместе. Эти материалы проливают свет не только на их взаимоотношения, но и на внешнеполитические связи с могулами, узбеками, каракалпаками, калмаками и др.

Восстановлению истории казахов и их связей с киргизами помогают также документальные источники: ЦГАДА, АВПР, "Кир-

гиз-кайсацкие дела", "Ногайские дела", "Зюнгарские дела" и др. В статьях, дневниках, отчетах, отписках посланцев сообщаются наиболее важные сведения о внешнеполитических связях казахов и киргизов, их внутренней жизни.

Как форму социальной памяти насельников Дешт-и Кыпчака, особую форму устной народной литературы, в которой богато представлены предания, сказания о жизни и истории тех или иных племен, их отважных предводителей можно трактовать степную устную историографию. "Устное письмо" служило способом воспроизведения исторического прошлого и увековечения памяти выдающихся личностей. Подобные послания являлись произведениями особого жанра устного исторического творчества кочевников, в известной мере заменявшими письменные документы. В них излагались подлинные исторические события, деятельность казахских и киргизских правителей. **Исторический характер этих источников выражается и в том, что в них строго выдерживается хронологический принцип повествования по годам правления ханов, довольно подробно сообщается о родо-племенном составе населения казахских степей, войнах и союзных отношениях, скрепленных династическими браками правящих династиях. При сопоставлении с археологическими и другими источниками эти письменные и устные известия имеют колоссальное значение для раскрытия этногенетических процессов в степях.**

XVI–XVII вв. – особый период в истории Казахстана: время укрепления казахской государственности, активных военно-политических, торговых и культурных отношений казахов с соседними странами и народами. Политические события XVI–XVII вв., в которые были втянуты и казахские, и киргизские племена, активизировали связи между ними.

В первой четверти XVI в. сложился казахско-киргизский союз, направленный против моголо-узбекского союза. По сообщению "Тарих-и Рашиди", в начале XVI в. киргизы объявили своим правителем Мухаммад-киргиза, который сумел сплотить все киргизские родо-племенные объединения. В "Тарих-и Рашиди" Мирза Мухаммад Хайдар Дуглата сообщается о том, что Мухаммад-киргиз пришел служить к Султан Саид-хану в 1514 г. После завоевания Кашгарии Мухаммад-киргиз удалился в Могулистан, где подчинил киргизов. В 1517 г. состоялся поход моголов на киргизов, в котором войско Мухаммад-киргиза потерпело поражение, а он был схвачен в плен, где находился в течение пяти лет.

Источники, повествующие о событиях 20-х гг. XVI в., упоминают о союзных отношениях казахского хана Тахира с Мухаммад-киргизом[58].

В одной легенде о предках киргизов упоминается пришелец Даир, отправившийся затем к казахам и ставший родоначальником казахской группы джалаир (по другим источникам – албан). Это имя вполне согласуется с исторической личностью – казахским ханом Тахиром, которому удалось в 20-х гг. XVI в. объединить и казахов, и киргизов и отстоять политическую и экономическую самостоятельность в борьбе с Султан Саид-ханом, его сыном Абд ар-Рашид-султаном. После того как Мухаммад-киргиз сошел с исторической арены, киргизы вплоть до середины XVIII в. признавали власть казахских ханов Тахира, Хакк-Назара, Таваккула, Ишима, которые в источниках часто назывались как "государи казахские и киргизские".

Во второй половине XVI в. киргизы принимали активное участие в борьбе Казахского ханства с Шейбанидами. Отдельные казахские и киргизские правители поддерживали оппозиционные силы внутри государства Шейбанидов. После смерти Хакк-Назар-хана (1580 г.) его преемником стал Шигай-хан, который со своим сыном Таваккулом поддерживал Абдаллах-хана в его борьбе с Баба-султаном. В "Шараф-наме-йи шахи" сообщается, что казахский хан Шигай в сопровождении киргизских эмиров прибыл в 1581 г. из Дешт-и Кыпчака к Абдаллах-хану для оказания помощи в его борьбе с правителем Ташкента Баба-султаном. К важным событиям относится Ташкентское восстание 1588 г. По сообщению "Шараф-наме-йи шахи" Хафиза Таныша, в восстании наряду с мятежными эмирами принимали участие казахские султаны Джан-Али-султан, Мунгатай-султан, Дин Мухаммад-султан и Хусейн-бий киргиз. В "Шараф-наме-йи шахи" сообщается также, что "сыновья Амин-султана Адил-султан и Хади-султан (племянники Баба-султана. – *М. А.*), которые еще до этих событий бежали из победоносного войска Абдаллах-хана и укрывались у киргизов, теперь вместе с Хусейн-бием киргизом восстали и дошли до Фаракатского вилайета и селения Ходжаката"[59].

В конце XVI – начале XVII в. в событиях, происходивших в Мавераннахре в 1598–1599 гг. совместно с казахскими султанами участвовали киргизы. Такие сведения имеются и у Мухаммад Хасан-хан Сани ад-Даула в "Матла аш-шамс". Говоря о борьбе бухарского хана Убайдаллаха с иранским шахом Тахмаспом I в 1528 г., он отмечает, что в составе войска хана были киргизы, казахи, калмаки. В первой четверти XVII в. киргизские правители

часто выступали на стороне казахских владетелей Кельди-Мухаммад-хана казаха, затем его сына Хан-заде, боровшихся с первыми Аштарханидами за власть и за обладание оседло-земледельческими районами. Немалое место в сообщениях "Бахр ал-асрар", "Имамкули-хан-наме" уделено участию казахов и киргизов в политических делах Аштарханидов при Имамкули-хане.

В начале XVII в. взаимоотношения казахов и киргизов остаются очень нестабильными, столкновения между ними сменяются временными союзами. Смутным временем был период правления Имамкули-хана.

В первой половине XVII в. среди казахских султанов существовало несколько соперничавших между собой группировок, возглавляемых султанами Ишимом, Турсуном и Хан-заде, который опирался на киргизские племена. В 1613 г. Имамкули-хан объявил казахского султана Турсуна правителем Ташкента. После этих событий и междоусобной борьбы с Турсун-султаном Ишим-султан вместе с подвластными ему казахскими и киргизскими улусами вынужден был бежать в Киргизстан. В 1621 г. состоялось одно из самых крупных сражений между войсками Аштарханидов и объединенными силами казахских и киргизских феодалов. Турсун-султан собрал около 100 тыс. воинов, из которых 10 тыс. было выставлено правителями киргизских племен. По сообщениям Махмуда ибн Вали, численность войска Имамкули-хана достигала 160 тыс[60]. К тому же к Аштарханидам присоединился со своим войском казахский султан Абулай, правитель Андижана и ставленник Имамкули-хана.

По "Бахр ал-асрар", Турсун-султан вступил в сражение с Ишим-султаном в окрестностях Сайрама и потерпел поражение. За это Ишим-хан получил от Имамкули-хана титул правителя Ташкента и Туркестана. Сохранились интересные сведения из преданий и исторических рассказов об участии киргизов в войне с казахскими ханами Ишимом и Турсуном, происходившей в первой четверти XVII в. Сообщается (это соответствует также и историческим фактам), что хан Турсун был убит и его войско разгромлено. Исторические сведения подтверждают, что в событиях, относящихся к истории городов Ташкента и Туркестана, активное участие вместе с казахами принимали киргизы. В казахской истории засвидетельствовано, что при Тауке-хане киргизами управлял Кокым-бай Карачорин. Ч. Ч. Валиханов приводит легенду[61] о том, что Ишим-хан (живший около 1630 г.) имел в своем распоряжении киргизского родоначальника, бия Кукема, при помощи которого ему удалось низвергнуть Турсуна катаганско-

го и чанчлинского. В память союза киргизов и казахов Ишим построил в Ташкенте башню, которая существует до сих пор и называется "Кокемнін кок кумбезі" – "Синий купол Кукема". Согласно киргизским преданиям, самым знаменитым вождем племени багыш был Кекюм-бий, а его предком – Кара-Чоро – один из сыновей легендарного Тагая.

Пользуясь распрями в Казахском ханстве, калмаки вторглись на казахские земли. В сообщении, датированном 1616 г., говорится: "Калмацкой земле ныне в подданстве и в их послушанье Казачья Большая Орда да Киргизская Орда, и тем ныне Богатыртайш, сыскивая отдает им без откупу. А казачьи и киргизские орды начальники о том ему бити челом, живут с ним в совете и во всем Богатыре-тайша над собою почитают и слушают"[62]. В 1626–1627 гг. состоялся поход казахов и киргизов под предводительством Ишим-хана на кочевья калмаков. Казахи и киргизы вынуждены были совместно действовать против натиска Джунгарского ханства. В целях создания военной коалиции против калмаков казахские и киргизские правители заручились поддержкой Шейбанидов при помощи династийных браков. Казах-ханум, дочь Джахангир-хана казаха, и Алтын-биби, дочь Тилаке-бия, сына Кутулук Саййида киргиза, были отданы замуж за бухарского хана Абд ал-Азиз-султана. Население многих калмакских улусов было вынуждено откочевать в отдаленные районы Сибири. Только в результате ослабления могущества союза казахских и киргизских племен, из-за постоянных междоусобных войн и давления Аштарханидов, калмаки вновь стали совершать набеги на территории Казахстана и Киргизии.

Общность казахов и киргизов выражалась в материальной и духовной культуре. Оба народа вели кочевой образ жизни, примерно однотипное хозяйство. Казахи и киргизы испытывали одинаковую потребность в хозяйственных связях с оседло-земледельческими и ремесленными центрами Средней Азии и Русского государства. Тесное культурное взаимодействие казахского и киргизского народов отразилось в произведениях литературы, музыкальном искусстве, исторических преданиях. Сходство их эпических произведений вызвано и типичными чертами воинского быта кочевников, и реальными общественными отношениями, и общей идеологией.

Казахско-русские отношения. Во второй половине XVI столетия, после присоединения Казани (1552 г.), стали налаживаться связи России со среднеазиатскими ханствами, в частности укрепились и расширились казахско-русские отношения. Именно

в это время устанавливается среднеазиатско-русская торговля. Сохранились документальные данные о русско-бухарской, хивинской и персидской торговле. В 1569 и 1573 гг. в Казахском ханстве побывали русские послы Семен Мальцев и Третьяк Чебуков. Различные сведения о казахах доставляли в Москву и иностранцы. Как известно, в то время Англия в поисках новых рынков старалась завязать торговые отношения с Персией и другими государствами Азии. С этой целью английский купец Антони Дженкинсон и был направлен в Россию в 1557 г. Путешествие его в Среднюю Азию имело большое значение для дальнейшего развития сотрудничества Москвы со Средней Азией, так как Дженкинсон имел специальную грамоту Ивана IV и был, таким образом, первым официальным представителем Московского государства в среднеазиатских ханствах. В 1559 г. вместе с Дженкинсоном прибыли посольства из Бухары, Балха и Ургенча[63].

При Хакк-Назар-хане были установлены торговые связи и политические сношения Казахского ханства с Москвой. Через посредничество Казахского ханства последняя наладила контакт с узбекскими ханствами Туркестана. Хакк-Назар-хан в отношениях с Россией следовал примеру своего отца Касыма. В описи царского архива зафиксировано существование связей Ивана III с ханом Касымом, но характер их исторической науке пока не известен.

Политическая обстановка в Средней Азии вынуждала казахов искать сильного и верного союзника. Они все больше убеждались, что таким союзником может стать Россия. В свою очередь, и Россия искала союзника для борьбы с Кучумом, отношения с которым особенно обострились в 70-х гг. XVI в. Таким союзником России в то время могло стать Казахское ханство.

Известно, что во второй половине XVI в. крупные торговые операции в Средней Азии проводили братья Строгановы, экономические интересы которых требовали установления связей с казахскими владетелями. Поэтому Иван IV стремился заключить союз с последними. С этой целью и был отправлен к казахам посланец Третьяк Чебуков. Но он не выполнил своей миссии, так как был взят в плен в июле 1573 г. племянником Кучума Магметкулом. Спустя некоторое время (30 мая 1574 г.) Иван Грозный вручил Строгановым грамоту на беспошлинную торговлю с казахами. О предметах внутренней торговли XVI–XVII вв. в казахских степях известный путешественник П. И. Рычков сообщает следующее: “Азиатские купцы, яко то: Хивинцы, Бухарцы, Ташкентцы и им подобные к Российской стороне далее Киргиз-кай-

сацких орд никогда не приближались, а торговали только в улусах... оных орд... да и торг их весь состоял токмо в мене бумажных их холстов и сделанного по их обыкновению платья, на которые вещи выменивали они от Киргизцов лошадей и баранов, и отгоняя их в Хиву и в другие места, где их не довольно, продавали с прибылью"[64].

В конце 70-х гг. отношения с Россией уже были налажены, и Хакк-Назар-хан мог считать, что он "с царем и великим князем в миру". Об этом свидетельствует русский посол в "Ногаи" боярский сын Борис Доможиров, который доносил Ивану Грозному в 1577 г.: "Да, сказывал, Государь, татарин Асан Иллибабаев, что приходили сее весны Казачьи орды люди на Ак-Мирзу да на Бек-Мирзу, а у них отогнали многие стада, да у них же взяли пять человек. И они, Государь, отпустили пятого человека к Тинехмату князю и к Урус-мирзе, и велели им говорити, что де царь наш Акак Назар с Царем и великим князем в миру и с Таксицы и с Юргенцы в миру же, а нашему де царю Акак Назару вас воевати, по Яике и по Волге не дать кочевати"[65]. Из этого донесения видно, что Хакк-Назар-хан пользовался авторитетом и влиянием не только у соседних народов, и что к этому времени уже были достигнуты определенные успехи в установлении отношений между Россией и Казахским ханством. Не случайно в 1573 г., при направлении к Хакк-Назару по настоятельной просьбе братьев Строгановых русского посольства во главе с Третьяком Чебуковым, Иван Грозный поставил перед послами цель не только установить непосредственный контакт с Казахским ханством, но и заключить с ним военный союз против сибирского хана Кучума.

К середине XVI в. по территории Казахстана проходили торговые пути. Известно, что русские купцы доходили до Караганского пристанища: "...от Асторахани итти налево на Караганское пристанище, а от Караганского пристанища итти до Камени до Илитиря"[66]. В статейном списке Григория Васильчикова указывается, что Караганское пристанище находилось "на Мышлаке", т. е. на полуострове Мангышлак. Согласно Дженкинсону (в описании 1558 г.), на Мангышлак плыли из Астрахани вдоль северо-восточного берега Каспия. В XVI в. на полуострове были известны четыре пристани, через которые проходил главный путь по Каспийскому морю в направлении с севера-востока на юго-запад и оттуда начинались караванные пути в Хиву и Бухару. Дженкинсон сообщал, что одна из пристаней находится на северном побережье Тюб-Карагана, в "I-лигах внутри залива"[67]. Эту гавань, где он собирался пристать, Дженкинсон называл Мангышлаком.

Кроме того, на северном берегу Тюб-Карагана находились еще две пристани. Григорий Васильчиков в своем статейном списке отмечал: "А на Карагани в трех местах на пристанищах стоят турские бусы торговых лиц"[68]. Отметим, что уж с середины XVI в. дважды в год от Караганской пристани на Мангышлак отходили парусные суда, на которых хивинские и бухарские купцы приплывали в Астрахань[69].

Русское правительство всем своим послам давало задание уточнить положение дел в Казахском ханстве, выяснить, в каких взаимоотношениях находится хан со среднеазиатскими ханствами. И те в своих "Статейных списках" много внимания уделяли военному положению в казахской степи. Все эти сведения необходимы были правительству для установления регулярных дипломатических отношений с Казахским ханством.

Казахско-русские переговоры 1594–1595 гг. В 1594 г. Таваккул направил посла Кул-Мухаммада к царю Федору с просьбой принять его в качестве подданного Московского государства. Посольство было отправлено с целью "вызволить из русского плена Ураз-Мухаммада", племянника Таваккула, который был захвачен в 1580 г. во время войны с Кучумом. Казахские послы передали русскому царю ряд интересных сведений о состоянии Казахского ханства. Так, Кул-Мухаммад сообщал: "А с бухарским царем теперь в миру на время, а и с ногаи со шти браты в миру, и с Тинехматовыми детьми да с урусовыми – ни так ни сяк"[70]. В деле об этом посольстве Таваккул-хан назван также "царем казацким и калмыцким", из чего можно заключить, что ему подчинились некоторые джунгарские роды. Кул-Мухаммад в 1595 г. в Москве при встрече с Ураз-Мухаммадом говорил ему, что "дядя твой Тевкель царевич царь учинился на Казацкой орде, а брата своего Шах-Магметя царевича посадил на калмаках, а кочуют все поблиску и все в соединеньи"[71]. Таким образом, казахскому хану Таваккулу в то время удалось поставить своего брата над небольшой частью калмаков, кочевавших в непосредственной близости от казахов и обитавших в районах Центрального и Северного Казахстана.

Итак, перед казахским посольством были поставлены задачи: добиться возвращения Ураз-Мухаммада и заручиться помощью Москвы в борьбе с Абдаллахом. В марте 1595 г. послу была вручена ответная царская грамота, в которой московский царь сообщал Таваккулу, что принимает Казахское ханство "под свою царьскую руку" и обещает прислать "царю и царевичам огненного бою", далее высказывалось желание, чтобы Таваккул, "будучи

под нашею царьскою рукою и по нашему царьскому повелению, будет воевать бухарского царя и изменника нашего Кучума-царя сибирского изымав, к нашему царьского величества порогу пришлете"[72].

Одним словом, Таваккул должен был сам смирить Абдаллаха и Кучума. Что касается племянника Таваккула, то царь согласился отпустить его лишь при условии, что Таваккул "взамен пришлет в аманаты своего собственного сына Усейна-царевича"[73]. Но далеко не все условия московского царя были приемлемы для казахского хана. По материалам русско-казахских переговоров в Москве видно, что новые отношения с Москвой Таваккул представлял себе не в форме утраты Казахским ханством политической независимости, а лишь как военный союз для борьбы с Абдаллахом.

Послы Таваккула узнали о пребывании в Москве посланца иранского шаха Аббаса I Дарвиш-Мухаммада и стали просить отпустить иранского посла вместе с ними к Таваккулу, с тем, чтобы достичь соглашения о совместной борьбе казахов и иранцев против Абдаллаха. Просьба послов была удовлетворена. В ответ на посольство Кул-Мухаммада в марте 1595 г. из Москвы к Таваккул-хану был направлен переводчик Вельямин Степанов.

Таким образом, хотя при сложившихся обстоятельствах оказалось невозможным прийти к согласию по вопросу о покровительстве, дипломатические отношения, а также и торговые связи с Московским государством продолжались и в последующие годы XVII столетия.

Развитие казахско-русских дипломатических отношений способствовало дальнейшему расширению караванной торговли. Казахи доставляли на рынок свои товары: скот, скотоводческие продукты и т. д. Через территорию Казахского ханства проходили пути из России в Среднюю Азию и Сибирь. Торговый путь из Тобольска в Среднюю Азию шел через р. Иртыш к верховьям р. Ишима, а оттуда мимо гор Улуг-Тага на Сарысу до Туркестана, затем через р. Сырдарью к Бухаре.

Известен также и другой маршрут, который вел в среднеазиатские ханства через Казахское ханство. Краткое его описание имеется в отписях русского посла Вельямина Степанова царю Федору от 20 мая и 3 октября 1595 г. Эта дорога вела от Казани на р. Каму и через землю башкир на г. Уфу или же, минуя последний, к верховьям р. Яик. Далее она шла к р. Иргиз и по безводным степям Казахстана – к Пегим горам (сейчас Таласский Ала-Тау). "И шел, государь, я от Казани до Пегих гор девять недель, и

лошади, государь, многие померли з безводицы и с пути немногие дошли до Казацкой орды", – сообщал Вельямин Степанов царю[74].

Казахско-ойратские отношения. В течение двух с лишним веков (XVI–XVII вв.) тесно переплетались между собой судьбы казахского и джунгарского народов. Их взаимоотношения оказали огромное влияние на ход исторических событий в Средней и Центральной Азии.

Ранее всего вошли в научный оборот и явились основой для освещения вопросов истории Монголии и в частности ее западной части – Джунгарии китайские исторические сочинения и хроники, излагавшие историю династии Мин. Основные фактические данные этих источников изложены в трудах и переводах русских ученых Н. Бичурина, П. С. Попова, Д. Покотилова. Хотя в них содержится немало ценных сведений об ойратах, династийные хроники вследствие своей тенденциозности требуют к себе осторожного отношения и критического подхода. К тому же китайские сочинения освещают историю ойратов до второй половины XV в., после чего Западная Монголия исчезает из поля зрения минских историографов.

Долгое время не признавались дореволюционной русской и европейской востоковедной наукой исторические сочинения самого монгольского народа. Средневековая летопись "Эрдэнийн Тобчи" Саган Сэцэна, написанная в 1662 г., содержит материал по истории Монголии с XV в. по 1652 г. Автор – представитель знати из рода Чингиз-хана, поэтому, говоря о попытках захвата власти ойратами, он не скрывает отрицательного к ним отношения. "Алтан Тобчи" анонимного автора составлена в первой половине XVII в. Во второй части труда раскрывается история занятия Тогоном-тайши ойратским хаканского престола, пленения им китайского императора Чжу Цзичэня. "Шара Туджи", летопись анонимного автора середины XVII в., также сообщает сведения об обособлении ойратов, попытке установить власть над всей Монголией, о составе тумэнов Дурбэн-ойратов и их генеалогии.

В 1648 г. хошутский Зая-Пандида создал на основе общемонгольского алфавита ойратскую письменность, положив тем самым начало собственно калмыцкой (ойратской) письменной литературе. В основном ойраты занимались переводами религиозной литературы, но и начали создавать исторические произведения. Об истории Джунгарского ханства, его внешнеполитических акциях мы узнаем из "Сказания об ойратах", эмчи Габан-

Шараб, "Сказания о дэрбэн-ойратах" Батур-Убаши Тюменя, написанного в 1819 г., и "Биографии Зая-Пандиты" Раднобадора.

Достоверной базой для восстановления истории ойратов, их связей с казахами вплоть до 60-х гг. XVIII в. являются русские архивные документы. В статейных списках, отчетах, отписках и других материалах сообщаются наиболее важные сведения о внешнеполитической деятельности ойратов, их экономических связях, внутренней жизни[75].

Из восточных рукописей, содержащих материал по казахско-ойратским взаимоотношениям, известно пока немного. Имеющиеся в них сведения фрагментарны: это "Муким-ханская история" Мухаммеда Юсуф Мунши, в которой излагается история похода Имамкули-хана против казахов и калмаков в 1612–1613 гг.; два персоязычных сочинения: "Бадаи ал-Вакаи" Зайн ад-Дина Васифи, и "Тарих" Шах Махмуд ибн Мирза Фазил Чораса.

В русской дореволюционной и советской исторической науке, несмотря на отсутствие специальных исследований истории взаимоотношений казахов и ойратов, уделялось внимание различным аспектам этой проблемы.

Впервые познакомил мир с обильными фактами из истории западных монголов, почерпнутыми из китайской историографии, Н. Я. Бичурин.

Одно из первых мест в дореволюционном востоковедении занимает Ю. Лыткин, который своими переводами калмыцких сочинений и собственной работой навсегда вошел в калмыковедение. За время пребывания среди калмыков малодербетовского и хошутского улусов Астраханской губернии в роли переводчика в 1859–1861 гг. он обнаружил в книгохранилище одного из нойонов неизвестные до того сочинения, перевел и ввел в научный обиход "Историю калмыцких ханов", "Сказание об ойратах" Габан Шараба, "Биографию Зая-Пандиты", "Биографию Зункары", "Монголо-ойратские законы 1640 г.", "Сказание об ойратах" Батур-Убуши Тюменя. На основе ойратских сочинений, эпических сказаний, личных бесед со "многими почтенными калмыками" им написаны "Материалы по истории ойратов", "Аюки, хан калмыцкий", обстоятельные и интересные очерки.

Сведения об ойратах, их пребывании на территории Казахстана и Средней Азии вошли в восьмую главу "Очерка истории Семиречья" В. В. Бартольда. Ученый, заложивший фундамент в разработке многих вопросов истории и культуры народов Азии, в данной работе дал систематическое изложение истории этого края, на основе сведений русских и восточных источников, на-

пример труда Сейфи Челеби, выделил основные этапы захватнической политики джунгар на территории Семиречья, сделал вывод, что Семиречье было закреплено за ойратами в 1684 г., после взятия Сайрама.

Некоторые моменты казахско-джунгарских отношений раскрываются также в работах А. Ф. Миллера, С. Д. Асфендиярова, М. П. Вяткина.

Капитальным и первым в своем роде исследованием истории Джунгарского ханства является труд И. Я. Златкина. Раскрывая становление Джунгарии с первых шагов, автор последовательно отображает картину развития казахско-ойратских отношений. Ценность работы увеличивается благодаря использованию широкого круга монгольских, китайских, русских и других источников.

В начале XVI в. отношения Казахского ханства с ойратами были мирными и добрососедскими. Ханы Могулистана, не заинтересованные в укреплении Узбекского государства, оказали помощь казахской знати, предоставив ей районы Западного Семиречья в Чуйской и Таласской долинах. К тому же Вайс-хан, правитель Могулистана, рассчитывал, что казахские кочевья окажутся надежным щитом от набегов ойратов. О мирном характере взаимоотношений двух народов свидетельствует замечание В. Вельяминова-Зернова: "Заметить следует, что начиная с Иса-Буги-хана до времени Рашид-хана монголы и казахи жили постоянно в мире между собой".

Со второй четверти XVI в. начинается полоса казахско-ойратских столкновений. В Джунгарии образовалось множество владельцев, которые самостоятельно и независимо распоряжались в своем улусе, отнимая друг у друга улусы, увеличивали свои силы и снова падали перед сильнейшим. То есть происходили беспрерывное дробление уделов, рост их числа. Интересен факт, который излагает Шах Махмуд Чорас о той земельной тесноте, которую в XVI в. испытывали кочевые народы Средней и Центральной Азии. Ходжа Али-бахадур сделал доклад хану о том, что монголы в степях количественно увеличились, "их скот – тоже, им теперь тесно в кашгарских степях, и что если хан разрешит, то он, Ходжа Али-бахадур, взяв с собой Баба-султана, поедет и завоюет Могулистан. Вскоре скончался Ходжа Али-бахадур, и это важное дело досталось на долю Рашид-хана. При справедливом правлении хана благоденствие и богатство разрослось до того, что в степях и горах корма не стало хватать для скота".

Как видим, казахские, узбекские, ойратские правители в равной мере испытывали нужду в расширении пастбищных угодий, что стимулировало их вооруженные действия. Кроме того, увеличение поголовья скота все настойчивее требовало обеспечения постоянной возможности продажи скота. А значительное поголовье усложняло доступ к китайским рынкам. Аналогичные проблемы, естественно, возникали и у казахских правителей. Тем более что после смерти Касым-хана в Казахском ханстве начались распри. А в правление Тахир-хана могущество Казахского ханства заметно пошатнулось. Таким образом, в основе начавшегося в XVI в. казахско-могольского антагонизма лежали стремление обеих сторон расширить свои территории за счет соседа, борьба за торгово-ремесленные центры на Сырдарье.

В "Бадаи ал-вакаи" в "Реляции о победе над казахами" указывается, что во время битвы казахов с узбеками казахи стали искать прибежища в крепости Джатан, которую построил у подножья одной горы Тахир-хан (1523/24–1531/32) для отражения войск калмаков[76].

Военные действия велись, видимо, с переменным успехом, так как в конце XVI в. Таваккул-хан совершил набег на джунгар, "вследствие чего эта страна казахов подверглась опустошительному нашествию неверных". Таваккул-хан бежал в Ташкент, где еще был ханом Науруз-Ахмед. Таваккул предложил ему союз против врагов, но "Науруз-Ахмед ответил, что даже если о таких царей как они, оба, не справились бы с калмыками"[77]. А уже в 1594 г. посол хана Таваккула Кул-Мухаммад говорил царевичу Ураз-Мухаммаду: "Ныне дяд твой Тевкель-царевич учинился на Казатцкой Орде, а брата своего Шахмагметя-царевича посадил на калмаках, а кочуют – де поблиску"[78].

После смерти Таваккула ойраты (1598 г.) начали вытеснять казахов из Семиречья. "Одна часть зюнгорцев теснила и истребляла и преследовала их с востока от вершины реки Нижний Иртыш и от гор ... Зюнгорских за горы Буглы-Тага и реки Сариса в глубину степи, а другая, наводнив большую Бухарию, Хиву, разорив Урганчю и пробравшись между Каспийским и Аральским морями также к степям киргизским, завладела окрестностями реки Эмбы и Нижнюю часть Урала, начала делать набеги на киргизцев с запада"[79].

Но не только враждебные действия происходили между казахами и ойратами. Мухамад Хасан-хан Сани-ау доул в "Матл ашшамс", говоря о борьбе бухарского хана Убайдуллы с шахом иранским Тахмаспом I в 1528 г., отмечает, что в составе войска хана

были калмыки, киргизы и казахи[80]. "Тарихи Муким-хан" описывает поход Иманкули-хана против казахов и калмыков отмечает: "В 1612–1613 гг. его величество выступил в поход. И от границ Туркестана до крайних пределов Ашкары и Каратау, избив врагов, казахов, каракалпаков и калмыков, и изранив их, он жестоко проучил, и хан вернулся с полной победой"[81].

Как видно, перед лицом общей опасности казахи и ойраты объединялись, становясь в один строй против общего врага.

В самом начале XVII в. взаимоотношения казахов с ойратами остаются очень нестабильными, столкновения между ними сменяются временными союзами.

В самом начале XVII в. в 1609 г. томский воевода В. В. Волынский сообщает в Москву, что в прошлом году в мае "приходили послы от черных колмаков, и пришед били челом тебе, государю царю, чтобы им быть под твоею царскою высокою рукою неотступными и от алтына-царя и от Казацкой Орды их оберегать. Теперь черные колмаки воюютца с Алтыном царем и с Казачьей Ордою, и меж собя черные колмаки воюютца"[82]. В декабре этого же года послы от Изеней-тайши до Батыра сообщают, что "все колмацкие тайши да улусные люди пошли воевати Казацкой Орды, а жена свои и дети оставили в улусях своих от города Тары в 10-ти днищах"[83].

Пользуясь распрями в Казахском ханстве, тем, что "Казачье Орды промеж себя люди секутца", ойраты совершают вторжение на казахские земли. Итогом этих набегов является сообщение, датированное 1616 г.: "Калматцкой земле ныне в подданстве и в их послушанье Казачья Большая Орда за Киргизская Орда, и тем обеим ордам колмаки сильны. А которые ясыри Казатцкие и Киргизские земли прежде всего колмаки были в полон в колматцкую землю, и тех ныне Богатыр-тайш, сыскивая отдает им без откупу. А казачьи и киргизские орды начальники о том ему бити челом, живут с ними в совете и во всем Богатыре-Тайша над собою почитают и слушают"[84]. Эти мирные отношения мгновенно сменяются военными действиями. Так, в 1620 г. ойратские тайши отправляют к Ишиму, казахскому хану, своих послов для переговоров о мире, в то же время они нападают на его улусы, перебивают многих подданных. В свою очередь, Ишим убивает послов и двигает против калмаков большое войско[85].

Через несколько лет, в 1626–1627 гг., состоялся совместный поход казахов и киргизов под главенством Ишим-хана на кочевье ойратов. В результате население многих ойратских улусов было вынуждено откочевать в отдаленные районы Сибири. Только

после ослабления могущества союза казахских и киргизских племен из-за постоянных междоусобных войн и давления Аштарханидов ойраты вновь стали совершать набеги на территории Казахстана и Киргизии.

В это время ойратское общество находилось в состоянии кризиса. Выход был только в преодолении разобщенности, объединении разрозненных ойратских владений в одно ханство с достаточно сильной властью. Образование единого государства было объективной необходимостью.

Такой силой выступил Хара-Кула, правитель Чоросского княжества. При его жизни, затем при его сыне Батуре-Хунтайджи преодолевается сопротивление удельных князей и закладываются основы государственного образования. Главной задачей внешней политики джунгарских ханов было объединение под своей эгидой всего монгольского мира и воссоздание новой могущественной кочевой державы[86].

Для того чтобы решить задачу обеспечения пастбищными землями, торгоуты во главе с Хо-Урлюком и часть дербетов покидают родные кочевья и, пройдя через восточные и северные районы современного Казахстана, к 30-м гг. XVII в. достигают берегов Урала, Эмбы и Волги, где прочно обосновываются. Теперь Казахское ханство имело дело с сильным централизованным государством. Во время правления Батур-хунтайджи источники зафиксировали три серии вооруженных столкновений казахов и ойратов. Первая волна – в 30-х гг., затем в 1643–1644 гг. и в 1651–1652 гг.

О событиях 30-х гг. известно немного. По сообщениям русских источников, группа ойратских князей во главе с хунтайджи "ходили на Казачью Орду, а Казачьи Орды пошли было на черных колмаков"[87]. В начале перевес был на стороне казахов, но затем "черные колмаки собрався и тое Казачьи Орды людей побили многих и царевича де у них Янгира взяли жива"[88], т. е. в плен, из которого Янгир (Джангир) освобождается и возглавляет борьбу против ойратов.

В 1640 г. русские послы в ставке Батур-хунтайджи застают четырех послов Джангир-хана, но не сообщают цели и итогов этого посольства. Более полно в русских источниках излагаются события 1643–1644 гг. "Освободясь из плена, Янгир беспокоил калмыков частыми набегами. Батур-хунтайджи, желая освободиться от тягостного неприятеля, в 1643 г. при помощи своих друзей собрал 50 тыс. войска и пошел войною. Взял он, Контайша, две землицы Алатай Киргизов да токмаков тысяч с десять. И после того

учинилась весть Янгиру-царевичу. И Янгир, покопав шанцы меж каменем и в те шанцы посадил 300 человек с вогненным боем, а сам с 300 став в прикрытие за каменем. И кон де тайша с воинскими людьми приступал и с шанцов у Контайши побили многих людей. Из другую сторогу на нево, ж, Контайшу, приходил с воинскими людьми сам Янгир и побил у Контайши на тех двух боях тысяч с 10. На тот бой Янгиру пришли на помощь Ялантуш, а с ним воинских людей тысяч с 20. И Контайша, увидев тех, людей, пошел назад"[89]. Контайша охотно желал привлечь на свою сторону кошоутовского Кундулен-Убуши и просил его, чтобы идти вместе против киргиз-кайсаков. Но Кундулен отказал в том, предъявив, что он с Янгир-Султаном в дружбе, что тот назвался его сыном[90].

В 1646 г. русские послы отмечают, что до их приезда "ходил Контайша войною в Казачью Орду на Янгира-царевича и многих людей побил, да и брата Янгирова с женою и с детьми и со многими людьми в полон взял"[91]. О событиях 1651 г. в хронике Зая-Пандиты отмечается, что 17-летний Галдама во время похода убил Янгира-царевича.

Ойрато-казахская борьба 40-х–50-х гг. XVII в. в конечном счете принесла победу ойратам. В 50-х гг. восточная часть Семиречья, а также территория между верховьями Иртыша и озером Балхаш находились в зависимости от государства Батура[92].

В годы правления джунгарских ханов Сенге (1653–1670) и Гладна-Бошокту (1670–1697) во взаимоотношениях казахских и джунгарских правителей наблюдалось относительное спокойствие. Джунгарское ханство в это время стремилось урегулировать конфликты с владениями Алтын-ханов и обезопасить себя от маньчжурских феодалов, пришедших в 1644 г. к власти в Китае.

Лишь в 80-х гг. вновь обострялись казахско-ойратские отношения. В "Биографии Зая-Пандиты" отмечается, что в 1681 г. Галдан осадил Сайрам, в 1682 г. вновь предпринял поход на Сайрам, и в этом походе были взяты в плен два казахских султана. И лишь в 1684 г. полководцу Галдана Рабдану удается разрушить Сайрам. Джунгария стремилась завоевать районы Южного Казахстана, по которому проходили важнейшие торговые пути и где находились крупные торговые центры. В 90-х гг. джунгарское давление на казахские земли значительно ослабело. Укрепление Казахского ханства при Тауке-хане союза с киргизами, к которому примыкали и каракалпаки, сдерживал натиск ойратов.

Как указывалось, **отношения казахов и ойратов были разнообразными. В течение двух веков кроме политических, военных**

конфликтов были контакты и другого рода, прежде всего экономические, торговые и культурные.

Несмотря на то что и джунгары и казахи были кочевыми народами, исторические условия привели к тому, что у ойратов должна была развиваться и собственная металлообрабатывающая домашняя и ремесленная промышленность. Были и другие отрасли – выделка мехов, кожи и обуви, а после подчинения районов Восточного Туркестана: хлопчатобумажная кустарная промышленность. При Батуре-хунтайджи активно проводилась работа по привитию земледелия. Николай Спафарий в путевых записках указывал на наличие у джунгар посевов пшеницы, ячменя, проса, гороха и овощей. Доказательством этого является также созданная джунгарами ирригационная сеть, которую нашли в готовом виде и использовали казахи, переселившиеся в Семиречье после разгрома Джунгарии[93].

Поэтому сообщение о том, что у казахов "спокойно с калмыками Галдан-Церена к друг другу ездят, а которые приезжают для торгу почасту и оные выезжают без всякого озлобления"[94] вполне подтверждает версию о существовании торговых отношений между двумя народами. До прихода маньчжурских войск казахи вели торговлю, правда незначительную и непостоянную, еще с джунгарскими калмыками. Для производства мены казахи и кашгарские, яркендские и ташкентские купцы, отчасти и сами калмыки съезжались на границе Джунгарии и Среднего жуза. В мирные дни повседневно съезжались для торгу. Казахи поставляли главным образом меха лисиц, корсаков в обмен на "иркетчину" (х/б ткань), верблюдов и хлеб. Иногда кашгарские, яркендские купцы и калмыки ходили с торгом в казахские кочевья в район Кокчетав, а казахи в калмыцкие улусы"[95].

Следует выделить еще один аспект многогранных взаимоотношений казахов и ойратов. В течение двух столетий они тесно соприкасались не только во время военных действий, но и в длительные мирные периоды. О существовании этих связей, наложивших отпечаток на язык, культуру, обычаи, предметы домашнего обихода, мы можем судить, рассмотрев следующие примеры.

В историографических традициях древних тюрков и монголов обнаруживается немало общих черт, которые трудно объяснить одной только этнокультурной близостью их носителей или единой для них шаманской идеологией. Бросается прежде всего в глаза сюжетно-тематическая общность указанных традиций. Общие исторические и политические судьбы тюрков и монголов порождали немало исторических тем"[96]. Анализируя образцы уст-

ного народного творчества, верований, отмечается их тождественность. Интересно сходство календаря – тюркского и монгольского 12-летнего цикла, особенно до XVII в., т. е. до тех пор, пока монголы не переняли тибетский, иногда китайский варианты. Даже название шести из двенадцати животных имеют одинаковое звучание. Еще Ч. Ч. Валиханов отмечал сходство некоторых сюжетов. "Сказка про Кузу-Курпеч и Баян прекрасную существует во всех татарских и монгольских племенах Средней Азии, разумеется, с разными изменениями места и времени"[97].

События XVI, XVII–XVIII вв. нашли отображение в устном народном творчестве многих тюркских народов Средней Азии, в том числе казахов. Калмыцкие войны создали основной исторический фон для большинства произведений героического эпоса южных ногайцев, казахов, каракалпаков, узбеков и киргизов[98]. Например, казахские богатырские песни "Кобланды-батыр", поэмы казахско-ногайского цикла "Мусахан", "Урак и Мамаш", в каракалпакском эпосе – "40 девушек", в позднейшей редакции "Алпамыша".

Казахско-каракалпакские отношения. В конце XVI в. каракалпаки впервые появляются под своим современным названием.

Любопытны сведения из грамот сыгнакских XVI–XVII в., в которых наряду с казахами упоминаются каракалпаки.

"В настоящее время да будет ведомо [всем] великим сейидам, благородным шейхам, имамам рода человеческого, высокопоставленным ученым-богословам, почтенным эмирам, великим арбабам, мингбегиям, юзбегиям, мирхазарам, раиййатам и [всему] обществу [местных] жителей и всем проживающим [в этой местности] и всем аймакам, живущим [постоянно] в селениях, [полуоседло] в кишлаках и кочующим, должностным лицам, арабам, тюркам, казахам и каракалпакам, что отличающийся высокими достоинствами, отмеченный познанием шариата Маулана Камалад-Дин, садр ал-ислам, шейх довел до [нашего] высочайшего сведения, что наши [кочевые] племена наносят ущерб землям, [расположенным вдоль] его [Маулана Камал ад-Дина] каналов"[99].

Из этого сыгнакского документа, датируемого 1006 г. х./1598 г., видно, что ходжи имели большой авторитет среди окружающего населения и держали в зависимости население, вынужденное арендовать у них землю. Особенное влияние ходжи оказывали на массу оседающих кочевников, в частности каракалпаков. Однако документ, к сожалению, не дает указания на время появления каракалпаков, их размещение. По тому, что каракалпаков грамо-

та отмечает каракалпаков после казахов, можно судить о численном преобладании последних.

К XVII в. каракалпаки поселились в районе, прочно освоенном казахами. Общая численность казахов в это время была значительной. При большом радиусе кочевания свободные пастбища были заняты ими. И поэтому разрешение основных вопросов хозяйственного существования каракалпаков зависело от тех взаимоотношений, какие складывались у них с казахами. Каракалпаки всегда стремились находиться ближе к оседлой полосе. Как известно, присырдарьинские города играли весьма существенную роль в политической и экономической жизни Средней Азии, показателем чего являлась борьба за них между Бухарой и казахами в XVI в. Тревожная политическая обстановка района, сопряженная с постоянными войнами и разорениями, не могла не отразиться отрицательно на хозяйственном благополучии каракалпаков. Большая часть народа вынуждена была перейти к земледелию. В силу создавшихся условий каракалпаки находились в союзе с казахами. Чрезвычайно интересны сведения "Мусаххир албилад" о роли присырдарьинских каракалпаков в политической жизни (Ташкентского удела) Шейбанидов и Аштарханидов. Из источника следует, что они в союзе с казахскими султанами Ишимом, Бахадуром и другими, пользуясь внутриполитической нестабильностью, отсутствием в Бухаре Абдаллах-хана II, провозглашали ханами кого-либо из представителей своего народа и нарекали их именами давно уже умерших шейбанидских султанов. Так, в 986/1578 г. они провозгласили ханом лже-Шайхан-султана; в 990/1582 г. – лже-Барак-хана, а в 1013/1604 г., во время правления Аштарханида Баки Мухаммад-хана, – лже-Абдал-Гаффар-хана.

Согласно "Тарих-и Кыпчаки", при Абд ал-Азиз-хане (1645-1680 гг.), Аштарханиде, казахи участвовали в войне Аштарханидов против потомков Захир ад-Дин Мухаммад Бабура за Балх. Сообщается, что в этих боях принял участие один лак конных казахов, т. е. сто тысяч человек. Сообщаются подробности об участии в военных действиях наряду с казахами также и каракалпаков. Эти известия являются оригинальными: "Абд ал-Азиз-хан[100] созвал всех узбекских военачальников и полководцев и устроил великий курылтай. После совещания и гадания было решено, что без помощи казахских султанов битва не будет отложена. Шейхи, ученые и нойаны[101] вместе с ханом ради устройства того дела направились в Ташкент. Узбеки, казахи и каракалпаки устроили большое собрание. После совета триста тысяч человек с одним лаком конных казахов повязали пояс для помощи".

Об участии сырдарьинских каракалпаков в политической жизни Средней Азии в начале XVII в. говорится в "Тарих-и Мукимхани" Мухаммад Юсуфа-Мунши. Сообщая о наступившей болезни бухарского хана Баки-Мухаммада (1599–1605 гг.), он пишет: "Когда болезнь хана затянуласть (1605 г.), казахи, каракалпаки, калмыки и другие мятежные жители различных частей ханства подняли восстание, опустошили [некоторые] области государства"[102]. В этом сочинении подчеркивается, что сырдарьинские каракалпаки в политическом отношении действовали совместно с казахами: "В 1021 г. (1611 г.) Имамкули-хан выступил со своими войсками. Пройдя от границ Туркестана до пределов Ашпары[103] и Каратага (Каратау), он всюду истреблял и забирал в плен мятежных казахов, каракалпаков и калмыков"[104].

На протяжении большей части XVII столетия встречаются отрывочные упоминания о каракалпаках.

Ценный исторический материал по истории казахско-каракалпакских отношений дают "Хивинские хроники", в том числе "Фирдаус ал-икбал". В этом источнике в строгой хронологической последовательности изложена политическая история Хивинского ханства более чем за 300-летний период (начало XVI – первая четверть XIX в.). Важно, что Мунис и Агахи, в отличие от Абулгази, приводят подробности и, что особенно ценно, при изложении генеалогической и хронологической информации. В "Фирдаус ал-икбал" немало сведений, свидетельствующих о роли каракалпаков, казахов, туркмен в политической жизни Хивинского ханства. Подробно описываются междоусобицы в Хорезме, усилившиеся после смерти Анушы и не прекращавшиеся вплоть до Мухаммад Рахим-хана I. Отдельные группировки, стремясь захватить основные позиции в государстве, приглашали в Хорезм казахских и каракалпакских султанов и сажали их на престол. Ими были, к примеру, Курам-хан, Тауке-хан, Балакай-хан, Икимхан из казахов; Абдаллах-хан, Карабай-хан, Йадгар-хан, Абулгази-хан IV из каракалпаков.

В сочинении представлены подробные сведения о каракалпаках в рассказе о правлении Шир-Гази-хана (сына Джан Торахана потомка казахских ханов, хана Хивы в 1715-1728 гг.): "...поручив известие о его восшествии на престол, Ишим-хан[105] и каракалпакский люд перепугались, покинули Арал и бежали... Когда солнце вошло в созвездие Козерога, [Шир-Гази-хан] с огромным войском выступил в поход с целью искоренить каракалпаков. Каракалпаки, не будучи в состоянии оказать сопротивление, бросили имущество, скот и жилища, бежали по морю, которое вслед-

ствие страшной стужи покрылось льдом ... бежали в сторону Иангги-Су[106] и Сыр-Дарьи. ... Когда весть об этом распространилась по поясам мира, непокорные упрямцы со всех сторон Хорезма поступью извинения направились по пути повиновения ко дворцу вселенной. В том числе для целования порога с дарами, достойными царствования, пришли из казахских родов: Фуладтора, Кабан-бий и Барак-бий; из туркмен Мангышлака и [племени] ок-Хал-Назар-бахадур и Аман-Дурди-бек"[107]. На основании этих данных можно заключить, что территорию Янгидарьи уже в начале XVII в. занимали каракалпаки.

Столкновения каракалпаков с Хивой происходили через аральцев. Под именем аральцев в XVII–XVIII вв. была известна группа узбекских племен, состоящая из копуадов, мангытов, кыпчаков, ходжа-эли и нескольких других, более мелких, занимавших дельту Амударьи и побережье Аральского моря. Часто предводители этих племен не только отказывались подчиняться хивинским ханам, но и выступали против них. В разные периоды на Арале некоторую роль играли ханы, рассматривавшие Арал в качестве переходной ступени для занятия хивинского престола. Хивинские хроники содержат много сообщений о том, как отдельные ханы, укрепившись в Арале, овладевали затем Хивой. Таково, в частности, было начало карьеры и знаменитого Абулгази-хана в 40-х гг. XVII в.[108]

"У аральских конградов было два хакима по имени Адам-бий и Бекмурад-бий, которые были великими столпами Шах-Тимур-хана[109]. Великий эмир Иш-Мухаммад-бий направил им послание: "Если наши дорогие родичи взбунтуют аральское войско, то родственные отношения достигнут совершенства". Они, ознакомившись с содержанием послания, ушли, подняв бунт, с конградским войском и пришли к хану в Хивак[110]. Ширдали[111] с аральским людом поднял мятеж, переправился через Ашу и ушел к каракалпакам в Ак-Йакыш"[112].

Причинами, побудившими хивинских ханов к завоеванию каракалпаков, были не только желание этих владетелей увеличить число своих подданных, но и стремление обессилить аральцев путем лишения их той поддержки, какую оказывали аральцам каракалпаки[113]. "После того, как все аральцы и каракалпаки подчинились Ильбарс-хану, [хан] привез Хасан-Мурад-бека, пожаловал ему должность инака[114] и сделал повелителем над всем обществом мангытов"[115].

Казахские ханы часто провозглашались правителями каракалпаков. Так, в "Фирдаус ал-икбал" сообщается: "Карабай-хан[116].

Ему было наречено имя Абдалла-хана, а некоторые говорят, что его имя Бай-Бори-хан. Но первое правильнее [так как второе – это] имя его среднего брата из старших братьев, [который] был ханом среди каракалпаков. Каракалпаки схватили его, привезли и передали узбекам Гурлена. Гурленские эмиры убили его. После этого события Карабай-хана низложили и отослали к его отцу и старшему брату, к казахам. Срок его правления четыре месяца[117] Булакай-хан, сын казахаского хана Нурали. Он воссел на трон правления после Джахангир-хана... В течение долгого времени он был государем у казахов на берегах Сыра и каракалпаков на берегах Йанги-Дарьи и скончался во время Мухаммад-Рахим-хана[118], в году тысяча двести двадцать третьем (1223 г. х. = 1808/1809 г. н. э)[119]. В отписке самарского воеводы кн. Дм. Пожарского от 1614 г. записано: "В нынешнем 122 г. апреля в 25 день приехали от Юрченского Арап-хана тезиков два человека -Хозягул Абыз, да Каразгул... а сказывали... казачья-де орда и каракалпаки и алтыулы меж себя ныне в совете, а с Юрченским де с Арапханом казачья орда и каракалпаки и алтыулы ныне в миру же...".

По свидетельствам источников, казахско-ойратская борьба в первой половине XVII в. усилилась и в конечном счете принесла победу ойратам. Под напором джунгарских войск казахи вынуждены были бежать на юг, в центральные области Средней Азии. Вместе с казахами бежали каракалпаки, которые с конца XVII в. и до 20-х гг. XVIII в. заселяли территорию по среднему и нижнему течению Сырдарьи. Они жили в тесном соседстве с казахами Младшего жуза и в экономическом и политическом отношении находились в зависимости от казахских ханов. Одна группа каракалпаков направилась вверх по Сырдарье, на юго-запад от Ташкента, вторая ушла к Аральскому морю. В результате джунгарского нашествия произошло разделение каракалпаков на нижних и верхних: верхние попали в политическую зависимость от джунгаров, нижние до 1762 г. находились в зависимости от Младшего жуза казахов[120].

В связи с этим интерес представляет сообщение Бориса Пазухина: "И в Бухарской земле собирается ратных людей с туркестанцы и каракалпаки и с казаки полтораста тысяч и больше; а у Балховского царя собирается ратных людей меньше Бухарского впалы. А конные Бухарские и Балховские ратные люди к бою не заобычны и плохи; а надежные люди в бою в Бухарской земле туркестанские казахи и подданные Бухарскому царю царевичи каракалпацкие. А сбирается каракалпаков и казахов с пятьдесят

тысяч. А ходят на помощь Бухарскому царю пополам, потому что опасают улусов своих от черных калмык, что под китайским городом...

... и ближние люди говорили Борису... а ныне Абда Азис[121] царь идет, по вестям в украйные свои города, что пришел без его ведома и безвестно Кучук-хан Башкирский[122] и ныне в каракалпаках, Бухарских же улусах...

... и того же числа царь Абда Азис пошел в поход по Туркестанской дороге"[123].

Таким образом, в XVI–XVII вв. развивались тесные и разносторонние контакты казахов, узбеков, киргизов, ногаев, каракалпаков.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. В.* Позднесредневековый Отрар: XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1981.

[2] Михман-наме-йи-Бухара: (Записки Бухарского гостя) / Пер., предисл. и прим. Р. П. Джалиловой. М., 1976. С. 141.

[3] *Давидович Е. А.* О времени максимального развития товарно-денежных отношений в средневековой Средней Азии // Народы Азии и Африки. 1965. № 6. С.167; *Бурнашева Р. З.* Монетные находки с городища Отрар-Тобе за 1974 г. // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 85.

[4] Русско-индийские отношения в XVII в. М., 1975. С. 37.

[5] Бабур-наме, или Записки султана Кабура / Издано в подлинном тексте Н. И. Гельминским. Казань, 1857. С. 17.

[6] Расспросные речи возвратившихся из Казачьей Орды тобольского казака Федора Скибина //МИУТТ. С. 263–264.

[7] *Бадр ад-Дин Кашмири.* Раузат ал-ризван. Л. 294аб.

[8] *Зияев Х. З.* Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. Ташкент, 1983.

[9] *Вяткин В. Л.* Шейхи Джуйбари // В. В. Бартольду – туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927. С. 6.

[10] Убайдулла-наме. С. 166.

[11] *Иванов П. П.* Архив хивинских ханов XIX в. Исследования и описания документов с историческим введением. Л., 1940. Документы № 128, 129. С. 208–209.

[12] *Иванов П. П.* Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI–XVII вв. М.; Л., 1954; *Вяткин В. Л.* Шейхи Джуйбари. I. Ходжа Ислам // В. В. Бартольду – туркестанские друзья, ученики и почитатели; *Чехович О. Д.* Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве. Ташкент, 1989; *Абдурашмов М. А.* Очерки истории аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI – первой половине XIX века. Т. 1–2. Ташкент, 1966; 1970; *Мукминова Р. Г.* Социальная

дифференциация населения народов Узбекистана. Конец XV – XVI в. Ташкент, 1985.

[13] *Дженкинсон А.* Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. С. 35.

[14] *Бартольд В. В.* Церемониал при дворе узбецких ханов в XVII веке // Собр. соч. Т. 2. Ч. 2. М., 1964. С. 388–399.

[15] *Гаврилов М. Ф.* Остатки ясы и юсуна у узбеков / Главный Среднеазиатский музей УзССР. Ташкент, 1929. С. 4.

[16] *Батраков В. С.* Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем: (С XV до половины XVIII века). Ташкент, 1958. С. 5.

[17] *Фазлаллах ибн Рузбихан.* Михман-наме-йи Бухара. С. 101.

[18] Там же. С. 116–117.

[19] Там же. С. 141.

[20] Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 184.

[21] *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. С. 144.

[22] *Филипп Назаров.* Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии /Текст подготовил В. А. Ромодин. М., 1968. С. 26.

[23] *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. С. 349. Алма-Ата, 1985.

[24] Шараф-наме-йи шахи. Л. 475а.

[25] Мусаххир ал-билар. Л. 97а.

[26] *Пищулина К. А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV– XVII вв. С. 41–42.

[27] Шараф-наме-йи шахи. Л. 475б.

[28] Там же.

[29] Там же. Л. 476б.

[30] Там же. Л. 256а.

[31] Там же.

[32] Там же. Л. 476а. Отметим, что, по-видимому, сыновья Хакк-Назар-хана Мунгатай и Дин-Мухаммад-султан не были убиты тогда, так как они упоминаются в связи с мятежом, вспыхнувшим в 1588 г. в Ташкентской обл.

[33] Там же. Л. 256б.

[34] Там же. Л. 475б.

[35] Там же.

[36] Там же. Л. 476а.

[37] Там же. Л. 776а.

[38] Ахсикат (Ахси, Ахсикет) – древний город в Фергане: его развалины находятся около Намангана (об этом см: *Масальский В. И.* Туркестанский край: Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Спб., 1913. Т. 19. С. 702; МИКХ. С. 495).

[39] Сагирдж или Согардж (местность в Средней Азии).

[40] Дизак – Джизак (современное название города в Узбекистане).

[41] *Вяткин В. Л.* Шейхи Джуйбари. I. Ходжа Ислам //В. В. Бартольду – туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент. С. 9–10.

[42] Кара-Саман – местность в окрестностях Сырдарьи.

[43] Каратаг — местность в низовьях Сырдарьи.

[44] Шараф-наме-йи шахи. Л. 476б.

[45] Отметим, что в „Мусаххир ал-билад" Мухаммадиар бен Араб катагана (№ 1505) упоминается казахский султан Тыным-Султан, сын Хакк-Назар хана, который во время правления Баги-Мухаммад хана (1600–1605 гг.) был правителем Ташкента (л. 646). Вполне вероятно, что этот Тыным (Тиним)-султан и есть Дин-Мухаммад-султан.

[46] Шараф-наме-йи шахи. Л. 477а. (Краткий пересказ сведений, касающихся киргизов, приводится в статье: *Салахетдинова М. А.* Сведения о киргизах в „Абдулла-наме" Хафиз-и Таныша //Изв. АН КиргССР. Сер. обществ. наук. Фрунзе, 1960. Т. 2. Вып. 3. С. 180.

[47] *Искандар Мунши.* Тарих-и аламара-йи Аббаси. Тегеран. 1314 г. х.– 1896/97 г. н. э. (литограф. изд.). С. 379 (далее – А); Там же. Исфахан, 1334–1335 г. х. – 1956 г. н. э. (наборное изд.). С. 553 (далее – Б); *Абусеитова М. Х.* Из истории казахско-среднеазиатских отношений: события 1598–1599 годов // Казахстан в эпоху феодализма: (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981. С. 124–141.

[48] *Искандар Мунши.* Тарих-и аламара-йи Аббаси. А. С. 379; Б. С. 553.

[49] Там же. А. С. 379; Б. С. 553.

[50] *Абдурашмов М. А.* Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVII – пер. пол. XIX в. Ташкент, 1966. Т. 1. С. 56.

[51] *Rene Crousset.* The Empire of the Steppe: a history of Central Asia. New Brun Swick; New Jersey, 1970. P. 486.

[52] Мухаммад Аваз в „Зийа ал-кулуб" сообщает, что по пути к Бухаре Таваккул-хан осадил крепость Кала-йи Даббус, но взять ее не смог.

[53] Мийанкал – большой остров в среднем течении р. Заравшан, образуемый двумя его рукавами – Ак-Дарьей и Кара-Дарьей (об этом см.: *Семенов А. А.* Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях их носителей в средневековой Бухаре //СВ. М.; Л., 1998. Т. 5. С. 145).

[54] Битва под Пул-и Салар, как следует из предыдущего контекста (А. С. 393–394; Б. С. 570–571), сражение Дин-Мухаммада с кызылбашами близ Пул-и Солар около Герата, произошло 6-го Мухаррама 1007 г. х. /июль 1598 г. Дин-Мухаммад потерпел здесь поражение и бежал. Генеральное сражение между казахскими и узбекскими войсками произошло, по „Зийа ал-Кулуб", под Сар-и Пулом, по „Мусаххир ал-билад" и "Бахр ал-асрар" – в Уч-кара.

[55] *Искандар Мунши.* Тарих-и аламара-йи Аббаси. А. С. 401; Б. С. 592.

[56] *Юдин В. П.* Известия „Зийа ал-кулуб" Мухаммад Ааза о казахах XVI века //Вестник АН КазССР. 1966. № 5. С. 73.

[57] *Давидович Е.* История монетного дела Средней Азии XVII–XVIII вв.: (Золотые и серебряные монеты Джанидов). Душанбе, 1964. С. 12.

[58] Тарих-и Рашиди: Рук. ИВ АН УзССР. Инв. № 1430. Л. 85а.

[59] *Абусеитова М. Х.* Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985. С. 71–81; Шараф-наме-йи шахи: Рук. СПбФ ИВ РАН Д. 88. Л. 475.

[60] Бахр ал-асрар: Рук. Биб-ки „Индия оффис" Инв № 575 (фотокопия).

[61] *Валиханов Ч. Ч.* Записки о киргизах //Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 2. С. 77.

[62] Материалы по истории русско-монгольских отношений: Русско-монгольские отношения 1607–1636 гг. М., 1959. С. 53.

[63] *Жуковский С. В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие // Тр. Об-ва рус. ориенталистов. Пг., 1915. № 27. С. 3.

[64] *Рычков Л. И.* Типография Оренбургской губернии 1762 г. Оренбург, 1887. С. 225.

[65] Продолжение древней Российской вивлиофики. Ч. 11. С. 186.

[66] *Веселовский Н.* Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Спб., 1892. Т. 1. С. 66.

[67] *Дженкинсон А.* Английские путешественники. С. 173–174.

[68] *Веселовский Н.* Указ. соч. С. 106.

[69] *Панков А. В.* К истории торговли Средней Азии с Россией в XV–VIII вв. //В. В. Бартольду – туркестанские друзья, ученики и почитатели. С. 35.

[70] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. С. 274–275; Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. С. 9.

[71] Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. С. 3.

[72] Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. С. 9; *Крафт И.* Принятие киргизами русского подданства / Изд. Оренбургского отдела Императорского русского географического общества. Оренбург, 1897. Вып. 12. С. 11–12.

[73] Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. С. 9.

[74] Там же. С. 13.

[75] Русско-монгольские отношения. 1607–1636. М., 1959 (далее – МИРМО. 1607–1636); Русско-монгольские отношения. 1636–1654. М., 1974 (далее – МИРМО. 1636–1654); Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Алма-Ата, 1961.

[76] МИКХ. С. 181.

[77] *Бартольд В. В.* Указ. соч. С. 96.

[78] Казахско-русские отношения в XVII–XVIII вв. С. 3.

[79] *Гавердовский Я.* Обозрение киргиз-кайсацкой степи / Архив Спб. отд. Ин-та РАН. Ч. 2. Сл. 15. Ч. 2 (Собрание рукописных книг. № 495. С. 82).

[80] Материалы по истории туркмен и Туркмении. М., 1938. Т. 2. С. 58.

[81] *Мухаммед Юсуф Мунши.* Муким-ханская история. Ташкент, 1986. С.87.

[82] МИРМО. 1607–1636. С. 32–33.

[83] МИРМО. 1607–1636. С. 34.

[84] МИРМО. 1607–1636. С. 53.

[85] МИРМО. 1607–1636. С. 104.

[86] *Моисеев В. А.* Указ. соч.; *Кураи М.* Центральная Азия в XVII–XVIII вв. Империя калмыков или империя маньчжур? Париж, 1912.

[87] МИРМО. 1607–1636. С. 278.

[88] МИРМО. 1607–1636. С. 280.

[89] МИРМО. 1636–1654. С. 239.

[90] *Лыткин Ю.* История Калмыцких ханов //Калмыцкие историко-литературные памятники... С. 55.

[91] МИРМО. 1636–1654. С. 237.

[92] *Чимитдоржиев Ш. Б.* Указ. соч. С. 33.

[93] *Батраков В. С.* Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем. Ташкент, 1958. С. 62–70.

[94] *Сулейменов Р. Б.* Указ. соч. С. 22.

[95] *Ибрагимов С. К.* Из истории внешторговых связей казахов в XVII в. // Учен. зап. ИВ. Сер. 19. М., 1959. С. 51–52.

[96] *Бира Ш.* Монгольская историография. М., 1938. С. 29.

[97] *Валиханов Ч. Ч.* О формах казахской народной поэзии //Соч. Т. 1. Алма-Ата, 1985. С. 285.

[98] *Жирмунский В.* Народный героический эпос. Л., 1974. С. 219.

[99] МИКХ. С. 318.

[100] Абд ал-Азиз-хан-Аштарханид, сын Надир-Мухаммад-хана, годы правления 1645–1680.

[101] Нойан (нойон) – термин по значению соответствует арабскому „эмир" и тюркскому „бек".

[102] Тарих-и Муким-хани: Рук. ИВ АН РУз, 671 (574 ad). Л. 158б.

[103] Ашпара (Аспара), около современного села Мерке.

[104] Тарих-и Муким-хани. Л. 163б.

[105] Ишим-хан – хан каракалпаков, один из внуков Акатай-хана.

[106] Йанги-Су (Яны-Су, Янги-Дарья – один из рукавов дельты р. Амударьи, вытекает из озера Кара-Терень.

[107] Фирдаус ал-икбал. Л. 35б.

[108] *Иванов П. П.* Очерк истории каракалпаков //Матер. по истории каракалпаков. М.; Л., 1935. С. 71.

[109] Шах-Тимур (Тимур-бий) – Джучид, сын Муса-хана, потомок казахских ханов.

[110] Хивак – Хива.

[111] Ширдали – бий – сын Мухаммад-Баки-бий мангита.

[112] Ак-Йакыш – местность в Каракалпакии, на восток от современного г. Чимбая, в районе Кек-Одека (Куванми-Джарма), канала Эшим и озера Раукара (Матер. по истории каракалпаков. С. 75).

[113] Ильбар-хан, сын Шах-Иийаз-хана, потомок казахских ханов, хан Хивы (1728–1740 гг.).

[114] Инак – звание, присваивавшееся в Хиве предводителям узбекских родов (МИТТ. Т. 2. С. 329).

[115] Фирдаус ал-икбал. Л. 365.

[116] Карабай-хан – сын Батыр-султана, казахский султан, ханствовал в Хиве после своего старшего брата Каип-султана в течение четырех месяцев.

[117] Фирдаус ал-икбал. Л. 40а.

[118] Мухаммад-Рахим-хан – хан Хивы из племени конграт.

[119] Фирдаус ал-икбал. Л. 41б.

[120] *Камалов С. К.* Каракалпаки в XVIII–XIX веках: (К истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами). Ташкент, 1968. С. 31; *Шалекенов У. Х.* Казахи низовьев Амударьи. Ташкент, 1966.

[121] Абда-Азис – Абдр ал-Азиз-хан, Аштарханид, сын Надир-Мухаммад-хана, годы правления 1645–1680.

[122] Кучук-хан Башкирский – здесь речь идет о Кучуке, сыне Абулая, внуке Ишима. Кучук активно участвовал в восстаниях башкир в 1663–1667 гг. После подавления восстания удалился к каракалпакам на Сырдарью и известен в дальнейшем под именем хана каракалпаков. Вероятно, что и отряд, во главе которого он действовал совместно с башкирами, состоял также из каракалпаков.

[123] Русская историческая библиотека. Т. 15. С. 61, 66.

Центральная Азия в составе Российской империи

Процесс формирования Российского государства как огромной евразийской империи, естественно продвигавшейся в своих экспансионистских целях на восток и юго-восток, уже к XVI в. вывел его на северные рубежи Казахстана. После освоения Поволжья, Приуралья и Западной Сибири вплотную встал вопрос о присоединении территории Казахстана к Российскому государству. Практически на всем пространстве земли крупные централизованные оседло-земледельческие государства развивались как империи и прежде всего за счет освоения периферийного, главным образом внутриконтинентального, пространства, населенного номадами или другими группами подвижного населения. Китай в течение всей своей истории, но наиболее активно и успешно в XVIII–XIX вв., осваивал северную, западную и южную внутриконтинентальную периферию. Франция продвигается со стороны моря во внутриконтинентальную часть Северной Африки и т. д.

Аналогичным образом двигалось Российское государство в южном и восточном направлении, почти не встречая сопротивления со стороны дисперсных и дезинтегрированных групп аборигенного населения, которые идее централизованного государства пытались противопоставить традиционализм, этнокультурные и религиозно-конфессиональные ценности. Огнестрельному оружию и регулярной армии аборигены пытались на всем пространстве Евразии, Африки и Америки противопоставить луки, стрелы, в лучшем случае конницу и холодное колюще-рубящее оружие, военному искусству, тактике и стратегии – партизанскую борьбу, централизованному обеспечению ресурсами и жестко организованным коммуникационным и управленческим структурам – клановость и патернализм.

Слабость и замедленность вековых процессов трансформации привела к тому, что в течение XVIII–XIX вв. вся внутриконтинентальная периферия Евразии была включена в орбиту влияния крупных континентального масштаба централизованных государств – Российского государства и Цинского Китая. Не избежали этого и народы Центральной Азии. В течение почти двух столетий продолжался процесс присоединения внутриконтинентальных регионов Казахстана и Средней Азии к Российской империи.

Первоначально в орбиту влияния Российского государства попали приграничные районы Северо-Западного, а затем и всего Западного и Северного Казахстана. В 1731 г. был подписан акт о присоединении казахов Младшего жуза к России, а в 1735 г. – казахов Среднего жуза, которые положили начало многолетнему процессу включения казахских земель в состав Российского государства. Первоначально речь шла об установлении политического патроната Российского государства над кочевыми регионами, а с 1748 г. – об установлении политического протектората, сопровождавшегося согласованием, а затем и прямым назначением верховных правителей Степи – казахских ханов. С конца XVIII столетия прежде всего в Младшем жузе постепенно формируется система политического регулирования жизнью казахского общества, а с 20-х гг. XIX в. вводится прямое управление кочевниками Казахстана. В 1854–1855 гг. граница Российской империи переносится в Присырдарьинский регион, и с этого времени территория Казахстана была почти полностью включена в состав Российского государства.

В процессе присоединения Казахстана к России наряду с патронимической, территориально-общинной и социально-потестарной структурами важное и самостоятельное значение в социальной организации приобретает государственно-административная система управления краем. В начале XIX в. на территории Казахстана сформировались три различные системы управления:

– в восточной половине – так называемое "Сибирское ведомство";

– в западной – "Оренбургское ведомство";

– в дополнение к этому в 1801 г. в результате перехода за Урал пяти тысяч кибиток в междуречье Волги и Урала возникла Букеевская орда (с 1812 г. – Букеевское ханство).

С целью установления государственной и политической системы господства российского самодержавия в Казахстане в 1822 г. была отменена ханская власть в Среднем жузе, в 1824 г. – в Млад-

шем жузе, в 1845 г. – в Букеевской, или – с этого времени – Внутренней, орде и принят ряд законодательных актов.

В частности, для управления казахским населением **Сибирского ведомства** были приняты: "Устав о сибирских киргизах" (1822 г.), "Положение об отдельном управлении Сибирскими киргизами" (1838 г.), "Положение об управлении Семипалатинской областью" (1854 г.) и др.; **Оренбургского ведомства** – "Положение об управлении Оренбургскими киргизами" (1844 г.) и др.; **Присырдарьинского региона**, после его захвата в середине XIX в., – "Инструкция об управлении Присырдарьинскими киргизами" (1855–1856 гг.); **Старшего жуза**, после его захвата в тот же период, – "Положение об управлении Алатавским округом" (1862 г.) и т. д.

В Оренбургском ведомстве, в состав которого вошли казахи Младшего и отчасти Среднего жузов, в 1824 г. были созданы три внешних зауральских округа, переименованных в 1828 г. в Восточную, Среднюю и Западную части. В своем внутреннем устройстве эти "части" были подразделены на "дистанции", а те, в свою очередь, на "административные аулы". Во главе частей стояли "султаны-правители" со штатом сотрудников, дистанций – дистаночные начальники, административных аулов – аульные начальники, назначавшиеся царской администрацией в крае. На содержание этого огромного по тем временам аппарата расходовалось ежегодно более 64 тыс. рублей.

В Сибирском ведомстве, в состав которого вошли казахи Среднего жуза, были образованы: в 1822 г. – Омская область с Омским, Петропавловским, Семипалатинским и Усть-Каменогорским внутренними округами, в 1824 г. – Каркаралинский и Кокчетавский, в 1831 г. – Аягузский, в 1832 г. – Акмолинский, в 1833 г. – Баян-Аульский и Уч-Булакский, в 1834 г. – Аман-Карагайский, позднее переименованный в Кушмурунский, в 1844 г. – Кокбектинский внешние округа.

В 1854 г. вся территория Сибирского ведомства была поделена на "Область сибирских киргизов" с Каркаралинским, Кокчетавским, Акмолинским, Баян-Аульским и Кушмурунским округами и Семипалатинскую область с Кокбектинским, Аягузским (с 1860 г. – Сергиопольским, с 1875 г. – Лепсинский) и Семипалатинским округами. В каждый округ входило в среднем 15–20 волостей, каждая из которых состояла из 10–12 административных аулов, в каждом из которых насчитывалось 50–70 кибиток. Во главе округов находились "окружные приказы" под руководством "старших султанов", волостей – волостные султаны, административ-

ных аулов – аульные старшины. На содержание этого мощного административного аппарата и казачьих отрядов (до 200–400 сабель в каждом округе) ежегодно расходовалось более 92 тыс. рублей серебром.

В 1847 г. была создана особая система управления казахами Старшего жуза (с 1856 г. – Алатавский округ), в 1855–1856 гг. – Присырдарьинского региона, объединявшего отчасти казахов всех трех жузов. Букеевское ханство в 1845 г. было переименовано во Внутреннюю орду, в которой реформами 1854–1860 гг. взамен 16 "административных родов" были созданы Первый и Второй Прикаспийские округа, Камыш-Самарская, Нарынская, Калмыцкая, Таловская и Торгунская верхние части.

После основания Верного в 1855 г. приняли присягу на подданство России северные киргизы, и с этого времени начинается процесс постепенного включения киргизских племен в состав Российского государства. В 60-х гг. XIX в. большая часть территории Киргизии вошла в состав Иссык-Кульского (впоследствии Каракольского) и Токмакского (впоследствии Пишпекского) уездов.

Прорыв России на южном направлении был обеспечен итогами благоприятного похода на Хиву в 1853 г., переносом пограничной линии в Присырдарьинский регион и чрезвычайно важными победами над кокандцами и взятием Ак-Мечети в 1853 г., Чимкента в 1864 г. и Ташкента в 1865 г. В 1865 г. было создано Туркестанское генерал-губернаторство, в составе которого была образована Сырдарьинская область с Аулие-Атинским, Ходжентским, Джизакским, Ташкентским, Чимкентским, Туркестанским, Казалинским и Перовским уездами. В 1876 г. в связи с ликвидацией Кокандского ханства в составе Туркестанского генерал-губернаторства была образована Ферганская область, в которую вошли Андижанский, Ошский, Маргеланский, Наманганский, Кокандский, Чустский и Исфаринский уезды.

Реформами 1867–1868, 1886 и 1891 гг. вся эта громоздкая и разнородная система административного управления была унифицирована и приведена к единому знаменателю. Всего на территории Казахстана и Средней Азии было образовано 9 областей: **Семипалатинская** – с Семипалатинским, Усть-Каменогорским, Зайсанским, Каркаралинским и Павлодарским уездами; **Акмолинская** – с Акмолинским, Петропавловским, Атбасарским, Кокчетавским и Омским уездами; **Тургайская** – с Кустанайским, Актюбинским, Иргизским и Тургайским уездами; **Уральская** – с Уральским, Гурьевским, Лбищенским и Темирским уездами; **Семиреченская** – с Лепсинским, Капальским, Джаркентским, Вер-

ненским, Пишпекским и Пржевальским уездами; **Сыр-Дарьинская** – с Аулие-Атинским, Чимкентским, Казалинским, Перовским и Ташкентским уездами и Аму-Дарьинским отделом; **Закаспийская** – с Мангышлакским, Асхабадским, Красноводским, Мервским и Тедженским уездами; **Самаркандская** – с Самаркандским, Джизакским, Катта-Курганским и Ходжентским уездами и **Ферганская** – с Маргеланским, Андижанским, Кокандским, Наманганским и Ошским уездами. Помимо этого, Внутренняя орда вошла в состав Астраханской губернии.

Материалами Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. на территории Казахстана и Средней Азии, подконтрольной российскому государству, было зафиксировано 7 746 718 человек Из них казахов совместно с киргизами – около 4 млн. человек (51,49 %), сартов – около 1 млн. человек (12,4 %), три четверти миллиона узбеков (9,3 %), почти столько же русских (8,9 %), около полумиллиона тюрков (5,6 %), треть миллиона таджиков (4,5 %), четверть миллиона туркменов (3,2 %) и др. (см. таблицу).

Численность населения российской части Средней Азии и Казахстана по данным переписи 1897 г.*

Область	Население	Казахи и киргизы	Сарты	Узбеки	Тюрки	Туркмены	Таджики	Русские
Акмолинская	682 608	427 389	-	-	-	-	-	225 641
Закаспийская	382 487	74 225	-	-	-	248 651	-	33 273
Самаркандская	860 021	63 091	18 073	507 587	19 993	-	230 384	14 006
Семипалатинская	684 590	604 564	-	-	-	-	-	68 433
Семиреченская	987 863	794 815	14 895	-	-	-	-	95 465
Сырдарьинская	1 478 398	952 061	144 275	64 235	158 675	-	5 265	44 834
Тургайская	453 416	410 904	-	-	-	-	-	35 028
Уральская	645 121	460 173	-	-	-	-	-	163 910
Ферганская	1 572 214	201 579	788 989	153 780	261 234	-	114 081	9 842
Итого	7 746 718	3 988 801	966 232	725 932	439 902	248 767	349 983	690 432

* Там, где численность группы была меньше тысячи человек, ставился прочерк.

Система государственно-административного управления стала играть чрезвычайно важную роль в социальной организации кочевников, поскольку каждый аул, община, ассоциативная группа, патронимия были приписаны к определенному звену территориально-административной системы государственного управления Казахстаном. В целом можно констатировать, что впервые

посредством российской системы территориально-административного управления были преодолены центробежные тенденции и обеспечена государственная централизация казахского номадного социума. Для оседло-земледельческих народов Средней Азии территориальная система управления трансформировалась в административную систему с достаточно жесткой централизацией управленческих функций.

В результате создания государственно-административной системы управления стало возможным налогообложение кочевого населения Казахстана. Первоначально в соответствии с трехчленной системой "ведомственного" управления сложилось три различные формы налогообложения казахского населения. Так, в течение 30-х гг. XIX в. произошло налогообложение казахов Сибирского ведомства так называемым **ясаком** – натуральным прогрессивным государственным налогом, когда со ста голов скота взималась в казну одна голова, а кочевого населения Оренбургского ведомства – так называемой **кибиточной податью** – денежным фиксированным государственным налогом, когда с каждой кибитки, под которой понималось любое жилище или хозяйственная постройка, взималось 1,5 рубля серебром. В 1854 г. налоговые квоты в Семипалатинской области были повышены, и ясак составил теперь одну голову скота с шестидесяти голов. Всего в счет ясака к середине 60-х гг. было собрано более трех миллионов рублей серебром, а в счет кибиточной подати – более четырех миллионов рублей. Во Внутренней орде первоначально кочевники-казахи были обложены налогами *зякетом* и *согумом* в пользу казны, а с 1860 г. – **окладной податью**.

В 1867–1868 гг. все казахское население было обложено единой и унифицированной системой налогов – **кибиточной податью**, размер которой возрос до 3 рублей, а по реформам 1886 и 1891 гг.– до 4,5 рубля серебром с любого вида казахского жилища. Одновременно казахское население платило **билетный сбор**, **акциз за перепуск скота за линию**, **ремонтную пошлину**, а также исполняло **почтовую** и **подводную повинности** и массу других платежей, податей и повинностей, часть из которых во второй половине XIX в. была преобразована в **земский сбор** и т. д.

Можно заключить, что если прежде разного рода сборы и подати в условиях традиционного кочевого общества (зякет, согум, шибага и др.) в пользу казахских ханов и властителей были незначительны, нерегулярны и носили эпизодический и скорее добровольный характер, то отныне была установлена жесткая фискальная система, с помощью которой российское самодержавие

ежегодно выкачивало из казахской степи несколько сотен тысяч, а затем и миллионов рублей серебром на содержание, нужды и потребности колониального аппарата в крае, воинских соединений, администрации и т. п.

Для оседло-земледельческих народов Средней Азии, традиционно плативших зякет и ушур, налоговая система вводилась постепенно.

Отсутствовавшее в кочевой среде изъятие прибавочного продукта внеэкономическими методами стало всеобщим в составе российского государства. В дополнение к этому система налогообложения породила так называемую "частноправовую" нефиксированную ренту, взимавшуюся должностными лицами сверх налоговой квоты во время сбора налоговых платежей и податей. Иначе говоря, в составе российского государства произошло значительное возрастание внеэкономических форм эксплуатации казахского кочевого населения как посредством налоговой системы, так и посредством многочисленных злоупотреблений со стороны должностных лиц и государственных чиновников.

В территориальном отношении политика российского государства первоначально заключалась в так называемой "военно-казачьей" колонизации края, когда создавались "пограничные" линии, все больше и больше продвигавшиеся в глубь степи, военные крепости, редуты, пикеты, посты, которые заселялись казачьим и частично военным населением, а иногда и ссыльными поселенцами. Эта политика "медленного" просачивания–вторжения в степь преобладала во взаимоотношениях России и Казахстана в течение XVIII в. и первой половины XIX в. и лишь в середине XIX в. в связи с успешной экспансией в Средней Азии она была полностью пересмотрена.

Реформа 1868 г. объявила территорию Казахстана государственной собственностью Российской империи. До этого только Букеевская орда с момента своего возникновения находилась в государственной собственности. Налогообложение казахского населения всегда трактовалось колониальной администрацией как свидетельство государственной собственности на территорию Казахстана.

В этой связи находится и так называемый хозяйственный аспект земельной и экономической политики российского государства в Казахстане. Широко известно, что под влиянием оренбургских генерал-губернаторов П. Сухтелена и В. А. Перовского, считавших, что казахи выгодны России только в качестве кочевников-скотоводов, в Оренбургском ведомстве вплоть до середины

XIX в. проводилась запретительная политика на развитие земледелия среди казахского населения, тогда как в Сибирском ведомстве, наоборот, проводилась политика поощрения занятия земледелием. Так, каждому желающему заниматься земледелием "Устав о сибирских киргизах" отводил по 15 десятин земли.

Одновременно проводилась политика, направленная на поддержание привилегированного положения должностных лиц, освобождения их от налогообложения, премирования и наделения за хорошую службу разного рода льготами, в том числе "земельными" владениями. Так, высшее звено казахской государственно-административной иерархии в Сибирском ведомстве "старшие султаны" наделялись 5–7 кв. верстами "удобных для земледелия, скотоводства и других заведений земель", "которыми он может пользоваться, пока пребывает в должности, не лишаясь права на участие в общих пастбищах".

"Устав о сибирских киргизах" также гласил: "Отвести на том же основании по две квадратных версты для каждого Киргизского заседателя" (там же. § 169). Иначе говоря, если прежде кочевое общество казахов не знало юридической формы частной собственности на землю, то теперь российское государство фактически санкционировало ее. Но поскольку система поземельных отношений среди номадов носила второстепенный характер и определялась отношениями частной собственности на скот, то система юридической регламентации поземельных отношений не получила сколько-нибудь значительного распространения в среде кочевников-казахов.

В течение второй половины XIX в. и начала XX в. поземельная политика царизма в Казахстане, основываясь на праве государственной собственности на территорию края, постепенно трансформируется в сторону изъятия наиболее плодородных угодий у номадов и в связи с проведением Столыпинских аграрных реформ приобретает характер широкомасштабной экспроприации земли для размещения русского переселенческого крестьянства, казачества и других иноэтнических групп мигрантов (таранчей, дунган и др.). Процесс изъятия земельных угодий у казахского населения в основном коснулся наиболее плодородных участков в Северном, Восточном и Юго-Восточном Казахстане, в наибольшей степени пригодных для развития земледельческого хозяйства.

В экологическом отношении этот процесс коснулся прежде всего лесостепной ландшафтной зоны в регионе Западно-Сибирской низменности, богатой озерами, речной сетью, лесами, хоро-

шими почвами, и предгорной полосы Алтая, Тарбагатая, Джунгарского, Заилийского и Киргизского Алатау с количеством атмосферных осадков более 400 мм, развитой системой горных рек и богатой лесами, горными лугами и т. п. Данный комплекс природно-климатических условий позволял культивировать здесь неполивное земледельческое хозяйство – именно тот тип хозяйства, который был привнесен русско-украинскими мигрантами в Казахстан – в сочетании с сенокошением и стойловым содержанием животных.

Лишь к концу XIX в. в пользу казачества и русского переселенческого крестьянства было изъято в Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской и Уральской областях около 14 млн. десятин наиболее плодородной земли, что составило 8,2 % всей земельной площади "степных областей". После переселения таранчей и дунган из Кульджинского края в 1881–1884 гг. в Семиреченскую область в их пользу было изъято более 100 тыс. десятин плодородной земли. В результате Столыпинских аграрных реформ этот процесс резко интенсифицировался, и изъятие земли у казахского кочевого населения приобрело массовый характер. Всего было изъято более 40 млн. десятин земли, что составляло пятую часть всех сельскохозяйственных угодий в Казахстане.

Вследствие изъятия наиболее плодородных земель, на которых прежде практиковалось во вспомогательной форме земледельческое хозяйство кочевников-казахов и киргизов, с одной стороны, заметно сужалась земельная площадь кочевого скотоводческого хозяйства, которое лишалось лучших зимовок и летних пастбищ, а с другой – фактически ликвидировались необходимые предпосылки для развития земледельческого хозяйства собственно казахского и киргизского населения. При этом происходило вытеснение казахского и киргизского земледелия не только посредством изъятия земли, но и аренды, и, самое главное, экономически более рационально организованным и эффективным земледелием русского крестьянства, сартского, таранчинского и дунганского населения.

В вопросах внутреннего землепользования, касающихся непосредственно системы поземельных отношений в кочевой среде, российское самодержавие довольно стабильно придерживалось политики невмешательства и сохранения статус-кво, которое понималось как признание общинно-родового землевладения и норм обычного права при регулировании и регламентации межличностных отношений. "Устав о сибирских инородцах", например, провозглашал, что "кочующие инородцы для каждого по-

коления имеют назначенныя во владение земли". "Инородцы имеют полную свободу заниматься земледелием, скотоводством и местными промыслами на водах и землях, каждому роду назначенных". При этом "утверждаются во владении кочующих земли, ныне ими обитаемые...", а "подробное разделение участков сих земель зависит от самих кочующих по жеребью или другим их обыкновениям".

Следует также отметить, что наряду с невмешательством в систему традиционного землепользования проводился курс на прикрепление кочевых общин и "родов" к своим территориально-административным звеньям. Так, в законодательных актах постоянно подчеркивалось, что "каждый округ имеет определенныя надлежащим разграничением земли, и жители другого округа не переходят на оныя без точного позволения местного начальства". "Далее сих пределов запрещается Киргизам откочевывать". Однако, как свидетельствуют многочисленные источники, это положение не всегда могло быть реально осуществлено, поскольку процесс кочевания и выпас скота определялись главным образом экологическими факторами, а не территориально-административными границами.

В этой связи интересно отметить, что "Материалами по киргизскому землепользованию" было выявлено в Каркаралинском уезде 556 посторонних хозяйств и 1480 отсутствующих, Усть-Каменогорском – соответственно 265 и 1288 хозяйств, Петропавловском – 256 и 1071 хозяйство и т. д. Число отсутствовавших хозяйств составляло в Зайсанском уезде – 4200, Джаркентском – 2631, Верненском – 3050, Семипалатинском – 1817, Лбищенском – 6097 и т. д. Иначе говоря, довольно значительная часть кочевого населения не вписывалась в государственную систему административного устройства и была вынуждена кочевать за пределами своих территориальных единиц.

Наряду с этим в Казахстане и Киргизии, например, проводилась политика предпочтительного наделения землей мигрантов по сравнению с местным аборигенным населением. Так, в частности, казахи-кочевники, желающие заниматься земледелием, должны были заручиться поддержкой своей общины и изыскать соответствующие земельные резервы внутри своей группы, тогда как крестьяне-переселенцы сразу же получали первоначально по 30 десятин земли на каждого члена семьи, с 1882 г. – по 15 десятин, а позднее – по 10 десятин земли, русское казачество – первоначально по 25 десятин земли на душу населения, а позднее – по 20 десятин, а офицерство – по 200 десятин на душу населения.

Таранчинским мигрантам выделялось по 10 десятин земли на всю семью в целом.

Таким образом, земельная политика царизма в Казахстане и Киргизии была направлена, во-первых, на поощрение и увеличение численности оседло-земледельческого населения посредством предоставления льгот и привилегий в наделении земельными участками, в основном русскому казачеству и переселенческому крестьянству; во-вторых, на отчуждение и массовое изъятие наиболее плодородных земельных площадей у кочевников-скотоводов в пользу тех, кто занимался земледельческим хозяйством; в-третьих, на сохранение статус-кво в структуре поземельных отношений кочевников, в частности общинного и "родового" землевладения и землепользования; в-четвертых, на поддержание привилегированного положения должностных лиц.

В целом во всей политической линии российского самодержавия в Центральной Азии красной нитью проходила "идея" стимулирования оседания кочевников, в результате которого облегчались бы управление краем, его колонизация и освоение как государственно-административными способами, так и социально-экономическими средствами. И поскольку курс на "седентаризацию" номадов, которого придерживалась за редкими исключениями колониальная администрация в течение XVIII–XIX вв., не дал сколько-нибудь очевидных результатов, то с конца XIX в. и особенно в начале XX в. он был полностью пересмотрен и взамен него был взят новый курс на изъятие земельных угодий у кочевников-казахов и киргизов и широкомасштабное переселение крестьянского элемента из европейских губерний России.

Вследствие этого сложилась чрезвычайно интересная ситуация в пространственной локализации различных хозяйственно-культурных типов. Так, в предгорных и низкогорных районах, лесостепной зоне, где количество атмосферных осадков превышало 400 мм, культивировалось преимущественно земледельческое хозяйство казачьего и русско-украинского крестьянского населения, носившее неполивной характер. В Юго-Восточном Казахстане и Северной Киргизии в предгорной полосе Джунгарского и Заилийского Алатау в речных долинах локализуется ирригационное земледельческое хозяйство таранчей, а в низовьях полноводных рек – рисовое хозяйство дунган; в Присырдарьинском регионе – оазисное поливное земледелие сартов и лишь в засушливых районах степи, полупустыни и пустыни с минимальным поверхностным стоком – казахское и киргизское земледельческое хозяйство, которое в силу бедности почвенных ресурсов,

скудости водных запасов и аридности климата функционировало только в качестве вспомогательной и второстепенной отрасли кочевого хозяйства.

Отсюда и различный уровень и характер развития земледельческого хозяйства у разных этнокультурных общностей, его "этническая" специализация. Так, в Юго-Восточном Казахстане и Киргизии у казахов и киргизов преобладала натурально-потребительская специализация с уклоном на просо, у дунган – рисовая с балансом рыночных и автаркичных ориентаций, у таранчей – комплексная зерновая, кормовая, овощная и фруктовая специализация с натурально-потребительской направленностью, у русско-украинских переселенцев – преимущественно зерновой уклон с рыночной ориентацией и т. д. Не менее сложный характер носила система материального производства в Мавераннахре. Здесь сарты и таджики занимались оседлым земледельческим хозяйством, тогда как узбеки, тюрки и другие полукочевые группы – в равной мере сочетали занятие скотоводством с натурально-потребительским земледелием. Вследствие этого взаимодействие различных хозяйственно-культурных и нередко этнокультурных комплексов носило очень сложный и взаимообусловленный характер.

ЛИТЕРАТУРА

Абусеитова М. Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985.

Абусеитова М.Х. Казахстан и Центральная Азия в XV–XVII вв.: история, политика, дипломатия. Алматы, 1998.

Баратова Г. С. Социально-экономическая история уйгуров Семиречья на рубеже XIX–XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1989.

Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1–9. М., 1963–1977.

Владимировцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Веселовский Н. И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам (1816–1881). Спб., 1887.

Галузо П. Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата, 1965.

Добросмыслов А. И. Тургайская область: Исторический очерк. Оренбург, 1902.

Киргизский край. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 18. Спб., 1903.

Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898.

Масанов Н. Э. Налоговая политика царизма в Казахстане в 20–60-е гг. XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1980.

Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов. Москва; Алматы, 1995.

Материалы по истории политического строя Казахстана. Вып. 1. Алма-Ата, 1960.

Наличное население обоего пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. 7. Спб., 1905.

Пищулина К. А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI века: Вопросы политической и социально-экономической истории. Алма-Ата, 1977.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. 19. Отд. 1. № 17998;

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. 29. Отд. 1. № 28225, 28255.

Полное собрание законов Российской империи. Т. 38. № 29127. § 1ъ4. С. 424.

Полное собрание законов Российской Империи. Т. 26. № 19773.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. 8. № 5999. С. 112.

Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М., 1993.

Турсунбаев А. Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950.

Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX вв. Алма-Ата, 1980.

Центральный государственный архив КазССР. Ф. 4, оп. 1, д. 2156, п. 7об, 93.

Глава 2. ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА

Власть и система социально-экономических отношений

Памятник права казахов XVII в. В истории казахского права ханского периода (XV–XIX вв.) известен только один законодательный памятник – *"Жети жаргы"* (Семь установлений). Точных сведений о том, кто был его автором или инициатором его составления, нет. Со ссылкой на казахские предания, творцом "Жети жаргы" принято называть хана Тауке. Он будто бы собрал для совета трех биев – Тюля-бия из Улу жуза (Старшей орды), Казбек-бия из Орта жуза (Средней орды), Айтек-бия из *Киши жуза* (Младшей, или Малой, орды) – и, обсудив с ними случавшиеся между казахами частые ссоры, составил и утвердил некоторые законоположения. Согласно другому преданию, Тауке-хан собрал

в урочище Куль-Тобе (Сырдарьинская область) семь биев, и "эти бии соединили старые обычаи ханов Касыма и Ишима" в новые обычаи, называемые "Жети жаргы". Поэтому в научной литературе "Жети жаргы" именуется также "*Уложением*" хана Тауке и "*Законами*" хана Тауке.

Единого мнения о конкретном времени составления "Жети жаргы" также нет. Одни исследователи относили его ко второй половине XVII в., другие – к началу XVIII в. Наиболее приемлемым представляется первое, высказанное еще Г. Спасским в 1820 г. Можно даже утверждать, что создание "Жети жаргы" относится к последней четверти XVII в. и явилось ответным действием казахского Тауке-хана и его окружения на законодательную инициативу ойратского Галдан-хунтайджи (1670–1697 гг.).

Время правления Тауке-хана приходится на один из самых трудных периодов истории казахского народа. Во второй половине XVII в. на западе ханства казахские владетели вели войну с Аштарханидами за господство над Присырдарьинскими городами, на юго-востоке продолжалась изнурительная борьба с джунгарами (ойратами) за обладание семиреченскими кочевьями. По мере распространения экспансии джунгарских феодалов на казахские земли казахи потеряли к 70-м гг. XVII в. значительную часть своих кочевий в Семиречье и на северо-востоке страны. Это вызывало, в свою очередь, внутренние неурядицы и прежде всего борьбу за пастбища среди самих казахов. Возникавшие междоусобицы создавали условия для нарушения традиционного обычая, права и вели к подрыву норм общественной и государственной жизни. Это должно было вызвать стремление к законодательному урегулированию расшатавшихся общественных устоев, поскольку только так можно было мобилизовать все наличные силы для общей обороны от внешнего сильного врага – ойратов, война с которыми была неизбежна.

Однако военно-политической ситуацией Казахского ханства в середине XVII в. не исчерпываются побуждения, вызвавшие появление "Жети жаргы". При его создании несомненно важным и даже определяющим было стремление приспособить нормы обычного права к новым потребностям казахского общества, узаконив при этом лишь те из них, которые соответствовали интересам феодальной знати, создать вместо устаревших и неугодных ей норм новые, выгодные правила.

Таким образом, в "Уложении" хана Тауке нашли свое юридическое выражение те жизненные условия и конфликты казахского общества, те социальные и правовые нормы, посредством

которых каждый индивид общества включался в общественную структуру ханства. Совокупность этих условий и конфликтов, норм и обычаев зафиксирована в "Жети жаргы" и известна по поздним преданиям как законодательная инициатива Тауке и его ближайшего окружения.

"Жети жаргы" дошло до нас в поздних записях русских ученых и известно в двух редакциях, отличающихся вариациями текста и неодинаковым количеством и порядком статей. Одиннадцать фрагментов этого "Уложения", записанные в 1804 г. со слов старшины яппасского рода Кубека Шукуралиева, были опубликованы в 1820 г. Г. Спасским на страницах издаваемого им "Сибирского вестника". Текст второй редакции "Жети жаргы" приводится в сочинении А. Левшина. Между тем и наиболее полная (34 фрагмента "Уложения") запись А. Левшина не представляет "Жети жаргы" в первоначальном его виде. Он записал "Уложение" хана Тауке спустя более ста лет после его составления, что, конечно, не могло не отразиться на точности передачи. Таким образом, анализ "Уложения" хана Тауке затруднен, во-первых, тем, что известно лишь в отрывочных записях-пересказах, во-вторых, тем, что дошедшие до нас тексты представляют собой результат языковой транспозиции (известные ныне варианты "Жети жаргы" зафиксированы на русском языке, а не на языке авторов). Следовательно, социальная, правовая и иная терминология источника не отражают точно понятий, бытовавших в казахском обществе XVII в.

Некоторые соображения о времени составления и общем характере "Уложения" были высказаны Г. Спасским и А. Левшиным. В дальнейшем к "Жети жаргы" обращались многие исследователи правовых обычаев и истории казахов, причем все исключительно по записи А. Левшина (Н. Аполлова, М. Вяткин, Я. Гурлянд, Н. Гродеков, А. Добромыслов, И. Крафт, Ф. Леонтович, Л. Словохотов и др.). Публикация Г. Спасского мало привлекалась. Кстати, текст "Жети жаргы" ни в публикации Г. Спасского (*первая редакция*), ни в публикации А. Левшина (*вторая редакция*) не имеет деления на статьи. Впервые деление первой редакции на 11, а второй – на 34 статьи предложил Ф. И. Леонтович в 1879 г. Оно и стало общепринятым.

Дошедший до нас текст "Жети жаргы", несмотря на его фрагментарность, довольно разнообразен. Он содержит нормы административного, уголовного и гражданского права, а также положения о налогах, религии и др., охватывая, таким образом, разные стороны жизни казахского общества.

Верховная власть, согласно "Жети жаргы", сосредоточена в руках хана. Он судил и наказывал за преступления и проступки, разбирал иски, издавал обязательные распоряжения с целью поддержания общественного порядка, а также устанавливал порядок налогообложения. Однако хан не был единственным носителем власти. Ему, верховному сюзерену, приходилось делить власть над ханством и с султанами и с биями, сосредоточившими в своих руках власть и над подвластными им жителями улусов и родовыми объединениями. Управление общегосударственными делами осуществлялось посредством совокупной деятельности составлявших господствующую группу феодалов. Так, одним из пунктов "Уложения" уточнялся порядок управления ханством султанами и родо-племенными старейшинами. Хан, султаны и бии ежегодно собирались в одно место среди степи для "рассуждения о делах народных" (ст. 31. – здесь и далее ссылки на статьи "Жети жаргы" в основном тексте даются по книге А. Левшина). При этом все они должны были являться на "собрания народные" с оружием. Это требование было настолько неукоснительным, что явившийся на курултай безоружным не имел права голоса и младшие в нарушение всех обычаев могли не уступать ему места.

В "Жети жаргы" узаконивалось регулярное налогообложение боеспособной части населения казахских улусов в пользу хана и биев. Одна из статей "Уложения" гласит: "Чтобы всякий, могущий носить оружие, кроме султанов, платил хану и правителям народным в подать 20-ю часть своего имущества, ежегодно" (ст. 33).

Все казахские племена, роды и поколения должны были иметь свою собственную тамгу. По записи А. Левшина, тамги эти тогда же и были розданы "с обязанностью накладывать их на весь скот и имущество для различения, что кому принадлежит" (ст. 34).

Как и в других правовых памятниках эпохи средневековья, основное место в "Жети жаргы" отводилось уголовно-правовым нормам. Согласно "Уложению", в перечень преступных действий включались: 1) убийство, 2) увечье, 3) изнасилование, 4) побои, 5) воровство, 6) оскорбление, 7) несоблюдение правил сыновней почтительности, 8) прелюбодеяние, 9) кровосмешение. Таким образом, в "Жети жаргы" предусматривалась ответственность за преступления против личности, против имущественных отношений, против нравственности и семьи. Характерно, что в "Жети жаргы" нет понятия "политических и должностных преступлении", преступлений против основных правил государственной жизни и общественной морали и т. п.

За совершение преступлений виновные подвергались различным видам наказаний. В "Жети жаргы" сохранялся *принцип талиона:* "за кровь мстить кровью, за увечье – таким же увечьем" (ст. 1). Впрочем, этот принцип ко времени создания "Уложения" потерял свою прежнюю непреложность: "Наказания могут быть смягчаемы по приговорам судей или согласию истцов, и тогда преступник наказывается только установленною за всякое преступление платою" (ст. 3). Возможность откупа, однако, предоставлялась не всегда, и в четырех случаях узаконивалась смертная казнь: 1) если жена умертвит мужа и родственники не простят ее, 2) если "женщина умертвит от стыда младенца, незаконно прижитого", 3) если муж становится свидетелем акта прелюбодеяния своей жены, 4) если установлен факт богохульства" (ст. 5, 6, 10, 14).

Смертная казнь была двух видов: удавление, побивание камнями (за богохульство). В первой редакции "Жети жаргы" содержится только одна статья, по которой разрешалась смертная казнь: "Воров за кражу верблюда или лошади, когда сделает сам признание или доказан будет четырью свидетелями, для страху другим убивали" (ст. 9). Смертная казнь, в частности за прелюбодеяние и богохульство, на практике, видимо, редко приводилась в исполнение, так как для вынесения приговора по таким делам требовались показания четырех свидетелей, что могло иметь место только в редких случаях.

Самым распространенным видом наказания был кун (имущественное вознаграждение, возмещение). Уплатой куна даже убийца с согласия истцов мог сохранить себе жизнь. Размер куна варьировался в зависимости от социальной принадлежности преступника и потерпевшего (знатный – незнатный, чингизид – простолюдин и т. п.). Например, за каждого убитого мужчину (человека из простого звания) убийца платил его родственникам 1000 баранов, за женщину – 500, а за убийство султана или ходжи кун взимался как за семь взрослых мужчин (ст. 3, 4). Стоимость раба приравнивалась к стоимости беркута или охотничьей собаки (ст. 21).

За членовредительство, побои и оскорбление словами также платили определенным числом скота: большой палец стоил 100 баранов, мизинец – 20 и т. д., обида, нанесенная словами султану или ходже, наказывалась в "9 скотин". За побои взыскивалось "27 скотин" (ст. 3, 4). Интересно, что ойратское "Уложение" гласит: "Кто оскорбит главного князя, того разорить, кто оскорбит чиновных князей или табунангов, с того взять один девяток, кто

ударит, с того взять пять девятков. Кто оскорбит малых князей или табунангов, с того взять пять скотин, если ударивши, сильно побьет, взять три девятка, за малые побои взять два девятка". В "Жети жаргы" зафиксировано правило и на тот случай, если в следствие побоев женщина рожала мертвого ребенка (ст. 8).

При совершении воровства учитывалась стоимость похищенного, и похититель возвращал хозяину "трижды девять (27) раз украденное". Если украли скот, то "виновный должен придать к верблюдам одного пленного (в тексте первой редакции: "одного слугу"), к лошадям – одного верблюда, к овцам – одну лошадь. Сто верблюдов равняются 300 лошадям и 1000 овцам" (ст. 18). При этом лошади и скот, побывавшие в чужих руках, взыскивались с приплодом, кроме скота, угнанного во время баранты. Показательно, что распространенная на практике система материальной компенсации предусматривала поступление дохода от возмещения ущерба в пользу пострадавшего, а не в пользу государства. Согласно же повелению ойратского Галдан-хуйтайджи от 1678 г., судьи должны были выделять определенную часть возмещения "на двор (князя)"; невыполнение этого повеления влекло за собой штраф в двукратном размере.

Кроме смертной казни и материальной компенсации в "Жети жаргы" предусматривалось еще три вида наказания: конфискация имущества, остракизм и предание публичному позору (ст. 5, 15, 17). Первый вид наказания применялся по отношению к людям, принявшим христианскую религию, второй – к беременным женщинам за убийство мужей; третий – за несоблюдение сыновнего пиетета (оскорбление или избиение родителей). В последнем случае виновника сажали на черную корову лицом к хвосту, на шею привязывали старый войлок, корову водили по аулам, при этом виновного стегали плетью.

Совершение двух преступлений одновременно (например, воровство и убийство) влекло за собой суммированное наказание, и виновник нес ответственность за два преступления (ст. 19).

Изнасилование приравнивалось к убийству. Но женитьба на изнасилованной девушке и уплата за нее соответствующего калыма избавляли преступника как от смертной казни, так и от возмещения (ст. 9). В ойратском "Уложении" за изнасилование девушки узаконивался штраф в размере "двух девятков скота".

Согласно "Жети жаргы", уголовная ответственность обычно распространялась на непосредственного виновника. Вместе с тем сохранялся принцип коллективной ответственности родственной группы (ближайшие родственники-сородичи, свойственни-

ки и т. п.). Если, например, ответчик в суд не являлся или не мог заплатить положенного куна, то пени взыскивались с его родственников или с аула. В таком случае родичам и жителям аула предоставлялось право поступать с ответчиком по своему усмотрению (ст. 27).

Гражданские отношения не получили в "Жети жаргы" достаточной разработки. Это объясняется, вероятно, не только и даже не столько фрагментарностью существующих текстов "Жети жаргы", сколько тем обстоятельством, что многие отношения между согражданами регулировались господствовавшими в обществе нормами обычного права, и потому "Уложение" хана Тауке их касалось лишь отчасти.

Субъектом права признавались только свободные – раб не признавался юридическим лицом. "Жалоба раба на господина нигде не приемлется", гласит ст. 16 "Уложения". За владетелем признавалось неограниченное право над жизнью принадлежащего ему раба. По ойратскому "Уложению", "кто убьет своего раба, с того взять пять девятков; кто убьет рабыню, с того взять три девятка", но личная свобода, которой обладала основная масса казахского общества, не всегда представляла собой юридическое полноправие. В ряде случаев ущемлялись права свободных лиц и в первую очередь женщин. Например, женщины, "равно как и работники, слуги и рабы", не могли выступать на суде в качестве свидетелей (ст. 28). Полноправным юридическим лицом был только свободный, "могущий носить оружие" мужчина – хозяин дома, глава семьи. При этом права, которыми обладал или которых был лишен каждый лично свободный мужчина, устанавливались в прямой зависимости от его социального статуса в обществе.

В "Жети жаргы" вошли также некоторые установления шариата, духовного мусульманского права, в частности предусматривающие меры защиты ислама и определяющие наказание за богохульство и переход в христианство. В области семейно-брачных отношений утверждалось право родительской власти над жизнью детей, закреплялось неравноправное положение женщины в семье. "Родители за убийство детей своих ничем не наказываются", – гласит закон (ст. 6). Дети же, напротив, за всякое нарушение сыновней почтительности подвергались различным наказаниям: дочь – наказанию по произволу матери, сын – публичному позору (ст. 17). Жена и дети, знавшие о преступлении мужа или отца и не донесшие на него, не подвергались никакому наказанию, "ибо на старшего в семействе не дозволено доносить" (ст. 20). Мужчина, похитивший чужую жену с ее согласия, мог ее

оставить у себя, уплатив мужу калым и дав ему, кроме того, девушку без калыма; мужчине, похитившему чужую жену без ее согласия, грозила смертная казнь, которая, однако, откупалась уплатой куна (ст. 11). В этой связи небезынтересно привести соответствующую статью из ойратского "Цааджин Бичик": "Кто подговорит (с собою) к побегу жену знатного человека, того штрафовать девятью девятками с верблюдом во главе; кто подговорит (с собою) к побегу жену человека среднего сословия, с того взять пять девятков с верблюдом во главе; за жену человека низкого сословия взять три девятка с верблюдом во главе".

В статье о наследственном праве "Жети жаргы" подтверждались, по видимому, нормы обычного права. После смерти отдельно жившего бездетного сына его имущество поступало к отцу. После смерти родителей малолетние дети отдавались в опеку ближайшим родственникам, а в случае их отсутствия – "посторонним надежным людям" (ст. 22).

Одним из пунктов "Уложения" хана Тауке предусматривалось наследование по "духовному завещанию", которое делалось при родственниках и муллах, что можно, видимо, рассматривать как отклонение от обычного права (ст. 23).

Право творить суд признавалось только за ханом и биями-родоначальниками (ст. 25). Судьям и посредникам за решение дела в качестве судебной пошлины (бийлик) полагалось отдавать десятую часть возмещения (ст. 29). Для обвинения по подозрению в преступлении без очевидных улик требовалось от двух до семи свидетелей (например, четыре – для обвинения женщины в супружеской неверности; семь – для обвинения в богохульстве и т. п.). При отсутствии свидетелей требовалась присяга, но давать ее ни истец, ни ответчик сами за себя не могли, и за них должны были присягать люди, известные своей честностью (ст. 26).

Исполнение судебного приговора характеризовалось следующей особенностью: роль исполнительной власти играла сама выигравшая тяжбу сторона. Способ этот, порожденный отсутствием исполнительных органов власти и применявшийся как один из распространенных методов принуждения виновного и его сородичей к выполнению судебного приговора, приводил на деле к тому, что баранта (насильственный угон скота), нередко оканчивавшаяся кровавым побоищем, рассматривалась в "Жети жаргы" не как самоуправное деяние, а как правомерное явление жизни казахского общества того времени (ст. 30).

В тех случаях, когда дело касалось семейных конфликтов, правами на наказание по своему произволу в порядке осуществ-

ления норм обычного права пользовались, как уже отмечалось, отдельные лица: хозяин – в отношении раба, мать – в отношении дочери, муж – в отношении жены. Наказание за кровосмешение назначалось по приговору семейства, "ибо преступления сего рода не передаются на рассмотрение сторонним людям" (ст. 13).

Характер расследований преступлений и судебных процессов в "Жети жаргы" не отражен. О том, что судебный процесс носил публичный характер, можно судить по сведениям других источников.

Таково основное содержание дошедших до нас текстов "Жети жаргы". Как видно из его состава, основная направленность "Уложения" Тауке – соблюдение привилегий казахской верхушки, защита собственности и господствовавших в патриархальной семье порядков, поддержка мусульманской религии. Судя по тому, что в составлении (или принятии) "Жети жаргы" участвовали представители всех трех казахских жузов, можно заключить, что зафиксированная в нем совокупность правовых норм территориально действовала не только в отдельных жузах, но и в пределах всего Казахского ханства.

Период действия "Жети жаргы" нам в точности неизвестен. По мнению М. Красовского, повторенному рядом исследователей, "Жети жаргы" имело силу, "да и то условно-обязательную", только при жизни хана Тауке (ум. между 1715–1518 гг.). Согласно другому мнению, "Уложение" хана Тауке сохраняло действенную силу и при правлении Абулхаир-хана, т. е. до середины XVIII в. Как считает Т. Культеев, "Уложение" хана Тауке является памятником казахского обычного права, "главным образом действовавшим до начала XIX в". Некоторые полагают, что "Жети жаргы" оставался "основным актом правового регулирования общественно-политических отношений в казахском обществе в течение XVIII и XIX вв.".

Между тем сама постановка вопроса о периоде действия "Жети жаргы" является не вполне корректной. "Уложением" хана Тауке не регламентировались, разумеется, все обычно-правовые нормы, действовавшие среди казахского населения, и наряду с "Жети жаргы" в практической жизни применялись и традиционное право, и новые правовые нормы, возникавшие исподволь, как следствие насущных потребностей времени. Представляется очевидным, что определение периода действия "Жети жаргы" неразрывно связано с проблемой разделения этого традиционного, нового и того, что из действовавших в XVIII – начале XIX в. правовых норм, не зафиксированных в известных нам записях "Уло-

жения" хана Тауке, безусловно, принадлежит (могло принадлежать) "Жети жаргы". Едва ли это можно осуществить, опираясь лишь на имеющиеся фрагментарные записи "Уложения" хана Тауке и не привлекая дополнительных данных историко-этнографического характера.

Иерархия и власть в кочевой степи. Традиционное казахское общество имело строго иерархическое устройство. Идея наследственной аристократии выражалась так, что аристократия и представители так называемых "святых родов" были четко отделены от простонародья.

Высший аристократический слой и самую влиятельную политическую силу казахского общества в рассматриваемое время представляли султаны. Этим арабским словом сирийского происхождения первоначально обозначалось собирательное понятие о верховной власти – владычество, господство, а также власть, правительство. Не позднее второй половины IX в. термин *султан* стали употреблять и для обозначения персонального носителя светской власти, в противоположность имаму, представителю религиозного авторитета. Первым, кто ввел это слово в официальный обиход и надписи на монетах, были Великие Сельджуки (1038–1194 гг.). В Османской империи султаном называли государя. Однако слово *султан* применялось не только к падишаху, но и ко всем принцам и принцессам династии Османов (1299–1922 гг.). В Малой Азии слово *султан* употреблялось также в среде членов суфийского братства и указывало на высокий ранг его носителя. В Улусе Джучи и Чагатайском улусе с XIV в. *султан* обозначало титул каждого члена династии, происходившей от Чингиз-хана.

Султаны-чингизиды составляли высшие сословие социальной иерархии – ак-суйек ("белая кость"). Дети Чингизидов по праву рождения приобретали титул султана и вместе с ним все права, потомственно принадлежавшие этой социальной группе, независимо от экономических обстоятельств, а также нравственных, умственных и физических качеств того или иного лица. Султаном надо было родиться. Родство по женской линии с "золотым родом" султанов не делегировало зятю никаких прав и привилегий Чингизидов. Монопольное право на ханский престол сохранялось только за Чингизидами, для которых право правления в силу происхождения превращалось как бы в естественно присущий им атрибут. При этом сфера действия этого права Чингизидов не зависела от существовавших этнических или государственных границ: каждый Чингизид независимо от того, к какой именно ди-

настии потомков Чингиз-хана он относился, мог претендовать на ханский престол в любом месте, где только еще сохранялись традиции Монгольской империи. Поэтому Чингизиды казахских улусов, например, оказывались то в роли падишаха каракалпаков и кыргызов, то в роли подставных ханов Хивы и Бухары.

Султаны не несли никаких (кроме военных) повинностей. Все Чингизиды казахских улусов имели единую тамгу (клеймо) и один особый уран (боевой клич), выражаемый словом *аркар*, которого простой народ уже не мог употреблять. Привилегии султанов перед другими членами общества состояли также в том, что они были избавлены от телесного наказания и не подлежали суду биев. Творить суд над Чингизидом мог только старший султан или сам хан. Простые люди в разговорах не могли называть их по имени, но вместо имени должны были употреблять слово *таксыр* (господин). При встрече с султаном всякий простолюдин сходил с лошади и, становясь на одно колено, приветствовал его. Султан в ответ на приветствие клал ему на плечо свою руку и отвечал: "Аманба" (здоров ли твой скот и семейство?).

Таким же образом поступали и в юртах. Одним из внешних признаков султанского достоинства считалась белая кошма. На общих собраниях и во всех остальных торжественных случаях все представители белой кости усаживались только на белые кошмы. Султаны непременно должны были иметь шапки, "опушенные чернобурою лисицею и покрытые белой материею". Если простолюдин присваивал себе из тщеславия титул султана, то подвергался наказанию от 15 до 30 ударов нагайкой. Если же человек "черной кости" (простолюдин), выдавая себя за носителя султанской крови, женился на султанской дочери или его родственнице, его подвергали наказанию, выражавшемуся в выплате полного куна, т. е. плате за убийство мужчины.

При всем том султаны казахских улусов не относили себя ни к одному из тюрко-монгольских племен, ни к одному из казахских жузов, не разделялись на колена. Они были только представителями правящей династии и продолжали составлять замкнутую сословную организацию еще в начале XX в., причем права, отличавшие их от других, издавна были наследственными. Политическими правами султанов, осуществляемыми, ими были: участие в общем государственном управлении; в местном управлении; улусно-вотчинное управление.

Многие стороны внутренней жизни населения Казахского ханства остаются неизученными, например воспитание султанов, где и какое образование они получали. То, что по крайней мере

часть казахских султанов и степных вельмож были людьми образованными, показывают источники. Так, казахский хан Шигай (ум. ок. 1582 г.), "выросший в степи и пустыне", по словам автора XVI в. Хафиз-и Таныша, сочинял стихи. Его сын Таваккул-султан (впоследствии хан), славившийся в Дешт-и Кыпчаке своей храбростью и воинской удалью, сочинял маснави. Казахский султан Мухаммад-Мумин, в течение пяти лет занимавший должность аталыка ("попечитель" – один из высших чинов при дворе) при монгольском хане, "был мужем знающим и даровитым, – пишет Шах-Махмуд Чорас, – большую часть "Шах-наме" Фирдауси знал наизусть и книги читал приятно [на слух]". Здесь необходимо упомянуть и Кадыр Али-бия, сына Хошум-бия, представителя племени джалаир, автора начала XVII в. Выходец из Казахских степей и приближенный казахского Ораз-Мухаммад-султана, он сделал сокращенный пересказ на тюркский язык известного сочинения персидского историка Рашид ад-дина "Джами ат-таварих" и составил свод сведений о родословиях и деятельности казахских ханов и султанов XV–XVI вв.

Условия кочевого быта и постоянные феодальные распри, раздиравшие и разорявшие ханство, не благоприятствовали распространению среди казахов письменности и книжного образования. Однако верхушка казахского общества, по крайней мере в части своей, была прослойкой образованной, что можно рассматривать как одно из следствий привилегированного положения этого социального слоя.

К ак-суйек относились и сайиды и ходжи, которых Чингизиды признали первенствующим сословием еще в XIV в., когда в Улусе Джучи и Чагатайском улусе ислам сделался официальной религией.

Сайид – букв. вождь, господин, глава. Сайидами называют в мусульманском мире потомков пророка Мухаммада от его дочери Фатимы и четвертого халифа Али. К женщинам прилагается термин *сайида* или *ситти* (моя госпожа). Сайиды составляли обособленную группу в социальной иерархии мусульманского общества и пользовались у верующих не только почетом, но и многими привилегиями. В сознании мусульман сайиды часто отождествлялись со святыми (аулийа). Сайиды считались главными представителями религиозных идей мусульманства и не подлежали смертной казни. Только они одни могли безнаказанно говорить правду мусульманским государям и даже укорять их за неправедный образ жизни. В "Мунтахаб ат-таварих-и Муини" (нач. XV в.) рассказывается, что государь Золотой Орды Азиз-

хан (правил в Сарае в 1360-х гг.) вел развратный образ жизни, за что подвергся упрекам сайида Махмуда. Хан послушался сайида, даже выдал за него свою дочь и выразил раскаяние, но через некоторое время снова вернулся к прежнему образу жизни и был убит своими приближенными.

Сайиды брали жен из любого сословия, но своих дочерей неохотно выдавали за людей из другого слоя, так как потомки от такого брака, каково бы ни было их происхождение по мужской линии, приобретали все права и привилегии сайидов, потомков пророка Мухаммада. Честь быть сайидом ценилась так высоко и сайиды так мало были склонны допустить в свое сословие путем браков посторонних лиц, что бывали случаи, когда, например, среднеазиатские государи-нечингизиды XVIII–XIX вв. даже насильственно брали себе в жены девушек из потомков Мухаммада, чтобы уже их потомки могли присоединить к своим титулам и почетным эпитетам высокое звание *сайид.*

Ходжа – букв. хозяин, господин. В Туркестане ходжа – почетное прозвание людей, которые, по одной версии, считаются потомками ближайших сподвижников пророка Мухаммада, четырех праведных халифов – Абу Бакра, Омара, Османа и Али (за исключением потомков последнего от брака с дочерью пророка Мухаммада Фатимой), а по другой – потомками первых арабов-завоевателей междуречья Амударьи и Сырдарьи и современного Южного Казахстана (VIII в.). Таким образом, в отличие от Чингизидов и сайидов, ходжи не имеют единой генеалогии. Согласно данным письменных источников, к ходжам, как к представителям святых родов, нельзя было применять физические воздействия. Среди ходжей особенно много было образованных людей, ученых, служителей религии и государственных чиновников. Ходжи стояли вне родовых и племенных общин, а также не причисляли себя ни к казахам, ни к узбекам, ни к таджикам и т. д. Они, как и султаны и сайиды, составляли замкнутое аристократическое сословие, занимали место на вершине социальной пирамиды и пользовались привилегированным положением.

В противоположность белой кости остальной народ назывался *кара-суйек* (черная кость). Для обозначения различных категорий простолюдинов, в отличие от султанов, сайидов и ходжей, употреблялось несколько терминов: *карачу* (*караджи*), *карахалк, каракиши, кулкутаны, шаруа, пукара.*

Согласно сведениям источников, рядовой кочевник – юридически свободное лицо, обладающее личными и имущественными правами. Лично свободный скотовод-кочевник (глава се-

мьи) мог завещать по своему усмотрению имущество, давать свидетельские показания, участвовать в ежегодном народном собрании и т. д. В отличие от аристократического сословия у представителей кара-суйек прочно сохранялось деление на отдельные роды и племена. Соответственно, общественное положение каждого отдельного представителя кара-суйек, будь то потомственный родоначальник или рядовой скотовод-кочевник, определялось степенью привилегированности его рода и племени. Убийство рядового кочевника наказывалось, хотя закон и придавал неодинаковое юридическое значение правам лиц, различавшимся социальным и общественным положением. Но защита личности и имущественных прав свободных лиц обеспечивалась не государственным аппаратом, а исключительно солидарностью членов рода; государство в лице бия-родоначальника только обеспечивало родственникам убитого осуществление права мщения, ограбленного – права на баранту и т. д. Таким образом, отдельная личность имела смысл только как часть рода, и только род был юридической единицей. Этот характерный для кочевого быта способ осуществления прав приводил к тому, что человек, от которого отступился его род, тем самым оказывался абсолютно беззащитным, оставался как бы вне закона.

Старинной по времени и главной по важности повинностью казахов-кочевников была воинская повинность, возлагавшаяся на всех свободных лиц в возрасте, дающем возможность нести ее. Какие права вытекали из военных обязанностей (право участия в народном собрании?), неизвестно, но уже сама по себе способность нести эту повинность налагала на простых кочевников ряд дополнительных обязанностей. Так, по "Жети жаргы", всякий "могущий носить оружие" (кроме султанов и биев) должен был платить хану и биям двадцатую часть своего имущества ежегодно (ст. 33). Как называлась эта подать, в источнике указания нет. Также неизвестно, как отбывалась эта повинность. Можно думать, что поскольку характерной чертой экономики ханства являлось кочевое скотоводство, то и налоговая система для кочевой части населения определялась натуральными видами поставок и взаимных расчетов, а также основывалась на отработочных рентах.

Другой повинностью кочевников-скотоводов была постойная повинность, которую они несли в натуральной форме: население должно было продукты питания, необходимы содержание государя, его семьи и многочисленной свиты, отдавать во время объезда ханом улусов.

Из социальной группы кара-суйек особыми правами обладали только бии – предводители родов и племен. Слово *бии* представляет собой позднее видоизменение старого *бек* (бег) и не встречается в источниках ранее XV в., а тюркское слово *бек* соответствует монгольскому *нойон* и арабо-персидскому *эмир*.

Влияние биев (беков) определялось как многочисленностью и силой, так и древностью происхождения и старшинством возглавляемых ими родов. Бии казахских улусов пользовались некоторыми особыми правами. Так, в пределах подвластных им родов только биям (кроме ханов) принадлежала и судебная, и административная, и военная власть. Эта власть придавала биям определенный политический вес, который выражался в том, что они наряду с султанами участвовали в решении общегосударственных дел, сообща являясь на ежегодно созываемое народное собрание. Наиболее влиятельные родоначальники входили в совет биев при хане. Во время военных походов бии предводительствовали ополчениями своего рода или племени. Бий, являясь важным звеном в системе управления ханством, сочетал в себе, таким образом, по меньшей мере четыре качества: военачальник, административное лицо, судья и представитель степной аристократии. Бии – наследники далекого прошлого, поэтому они так органично усвоили все функции управления, бии (беки, беги) Центральной Азии и Дешт-и Кыпчака древнее Чингизидов. В противоположность Чингизидам – денациональному сословию они составляли национальную аристократию, элиту социальной группы кара-суйек.

Кроме аристократии и простых людей, богатых и бедных, но лично свободных, в обществе кочевников было какое-то число лично несвободных мужчин (кул) и лично несвободных женщин (кюн) – рабов. Основными источниками пополнения рабов были плен, работорговля, долговая несостоятельность. Юридически рабы представляли собой самую бесправную социальную группу общества. Само состояние неволи лишало раба преимуществ правоспособного человека, ставила его наравне с вещью, скотом. Раб не мог выступать в качестве свидетеля, не мог жаловаться на хозяина, даже если тот обходился с ним крайне жестоко. Рабы не несли ответственности за свои преступления. Ответственность за преступления рабов несли их владельцы, которые обязаны были вознаграждать потерпевшую сторону за убытки, причиненные рабом. В свою очередь, дела, касавшиеся рабов, не подлежали суду биев. За все проступки невольника меры наказания определялись хозяином провинившегося. Рабы не несли никаких государствен-

ных повинностей. Общая характерная черта всех рабов, которая отличала их от других слоев общества, – личная зависимость от хозяина. Причем зависимость эта была наиполнейшей, и, согласно "Жети жаргы", только владелец раба был властен над его жизнью или смертью. Составляя, таким образом, собственность владельца, которым могло быть любое свободное лицо ханства, раб служил только своему господину и получал от него известное вознаграждение в виде питания, одежды.

В обществе кочевников существовало, конечно, и деление лиц по имущественному состоянию: богатый (*бай*) – бедный (*кедей*). *Бай* слово тюркского происхождения. Именно в этом значении оно встречается в древнетюркских надписях и в позднесредневековых мусульманских источниках. Самым ранним мусульманским источником, где слово бай употреблено в составе имени как показатель социального положения, является, как полагает В. В. Бартольд, рассказ Джувайни о мусульманине Махмудбае, везире языческого каракитайского гурхана. По мнению ряда исследователей, этнонимы *байындыр* и *байат* восходят к словам *бай* и *байан*. В 1934 г. в Турции предприняли попытку придать слову *бай* новое значение: правительственным указом было предписано, чтобы турецкие граждане при обращении с речью к собранию и отдельному лицу, в беседе и при частной переписке употребляли перед собственным именем мужчин слово *бай,* перед именем женщин – *байан*.

Баем, по словам средневекового автора Ибн Рузбихана, называется в степи всякий "влиятельный богач", владевший большим количеством скота и движимого имущества, включая "домаповозки". Богатство было неотделимо от власти, и люди степи, по рассказу Чингизида Мухаммада Шейбани-хана (ум. в 1510 г.), "прилагают большие усилия и заботы, чтобы в короткое время от размножения овец собрать огромные богатства и чтобы от разведения мелкого рогатого скота добыть в этой бескрайней степи большое состояние". Богатейшие из кочевников имели десятки домов-повозок, сотни верблюдов, по многу десятков тысяч овец и насчитывали в табунах своих по 15, 16 и даже 26 тыс. лошадей. Для скотовладельцев богатство служило предметом тщеславия. "Однажды спросил я одного владельца 8000 лошадей, – пишет А. И. Левшин, – почему он не продает ежегодно по некоторой части табунов своих. Он отвечал мне: "Для чего стану я продавать мое удовольствие? Деньги мне не нужны; я должен запереть их в сундук, где никто не увидит их. Но теперь, когда табуны мои ходят по степям, всякий смотрит на них, всякий знает, что они мои, и всякий говорит, что я богат".

У кочевников баи составляли довольно многочисленную прослойку общества, но не составляли особого сословия: баи были и среди султанов, и среди биев, и среди рядовых кочевников. Другими словами, баи представляли собой социально неоднородную группу кочевого общества. Богатство, материальное благополучие, несомненно, давали огромные выгоды и определяли престиж в обществе. Тем не менее с большое состояние не создавало особых прав. Значение отдельных баев в обществе определялось значением сословия, к которому они принадлежали. Какой-нибудь султан, например, в экономическом отношении мог быть даже бедным, но пользовался всеми правами и привилегиями, даваемыми законом этой социальной группе общества. Звание бая совмещало в себе, таким образом, два признака-экономический и политический. Экономическое значение бая в обществе определялось размерами его богатства, а богатство, являвшееся основой "благополучной и покойной жизни", придавало политическое значение и вес. Согласно "Жети жаргы", бай, если он не был султаном или бием, платил хану, как и всякий "могущий носить оружие", "20-ю часть своего имущества ежегодно".

Старинной и главной по важности повинностью кочевников была воинская. Население степей, по существу, представляло собой вооруженную массу людей. Причем ношение оружия было не только законным правом свободного скотовода, но обязанностью. В силу важности военных традиций в жизни кочевиков воинская доблесть высоко ценилась, и тот, кто в битвах больше других "рубил головы, проливал кровь", пользовался общим уважением в кочевническом государстве. За личную храбрость в сражении и за умелое руководство военными действиями на войне отдельным лицам присваивался почетный титул (звание) батыра, бахадура, багатура (в этом произношении это тюрко-монгольскоо слово не ранее XV в. перешло и в русский язык). Особо выдающиеся многократные герои поля брани получали, как свидетельствует источник XV в., титул или звание толубахадур (толубатыр) – собственно "полный богатырь", т. е. человек безмерной отваги, стойкости, силы. Как титул слово *батыр* прибавлялось к собственному имени храбреца. Этот почетный титул (звание) мог получить за свои личные воинские подвиги и качества любой свободный член кочевого общества, будь он рядовым воином или принцем крови. Звание батыра не передавалось по наследству.

Значение батыров – профессиональных военных – определялось их ролью в военной жизни, а также близостью ко двору хана или влиятельного султана. В большинстве своем они не имели

другой роли в обществе, кроме той, которую давали им их личные качества, и потому чаще других выступали в роли узурпаторов права на управление родами. Слава батыров при этом зависела во многом от степных певцов-импровизаторов. В памятнике средневекового тюркского эпоса, например, говорится: "С кобзой в руке, от народа к народу, от бека к беку идет певец, кто из мужей отважен, кто негоден, знает певец". По своему статусу батыры относились к привилегированной группе кочевого общества.

Определенное место в социальной стратификации общества кочевников принадлежало *аксакалам* (букв. белобородые; перс. *риш-и сафидан*). В тюркских средневековых литературных памятниках принято выделять в жизни человека семь основных возрастных периодов. Шесть из них относятся к ранней стадии жизни человека (к детству, юношескому и зрелому возрасту) и имеют два основных обозначения: *бала* (букв. дитя) и йигит (букв. молодец). Так, емчек бала означает грудной младенец; кичик бала – маленький ребенок до отрочества; боз бала – отрок, йаш йигит – юноша; йигит – мужчина в расцвете сил; йигит агасы – мужчина лет пятидесяти или женщина около 35 лет; *аксакал* или карт – человек в возрасте, старик, или кари и шал (букв. седой, метафорически – старик).

Грудной возраст – самый короткий период в жизни человека, примерно 10–12 месяцев. Судя по тому, что в гареме мальчики находились при матерях лишь до 7–8 лет, а потом их отделяли, переход к следующему возрастному классу (*боз бала)* соответствовал возрасту после 8 лет. Когда отрок достигал возраста йаш йигита, т. е. совершеннолетия, ему, если он был Чингизидом, по словам хивинского хана-историка Абулгази требовались *вилайет* (т. е. владение), *иль* (т. е. подданные) и *мал* (т. е. определенное количество скота и имущества). Совершеннолетие наступало в возрасте 16–18 лет. После 20 лет начинался возраст йигита, т. е. зрелый возраст, а около сорока лет – средний возраст.

Точное определение средней продолжительности жизни в средневековой Средней Азии дать невозможно. Продолжительность жизни различалась в зависимости от социальной категории. Тем не менее в текстах средневековых письменных памятниках неоднократно встречается упоминание людей весьма почтенного возраста – 70–80-летних и даже лиц, достигших ста лет. В эпоху Саманидов (875–999 гг.), согласно известиям Низам ал-Мулька, существовало правило, согласно которому в наместники областей не назначались лица моложе 35 лет. Интересно, что

верхний предел возрастного ценза для молодежи составлял и тогда, в конце первого тысячелетия, 35 лет. Учитывая, что для пятидесятилетних существовало основное обозначение *йигит агасы*, переход к следующему возрастному классу, к *аксакалам,* соответствовал возрасту после 60 лет. Впрочем, точная граница, очевидно, не устанавливалась и была скорее интуитивной.

Средневековые авторы определяют юность как безрассудный, полный принятия жизни период, когда все: и неудача в любви, и обиды ближнего, и личные сомнения, и возможная опасность — все благодать. Годы безжалостно отнимают у людей что-то очень важное, существенное и с ураганной скоростью уносят это в безвозвратную даль. Вместе с тем, уверяют они, возраст одаривает людей опытом и мудростью.

По сведениям источников, аксакалы играли определенную роль в политической жизни: в частности, они выполняли роль парламентеров и ходатаев при заключении мирных соглашений между враждующими сторонами, иногда заменяли на время должностные лица и т. д. Однако мусульманские авторы, как правило, не конкретизируют, что за люди аксакалы. По определению В. В. Бартольда, аксакалы – это лица, фактически без определенных юридических полномочий, пользовавшиеся почетом по своему возрасту, богатству и прежним заслугам. Согласно правилу местничества с подразделениями правой и левой сторон, аксакалы (*карты*), по словам автора "Бахр ал-асрар" Махмуда ибн Вали, располагались при дворе Аштарханидов в XVII в. по левую, почетную сторону. Такое же почетное место аксакалы занимали и в обществе казахов.

Вершину всей феодальной иерархии, верховную власть степного общества представлял облеченный титулом хана султан. Власть хана определялась известными правами и была связана с исполнением ряда функций. Этих прав и функций хана издавна было пять.

1. Хан как глава царствующего рода и верховный сюзерен всех племен имел верховное право распоряжаться всей территорией ханства, всеми землями, принадлежавшими улусам, право, которое было следствием его основной функции и главной обязанности, – вооруженная охрана страны от внешних врагов.

2. Хану принадлежало право объявления войны и заключения мира, бывшее следствием его функции верховного руководителя войск.

3. Хану принадлежало верховное право ведения переговоров с иностранными государствами, что являлось следствием его функции определять внешнеполитический курс государства.

4. Хану принадлежало право убить или оставить в живых своего подчиненного – право, бывшее следствием его функции верховного судьи.

5. Наконец, хану принадлежало право издавать законы и обязательные для всех членов общества приказания – право, бывшее следствием его функции сохранять существующее общественное устройство и порядок.

Однако власть степного хана лишь в редких случаях достигала той полноты, которая не допускает разделения ее с какими-либо другими политическими силами внутри государства. В условиях кочевого общества, где кочевники в силу их исключительной подвижности находятся с ханом в отношениях, при необходимости легко прерываемых, хан чувствовал известную зависимость от представителей степной аристократии, как от каждого наиболее влиятельного в отдельности, так и от всех в целом. Словом, реальная власть каждого отдельного степного хана была персональна и в значительной степени зависела от его личностных качеств, т. е. всякий раз каждый отдельный правитель имел лишь тот объем власти, который давали ему его личные качества.

Таким образом, общество кочевников рассматриваемого периода представляло собой иерархически организованную социальную структуру сословных групп и прослоек, находившихся между собой в тесных и неоднозначных связях.

Социальная организация: улусы и жузы. Итак, высшая знать в государстве была сосредоточена в руках хана, однако единству верховной власти не соответствовало единство управления. Как все государства кочевников, государство казахов рассматривалось в качестве собственности всей царствующей фамилии и распадалось на ряд крупных и мелких владений – улусов. Улус представлял собой основную форму административно-политической организации казахов-кочевников в XV–XVI вв. В пределах улуса были представлены все социальные группы и категории, начиная с Чингизидов и кончая рабами. Первичную социальную ячейку улуса составляла семья-кибитка (в источнике: ханевар), куда кроме членов семьи входили также слуги и рабы. Некоторые число семей-кибиток составляло колено (в источнике: фирке), а некоторое число колен – род или племя (в источнике: таифа), объединение которых и составляло население в улусе. Для обозначения людей всего улуса обычно применялся тюркский термин *эль* (ил, иль). Эль составлял основу улуса: уход, потеря людей означали развал, гибель улуса.

Улус имел свою территорию, которая называлась тюркским словом *йурт*. Как свидетельствуют источники, территории улу-

сов были относительно стабильны и, видимо, хорошо известны даже за пределами собственно Казахского ханства. "В каждом известном улусе есть свой полновластный султан из потомков Чингиз-хана", – говорится в источнике. Власть султана, стоящая над народом-элем, действовала на всем пространстве данного йурта. Таким образом, улус казахов представлял собой сложившееся в условиях кочевого быта автономное административно-политическое образование: наличие определенных йуртов (территории) придавало улусу территориально-географическую стабильность, полновластье султанов сообщало ему политическое содержание, а размещенные в определенной местности роды и племена, составлявшие эль улуса, являлись объектом политической власти, субъектом социально-экономических отношений и вместе с тем составляли вооруженную охрану улуса.

Каждый улус насчитывал в своем составе в среднем около 10 тыс. семей-кибиток, т. е. приблизительно 60 тыс. человек. Однако в условиях, когда только сила обеспечивала безопасность эля и йурта от внешних врагов, самостоятельное существование в степи относительно немногочисленного по количеству населения политико-экономического образования было сопряжено с большими трудностями или вообще невозможно. Поэтому улусы, состоявшие приблизительно из 10 тыс. "домов-повозок", объединялись в более крупные. Принцип объединения был основан на близкородственных связях султанов-правителей. Например, улусы султанов одного семейства составляли улусное объединение, во главе которого стоял самый старший по возрасту. Султаны мелких улусов после смерти своих старших родственников переходили в более крупные. Существовали, видимо, и другие принципы объединения. Улусное объединение не имело своего особого названия, и в источниках определяется через имя крупноулусного султана. Численность населения каждого укрупненного улуса составляла приблизительно 300–400 тыс. человек, а число воинов одного такого улуса колебалась от 30 до 50 тыс. В XVI в. Казахское ханство включало в свой состав около 20 обычных или три укрупненных улуса.

Улусная система являлась, однако, не единственной формой организации казахского общества. По крайней мере с начала XVII столетия все казахские роды и племена были объединены в три группы, именуемые самими казахами *Улу жуз* (Большой, или Старший, жуз), *Орта жуз* (Средний, или Серединный, жуз) и *Киши жуз* (Малый, или Младший, жуз).

Точных сведений о том, когда и как именно образовались казахские жузы, нет. В мусульманских источниках нигде казахские жузы не упоминаются несмотря, на то, что источники, описывающие состояние дел в Восточном Дешт-и Кыпчаке в XVI – начале XVII в. достаточно обильны и рассказывают о множестве деталей военно-политической и культурной жизни того времени. В ираноязычных и тюркоязычных сочинениях есть имена ханов и взаимоотношения между ними, сведения о набегах и войнах, маршрутах и способах кочевания, и даже о таких этнографических подробностях, как технология изготовления мягких кожаных накидок. Но когда речь заходит о территориально-административных структурах Казахского ханства, везде фигурирует термин *улус* (удел-владение, а также государство), и только.

Единого мнения о времени образования казахских жузов. В. В. Вельяминов-Зернов исходил из существования первоначального единого казахского владения, разделившегося в конце XVI – начале XVII в. на три орды (жуза). Такого же мнения придерживается и западноевропейский ученый Л. Крадер, но образование жузов он относит ко времени "вскоре после смерти их [казахов] первого хана Касыма" (ум. в 1518 г.). Иное понимание процесса образования и времени возникновения жузов было высказано М. Красовским. Он полагает, что Казахское ханство сложилось из трех прежде самостоятельных орд, составивших основу трех жузов. Такими ордами, по его мнению, были, во-первых, владения Гирея, Касыма, Тахира, во-вторых, Хакк-Назар-хана и, наконец, Шигая. Так же объясняет образование казахских жузов турецкий историк Р. Арат, но, по его мнению, основу жузов составили самостоятельные владения Бурундука, Касима и Таваккула.

По мнению С. А. Аманжолова и Х. М. Адильгиреева, деление казахских племен на три жуза, начавшись в VII в., завершилось к X в.

В истории казахского народа жузами принято называть союзы племен, осознающих свою принадлежность к **единой** казахской народности и населяющих фиксированную традицией часть казахской территории. Такое понимание термина *жуз* общепринято. Между тем появление определенной группы племен с названием "казахи" может быть отнесено ко времени не ранее этно-территориального разграничения населения Восточного Дешт-и Кыпчака (Узбекского улуса) – узбеков, ногаев (мангытов), узбеков-казахов, т. е. не раньше 10-х гг. XVI в.

Первое упоминание, об одном из жузов зафиксировано в документе, датируемом 1616 г., "Расспросные речи в посольском

приказе служилых людей Т. Петрова и Н. Куницына о поездке в Калмыцкую землю". В нем наряду с упоминанием о собственно киргизском объединении говорится о Большой орде казахов. "И будучи проведали, – читаем в этом документе, – что в Колматцкой земле ныне в подданстве и в их послушанье Казачья Большая орда да Киргизская орда, и тем обеим ордам колмаки сильны". Естественно, что в названии *Казачья Большая орда* заложено, как справедливо отметил В. П. Юдин, косвенное указание на существование и другого объединения, известного нам по более поздним документам, – Казачей Малой орды.

При хане Тауке (начал править после 1652 г.), согласно материалам А. Левшина, для управления тремя жузами "были избраны и подчинены ему три частных начальника": в Улу жузе – Тюлябий, в Орта жузе – Казбек-бий, в Киши жузе – Айтек-бий. Интересно то обстоятельство, что во главе казахских улусов стояли непременно султаны (XV–XVI вв.), а во главе жузов – бии (XVII – начало XVIII в.), т. е. это две различные формы социально-политической организации казахского общество. Причем улусы хронологически предшествовали жузам. На рубеже XVI–XVII вв. обе эти структурообразующие формы существовали на территории Казахского ханства одновременно. В 1612 г. казахский султан Турсун (будущий старший хан) жалуется, что на его *улус* нападают объединенные силы кыргызов и калмаков, а согласно русским источникам, к 1616 г. уже были казахские жузы (Казачья Большая орда).

Здесь мы имеем, видимо, дело с последовательной сменой одной формы организации казахского общества другой, а именно: улусной системы жузами. Смена форм, причины которой нам пока неясны, исторически могла произойти на рубеже XVI–XVII вв. и была, вероятно, закреплена в течение XVII в., чему в значительной степени способствовал переход в этот период в руки казахских владетелей значительного числа туркестанских городов и крепостей. Во главе этих городов (их число было не менее двадцати), по сообщениям источников, стояли казахские султаны. Султаны-градоправители XVII в. в таком случае соответствуют улусным султанам XV–XVI вв. Жузы также претерпели определенные изменения: к 20-м гг. XVIII в. во всех трех казахских жузах появились вместо биев ханы-Чингизиды, родословная которых очень запутана. С тех пор жузы превратились фактически в самостоятельные ханства, которые, однако, не имели особых названий, и хан каждого жуза соответственно именовался ханом Улу жуза, ханом Орта жуза, ханом Киши жуза.

Киши жуз занимал территорию нынешнего Западного Казахстана. Его кочевья располагались на просторах Устюрта и притокам р. Ори, Урала, Илека, Эмбы, в районе Мугоджарских гор, а зимние стоянки – в районе р. Иргиз, по низовьям Сырдарьи, к западу от Аральского моря, на полуострове Мангышлак, у восточной части Прикаспийской низменности. *Орта жуз* занимал территорию Центрального, Северного и Восточного Казахстана. Его летние кочевья и зимние стоянки находились по р. Сарысу, в верховьях Ишима, по притокам Тобола, Тургая, в регионе Улутауских гор и прилегающих к ним озер. *Улу жуз* располагался в Юго-Восточном Казахстане.

С момента возникновения Казахского ханства (Казахского улуса) в 1470–1471 гг. вплоть до начала XVII в. господствовал только один принцип объединения и управления страной – улусный, при котором отдельные роды и племена, сложившиеся в Восточном Дешт-и Кыпчаке в XIII–XIV вв. часто из осколков более древних племен, включались в политическую структуру малых и больших улусов, возглавляемых султанами – представителями правящей династии Чингизидов. Малые улусы, т. е. уделы-владения отдельных именитых султанов (например, улус Джаниш-султана, Таниш-султана, Турсун-султана и т. д.) во главе с ханом формировали один большой улус – государство, которое в одном случае называли по имени одного из ханов (например, Чагатайский улус, Узбекский улус и т. д.) или, как в нашем случае, обозначали скорее социальным, чем политическим термином, до того не имевшем этнографического значения, – термином *казак*.

Первоначально Казахский улус (Казахское ханство) был военно-политическим союзом группы племен Восточного Дешт-и Кыпчака, отколовшихся от группы родственных племен и возглавленных одной их ветвей династии Чингизидов. Этническая консолидация этих племен в рамках одного государства и под управлением одной династии (потомков Джучида Урус-хана) и стала тем процессом, в ходе которого и в результате которого обозначались новые, уже не политические, а этнотерриториальные структуры – *жузы*.

Первым фактором, направлявшим и стимулировавшим появление новых структур, была территориальная лимитация Казахского ханства в условиях достаточно длительной военно-политической стабильности. Оставаясь сообществом кочевых племен, казахское ханство на рубеже XVI–XVII вв. включало в свой состав территории с древними центрами городской и оседло-земледельческой культуры, создавшими определенные зоны хозяй-

ственного и культурного притяжения для населения окружающих их степей.

Вторым фактором, в известной мере являющимся следствием первого, было формирование аульной системы расселения, хозяйствования и быта. Именно этот процесс обращает на себя внимание при анализе источников XVII в. (в XIII–XVI вв. в Дешт-и Кыпчаке господствовала система улусного кочевания, когда огромная масса, возглавленная ханом и султанами, практически непрерывно перемещалась по тысячекилометровым маршрутам тогдашних кочевий).

Не сразу и не повсеместно этот образ жизни заменялся перекочевками небольших семейных групп (*аулов*), связанных между собой не только родственными, но и соседскими и иными отношениями, на ограниченных территориях, с относительно короткими маршрутами передвижения. Кибитки на арбах, "шатры на колесах" сменяет разборная юрта, навьюченная на верблюдов: к началу XVII в. относятся последние по времени известные сообщения об использовании жителями Кыпчакской степи четырехколесных домов-повозок, а в более поздних источниках упоминаются только двухколесные арбы и содержатся лишь описания хотя больших по размерам, но разборных юрт и переносных кибиток.

Переход от кочевания в кибитках на колесах к разборным юртам был крупным изменением быта кочевого населения Дешт-и Кыпчака и предопределил наряду с родственными и генеалогическими связями племен и родов внутри единой политической общности еще и связи территориальные в границах относительно устойчивых зон постоянных перекочевок. Такого рода зоны никак не совпадали с улусным (административным) или тюменным (военным) дроблением общегосударственной территории, и отношения внутри этих зон не могли регулироваться возглавлявшими улусы царевичами-Чингизидами. Новые территориально-родовые связи требовали других регуляторов; ими стали "большие люди" пастбищных общин – *бии*, национальная аристократия, элита социальной группы кар-суйек, почитаемые за знания и умение интерпретировать многовековое народное право, многовековые обычаи, только и позволяющие сохранить в степи присущее кочевым скотоводам мироустройство. Именно вокруг биев начала формироваться та паутина межродовых и внутритерриториальных связей, которая постепенно превращала стихию кочевых племен в хозяйственное и культурное сообщество, агрегация которого осуществлялась единственно возможным тогда спосо-

бом – через установление генеалогических и иерархических взаимоотношений между родами и племенами, между аульными пастбищными общинами, которые представляли вечный круг степного бытия.

Новые структуры и их главы – бии – отнюдь не стремились разрушить или нарушить уже установившуюся политическую и административную структуру Казахского ханства с ее улусами, но для обозначения сформировавшихся зональных сообществ они должны были использовать какие-то термины, выходившие за рамки родо-племенных обозначений и никак не задевавшие обозначения, связанные с высшим военно-политическим управлением. Очевидно, таким термином стал *жуз* (букв. сотня, сто).

Впервые как административный этот термин зафиксирован в сочинении балхского историка Махмуда ибн Вали "Бахр ал-асрар". Согласно ему, Ак-Орда, одно из административных подразделений Джучиева Улуса (Золотой Орды), была также известна под названием *Йуз-Орда.*

Исследователи практически ничего не знают о бытовании этого термина в последующее время – придворные историографы не опускались до описания народной жизни. Вряд ли в ближайшем будущем станет возможным ответить на вопрос: каким образом свершилось превращение одного из невысоких военно-административных терминов в обозначение крупных племенных (аульных) сообществ.

Становление жузов происходило неодновременно. Скорее всего, этот процесс начался в Семиречье, распространившись оттуда на центральную, а вслед за тем и западную части Казахского ханства. Отсюда, возможно, и иерархия жузов, когда старшим и первоначально влиятельным стал именно Семиреченский жуз, а Орта жуз и Киши жуз по времени своего появления (хотя и не уступали по численности племен и территориям Старшему) оказались генеалогически на более низких ступенях. Однако это лишь гипотеза, не все объясняющая и не во всем доказательная. Можно лишь отметить что постепенное возвышение жузовых структур неуклонно вело к упадку прежней социально-политической организации казахского общества – улусов. Султаны неожиданно быстро нашли свое место в новой социально-политической организации – с XVIII в. они стали если и не полновластной, то достаточно влиятельной верхушкой всех трех жузов, при этом сохранив генеалогическую, а значит, и политическую обособленность. Они по-прежнему не относили себя ни к одному из тюрко-монгольских племен, ни к одному из казахских жузов, не

разделялись на колена, составляли замкнутое высшее аристократическое сословие страны.

Таким образом, в социальной структуре казахского общества ханского периода можно четко выделить два главных принципа:

1. Разделение казахского общества на две основные противопоставленные друг другу социальные группы: *ак-суйек* (белая кость) и *кара-суйек* (черная кость), – различавшиеся не столько экономическими, сколько политическими и правовыми признаками. Причем принцип разделения общества на группы по сословному признаку и соединенные с этим признаком различия прав проводилось очень последовательно. Казахское представление о "черной" и "белой" кости ясно показывает, с какой резкостью идея наследственной аристократии выражалась у тюрков.

2. Иерархия родов и племен, которые входили в три объединения, называемые самими казахами Улу жуз, Орта жуз и Киши жуз. Соответственно общественное положение каждого отдельного представителя кара-суйек, будь он потомственным бием или рядовым кочевником, определялось степенью привилегированности его рода и племени. Наличие же трех жузов, т. е. трех объединений племен, принадлежавших к единой казахской народности и населявших фиксированную традицией часть общеказахской территории, делало сообщество казахов крайне строго и очень глубоко ранжированным сообществом. Дело в том, что существовало старшинство не только между родами внутри каждого жуза, но и между самими тремя жузами. При этом старшинство между родами и жузами считалось по прямой линии: самый последний род Улу жуза имел преимущество перед самым старшим родом Орта жуза и т. д. Оправдывалось это тем, что предок старше (*атасы улкен*). Согласно этнографическим наблюдениям, порядок старшинства соблюдался при: определении места в боевом порядке; разделении военной добычи; вступлении в дом и рассаживании по местам; открытии торжества; представлении качества предлагаемого в гостях и на пирах кушанья.

Культура и общество

Историческая литература в XVI–XVII вв. В средневековом восточном обществе знания ценились высоко. Правители заботились не только о военных успехах, но и о привлечении в свое государство, столицу ученых. При захвате военной добычи ученых и ремесленников выделяли из основной массы пленников и доставляли ко двору государя-победителя. Столица восточного мо-

нарха являлась средоточием политической и духовной жизни страны. Придворных историографов и поэтов, явившихся либо по приглашению, либо самовольно или приведенных насильно, содержал при себе каждый правитель, каждый влиятельный султан. При этом большое значение придавалось численности и известности лиц, составлявших ученый персонал двора. Это служило одним из внешних показателей могущества и влиятельности правителя. Меценатство было настолько распространенным явлением, что историки и поэты, добившиеся литературной известности, легко находили применение своим способностям и знаниям при любом дворе независимо от существовавших этнических и государственных границ.

Показательна в этом отношении судьба ученых Ирана и Хорасана. Многие ученые и литераторы, спасаясь от преследований, которым подвергалась суннитская часть населения Ирана после установления там власти Исмаила Сефеви в начале XVI в., бежали в Мавераннахр, Индию или Турцию и находили убежище у новых покровителей. Политическая обстановка, которая сложилась в стране Тимуридов с начала XVI в., привела к утрате Гератом своего значения культурного центра Средней Азии, и представители науки, литературы и искусства рассеялись по разным краям и уголкам мусульманского Востока. Ряд деятелей науки, литературы и искусства Хорасана и Ирана (Мухаммад Салих, Камал ад-дин Бинаи, Васифи, Ибн Рузбихан и др.) поступили на службу к Мухаммаду Шейбани-хану, основателю государства кочевых узбеков Восточного Дешт-и Кыпчака в Мавераннахре, в Туркестане с начала XVI в. появилась значительная историческая литература, получившая в последующее время свое дальнейшее развитие.

Средневековая мусульманская историография создавалась трудом не только официальных представителей науки, прямо или косвенно состоявших на службе у сильных мира сего. В историографическом процессе принимали участие и царственные особы, и члены династий, и сановные вельможи, близкие к государю и двору по роду их службы. Число их невелико, но некоторые выступали в роли авторов исторической книги, по меньшей мере, дважды.

Высокопоставленный автор занимался наукой в часы досуга, чтобы "показать народу свой талант и искусство" (Абулгази). Он был независим от чужой воли, и сочинение вельможного историографа – как правило, свободное воплощение его замысла. Высокопоставленные авторы были людьми образованными, знако-

мыми с общими принципами составления исторической книги, но к осмыслению исторического прошлого и событий собственной жизни были подготовлены по-разному. Историки-вельможи различаются не столько по уровню образованности, степени осведомленности и т. п., сколько по степени индивидуальной одаренности.

Примером тому можно назвать Бабура и его "Бабур-наме", Мирзы Хайдара и его "Тарих-и Рашиди", Абулгази и его "Шаджара-йи турк". Все названные труды – сочинения исторического жанра, но в то же время это разительно несхожие произведения: первое – самоуничижительная исповедь падишаха Бабура; вторая – исполненные болью о судьбе родины и соплеменников горячие строки правителя княжества Кашмир Мирзы Хайдара Дуглата; и, наконец, композиционно несложные, но социально зоркие рассказы Чингизида Абулгази, хана хивинского.

В сокровищнице мусульманской культуры немало бессмертных книг. Мемуары, или "Записки", Бабура (1483–1530 гг.), которые в обиходе называются "Бабур-наме", принадлежат к ним и вместе с тем резко отличаются новизной. Полное имя автора "Записок" – **Захир ад-Дин Мухаммад Бабур.** Имя Бабура – символ человеческого мужества и исключительной целеустремленности, высокого профессионализма и поразительной скромности. Потомок эмира Тимура (правил в Средней Азии в 1370–1405 гг.) в пятом поколении Захир ад-дин Мухаммад Бабур родился 14 февраля 1483 г. в Фергане. В июне 1494 г., когда ему шел двенадцатый год, он наследовал своему отцу в качестве правителя Ферганы. С тех пор он находился в гуще политических и военных событий своей страны и стран Среднего Востока. В самом начале XVI в. власть Тимуридов в Средней Азии пала под давлением северных кочевников из Восточного Дешт-и Кыпчака (современных Казахских степей) и на большей части ее территории воцарилась династия Шейбанидов, возводившая свой род к внуку Чингиз-хана Шейбану (Шибану). Бабур с небольшой кучкой преданных ему людей подался в Афганистан, позже – в Индию и основал там одно из самых блестящих мусульманских царств – империю Великих Моголов (1526–1858 гг.).

Он умер на сорок восьмом году жизни 26 декабря 1530 г. в Агре, столице своей империи и был похоронен в Баги-Арам, на берегу Джамны. Позднее его останки были перевезены в Кабул и погребены в саду Баги Вафа, где они покоятся и ныне.

"Записки" Бабура по жанру относятся к мемуарной литературе. Главный герой – автор, который от своего имени рассказы-

вает о том, что слышал от людей, видел и испытал в жизни. Произведение построено как хроника, как последовательность сменяющих друг друга событий, сгруппированных по годам хронологическими рубриками: "События года такого-то" и т. д. "Записки" начинаются с описания событий 899/1494 г. и обрываются на полуслове при изложении событий конца 935 г. х. (август 1529 г.). Это не просто повествование в форме записок о перипетиях богатой приключениями жизни Бабура, а широкое и многогранное произведение. Десятки лиц, сотни больших и малых событий проходят в повествовании. Мемуары, как ни одно другое известное произведение, отражают своеобразие эпохи, воссоздают жизнь тогдашнего общества во всем ее многообразии.

Оригинальны, своеобразны (и этим обращают на себя внимание читателя) лаконично и четко сформулированные Бабуром характеристики, которые он дает последнему поколению Тимуридов и эпохе правления Султана Хусайна (правил в 1469–1506 гг.) в целом. Афористической емкостью отличается высказывания Бабура о долге, чести, доблести, товариществе и т. п. В них предельно ясно выражено кредо Бабура-историка, государственного деятеля, военачальника.

Органический сплав добротного материала и вдумчивого анализа, трагедийного пафоса и проникновенной лирики, профессионального мастерства и профессиональной этики сделали непреходящей научную ценность "Записок" Бабура. "Бабурнаме" – единственное произведение во всей средневековой тюркоязычной литературе, которое по своим историографическим и литературным достоинствам представители старшего поколения европейских ориенталистов поставили в один ряд с трудами знаменитых греческих и римских авторов.

Настоящее полное имя автора "Тарих-и Рашиди" (Рашидова история) – Мухаммад Хайдар ибн Мухаммад Хусайн Гурган. Но, как пишет он сам, он был известен среди друзей под именем **Мирза Хайдар** – так называют его большинство средневековых мусульманских источников, а также почти все европейские ученые. Дата рождения (т. е. точное календарное обозначение числа, месяца и года) Мирзы Хайдара неизвестна. В своем сочинении он несколько раз лишь упоминает, что появился на свет в 905 г. хиджры (8 августа 1499 – 27 июля 1500 гг.), не указывая ни числа, ни месяца, ни места рождения.

Мирза Хайдар происходил из весьма знатного и влиятельного племени дуглат, поэтому в научной литературе его часто называют Мирза Хайдар Дуглат. Его предки некогда были могуще-

ственными эмирами, по своему желанию возводившими на трон и низлагавшими принцев царствующей династии в восточных областях Чагатайского улуса – на территории современных Юго-Восточного Казахстана, Кыргызстана и Синьцзяна (по терминологии средневековых мусульманских источников – Моголистан). Его отец Мухаммад Хусайн Гурган (зять ханского рода) был близким другом старшего хана (*улуг хан*) моголов Султан Махмуда (правил в Моголистане в 1487–1508 гг.), который в 1495 г. назначил его правителем Ура-Тюбе. Можно лишь допустить, что Мирза Хайдар родился в Ура-Тюбе или в Ташкенте, который в те годы был местом пребывания Чагатаида Махмуд-хана. По матери Мирза Хайдар Дуглат внук чагатайского хана Юнуса (правил в Моголистане в 1463–1487 гг.), отца Махмуд-хана, и двоюродный брат Тимурида Бабура.

По словам самого Мирзы Хайдара, его мать Хуб Нигар-ханым, третья дочь могольского Юнус-хана, "передала клад своей жизни хранителю загробной жизни", когда он был еще младенцем. В 1508 г. отец Мирзы Хайдара Мухаммад Хусайн Гурган Дуглат (так называет его Бабур) был убит в Герате по приказу предводителя кочевых узбеков Шейбани-хана. Так в восемь лет Мирза Хайдар остался круглым сиротой. Чтобы спасти свою жизнь, он бежал из Бухары, через Бадахшан в Кабул, куда прибыл в 1509 г. Владетель Кабула и тех пределов Бабур принял его как сына и определил ему воспитателей. В 1512 г. Мирза Хайдар покинул Бабура, примкнул к Чагатаиду Султан Са'иду, другому своему двоюродному брату, и вместе с ним ушел в Кашгарию, где в 1514 г. Султан Са'ид-ханом было основано Могольское государство с центром в Яркенде, так называемое Яркендское ханство.

Одаренный от природы острым умом и многосторонними способностями, Мирза Хайдар отличался в то же время незаурядной личной храбростью и военными талантами. При участии в судьбе будущего автора "Тарих-и Рашиди" Бабура и Султан Са'ид-хана он получил хорошее мусульманское образование и усвоил литературные и культурные традиции своего времени в разнообразных областях науки, искусства и ремесел. Об этом Мирза Хайдар говорит в предисловии к своему труду; об этом пишет и Бабур: "После того, как его отец был убит узбеками, он пришел ко мне и остался у меня три-четыре года. Потом он испросил позволения отправиться в Кашгар к хану.

Теперь, – продолжает Бабур, – он, говорят, остепенился и стал вести благочестивый образ жизни. К каллиграфии, к рисованию, к изготовлению стрел, наконечников стрел и колец для

натягивания тетивы лука – ко всему его руки были ловки. Дарование к стихам у него тоже есть. Ко мне поступило от него послание: слог его недурен".

Мирза Хайдар одинаково свободно писал на тюрки и персидском и носил поэтический псевдоним *Айаз*. Ему принадлежит поэма на тюркском языке под названием "Джахан-наме", создание которой связано с пребыванием Мирза Хайдара в Бадахшане в 1529–1530 г.

Знатное происхождение и личные способности определили служебную карьеру Мирзы Хайдара: в созданном Са'ид-ханом государстве он занял видное положение. Он возглавил удачную военную экспедицию моголов в Кафиристан зимой 1527–1528 г., принимал деятельное участие в походах хана на Бадахшан, Ладак и Малый Тибет (1529–1533 гг.).

После смерти Султан Са'ид-хана 9 июля 1533 г. на престол в Яркенде вступил его старший сын Абд ар-Рашид, крайне враждебно настроенный против дуглатов. Мирзе Хайдару пришлось покинуть страну и перейти на службу к сыну Бабура, императору Великих Моголов в Индии Хумаюну (правил в 1530–1556 гг.). В 1541 г. Мирзе Хайдару удалось военной хитростью овладеть Кашмиром и основать там для себя фактически независимое княжество. Обаяние его личности, о которой говорят индийские историки, в соединении с дипломатическими способностями позволили ему не только сохранить независимость своих владений в смутные времена императора Хумаюна, но и расширить их за счет новых завоеваний на востоке страны.

Мирза Хайдар Дуглат погиб в Кашмире во время восстания местного населения. По рассказам большинства нарративных источников индийского происхождения, написанных на персидском языке, осенью 1551 г. вспыхнуло восстание местного шиитского населения кашмирского вилайета, направленное против Мирзы Хайдара. Он выступил против мятежников с незначительным отрядом и решил совершить ночную атаку, но прежде на совете приближенных объявил своего младшего брата Мирзу Абд ар-Рахмана престолонаследником, затем отдал приказ своим людям подготовиться к атаке. Так случилось, что ночь выдалась туманной и на редкость темной, и, когда две противоборствующие стороны вступили в стычку, Мирза Хайдар в сутолоке был случайно убит стрелой собственного стрелка Назара Курчи. Воины Мирзы Хайдара, потеряв вождя, отступили и укрепились в крепости Индаркот. Кашмирцы, следуя мусульманским обычаям, похоронили тело Мирзы Хайдара на следую-

щий же день в *Мазар-и Салатин* ("Пантеон правителей" Кашмира) в Сринагаре.

По рассказу историка Фиришта, сразу после описанных событий семья Мирзы Хайдара была переведена в г. Сринагар. Согласно известиям Мухаммада Азама, автора книги под обиходным названием "Тарих-и Кашмир" (История Кашмира), после случившегося "жены, дети и слуги Мирзы со всем своим добром и скарбом подались в Кашгар". Относительно года смерти Мирзы Хайдара Дуглата в источниках содержатся противоречивые сведения. Согласно сведениям "Бахаристан-и шахи", "Тарих-и Азам" и др. это печальное событие имело место 8 зулкада 957 г. х. (19 ноября 1550 г.). В сочинениях Абу-л-Фазла, Фиришта, Мухаммада Азама и других индийских историков, писавших по-персидски, в качестве года смерти Мирзы Хайдара Дуглата приводится 958 г. х. (1551 г.). Эта же дате принята и большинством европейских ученых.

Над могилой Мирзы Хайдара Дуглата в Мазар-и Салатин в Сринагаре сохранилось два надгробия с надписями. Одно из них сделано из небольшого по размерам и почти разрушенного белого мрамора, в средней части которого высечен персидский стих, содержащий хронограмму на год смерти Мирзы Хайдара Дуглата. Разбор хронограммы, которая заключена в словах *казаи-йи илахи*, дает 957 г. х. (1550 г.). Кто был автором этой надгробной надписи с хронограммой, неизвестно, как полагают, надгробие было сооружено в годы правления императора Хумаюна (1530–1556 гг.).

Второе надгробие сделано из крупногабаритного полированного и поныне хорошо сохранившегося черного гранита. Персидская надпись на граните содержит краткие биографические данные о Мирзе Хайдаре и год его смерти по хиджре – 957 (1550 г.). Происхождение этого, второго, надгробия хорошо известно. Зимой 1822–1823 г. Mr. William Moorcroft, известный деятель Ост-Индской компании, отправился из Индии в Мавераннахр для "покупки бухарских лошадей". По пути, оказавшись в Кашмире, он приказал Мир Иззатулла Моголу, который сопровождал его в поездке, соорудить над могилой Мирзы Хайдара Дуглата новое, достойное его надгробие, что и было исполнено 23 февраля 1823 г.

Мирза Хайдар был не только искусным военачальником и талантливым организатором, но и выдающимся историком, написавшим один из самых интересных памятников мусульманской исторической литературы – "Тарих-и Рашиди". "Тарих-и Рашиди" (Рашидова история) была написала в Кашмире в 1542–1546 гг.

на персидском языке. Стимулом для создания "Тарих-и Рашиди" Мирза Хайдар считает желание передать потомству свои уникальные, с его точки зрения, знания. "На каком основании мог решиться сей нижайший из рабов божьих, лишенный способности, на то, чтобы черкать бесталанным казамом по белизне бумаги?". По причине того, пишет далее Мирза Хайдар, что в дни молодости он слышал от повествователей преклонного возраста предания о могольских ханах и был очевидцем ряда событий их истории. Теперь, по прошествии многих лет, когда Мирзе Хайдару самому пошел пятый десяток, он оглянулся на себя, на равных себе и узрел, что не осталось никого, кто знал бы эти предания и кто мог бы рассказать о тех обстоятельствах. Тогда у него и появился замысел собрать воедино все, что содержится в анналах истории о могольских ханах и племенах после принятия ими ислама, присовокупить к этому то, что услышано от "надежных людей", добавить все, что видел своими глазами, и составить книгу в двух частях.

Но это было не единственной причиной написания "Тарих-и Рашиди". Для самого Мирзы Хайдара сочинение не было случайным эпизодом его литературной деятельности: оно было вызвано к жизни не служебными обязанностями, а личными мотивами. В предисловии говорится, что хотя теперь он покинул свою страну и отделился от моголов и Абд ар-Рашид-хан очень плохо обошелся с ним и его родственниками, тем не менее он не может забыть доброту отца последнего, Султан Са'ид-хана, который принял его к себе как сироту в возрасте тринадцати лет, нежно любил его как своего сына и в течение двадцати четырех лет оказывал почет и уважение, под чьим руководством и наставлением он и достиг образованности и учености. Он желает поэтому на зло ответить добром и независимо от того, примет ли благосклонно ханский сын этот труд или пожелает отвергнуть, он посвящает свое сочинение Рашид-хану для того, чтобы напомнить ему о себе и оставить память о нем людям. Основное содержание "Тарих-и Рашиди" – история восточной ветви Чагатаидов, внутренняя борьба в улусе, подготовившая возвышение племени дуглат и правление его владетелей в Восточном Туркестане. Являясь основным и единственным в своем роде источником по истории Моголистана второй половины XIV – XVI в., "Тарих-и Рашиди" содержит такой же богатый фактами и нередко уникальный по характеру материал по истории ряда тюркских народов Центральной Азии, равно как и тибетцев, кафиров и кашмирцев; таково, например, его описание нравов и обычаев жителей Кафиристана

и Малого Тибета; таков его рассказ о тянь-шаньских киргизах, имеющий важное этногенетическое значение и вызвавший массу исследовательской литературы.

Сочинение Мирзы Хайдара Дуглата занимает выдающееся место среди первоисточников по истории Казахского ханства: сообщения о казахских владетелях, содержащиеся в "Тарих-и Рашиди", в совокупности единственное в средневековой мусульманской историографии связное изложение предыстории, истории образования и ранней истории казахского ханства. Таким образом, Мирзу Хайдара Дуглата можно с полным правом называть первым историком первого казахского государства (1470–1718 гг.).

Не выходя за рамки обычных для средневековых писателей представлений об истории как об арене деятельности исключительно государей, их военачальников и сановников, Мирза Хайдар, в отличие от большинства этих писателей, обладал важным для историка качеством – знанием людей и событий, которое счастливо сочеталось в нем с природным умом, наблюдательностью и литературным даром. Передавая могольские предания и события своей собственной жизни, характеризуя действующих лиц и выдающихся деятелей той эпохи, он выявляет немногие, но характерные черты людей и событий. Его "Тарих-и Рашиди", как и "Записки" Бабура, – любопытный человеческий документ, отражающий живое впечатление автора, жившего в ту политически неустойчивую в истории Центральной Азии эпоху. Колоритно и ярко описанные впечатления самого Мирзы Хайдара и его близких о разнообразных событиях тех лет представляют огромный интерес для характеристики нравов и понимания чувств и настроений людей в тот переломный для истории значительной части Азии период.

Мусульманские писатели высоко оценивают историческое сочинение Мирзы Хайдара. Известный ираноязычный автор рубежа XVI–XVII вв. Амин ибн Ахмад Рази писал: "От него явились в мир благие дела, был он многих и высоких дарований; правописание его было чисто, стиль ясный, стих изящный. Он был незаурядной храбрости и отваги и искусный военачальник, так что по указанию Султан Са'ид-хана он прошел путем через Кашгар в Тибет, вошел в Кашмир и водрузил там знамя владычества. В другой раз вторгся он в этот вилайет дорогой через Хинд и почти целых семь лет независимо управлял страной. В конце концов в Кашмире он нашел свой конец. Его "Тарих-и Рашиди", написанная на имя Рашид-хана, правителя Кашгара, пользуется всеобщей известностью".

Рукописная традиция, связанная с "Тарих-и Рашиди", богата и разнообразна. В настоящее время наука располагает данными о существовании более 30 списков исторического труда Мирзы Хайдара, текст "Тарих-и Рашиди" часто цитируется многими мусульманскими авторами, известно несколько ее переводов на тюрки.

Сочинение Мирзы Хайдара оказало заметное влияние и на европейскую ориенталистику. Начиная с середины XIX в. каждый ученый, касавшийся каких-либо проблем, связанных со средневековой историей Туркестана и Северной Индии, обращался к этому труду. Для темпов изучения "Тарих-и Рашиди" западноевропейской наукой показательно, что уже в 1895 г., благодаря усилиям Н. Илайеса (N. Elias) и Е. Росса (E. Ross) был опубликован английский перевод сочинения Мирзы Хайдара с предисловием, обширным введением и приложением (re-issue 1898; repr. 1970, 1973). В начале 1990-х гг. американский ученый W. Thackston опубликовал персидский текст "Тарих-и Рашиди" с новым переводом на английский язык.

Каждый из переводов "Тарих-и Рашиди" на европейские языки имеет свои достоинства и недостатки, но все они являются сокращенными переводами.

Абулгази-Бахадур-хан – тоже человек большой биографии и сложной судьбы. Вся его жизнь прошла в гуще политических событий. В то самое время, когда Абулгази, преодолев сопротивление политических соперников, сделался ханом Хивы, текущие интересы страны потребовали историю династии, и он, государь, осуществляя насущные потребности времени, становится историографом собственной династии.

Абулгази, сын хивинского хана Араб-Мухаммада (правил в 1602–1621 гг.), происходил из рода Шейбана (Шибана), сына Джучи, старшего сына Чингиз-хана. Будущий хивинский хан и историк родился в Ургенче 12 августа 1603 г. У Араб-Мухаммада, кроме Абулгази и Исфандиара, которые родились от Чингизидки Михрибану-ханым, было еще пять сыновей от других жен.

Четыре старших сына хана, разделившись по признаку принадлежности к одной матери, враждовали между собой. Обессиленный Абулгази бежал из Ургенча в Хиву, куда еще до этого переселился сам Араб-Мухаммад-хан. Двое из старших сыновей Араб-Мухаммад-хана – Хабаш и Ильбарс, – рожденные от найманки, подстрекаемые главарями найманов и хорезмских уйгуров, "упоенными вином властолюбия", возмутились против отца, "запачкав грязью ослушанья платье доброго имени". Семейные раздоры закончились трагедией. В 1621 г. Араб-Мухаммад-хан,

Исфандиар и Абулгази, с одной стороны, Ильбарс и Хабаш – с другой сразились на поле брани. Первые потерпели поражение: хан попал в плен к Ильбарсу и Хабашу, которые приказали выколоть отцу глаза (по представлениям той эпохи незрячий государь не может управлять страной). Несколько позже Ильбарс повелел вовсе умертвить отца, а заодно двух младших братьев, Хорезмшах-султана и Авган-султана, и двух племянников, сыновей Исфандиар-султана.

Абулгази бежал в Кят, оттуда – в Бухару, к Аштарханиду Имам-Кули-хану (правил в 1611–1642 гг.). В 1623 г., когда Исфандиар, убив сводных братьев Ильбарс-султана и Хабаш-султана, сделался ханом всего Хорезма (область нижнего течения Амударьи), Абулгази вернулся на родину. Но в 1625 г. был вынужден бежать вновь и, ища убежища, прибыл в г. Туркестан, пробыв около трех месяцев у казахского хана Ишима. Затем Абулгази в течение двух лет жил в Ташкенте у старшего казахского хана Турсун-Мухаммад-султана (правил в 1613–1627 гг.).

В 1629 г. Абулгази с помощью вероломства и интриг был отправлен своим единоутробным братом Исфандиар-ханом (правил в 1623–1642 гг.) в качестве заложника к шаху Ирана. Шах Сафи I, вопреки ожиданиям Исфандиар-хана, отнесся к молодому султану весьма благосклонно и определил местом его жительства г. Исфахан, выделил ему дом и назначил 10 000 туманов в год на содержание.

По словам самого Абулгази, он провел в Персии десять лет, а на одиннадцатом ему удалось бежать. В 1641 г. он прибыл в Ургенч. Весной 1642 г. умер его брат Исфандиар-хан. В 1643 г. аральские узбеки провозгласили Абулгази ханом, а полноправным правителем всего Хорезма он стал лишь весной 1645 г.

Будучи уже ханом Хивы, Абулгази написал на среднеазиатском тюрки два исторических сочинения: "Шаджара-йи таракима" (Родословная туркмен) и "Шаджара-йи турк" (Родословное древо тюрков).

"Шаджара-йи таракима" написана в 1071/1660–1661 г. Это, по замечанию академика В. В. Бартольда, специальное историческое сочинение о туркменах, какого ни об одном из других тюркских народах нет. Оно переведено на русский язык и издано в 1958 г. А. Н. Кононовым.

В 1663 г. Абулгази-хан, фактически поручив управление ханством своему сыну Ануше, задумал составить историю своей династии, но, не найдя никого, кому бы он мог поручить эту работу, был вынужден выполнить ее сам. "Так как по недостатку по-

кровительства наукам со стороны наших предков и старших родственников и по причине невежества народа хорезмского, по этим двум причинам, – пишет Абулгази, – не было написано исторических сочинений о нашем роде с того времени, как предки Абдаллах-хана отделились от наших предков, и до нашей поры, то я задумал поручить кому-нибудь составить такую историю. Но, не найдя человека, способного к этому, я в силу необходимости сам написал летопись своей династии, следуя тюркской поговорке: "Сирота сам себя повивает". В другом месте Абулгази приводит интересные сведения о том, как создавалось "Родословное древо тюрков. Абулгази пишет: "Задумав эту историю, я предполагал подробно изложить генеалогию знатных государей и мудрых биев моголов и узбеков; описать по порядку все деяния, ими совершенные, передать слова, ими сказанные, и написать таким образом большое произведение. Но в то время, когда я собрался было осуществить задуманное, я заболел. Болезнь моя затянулась, и я подумал: "Если умру, то книга останется ненаписанной. Человека, знающего, как я, данный предмет и особенно историю нашего дома от Йадгар-хана до меня, ничтожного, нет. Этого не знает ни один человек из чужого йурта, да и в нашем народе никто не знает про это. Если я унесу мои знания в могилу, то какая будет польза?" Поразмыслив так, я посадил четырех писцов и стал диктовать им события со времен Адама до Джучи-хана, иногда заглядывая, а иногда и не заглядывая в древние исторические сочинения, потому что все те события я помнил наизусть. [При изложении исторических событий] от Шибан-хана до моего времени я ни разу не заглядывал в книги, а поведал то, что было у меня в памяти. Но поскольку из-за болезни ум мой утомлялся и диктовал я иногда сидя, иногда лежа, то и сократил рассказы. Изложение их хотя и краткое, но значение их немалое". Болезнь Абулгази оказалась серьезной, лечение не дало положительного результата, и в марте 1664 г. он умер. По поручению его сына и преемника Ануша-хана (правил в 1663–1687 гг.) сочинение Абулгази было закончено неким Махмуди, сыном ургенчского муллы. "Родословное древо тюрков" было введено в научный оборот еще в XVIII в.

В числе представителей интеллектуальной элиты казахского общества XV–XVI вв. был **Кадир-Али-бий** из племени джалаир, переводчик и *первый* историк-казах, имя и сочинение которого сохранились до наших дней.

В один из дней 1572 г. в семье Ондан-султана, сына казахского хана Шигая (умер в 1582 г.), родился мальчик, которого нарек-

ли именем Ораз-Мухаммад. Когда Ораз-Мухаммаду исполнилось 13 лет, на войне с калмаками погиб его отец Ондан-султан, храбрый воин и отменный стрелок, всегда ходивший в передовом войске. Ондан-султана похоронили в г. Туркестане под сенью Ходжа Ахмеда Яссави. В 1588 г. в Западной Сибири воеводой Д. Чулковым был захвачен в плен со свитой Чингизид Саид-Ахмад (Сейдяк), сын Бекбулата, соперника сибирского хана Шейбанида Кучума. Среди пленных был и казахский султан Ораз-Мухаммад. Каким образом и почему он оказался в свите Саид-Ахмада, неизвестно. Тогда же знатный пленник был доставлен в Москву. Таким вот неожиданным образом в 16 лет Ораз-Мухаммад въехал в Россию.

Ораз-Мухаммад принимал участие во многих мероприятиях русских царей: в приеме послов в Москве, походе русских против шведов (1590 г.), против крымцев (1598 г.) и т. д. В 1600 г. за личные заслуги перед страной государь Борис Федорович Годунов пожаловал казахскому султану Ораз-Мухаммаду Касимов (расположен на Оке в Рязанской губернии) с волостями и со всеми доходами и даровал ему вместе с тем титул хана Касимовского. Так султан Казахских степей Ораз-Мухаммад волею случая оказался в Москве, а в 28 лет стал ханом Касимова и сполна разделил судьбу России в трудные годины ее истории. Воцарение Ораз-Мухаммада в Касимове подробно описано в сочинении Кадир-Али-бия, причем автор был очевидцем этого события и даже участвовал в обряде возведения султана в хана.

О Кадир-Али-бие, сыне Хошум-бия, известно только то, что он сам сообщает о себе в своем труде. По его собственным словам, он происходил из племени джалаир, рода тарак-тамгалы, раньше состоял на службе у предков Ораз-Мухаммада, а теперь служит ему самому. Когда и при каких обстоятельствах Кадир-Али-бий оказался в центре России рядом с плененным в 1588 г. в Западной Сибири казахским царевичем, ничего не известно. Мы не знаем, где он обучался, кто был его учителем. А между тем, судя по всему, Кадир-Али-бий получил основательное мусульманское образование, владел персидским языком, хорошо знал генеалогию казахских султанов и был начитанным человеком. И еще Кадир-Али-бий был благородным человеком. Когда Борис Федорович Годунов в 1600 г. пожаловал Ораз-Мухаммаду г. Касимов с округами и даровал ему титул хана, неотлучно находившийся при султане Кадир-Али-бий решил своеобразно отблагодарить русского царя за внимание к его господину и в 1602 г. написал сочинение, чтобы представить, по его собственным сло-

вам, в должном свете правосудие и истину государя Бориса Федоровича, а также описать, как государь с почестями посадил на ханство Ораз-Мухаммада.

Это небольшое по объему сочинение, известное под условным названием "Джами ат-таварих" (Сборник летописей), представляет собой сокращенный рассказ-перевод на средневековый литературный тюркский язык отдельных разделов огромной всеобщей истории знаменитого персидского ученого начала XIV в. Рашид ад-дина (ум. в 1318 г.), дополненное изложением некоторых событий, происходивших в последующие времена в Восточном Дешт-и Кыпчаке. Особую ценность представляют сведения Кадир-Али-бия о генеалогии казахских ханов и султанов. Крупным недостатком сочинения является отсутствие датировки описываемых событий, а несколько дат, которые приводятся на последних страницах его книги, на поверку оказываются неточными. Последнее объясняется, по всей вероятности, плохим качеством дошедших до нас списков сочинения Кадир-Али-бия.

Дата смерти Кадир-Али-бия неизвестна. По мнению российского востоковеда Н. И. Березина (1818–1896 гг.), первого исследователя и издателя сочинения Кадир-Али-бия, он умер до 1605 г., т. е. прежде наступления на русской земле "смутного времени", в котором принимал деятельное участие Ораз-Мухаммад: "Иначе он не оставил бы дополнить свою летопись последующими событиями". Сочинение Кадир-Али-бия – единственный известный пока исторический труд, созданный представителем казахских племен в духе мусульманской историографии. Сведения Кабир-Али-бия о Казахском ханстве XV–XVI вв. основаны на надежных местных источниках и могут указывать на существование в казахском обществе если не собственной письменной традиции, то живого интереса к генеалогии и вопросам политической истории.

ЛИТЕРАТУРА

Абусеитова М. Х. "Ахсан ат-таварих" Хасан-бека Румлу как источник по истории казахских ханств //Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. 1. М., 1977.

Абусеитова М. Х. Из истории казахско-среднеазиатских отношений: события 1598–1599 годов //Казахстан в эпоху феодализма: (проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981.

Абусеитова М. Х. Из истории внешнеполитических связей Казахского ханства с соседними государствами во второй половине XVI в. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI– XVIII вв. Алма-Ата, 1983.

Абусеитова М. Х. Казахстан и Центральная Азия в XV–XVIII вв.: история, политика, дипломатия. Алматы, 1998.

Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1–9. М., 1963–1977.

Басин В. Я. Россия и казахские ханства XVI–XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма-Ата, 1971.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Т. 1–2. М.; Л., 1950.

Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв.

Левшин А. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 1–3. Спб., 1832.

Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов. Москва; Алматы, 1995.

Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргиз составил полковник генштаба Красовский. Ч. 1–2. Спб., 1869.

Материалы по истории политического строя Казахстана. Вып. 1. Алма-Ата, 1960.

Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков: извлечения из персидских и тюркских сочинений. Алма-Ата, 1969.

Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи. XVII–XVIII вв. Алма-Ата, 1991.

Пищулина К. А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV– начале XVI века: (Вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата, 1977.

Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. 1–3. М.; Л., 1950–1960.

Словохотов Л. А. Народный суд обычного права киргиз Малой Орды // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 15. Оренбург, 1905.

Спасский Г. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой Орды //Сибирский вестник. Ч. 2. Спб., 1820.

Юдин В. П. Известия "Зийа ал-Кулуб" Мухаммад Аваза о казахах XVI века //Вестник АН КазССР. 1966. № 5.

Юдин В. П. "Тарих-и Шейбани" как источник по истории казахского и каракалпакского народов в XVI–XVII вв. // Тезисы докладов научной конференции профессорско-преподавательского состава КазГУ. Гуманитарные науки. Алма-Ата, 1971.

ЧАСТЬ 4

СОВЕТСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ГЛАВА 1. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ

Аграрная периферия

В начале XX в. территория Средней Азии и Казахстана была колониальной окраиной Российской империи. В рамках административного управления она была отнесена к Туркестанскому (центр – г. Ташкент) и Степному (г. Омск) генерал-губернаторствам.

В Туркестанском крае в качестве крупных административных единиц были выделены Самаркандская, Ферганская, Закаспийская, Семиреченская и Сырдарьинская области (во главе их стояли утверждаемые российским монархом военные губернаторы). К последней относилась отторгнутая у Хивинского ханства территория правобережья Амударьи, так называемый Амударьинский отдел. В пределах Туркестана находились Бухарский эмират и расположенное в Хорезмском оазисе Хивинское ханство. Формально сохраняя государственную независимость, они имели статус российских протекторатов. В состав Степного генерал-губернаторства были включены Акмолинская, Семипалатинская Уральская и Тургайская области.

В Туркестанском генерал-губернаторстве проживало около 7,7 млн. человек (по переписи 1897 г.), в Бухарском эмирате – 2,5 млн. и Хивинском ханстве – около 900 тыс. человек. В Степном крае (Казахстан) численность населения составляла более 4 млн. человек. Структура народонаселения отличалась этнической пестротой. Она включала в себя как автохтонные, так и пришлые народы (хотя, как мы смогли убедиться ранее, на фоне длительной, насыщенной самыми разными метаморфозами этногенетической истории региона данные понятия обретают относитель-

ный, а в известной мере – условный характер). Далеко не везде носители той или иной этничности локализовались в границах четко обозначенных ареалов. В ходе многовековой социальной адаптации (освоения) региона сформировались своеобразные этнические анклавы, различные включения и вкрапления в иноэтнические массивы.

Среди наиболее многочисленных этносов, проживавших в Туркестане, были узбеки (35,8 % населения), казахи и киргизы (44,4 %), таджики (6,8 %), туркмены (около 5 %), каракалпаки (2,3 %)[1]. В Степном крае абсолютное большинство населения составляли казахи (в 1914 г. – 58,5 %)[2].

По мере военно-казачьей и переселенческой колонизации в крае стали оседать русские, украинцы, белорусы, а также представители других народов внутренней России. С началом столыпинской реформы этот сегмент в этнодемографической структуре региона стал увеличиваться еще интенсивнее. Если с 1891 по 1905 г. в пределы Степного генерал-губернаторства (Акмолинская, Семипалатинская, Уральская и Тургайская области) переселились 291 114 чел. из районов России, то с 1906 по 1915 г. – 1 067 742. В Туркестанском крае к 1916 г. осело 336 тыс. переселенцев, из них 236 тыс. человек – в Семиреченской и почти 73 тыс. – в Сырдарьинской областях. Всего, по некоторым оценкам, в конце XIX – начале XX в. в Туркестан и Казахстан переселились более 1,5 млн. человек[3]. В год начала империалистической войны удельный вес русского этноса во всем населении Казахстана приближался к 30 %[4].

В социально-экономическом отношении край являл собой обширную докапиталистическую аграрную периферию. Историко-культурные области и провинции, сложившиеся в регионе, развивались в русле весьма противоречивых явлений внутренней динамики, характеризовавшихся процессами как взаимотяготения, так и отталкивания.

Сохранялись традиционные изломы хозяйственно-культурной дифференциации, совпадавшие с "разрывами" природных ландшафтов и этнокультурных границ. Их данность определяла занятость сельского населения преимущественно в трех хозяйственных комплексах. Узбеки, таджики, каракалпаки, уйгуры, русские, большинство туркмен и отчасти киргизы были связаны с поливным и богарным земледелием. Казахи, киргизы, туркмены, полукочевые узбеки выступали носителями скотоводческого типа хозяйственно-культурной деятельности. Комплексная экономика (сочетание земледелия и скотоводства) была

характерна для всех этнических групп крестьянства (кроме европейского).

Являясь аграрно-сырьевым придатком Российской империи, край поставлял на внешние рынки значительные объемы сельскохозяйственной продукции. Так, в 1911 г. Центральная Россия получила из Туркестана около 179 тыс. т хлопка, 22 тыс. т хлопкового масла. Из Бухары и Хивы в 1916 г. было вывезено соответственно 35 и 16 тыс. т хлопка. Накануне империалистической войны текстильная промышленность России более чем наполовину удовлетворяла свои потребности в сырье за счет туркестанского хлопка[5]. Кроме того, в Россию вывозились фрукты (в 1906 г. – 44,3 тыс. т), продукция шелководства (в 1909 г. – около 2 тыс. пуд. коконов, шелка и грены)[6].

Нараставшая интеграция края в российское геоэкономическое пространство способствовала товаризации животноводческой отрасли. Так, в 1912 г. по Ташкентско-Оренбургской железной дороге из Казахстана было вывезено 120 тыс. голов скота. Ежегодная отгрузка кож за период с 1906 по 1910 г. на этой железнодорожной магистрали составляла около 9, а шерсти – 13 тыс. т. Только в один год (1912 г.) из Акмолинской области на российские рынки поступило животноводческой продукции на сумму 23,5 млн. руб., а из Тургайской и Уральской областей – на 20 млн. руб. (1910 г.)[7]. Широкий поток поставок шел из Туркестана. Ежегодно отсюда вывозилось 8 тыс. т. шерсти, 24 тыс. т сырьевых кож. Вывоз каракулевых шкурок в 1910 – 1913 гг. увеличился вдвое и составил 1800 тыс. штук[8].

Из сказанного видно, что в рассматриваемый период степень товаризации аграрной сферы материального производства была довольно высокой. Однако этот вывод приложим к сельскому хозяйству края лишь как отрасли в целом. Что касается индивидуального крестьянского хозяйства, то оно на массовом уровне продолжало замыкаться в рамках самодостаточной натуральной автаркии своего домашнего производства.

Иначе говоря, развитие процессов товаризации сельского хозяйства как отрасли и индивидуального крестьянского производства имело не то что несовпадающий, но даже разнонаправленный характер. Такая асимметрия предопределялась двойственностью аграрной экономики, которая, сохраняя свою докапиталистическую природу, начинала в то же время подвергаться влиянию капиталистических отношений. Но, несмотря на эту общую закономерность регионального развития, наблюдалась и существенная дифференциация.

По охвату товарно-денежными, рыночными связями скотоводство значительно уступало земледельческому комплексу, а внутри последнего наиболее развитым в этом отношении было растениеводческое хозяйство, ориентированное на производство технических культур – главным образом хлопка. Объяснялось это тем, что целью производства продовольственных культур являлось обеспечение прежде всего собственных потребительских нужд натурального хозяйства, тогда как продукция хлопководства почти в полном объеме принимала форму товара и отчуждалась на рынок. А рынок этот с превращением Туркестана в периферию российского капиталистического хозяйства становился все более емким.

Бурное развитие текстильной промышленности в Центральной России резко подняло спрос на хлопковое волокно. Между тем гражданская война в Северной Америке (1860-е гг.) вызвала негативные конъюнктурные тенденции в мировой хлопковой торговле (сужение экспортных источников, рост цен и т. д.). В поисках альтернативного канала, призванного питать сырьем текстильные фабрики метрополии, была сделана ставка на районы Средней Азии, где разведение культуры хлопчатника имело давно сложившуюся традицию. Регион привлекал не только и не столько выгодным географическим расположением, сколько своим колониальным статусом и наличием огромной и дешевой туземной рабочей силы.

Очень скоро Туркестанский край стал превращаться в гигантскую хлопковую плантацию Российской империи. С 1888 по 1916 г. земельные площади, занятые под хлопком, увеличились почти в 10 раз, достигнув 680 тыс. дес. В целом по краю хлопковые поля занимали 20 % всего земельного клина, а по некоторым областям – до 30 %[9]. Причем это были наиболее плодородные земли с благоприятным гидрографическим режимом.

Высокопоставленный российский чиновник— управляющий землеустройством и земледелием писал в своей служебной записке: **"Каждый лишний пуд туркестанской пшеницы – конкуренция русской и сибирской пшенице; каждый пуд туркестанского хлопка – конкуренция американскому хлопку. Поэтому лучше дать краю привозной, хотя бы и дорогой хлеб, но освободить в нем орошаемые земли для хлопка"**[10]. Руководствуясь этой имперской концепцией, царская администрация делала все, чтобы хлопок стал монокультурой региона. Для более интенсивной сырьевой эксплуатации края были построены Среднеазиатская и Оренбургско-Ташкентская железные дороги. В целях повышения конку-

рентоспособности хлопка Туркестана здесь внедрялись его американские сорта (более 90 % всех посевных площадей), а на ввоз хлопкового сырья из-за пределов империи устанавливались протекционистские таможенные пошлинные сборы.

Хлопковая ориентация края стимулировалась и законодательными изменениями, которые были внесены в систему землевладения. В частности, были сужены властные и поземельные прерогативы земледельческой феодальной элиты. Согласно Положению об управлении Туркестанским краем (1886 и 1900 гг.) мелкие крестьянские хозяйства получали в наследственное владение те наделы, которые фактически обрабатывались ими, но на правах аренды у крупных феодальных держателей земли. Тем самым по сути вводилась частная собственность на землю.

Итак, хлопководство, доход от которого стал составлять более половины всех доходов от полеводства края[11], выстраивалось в русле потребностей российского рынка. В этой связи оно стало демонстрировать свою нараставшую товарность (резкое увеличение той части конечного валового продукта отрасли, которая в качестве товара поступала на рынок). Но, как и в случае с аграрным сектором экономики в целом, процесс товаризации, т. е. эволюции натурального производства в товарное, мало затронул наиболее массовых агентов хлопкового производства – дехканские хозяйства.

Регламентация поземельных отношений в принципе не изменила традиционной системы водопользования. Почти вся ирригационная инфраструктура продолжала узурпироваться феодально-байской верхушкой, торгово-ростовщическими элементами, абсентеистами и т. д. Доступ к водным источникам большинства сельских производителей опосредовался традиционными кабально возмездными институтами. Трудовая (содержание и ремонт оросительных каналов и арыков) и натуральная повинности, отработочная рента, архаичные формы аренды, издольщина, натуральный и денежный откуп (за орошение карликового надела дехканское хозяйство платило от 10 коп. до 1 руб., или от 10 до 80 фунтов хлеба) перманентно ухудшали условия производства мелкого и среднего крестьянского хозяйства. Столь же стесненные позиции занимала основная масса крестьянства по отношению к сельскохозяйственному инвентарю, тягловому рабочему скоту, семенному материалу и т. д. В этом сегменте воспроизводственного процесса также разворачивалась вся гамма традиционных отношений зависимости. Докапиталистические нормы возмеще-

ния аренды рабочего скота и сельскохозяйственного инструментария подчас охватывали не только прибавочный, но и необходимый продукт. Имея в виду размеры подобной ренты в традиционных обществах, К. Маркс писал, что они выступают "серьезной угрозой воспроизводству условий труда, самих средств производства, ...делают более или менее невозможным расширение производства и принуждают непосредственного производителя довольствоваться необходимым минимумом жизненных средств"[12].

Не обладая необходимыми для нормального ведения хозяйства вторичными производственными ресурсами (водополив, тягловый рабочий скот, сельхозинвентарь, семена, удобрения и т. д.), крестьянские хозяйства не могли на массовом уровне втянуться в сферу рыночных, товарно-денежных связей на основе более или менее равноправных и функционально значимых для них условий. Не привела к сколько-нибудь широкой капитализации национальной деревни и приватизация земли – этот исходный пункт рыночной трансформации, поскольку частнособственнические начала блокировались реалиями докапиталистических отношений[13].

Способность сельских производителей свободно распоряжаться собственностью на средства производства (прежде всего, на землю) и правом на реализацию продукта своего труда (прибавочного продукта) сводилась на нет все теми же институтами традиционной организации аграрного социума. Обширный арсенал механизмов нормативного отчуждения, сложившийся в традиционной структуре, способствовал постоянному перераспределению земли в пользу наиболее имущих социальных слоев. Уже только посредством кабальной долговой задолженности и торгово-ростовщической ипотеки (заклад земли под денежные ссуды) значительные орошаемые массивы крестьянской земли переходили в собственность эксплуататорской верхушки. Этот процесс протекал как в своих явных, так и в скрытых формах. Формально сохраняя собственность на свой земельный надел, крестьянин превращался лишь в работника на нем, ибо вынужден был отдавать большую часть урожая заимодавцам.

Деградация крестьянского производства обусловливалась и кабальной по своей сути сферой кредитных отношений, причем не только ее традиционным, но и капиталистическим сектором. Наиболее частым и массовым контрагентом мелких землевладельцев в кредитных сделках выступали как сельские, так и городские торговые посредники и ростовщики. Они являлись буквально бичом национальной деревни, большая часть домохозяйств ко-

торой превращалась их стараниями в настоящих рабов "ссудного процента".

Традиционный торгово-ростовщический капитал удобно использовался структурами организованного кредита (банками, торговыми фирмами и т. д.). Последние почти никогда не вели операции непосредственно с сельскими производителями (исключение составляли крупные хлопкосеющие хозяйства). Как правило, корреспондентами банков являлись торгово-кредитные учреждения, скупщики-комиссионеры, посредники мануфактур и закупочных фирм, торговцы и ростовщики, которые и вступали в непосредственный контакт с дехканами, опутывая их кабальными формами неорганизованного кредита.

Тогда как Государственный банк выдавал своим корреспондентам кредиты по ставке в 6,5 % годовых, непосредственные заемщики денежных ссуд, т. е. дехкане, получали их от сельских ростовщиков уже на условиях в 60 % годовых[14]. Такие непосильные ставки кредита и его крайне кабальные условия приводили к массовой долговой задолженности крестьянства. Так, обследование в 1915 г. 2038 хлопковых хозяйств Андижанского уезда выявило, что их долг составил 450,9 тыс. руб. – по тем временам огромную сумму (в расчете на одну десятину посева – 318 руб.). Долги дехкан Ферганской области выросли с 1911 по 1913 г. в четыре раза, достигнув суммы в размере около 3,5 млн. руб.[15]

Как известно, денатурализация крестьянского хозяйства происходит только тогда, когда "весь круг предметных условий, требующихся для производства одного-единственного товара: сырье, орудия, вспомогательные материалы и. т. д., – входит в его производство в качестве товаров"[12]. **Только по мере опосредования рынком и товарно-денежными отношениями всех компонентов и стадий воспроизводственного процесса, начиная от земли и воды, рабочей силы и капиталов и кончая орудиями производства, семенами и удобрениями, весь главный продукт непосредственного производителя, а не только его излишек принимает всеобщую форму товара. Лишь в этом случае натуральное хозяйство трансформируется в действительно мелкотоварное.**

Характер социально-экономического развития Туркестанского края накануне революции мало способствовал становлению и широкому проникновению этого процесса в традиционное аграрное производство. Ближайшей причиной этого была монополизация консервативной традиционной элитой основных условий и факторов производства. Лишенные базисных предпосылок товарного производства основные массивы крестьянских хо-

зяйств региона не только "отсекались" от рынка, но даже потенциально не могли стать его полноправными участниками.

Традиционные институты, вызывавшие дезинтеграцию крестьянского производства относительно прямого участия в рынке, не блокировались вполне сформировавшимися к тому времени капиталистическими тенденциями. Это может показаться парадоксальным. Ведь известно, что всегда и везде система капиталистических отношений, т. е. капиталистический способ производства, стремится сначала подчинить, а затем и преобразовать добуржуазные общественные формы. Только в этом случае достигаются полная победа нового способа производства и его нормальное функционирование. Однако капиталистические отношения в Туркестане (как, впрочем, и в России) были представлены не ***системой***, а лишь своим укладом, который к тому же занимал весьма ограниченные позиции в социально-экономической структуре края.

В противоположность капиталистическому способу производства (т. е. системе капиталистических отношений) капиталистический уклад вполне мог сосуществовать с добуржуазным укладом. Более того, в его российской колониальной модификации объективно он даже не был заинтересован в сломе традиционных отношений. Напротив, его больше устраивала их консервация. Это было выгодно как с экономической точки зрения (возможность неограниченно использовать дешевую рабочую силу, осуществлять неэквивалентный обмен), так и в политическом отношении (усиление зависимости от метрополии).

Все рассмотренные выше моменты были характерны и для пастбищно-кочевого хозяйственного комплекса, который, как мы уже отмечали, был широко распространен в Степном крае. Но имелись здесь и свои особенности.

Скотоводческому хозяйству с его традиционной структурой производительных сил было свойственно настолько сильное преобладание живого труда (рабочая сила человека) над трудом овеществленным (т. е. воплощенным в средствах производства и предметах потребления), что дисбаланс этот выделялся даже на фоне всей отсталой аграрной экономики. Одно это обстоятельство предопределило как бы изначальную заданность относительно низкого уровня производительности труда. В свою очередь, низкая производительность труда ограничивала круг накопляющих, т. е. производящих прибавочный продукт, хозяйств. Другими словами, имела место ситуация, когда было невозможно накопление, а если оно достигалось, то только "в крайне ограниченных разме-

рах; в формах допускающих лишь очень небольшой прибавочный продукт"[16]. Но и этот минимальный прибавочный продукт не доходил до рынка. Уже на ранних стадиях он отчуждался от непосредственного его производителя через докапиталистические механизмы эксплуатации (различные формы рентных отношений).

В тех случаях, когда норма такой эксплуатации не исчерпывала всей массы прибавочного продукта скотоводческого хозяйства, распыление его остатков или части их довершали институциональные формы расточительного отчуждения. Разворачивавшиеся в их спектре ритуально-обрядовые действия были достаточно многочисленны, чтобы потребовать от хозяйствующего субъекта огромного напряжения средств. Здесь были и самые различные торжества (той), и поминания умерших (ас), и этикет гостеприимства (конак-асы) и т. д., и т. п. Устроители того или иного обрядового мероприятия хорошо осознавали, что, в свою очередь, станут субъектами традиционного нормативного отчуждения. Подобная циркуляция материальных благ (каждая дача должна возмещаться эквивалентной отдачей) носила в традиционной структуре жестко предписанный характер. Игнорирование этой социокультурной нормы было сопряжено если и не с "моральным террором", то с утратой общественного престижа.

Таким образом, важнейшая предпосылка товаризации — способность к накоплению, т. е. созданию прибавочного продукта, и возможность свободно распоряжаться им — в скотоводческом хозяйстве не достигалась. Блокировалось и другое, еще более принципиальное условие. Трудящийся субъект не обладал правом личной собственности на основное средство производства — землю (пастбище). В силу коллективного (общинного) характера собственности на землю (пастбище) индивид получал доступ к ней лишь будучи членом общины, как ее часть. Только одно это обстоятельство делало его экономически несвободным.

Из сказанного ясно, что стать потенциальным товаропроизводителем крестьянин-скотовод мог лишь вырвавшись из замкнутой системы традиционных социальных отношений, что было в принципе невозможно. В специфических условиях скотоводческого типа хозяйственно-культурной деятельности крайне низкий уровень производительных сил и производительности труда мог быть компенсирован лишь посредством трудовой кооперации, которая и получала свое оформление в виде общинных, корпоративных структур. За их пределами индивидуальное скотоводческое хозяйство было лишено возможности осуществлять нормальный процесс своего воспроизводства. Создавался замкнутый

круг. В пределах общины индивид оставался экономически несамостоятельным, но, вычленяясь из нее, утрачивал способность к экономическому выживанию.

Следовательно, главным фактором, сдерживавшим широкое включение скотоводческого хозяйства в товарно-денежные, рыночные отношения, выступали корпоративные общинные структуры. Не случайно К. Маркс, который оставил по проблемам общины обширное научное наследие, замечал: "... бытие людей как товаропроизводителей ... становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни"[17]. В казахской же степи этот момент в рассматриваемое время не обнаруживал себя даже на уровне тенденции.

Таким образом, на всем огромном пространстве Средней Азии и Казахстана в исследуемый период сельский производитель в преобладающей своей массе был лишен монополии на средства, условия и факторы производства, а потому не мог быть носителем товарных, капиталистических отношений. Иначе говоря, аграрная сфера материального производства региона не была втянута в процесс глубокой и широкой капиталистической эволюции. Более того, здесь сохранялись все основные предпосылки для воспроизводства традиционной, т. е. докапиталистической, социально-экономической системы.

Колониальная промышленность

В еще большей степени, чем сельскому хозяйству, черты колониальной экономики были присущи промышленности региона. Об этом свидетельствовало уже то, что она была ориентирована не столько на нужды внутреннего рынка, сколько на обслуживание интересов метрополии. Это подтверждала и структура промышленного производства. В ней абсолютно преобладали добывающие отрасли, тогда как удельный вес обрабатывающего сектора был ничтожно мал. Крайне суженное развитие обрабатывающих отраслей объяснялось как колониальной заданностью региональной экономики, так и спецификой местного капиталистического уклада. Как уже отмечалось, последний не разрушал и не преобразовывал некапиталистические общественные формы, которые застал в крае. Напротив, консервируя традиционные отношения, он интегрировал их в своих целях.

Это легко удавалось в сельском хозяйстве. Опереться на добуржуазные общественные отношения капиталистический уклад мог также в сфере первичной переработки сырья и добывающей

промышленности (использование дешевой и неквалифицированной рабочей силы, полупринудительного труда и т. д.). Но в обрабатывающей промышленности соединение разнокачественных социально-экономических начал (добуржуазных и буржуазных) было объективно невозможно. И прежде всего потому, что здесь трудно сочетать организацию производства – тем более если оно основывается на передовой технике – с несвойственными капитализму общественными формами.

Капитализм как экономическая система не располагал в регионе собственной базой для расширенного воспроизводства, поэтому здесь развитие отраслей добывающей промышленности было по сути лишь продолжением производственной структуры метрополии. Масштабы и темпы их развития напрямую зависели от потребностей российской промышленности, по отношению к которой они выступали лишь дополняющими отраслями. Из этого, в свою очередь, следовал циклический характер динамики добывающих отраслей со свойственным для него эффектом "эха"[18]. Всплеск или стагнация промышленного производства в метрополии вызывали аналогичные тенденции в добывающем секторе колониальной окраины.

Поэтому не случайно в годы наибольшего российского промышленного подъема (1900–1914 гг.) в Туркестане было создано 468 новых предприятий промышленного типа, тогда как за весь предшествующий колониальный период – только 195[19]. Всего перед империалистической войной в Средней Азии функционировало 1100 предприятий (по-видимому, дореволюционная статистика включала в это число не только фабрично-заводские, но и кустарно-ремесленные производства)[20].

На территории Степного края насчитывалось 675 фабрично-заводских предприятий (1913 г.). Это было меньше, чем в начале XX в. (1902 г. – 887 предприятий). Однако количество занятых в промышленной сфере рабочих возросло за этот же период более чем в 2 раза (с 25 392 до 51 104 чел.). Последнее свидетельствовало о некоторых качественных изменениях в промышленной инфраструктуре края, в частности о развитии процессов концентрации производства. Эти тенденции были особенно характерны для горнозаводской отрасли. Например, на Спасском медном заводе работали 1000 человек, на Карагандинских угольных копях – 700, Риддерских рудниках – 570 и т. д.[21]

Общая двойственность экономики (сочетание докапиталистической и капиталистической тенденций) находила проявление и в ее промышленной сфере. Значительный удельный вес в ней

сохранялся за традиционным сектором, к которому могли быть отнесены многочисленные предприятия, соответствовавшие больше статусу кустарно-ремесленного и мелкомануфактурного производства. Их отличали крайне незначительные капиталоемкость и капиталоинтенсивность, широкое применение ручной техники, низкие стоимость и цена рабочей силы, невысокий уровень ее качества, сезонный характер производства и соответственно занятости. О масштабах этого сектора можно судить уже хотя бы по среднегодовой численности рабочих. Так, в начале века среднее число занятых на предприятиях по переработке животноводческой продукции составляло в Тургайской области – 1,9, Уральской – 3,1, Семипалатинской – 3,7 человека[22].

В условиях погружения привнесенного извне капиталистического уклада в плотную докапиталистическую среду широкий слой промышленных предприятий обнаруживал свой квазикапиталистический характер. Преследуя вполне капиталистические цели (создание и увеличение прибавочной стоимости), они базировали свое производство на методах эксплуатации труда, характерных для доиндустриальной стадии развития капитализма.

В Туркестане добывающий сектор по преимуществу был задействован на первичной переработке сельскохозяйственного сырья, главным образом хлопка. В 1913–1914 гг. за счет хлопкоочистительного производства (238 предприятий) формировалось 56,5 % всей стоимости валовой продукции (143 млн. руб.)[23]. С хлопковым производством была тесно связана маслобойная промышленность (30 заводов). Стоимость ее валовой продукции оценивалась в 1915 г. в 12,4 млн. руб.[24] В нехлопкосеющих областях края передовые позиции занимали предприятия по переработке продукции скотоводческого хозяйства, в частности шерстомоечная промышленность. Основная масса ее предприятий находилась в Семиречье, на которое приходилось более 60 % всей промываемой в Туркестанском крае шерсти[25].

На долю отраслей, работавших на местный рынок, приходилось всего 6,5 % (14 млн. руб.) стоимости валовой продукции всей промышленности. Это еще раз подтверждало колониальный характер экономики в целом.

Промышленное производство, основанное на эксплуатации полезных природных ископаемых (нефть, каменный уголь, соляные залежи) формировало немногим более 5 % стоимости валовой промышленной продукции Туркестана. Однако здесь имелись относительно крупные предприятия, со своей производственной инфраструктурой. Например, на каменноугольных копях акцио-

нерного общества "Кизил-Кия" в Ферганской области были оборудованы довольно протяженные пути железнодорожной узкоколейки. На промыслах "Чимион" и "Санто" действовали нефтеперегонные заводы и проводы по транспортировке сырья.

В Степном крае так же, как и в Туркестане, ведущую роль играла промышленность, базировавшаяся на сельском хозяйстве. На ее долю приходилось почти три четверти всей промышленной продукции. Причем сырьевые ресурсы этого сектора промышленности в значительной мере формировались за счет земледельческого хозяйственного комплекса. Стоимость продукции только мукомольно-крупяных и спирто-водочных предприятий оценивалась в 1913 г. в 27 744 тыс. руб., тогда как в отраслях, ориентированных на животноводческое сырье, – в 3,5 раза меньше[26].

По сравнению с туркестанским субрегионом в Степном крае в дореволюционный период более значительное развитие получила горнозаводская промышленность. В начале XX в. из 887 предприятий 197 осуществляли свою производственную деятельность в этой отрасли. Горнозаводское производство вместе с нефтедобычей давало около 18 % стоимости валовой продукции всей промышленности края. Оно концентрировали в своей сфере более 70 % всей промышленно-занятой рабочей силы[27]. Урало-Эмбинский нефтяной район по добыче сырья занимал четвертое место в Российской империи. Третье место занимал край по объему добычи медных руд[28].

Уровень технического оснащения горно- и нефтедобывающей отраслей края был удручающим даже на общем фоне слабомодернизированного и полуархаического российского добывающего комплекса. Главными орудиями труда занятых на горном производстве, как и в средние века, оставались кайло, лопата и тачка. Не случайно рабочие-горняки в обиходе чаще назывались рудокопами. Эти отрасли являлись сферами наиболее массового приложения неквалифицированной ("черной") и дешевой рабочей силы. Капиталистический уклад и здесь удобно паразитировал на традиционных социально-экономических отношениях. Интенсивные процессы докапиталистического аграрного перенаселения непрерывно выталкивали из сферы сельскохозяйственного производства избыточную рабочую силу (пауперов, т.е. разорявшихся и нищавших крестьян). Воспроизводство неиссякаемой резервной армии труда (например, в начале XX в. в Экибастузе ожидали работу на угольных копях 5 тыс. чел.) позволяло горнозаводчикам получать без сколько-нибудь крупных капиталовложений баснословные прибыли.

С целью быстрого и бесперебойного вывоза продукции региона в метрополию, а российских товаров – на местные рынки строились железные дороги. В 1901–1905 гг. была проложена магистраль Оренбург–Ташкент. Наряду со Среднеазиатской железной дорогой она позволила значительно увеличить транспортные грузопотоки, которые особенно возросли в годы империалистической войны.

Несмотря на протекционистские меры российского правительства, в промышленную инфраструктуру края активно внедрялся иностранный капитал. Так, с привлечением немецкого капитала было образовано "Туркестанское общество каменноугольной и горной промышленности", на нефтепромыслах "Чимион" 60 % акций, т. е. их контрольный пакет, принадлежали товариществу "Бр. Набель". В 1911 г. образовалось "Ферганское нефтепромышленное общество" с основным английским капиталом. Французские предприниматели осуществляли инвестиции в "Памирское золотопромышленное товарищество", а американские, в частности фирма "Карвер коттон джин компани", – в хлопкоочистительное производство[29].

В Казахстане накануне революции действовало тринадцать иностранных акционерных обществ, в том числе пять – в горнозаводской и восемь – в нефтяной промышленности. В цветной промышленности края вложения английского капитала достигали 40 млн. руб. Крупные инвестиции были задействованы в "Риддерском акционерном горнопромышленном обществе" (12 млн. руб., или 60 % акционерного капитала)[30]. С участием английского и французского капитала создавалось "Акционерное общество Спасских медных руд", "Акционерное общество Атбассарских медных руд", эксплуатировавшее богатые месторождения Карсакпая (Центральный Казахстан)[31].

Таким образом, как капиталы, так и сама инициатива в развитии промышленности в регионе исходили из-за его пределов. Число предпринимателей в среде местного населения было невелико. Становление национальной буржуазии блокировалось господством российского и иностранного капитала, т. е. всей колониальной системой. Кроме того, зарождавшаяся национальная буржуазия ориентировалась на модель простого воспроизводства, поскольку была в значительной степени сращена с докапиталистическими отношениями и во многом благодаря функционированию именно их структуры сохраняла свой экономический статус. Другими словами, она не придерживалась принципа накопления и производственного использования капиталов, предпочи-

тая направлять их на социально престижное потребление (предметы роскоши, тезаврация – омертвление капиталов в драгоценных металлах и т. д.).

Но даже если и не это, то все равно потенциальный фонд накопления, необходимый для расширенного воспроизводства, был в национальном секторе предпринимательства невелик. Он ограничивался слабой технической оснащенностью и низкой производительностью труда. При этих условиях национальная буржуазия, конечно, не могла конкурировать на местном рынке с российскими товаропроизводителями.

Более перспективной для нее представлялась ниша, связанная с обслуживанием российского и иностранного капитала, ориентированного преимущественно на внешние рынки. Поэтому не случайно местное предпринимательство было сконцентрировано главным образом в хлопковой промышленности. Например, в Самаркандской области в 1914 г. из 33 производств по переработке хлопка-сырца 26 принадлежали местным предпринимателям, в Ферганской – 106 из 160 и т. д.[32] Сказанное может означать, что более или менее крупная национальная буржуазия имела по преимуществу компрадорский характер.

Маргинальная социальная структура

Абсолютное преобладание традиционных общественных форм и привнесение в их среду колониального (а частично и местного) капиталистического уклада определили характер социальной структуры региона. В силу многоукладности социально-экономических отношений она не имела ясно обозначенных разломов: тогда как в "чистом" капиталистическом или традиционном обществе социальные группы идентифицировались в границах более или менее четко выраженных ниш, здесь существовало множество маргинальных, т. е. промежуточных и взаимопроникающих, слоев. Тем не менее представляется возможным выделить в развитии дореволюционной социальной структуры края определяющие тенденции. **И в качестве главной из них следует рассматривать процессы деклассирования. Последние, как известно, проходят две стадии: пауперизм и люмпенство.**

В контексте имущественных характеристик первая стадия связана с разорением и нищанием трудящегося индивида (дословно с латинского языка *pauper* – бедный). Социальная же сущность пауперизма раскрывается через степень включенности тех или иных субъектов в процесс общественного производства. **Носи-**

телями пауперизированных слоев обычно выступают те, "кто еще цепляется за свое былое положение в обществе..., кто еще сохранил иллюзию владения своей собственностью и своей хозяйственной самостоятельности (хотя таковых фактически уже нет)"[33]. Причем нищета и дезинтеграция относительно процесса производства представляются им временным состоянием. В действительности же оно может продолжаться на протяжении всей жизни пауперов и даже переходить на их последующие поколения. Оказываясь безработным или полубезработным, паупер выступает социальным продуктом явной или скрытой (работа на условиях нищенского или кабального существования) незанятости. Все более утрачивая включенность в общественное производство, он в то же время может сохранять отношения (конечно, крайне суженные) со своим классом, как и с занятием, присущим его классу[34].

В отличие от паупера, который находится в процессе как бы "полураспада", люмпен является законченным результатом деклассирования. Если для первого еще характерны некоторое участие в процессе общественного производства и связи (пускай и существенно ослабленные) с производственной сферой, то люмпен лишен и этого. Он полностью отчужден от общественно полезного труда, оторван от сферы производства. **У него атрофирована психология труженика, но "вполне сохранена психология собственничества в несколько измененном виде (рвачество, вымогательство, стремление преуспеть за чужой счет)"**[35]. **Свое существование люмпенство обеспечивает за счет паразитирования на других классах и социальных слоях.**

В наибольшей степени процессам пауперизации было подвержено крестьянство. Об огромных масштабах социальной базы пауперизма в аграрной сфере можно судить по показателям средней нормы земельной обеспеченности на домохозяйство, а также данным о распределении земли между различными слоями крестьянства.

Этот аспект хорошо демонстрируется материалами Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.[36] Так, они, например, фиксируют, что в Ферганской области на бедняцкое хозяйство приходилось в среднем чуть более 0,4 дес. земли. Бедняцкие хозяйства численностью 233 тыс. (51 % всех хозяйств) располагали менее 10 % всего земельного клина, тогда как 16 тыс. зажиточно-байских – более чем одной его третью (31,3 %).

В Самаркандской области половина бедняцких хозяйств имела наделы до 1 дес. земли. Если сельская верхушка (5,6 %) выступа-

ла здесь держателем 30 % земли, то на 50 % бедняцких хозяйств приходилось только 10,2 % всей ее площади[37]. В Закаспийской области 62 % дехканских хозяйств владели участками от 1 до 5 дес., а 13 % – менее 0,5 дес.[38] Значительно было число безземельных крестьян. В некоторых уездах Ферганской области не имели земли до 30 % дехкан, а в Ташкентском и Андижанском уездах – до 40–50 %[39]. Здесь можно было бы привести сведения и по другим земледельческим районам. Но так или иначе все они свидетельствуют о том, что парцелльный (*parcelle* – букв. частица) характер землевладения был типичен для абсолютного большинства крестьянства Туркестанского края.

Утрачивая возможность вести более или менее нормальное (хотя бы уже в плане обеспечения прожиточного минимума) хозяйство на своих мелких и мельчайших земельных наделах, сельские производители вступали в кабальные возмездные отношения с крупными владельцами земли и денежного богатства. Широко распространена была аренда земли, рабочего скота, сельхозинвентаря, семенного материала и т. д. Арендуя землю или живой и мертвый инвентарь, дехканин обязывался передать арендодателю долю урожая. Размер такой натуральной ренты был так велик, что в хозяйстве подчас оставалось не более одной четвертой всего его сбора. Нужда толкала все в новый виток кабальных отношений. Условия производства все более и более ухудшались. И рано или поздно такой сельский производитель превращался в наемного работника на собственной земле, сохраняя лишь видимость хозяйственной самостоятельности.

Казалось бы, такой непрекращающийся цепной процесс в своей конечной стадии должен был привести к полному разорению крестьянина – издольщика (чайрикера), утрате им средств производства. Однако до окончательной пролетаризации хозяйствующего субъекта, т. е. отчуждения его от всех средств производства, могло не доходить. В случае полного разорения индивида традиционная верхушка просто бы лишилась массового субъекта своей эксплуатации. Именно в этом проявлялась специфика механизма докапиталистического расслоения. В самой традиционной структуре было заложено бесконечное ухудшение условий соединения работника со средствами производства (в частности, землей). Другими словами, она сохраняла его в качестве функционально необходимого элемента своего воспроизводства.

Поэтому не пролетаризация, а именно пауперизация являлась главным итогом докапиталистической дифференциации. Аграрное население, не имея возможностей для окончательной пролетари-

зации, вынуждено было концентрироваться в сфере парцелльного хозяйства, формируя огромные массы пауперов.

Ухудшение условий производства карликового хозяйства воспроизводилось в значительной степени и действием торгово-ростовщического капитала. Являясь низшей и наиболее хищнической формой капитала, ростовщичество выступало в Туркестане традиционным источником пауперизации населения. Сталкиваясь с нуждой, крестьяне-бедняки обращались к владельцам денег за ростовщической ссудой. Вследствие непрерывного наращивания ссудных процентов они становились хроническими долговыми задолженниками. Утрачивая возможность вырваться из ростовщической кабалы, сельский производитель вынужден был трудиться на своего заимодавца (отработочная рента) или вовсе терял свой карликовый надел, ибо тот переходил в качестве уплаты долга к другому владельцу. О масштабах этого процесса уже говорилось в разделе о сельском хозяйстве края.

Социальная мобильность крестьянства в основном протекала в русле традиционного уклада. Причем каждое такое перемещение было сопряжено с падением социального статуса индивида, его трансформацией из самостоятельного хозяйствующего субъекта в паупера и далее – в люмпена. Лишаясь земли, крестьянин мог стать мардикером – наемным сельским рабочим докапиталистического типа. Например, в Самаркандской области в 1917 г. насчитывалось 23, Сырдарьинской – 14 тыс. мардикеров.

Труд мардикера оплачивался в среднем в размере 30–40 коп. в день, или 8–9 руб. в месяц (для сравнения: пуд муки стоил на местных рынках 4 руб. 50 коп., риса – 10 руб., обувь – 40 руб.)[40]. Ясно, что условия найма не обеспечивали даже минимума жизненных средств не только семье маркидера, но и ему самому. К тому же занятость маркидера очень часто носила сезонный характер, т. е. и этот мизер был непостоянным.

В известной степени пауперизация аграрного населения обусловливалась и демографическим фактором. Крайне низкая производительность труда в традиционном производстве компенсировалась трудовой семейной кооперацией. Чем больше была численность ее членов, т. е. потенциальных работников семейного производства, тем выше была его эффективность. Это обстоятельство в сочетании с особенностями традиционной социокультуры порождало специфический тип аграрного демографического воспроизводства, который был ориентирован на большое деторождение и создание многодетной семьи.

В силу достаточно высокого естественного прироста населения постоянно нарастало давление людских ресурсов на существовавший фонд жизненных средств. Так, если соотнести эти пропорции в дореволюционном Туркестане, т. е. общую площадь орошаемых и поливных земель (около 3,3 млн. дес.) и численность населения (7,7 млн. человек), то на каждого жителя края, включая ребенка, приходилось чуть более 0,4 дес. используемой земли. Сделав корректировку на собственно крестьянское земледельческое население, мы получим лишь немногим большую величину.

Докапиталистическое аграрное перенаселение воспроизводило на постоянной основе относительно избыточную массу труда. Доиндустриальные (т. е. экологически жестко зависимые) производительные силы края, будучи вследствие своего характера ориентированными не на интенсивное освоение природной среды, а на экстенсивные начала (чисто количественное наращивание масштабов природопользования и трудовых ресурсов), не могли дать даже иллюзию занятости всему трудовому крестьянству.

Вследствие соединения отмеченных выше факторов волны пауперизма перекатывались в города, но и здесь сельские мигранты, как правило, не меняли своего социального статуса. Они лишь пополняли и без того огромный пласт городских пауперов и люмпенов. Перемещаясь в город, вчерашние крестьяне связывали свое существование все с тем же традиционным укладом. Сфера их занятости простиралась преимущественно на мелкое и семейное производство, кустарно-ремесленные предприятия, сферу услуг, лоточную торговлю и другие формы примитивного предпринимательства. Другими словами, вчерашний собственник земельного надела становился в городских условиях подмастерьем в ремесленном предприятии, подсобным рабочим в кустарно-ремесленной мастерской и т. д. Все эти, по сути, полудомашние предприятия не выдерживали конкуренции с производством, концентрировавшимся в капиталистическом укладе, с дешевой и массовой продукцией, в обилии привозимой из промышленных районов Центральной России. Начиналось их разорение.

Не располагая свободными капиталом, а очень часто просто не имея его, мелкое городское производство было вынуждено вступать в долговую зависимость от торгово-ростовщического капитала, что завершало процесс их банкротства. Вчерашний мастер становился подмастерьем в уцелевшем ремесленном предприятии, подмастерье – рабочим, имевший полную занятость

превращался в полубезработного, а последний – в безработного. Социальная деградация завершалась переходом значительных групп пауперов в сословие люмпенов. Именно в сословие, поскольку при хронической нищете и безработице люмпены воспроизводились как бы уже на биологическом уровне. Люмпены по рождению (наподобие касты "неприкасаемых" в Индии, принадлежность к которой переносилась из поколения в поколение) в течение всей жизни так и не были связаны с общественно полезным трудом, а потому даже не испытывали малейшего желания приобщиться к нему. Одним словом, люмпенство становилось не только приобретаемой, но и наследственной социальной категорией[41].

Таким образом, городской традиционный уклад не только не "рассасывал" пауперизировавшиеся массы, выталкиваемые сельским традиционным укладом, но еще больше приумножал их. Не способен был поглотить предложение сельской рабочей силы и капиталистический уклад, как местный, так и привнесенный. Местный – находился в стадии зарождения и был настолько сильно засорен включениями докапиталистических отношений, что больше представлял собой псевдокапиталистический уклад. Кроме того, формировавшаяся местная буржуазия проникала главным образом в сферу обращения (торговые, посреднические и кредитные операции) и крайне мало вкладывала свои накопления в производство. Поэтому возможности национального, если можно так выразиться, капиталистического уклада в плане поглощения сельского и городского пауперизма были более чем ограничены.

Что касается привнесенного капиталистического уклада (как российского, так и иностранного), то он имел буквально "точечный" характер, поскольку был представлен по преимуществу суженными анклавами в городах и в районах эксплуатации природных ресурсов (нефтяные, каменноугольные, горнорудные месторождения и т. д.). Масштабы производства здесь и близко не соответствовали масштабам резервной армии труда. В свою очередь огромное превышение предложения рабочей силы над ее спросом приводило к феноменальной дешевизне труда. Заработная плата на промышленных предприятиях могла обеспечить лишь нищенское существование. Такая занятость в действительности являла собой скрытую безработицу, а потому наемные работники, задействованные в сфере промышленного производства, в своей социальной сущности были больше пауперами, чем пролетариатом.

Советская историография, создавая миф о пролетарском характере Октябрьской революции и гегемонии в ней рабочего класса, соответствующим образом выстраивала социальную структуру дореволюционного общества. Противоречия между трудом и капиталом, как главная движущая сила революции, распространялись историками даже на наиболее отсталые национальные окраины (в частности, на Среднюю Азию и Казахстан). Между тем накануне первой мировой войны численность фабрично-заводских и железнодорожных рабочих в Туркестане не превышала 60 тыс. человек, а в Степном крае – 47 тыс. (по другим оценкам – 52 тыс.)[42]. Следовательно, удельный вес рабочего класса во всей численности населения Туркестана не достигал даже одного процента (0,78 %), а в Степном крае был чуть выше (1,2–1,4 %). В городах степень концентрации рабочего класса (если, конечно, его таковым считать) была лишь незначительно большей. Так, в центре края – Ташкенте удельный вес рабочих во всем населении составлял 0,9 % (2710 чел.), Андижане – 2,8 (867), по 2,2 в Намангане (812) и Верном (432), Коканде – 2 (1200), Самарканде – 1,5 (975), Скобелеве – 5,4 (127) и т. д. Но сюда могли быть включены и сезонные рабочие, отходники и т. д. Например, в хлопкоочистительной промышленности на их долю приходилось свыше 80 % занятых. Что касается социальной сущности занятых в промышленном производстве региона, то их можно идентифицировать в значительной массе как субъектов пауперизации (как явной, так и скрытой, деформированной).

Итак, можно сделать вывод, что накануне революции процессы деклассирования – пауперизация и люмпенизация – выступали определяющими характеристиками социальной структуры региона.

Огромный пласт в дореволюционном обществе занимали и маргинальные группы. Имея в виду, что под маргинальными понимаются отторгаемые и отчуждаемые обществом слои, к маргиналам следует в первую очередь отнести паупер-люмпенские массы. **Однако в данном случае под маргинальной мы подразумеваем еще и ту часть населения, которая выступала носителями двойственных социальных связей и ролей, социокультурных ориентаций (например: уже не крестьянин, но еще не рабочий).** О массовости этого явления можно судить уже по тому, что дореволюционное общество региона (да и всей Российской империи) в своем целостном виде находилось на стадии социальной структурной маргинальности. В нем одновременно присутствовали и развива-

лись две модели социальной структуры: традиционная, докапиталистическая, и новая, капиталистическая.

Старая, в виде реалий традиционного общества была еще достаточно сильна, новая, которая все больше расширяла свою функциональную нишу, все же еще не была способна играть роль доминанты. Естественно, что в таком "разорванном" социуме его субъекты выступали одновременно частями как одной, так и другой структуры социальных связей, демонстрируя при этом раздвоенность сознания и поведенческих установок.

Структурная маргинальность соединялась с социально-статусной. В частности, во многом **маргинальную природу имел так называемый рабочий класс региона.** Во-первых, уже потому, что его ряды включали в себя различных отходников, сезонно занятых работников и т. д. Например, управляющий риддерскими предприятиями в 1915 г. писал, что казахи "летом задерживаются на работах с трудом, предпочитая полевые сельскохозяйственные работы занятиям на рудниках". О том же сообщал администратор нефтепромыслов "Эмба-Каспий": "С начала весны обычно замечается отлив рабочих на родину... с сентября начинается обратный прилив их"[43]. Во-вторых, абсолютное большинство рабочих составляли вчерашние крестьяне, удельный вес потомственных промышленных пролетариев был ничтожно мал. Понятно, что "человек от сохи" сохранял сознание, присущее аграрной субкультуре. Однако оно проявлялось уже в деформированных формах, ибо было подвержено воздействию новых, приобретаемых социальных связей.

Наконец, рабочий класс оставался маргинальным и в плане известных категорий "класс в себе" (когда общественная группа лишь формирует предпосылки для консолидации в класс) и "класс для себя" (когда эта общественная группа окончательно оформилась в класс)[44]. Для перехода из первого состояния во второе необходимо наличие целого ряда обязательных условий: более или менее достаточный уровень материальной обеспеченности, наличие личной свободы и политических прав и т. д. Между тем ни одно из них не находило в дореволюционном обществе своей реализации. А потому промышленный пролетариат как бы завис в пограничном состоянии: он выходил из одной стадии, но так до конца и не входил в другую.

Как уже говорилось, подавляющая масса крестьянства была пауперизирована и люмпенизирована, а потому уже только в этом качестве являла собой маргиналов. Но таковыми в известном смысле можно считать и ту ее часть, которая была представлена

самостоятельными и относительно крепкими сельскими производителями. Это правомерно в силу двойственного характера социально-экономической природы крестьянина. В своем хозяйстве он выступает одновременно и как собственник домашнего производства и как его работник.

Выделяя маргинальные низы общества накануне революции, нельзя не сказать и о такой их широкой страте, как солдатские массы. **"Человек в шинели" являл собой, пожалуй, наиболее яркий образец маргинализации.** Вырванный из привычной социальной среды (как правило, это был крестьянский мир), принудительно отчужденный от нормальных человеческих связей, он утрачивал самоотождествление с определенной социальной общностью. Длительность этого состояния приводила к разрушению личности, к ее десоциализации. Вытесненные в маргинальном сознании привычные ценности и интересы порождали моральный вакуум, который заполнялся потребностями и психологическими установками, низводимыми до уровня примитивных.

Имела место и маргинализация, связанная с перемещением части населения из социального пространства сельской субкультуры в городскую. Потоки такой миграции не были широкими и интенсивными, но все же достаточными для фиксации данного явления.

Процессы урбанизации в крае имели весьма заметную динамику. В Степном крае численность населения городов с 1895 по 1910 г. возросла более чем в два раза: с 219 тыс. до 425 тыс. человек, в Туркестане – на 22,6 %. Накануне первой мировой войны население Ташкента составляло 271, Коканда – 120,2, Самарканда – 97,5, Андижана – 86,7, Намангана – 81,2, Верного – 43,2 тыс. человек. Значительно возросло население Уральска, Петропавловска, Павлодара, Семипалатинска[45].

В условиях колониальной системы Российской империи города края выполняли неэкономические функции – служили главным образом военно-административными колониальными центрами. Созданная в них инфраструктура была призвана обеспечивать эксплуатацию природных богатств региона и вывоза их в метрополию. Тем не менее города все же превращались в центры коммуникации, посредством которых устанавливались связи между отдельными районами. И в этом качестве они притягивали сельскую миграцию, однако, мало отвечая требованиям общего развития региона, были просто не способны адаптировать избыточное сельское население. Колониальная природа городов, сложившаяся под ее воздействием их этнокультурная среда блокирова-

ли вхождение местных сельских мигрантов в урбанизированную субкультуру.

Отторгаемый городом, оказываясь лишенным работы и жилья, испытывая тяготы и лишения, изоляцию и одиночество, новоявленный горожанин превращался в типичного маргинала. Вопиющая несправедливость, экономическая, политическая и национальная дискриминация вызывали в его сознании "комплекс неполноценности", сопровождаемый такими разрушающими личность, психоэмоциональными позывами, как агрессивность, озлобленность, зависть, гнев.

Таким образом, социальная структура дореволюционного общества развивалась преимущественно по пути маргинализации, пауперизации и люмпенизации. Причем наряду с аграрной периферией, зонами их аккумуляции выступали и города.

Под прямым воздействием социально-экономических и политических факторов формировалась и структура массового сознания. Имея в виду обозначенные выше социальные группы, сразу отметим, что по своим социально-психологическим характеристикам их ментальность могла быть подведена под общий знаменатель. Как уже отмечалось, для маргинала, паупера и люмпена было характерно разрушение привычных социальных связей, через которые обретаются чувство уверенности и сопричастности к чему-то стабильному и надежному. Вследствие этого окружающий мир для них представал глубоко враждебным пространством. В своем "разорванном" сознании отчужденный индивид именно в нем локализовал причины своего одиночества и бессилия, тревогу за свои жизненные интересы и само существование. Не дифференцируя причинный поиск и усматривая в качестве виновника своих бед всех и вся, такой субъект отчуждения переносил воспроизводимые в нем враждебность, озлобленность и агрессию на общество в целом.

Негативно заданная психо-эмоциональная реакция на окружающее общество служила источником постоянно накапливавшихся разрушительных тенденций. "Разрушить мир – это последняя, отчаянная попытка не дать этому миру разрушить меня", – примерно так рационализировалась (объяснялась) в паупер-люмпенском сознании идея тотального разрушения[46]. Поэтому маргинальные массы несли в себе огромный потенциал энергии разрушения. Блуждая в поисках новых морально-ценностных ориентаций и социальных связей взамен утраченных, пытаясь преодолеть одиночество и устранить разрыв, возникший между его личностью и окружающим миром, отчужденный индивид потен-

циально способен на подавление собственного "Я". В "бегстве от себя" он стремится слиться с большим и сильным целым, пытается раствориться в нем, став его частицей. "Став частью силы, которую человек считает неколебимой, вечной и прекрасной, он становится причастным к ее мощи и славе. Индивид целиком отрекается от себя, отказывается от силы и гордости своего "Я", от собственной свободы, но при этом обретает новую уверенность и новую гордость в своей причастности к той силе, к которой теперь может себя причислить... Он избавлен от окончательной ответственности за свою судьбу, а тем самым от сомнений, какое решение принять. Он избавлен и от сомнений относительно смысла своей жизни, относительно того, кто "Он". Ответы на эти вопросы уже даны его связью с той силой, к которой он себя причислил; смысл его жизни определен тем великим целым, в котором растворено его "Я"[47].

В свое время выдающийся ученый-гуманист Эрих Фромм писал: "...идеи, не коренящиеся в настоятельных потребностях личности, окажут очень слабое влияние на поступки человека и всю его жизнь... Идея может стать активной силой истории лишь в том случае, если она отвечает настоятельным психологическим потребностям определенных социальных групп"[48].

Идеология большевизма, как никакая другая, оказалась созвучной социальной структуре и массовому сознанию дореволюционного общества. Именно большевиками была востребована находившаяся до того в подавленном состоянии "энергия разрушения" масс. Фарисейски называя ее "революционной энергией рабочего класса", большевики мобилизовали ее гигантский потенциал на разрушение "старого мира", который, согласно их самонадеянным теориям, являлся всего-навсего "предысторией человечества".

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.

[2] *Алексеенко Н. В.* Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1981. С. 85.

[3] *Тулепбаев Б. А.* Торжество ленинских идей социалистического преобразования сельского хозяйства в Средней Азии и Казахстане. М., 1971. С. 60.

[4] *Алексеенко Н. Б.* Население дореволюционного Казахстана. С. 85.

[5] *Иноятов Х. Ш.* Победа Советской власти в Туркестане. М., 1978. С. 33; *Искандаров.* Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. II. Душанбе, 1963. С. 271; Экономика и организация социалистического сельского хозяйства Туркменистана. Ашхабад, 1958. С. 183.

[6] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967. С. 75.

[7] *Нусупбеков А. Н.* К вопросу о формировании казахской буржуазной нации // Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955. С. 170.

[8] *Иноятов Х.* Против фальсификации истории победы Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1976. С. 67.

[9] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. С. 73.

[10] Цит. по: *Устинов В. М.* Турар Рыскулов. Алматы, 1996. С. 96.

[11] *Юферев В. И.* Хлопководство в Туркестане. Л., 1925. С. 76.

[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 47. С. 332.

[13] Там же. Т. 25. Ч. 2. С. 360.

[14] История Узбекской ССР. Т. 1. Кн. 2. Ташкент, 1956. С. 221.

[15] История Узбекской ССР. Т. 3. Ташкент, 1967. С. 24.

[16] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. 1. С. 498.

[17] Там же. Т. 23. С. 89.

[18] *Клеер Е.* Анализ общественно-экономических структур третьего мира. М., 1968. С. 64.

[19] *Иноятов Х. Ш.* Победа Советской власти в Туркестане. С. 42-43.

[20] *Нусупбеков А. Н.* Формирование и развитие советского рабочего класса в Казахстане. Алма-Ата, 1966. С. 32; Труды ЦСУ СССР. Т. 26, Вып. 1–2. М., 1926. С. 80.

[21] *Бекмухаметов Е. Б.* Цветная металлургия и горное дело дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1964. С. 247; Известия АН КазССР. Серия истории. Вып. 2. Алма-Ата, 1959. С. 46.

[22] Подсчитано нами. Источник: *Нусупбеков А. Н.* Формирование и развитие советского рабочего класса в Казахстане. С. 32–33.

[23] Статистический ежегодник (ТССР) 1917–1923 гг. Т. 2, ч. 1. Ташкент, 1924. С. 46.

[24] Там же.

[25] История Киргизии. Т. 1. Фрунзе, 1963. С. 392.

[26] Социалистическое строительство Казахской ССР за 20 лет. Алма-Ата, 1940. С. 7–39. Подсчитано нами.

[27] *Нусупбеков А. Н.* Формирование и развитие советского рабочего класса в Казахстане. С. 32. Подсчитано нами.

[28] Казахстан в цифрах. Алма-Ата,1936. С. 6; *Вяткин М. П.* Монополистический капитал в Средней Азии. Фрунзе, 1962. С. 160.

[29] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. С. 99–101.

[30] *Нусупбеков А. Н.* Формирование и развитие советского рабочего класса в Казахстане. С. 30.

[31] Двадцатилетие Казахской ССР. Алма-Ата, 1940. С. 30.

[32] *Иноятов Х. Ш.* Победа Советской власти в Туркестане. С. 54.

[33] Зарубежный Восток и современность. Основные закономерности и специфика развития освободившихся стран. Т. 1. М., 1980. С. 311.

[34] *Демин Л. М.* Деклассированные слои в развивающихся странах Востока. М., 1985. С. 16.

[35] Там же. С. 18, 19.

[36] Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. Вып. 2. Ташкент, 1924. С. 53; Статистический ежегодник (ТССР) 1917–1923 гг. С. 64.

[37] Там же.

[38] Там же.

[39] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. С. 66.

[40] *Иноятов Х. Ш.* Победа Советской власти в Туркестане. С. 31.

[41] Об этом механизме см.: *Демин Л. М.* Деклассированные слои в развивающихся странах Востока. С. 44–45.

[42] *Аминов А. М.* Экологическое развитие Средней Азии. Ташкент, 1959. С. 278; Народное хозяйство СССР в цифрах. М., 1924. С. 145; Труды ЦСУ СССР. Т. 26. Вып. 1–2. М., 1926. С. 80.

[43] Цит. по: *Нусупбеков А. Н.* Формирование и развитие советского рабочего класса в Казахстане. С. 42.

[44] *Стариков Н.* Маргиналы // В человеческом измерении. М., 1989. С. 174.

[45] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. С. 88.

[46] *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1990. С. 135.

[47] Там же.

[48] Там же.

Глава 2. СТАНОВЛЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА СИСТЕМЫ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТОТАЛИТАРИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В орбите российской революции

В современной историографии доминирует трактовка октябрьских событий 1917 г. как переворота. Что касается "свободной от академических условностей" исторической публицистики, то она в своих версиях идет еще дальше, навязывая читателю мысль о некоем заговоре, "авторами" которого выступали либо "агенты мирового масонства", либо "группа подрывных элементов, подкупленных Генеральным штабом кайзеровской Германии".

Не принимая во внимание, в силу научной несостоятельности, "заговорщическую концепцию", определимся все же в понятийном обозначении данного, безусловно, макроисторического феномена.

Как известно, государственный переворот предполагает коллективные действия, имеющие своим следствием внезапную и незаконную смену власти, правительства или персонала политических институтов без радикального изменения политического режима, экономической организации и культурной системы в целом[1].

Революция же, напротив, выступает концентрированным проявлением масштабных социальных изменений. Последние начинают охватывать все уровни и структуры жизнедеятельности общества: экономику, политику, культурную и социальную организацию, повседневную жизнь людей. Причем привносимые в эти сферы трансформации обретают фундаментальный характер, ибо пронизывают сами основы социального устройства общества, коренным образом меняя всю его функциональную природу. Кроме того, если переворот не втягивает в свою орбиту сколько-нибудь значительные группы людей, то революция – это всегда небывалая мобилизация массовой активности и энтузиазма, всепроникающее осознание сопричастности к ней абсолютно всех слоев населения, независимо от того, имеет ли это чувство позитивный или негативный характер.

Вся история Октября 1917 г. и последовавших за ним, выражаясь словами писателя И. Бунина, "окаянных дней", говорит о том, что это была именно революция, но никак не переворот. Более того, учитывая, что революция эта своей данностью оказала во многом определяющее влияние на динамику всемирно-исторической эволюции на протяжении почти всего XX в., с полным основанием к ней можно отнести эпитет "великая". Но вместе с тем нельзя не признать, что в той же мере относимы к ней и мысли по поводу мифа о Великой французской революции, названной известным автором "такой славной, но такой варварской"[2]. Добавим: варварской не только по методам и средствам осуществления, но и по своим трагическим последствиям.

Теперь обратимся к вопросу о причинах и предпосылках Октябрьской революции 1917 г. Марксистско-ленинская теория революции объясняет их ставшей уже крылатой максимой: "Верхи не могли, низы – не хотели". Однако во множестве существующих в современном научном знании теорий революции (социологических, философских, исторических, политологических и даже психологических) предлагается целый ряд неоднозначных оценок по поводу генезиса революционных взрывов. Они так разнообразны и противоречивы, что теоретическая мысль пока не способна синтезировать их множество в какую-то единую систему, свести к какому-то общему знаменателю. Один из исследователей приводит в этой связи следующую, близкую, на наш взгляд, аналогию: "Изучение революций во многом подобно изучению землетрясений. Когда они происходят, ученые стараются извлечь смысл из множества собранных данных и построить теории для того, чтобы предсказать следующее. Постепенно мы на-

чинаем лучше понимать их, но каждое новое землетрясение вновь удивляет нас. Так же и наше знание революций, как и знание землетрясений, все еще ограниченно. Мы можем детально проанализировать их, перечислить некоторые благоприятные для них условия, но понять, что в точности они собой представляют, нам еще только предстоит"[3].

Тем не менее ясно одно: революция всегда есть результат некоего моментного стечения исторических обстоятельств, возникновения уникального соотношения разнохарактерных причинно-следственных связей, факторов и сил. Одни из них проецируются в сферу человеческого поведения, мотиваций, эмоций, идей и намерений, другие – в область социального и культурного бытия, третьи – экономических интересов и политических возможностей[4]. Еще более сложная и противоречивая мозаика мотивов, факторов и тенденций складывалась накануне Октябрьской революции в полуфеодальной и многонациональной России. И все же попытаемся выделить главные из них.

Нельзя не согласиться с советской историографией, что наиболее сильный импульс революционному катаклизму сообщил общероссийский кризис. Первая мировая война, военное противостояние Тройственного союза и Антанты, активным участником которой была Россия, уже через три года (к лету 1917 г.) породили небывалую хозяйственную разруху. К этому времени продукция промышленного сектора по отношению к 1916 г. (не говоря уже о довоенной базе) сократилась на 36,5 %. С марта по октябрь 1917 г. закрылось около 800 предприятий (цифра для аграрной России просто огромная), что вызвало сильнейший всплеск безработицы. В полное расстройство пришли финансы. Лишь за восемь месяцев своего правления Временное правительство выпустило кредитных билетов почти на 9 млрд. руб. (тогда как правительство Николая II за 32 месяца войны эмитировало их на сумму в 8,3 млрд. руб.). Огромная масса бумажных денег – "керенок" заполонила Российскую империю, вызвав беспрецедентную инфляцию. Уже к октябрю 1917 г. покупательная способность рубля составляла лишь 6–7 коп., а реальная заработная плата упала до 50 %. "Мы накануне великого экономического и финансового кризиса", – вынужден был признать А.Ф. Керенский.

Это подтверждала и ситуация, складывавшаяся на национальных окраинах империи, в том числе в Центральной Азии. Здесь резко снизились объемы сельскохозяйственного и промыш-

ленного производств. В 1917 г. площади под хлопчатником сократились почти на 200 тыс. дес. Упала добыча нефти и каменного угля. Катастрофически росла безработица. Быстрыми темпами раскручивалась спираль инфляции. Цены на муку увеличились на 157, масло – 300, обувь – 125, ситец – 300, мыло – 650, медикаменты – на 900 %[5]. В невероятных размерах выросли цены на основной продукт питания – хлеб. Лишь за один год – с 1916 по 1917 г. – стоимость пуда хлеба возросла почти в 30 раз[6].

Хлебный дефицит определялся в Туркестане в размере 50 млн. пудов; дневная хлебная норма снизилась в городах до 200 г, сельское же население было лишено и этого минимума. Началась повсеместная нехватка продуктов питания и как следствие – голод. В одном из донесений сообщалось, что "в Фергане наступает форменный голод". Такие же сведения поступали из других хлопкосеющих районов края. Голодало казахское и киргизское население Семиречья, которое не видело хлеба по 2–3 месяца[7]. Турар Рыскулов вспоминает: "...люди рвали друг у друга из рук мешки, наполненные мертвечиной и утоляли ею зверский голод"[8].

Хозяйственный коллапс, порожденный войной, многократно обострялся системным кризисом, который был связан с переходом общества от феодально-монархического типа к буржуазно-демократическому устройству. Обширные и массивные пласты российской феодально-иерархической структуры еще не были разрушены новым экономическим порядком, а соответствующие последнему социально-политические институты находились в стадии зачаточного развития.

Важнейшей составляющей общероссийского кризиса стал кризис политический. Правительство провозглашенной после Февральской революции 1917 г. Российской республики до конца так и не смогло определиться с концепцией государственного устройства страны и в принятии политических решений постоянно пребывало в шлейфе общественно-политических процессов и реалий. Лишения и страдания населения, угроза голода, война, продолжавшая собирать свою скорбную жатву, экономический и политический хаос снижали уровень терпимости в обществе, которое все более и более утрачивало иллюзии по поводу способности власти эффективно и быстро решить назревшие проблемы.

Несбыточность ожиданий и крушение надежд, связанных со свержением монархии, вызывали всеобщее отчаяние и озлобленность. Но, как точно заметил один из исследователей, "человек

озлобляется сильнее в тех случаях, когда теряет то, что имеет, чем тогда, когда он утрачивает надежду приобрести то, что еще не получил"[9]. А накануне революции складывалась именно такая ситуация, когда люди испытывали утрату привычных жизненных стандартов. Все эти процессы вызвали сильнейшую радикализацию населения. Данную тенденцию очень четко подметил В.И. Ленин: "...страна рабочих и беднейших крестьян...раз в 1000 левее Черновых и Церетели (эсеры и меньшевики. – *Авт.*), раз в 100 левее нас. Поживете – увидите"[10].

Так оно и оказалось. Летом 1917 г. предприятия многих городов Туркестанского края были охвачены стачками и забастовками. Массовый характер приняло забастовочное движение на горнодобывающих производствах Степного края – в Риддере, Экибастузе, на Карагандинских угольных копях, Спасском медеплавильном заводе, нефтяных промыслах Эмбы. Волна сопротивления властям перекинулась на сельское население. В массовом порядке крестьяне отказывались платить налоги, арендные платежи, захватывали земли, отторгнутые Переселенческим управлением, и ирригационные сооружения. В стихию бунта активно вовлекались солдатские массы. Они открыто не подчинялись своим командирам, отказывались выступить на фронт, дезертировали из армии. Солдатские акции неповиновения прошли в гарнизонах Лепсинска, Кушки, Верного, Перовска, Асхабада и других городов.

Предреволюционная ситуация в значительной степени обострялась и неспособностью Временного правительства радикально трансформировать политику самодержавия на национальных окраинах. Огромные расхождения в декларациях и реальных делах в области национальных отношений не сняли напряжения в этой сфере. По-прежнему продолжали функционировать органы старой администрации, сохраняли свои должности ставленники колониального аппарата. Тогда как одним из первых актов Временного правительства (18 марта 1917 г.) было объявление амнистии палачам национально-освободительного восстания 1916 г., жертвам карательных экспедиций царизма, изгнанным в Синьцзян, всячески отказывалось в возвращении в родные места. Более того, в Тургайской степи (крупнейшем очаге народного восстания) до конца весны 1917 г. сохранялось военное положение, а в Западной Туркмении карательная экспедиция генерала Мадритова жестоко расправлялась с восставшими иомудскими родами[11].

Разнообразные конфликты, стремительно нараставшие в пространстве Российской империи, требовали своего разрешения. Если не путем консенсуса, когда идеи и ценности, т. е. идеальный и материальный образ жизни, приводятся в соответствие с интересами большинства общественных групп, то любой другой ценой. Большевики, как никакая другая партия или общественная сила, поняли сложившуюся дилемму, изощренно используя ее реалии в своих далеко идущих интересах в борьбе за власть. Прокламируя приверженность идеям национального самоопределения ("Декларация прав народов России"), справедливости в решении аграрного вопроса ("Декрет о земле"), используя всеобщие настроения пацифизма ("Декрет о мире"), они сумели придать революционным процессам определенную предрешенность.

Таким образом, революция, назревавшая в стране, отнюдь не была, как это пытаются объяснить некоторые публицисты, экспортирована в "германском пломбированном вагоне" (имеется в виду приезд в Петроград Ленина из-за границы), а имела достаточно объективные предпосылки к своему свершению. Она оказалась созвучной и докапиталистическому характеру социальной структуры, сущностной природе аграрного общества (мы имеем в виду культурно-цивилизационный план) с его извечной ориентацией на ценности коллективизма и равенства. Именно поэтому, говоря о социальном характере движущих сил Октября, неправомерно увязывать их с гегемонией пролетариата или так называемым "революционным творчеством масс, пробудившихся в своем классовом самосознании и политической активности" (такую интерпретацию социальной базы революции давала сталинская методология).

Следует иметь в виду, что накануне революции не был устранен докапиталистический характер отношений собственности на аграрной периферии страны . Отсутствие легитимного права частной собственности на землю полностью блокировало капитализацию сельского хозяйства, порождало здесь процессы массовой пауперизации (обнищания) и люмпенизации. **Паупер-люмпенская стихия, помноженная на массовые явления маргинализации (маргиналом в данном случае выступал "переходный человек" – крестьянин, ставший рабочим, солдатом или матросом, бывший горожанин, оказавшийся беженцем, мелкий буржуа, облачившийся в тогу профессионального революционера, и т. д.) и послужила социальной базой революции.**

И это вполне объяснимо, ибо паупер-люмпенское маргинальное сознание, характеризующееся, как мы уже писали, разруше-

нием ценностных ориентаций и моральных норм, отчужденностью и разочарованием, озлобленностью и враждебностью, всегда нацелено на наиболее простое и радикальное решение проблем. Олицетворением и концентрированным выражением этих настроений стал "человек с ружьем" – солдат-фронтовик, в массе своей вчерашний крестьянин. Утратив относительное спокойствие и размеренность жизни традиционного деревенского мирка, он стремился обрести личную стабильность, выйти из разрушающего его состояние одиночества. В поисках утраченного он стал уповать на новые авторитеты взамен поверженных, которые обещали ему "царство божье" на земле и могли дать ясные указания как жить и что делать дальше. Этими "новыми авторитетами" и стали большевики. Такие их базовые лозунги, как "экспроприация экспроприаторов", "ни бедных, ни богатых", "кухаркины дети станут управлять государством" и т. п., были органично восприняты паупер-люмпенскими группами общества, составлявшими самый большой пласт его социальной структуры. Они требовали простых и скорых решений. И большевики предлагали им такую развязку: "Массе надо показать нечто очень простое, очень доступное ее разуму. Советы и коммунизм – просто... " (В. Ленин)[12].

Революция свершилась в ночь на 25 октября (по старому стилю) 1917 г. Отряды Красной гвардии, революционные солдаты и матросы заняли ряд вокзалов в Петрограде, Государственный банк, Центральную телефонную станцию. Крейсер "Аврора" с его мощными для того времени батарейными артиллерийскими установками вошел в Неву. В 24 ч 40 мин он дал сигнал к штурму Зимнего дворца, где заседало Временное правительство. В 10 ч Временно-революционный комитет выступил с обращением, написанным Лениным, в котором говорилось о низложении Временного правительства.

Вскоре революционными событиями оказались охваченными Средняя Азия и Казахстан. В конце октября началось вооруженное восстание в Ташкенте. Штабом его стали главные железнодорожные мастерские. Революционно настроенные силы включали в себя более 1000 вооруженных рабочих, солдат 1-го и 2-го Сибирских стрелковых полков, артиллерийских и пулеметных подразделений. Вскоре к ним присоединились демобилизованные солдаты-семиреченцы (около 700 чел.).

Им противостояли 17-й Оренбургский казачий полк и две казачьи сотни, школа прапорщиков, военная гимназия, отдельная офицерская часть, мусульманский батальон. Не имея пулеметов и располагая лишь незначительным числом легких артил-

лерийских орудий, эти формирования сконцентрировались главным образом в крепости Ташкентского гарнизона. После 4-дневного военного противостояния революционные отряды при поддержке артиллерии захватили гарнизонную крепость. Юнкеры и казачьи части были разоружены. К утру 1 ноября власть в городе перешла в руки восставших. Члены Туркестанского комитета Временного правительства были арестованы. 15 ноября 1917 г. состоялся III Краевой съезд Советов Туркестана, который объявил о переходе всей власти в крае в руки Советов. Тут же было образовано первое Советское правительство – Совет Народных Комиссаров.

После победы вооруженного восстания в Ташкенте Советы, опираясь на революционизированные военные гарнизоны, взяли власть в других городах края. В ноябре – декабре органы Временного правительства перестали существовать в Каттакургане и Термезе, Аулие-Ате и Чимкенте, Перовске, Ходженте и Кушке, Самарканде, Скобелеве, Андижане и Коканде. В начале января весь Туркестанский край (за исключением Бухарского эмирата и Хивинского ханства) стал советским.

Новый режим устанавливался и в городах Казахстана. В декабре 1917 г. революционные рабочие и солдаты взяли власть в свои руки в Кустанае, Тургайском уезде, Акмолинской области. В январе 1918 г. советскими стали Усть-Каменогорск, Павлодар, в феврале – Каркаралинск, и после восстания рабочих и солдат Советская власть установилась в Семипалатинске. В ночь со 2 на 3 марта 1918 г. вооруженное восстание, руководимое большевиками, вспыхнуло в Верном. Здесь отряды Красной гвардии и революционно настроенных казаков 2-го полка захватили правительственные учреждения, почту и телеграф, артиллерийский арсенал, находившийся в крепости. Комиссары Временного правительства и руководители казачьего Войскового совета бежали из города.

18–24 марта 1918 г. прошел областной съезд Советов в Уральске, который принял решение о роспуске уральского Войскового правительства и правительства Алаш-Орды (точнее его западного отделения), объявил мобилизацию фронтовиков в Красную гвардию. Тем самым съезд фактически декларировал установление в области Советской власти. Однако Войсковому совету при поддержке других оппозиционных сил (алашевцев, эсеров, меньшевиков и др.) удалось в ночь на 25 марта совершить антисоветский переворот, за которым последовали расправы над руководителями Советов. При этом многие из них были казнены

(А. Алмазов, П. Червяков, З. Половинкин, С. Пужалин и др.). Красный и белый террор становился реальностью революции[13].

К весне 1918 г. Советская власть была установлена на всей территории края. Причем процесс этот протекал преимущественно в мирных формах. Лишь там, где силы, неприемлевшие идеи Советов, смогли мобилизоваться, имели место вооруженные столкновения. Констатируя ситуацию, В. Ленин писал: "Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны"[14]. Между тем шествие это проходило в основном по городам и лишь в незначительной степени по аграрной периферии. А ведь как раз она и являла собой "громадную страну".

Революционные события в регионе разворачивались именно в городах или вдоль линий железнодорожных магистралей. И это вовсе не случайно, ибо здесь было главное средоточие сельско-городских рабочих, различных паупер-люмпенских слоев. Здесь же были достаточно многочисленны маргинальные группы населения, в частности солдатские массы. Например, в 1907 г. в Асхабаде насчитывалось 8000 солдат, тогда как рабочих – 600, в Мерве – соответственно 5000 и 800, Чарджуе – 3000 и 800[15]. Численность солдат в городах еще больше увеличилась накануне революции.

Именно в городах концентрировалась буржуазия (чиновники, частные предприниматели, интеллигенция и т. д.), а потому здесь большевистским активистам было удобнее всего внедрять в воспаленное маргинальное сознание образ врага и главного виновника всех бед, он становился более "видимым".

Таким образом, можно сказать, что на первых порах Октябрьская революция была именно городской и мало затронула деревню. Это признавал и Ленин: "Все знающие дело и бывавшие в деревне говорят, что наша деревня только летом и осенью 1918 года переживает сама "Октябрьскую" (т. е. пролетарскую) революцию"[16].

Почему же аул и деревня (равно – станица, кишлак и т. д.) края оказались в гораздо меньшей степени, чем город втянуты в революционные процессы? Почему национальное крестьянство оказалось менее революционным, чем русское? Объяснений на этот счет можно привести довольно много. Причем как конкретно-исторического порядка, так и более общего свойства.

Как известно, основной ячейкой социальной организации сельских структур была община. Собственность на землю – глав-

ное средство производства – имела в рамках ее коллективный характер. Другими словами, земля принадлежала общине в целом. Хозяйствующий индивид получал доступ к ней только будучи членом общины, лишь выступая ее частью. Жесткая зависимость от общины питала в крестьянском сознании сильнейший конформизм. Индивид всецело подчинялся группе (общине), ее установкам и интересам. Единственно возможную для себя гармонию он видел в своей полной слитности с коллективным целым – общиной, в растворении своего личностного "Я" в групповом "Мы". Формировавшаяся в русле такого конформизма солидарность служила механизмом сплочения и консолидации общины. Но внутриобщинная солидарность порождала и групповой антагонизм – неприятие каких-либо ценностных принципов, исходящих от запредельного по отношению к данной общине пространства. Любые вторжения извне воспринимались общинным сознанием как угроза привычным и устоявшимся порядкам, как посягательство на безопасность общины, а следовательно, и ее каждого члена. Отсюда более сильная установка массового сознания на сохранение сложившегося порядка вещей, чем на его изменение (к чему призывали большевики).

Выступая формой трудовой кооперации и взаимопомощи, община обеспечивала выживание каждого своего члена. Для нее был характерен такой традиционный институт, как патернализм, (от слова "патер" – "отец", "покровитель"). Суть его заключалась в том, что часть производимого в общине продукта перераспределялась в пользу ее неимущих членов. Общинник, случись с ним что-то непредвиденное, посредством института общинного патернализма обретал социальные гарантии на получение прожиточного минимума. Конечно, последний предоставлялся на кабальных условиях, выражавших, по сути, отношения эксплуатации. Но они выступали не в явном виде, а обретали форму неких "взаимных обязательств". Рядовые общинники обращались к сельской верхушке (патронам) за различной помощью (одалживали зерно, инвентарь и т. д.), превращаясь тем самым в ее клиентов. Эти крайне необходимые для них услуги оплачивались не только трудом и натурой, но и моральной признательностью.

Патрон выступал в сознании клиента "отцом родным", которому он обязан "до гроба". Такие патронатно-клиентные отношения, особенно характерные для национальной деревни, оборачивались не только экономической, но и личной зависимостью, крепко связывая человека со своим "благодетелем". Поэтому то, что в категориях большевизма трактовалось как эксплуа-

тация, в общинном крестьянском сознании обретало совершенно иное восприятие. Понятия "эксплуататор, эксплуатируемый" размывались иллюзиями коллективной, родственной, клановой взаимопомощи, общинными установлениями.

Таким образом, разнообразный комплекс традиционных институтов превращал общину в ту крепость, где крестьянин единственно чувствовал себя безопасно и стабильно. А потому за пределами общины, этой замкнутой оболочки, крестьянин не видел иного социального пространства. Все, что выходило за рамки данного, говоря словами К. Маркса, "микрокосма", в принципе, мало интересовало крестьянина, ибо это был не его мир (не случайно русская община называлась "миром"), а следовательно, не его жизнь.

Сказанное частью объясняет пассивное отношение деревни, кишлака и аула к событиям, происходившим в революционном городе (имело место и извечно враждебное или, по крайней мере, недоверчивое отношение крестьян к городу как к чуждой для них среде). В отличие от пролетариата, которому нечего было терять, "кроме своих цепей", крестьянин в случае протеста мог потерять все, а потому он не торопился делать революцию в своей деревне. (Не забудем и про двойственность крестьянина: в своем хозяйстве он одновременно выступал и как работник, и как хозяин своего предприятия.)

Кризис, в котором пребывала страна накануне революции, затронул все слои населения, однако на селе он имел специфику. В случае экономического кризиса, тем более в такой стране, как Россия, где сельский производитель мало зависел от рынка, крестьянин мог войти в своеобразную "полосу безопасности". Ею служило домашнее производство, т. е. натуральное хозяйство, которое обеспечивало крестьянину автономную самодостаточность. Как писал один из исследователей, "...труд крестьянина необходим для существования общества, однако существование общества в целом не является в той или иной мере необходимым для существования крестьянина"[17]. Другими словами, обладая "монополией на продовольствие", крестьянин вполне мог оставаться нейтральным и в условиях экономического и политического кризиса, даже общенационального.

В аграрной структуре региона помещичье землевладение не занимало сколько-нибудь заметного места. Переселенческая деревня и казачья станица вследствие колониальной политики царизма не знали дефицита в доступе к земле (в отличие, например, от Центрального аграрного района России или Украины). Поэто-

му большевистский "Декрет о земле", предполагавший уравнительное перераспределение земли, увлекал своей идеей крестьянские массы внутренней России, но не землеобеспеченных крестьян – колонистов края. Их он больше отпугивал, в том числе и по той причине, что декретом отменялась всякая национальная дискриминация в земельном вопросе. Отметим, что по этой же причине он с энтузиазмом был воспринят национальным крестьянством – жертвой колониальной земельной политики (аул и деревня находились в этом вопросе в оппозиции друг к другу).

Разным был уровень революционности в среде русского и национального крестьянства. Для крестьян было характерно разделение на семьи, локальные общности, родовые корпорации, кланы и т. д. Отсюда и дифеференциация интересов внутри всего крестьянства как социальной общности. Это обстоятельство если и не блокировало, то существенно затрудняло восприятие в его среде национально значимых идей и символов[18]. В известной мере с этим было связано и разновидение образа революции, которая в ее начальный период воспроизводилась в крестьянской ментальности как нечто аморфное, непонятное, противоречивое.

К тому же крестьянство оказалось неспособным проводить свои интересы самостоятельно. Нужна была авторитетная и эмоционально понятная внешняя сила, способная мобилизовать крестьянский революционный дух. Такой внешней силой выступали рабочие города и вооруженные солдаты из среды крестьян, а также крестьяне в "серых шинелях" (т. е. мобилизованные с фронта сельчане). И влиянию этой внешней силы были подвергнуты в большей степени именно деревня и станица.

Всеобщая воинская повинность, объявленная в годы империалистической войны, не распространялась на "инородческое" население. Поэтому национальная деревня не знала массового притока проводников идей революции в лице демобилизованных солдат из крестьян. (Правда, таковыми могли служить "возвращенцы", призванные по печально знаменитому царскому указу от 25 июня 1916 г. на тыловые, т. е. окопные работы.) Не знала национальная деревня в отличие от казачьей станицы и деревни и рабочих агитаторов. С ними все еще очень тесно была связана промышленная рабочая сила города. Она-то и являлась своеобразным передаточным звеном, каналом распространения в деревне брожений и политических идей из города.

Сказанное в какой-то мере дает объяснение, почему деревня "шагнула" в революцию лишь вслед за городом. Еще позднее в

этот процесс вступила национальная деревня. Один из видных партийных функционеров писал: "Октябрьская революция очень мало затронула аул, в особенности полукочевой и тем более кочевой... Октябрьский ураган пронесся мимо аула... "[19].

В деревню революция пришла с рабочими и солдатами в годы гражданской войны и военного коммунизма. В аул и кишлак они пришли еще позже – в годы силовых реформ. Но это были уже не заезжие рабочие, а 25-тысячники, посланные партией осуществлять коллективизацию. "Человек в шинели" был уже не красноармейцем РККА, а сотрудником ОГПУ. Но об этой трагической странице истории речь пойдет дальше.

Узурпация власти большевиками

Эволюция большевистского режима в тоталитарную систему началась сразу же после победы Октябрьской революции. Историческая динамика этого процесса обусловливалась как субъективными, так и объективными факторами.

Накануне революции Россия представляла собой, говоря словами Ленина, страну средне-слабого развития капитализма, в которой капиталистические формы "в сущности охватывали небольшие верхушки промышленности и совсем мало еще затронули земледелие"[20]. Большая часть населения, точнее 82 %, проживала на аграрной периферии, лишь в незначительной степени охваченной рыночными отношениями. Процесс капитализации сельского хозяйства блокировался сохранявшимися феодально-помещичьими порядками и крестьянской общиной, институты которой основывались на коллективистско-уравнительных представлениях.

Крайне суженное распространение отношений частной собственности, а отсюда и рынка, предопределило то, что социальная структура общества складывалась под влиянием именно докапиталистического типа расслоения. Его главной результирующей было воспроизводство огромнейшего паупер-люмпенского слоя (Ленин называл его "беднейшим крестьянством"). Средний класс – класс собственников – в силу отмеченных выше причин был представлен незначительными группами населения. А ведь именно этот класс являлся социальной базой демократии, ее главным востребователем, поскольку только демократия гарантирует ему "священное" право на частную собственность, только демократические институты (многопартийная система, парламент и т. д.) позволяют реализовать другие гражданские права, в том числе право на собственное и легитимное волеизлияние своих экономических и политических интересов.

Так называемый верхний класс, или господствующая элита, в принципе способен существовать при любых политических режимах (за исключением, естественно, коммунистического, который предполагает его экспроприацию). Что касается паупер-люмпенских масс, или нижнего класса, то их могут устраивать любые формы политического устройства, но особенно их привлекают те движения, идеология которых обыгрывает демагогический популизм.

Сказанное отчасти позволяет понять, почему российская политическая система не имела сколько-нибудь серьезных либерально-демократических традиций. **Зато, как это характерно для всех доиндустриальных, т. е. докапиталистических, социумов, в массовом сознании получали восприятие идеи коллективистской солидарности и равенства, авторитаризма и деспотии. Эти исторические реалии, безусловно, осознавались руководством и теоретиками большевистской партии, которые четко представляли социальную среду, в которой разворачивалась драма революции, и доминировавшие в ней стереотипы массового сознания.**

Решая возникшую в самом начале революции проблему — Советы или Учредительное собрание (которое предполагалось как форма парламентского устройства государства), — они однозначно заблокировали перспективу парламентаризма (в начале января 1918 г. "Учредиловка" по указу большевиков была распущена). Республика Советов, утверждал Ленин, является формой более высокого типа демократических учреждений по сравнению с буржуазной республикой при Учредительном собрании. Идея Советов привлекала большевиков и тем, что они были единственным органом, способным осуществить революционный захват власти, единственным каналом проведения политики партии в жизнь.

Вопреки измышлениям советской историографии, собственные партийные структуры большевиков на местах были крайне малочисленны и неорганизованны. Если в центре слом старого государственного аппарата и создание новых органов управления протекали почти одновременно, то на местах этот процесс осуществлялся куда как медленнее. "Человек с ружьем" как олицетворение охлократии (власть толпы) очень быстро справился с "разрушением старого мира", но созидательные начала, конечно же, реализовать не мог. В условиях образовавшегося вакуума власти только Советы могли заполнить его. Поэтому Ленин в обращении к населению прямо наказывал: "Товарищи трудящиеся!.. Ваши Советы — отныне органы государственной власти... Бери-

тесь сами за дело снизу, никого не дожидаясь. Установите строжайший революционный порядок... Берите всю власть в руки своих Советов"[21].

И местные Советы решили эту задачу более чем успешно. Но Советы осуществляли в пределах своих территорий и политику управления. Правда, в силу разрыва связей с центром политика эта не всегда и не везде проводилась в нужном для него направлении. Очень часто лозунг: "Вся власть Советам!" понимался как независимость от центральной власти, как легитимно (законно) предоставленная возможность реализовать узкоместнические и сепаратистские устремления. Сплошь и рядом волостные органы не подчинялись уездным, а те, в свою очередь, губернским. Возникали споры и трения между Советами и исполнительными комитетами, те же могли не реагировать на решения съездов Советов как высших органов власти. Обычной практикой стало, когда отделы исполкома игнорировали свои Советы как власть на местах и обращались за указаниями непосредственно в соответствующие отраслевые Народные Комиссариаты в центре[22].

И все же нарушение в структуре соподчиненности органов власти не обернулось полным хаосом и развалом управления. Главное было сделано: власть была взята и новые революционные порядки обретали силу. Советы взяли на себя руководство экономической, политической и культурной жизнью. Они осуществляли демонтаж старого государственного аппарата. Так, в соответствии с постановлением Совнаркома РСФСР "О переходе власти к Советам" (28 октября 1917 г.) были отстранены от должности областные комиссары Временного правительства, а в начале 1918 г. повсеместно были распущены управления уездных комиссаров. Упразднялись также органы местного самоуправления: исполкомы Временного правительства, комитеты общественной безопасности, киргизские (казахские) комитеты. Ликвидировался весь аппарат Переселенческого управления, через который осуществлялась колониальная земельная политика в крае[23].

В течение первой половины 1918 г. решением местных Советов почти во всех городах Средней Азии и Казахстана распускались городские думы, продовольственные управы и комитеты, земства. Ликвидировались старые судебные органы, однако процесс этот затянулся до 1920 г., поскольку революционный порыв столкнулся здесь (впрочем, как и в большинстве других административно-управленческих сфер) с отсутствием квалифицированных кадров. Но возникший вакуум уже весной 1918 г. был заполнен "более эффективными и пролетарскими", с точки зрения

большевистских реформаторов, революционными трибуналами, одно название которых приводило в трепет население. Для борьбы с контрреволюцией 15 декабря 1917 г. была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК). 9 сентября 1918 г. была учреждена ТуркЧК. Вслед за этим "чекистский карающий меч революции" вознесся почти во всех областях, городах и уездах региона.

Деятельность Советов была связана и с организацией Красной гвардии. В "Инструкции Красной гвардии Туркестанского края", утвержденной Ташкентским Советом, писалось, что она "представляет... сознательную вооруженную силу рабочего класса"[24]. Уповая на "революционную сознательность пролетариата", инструкция тем не менее оговаривала, что вступление в Красную гвардию обязательно для всех рабочих в возрасте от 18 до 45 лет. Одними из первых были сформированы отряды Красной гвардии в Перовске, Самарканде, Кушке. "Красной гвардией" стали сарбазы Амангельды Иманова[25]. Формировались также рабочие и партийные боевые дружины (например, в Верном, Коканде, Ташкенте и др.), отряды народной милиции (Скобелев, промыслы Чимион). Советы пытались рекрутировать в свои вооруженные отряды и коренное население. Так, например, Асхабадский Совет обращался к нему со следующим воззванием: "Хотите ли вы, трудящиеся-мусульмане, быть равными со всеми, достигнуть высшего культурного развития? Все, кто этого хочет, должен идти к своим Советам... записаться в их дружины... "[26]

Отряды Красной гвардии подчинялись непосредственно Советам или своим штабам. Численность гвардейцев к середине 1918 г. составляла 11 тыс. человек[27]. В середине января 1918 г. центральным советским правительством был принят декрет о создании Рабоче-крестьянской Красной Армии, согласно которому она должна была формироваться строго по классовому принципу. Уже в конце января началась запись добровольцев в Туркестане и Казахстане. "Приток добровольцев велик", – писали советские газеты. Между тем к середине мая в Красную Армию вступило чуть более 2 тыс. человек[28]. В условиях вялотекущей самомобилизации населения в "пролетарскую армию" и нараставшей изо дня в день военной конфронтации большевики отошли от жесткой классовой селекции в военном строительстве и принципов добровольности. В конце марта была введена обязательная воинская повинность (декрет ВЦИК "О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию"). При этом добровольческие начала распространялись лишь на коренное население реги-

она (до мая 1920 г.). В результате принятия этой меры уже менее чем через два месяца (к середине 1918 г.) в вооруженных силах революции насчитывалось до 20 тыс. человек (включая сюда отряды Красной гвардии и местной самообороны, рабочие и коммунистические дружины)[29]. В этом была заслуга и местных Советов (в частности, их военных секций).

Весьма жестко местные Советы расправлялись с оппозицией. Закрывались ее печатные органы: газеты "Туркестанский курьер", "Туркестанское слово", "Туркестанский вестник" (Ташкент), "Асхабад", "Степная речь" (Петропавловск), "Семипалатинский день", "Алтайский луг" (Усть-Каменогорск) и др. Решением I Тургайского областного съезда Советов (март – апрель 1918 г.) была запрещена газета "Казах", которая в свое время инициировала консолидацию либерально-демократической казахской интеллигенции. По решению Советов запрещалась деятельность национальных партий "Шурои-Ислами", "Улема", "Алаш", украинских, армянских, еврейских организаций[30]. Под запретом оказались мусульманские комитеты в Закаспийской области.

Руководствуясь изданным в первые же часы революции "Декретом о земле", Советы решали вопросы поземельных отношений. Были национализированы и разделены земли колонизационного фонда, церковные и монастырские земли. В решениях Актюбинского уездного съезда Советов (март 1918 г.) было записано: "Все земли переходят в пользование трудящихся без различия национальностей"[31]. Советы осуществляли в решении аграрного вопроса и экспроприационные меры. Так, весной 1918 г. целый ряд аульных, сельских и волостных Советов по наказу безземельных казахских шаруа и крестьян провел частичный передел пахотных и сенокосных угодий, отчужденных у кулацких и зажиточных хуторских хозяйств, богатых баев. В некоторых волостях Семиреченской области была проведена ограниченная конфискация скота у крупных баев[32].

Последовательно проводилась в жизнь и большевистская установка о введении на предприятиях так называемого рабочего контроля. Вслед за этой акцией Советы осуществили национализацию предприятий горнодобывающей, нефтяной и угольной промышленности, перерабатывающих заводов, железных дорог, пароходств, банков.

Ясно осознавая, что неграмотный человек находится вне политики, новая власть вплотную занималась культурно-просветительской и образовательной сферами, перестраивая их в духе большевистской идеологии. Создавалась широкая сеть образователь-

ных учреждений (школ, курсов для безграмотных и малограмотных). Налаживался выпуск просоветских газет. При содействии Советов в крае открывались избы-читальни, народные библиотеки, народные университеты (в Семипалатинском народном университете, например, организованном в апреле 1918 г., было около 500 слушателей), культурно-национальные общества (в том же Семипалатинске действовало "Латышское культурное общество"), в апреле 1918 г. в Усть-Каменогорске был открыт первый в Казахстане народный театр[33]. Много сделали Советы в области перестройки системы здравоохранения, сохранения культурных ценностей и т. д.

Надо сказать, что деятельность Советов распространялась главным образом на города, уездные и отчасти волостные центры. Деревня в гораздо меньшей степени была охвачена их влиянием. Но и там, где они создавались, Советы выступали таковыми лишь по форме. По своему же содержанию они в точности повторяли всю прежнюю структуру сельского самоуправления. Признавая этот факт, большевики объясняли его "темнотой и забитостью крестьянства, отсталостью его сознания". Между тем крестьянское сознание оставалось вполне рациональным, по крайней мере, таким же, каким было на протяжении всей истории существования традиционного аграрного социума. Оно было плотью от плоти общинной организации крестьянского производства и всей социальной жизни. **Общинно-корпоративное сознание предполагало общину в качестве единственно моральной организации и не принимало другие формы саморегуляции и самоуправления. Тем более, если они насаждались извне (извечная общинная ксенофобия – отторжение всего внешнего как чужеродного). Поэтому патриархальная замкнутость и привычная модель самоуправления в деревне продолжали сохраняться, несмотря на "ветры перемен".**

Сплошь и рядом большевики были вынуждены констатировать "проникновение в местные Советы кулацко-байских элементов". Объяснение этому они находили в "неразвитости процессов классовой дифференциации в среде крестьянства". Но процессы эти протекали более чем интенсивно. Правда, расслоение имело докапиталистический характер (в отсутствие буржуазной частной собственности и дезинтеграции сельских производителей относительно рынка другим оно быть не могло). А потому социальными продуктами его были не сельская буржуазия и пролетариат, а традиционная верхушка и пауперизированные низы. В рамках традиционной аграрной структуры между этими клас-

сами устанавливались своеобразные патронатно-клиентные отношения. Патронами выступала сельская социальная верхушка, монополизировавшая весь процесс крестьянского производства, а клиентами – люди, не владевшие материальными условиями труда в объеме достаточном для ведения самостоятельного хозяйства.

Существование "класса" клиентов зависело от традиционных патерналистских отношений, т. е. так называемого института социальных гарантий (перераспределения части общественного продукта в пользу неимущих индивидов). Основная же часть материального фонда социальных гарантий находилась под контролем сельских верхов. Поэтому доступ клиентов к нему обусловливался их подчиненностью и лояльностью патронам. Понятно, что в лице сельской клиентелы последние обретали послушных сторонников в любых своих инициативах. Естественно, эти отношения распространялись и на сельские Советы, которые находились под полным влиянием "кулацко-байских элементов". Марксистский тезис "бытие определяет сознание" подтверждал свою правоту, правда, в данном случае в ущерб большевикам.

Не меняя экономический базис (отношения собственности), нельзя было радикально изменить политическую надстройку сельских структур, а поэтому все "надстроечные" попытки большевиков, в том числе и в области "советизации" села не получали здесь фундаментальных результатов (как бы ни доказывала обратное советская историография). Только в годы коллективизации большевики коренным образом изменили "базис" крестьянского социума. Произошло это в результате огосударствления отношений собственности в деревне, когда надстройка пришла в соответствие с базисом. В русле этой "классовой гармонии" традиционные патронатно-клиентные отношения уступили место их советской модификации. Крестьянство было превращено в безропотных клиентов нового всемогущего патрона – тоталитарного государства. **Таким образом, в доколхозный период Советы оставались по преимуществу надстройками, естественным образом отторгавшимися социально-экономической и социально-психологической природой сельского общества.**

Итак, в Октябрьскую революцию большевики вошли с лозунгом "Вся власть Советам!". Его же они закрепили и в первой Конституции (1918 г.), в которой было записано, что власть принадлежит "всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах"[34]. Иначе говоря, в основу государственного устройства легла идея "полновластья Советов".

Причем последние должны были соединять в себе как законодательные, так и исполнительные функции (депутаты Советов обязывались принимать законы, обеспечивать их исполнение и контроль, нести ответственность за их осуществление). Не демократический принцип разделения ветвей власти (законодательной, исполнительной и судебной), а единство и неделимость власти стали базовым конституционным положением. И действительно, первое время революции Советы как органы самоуправления, формируемые "снизу", монополизировали все властные функции, оставаясь единственной властью на местах. Но уже к середине 1918 г. они утратили свою многопартийность, оказались полностью большевизированными и проводили в жизнь волю лишь одной партии. Но даже при такой лояльности Советов и абсолютном контроле над ними со стороны большевиков центры власти стали перемещаться в партийные структуры.

По сути дела, Советы были органами народной власти и народного самоуправления на местах лишь до начала гражданской войны (всего полгода). Далее произошло свертывание их реальной роли, ибо власть в соответствии с различными большевистскими декретами перетекала к чрезвычайным органам (комитетам бедноты, ревкомам, комиссарам и уполномоченным, чрезвычайным комиссиям и т. д.)[35]. В марте 1919 г. Ленин, констатируя реальную ситуацию писал, что в стране нет другой политической силы, кроме партии большевиков, способной повести народ к социализму. Советы же виделись уже как один из многих рычагов (наряду с профсоюзами, кооперацией и т. д.) в руках партии для управления. Другими словами, оказавшись под полным контролем партии большевиков, они начинали утрачивать роль всесильного института народовластия, превращаясь больше в его символ.

Кроме того, с самого начала Советы рассматривались как организационная форма "диктатуры пролетариата". Что не на декларациях, а в действительности подразумевалось под "диктатурой пролетариата", пожалуй, откровеннее всех сказал один из самых заметных большевистских лидеров того периода Г. Зиновьев. Выступая на XII съезде РКП(б), он говорил: "Почему мы должны стыдиться сказать то, что есть и чего нельзя спрятать? Диктатура рабочего класса имеет своей предпосылкой руководящую роль его авангарда, т. е. диктатуру лучшей его части, его партии. Это нужно иметь мужество смело сказать и защищать..."[36] Под авангардом же, лучшей его частью понималось партийное меньшинство, руководство во главе с Лениным. Присвоив себе

право выступать выразителями интересов и чаяний рабочего класса, большевики установили в стране диктатуру вождя, высшего партийно-государственного руководства, номенклатурного слоя в целом. Используя изощренную демагогию и манипулируя массовым сознанием, они насаждали идеи социального шовинизма, разворачивали репрессии против всякого инакомыслия.

Таким образом, становилось очевидным, что диктатура пролетариата, как и полновластье Советов, обретали характер не более чем идеологического прикрытия борьбы за власть и монополизацию ее узкой группой людей. Народовластие не состоялось, а большевистская узурпация власти набирала обороты. Так было положено начало формированию тоталитарной системы.

Оппозиция и военно-политическая борьба в регионе

"Прекрасная вещь революционное насилие...", — говорил Ленин. Насилие это, возводимое в идеологический абсолют нарождавшегося "государства рабочих и крестьян", начинало определять логику его развития и самого существования, концентрированным выражением чего явилась гражданская война. В ходе ее миллионы приверженцев красного террора клали свои жизни на алтарь революции, становясь жертвами столь же страшного и беспощадного белого террора.

Огненная межа величайших страданий, крови и жертв прошла по Средней Азии и Казахстану. Здесь большевикам противостояли различные областные (казачьи) и национальные правительства, созданные накануне и в дни Октября, силы белого движения.

Так, уже в конце ноября 1917 г. национальные и клерикальные партии Туркестана (Шарои-Исламия, Шарои-Улема), апеллируя к большевистскому лозунгу о праве нации на самоопределение, предприняли попытку придать краю статус автономии с дальнейшим его отделением от Советской России. С этой целью IV Общемусульманский съезд принял решение об образовании Туркестанского временного совета и автономного Туркестанского правительства во главе с М. Тынышпаевым, а затем М. Чокаевым. Местом проведения съезда и пребывания руководящих органов автономии стал город Коканд (потому она и получила название "Кокандской"), расположенный в Ферганской долине торгово-промышленной и религиозный центр (382 мечети, 42 медресе, около 6 тыс. мусульманских служителей)[37]. Военные силы Кокандской автономии (около 1,5 тыс. чел.) были представлены

отрядами по преимуществу басмаческого типа во главе с Иргашем, человеком, по отзывам очевидцев событий, весьма сомнительной биографии и репутации. После отстранения от власти М. Чокаева (под давлением улемистов), именно он стал главой правительства, придав действиям последнего откровенно авантюрный характер. В феврале 1918 г. силы автономистов были разбиты отрядами Красной гвардии из Перовска, Андижана, Ташкента. Отряды Иргаша рассеялись в Ферганской долине[38].

В ноябре 1917 г. против Советов выступил атаман оренбургского казачества А. Дутов. Располагая почти профессиональными вооруженными силами (военная служба – важнейший атрибут казачьего сословия, а военная организация – один из стержней его социальной структуры) численностью около семи тысяч сабель, Дутов захватил Оренбург, Челябинск, Троицк, блокировал железнодорожное сообщение с Туркестаном. В марте – апреле 1918 г. дутовцы потерпели поражение от красных отрядов и отошли в Тургайские степи. Однако летом они вновь заняли Оренбург. Широкомасштабная мобилизация, проведенная в среде уральского казачества, позволила А. Дутову собрать под знамена "белой" идеи 22 тыс. штыков, тогда как в революционных войсках насчитывалось лишь около 2 тыс.[39] В этой связи В. В. Куйбышев сообщал В. Ленину: "Колебания казаков кончились. Мы не сумели использовать полгода борьбы, чтобы привлечь трудящееся казачество на сторону революции"[40].

В ходе развития дальнейших военных событий Оренбургская армия Дутова стала в оперативном отношении частью колчаковского движения. При этом Дутов, получив из рук омского верховного правителя золотые погоны генерал-лейтенанта (1919 г.) и признавая его власть, сумел оговорить незыблемость уклада Оренбургского казачьего войска и неприкосновенность "его территории", чем, понятно, возымел симпатии казачьего сословия. После поражения колчаковцев в Актюбинской операции советских войск (14 августа – 14 сентября 1919 г.) Дутов ушел со своими силами в Семиречье, а оттуда – в Западный Китай.

Очагом сопротивления Советской власти являлось Семиречье. Здесь в начале ноября 1917 г. казачий Войсковой совет, опираясь на поддержку алашевцев, эсеров и меньшевиков, установил режим неприятия большевизма и разогнал Советы. В дальнейшем противостояние развивалось с переменным успехом. После установления Советской власти в Верном, в южных станицах, окружавших центр Семиреченской области, и северных станицах Копальского и Лепсинского уездов начался контрреволю-

ционный мятеж (апрель 1918 г.). В июне он был подавлен красногвардейскими отрядами, а Семиреченское казачье войско, как и органы его управления, упразднены. Это вызвало недовольство значительной части казачества, подвигшего его к новой волне мятежей. Для их поддержки от Семипалатинска в направлении Сергиополя были направлены отряды белой гвардии, в том числе так называемая партизанская дивизия атамана Б. В. Анненкова (до 10 тыс. человек). Потомственный дворянин, внук знаменитого декабриста, Анненков отличался почти садистской жестокостью (об этом, в частности, свидетельствуют протоколы суда над ним в Семипалатинске в 1927 г., по решению которого он был расстрелян). Своим частям атаман (тогда ему было 28 лет) давал экстравагантные названия – черные гусары, кирасиры, атаманский полк и т. д. Не менее вызывающей была их форма: красные башлыки, черно-красные ленты, белые ремни, череп с двумя перекрещенными костями на фуражках[41].

"Верховный правитель" России, адмирал А. Колчак произвел Б. Анненкова в генералы (семипалатинские купцы по этому случаю преподнесли ему погоны из литого золота в 2,5 фунта весом каждый) и назначил командующим отдельной Семиреченской армией[42]. Для борьбы с этими силами был образован советский Семиреченский фронт, протянувшийся от предгорий Джунгарского Алатау до степей Прибалхашья. В тылу у белых войск находился Черкасский район крестьянской обороны (12 селений Лепсинского уезда), сдерживавший их прорыв к Верному.

В марте 1918 г. антисоветский переворот произошел в Гурьеве. Его организатор В. Толстов через год провозгласил себя атаманом Уральского казачества. В марте 1919 г. – январе 1920 г. генерал-лейтенант установил в Приуралье и Северном Прикаспии (до северо-западного побережья Аральского моря) военный режим, сотрудничавший в оперативном отношении с Колчаком, а затем с Деникиным. Свое существование толстовский режим прекратил с завершением Уральско-Гурьевской операции, проведенной советскими войсками Туркестанского фронта. В ходе ее Уральская армия В. Толстова потерпела поражение, а ее фрагменты отступили на Мангышлак, где и были в дальнейшем окончательно ликвидированы[43].

С каждым месяцем гражданское противостояние приобретало все больший размах. В мае 1918 г. поднял мятеж чехословацкий корпус, растянувшийся по Сибирской железнодорожной магистрали до Владивостока (по согласованию с Советским пра-

вительством его эвакуация из России предполагалась морским путем). В конце мая была свергнута Советская власть в Петропавловске, где находились части чешских легионеров, численностью до двух тысяч солдат и офицеров, а в июне режим сменился на всей территории Семипалатинской и Акмолинской областей.[44]

При поддержке чехословаков власть в Сибири (включая Акмолинскую и Семипалатинскую области) захватило Временное сибирское правительство. Однако, пригласив в правительство военным и морским министром адмирала А. В. Колчака, оно уже через две недели было низложено в результате осуществленного им переворота (18 ноября 1918 г.).

Весной – летом 1918 г. в Советской России разразился кризис заготовок сельхозпродукции. В целях его разрешения стала осуществляться так называемая продовольственная диктатура: все хлебные излишки (т. е. произвольно установленные сверх нормы потребления) объявлялись государственной собственностью и подлежали отчуждению. Экономическая и политическая реакция крестьянства в большинстве случаев выразились в неприятии этой меры.

В отличие от большевиков аграрная политика Колчака была ориентирована на усиление частнособственнического характера в поземельных отношениях, отмену государственной монополии на хлебную торговлю и ее либерализацию. Это позволило расширить социальную базу движения. В результате весной 1919 г. в армии Колчака насчитывалось более 400 тыс. человек (из них непосредственно на фронте – 130 тыс. солдат и офицеров)[45], что делало ее самой мощной угрозой Советам, а Восточный фронт – важнейшим объектом внимания большевистского правительства. Вскоре, однако, террор, развернутый колчаковцами, и репрессии против всех лиц, нарушивших "права" различных земельных собственников и владельцев (а земельные захваты в первые же месяцы революции носили массовый характер), а также боязнь крестьян потерять земельные преимущества, полученные большевистскими аграрными декретами, стали усиливать "красную" переориентацию в среде сельских жителей. Подтверждением тому стало разраставшееся партизанское движение в тылу Колчака.

На серьезную оппозицию новая власть натолкнулась в Закаспийской области. В феврале 1918 г. большевики с помощью военной силы разогнали Областной мусульманский съезд и туркменские комитеты, а также те Советы, в которых большинство принадлежало меньшевикам и правым эсерам: в мае 1918 г. были рас-

пущены Совдепы Асхабада и Кизиларвата. Проводниками власти в этих городах стали военно-революционные комитеты. На короткое время в области наступило относительное спокойствие.

Но в июле 1918 г. в Закаспии вспыхнул антибольшевистский мятеж. Силы контрреволюции, представленные меньшевиками, эсерами, офицерством и туркменскими националистами, захватили власть в свои руки. В центре области – Асхабаде было создано Временное закаспийское правительство во главе с правым эсером Фунтиковым[46]. На военно-политической карте Туркестана появился новый фронт – Закаспийский. Его появление создало плацдарм для иностранной военной интервенции в Среднюю Азию. В августе 1918 г. в Закаспий вошли британские отряды индийских сипаев, которых вскоре сменили шотландские и ирландские пулеметные подразделения. С образованием Оренбургского, Семиреченского и Закаспийского фронтов Туркестан был отрезан от Советской России и оказался, по сути, в блокаде. В Казахстане белое движение контролировало две трети его территории.

Однако во второй половине 1919 – начале 1920 г. военно-политическая ситуация в регионе изменилась в пользу Советов. К этому времени Красная Армия одержала ряд побед над вооруженными силами Колчака, все больше вытесняя их на восток. Это позволило высвободить часть сил, задействованных на Восточном фронте и сформировать из них Туркестанский фронт (командующим был назначен М. Фрунзе). В начале 1919 г. войска Туркфронта начали наступление на Закаспий и в феврале 1920 г. он вновь стал советским (в этот день после восьмичасовой осады отряды Красной Армии захватили последний опорный пункт белых – каспийский порт Красноводск). К началу апреля 1920 г. контрреволюция потерпела поражение в Семиречье. В июле в центре области – Верном – вспыхнул новый антисоветский мятеж, но он был быстро подавлен[47].

Самая серьезная угроза большевистскому режиму в Туркестане исходила от басмаческого движения. На протяжении почти 15 лет оно играло роль главного фактора антисоветской оппозиции в крае. Участники этого движения именовали себя "мусульманскими народными войсками", большевистская же пропаганда – "шайкой откровенных уголовников и бандитов". Между тем в борьбе с этой "шайкой" были задействованы крупномасштабные силы специально созданного Ферганского фронта, а первые серьезные поражения красных отрядов вынудили пролетарского полководца М. Фрунзе признать, что их противники "не

просто разбойники, если бы это было так, то... с ними давно было бы покончено"[48].

Во второй половине 1918 г. в Ферганскую долину вошли отряды (до 500 чел.) Иргаша, который после ликвидации Кокандской автономии бежал в Китай. Вокруг их ядра стали объединяться более мелкие басмаческие группы. Вскоре, однако, руководство басмаческим движением перешло к Мадамину Ахметбекову (в 1913 г. за уголовное преступление он был приговорен царским судом к 14 годам каторги)[49]. В начале 1919 г. группировка Мадамин-бека, именовавшегося амиром аль-муслимин (главнокомандующим вооруженными силами мусульман) и правителем Ферганы, действовала в Скобелевском, Андижанском и Наманганском уездах. Отряды Иргаша оперировали преимущественно в Кокандском уезде. К весне 1919 г. численность этих сил достигла 10 тыс. человек[50].

К началу 1920 г. в Фергану были стянуты крупные советские формирования (2-я стрелковая дивизия – свыше 12 тыс. чел. и 52 пулемета, 1-я Приволжская татарская бригада и др.). В результате их действий басмачи потерпели ряд крупных поражений. В марте капитулировал Мадамин-бек, заявивший о своем согласии перейти в подчинение Советской власти. После этого руководство ферганским движением перешло к авторитетному курбаши Курширмату (Мадомин-бек, прибывший в его ставку с целью склонения к мирным переговорам с Советами был, обезглавлен). К середине лета 1920 г. в Ферганской долине действовали басмаческие отряды численностью около 30 тыс. человек. М. Фрунзе телеграфировал Ленину об опасности утраты большевиками Ферганы[51]. В результате было принято решение о передислокации сюда основных сил Туркестанского фронта. Их действиями к концу 1920 г. более или менее крупные басмаческие соединения (Курширмата, Муэддина, Хал-ходжи, Алияра, Джаныбека, Казакбая, Кулибая и др.) были разбиты или рассеяны. Однако расположение Ферганской долины, окруженной Чаткальским (на севере), Ферганским (на востоке), Алайским и Туркестанским (на юге) горными хребтами, общая граница с Китаем и Афганистаном позволяли многим отрядам уходить от преследования советских войск. А потому Фергана еще долго оставалась центром оппозиции[52]. Локальные очаги басмачества возникали в этот период и в других районах Туркестана. Так, в долине р. Ангрен, в селениях Аблык, Пенгаз и Ашава бои с Советами вели отряды Рахманкула и Ашурмата. Их действия создавали угрозу Ташкенту, поскольку разворачивались лишь в 80 верстах к юго-

востоку от него. В труднодоступной горной местности в верховьях Зеравшана (в этой части течения река называется Матчей) басмаческие курбаши объявили о создании самостоятельного государства. Ликвидировать Матчинское бекство удалось лишь в 1923 г.[53]

Басмаческое движение на территории Средней Азии имело устойчивый характер. С одной стороны, размах басмачества был вызван объективными социально-экономическими предпосылками, в первую очередь сильнейшим хозяйственным кризисом. Например, в Ферганской долине – главном очаге басмачества острое аграрное перенаселение (на 1,5 млн. жителей приходилось лишь 800 тыс. дес. земли) породило массовое обезземеливание крестьян. В 1918 г. здесь насчитывались сотни тысяч чайрикеров (издольщиков), утративших привычные источники существования и оказавшихся на грани выживания[54]. (Голод унес до одной трети всего населения Ферганы.)[55] Огромные масштабы пауперизации и люмпенизации воспроизводили ту, поистине массовую социальную базу басмаческого движения, которая превратила его в самую грозную антисоветскую оппозицию в крае.

На масштабах басмачества не могла не сказаться и политика Советов, в которой обнаруживалось мощное присутствие авантюрно-революционаристского романтизма, густо замешанного на рецидивах колонизаторской психологии. Игнорирование веками отлаживавшейся системы взаимоотношений власти с феодально-клановой элитой и религиозными авторитетами, прочно сцементированной исламом, непонимание, что последний не только религия, но образ жизни порождали в массовом сознании отторжение такой политики. "Кишлак" как средоточие вековых устоев традиционного общества отверг попытки "города" кавалерийским наскоком революционизировать его структуры. Перенос революционного опыта Центральной России на традиционную периферию обернулся жестким противостоянием с огромным количеством жертв с той и другой стороны.

Средняя Азия и Казахстан познали все ужасы братоубийственной гражданской войны, в годы которой одна часть их территории находилась под властью сил, не приемлевших революцию, другая – сохраняла Советскую власть. Территория региона оказалась в театре военных действий как крупных (Восточный, Туркестанский, Запаспийский, Уральский), так и локальных фронтов (Актюбинский, Семиреченский, Ферганский). Материальные ресурсы края, ослабленные колониальной политикой (карательные

акции после национально-освободительного восстания 1916 г.), первой мировой войной (только из уездов Семиречья на "нужды войны" было вывезено около 548 тыс. голов скота)[56], оказались подорванными до критического состояния.

Огромны были людские потери. Причем не только прямые, т. е. как результат непосредственно военных действий, но и косвенные – как следствие репрессий против мирного населения, эпидемий, голода и других лишений. Не счесть числа жертв террора, как белого, так и красного. Только в Оренбурге во время правления Дутова погибло более 900 человек, жертвами колчаковского режима стали более 25 тыс. человек. Очевидцы рассказывали, что вдоль полотна железнодорожной магистрали на столбах раскачивались труппы сотен повешенных[57].

Террористической была и диктатура большевиков, которая возвела террор в ранг государственной политики. Решения ВЦИК от 2 сентября и Совнаркома от 5 сентября 1918 г. официально провозглашали введение красного террора.

24 января 1919 г. Оргбюро ЦК партии большевиков приняло директиву об отношении к казачеству. В ней требовалось: "Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно, провести беспощадный массовый террор по отношению вообще ко всем казакам, принявшими какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью"[58]. В результате большевистских антиказачьих репрессий потоки беженцев текли рекой, опустошались целые станицы. Выступая на одном из заседаний в декабре 1920 г., Ленин признает факт расказачивания: "Нашим Комиссариатом земледелия... определено количество земель, которые мы не сможем обработать, не меньше чем в три миллиона десятин по реке Уралу, оставленных казаками в результате победоносного окончания гражданской войны, когда ушли целые станицы"[59].

Идеология террора последовательно насаждалась в сознании приверженцев революции, вождь которой требовал от партфункционеров "поощрять энергию и массовидность террора". Получив пролетарскую индульгенцию на изничтожение идеологических противников, органы ВЧК репрессировали в 1918 г., по официальным данным, 31 489 человек, из которых 6185 расстреляли, 4068 взяли в заложники и 21 236 заключили в тюрьмы и концентрационные лагеря[60]. Но это далеко не полные сведения. Учитывая, что сюда не вошли сводки местных ЧК, а также жертвы "стихийных расправ красных борцов и трудящихся", масштабы "скорбной жатвы" следует многократно помножить.

Красногвардейская атака на капитал: политика "военного коммунизма"

Стратегическую цель социалистической революции Ленин связывал с переходом "всех средств производства в собственность народа". Более точным был Ф. Энгельс, у которого в качестве получателя собственности на средства производства указывается не коллективная абстракция (народ), а конкретный адресат. С захватом пролетариатом власти, писал он, средства производства превращаются "прежде всего в государственную собственность"[61].

Идея огосударствления собственности на средства производства с самого начала стала альфой и омегой большевистской революции. Ее воплощение в жизнь проходило с жесткой последовательностью. В первые же послеоктябрьские дни была развернута, выражаясь словами Ленина, "красногвардейская атака на капитал". По всей стране прошли широкомасштабные конфискации и контрибуции, а также другие чрезвычайные акции, направленные против "городской буржуазии и буржуазной интеллигенции".

Не был исключением и Среднеазиатский регион. Так, в г.Туркестане местный Совет наложил на горожан контрибуцию в 1 млн. руб., Казалинский Совдеп – 500 тыс., Аулиеатинский – 1,3 млн., Актюбинский – 600 тыс. руб. золотом[62]. Аральские рыбопромышленники обязывались выдать новой власти 1 млн. руб. Черняевский Совет вынес следующую резолюцию: "Обложить капиталистов города на 1 млн. рублей, в случае, если деньги не будут внесены в установленный срок, сумму увеличить еще на 1 млн. руб., а представители буржуазии будут арестованы и имущество их будет конфисковано". В Усть-Каменогорске у казахского населения конфисковывались изделия из серебра, при обысках в Верном изымались деньги царской чеканки, золотые вещи и т. д. Один из горожан вспоминал: "... это была та эпоха, когда наш мещанин-обыватель дрожал за свою вторую пару штанов, боясь, что Советская власть, узнавши об ее существовании, отберет ее"[63].

Местные Советы замораживали денежные вклады населения в банках. Семиреченский Совдеп получил директиву из Ташкента, согласно которой ему вменялось конфисковывать "все принадлежащие буржуазии и частным лицам суммы свыше 10 000 тыс. руб., находящиеся на текущих вкладах и счетах". Под советские учреждения и квартиры "совслужащих" реквизировались дома, мебель, ковры и прочий "буржуазный антураж". "При отбирании не руководствовались какими-либо нормами или соображе-

ниями о законности и государственной целесообразности, – вспоминает один из жителей Верного, – а просто орали, применяя угрозы и аресты. Особенно аппетиты разыгрывались насчет реквизиции мягкой мебели и ковров для создания буржуазного комфорта в квартирах некоторых ответственных работников"[64]. Клич люмпенов всех времен и народов: "Грабь награбленное", переведенный большевиками как "экспроприация экспроприаторов", разносился по всем городам и весям региона, погружая их в пучину анархии, насилия и "пролетарского" беспредела.

Следующим этапом стал так называемый рабочий контроль над производством и распределением материальных ресурсов. Он вводился специальным декретом от 14 ноября 1917 г. на всех промышленных, торговых, банковских и прочих предприятиях. Посредством данного института предполагалось осуществлять контроль государства над к тому времени еще не национализированным промышленным производством. Вместе с тем это была чисто популистская акция, призванная мобилизовать революционную активность пролетариев, "подстегнуть их классовое сознание". Благодаря контролю над фабриками и заводами, писал Ленин, "рабочие заботятся о производстве"[65]. Однако очень часто имело место обратное. Н. Крупская, например, вспоминала: "Пришла ко мне раз в Наркомпрос работница... Я ее спрашиваю, в какой она смене работает... – "У нас никто сегодня не работает. Вчера общее собрание было, у всех домашних дел много накопилось. Ну и проголосовали не работать сегодня. Что же, мы теперь хозяева... "[66]

Ожидание, что через введение рабочего контроля трудящиеся смогут непосредственно участвовать в организации производства, оказались несостоятельными. Рабочие предприятий в основе своей имели низкую профессиональную квалификацию, были технически и просто элементарно неграмотными, а потому, естественно, не могли даже при желании разобраться в сложностях производственного процесса. Неоправданными были упования и на "классовое самосознание пролетариата". Оно в действительности было не столько классовым, сколько маргинальным (раздвоенным, разорванным). И это понятно, ибо почти 85 % рабочих большинства предприятий были "от сохи", т. е. вчерашними выходцами из крестьян. Национальные кадры рабочего класса в значительной степени представляли так называемые отходники и сезонники, сочетавшие свою занятость в городе и ауле. Носители такого маргинально деформированного классового сознания воспринимали презентованную большевиками "рабочую де-

мократию" как ненаказуемую и даже поощряемую возможность поквитаться с вчерашними надсмотрщиками – управленцами, инженерами, мастерами и т. п. Поэтому нередки были случаи произвола, агрессии и гнева, которые были реакцией не только на действительно удручающие, а порой и страшные условия работы и быта пролетариев, но и во многом проявлением стихийных попыток снять довлеющий в маргинальном сознании комплекс неполноценности. Развал управления и анархия, называемые рабочим контролем, высвободили стихию бунта. На Спасском заводе рабочие вывезли английского инженера из цеха на тачке и скинули в мусорную яму. Другой очевидец событий вспоминает: "...Джим Герт (управляющий шахтами) бежал из Караганды. Вместо себя он оставил своего помощника смотрителя Дроздовского. Смотритель надеялся обуздать карагандинских шахтеров, но рабочие посадили этого холуя в тачку, вывезли в Тыхановку и сбросили в овраг"[67].

Рабочий контроль на промышленных предприятиях Туркестанского и Степного края не получил таких масштабов, как в Центральной России. К марту 1918 г. им были охвачены всего лишь 80 из 700 предприятий Туркестана, или 11,4 %[68]. Провалившись с идеей "рабочего самоуправления на социалистических началах", большевики передали функции управления промышленностью государственным органам – Советам народного хозяйства (СНХ). К весне 1919 г. в Туркестане было образовано восемь местных СНХ, создавались они и в регионах Казахстана[69].

Совнархозы послужили первым шагом к командной централизации экономики. Однако важнейшим ее условием явилась национализация промышленности. Изначально (ноябрь 1917 г. – февраль 1918 г.) она носила характер карательных акций против тех предприятий, руководящий персонал которых противился вторжению "рабочих контролеров" в сферу управления и организации производством. Но далее процесс огосударствления обрел последовательную и системную направленность. В его развитии можно выделить следующие этапы: февраль – июнь 1918 г. – национализация отдельных отраслей промышленности, июнь – декабрь 1918 г. – национализация всех предприятий крупной промышленности, с 1920 г. до введения НЭПа (1921 г., март) – осуществление национализации мелких предприятий, вплоть до имеющих кустарно-ремесленный характер[70].

В сельском хозяйстве политика нового режима концентрировалась вокруг реализации Декрета о земле (ноябрь 1918 г.). В соответствии с этим законодательным актом отменялась частная

собственность на землю, а весь земельный фонд объявлялся общенародным достоянием и передавался крестьянам на началах уравнительного землепользования.

Уже первые две нормы (отмена частной собственности на землю и передача ее в государственный фонд) служили в качестве формальной правовой основы для проведения на аграрной периферии любых классовых акций по отношению к социально чуждым элементам. При этом последние могли облекаться в самые различные формы: будь то репрессивное налогообложение или земельные конфискации. Но даже такая, в духе жесткой классовой государственности, трактовка земельного закона не удовлетворяла приверженцев диктатуры пролетариата. Следуя в вопросе поземельных отношений регламентациям, выработанным еще эсерами, они считали положение об уравнительном землепользовании неприемлемым с точки зрения "действительно социалистической идеи". Тем не менее большевики были вынуждены согласиться с эсеровской редакцией земельного закона в той его части, где речь шла об уравнительном землепользовании. "... Эта идея не наша, мы с таким лозунгом не согласны, – объяснялся в этой связи Ленин, – но считаем долгом проводить его, ибо таково требование подавляющего большинства крестьян"[71].

В законе "О социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию" были зафиксированы нормативные предпосылки, открывавшие простор для внедрения в практику поземельных отношений более радикальных социалистических начал. Большевистское видение перспектив трансформации отношений собственности в сельском хозяйстве раскрывается здесь без всякой двусмысленности. В ст. 3 данного документа говорилось: "Для окончательного уничтожения всякой эксплуатации человека человеком, для организации сельского хозяйства на основах социализма... воспитания трудящихся масс в духе социализма... необходим переход от единоличных форм землепользования к товарищеской. Крупные советские хозяйства, коммуны, общественная обработка земли и другие виды товарищеского землепользования являются наилучшими средствами для достижения этой цели, поэтому на все виды единоличного землепользования следует смотреть как на переходящие и отживающие"[72].

Реализация нового земельного законодательства в регионе в начальный послеоктябрьский период не приняла характера аграрной революции наподобие той, что развернулась в районах Центральной России. Уравнительный передел в землепользова-

нии в сколько-нибудь широких масштабах в крае не был проведен. Этому помешала и гражданская война. Но ко второй половине 1919 г. и в начале 1920 г. уравнительное перераспределение земли стало осуществляться, главным образом, в переселенческой деревне. На основе положения о национализации конфисковались земли помещичьих и крупных частных владений, которые затем передавались безземельным и малоземельным крестьянам. Так, в Петропавловском уезде весной 1918 г. было конфисковано 33 помещичьих владения (общей земельной площадью около 85 тыс. дес.). В Оренбургской области (Тургайский, Уральский, Актюбинский уезды) под конфискацию подпали 1200 частновладельческих имений, в Ишимском уезде Омской волости – 67 с земельной площадью 46 тыс. дес.[73] В Туркестане были национализированы такие крупные поместья, как "Капланбек", "Ю. Давыдов", царское "Мургабское имение", "Потеляховское", сады акционерных обществ "Бр. Ивановы", "В. Л. Алексеев" и др.[74]

Первые большевистские опыты в управлении экономикой, ориентированные на огосударствление, централизацию и директивное планирование, лишь усилили хаос в народном хозяйстве и финансах.

В ссылках на критическую ситуацию в промышленности и денежном хозяйстве, продовольственный кризис, разразившийся весной и летом 1918 г., а также начавшуюся гражданскую войну большевики нашли оправдание и даже некое рациональное объяснение своему эксперименту по осуществлению столь желанной им бестоварной утопии. Суть его сводилась к попытке непосредственного перехода к так называемому коммунистическому производству и распределению. Эта политика стала обозначаться как "военный коммунизм". В рамках ее делалась ставка на полное блокирование рыночных, товарно-денежных отношений, подмену экономических институтов и стимулов внеэкономической директивно-распределительной системой. Попросту говоря, это означало полную натурализацию экономической жизни, беспрецедентное распространение на все ее сферы жесткого государственного контроля, повсеместное внедрение уравниловки, понимаемой как воплощение социалистической идеи равенства.

Понятно, что такая политика отнюдь не способствовала санации экономического организма, стимулировала падение, а не рост эффективности труда, еще в большей степени разрушала и без того подорванное в годы войны производство. По данным промышленной переписи 1920 г., в Казахстане не работало 891 предприятие, среднегодовая численность рабочих сократилась с

20 тыс. в 1913 г. до 8 – в 1920 г. В Туркестане насчитывалось всего 16 действовавших заводов (в 1914 г. – около 270), на которых было занято около 1 тыс. рабочих[75].

Концентрированным выражением политики "военного коммунизма" в сельском хозяйстве стала так называемая разверсточная система заготовки сельхозпродуктов. Проводниками большевистских кампаний по продовольственной разверстке выступали сельские комбеды и земельно-водные комитеты, а также вооруженные рабочие отряды, экспроприировавшие в "пользу революции" производимые крестьянами продукты.

В Казахстане государственная хлебная монополия и разверстка в широких масштабах стали осуществляться в 1920 г. В начале того же года разверстка (мясная) распространялась и на скотоводческие хозяйства. Так, к 1921 г. в Уральской и Букеевской губерниях Западного Казахстана фактические изъятия скота по отношению к разверстанным продовольственными органами заданиям составили соответственно 120–112 %[76]. Столь существенное перекрытие и без того завышенных объемов крестьянской дани объяснялось жестким силовым давлением "посланцев пролетариата", но никак не "революционным энтузиазмом скотоводов", как сообщалось об этом факте в отчетах партийных функционеров[77].

Подчистую конфисковывался хлеб у земледельческих хозяйств. В середине мая 1920 г. продовольственные комитеты получили негласную партийную директиву готовиться к введению продовольственной диктатуры. Дождавшись, когда крестьяне завершат сев, правительство РСФСР издало декрет (20 июня 1920 г.), в соответствии с которым производители зерна Сибири и сопредельных с ней территорий Казахстана обязывались в порядке боевого приказа приступить к обмолоту и сдаче всех хлебных "излишков". По этой директиве в продовольственную кампанию 1920–1921 гг. на районы Сибири был разверстаны задания по хлебофуражу в размере 110 млн. пуд., из которых на северо-восток Казахстана приходилось 35 млн. пуд., т. е. более одной трети. И это при довольно низком урожае 1920 г.[78]

Для выполнения "боевого приказа" Совнарком направлял 6 тыс. продотрядников Военпродбюро ВЦСПС, 9,3 тыс. продармейцев, 20 тыс. рабочих и крестьян голодающих губерний Центральной России, Москвы, Петрограда, промышленного Урала[79]. При этом посланцам пролетариата давалась следующая установка: "Объявить всех владельцев хлеба, имеющих излишки и не вывозящих их на ссыпные пункты... врагами народа, предавать Рево-

люционному суду и подвергать впредь заключению в тюрьме не ниже 10 лет, конфискации всего имущества и изгнанию навсегда из общины..."[80]

Нереальные задания устанавливались в Западном Казахстане. В ослабленной неурожаем Уральской губернии по разверстке в 1920 г. было изъято 1,5 млн. пуд. хлеба, что породило здесь потребительский зерновой дефицит в 2–2,5 млн. пуд. И так в Казахстане было повсюду. Не случайно в своей записке о продовольственном положении в различных регионах страны Ленин, имея в виду Казахстан (в записке "Кирреспублика"), констатирует: "Хлеб собирался под метлу. Ничего не осталось..."[81] Правда, здесь же в маргиналиях вождь ставит знак вопроса, по-видимому, выражая тем самым сомнение.

В Туркестане продовольственная диктатура вводилась в июне 1918 г. Заготовки зерна здесь носили характер долевого отчисления, наподобие своеобразных налоговых ставок. Все владельцы земли без различия национальности обязывались отчислять хлеб в пользу государства по твердым (читай: неэквивалентным) ценам из расчета по 4 пуда с дес. с посевной площади от 1 до 5 дес.[82]

В начале лета 1919 г. ЦИК Туркестанской республики на основании соответствующих декретов центральной власти распространил на край положение о хлебной монополии. Последняя предполагала принудительное изъятие продовольствия. Запрещалась и свободная торговля им. Однако, учитывая, что хлопкосеющие хозяйства в случае закрытия базаров обрекались на голод, органы Туркреспублики все же не решились на ликвидацию базарной торговли. Но при этом устанавливались нормы покупки продовольствия. Это породило черный рынок, инфляцию и разгул спекуляции. Поэтому в начале декабря 1919 г. власти были вынуждены разрешить свободную базарную торговлю хлебом, что, по сути, отменяло хлебную монополию.

В начале марта 1920 г. заготовки продовольствия начали осуществляться в виде обязательной хлебной повинности в форме долевого отчисления (распространялась на коренное население) и собственно продразверстки (она проводилась в русских селениях). Но в ноябре продовольственная разверстка стала обязательной и для национального крестьянства края. Базарная торговля разрешалась лишь по мере выполнения тем или иным районом установленной для него разверстки.

Несмотря на развернувшуюся агитацию, активизацию деятельности комитетов бедноты (только в Ферганской и Семиреченской областях насчитывалось 550 комбедов), военно-продо-

вольственных рабочих отрядов (численностью от 3 до 4 тыс. чел.) и отрядов так называемой мусульманской инспекции, т. е. кишлачных пауперов и люмпенов (численностью до 4,5 тыс. чел.), разверсточные задания были выполнены по Туркестану лишь на 38 % (с августа 1920 г. по июль 1921 г.)[83].

Последствия военных лет, выпавшие на этот период стихийные бедствия (засуха и т. д.) и крайне иррациональная экономическая политика вызвали в сельском хозяйстве разрушительные тенденции обвального характера. Посевные площади в Казахстане сократились с 1914 по 1922 г. в 2 с лишним раза (с 3,6 млн. дес. до 1,6 млн.), валовые сборы зерна – более чем в 3 раза[84].

В крайне тяжелом положении оказалась животноводческая отрасль. С 1914 по 1922 г. численность крупного рогатого скота уменьшилась на 2,1 млн., лошадей – на 2 млн., мелкого рогатого скота – почти на 6,6 млн., верблюдов – на 300 тыс. голов. Поголовье всех видов скота сократилось за эти годы более чем на 10,5 млн. ед.[85]

В критическом положении была аграрная сфера и Туркестанского края. Посевные площади под хлопчатником сократились почти в 5 раз, посевной клин в целом к 1921 г. сократился по сравнению с 1915 г. в 1,8 раза. Из 24 млн. голов скота, имевшихся в 1915 г., осталось около 8 млн. Возросло количество беспосевных и бесскотных хозяйств[86].

Экономическая реакция на бестоварный эксперимент "военного коммунизма" выразилась и в разразившейся продовольственной катастрофе. В Западном Казахстане (Оренбургская, Актюбинская, Букеевская губернии) и части Акмолинской области с 1917 по 1921 г. посевные площади сократились на 55 % (на одно хозяйство в среднем – с 5,5 до 3,7 дес.). Дефицит продовольственной потребности региона составил 10,7 млн. пуд. хлеба. На грани голодной смерти оказались 1,4 млн. человек[87]. Газетная хроника тех лет сообщала о массовых случаях каннибализма, поедания потерявшими от голода рассудок людьми собственных фекалий, трупов падших животных, похищения детей и т. п. Скорбную жатву собирал голод в Туркестане. Только в Ферганской долине по данным Чрезвычайной комиссии по борьбе с голодом в 1921 г. от него погибло 64 315 человек. "В разрозненных кишлаках и в голодных районах, – сообщал очевидец трагедии, – на улицах и по дорогам каждый день валялись десятки трупов умерших от голода... в некоторых кишлаках... некому было убирать трупы... "[88] Несмотря на развернувшуюся помощь голодающим, десятки тысяч человек не смогли пережить эту страшную годину.

Силовая политика государства возымела все более нараставшее недовольство аула, кишлака и деревни. В целом ряде случаев реакция неприятия административного террора, проводимого властью, вылилась в акты открытого саботажа и вооруженного сопротивления со стороны крестьянства. В 1920 г. под лозунгами: "За советы без коммунистов!", "Долой продразверстку!", "Долой коммунистическую продовольственную диктатуру!" — вспыхнули мятежи в большинстве регионов Казахстана. Восставшие крестьяне организовывались здесь в отряды и повстанческие армии.

Летом 1920 г. крупные антибольшевистские выступления произошли в Семипалатинской области и Павлодарском уезде, которые оказались в зоне контроля 10-тысячной "Народной повстанческой армии". В 1921 г. восстание, поднятое "Сибирским крестьянским союзом", охватило районы западносибирского региона и Северного Казахстана, численность его участников достигала 30 тыс. человек. Достаточно многочисленная "Зеленая крестьянская армия" действовала на территории Кустанайской губернии, а в Западном Казахстане бунт подняли именовавшие себя "Красной армией правды" вооруженные отряды под руководством бывшего комдива РККА А. Сапожкова. Открытое недовольство, переставшее в вооруженное крестьянское сопротивление, было характерно и для других губерний Казахстана[89]. Протестная волна прокатилась и по Туркестану. Здесь резко активизировалось басмаческое движение. К началу осени 1921 г. численность его участников только в Ферганской области достигло 15 тыс. На мятеж поднялся ряд станиц и поселений Северной Киргизии[90]. Это была настоящая крестьянская революция, вызванная сильнейшим недовольством политикой военного коммунизма, которая ущемляла экономические интересы сельских производителей. В отчетах ВЧК она квалифицировалась как кулацко-бандитское движение и самым жестоким образом подавлялась властью.

Открыв "продовольственный фронт" и направив на его театр вооруженную продармию, Советское правительство развязало малую гражданскую войну, которую выиграло в военном отношении, но проиграло в плане политическом. Между тем большевики, постоянно утверждавшие, что военный коммунизм есть политика временная, навязанная чрезвычайными условиями гражданской войны, и после ее завершения продолжали курс на "непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению"[91].

Гарантом этого виделась все та же политика тотального огосударствления экономики и распространения на все ее сегменты милитаризованных по своей сути методов управления. Не ограничиваясь более обобществлением крупной и средней промышленности, советское правительство осуществило национализацию мелких промышленных предприятий, включая кустарно-ремесленные мастерские. Вскоре эта убийственная для еще теплившегося сектора мелкого предпринимательства установка "с военной быстротой, с военной энергией, с военной дисциплиной" (говоря ленинскими словами) стала претворяться в жизнь.

На расширение процессов натурализации экономических отношений были направлены изданные в конце 1920 – начале 1921 г. декреты Советской власти об отмене платы за коммунальные услуги (квартиру, электричество и т. д.), о бесплатном отпуске населению питания и предметов широкого потребления. В качестве вознаграждения за труд продолжала выступать не денежная зарплата, а так называемый продовольственный паек. Регулятивные функции государства расширялись и в сельском хозяйстве. Власть уже не удовлетворялась жесткой монополией на заготовки всей создаваемой в аграрном секторе продукции (включая щетину и конский волос). Начались командные вторжения в сферу крестьянского хозяйства. Под государственным контролем оказались такие сугубо производственные операции, как обработка почв, сев, уборка урожая и т. д. Стали создаваться различные структуры типа посевных комитетов, утверждаться государственные планы засева и обмолота, разверстки по урожаю.

Начертав на своих знаменах лозунг "Диктатура пролетариата есть орудие подавления эксплуататорских классов", большевики запустили адскую машину подавления всех групп населения. Если одни группы стали объектом вопиющего произвола государства в силу узурпации им всей структуры экономических отношений и собственности, то другие – жертвами изощренной системы внеэкономического принуждения (всеобщая трудовая повинность, трудовые мобилизации и т. д.).

Социальный расизм нарождавшегося пролетарского государства невольно обнажил один из главных теоретиков коммунистической партии Н.И. Бухарин. Он писал: "Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является...методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи"[92]. Лабораториями получения "благодатного" для "социально-классовых арийцев" человеческого материала служи-

ли подвалы ЧК, концентрационные лагеря и необъятный трудовой фронт.

Лишения и страдания испытывало все население (естественно, кроме партийно-советской номенклатуры). В этом и был первый итог реализации на деле понимаемого по-большевистски равенства. Однако, выстраивая "равноправную" очередь в "златые врата царства свободы", государство распространяло в ее рядах бациллы человеконенавистничества, вражды, злости, нетерпимости.

Популистски прокламируя привилегированную роль и статус в обществе "Его Величества рабочего класса", большевики насаждали в его сознании чувство социального шовинизма, которое затем исподволь использовали в свои властных интересах и целях. Рабочий, будучи зомбирован на образ крестьянина как носителя мелкобуржуазной стихии, глубоко враждебной власти и, следовательно, самому рабочему классу, получал от нее индульгенцию на беспощадное уничтожение врага. Идеологические инсинуации еще больше провоцировали и без того стойкий антагонизм города и деревни, которая (как увидим далее) вплоть до коллективизации рассматривалась властью в качестве самой массовой и опасной оппозиции, главного препятствия на пути социального экспериментирования.

Клинья межгруппового конфликта вбивались большевистской пропагандой и в другие зазоры социальных ниш. Так, в едином и нерушимом союзе серпа и молота убежденные в своей классовой правоте рабочие, солдаты и трудящиеся крестьяне гнали на заготовку дров и другие тяжелые физические работы "буржуазную" интеллигенцию. В результате многие ее представители, не выдержав морального террора, покинули Родину.

"По-революционному смело" попирая законы экономики, искусственно и форсированно насаждая господство глубоко иррационального нерыночного уклада, отвергая фактор товарно-денежных отношений и торговли, возвращая тем самым экономику страны в эпоху раннесредневекового замкнутого натурального хозяйства, большевики возвели бестоварную утопию в ранг реальной государственной политики. Общество дорого заплатило за этот опыт (вторая его редакция, точный аналог первой, будет после коллективизации навязываться стране шестьдесят лет и вызовет еще большие жертвы).

Однако принародного покаяния власти не произошло. Лишь на партийных синклитах озвучивались оправдания типа "хотели как лучше и быстрее", "к коммунизму нет широкой столбовой

дороги", "революции без жертв не бывает" (максима большевистской религии, призывающая терпеть лишения и страдания во имя светлого будущего, которую самоотверженно воспринимали все поколения советских людей).

Ленин писал: "Мы рассчитывали – или, может быть, вернее будет сказать мы предполагали без достаточного расчета – непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически..."[93] Расчеты между тем потерпели сокрушительное фиаско. Грянул экономический, социальный и политический кризис. В этом и был главный итог политики "военного коммунизма" и ее воплощения – бестоварной утопии.

Нэп как недолговременная альтернатива социально-экономическому и политическому кризису

Итак, ситуация, сложившаяся в регионе, подтверждала общую картину экономического и политического кризиса, охватившего страну. Здесь, как и везде, все говорило о необходимости перехода к новым принципам хозяйственной политики, определяющим стержнем которой должна была стать идея восстановления нормальных экономических отношений. В этой связи большевики вынуждены были отойти от утопических догм революционного романтизма. Ленин, несмотря на значительное сопротивление партийного руководства, пошел на исторический компромисс. Основой его служили более толерантная по отношению к различным формам собственности политика и осознание невозможности дальнейшего игнорирования императива товарно-денежных отношений.

Решающий шаг на пути к созданию всеобъемлющей структуры включенных хозяйственных интересов был сделан на X съезде Коммунистической партии (март 1921 г.). Именно на нем было принято решение о переходе от продразверстки к продналогу (фиксированному налогообложению). Однако эта мера не исчерпывала всего комплекса реформ, осуществлявшихся в рамках Нэпа. Помимо радикальных изменений в налоговой политике, быстро пробудивших крестьянство от всеобщей апатии, были предприняты действенные акции в целом ряде других фрагментов экономических отношений: финансах, кредитах, денежном хозяйстве, трудовом законодательстве, земельной регламентации, арендных отношениях и т. д.

Кардинальные меры, осуществленные в рамках нэпа, сразу же сказались на состоянии народного хозяйства. Вскоре обозначилась тенденция к его восстановлению. Так, уже к концу 1925 г. уровень производства промышленной продукции возрос по сравнению с 1920 г. в 5–6 раз и достиг примерно 2/3 довоенного уровня. В действие было введено более 60 % предприятий промышленности против 17 % в 1921 г. Свидетельством налаживавшегося благополучия в экономике стали бесперебойно функционировавшие железные дороги. Помимо старых магистралей в активную эксплуатацию вступили вновь построенные ветки Петропавловск – Кокчетав, Славгород – Павлодар, а также Семипалатинский участок Омской железной дороги. Восстанавливался речной транспорт, работа которого заметно оживилась на таких водных артериях, как Иртыш, Амударья, Сырдарья, Урал[94].

Подъем наметился и в сельском хозяйстве. В традиционно зерновых районах Уральской, Акмолинской и Семипалатинской губерний был достигнут уровень 1913 г. Стала выходить из кризиса животноводческая отрасль. В Казахстане по сравнению с 1922 г. поголовье скота в 1925 г. удвоилось, постепенно восстанавливалось кочевое скотоводство[95].

Быстрые результаты дал нэп и в Туркестане. В 1924 г. здесь работало уже 35 хлопкозаводов. Стоимость валовой продукции хлопкоочистительной промышленности за один только год (с 1923 по 1924 г.) возросла почти на 40 млн. руб., что составляло 60 % базового 1913 г. Валовая продукция всей промышленности Туркестана достигла 80 % довоенного уровня. Годовой оборот промышленности и торговли в 1923 г. увеличился по сравнению с 1922 г. в 2,3 раза (с 59 млн. руб. до 133 млн. руб.)[96].

Чрезвычайно высокие темпы роста демонстрировало сельское хозяйство края. Ситуация к лучшему изменилась здесь буквально за один год. Так, в 1923 г. площади сельскохозяйственных посевов увеличились на 632 тыс. дес., что позволило достигнуть 50 % довоенных показателей. Стоимость всей продукции сельского хозяйства Туркестанской АССР возросла более чем на 30 млн. руб. Восстанавливались довоенные посевы хлопчатника. В 1923 г. им было засеяно в 3 раза больше площадей, чем в 1922 г.

Либерализация экономической жизни вызвала некоторые изменения и в общественно-политической сфере. Как уже отмечалось, в 1918–1919 гг. в Туркестане были ликвидированы суды казиев и конфискованы вакуфные земли. Это подстегнуло басмаческое движение, особенно в Ферганской долине, где ислам

имел традиционно развитую инфраструктуру – в области на каждых 325 человек приходилась одна мечеть[97].

В июле 1922 г. ТуркЦИК с директивной подсказки Средазбюро ЦК РКП(б) выправляет свои "ошибки по забеганию вперед". Его декретами вакуфные земли были возвращены мечетям, а шариатские суды вновь стали отправлять свои функции (в 1925 г. только в Узбекской ССР их насчитывалось 85). Благодаря этим акциям социальная база басмачества, идеологами которого выступала и часть мусульманского духовенства, стала несколько сужаться. О снижении уровня басмачества свидетельствовали не только такие факты, как отказ от борьбы многих курбаши и их отрядов, но и оживление хозяйственной жизни в Фергане – этом крупнейшем регионе военно-политической оппозиции. В 1923 г. по сравнению с 1922 г. посевные площади под хлопчатником увеличились здесь в 5 раз[98].

Политика в отношении религии со стороны власти в первой половине 20-х гг. стала более терпимой. В своих тезисах "Об антирелигиозной пропаганде в условиях Туркестана" VII съезд Компартии республики (март 1923 г.) призвал не выпячивать воинственный атеизм, если он "в той или иной степени...мешает задаче сближения Советской власти с трудящимися"[99]. Наряду с восстановлением шариатских судов и вакуфных владений власть официально санкционировала право на отправление религиозных обрядов и праздников. Если сразу после установления Советской власти в Туркестане "во избежание разнобоя в выходных днях и оснований для национально-религиозной вражды" день отдыха устанавливался в среду (в память о революции 25 октября 1917 г.), то в начале 1921 г. ЦИК Советов ТАССР принимает по этому поводу новый декрет. В нем констатировалось, что подавляющее большинство населения Туркестана принадлежит к коренным народам, т. е. мусульманам. В этой связи еженедельным днем отдыха, обязательным для всех служащих, занятых в советских, общественных и частных учреждениях, предприятиях и хозяйствах, объявлялась пятница[100].

В июне 1925 г. СНК Узбекской ССР утвердил порядок "О революционных праздниках, особых и еженедельных днях отдыха". Согласно ему, наряду с революционными праздниками и Новым годом (1 января) устанавливалось девять мусульманских праздничных дней – окончание уразы, курбан-байрам и др. (трудящиеся-мусульмане могли в эти дни не выходить на работу, но без сохранения в эти дни зарплаты)[101]. Компромиссы, на которые в годы нэпа власть пошла в области конфессиональной полити-

ки, способствовали тому, что часть мусульманских священнослужителей стала поддерживать ее акции. В конце января 1924 г. съезд улемов (исламских богословов) Западной Бухары принял резолюцию, в которой говорилось: "...басмачи ложно прикрываются делом защиты ислама, но это злой обман басмачей. Курултай улемов раскрывает и говорит: басмачи не защитники, а отверженные враги ислама"[102].

Духовенство поддержало и земельно-водную реформу начала 20-х гг. В своих пятничных проповедях священнослужители одобряли ее проведение, трактуя эту акцию как соответствующую сурам Корана и шариату. "...Баи, имеющие много земель, сами должны отдавать свои земли безземельным дехканам. Если они сами не отдадут земли, накопленные путем всяких хитростей и обманов, то раздел земель правительством и пользование дехканами этими землями не является запрещенным", – говорилось в воззвании ко всем мусульманам председателя Ташкентского духовного управления Мулла Абдул Хафиз Махдума и группы членов управления[103].

Динамика, обозначившаяся в народном хозяйстве региона, свидетельствовала не только о начавшемся выходе из кризиса, но и о том, что тенденции стагнации и упадка все больше уступали место процессам позитивной направленности. **Однако самым обнадеживающим было то, что восстанавливался приоритет рыночных, товарно-денежных связей, а структура отношений собственности обрела многоукладный характер. И именно сосуществование различных форм собственности (социалистической, частной, кооперативной, государственно-капиталистической и т. д.), их конкуренция и воспроизводственная взаимозависимость являли собой тот ряд факторов, который сообщал наиболее сильный импульс поступательному движению народного хозяйства**. Эта же тенденция определила и некоторую либерализацию общественно-политической жизни.

Свертывание нэпа

Ориентация на философию нэпа как более позитивную модель реформирования общества оказалась недолговременной. Уже со второй половины 20-х гг. большевистское государство, несколько оправившись от экономического и политического коллапса, начинает отходить от идеологии нэпа, вновь переводя свою политику в строгий вектор заданного Октябрем развития. Именно в этот период, апеллируя к классовому сознанию трудя-

щихся, а на деле – все к той же паупер-люмпенской психологии масс, режим стал исподволь проводить регулятивные акции, прямо порождавшие разрушительно-хаотические процессы в механизме функционирования и воспроизводства традиционной структуры, организации ее социокультурных и институциональных приоритетов, сложившемся порядке экосистемных принципов организации социума, т. е., обобщенно говоря, в системе жизнеобеспечения этноса.

Функционировавшую тогда традиционную структуру можно образно представить как своеобразную социально-экономическую экосистему, где все элементы – общинные и внеобщинные образования, т. е. хозяйства рядовых общинников, зажиточных земледельцев и скотоводов, мелких и средних баев, а также баев, так называемых полуфеодалов, занимали отведенную им в процессе производства нишу. И, следовательно, все они были функционально значимы и выполняли свою роль в воспроизводстве всей целостности структуры. Иначе говоря, реальная данность каждого из них служила гарантом жизнеобеспечения всего социума, сохранения его экологии. Устранение или силовое блокирование любого из этих элементов были сопряжены с разрывом производственных (экономических) взаимосвязей и, как следствие, порождали процессы, разрушавшие отлаженный в ходе длительного социального освоения природных пространств механизм самоорганизации и самовоспроизводства традиционной структуры.

Приведем на этот счет наиболее типичные иллюстрации и обратимся в этой связи к скотоводческому хозяйственному комплексу.

Допустим, случился джут и кормовое поле покрылось заледенелым снежным настом. Обычно в такой ситуации скотоводческие общины обращались к крупному баю и тот (естественно, не безвозмездно) предоставлял им конский косяк, который прогонялся по пастбищу в целях разрыхления наледи. Благодаря такому воспроизводственному контакту общины в этой экстремальной ситуации спасали свой скот от бескормицы и, следовательно, выживали. Когда же байские хозяйства были ликвидированы, общинам во время джута стало попросту не у кого просить помощь, т. е. они оказывались обреченными.

Другой линией воспроизводственных связей в традиционной структуре служили так называемые саунные отношения (от слова "саун" – доить). Суть их заключалась в том, что баи, приумножившие свой скот подчас до беспрецедентной численности, пе-

редавали часть его общинам. Весь этот скот вместе с возможным приплодом оставался собственностью крупного бая, но за его выпас общины могли оставлять себе молоко и шерсть. Безусловно, саун имел достаточно выраженный кабальный характер. Однако важно было то, что, получая байский скот в саун, многие общины обретали единственно доступную для них возможность добрать общинное стадо (отару) до такой численной концентрации (оптимума), в рамках которой только и можно было осуществлять воспроизводство средств производства и производство необходимого продукта, т. е. обеспечить "экономику выживания".

Мы привели здесь лишь два примера. Но **в рамках традиционной структуры действовало огромное множество воспроизводственных экономических связей. И все они являлись своеобразными нервами хозяйственно-технологического организма. Задень любой из них – и это больно ущемит весь организм. Государство же своей "классовой" политикой не то что задевало, а нещадно разрывало эти воспроизводственные "нервы", обрекая действующую хозяйственную систему на паралич.**

Небольшой экскурс в область социально-экономических отношений, имевших место в казахском ауле, позволяет нам далее понять, почему силовые регулятивные акции, проводимые государством в 20-х гг., были нереальны и разрушительны по своему содержанию. Для получения наиболее целостного представления по данному вопросу рассмотрим несколько подробнее итоги кампании по конфискации скота у крупных хозяйств.

Идея экспроприации зажиточных и крупных хозяйств проистекала из самой природы государства с ее приматом классовых интересов. Поэтому с самого начала установления новой власти мотивы классовой борьбы постоянно вынашивались в умах проводников "пролетарской" политики. Еще весной 1919 г. Ленин, отвечая на вопрос казахстанцев – делегатов VIII съезда РКП(б), каким образом можно подорвать экономическую силу баев в ауле, прямо напутствовал: "Очевидно, вам придется раньше или позднее поставить вопрос о перераспределении скота"[104]. Вопрос о конфискации скота у крупных баев ставился и на III областной партийной конференции Казахстана в марте 1923 г. Однако осуществлявшаяся в то время стратегия нэпа, направленная на выход из экономического и политического кризиса, возникшего в результате осуществления бестоварной утопии военного коммунизма, сдерживала экспроприационные действия коммунистических радикалов. Выбирать приходилось между возможным экономическим хаосом и идеологической догматикой. Система, еще не

оправившаяся от кризисного шока, вынуждена была придержать свой классовый натиск. Но уже к концу 20-х гг. идея экспроприации крупных скотоводческих хозяйств вновь признается актуальной, что выразилось в принятии Декрета о конфискации крупных баев – полуфеодалов (27 августа 1928 г.), в соответствии с которым экспроприации было подвергнуто более 1 тыс. хозяйств, у которых конфисковано 144 745 голов скота (в переводе на крупный).

Экспроприационные акции были развернуты и в земледельческом хозяйственном комплексе. Так, в ходе проведения земельной реформы 1924–1925 гг. в Ферганской, Ташкентской, Самаркандской и Зарафшанской областях земля, рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь были изъяты у 25 904 хозяйств. При этом у 16 490 хозяйств "нетрудового типа" земля была изъята полностью, т. е. фактически они были ликвидированы[105]. В кампанию 1928–1929 гг. по устранению нетрудового землепользования в Кашкадарьинской, Сурхандарьинской и Хорезмской областях Узбекской ССР было ликвидировано 2088 хозяйств[106].

Земельно-водная реформа была проведена в 1927–1928 гг. в Южной Киргизии. В результате ее ликвидировалось около 500 хозяйств, а 3,5 тыс. их подверглись, как писалось в документе тех лет, ущемлению (т. е. частичному изъятию земли, скота и инвентаря)[107]. Все конфискованные земли передавались чайрикерам (издольщикам), безземельным и малоземельным дехканам. В Узбекской ССР в ходе земельно-водной реформы наделы получило 94 551 такое хозяйство, а на юге Киргизии – 18 587[108].

В ходе проведения реформ игнорировался тот факт, что в условиях действовавшей хозяйственной структуры простое перераспределение земли само по себе еще не устраняло разворачивавшихся по этой линии противоречий. Получение земли без возможности ее хозяйственной утилизации мало что давало, в том числе и в плане смягчения процессов расслоения (хотя послереформенные статистические сводки, выстроенные по формальным признакам: увеличение землепользования у одних и его уменьшение у других, – как будто бы опровергали это). Чтобы такая возможность состоялась, хозяйство, помимо всего прочего, должно было располагать вторичными производственными ресурсами, в данном случае тягловой силой (т. е. рабочим скотом), сельскохозяйственным инструментарием, семенами и т. д. Между тем бедняцкие, маломощные, да и часть середняцких хозяйств (т. е., собственно, основные получатели перераспределенных земель) испытывали в этом отношении острейший дефицит. Поэтому не

случайно, что значительные площади пахотнопригодных земель, переданные чайрикерам и маломощным хозяйствам, ими просто не засевались (например, в Ташкентской области было не засеяно 35,2 % земли, в Ферганской – 31,1, в Самаркандской области – 48,8 %)[109].

Значительные масштабы недосева обусловливались и тем, что с ликвидацией зажиточных и крепких хозяйств были существенно сужены возможности арендных отношений. Дехканам стало просто не к кому обращаться по поводу займа семенного материала, аренды рабочего скота или сельхозинвентаря. Органы советской власти предоставить им такую возможность, естественно, не могли. Устранив традиционных сельских "доноров" из системы сложившихся воспроизводственных связей, власть была не в состоянии чем-либо заполнить освободившиеся ниши какой-либо альтернативой. В результате образовались разрывы в хозяйственно-организационных и технологических связях, что, понятно, негативно сказывалось на экономике дехканского хозяйства в целом.

Итак, государство, верное принципам классовой нетерпимости, делало ставку на ограничение, а затем и полную ликвидацию зажиточных и экономически крепких хозяйств. Образно говоря, их "выдергивали" из сложившейся социально-экономической экосистемы, опустошая занимаемые ими ниши, что приводило к обвальному разрыву хозяйственных взаимосвязей и разрушению экономического организма, а если более широко, то всей системы жизнеобеспечения этноса. Именно в этой страшной логике вызревали предпосылки грядущей демографической катастрофы.

В одном из выступлений Ленин высказал следующее откровение: "Величайшая ошибка думать, что НЭП положил конец террору. Мы еще вернемся к террору, и к террору экономическому"[110]. И вскоре к нему действительно вернулись, дополнив экономическое насилие насилием политическим. В конце 20-х гг. крестьянство Средней Азии и Казахстана познало ужас "чрезвычайных" заготовительных кампаний, вылившихся в форму прямых экспроприаций, а затем и в массовые политические репрессии. Вакханалия насилия и чиновничьего произвола захлестнула аул, кишлак и деревню. По далеко не полным сведениям, только в Казахстане в этот период к административной (конфискации, штрафы, лишение избирательских прав и т. д.) и уголовной (аресты, ссылки и т. д.) ответственности были привлечены 56 498 человек. На заседании бюро Казкрайкома ВКП(б) в начале января 1930 г. сообщалось, что с 1 октября 1028 г. по 1 декабря 1929 г. были приго-

ворены к расстрелу 277 человек (вероятнее всего, данные занижены). Только по трем округам (Акмолинскому, Петропавловскому и Семипалатинскому) в 1928/29 и 1929/30 гг. было взыскано штрафов и изъято имущества на более чем 23 млн. руб., конфисковано скота – 54 тыс. голов, хлебных запасов – 630 тыс. пуд., различных строений – 258 ед.[111]

Сильнейший удар нанесла казахскому хозяйству силовое оседание скотоводов – кочевников и полукочевников. Ее идеология тесно увязывалась с полной трансформацией хозяйственных форм. Иначе говоря, пути прогресса казахского крестьянства виделись исключительно в административно направляемой эволюции скотоводческого хозяйства в земледельческое или стационарное животноводческое (так называемое социалистическое отгонно-пастбищное). Между тем **государству, опиравшемуся на неразвитые, фактически доиндустриальные производительные силы, радикальное преобразование традиционного аграрного фундаментализма, было, конечно же, не под силу.** Кроме того, следовало учитывать, что кочевничество являло собой отнюдь не примитивный (как это многим представлялось), но чрезвычайно сложный тип хозяйственно-культурной деятельности с непростой организацией.

Принципиально важно было то, что в тех условиях **кочевое скотоводство сохраняло свою экологическую рациональность.** Пастбищно-кочевое скотоводство являлось именно тем типом хозяйственно-культурной деятельности, который на том доиндустриальном уровне развития производительных сил единственно только и могло интегрироваться, вписаться в аридную среду, каковой представлялась территория Казахстана. Только через номадный (кочевой) способ производства можно было относительно эффективно освоить гигантские пустынные и полупустынные ландшафты, т. е. социально адаптировать обширное аридное пространство. Наряду с этим необходимо подчеркнуть, что в то время **кочевое хозяйство еще не исчерпало своего экономического потенциала, оставаясь во многом экономически целесообразной системой. В пределах фактора аридности способность гармонично "влиться" в среду обитания одновременно означала и возможность ее экономически продуктивного освоения. И наоборот, отторжение природной средой неадекватных хозяйственных вторжений (наподобие целинной эпопеи) неминуемо вызывало если и не полное блокирование, то во всяком случае сильную нейтрализацию желаемых экономических целеполаганий.** Однако все эти моменты в одних случаях воспринимались как досадные ме-

лочи, которые можно попросту не замечать, а в других – выдавались за злобный имидж, выдуманный некоей националистической оппозицией, или "великодержавными шовинистами от науки".

Как показывают источники, кампания по переводу кочевых и полукочевых хозяйств к оседлости имела следующую динамику: 1930 г. – 87 136, 1931 г. – 77 508, 1932 г. – 77 674 и в 1933 г. – 24 2208 хозяйств. Для проведения коллективизации и оседания наряду с местными "коллективизаторами" Казкрайком привлек 8 тыс. рабочих. Кроме того, в республику было направлено 1204 "двадцатипятичысячника" из Москвы, Иваново-Вознесенска, Харькова, Ленинграда. Энтузиасты из города часто понимали смысл и сам механизм оседания весьма утрированно. Часто для них это означало стягивание с огромного радиуса сотен и сотен хозяйств в одно место (подчас лишенное достаточных кормовых и водных ресурсов). Следствием подобного скопления было то, что скотоводы лишались хозяйственного простора и возможности маневрировать стадами в поисках воды и корма. Очень быстро, войдя в революционный раж, "посланцы партии из далеких краев" пошли в своем примитивизме еще дальше. Подразумевая под оседанием организацию стационарных поселков, они стали насаждать в Степи такой тип расселения, который до точности повторял планировку российской деревни. Для этого многочисленные юрты прямо на снегу выстраивались в идеально правильные квадраты. Бывало, что для построения квартала не хватало юрт, что, видимо, удручало эстетствующих прогрессистов. Тогда сгонялись еще несколько аулов (т. е. общин), юрты которых дополняли "деревенские улицы", призванные носить имена товарищей Кагановича, Розы Люксембург или "вождя всех трудящихся Казахстана тов. Голощекина".

Огосударствление отношений собственности: завершение тоталитарной эволюции государства

Новый режим хозяйствования (нэп) воспринимался в 20-х гг. как долговременная политическая стратегия. Именно в ее рамках виделось решение проблем индустриализации, кооперирования крестьянства, повышения материального благосостояния и культурного уровня народа. Планы индустриализации предполагалось выстраивать в контексте взвешенных подходов в области распределения национального дохода, т. е. путем достижения

экономически и социально целесообразной соотнесенности между фондами потребления и накопления, выхода на более или менее приемлемые пропорции в производстве средств производства и предметов потребления. Такая политика представлялась способной обеспечить достаточно устойчивые темпы развития промышленности, причем не в форсированном режиме, сопряженном с резким падением качества жизни населения.

Кооперация, мыслившаяся как наиболее простой способ вовлечения крестьянства в социалистическое строительство, осознавалась, по крайней мере, на уровне деклараций, в виде постепенного процесса, базирующегося на принципе добровольности и самодеятельности, "без всякого насилия"[112]. Однако уже к концу 20-х гг. реалистический курс, формировавшийся в рамках нового политического мышления, претерпел коренные изменения, а говоря более точно, обрел диаметрально противоположный вектор. "Чрезвычайная" (словами Бухарина) методология превращалась в стержень государственной доктрины.

Главным приоритетом и даже всепоглощающей целью была объявлена индустриализация. При этом планы ее задавались в сверхфорсированном режиме. "Мы отстаем от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет", – писал Сталин[113]. Между тем индустриализация, будучи по сути процессом расширенного воспроизводства, предполагала в качестве своего обязательного условия наличие достаточного фонда накоплений. Поэтому все упиралось в эту проблему, точнее, в поиск путей ее оптимального решения. В главном она сводилась к тому, что согласно экономической аксиоме удельный вес фонда накопления (стоимость того, что идет на расширение производства) в национальном доходе должен всегда быть меньше другой его составляющей – фонда потребления (стоимости благ, потребляемых обществом и его отдельными членами). Резкое нарушение этих пропорций, т. е. "ущемление" последнего в пользу фонда накопления, сопряжено с падением уровня жизни, подрывом воспроизводства рабочей силы, дезорганизацией экономического порядка (именно фонд потребления "отвечает" за качество жизни и населения в целом).

Мировой опыт показывает, что для перевода народного хозяйства аграрного типа в параметры экономики с индустриально-технологическими характеристиками достаточно поднять удельную величину фонда накопления с 5—10 % до 20—25 %[114], т. е. промышленная модернизация вовсе не предполагает какого-

то причудливо гипертрофированного перераспределения национального дохода в пользу фонда накопления.

Сталин же в мирное время "взвинтил" величину фонда накопления до невероятных пределов, аргументируя это лишь тем, что страна "в капиталистическом окружении" и, следовательно, в противном случае ее "сомнут"[115]. Если в середине 20-х гг. доля накоплений в национальном доходе составляла 10 %, то в 1932 г. – 44 % [116].

Естественным результатом попрания экономических законов в угоду идеологическим ценностям государства должны были стать катастрофическое падение уровня жизни, страдания и голод населения. Но большевистское государство воспринимало это как неизбежные "тернии к звездам". "Надо потерпеть", ибо, как всегда вспоминал в таких случаях Сталин, "революции без жертв не бывает". До "скончания империалистического света и победы революции в мировом масштабе" предполагалось "потерпеть" и в плане тех лишений, которые искусственно создавались вследствие почти патологической "симпатии" государства к группе "А" (производство средств производства) при полном игнорировании подразделения "Б" (производство предметов потребления). Именно тяжелая промышленность, капитальное строительство, военно-промышленный комплекс ставились во главу угла индустриализационного процесса, тогда как производство, ориентированное непосредственно на человека (легкая и пищевая промышленность, жилищное строительство, социальная инфраструктура), было обречено оставаться на его обочине.

Так, в плановых корректировках на два последних года первой пятилетки (1931–1932 гг.) капиталовложения в промышленность Казахстана, например, предусматривались в размере 1 228 413 тыс. руб., из них в группу "А" – 1 140 542 тыс., или 93 %, а в группу "Б" – лишь 87 771 тыс. руб., что составляло примерно 7 %[117]. При таких вопиющих диспропорциях группа даже элементарных потребительских товаров пребывала в постоянном дефиците, не говоря уже о таких "предметах роскоши", как резиновые калоши или патефон.

С приоритетами было как будто все ясно: "ручеек" инвестиций – в сферу потребления и огромный поток – в фонд накопления, а уже отсюда – прямым ходом в ненасытную утробу группы "А". Определились и с источниками накопления – рабочий класс, крестьянство и, конечно же, "лагерная экономика". Рабочий класс вносил свою лепту не только и не столько прямым участием в производстве (которое оставалось нерентабельным, с очень высо-

кой себестоимостью выпускаемой продукции), сколько своим крайне низким уровнем потребления. Значительнейшим каналом участия рабочих в накоплениях являлась недоплата их труда. Размеры заработной платы (в промышленности Казахстана она находилась на уровне 30 руб., Узбекистане – 28, Киргизии – 29, Таджикистане и Туркмении – 32 руб.)[118] абсолютно не соответствовали действительным затратам труда. Следовательно, существенная часть реально заработанной, но невыплаченной рабочим зарплаты "оседала" в фонде накопления. Немалая доля фонда заработной платы возвращалась в бюджет посредством почти что принудительного распространения облигаций государственного займа, которые начали выпускаться с 1927 г. Тяжесть "режима экономии во имя накопления" рабочие и их семьи познали и в связи с введением акциза как косвенного налога на товары массового спроса (чай, сахар, табачные изделия и т. п.), размер которого включался в их цену. Механизм поглощения дополнялся и действием инфляционной спирали.

Еще одним источником формирования накоплений была "лагерная экономика", в которой труд сотен тысяч (позднее счет пойдет уже на миллионы) заключенных выступал как неоплачиваемый (а когда что-то платили, то этого хватало лишь на покупку в лагерной лавке махорки и иногда сахара). Именно заключенные, каторжно надрываясь на золотых рудниках и лесоповалах, создавали огромные золото-валютные резервы страны, которые в ходе индустриализации материализовались в импортных станках и оборудовании.

Однако масштабы даже этих каналов накопления меркли на фоне такого гигантского резервуара (из которого, по мысли Сталина, черпать – не исчерпать), как крестьянство. Оно-то и виделось государству в качестве локомотива чрезвычайной методологии формирования накоплений для индустриализации. Суть ее состояла в беспрецедентной в мировой истории перекачке материальных ресурсов аграрного сектора в промышленность.

Еще до революции в большевистской пропагандистской литературе имел хождение рисунок, перешедший затем в несколько измененном виде в советские учебники, на котором изображалась пирамида, в основании которой находился крестьянин, держа на своих руках всю верхушку социальной структуры Российской империи (царя, дворян и помещиков, капиталистов и попов и пр.). Октябрь скинул Атлантов груз иерархической пирамиды. Но последняя оказалась холмиком по сравнению с той поистине пирамидой Хеопса в виде огромнейшей индустриаль-

ной инфраструктуры, которая была взвалена на окровавленные плечи крестьянства. Тех, кто не спешил подставлять свои плечи, ждали уже не какие-нибудь штрафы по приговору земских судов или порицание общины, как при царизме, а силовые карательные акции государства, ибо его нормой становилась сталинская максима: "...репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления"[119].

К. Маркс в своем анализе капитала вскрыл всю мерзость и бандитские методы первоначального капиталистического накопления. Но даже ужасы "первоначального накопления капитала" с его "огораживанием" в Англии, грабежами колоний или пиратскими рейдами Дрейка не шли по масштабам трагизма в сравнение с "социалистическим первоначальным накоплением", поскольку фронтальное вторжение государства на аграрную периферию с целью массивного отчуждения фонда потребления деревни на нужды индустриализации оборачивались отчуждением самой жизни миллионов крестьян. Смыкаются они разве что в той части, где речь идет об ограблении колоний. Но и здесь есть разница. В социалистической модели накопления "метрополией" выступал бюрократический командно-административный центр, "имперской нацией" – партийный "орден меченосцев" (так Сталин называл партноменклатуру), а колонией – вся огромная страна, подпадавшая под власть тоталитаризма.

Таким образом, в качестве главной предпосылки решения проблемы накопления для индустриализации государство усматривало широкое изъятие крестьянского продукта. Между тем в условиях уже сложившейся нэповской макроструктуры включенных хозяйственных интересов, предполагавшей функционирование нормальных экономических связей, столь примитивный маневр был осуществим лишь в обход товарно-денежных отношений, т. е. через внеэкономические методы. Это становилось очевидным после провалившихся попыток получить прибавочный продукт деревни посредством навязанного ей неэквивалентного во всех отношениях обмена. Как только заготовки сельхозпродукции стали проводиться по заниженным ценам, крестьянство перестало продавать хлеб и другие продукты своего хозяйства. В результате так называемой "хлебной стачки" 1927–1928 гг. государство недополучило 128 млн. пуд. хлеба.

Нэп с его экономическими правилами игры стал костью в горле власти, срывал ее попытки осуществить примитивную аккумуляцию (накопление), а потому эту политику, говоря словами Сталина, "отбрасывают к черту".

В следующем 1928/1929 г. с помощью чрезвычайных, а по сути, репрессивных мер, масштабно развернутых в ходе заготовительной кампании, продовольственный кризис удалось смягчить, но ценой жесткого подавления повсеместно возникших в этой связи крестьянских протестов. Мировое общественное мнение заговорило о геноциде крестьянства в СССР. Легкомысленно отрекшись от нэпа, рулевые государства оказались в замкнутом круге. Силовое неэквивалентное отчуждение сельскохозяйственных продуктов неминуемо порождало массовое крестьянское (а не только кулацкое) сопротивление, подавление которого требовало включения репрессивной машины. А это, несмотря на "железный занавес" и "санитарные кордоны", тут же становилось достоянием широкой международной общественности, дискредитируя ангажированный на весь мир советский социалистический гуманизм.

Снять все эти хлопоты предполагалось очень просто: загнать крестьян в колхозы. Здесь они утратят право частной собственности на факторы и условия производства, которое перейдет исключительно в монополию государства. А узурпировав всю структуру отношений собственности крестьянства, можно будет уже как угодно эксплуатировать "вечно строптивого пахаря", ибо сам Маркс говорил, что эксплуатация есть наличие собственности у одних и ее отсутствие у других. Лишившись собственности, крестьянин, назови его хоть колхозником, превращался в раба государства. Форма не меняет содержания, а потому сельхозартели можно было назвать для благозвучия кооперативно-колхозным сектором собственности, что не мешало командовать ими, зная, что на самом деле это огосударствленные структуры, вмонтированные в централизованную директивно-распределительную плановую Систему. Директива "Даешь план!" стала неукоснительной нормой. Ударникам – Почетная грамота с подписью лично товарища Сталина, отклоняющимся – репрессии. А чтобы не разбежались из колхозов, лишить паспортов. Поймали "дезертира с колхозного фронта", выявили не набравшего требуемого числа "палочек-трудодней" – на высылку или в концентрационные лагеря.

Вот тогда, будьте уверенны, никакой головной боли с этими крестьянами. Спустил план на республику, та – на область, она – на район, а он – до колхозов. И потекут караваны с хлебом, выдувая на ветру кумачовые плакаты "Получай хлеб, Родина!", "Досрочно сдадим хлеб государству!", "Даешь план по хлебосдаче!". И никаких тебе Т-Д-Т. У партии свои формулы: "Нет таких

крепостей, которые не смогут взять большевики", а кто в этом штурме "не с нами – тот враг!".

Итак, именно проблема накопления выступала главным движителем развертывания коллективизации. Однако здесь преследовались и цели стратегического характера. Большевики рассматривали крестьянство как противника пролетариата в классовой борьбе. Сталин открыто заявлял, что классовая борьба в деревне ведется пролетариатом отнюдь не только против эксплуататорских элементов. "А противоречия между пролетариатом и крестьянством в целом – чем это не классовая борьба... Разве это неверно, что пролетариат и крестьянство составляют в настоящее время два основных класса нашего общества, что между этими классами существуют противоречия... вызывающие борьбу между этими классами"[120].

Так ли это было на самом деле? Известно, что любое общество есть концентрированное выражение огромной совокупности малых и больших социальных групп, бесконечный ряд которых простирается от семьи и производственной бригады до класса, этноса или конфессии. Уже одна эта данность предполагает, что всякий социум буквально соткан из множества противоречий, основанных на материальных и идеальных интересах различных социальных групп, которые даже в теоретической абстракции просто не могут совпадать везде и во всем. Другими словами, уже по природе своей любое общество в принципе конфликтогенно.

Тем не менее действующие в обществе противоречия есть лишь потенциальная возможность конфликта, они еще не суть ее открытых форм и уже тем более не тождество классовой борьбы, как это трактовал Сталин. Функция властных структур в том и заключается, чтобы, используя арсенал социально-экономических и политических регулятивных средств, пытаться не доводить противоречия до открытых структурных конфликтов и особенно в их насильственных формах. Государство есть инструмент поддержания баланса разновекторных интересов в обществе как обязательного условия его равновесия и стабильности. В этом же состоит чрезвычайно сложное искусство государственной политики.

Однако Сталин, следуя своим идеологическим предшественникам, видел в государстве лишь машину подавления (отсюда его восхищение такими персонификаторами государственной тирании, как Иван Грозный и Петр Первый).

В тоталитарном государстве всякие противоречия не разрешаются, а подавляются и, как точно подмечает Р. Даррендорф, заменяются единообразием и полным согласием с существующей системой власти[121]. А если это "социалистическое" тоталитарное государство, то здесь это оправдывается классовой борьбой.

Следует иметь в виду, что именно в это время Сталин выступает с претензией на творческое развитие теории марксизма-ленинизма, выдвигая тезис об "обострении классовой борьбы по мере движения к социализму"[122]. Оппозиция подвергла его уничижительной критике. Так, Н. Бухарин, выступая на объединенном пленуме ЦКК и ЦК ВКП(б) (апрель 1929 г.), иронизировал: "По этой странной теории выходит, что чем дальше мы идем вперед в деле продвижения к социализму, тем больше трудностей набирается, тем больше обостряется классовая борьба, и у самых ворот социализма мы, очевидно, должны... открыть гражданскую войну... Теория... провозглашает такой тезис, что чем быстрее будут отмирать классы, тем больше будет обостряться классовая борьба, которая, очевидно, разгорится самым ярким пламенем как раз тогда, когда никаких классов уже не будет!"[123].

Эта саркастическая реплика Бухарина на Пленуме вызвала смех в зале (как видно из его стенограммы). Между тем именно Бухарин, а не Сталин проявил себя в данном случае дилетантом от политики. Тогда как "правый уклонист" продолжал наивно мыслить в абстрактных идеалах марксизма-ленинизма, Сталин выстраивал свою "теорию" в прагматичных категориях тоталитарного государства. А их сутью является изничтожение всякого инакомыслия, любых размышлений по поводу правомерности тех или иных действий власти как условие сохранения режима.

Неважно, что в целях сохранения "политеса", т. е. социалистической традиции, подавление инакомыслия (пусть оно даже проявляется в различиях образа жизни, социальных или этнических стереотипах) подается в облатке "классовой борьбы". Это даже удобно, поскольку не требует изощрений в выдумке идеологических ярлыков: классовый враг и все тут. Поэтому не прав был Н. Бухарин, высмеивая Сталина. Как раз с построением социализма завершается формирование тоталитарной системы, и, следовательно, насилие не только не устраняется, но подобно раковым метастазам, еще больше разрастается по всему общественному организму. Итак, Сталин и иже с ним требовали усматривать в имевших место противоречиях не что иное, как проявление классовой борьбы. А поскольку в наиболее обнаженном виде

они разворачивались в деревне, то здесь и локализовалось властью главное направление последней.

Выступая перед слушателями Коммунистического университета им. Свердлова (июнь 1925 г.), Сталин говорил, что "если иметь в виду отношения между городом и деревней", то классовая борьба имеет "три главных фронта". И далее называл "фронт борьбы между пролетариатом в целом (в лице государства) и крестьянством... "[124]. Причем этот "фронт" шел у него под пунктом "а", и только потом называлась борьба государства с кулачеством и классовые противоречия внутри самой деревни (богатые-бедные)[125].

Однако, "разжигая классовую борьбу с крестьянством" (характерно само слово – "разжигать", оно отражает не объективное, а субъективное, т. е. не внутреннее, а исходящее от кого-то действие), государство хорошо осознавало, что обычными, пусть даже массовыми репрессиями ее не выиграть. Восемьдесят процентов населения страны не упрячешь в лагеря.

Но если не подходит ГУЛАГ, то можно создать колхозный Агрогулаг, опоясав колючей проволокой всю аграрную периферию. Именно коллективизация крестьянства и должна была окончательно решить исход классовой борьбы с деревней в пользу государства. Массовая крестьянская оппозиция с ее завершением переставала существовать. Отчужденный от средств производства крестьянин уже не мог быть угрозой любым волюнтаристским акциям власти, так как он вставал с рабочим в один ряд – бесправных поденщиков государства.

Переставали существовать не только крестьянская оппозиция, но и как таковое само крестьянство, поскольку в ходе социальных опытов власть полностью изменила его социально-экономический генотип, растворив присущие ему родовые признаки в коллективной анонимности под названием "колхозы" – корпорации нового советского типа, абсолютно подвластной контролю тоталитарного режима. И в этом был еще один смысл коллективизации.

Другим стимулирующим ее моментом было то, что с созданием колхозного Агрогулага государство обретало способность содержать огромную армию промышленного труда. Отчуждение колхозной продукции по чисто символическим закупочным ценам (они окупали лишь от 1/10 до 1/20 ее себестоимости) давало возможность устанавливать на нее относительно низкие и торговые розничные цены, а через это – искусственно уменьшать стоимость минимальной потребительской корзины в городе. После-

днее, в свою очередь, позволяло недоплачивать рабочим за их труд, обеспечивая промышленность дешевой рабочей силой.

Власть в виде узурпировавших ее лиц всегда пытается навязать свои интересы всем остальным, невзирая на их интересы[126]. При этом она подает свои интересы как якобы интересы всего общества или, по крайней мере, его большей части, используя для этого изощренную демагогию и обыгрывая в нужном ей контексте социально-групповые стереотипы (классовые, сословные, этнические, религиозные, региональные, клановые и т. п.).

Советская власть уже по своему определению самоидентифицировала себя как власть всего трудящегося народа, поэтому, начиная коллективизацию, государство декларировало ее как выражение классовых чаяний всех трудящихся. В действительности же оно руководствовалось утилитарными целями, отвечающими собственным интересам власти, но отнюдь не общества в целом.

Вскоре вся страна, словно театр военных действий, была поделена на ударные плацдармы и районы эшелонированного продвижения "коллективизаторской" кампании. Средняя Азия и Казахстан, волею сталинского руководства, были отнесены к той региональной группе, где коллективизацию необходимо было завершить в основном весной 1932 г. (за исключением скотоводческих районов). Тем не менее в республиканских чиновно-бюрократических чертогах даже эти форсированные сроки воспринимались как некая планка, которую во что бы то ни стало нужно преодолеть. В результате очень быстро общественный организм стал испытывать приступ почти параноидальной процентомании. Газеты не успевали давать ежедневно меняющуюся информацию с "колхозного фронта". Районы и целые округа соревновались друг с другом в победных рапортах.

Решением Средазбюро ЦК ВКП(б) (26 января 1930 г.) объектами сплошной коллективизации было объявлено 6 районов Киргизии, 4 – Таджикистана, 8 – Туркмении, 18 – Узбекистана. В Казахстане сплошной коллективизации подлежали целые округа – например, Петропавловский и Кустанайский. Если в 1928 г. в Казахстане было коллективизировано 2 % всех хозяйств, то к сентябрю 1931 г. – 48,3, в Узбекистане – 66,7 и Туркмении – 56,0 %. Форсированными темпами протекала коллективизация в скотоводческих районах. Здесь была дана следующая директива: "Всемерно... стимулировать коллективизацию животноводческих хозяйств в таких же темпах, как и по зерновому хозяйству"[127].

Детонатором колхозного бума послужила отнюдь не крестьянская инициатива, как это пыталась представить пропаганда. Источники отмечают, что очень часто во время проведения сельских сходов вместо призыва "Кто хочет вступить в колхоз?" проводники коллективизации угрожающе вопрошали: "Кто против коллективизации?!" В тех случаях, когда крестьяне все же не проявляли "доброй воли" и не спешили избавляться от "буржуазной" частной собственности, к ним применяли "воспитательные" меры. С мест сообщалось о таких фактах, как имитации расстрела (когда по нескольку раз умышленно стреляли выше головы якобы приговоренного к расстрелу, что, естественно, доводило жертву до потери рассудка), раздевание на морозе, вождение под конвоем босыми по снегу через всю деревню, заталкивание людей в ледяную прорубь и т. д. В Хорезме, например, нежелание вступить в колхоз расценивалось как антисоветское выступление, подлежащее наказанию по ст. 63 Уголовного кодекса УзССР. Уже в марте 1930 г. эта статья была инкриминирована 1700 дехканам, которые были заключены в Хивинский исправительный дом[128].

Откровенно террористический характер кампании с особой силой проявлялся в тех репрессивных мерах, которые разворачивались в рамках курса на ликвидацию кулачества и байства как класса. Масштабы раскулачивания в регионе пока не поддаются точной оценке. На сегодня историография располагает лишь фрагментарными сведениями на этот счет. Тем не менее даже отрывочные данные позволяют констатировать беспрецедентную массовость этой трагедии.

В самом деле, можно ли как-то иначе трактовать тот факт, что на 1 июля 1938 г. в стране имелся контингент спецпоселенцев (до 1934 г. отправленные в "кулацкую ссылку" крестьяне назывались спецпереселенцами, в 1934–1944 гг. – трудопоселенцами, с 1944 г. – спецпоселенцами) численностью почти в миллион человек. По состоянию на конец 1938 г. в концентрационных лагерях находилось 1 317 195 человек, в колониях – 355 243, в тюрьмах – 350 538.[129] Одним словом, "монолитность системы" во многом обеспечивалась постоянным пребыванием в ГУЛАГе до трех миллионов несчастных. Только фашистская Германия обошла сталинский режим в этом рекорде вселенского антигуманизма. Ужасы гигантского ГУЛАГа в полной мере познало и крестьянство Средней Азии и Казахстана.

30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло печально знаменитое постановление "О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации". В со-

ответствии с ним "кулацкие" хозяйства делились на три категории. Подпадавшие под первую категорию квалифицировались как "контрреволюционный актив" и подлежали заключению в концентрационные лагеря, а в "отдельных случаях" к ним должна была применяться высшая мера наказания – расстрел. Выселению в "отдаленные местности СССР или отдаленные районы данной области (края, республики)" подвергались хозяйства второй категории – "остальная часть контрреволюционного актива из наиболее богатых кулаков и полупомещиков". Наконец, третья категория – основная масса "кулацких хозяйств" должна была депортироваться в районы за пределами колхозных массивов. В виде плановых разнарядок устанавливался и контингент хозяйств, должных быть зачисленными в ту или иную категорию. Так, для Казахстана, например, в первую категорию предписывалось включить 5–6 тыс. человек "контрреволюционного актива", во вторую – 10–15 тыс. человек[130].

Постановлением ЦК ВКП(б) от 20 февраля 1930 г. "О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах" для Средней Азии "контрольные цифры" ликвидируемых "кулацких хозяйств" устанавливались в пределах 2–3 %. Это означало, что в Узбекистане следовало "раскулачить" 1000 человек, Туркмении – 200, Таджикистане – 100[131]. Установление относительно небольших контингентов объяснялось тем, что руководство страны боялось спровоцировать новые волны басмаческого движения, которое к этому времени и без того весьма активизировалось. По этому поводу ЦК ВКП(б) неоднократно предупреждал местных партийных функционеров не торопиться с развертыванием "антикулацкой кампании". Однако тех уже было невозможно остановить. В результате в 1930 г. в Узбекистане подверглось раскулачиванию и выселению 2648 хозяйств, Туркмении – 1943 (при этом, спасаясь от репрессий, 1091 туркменская семья бежала в Иран и Афганистан). В Казахстане к этому времени только в 60 зерновых районах было ликвидировано 3123 "кулацко-байских хозяйства"[132].

Экспроприация кулацко-байских хозяйств продолжалась весной 1931 г. (например, в Кокандском, Янгиюльском, Денауском, Гиждуванском, Мирзачульском и других районах Узбекистана, Фарабском, Саятском, Чарджоуском, Ашхабадском районах Туркмении). С 16 по 29 марта 1931 г. только в одном Акдарьинском районе Узбекистана было арестовано 24 "кулацко-байских элемента", а выселено 95 хозяйств, в Гиждуванском – соответственно 71

чел. и 200 хозяйств, в Чарджоуском районе Туркмении было арестовано 30 человек, выселено 98 семейств[133]. Всего в 1931 г. из Средней Азии было депортировано 6944 семей, в том числе 159 семей – в Казахстан, 3444 – на Украину, 2213 – на Северный Кавказ (здесь их безуспешно заставляли заниматься хлопководством). 1128 семей были выселены из пограничных районов в северные области Узбекистана, Туркмении и Таджикистана[134].

По данным Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ, в 1930–1931 гг. численность крестьян, отправленных из Казахстана в "кулацкую ссылку", достигла 6765 человек. Однако эта цифра требует уточнения, поскольку другие источники сообщают, что с января по середину марта 1930 г. за пределы края было выслано 5563 человек, а в 1931 г. – 5500 человек (кроме того, 7765 семей переселены внутри республики)[135]. Но, как известно, "кулацко-байские" депортации продолжались даже весной 1932 г., и это обстоятельство также вносит определенные коррективы.

Подконвойные эшелоны, до отказа набитые несчастными жертвами "классовой борьбы", нескончаемо двигались навстречу друг другу. Одни увозили крестьян Казахстана, обреченных каторжно надрываться в горных штольнях Кольского полуострова, на приисках Колымы, лесозаготовках Сибири, другие разгружались среди голых казахских степей. Наряду с Уралом и Сибирью территория края была определена сталинской террористической диктатурой в качестве "кулацкой ссылки" для многих и многих десятков тысяч крестьян из других районов страны. По сведениям уже упоминавшегося Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ, на 1 января 1932 г. в республике состояли на учете спецкомендатур 46 091 семья, или 180 015 человек. Это были крестьяне с Нижней и Средней Волги, из Центральночерноземной области, Нижегородского края, Московской области, Средней Азии и Закавказья. Условия проживания "раскулаченных" были каторжные. Не случайно только в 1932 и 1933 гг. в кулацкой ссылке в Северном Казахстане умерло больше человек, чем родилось, в 19 раз, а в Южном – в 13 раз[136].

В постановлении СНК и ЦК ВКП(б) от 6 мая 1932 г. отмечалось, что, несмотря на засуху, хлебозаготовки прошли в 1931 г. лучше, чем в 1928 г. В самом деле, в неурожайном 1931 г. государством было "заготовлено" 600 млн. пуд. зерновых, тогда как в 1928 г. – 300 млн. пуд[137]. Из этого делался вывод, что произошло это благодаря колхозам, товарность которых якобы выше показателей мелкокрестьянского индивидуального хозяйства.

Действительно, здесь стоило "благодарить" коллективизацию. Однако отнюдь не в том смысле, что она будто бы обеспечила рост товарности сельскохозяйственного производства. "Благодарность" режима должна была исходить от сознания, что именно через коллективизацию государство заполучило в свой арсенал "гениальное" орудие беспрепятственной и тотальной "выкачки" продукта (причем не только прибавочного, но и необходимого) из аграрного сектора. В 1931 г. урожай зерновых в стране составил всего 69 млн. т, по хлебозаготовкам же изъяли 22,8 млн. т, т. е. одну треть[138]. Цифра эта может означать только одно: государство проводило беспрецедентное по своим масштабам ограбление крестьянства. У колхозов изымалось до 80 % и без того незначительного урожая.

Грабительская политика не могла не встречать сопротивления колхозов. Для того чтобы оставить себе на пропитание и семена хоть какую-то часть выращенного урожая, колхозники специально не выкашивали полосы хлеба у дорог, межей, арыков, недоочищали зернотока, пропускали зерно в мякину, оставляли на полях колосья, использовали умышленно неотрегулированные молотилки с целью пропуска в солому колосьев и т. д. Вскоре, однако, был вновь включен отработанный механизм государственного террора, и эти уловки стали пресекаться чрезвычайно суровыми мерами. После того, как 7 августа 1932 г. был принят закон "Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности", за подобные дела грозил расстрел, а при "смягчающих обстоятельствах" – 10 лет тюрьмы с конфискацией имущества[139].

Только за первый год действия этого закона в Казахстане были осуждены 33 345 человек, во второй половине 1931 г., т. е. еще до принятия закона по делам, связанным с заготовками, было расстреляно 79 человек. Но даже эти вопиющие цифры меркнут на фоне террора, развернувшегося вслед за этим. Хотя чиновники из Казахского отделения Верховного суда СССР придерживались иного мнения. В отчетном докладе за 1931 г. они отмечают: "...уменьшение количества приговоренных к расстрелу в период с 5 мая по 1 августа 1933 г. на 44,5 % (с 305 до 163 чел.) нельзя признать нормальным". Тут же констатируется, что "на 163 осужденных к расстрелу только 18 классово-чуждых элементов" (последняя фраза дает понять, что социальная принадлежность могла служить оправданием для лишения человека жизни)[140].

Разрушение традиционной структуры хозяйства обернулось катастрофой для животноводческой отрасли. **В 1928 г. в Казахстане насчитывалось 6509 тыс. гол. крупного рогатого скота, а в 1932 г. – всего 965 тыс. Даже накануне войны, в 1941 г. доколхозный уровень не был восстановлен (3335 тыс. гол.). Еще больше поражают цифры по мелкому рогатому скоту: из 18 566 тыс. овец в 1932 г. осталось только 1386 тыс. (перед войной численность едва приблизилась к 8 млн. гол.). Из поголовья лошадей, составлявшего в 1928 г. 3516 тыс. ед., в 1941 г. осталось 885 тыс. гол. Практически перестала существовать такая традиционная для края отрасль, как верблюдоводство: к 1935 г. осталось всего 63 тыс. верблюдов, тогда как в 1928 г. их насчитывалось 1042 тыс. гол.**

В Туркмении в 1931 г. поголовье каракульских овец снизилось на 41 %, грубошерстных – на 62, крупного рогатого скота – на 52 %. Такая же картина наблюдалась в Киргизии и Таджикистане. В Узбекистане по одному только Янгиюльскому сельсовету Мирзачульского района к весне 1930 г. по сравнению с ноябрем 1929 г. количество рабочих лошадей уменьшилось на 50, а рабочих быков – на 75 %[141].

Силовая политика государства вызвала широкое движение сопротивления крестьянства. В Казахстане в 1929–1931 гг. имели место более 400 восстаний, в которых участвовали более 80 тыс. человек. Волнения обрели настолько широкий размах, что Алма-Ата обратилась лично к Сталину с просьбой о разрешении использовать для борьбы с повстанцами регулярные части Красной Армии, поскольку войск ОГПУ для этого уже не хватало. Все мятежные очаги подавлялись самым жестоким образом не только с подключением регулярных войсковых частей, но и часто с применением артиллерии и даже авиации, при этом гибли дети, женщины и старики. За участие в движении только органами ОГПУ было осуждено 5551 человек, из них 883 расстреляно. Жертв внесудебных расправ было еще больше[142].

Крестьянскими выступлениями была охвачена и Средняя Азия. Секретарь Средазбюро ЦК ВКП(б) И. Зеленский в своей депеше Л. Кагановичу 5 апреля 1930 г. сообщал, что здесь имели место 190 массовых крестьянских выступлений, в которых участвовали 74 592 человека. Актам насилия были подвергнуты 70 партийных и советских работников, 25 человек убито. В ходе подавления восстаний были арестованы 2500 человек[143].

На волне всеобщего крестьянского недовольства вновь активизировалось басмаческое движение. Весной 1931 г. на территорию Таджикистана прорвались из сопредельного Афганистана

крупные отряды во главе с Ибрагим-беком (это была последняя его акция, вскоре он попал в руки ОГПУ и был за свершенные им преступления расстрелян). Очагом басмачества стали Каракумы. Налеты на мелкие гарнизоны и населенные пункты совершали отряды Ораз Гельды (численностью свыше 400 чел.). В Красноводском и Казанджикском районах сосредоточилась иомудо-казахская группировка в составе 1500 человек. К осени 1931 г. басмаческие отряды насчитывали в Туркмении более 3 тыс. человек. В 1932 г. и первой половине 1933 г. свои отряды на территорию Туркмении засылали Джунаид-хан, Ахмедбек, Дурды Мурт и др. Только с 1 января по 7 марта 1932 г. через границу просочились 32 группы общей численностью около 1500 человек[144]. О размахе крестьянской оппозиции в Средней Азии свидетельствует и оперативная сводка, подготовленная ОГПУ для Сталина, где регион отнесен к первой группе районов, т. е. "сильно пораженных" крестьянскими волнениями[145].

В статье "Год великого перелома", опубликованной в газете "Правда" в 1929 г., Сталин, испытывая состояние эйфории, предрекал: "Если развитие колхозов и совхозов пойдет усиленным темпом, то нет оснований сомневаться, что в каких-нибудь три года СССР станет одной из самых хлебных, если не самой хлебной страной в мире". Прошло три года, темпы коллективизации обрели сверхдинамичный характер. Однако вместо обещанного Сталиным хлебного изобилия страна получила массовый голод населения.

Вопрос о численности жертв голода 1932–1933 гг. в Казахстане (наряду с Украиной он являл собой крупнейшую зону бедствия) остается пока еще открытым. Существенную коррекцию, по-видимому, дадут вводимые в научный оборот материалы из архивохранилищ КГБ и МВД, центральных партийных органов, из дел с литерой "С" ("секретно"), хранящихся в фондах республиканского и областных архивов. Кардинально новые моменты внесут материалы Всесоюзной переписи населения 1937 г., известной как "репрессивная перепись". Проведенная буквально за один день (с 5 на 6 января), она отразила картину величайшей демографической катастрофы, вызванной политикой сталинизма. Понятно, что вскоре ее разработчики и исполнители были арестованы, а многие уничтожены (система боялась оставлять свидетелей). Сами же материалы переписи долгие годы считались уничтоженными. И вот недавно они были обнаружены в фондах Центрального Государственного архива народного хозяйства (ЦГАНХ России).

Безусловно, интенсификация исследований в этом направлении выведет на адекватное прочтение исторического действия. Тем не менее уже сегодня историки-демографы выдвигают версию, что в рассматриваемые годы в Казахстане погибли от 1 млн. до 1 млн. 750 тыс. человек, т. е. в пределах 30–42 % всей численности этноса.

Большой урон численности коренного населения нанесли откочевки. Четвертая часть первоначальной совокупности населения, т. е. 1030 тыс. человек, откочевали в годы голода за пределы республики. Из них 616 тыс. безвозвратно и 414 тыс. впоследствии вернулись в Казахстан. По оценкам, из безвозвратно откочевавших около 200 тыс. человек ушли за рубеж – в Китай, Монголию, Афганистан, Иран и Турцию.

Когда начинаешь осмысливать трагические события тех лет, то приходишь к пониманию, что причины их раскрываются отнюдь не через категорию "случайного", обозначенную в традиционной историографии как "ошибки и перегибы". Скорее, наоборот, **здесь имело место явление закономерное, мы бы даже рискнули сказать, фатальное, ибо мобилизационно-административные и волюнтаристско-силовые методы уже по природе своей стихийны. В их основе лежат тенденции к противопоставлению политико-идеологических средств императивам экономического ряда. Следовательно, ошибки и перегибы выражали в действительности объективную логику сталинской модели организации общества.**

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996. С. 3372.

[2] Цит. по: *Штомпка П.* Социология социальных изменений. С. 388.

[3] Цит. по: Там же. С. 389.

[4] Там же. С. 387.

[5] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. С. 105.

[6] *Нуруллин Р.* Борьба Компартии Туркестана за осуществление политики "военного коммунизма". Ташкент, 1975. С. 56.

[7] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. С. 210.

[8] *Рыскулов Т.* Революция и коренное население Туркестана. Ташкент, 1925. С. 75.

[9] *Штомпка П.* Социология социальных изменений. С. 379–380.

[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 35.

[11] История Туркменской ССР. Т. 2. Ашхабад, 1957. С. 10.

[12] Коммунист. 1990. № 15. С. 31.

[13] *Покровский С. Н.* Разгром интервентов и внутренней контрреволюции в Казахстане. 1918–1920 гг. Алма-Ата, 1967. С. 89–100.

[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 79.

[15] *Сойфер Д. И.* Революционное движение солдат в Туркестане. Ташкент, 1969. С. 25.

[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 28. С. 279.

[17] Цит. по: *Шанин Т.* Крестьянство как политический фактор // Великий незнакомец. М., 1992. С. 270.

[18] Там же. С. 272.

[19] Большевик Казахстана. 1935. № 7. С. 28.

[20] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 7.

[21] Там же. Т. 35. С. 66–67.

[22] *Коржихина Т.П., Сенин А.С.* История российской государственности. М., 1995. С. 40.

[23] *Нурпеисов К. Н.* Становление Советов в Казахстане. Алма-Ата, 1987. С. 98–119.

[24] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. С. 502.

[25] Там же. С. 761–762.

[26] История Туркменской ССР. Т. 2. Ашхабад, 1957. С. 75.

[27] История гражданской войны в Узбекистане. Т. 1. Ташкент, 1964. С. 73.

[28] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. С. 507.

[29] Там же. С. 509.

[30] Там же. С. 484–485.

[31] *Нурпеисов К. Н.* Становление Советов в Казахстане. С. 185.

[32] Там же. С. 188.

[33] Там же. С. 220–221.

[34] *Коржихина Т. П., А. С. Сенин.* История российской государственности. С. 166.

[35] Там же. С. 168.

[36] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). 17–25 апреля 1923 г.: Стеногр. отчет. М., 1923. С. 41.

[37] *Гордиенко А. А.* Создание советской национальной государственности в Средней Азии. М., 1959. С. 50.

[38] *Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И.* Басмачество: возникновение, сущность и крах. М., 1981. С. 34.

[39] *Ермолин А. П.* Революция и казачество. М., 1989. С. 117.

[40] Цит. по: Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 372.

[41] *Кратенко А.* Почему вернулся атаман? // Нынешний летописец. Усть-Каменогорск, 1991. С. 3.

[42] Там же.

[43] Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 596–597.

[44] *Покровский С. Н.* Разгром интервентов и внутренней контрреволюции в Казахстане. С. 125.

[45] Краткая история гражданской войны в СССР. М., 1960. С. 191.

[46] Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 137–139.

[47] *Покровский С. Н.* Разгром интервентов и внутренней контрреволюции в Казахстане. С. 140.

[48] *Фрунзе М.* на фронтах гражданской войны: Сборник документов. М., 1941. С. 308.

[49] *Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И.* Басмачество: возникновение, сущность и крах. С. 56–64.

[50] *Иноятов Х.* Против фальсификации истории победы Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1976. С. 312.

[51] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. С. 282.

[52] *Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И.* Басмачество: возникновение, сущность и крах. С. 46.

[53] Там же. С. 78–80.

[54] *Сафаров Г.* Колониальная революция. Алматы, 1996. С.146.

[55] Там же.

[56] *Дахшлейгер Г. Ф.* Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. Алма-Ата, 1965. С. 73.

[57] *Ермолин А. П.* Революция и казачество. С. 128.

[58] Подборка документов // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 177–178.

[59] Там же.

[60] *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991 гг. М., 1992. С. 78.

[61] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 6. С. 715.

[62] *Медеубаев Е. И.* Политика "военного коммунизма" в Казахстане: Рук. дис. канд. ист. наук. Алматы, 1999.

[63] Там же.

[64] Там же.

[65] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 65.

[66] Коммунист. 1987. № 10.

[67] *Нусупбеков А. Н.* Формирование и развитие советского рабочего класса. Алма-Ата, 1966. С. 54–55.

[68] *Ульмасов А.* Национализация промышленности в Советском Туркестане. Ташкент, 1960. С. 36.

[69] Там же. С. 52.

[70] Коммунист. 1987. № 3.

[71] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 321.

[72] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. С. 109.

[73] *Еренов А. Е.* Опыт земельных преобразований на Советском Востоке. Алма-Ата, 1976. С. 78–79.

[74] *Нуруллин Р.* Борьба Компартии Туркестана за осуществление политики "военного коммунизма". Ташкент, 1975. С. 68–75.

[75] Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР. Алма-Ата, 1959. С. 13; *Нуруллин Р.* Борьба Компартии Туркестана за осуществление политики "военного коммунизма". С. 140.

[76] Отчет Кирнаркомпрода II Всекиргизскому съезду Советов о деятельности за время с 21 октября 1920 года по 10 сентября 1921 года. Б. м. и б. д. С. 12.

[77] Рукописный фонд ИИАиЭ им. Ч. Валиханова. Инв. № 43. Л. 78.

[78] Декреты Советской власти. Т. 9. М., 1978. С. 240–243.

[79] Вторая Киргизская областная конференция РКП(б): Протоколы. Алма-Ата, 1936. С. 71.

[80] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 313.

[81] Там же. Т. 42. С. 385.

[82] *Нуруллин Р.* Борьба Компартии Туркестана за осуществление политики "военного коммунизма". С. 82.

[83] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. С. 397.

[84] Сборник статистических сведений о движении населения, скота и урожаев по КАССР с 1880 по 1922 г. Оренбург, 1925. С. 68–69.

[85] Там же.

[86] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. С. 360–369.

[87] Вторая Киргизская областная конференция РКП(б). С. 54–55.

[88] Там же. С. 60.

[89] *Григорьев В. К.* Разгром мелкобуржуазной контрреволюции в Казахстане. Алма-Ата, 1984. С. 57–70; Кустанай: вчера, сегодня, завтра. Алма-Ата, 1979. С. 89.

[90] *Шамгадиев Ш. А.* Очерки истории гражданской войны в Ферганской долине. Ташкент, 1961. С. 84.

[91] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 282.

[92] *Бухарин Н. И.* Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 168.

[93] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 151.

[94] История Казахской ССР. Т. 4. Алма-Ата, 1979. С. 70.

[95] *Дахшлейгер Г. Ф.* Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. С. 139.

[96] История Узбекской ССР. Т. 3. Ташкент, 1967. С. 316–317.

[97] *Ким П., Хасанов М.* Басмачество: 1921–1924 годы // Наука и религия. 1991. № 2. С. 146.

[98] История Узбекской ССР. Т. 3. С. 364.

[99] Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана (1918–1924 гг.). Ташкент, 1958. С. 177.

[100] *Вишневский А.* Как это делалось в Средней Азии // Наука и религия. 1991. № 3. С. 53.

[101] Там же. С. 51.

[102] Там же.

[103] Там же. С. 44.

[104] Цит. по: *Дахшлейгер Г. Ф.* Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. С. 179.

[105] *Давыдов А. М.* Аграрные преобразования и формирование социалистического землепользования в Узбекской ССР. Ташкент, 1965. С. 126.

[106] Материалы к отчету ЦК КП(б) Узбекистана, октябрь 1927 – февраль 1929 г. С. 4–8.

[107] История Киргизской ССР. Т. 3. Фрунзе, 1986. С. 404.

[108] *Давыдов А. М.* Аграрные преобразования и формирование социалистического землепользования в Узбекской ССР. С. 185; История Киргизской ССР. Т. 3. С. 404.

[109] Там же. С. 157.

[110] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 428.

[111] Весь Казахстан. Алма-Ата, 1931. С. 77; По материалам профессора Т. Омарбекова.

[112] *Бухарин Н. И.* Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 289.

[113] *Сталин И. В.* Соч. Т. 13. С. 39.

[114] *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Что это было? М., 1989. С. 53.

[115] *Сталин И. В.* Соч. Т. 13. С. 39.

[116] *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Что это было? С. 53.

[117] Пятилетний план народнохозяйственного и социально-культурного строительства Казахской ССР (1928/29–1932/33 гг.). Алма-Ата, 1931. С. 10–11.

[118] Труд в СССР: Стат. сборник. М., 1988. С. 166.

[119] *Сталин И. В.* Соч. Т. 11. С. 309.

[120] *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. М., 1933. С. 156.

[121] Цит. по: *Здравомыслов А. Г.* Социология конфликта. М., 1994. С. 79.

[122] См., например: *Сталин И. В.* Соч. Т. 11. С. 169–170.

[123] *Бухарин Н. И.* Проблемы теории и практики социализма. С. 263–264.

[124] *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. С. 156.

[125] Там же.

[126] Политическая теория и политическая практика. М., 1994. С. 143.

[127] Советская степь. 1929. 16 дек.

[128] *Самдалиев С.* Осуществление ленинского кооперативного плана в Узбекистане. Ташкент, 1958. С. 76.

[129] См. статьи *Земскова В. Н.* // Социологические исследования. 1991. № 10; 1990. № 11.

[130] *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание. М., 1994. С. 64.

[131] Там же. С. 116.

[132] Там же. С. 117.

[133] Там же. С. 174.

[134] Там же. С. 171.

[135] *Абылхожин Ж. Б.* Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы, 1997. С. 202–214.

[136] *Земсков В. Н.* "Кулацкая ссылка" // Социологические исследования. 1991. № 10.

[137] Коллективизация сельского хозяйства. М., 1957. С. 411.

[138] *Верт Н.* История советского государства. М., 1993. С. 181.

[139] Собрание законов СССР. 1932. № 62. Ст. 360.

[140] По материалам М. Ж. Хасанаева.

[141] Казахстан за 50 лет: Стат. сборник. Алма-Ата, 1971. С. 82–83; *Саидалиев С.* Осуществление ленинского кооперативного плана в Узбекистане. С. 82; *Садыков М. С.* Исторический опыт КПСС по строительству социализма в Таджикистане. Душанбе, 1967. С. 258–261.

[142] По данным Х. С. Алдажуманова.

[143] *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание. С. 141–150.

[144] *Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И.* Басмачество. С. 136.

[145] *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание. С. 147.

Глава 3. БУХАРА И ХИВА: ИЗ РОССИИСКИХ ПРОТЕКТОРАТОВ В СОВЕТСКИЕ РЕСПУБЛИКИ

До Октябрьской революции Бухарский эмират и Хивинское ханство являлись протекторатами России. Это были восточные деспотии феодально-монархического типа. В Бухарском эмирате проживали свыше 2,2 млн. человек. Национальная структура населения включала такие этносы, как таджики, узбеки, киргизы, туркмены, казахи, евреи, русские, армяне и др. Народонаселение Хивинского ханства было малочисленным – 900 тыс. человек. Но его этническая композиция была столь же пестрой, как и в Бухаре: узбеки, туркмены, казахи, киргизы, каракалпаки, арабы, персы. Эти многонациональные, преимущественно крестьянские, государства раздирали этнокультурные (земледельческая и кочевая ментальность), религиозные (сунниты и шииты), родоплеменные и клановые интересы. Подчас они принимали форму кровавых конфликтов, в результате которых вырезались целые кишлаки и аулы.

В условиях государственной аморфности централизация власти достигалась не только за счет феодальной тирании административно-чиновничьих институтов, но и в значительной мере посредством такого инструмента консолидации, как религия. Ислам, с которым идентифицировало себя большинство подданных Бухары и Хивы, выступал той системой идей и институтов, социальных и моральных ценностей, тем символом солидарности, которые отодвигали на второй план все другие узы. Поэтому верховные правители Бухары и Хивы пытались отождествлять собой не только светскую, но и духовную власть (Бухарский эмир, Сеид-Алим-хан, как и правитель Хивы – Асфандияр-хан легендировались в качестве "наместников Пророка на земле"). Такой сакрализации власти и навязываемых ею порядков удобно служили клерикальные подпорки государственности. В 1920 г. в Бухарском эмирате численность мусульманских священнослужителей приближалась к 40 тыс. человек. В Хивинском ханстве насчитывалось около 3 тыс. мечетей, 282 духовных школы, 877 медресе (духовных училищ)[1].

Достаточно разветвленной была феодально-бюрократическая структура. В Хивинском ханстве территория делилась на 20, в Бухарском эмирате – на 29 бекств и хакимств. Все они, по сути, были отданы на "кормление" различным сановникам, местным "чорхакиматам" (буквально: четыре правителя – судья (казий), глава местной администрации (раис), чиновник по сбору податей (амляк-

дяр) и начальник полиции (мишраб), обширнейшей эмиро-ханской клиентеле в лице крупных землевладельцев, держателей водных ресурсов, торговцев и ростовщиков. Население же испытывало жесточайший налоговый гнет, уплачивая до 25 видов повинностей (не облагался разве что воздух). Непосильные налоги и произвол властей вызывали крестьянские бунты, которые периодически сотрясали монархии. Так, в 1912–1913 гг. против хивинского хана подняли мятеж туркменские племена, в 1915 г. – мангытские роды. В "благословенной Бухаре" крестьянские волнения не прекращались в течение 1914–1915 гг.[2]

Демократическая оппозиция была представлена движением прогрессистов – джадидами. Оно находилось под влиянием младотурецкой партии "Иттихад ве таракки" ("Единение и прогресс"), боровшейся с деспотическим режимом Османской империи, с ее абсолютистским строем. Турецкая буржуазная революция 1908 г. сообщила новый импульс движению прогрессистов.

Один из сотрудников туркестанской охранки в августе 1914 г. доносил в Ташкент: "Некоторыми бухарскими сановниками и влиятельными купцами, проживавшими и получившими образование в Константинополе, под видом мануфактурного товарищества "Баракат" основан Союз прогрессистов с целью объединения мусульман и поднятия культуры среди туземцев". В январе 1917 г. российская агентура сообщала о том, что в Бухаре действует туркестанское отделение партии "Иттихад ве таракки", реформаторское общество "Маърифат"[3]. Лидерами демократического движения в Бухаре были такие известные просветители, как Махмудходжа Бекбуди, Низамиддин Сабитов, Абдурауф Фитрат (автор программы тайного общества "Младобухарцы"), Садриддин Айни и др.

В начале 1917 г. под воздействием Февральской революции в России и внутренней демократической оппозиции бухарский эмир обнародовал манифест. В нем декларировалось "высочайшее" обещание провести некоторые реформы, не затрагивающие, естественно, феодального строя эмирата. 7 апреля джадиды организовали митинг в поддержку "эмирского манифеста". Но толпы кадимистов (представителей консервативной феодально-клерикальной реакции) при явном попустительстве властей сорвали его.

Вскоре манифест был отменен. Специальной фетвой (решением) духовенства джадиды объявлялись вероотступниками. Многие из них были схвачены эмирской охранкой и подвергну-

ты публичным истязаниям. Ряд видных поборников джадидской идеи был приговорен к семидесяти пяти ударам палками. Среди них – Садриддин Айни, Мирзо Назрулла (от пыток он скончался) и др.

Больших успехов достигла оппозиция в Хиве. 5 апреля 1917 г. здесь также был обнародован манифест. Согласно ему, в ханстве устанавливалась конституционная монархия (власть Асфандияр-хана ограничивалась меджлисом, формировавшимся из узбекской буржуазии и туркменских родоплеменных вождей, и Советом назиров)[4]. В дальнейшем, однако, события стали развиваться по "бухарскому" сценарию. Лидеры джадидского движения подверглись арестам, а их сторонники объявлены вероотступниками. Был назначен новый состав меджлиса, состоящий из феодальной аристократии и реакционного духовенства.

Получив политический урок, демократическая оппозиция в Бухаре и Хиве стала обретать более радикальный характер. В конце 1917 г. джадидское движение эмирата оформилось в младобухарскую партию. В своих идейных установках она преследовала задачи осуществления буржуазных реформ, установления правовых гарантий в виде конституционного строя, свободы печати, секуляризации образования. Этих же идей придерживались младохивинцы. При этом многие из них начинали расставаться с иллюзиями по поводу реформаторских возможностей "просвещенного абсолютизма".

После Октябрьской революции антимонархическая оппозиция в Бухаре и Хиве получила новый импульс, но продолжала жестоко подавляться феодальной тиранией. После установления Советской власти в Туркестане младобухарцы обратились к Совнаркому края за помощью в борьбе с эмирской деспотией. В начале марта отряды красногвардейцев под командованием председателя Туркестанского Совнаркома Ф. Колесова вошли в Новую Бухару (Каган). "Освободители" тут же предались вакханалии пьянства, разбоя, насилия и грабежей, чем вызвали взрыв возмущения местных жителей. Живая лава людских тел, по описанию Г. Сафарова, шла с палками на пулеметы красногвардейцев-люмпенов. Окруженные 30-тысячным войском эмира и фанатически возбужденной толпой численностью до 10-тыс. человек, колесовцы были вынуждены отступить. С тяжелыми боями, прорываясь сквозь кольцо неприятеля и восстанавливая на ходу разобранные железнодорожные пути, 21 марта 1918 г. отряд вернулся в Ташкент[5].

Попытка младобухарцев свергнуть режим эмира с помощью советских красногвардейских отрядов потерпела провал. По стране прокатилась волна репрессий. "Тысячи молодых патриотов были умерщвлены. Каждую ночь в бухарской крепости убивали людей, сочувствовавших революции", – вспоминал один из участников тех событий[6]. Массовому террору были подвергнуты младобухарцы. В марте 1919 г. был зверски убит Бекбуди – идейный лидер движения. Многие младобухарцы были вынуждены спасаться в Советском Туркестане.

Стремительно развивались события в Хорезмском оазисе. Асфандияр-хан, лишенный серьезной военной поддержки (у него не было регулярной армии, а отряд ханских нукеров был малочислен и не боеспособен) терял свое влияние даже в среде узбекской феодальной знати. В январе 1918 г. в Хиву вошли 1600 вооруженных всадников – иомудов. Возглавлял их Джунаид-хан, один из туркменских феодально-племенных вождей. Джунаид Курбан Мамед еще до революции совершал со своими сородичами многочисленные набеги на узбеков и каракалпаков. В 1915–1916 гг. он несколько раз пытался захватить власть в Хиве, чему тогда помешали русские войска[7].

В Хиве установилась военно-феодальная диктатура Джунаид-хана. Хивинский хан оставался лишь номинальным правителем, но и это продолжалось недолго. В конце сентября 1918 г. диктатор осуществил новый переворот, в результате которого на ханский престол был возведен Сеид-Абдулла, старший брат Асфандияр-хана, по выражению одного из советских дипломатов в Хиве, "бессильная кукла" в руках Джунаида[8]. Став фактическим правителем Хивы, Джунаид-хан ввергнул страну в атмосферу жесточайшего террора. Он ввел новые, еще более обременительные налоги, объявил принудительный набор в нукеры, казнил группу младохивинских лидеров, арестованных еще Асфандияр-ханом.

Протестное движение охватило все слои населения. Недовольство стала проявлять даже узбекская феодальная аристократия, ранее удобно чувствовавшая себя под опекой своего ставленника – Асфандияр-хана. Ее интересы стали откровенно ущемляться туркменскими феодалами, получившими авторитетную поддержку в лице своего лидера – Джунаида. От диктатуры стали дистанцироваться и некоторые туркменские родоплеменные группы, ранее солидаризировавшиеся с ним в "борьбе против узбекской деспотии"[9].

Подстрекаемый силами внутренней и внешней контрреволюции, Джунаид-хан неоднократно предпринимал военные авантю-

ры в отношении советских территорий. В течение 1918–1919 гг. отряды его нукеров переправлялись на правый, советский, берег Амударьи и осаждали Петроалександровск и Нукус. В начале апреля 1919 г. был подписан мирный договор между РСФСР и Хивинским ханством. Тем не менее с самого начала было ясно, что это была лишь временная уступка Хивы, стремящейся блокировать исходящие от Советского Туркестана революционизирующие импульсы. **Кроме того, Хивинское ханство (наряду с Бухарским эмиратом) оказалось задействованным в сложной игре геополитических интересов, противостоянии революционного и контрреволюционного движений и уже только поэтому не могло (естественно, и не хотело) оставаться нейтральным.**

В качестве временного компромисса воспринимался договор и большевиками. В условиях военной блокады Советская Россия была вынуждена мириться со "среднеазиатскими монархиями, этими гнездилищами контрреволюции". Но "экспорт революции" был не за горами. Рано или поздно идея "пролетарского интернационализма", предполагавшая в том числе и возможность прямой военной интервенции, должна была привести к такой развязке. (В свое время большевики выражали сожаление, что, будучи стесненными обстоятельствами, они не смогли оказать военную помощь Баварской и Венгерской Советским республикам.) И большевики готовились к ней исподволь. При этом они делали ставку на младохивинцев как единственно организованную оппозицию в ханстве. Образ таковой пытались поддерживать и лидеры младохивинцев. Так, председатель комитета РКП(б) в советском Петроалександровске летом 1918 г. сообщал в Ташкент о том, что младохивинцы имеют подпольные ячейки во всех районах ханства, в том числе и в туркменских. Как показали дальнейшие события, это было, мягко говоря, преувеличением. Тем более в отношении туркменских районов, поскольку младохивинцы, представлявшие главным образом нарождавшуюся узбекскую буржуазию, были не лишены шовинистических настроений и, по крайней мере, на начальном этапе своей деятельности игнорировали неузбекскую часть населения ханства. Поэтому популярность их в неузбекских районах ханства была не столь значительна. Что касается туркменских родоплеменных объединений (как, впрочем, и казахских, киргизских, каракалпакских), то они были полностью под влиянием своих вождей.

В 1918 г. на советском берегу Амударьи, в г. Петроалександровске при содействии местного Совдепа был образован мла-

дохивинский революционный комитет. 15 июля 1919 г. Петроалександровский комитет РКП (б) принял резолюцию: "Хивинцев, состоящих в младохивинском революционном комитете, включить в списки петроалександровской организации Российской Коммунистической партии"[10]. Так было декретировано образование хивинской коммунистической группы. При этом даже не оговаривалось признание младохивинцами Программы и Устава РКП(б)[11]. Момент требовал срочного создания в Хиве собственной большевистской креатуры. И таковая без всякого промедления была инициирована.

Сделав ставку на младохивинцев, большевики понимали, что силы последних крайне незначительны для организации антиджунаидского восстания (отряд бедноты и дехкан, сформированный в Петроалександровске младохивинцами и обучавшийся советскими военными инструкторами, насчитывал всего 500 чел.). Гораздо больше Джунаид-хан опасался соперничавших с ним туркменских феодально-племенных вождей. Они действительно представляли собой грозную и реальную силу. Каждый племенной вождь располагал традиционным военным ополчением, в состав которого входили все мужчины, достигшие определенного возраста. По сути, это была кавалерия, ибо ополченцы имели не только свое оружие, но и коня.

Учитывая такую расстановку сил в стане оппозиции, Компартия Туркестана и ТуркЦИК рекомендовали большевикам Петроалександровска использовать в интересах восстания межплеменные распри и амбиции различных туркменских ханов и родовых старшин. В русле этой установки советские и партийные органы советского правобережья Амударьи заключили соглашение с такими авторитетными племенными вождями, как Гочмамед-хан, Гулямали-хан, Якши-Гельды и др.[12] При посредничестве Петроалександровского Совета в октябре 1919 г. соглашение о совместных действиях против Джунаид-хана заключили с иомудскими родами и младохивинцы.

В ноябре 1919 г. туркменские племена начали восстание. Против Джунаид-хана выступили родовые группы куджук, ушак, салак, большая часть окузов. " Около хана Джунаида, – сообщала газета "Известия", – группировалось только племя орсукчи, из которого он сам происходит, да разбойничьи шайки"[13]. В начале декабря в оперативной сводке штаба Туркфронта сообщалось, что "в районе Куня-Ургенч поднято восстание против Джунаид-хана", "повстанцами руководит Гочмамед-хан". Здесь же высказывалось опасение, что "возможно, борьба окончится восстанов-

лением старого положения или же произойдет смена одного хана другим"[14]. Но подобный сценарий исключался, поскольку советские войска уже были готовы к вторжению в Хивинское ханство. Обстановка благоприятствовала. К этому времени Советская Россия добилась крупных успехов в борьбе с силами контрреволюции, в том числе и на среднеазиатских фронтах. В сентябре 1919 г. была ликвидирована блокада Советского Туркестана. Был и повод для ввода войск – "просьба хивинских трудящихся". Петроалександровский Совет телеграфировал в Ташкент: "Пролетариат Хивы (читай: иомудские племена, ибо "пролетариат" составлял всего 0,05 % населения ханства. – *Авт.*) восстал против Джунаид-хана. Везде идут бои... Просим Вашего разрешения выступить с отрядом на помощь восставшему народу Хивы"[15]. Соответствующие телеграммы слались в Москву и из Ташкента.

Следуя принципам "пролетарского интернационализма", Москва удовлетворила "просьбу трудящихся Хивы". 22 декабря 1919 г. части Амударьинской советской группы войск вошли в ханство. Вместе с Красной Армией его границы перешел хивинский добровольческий отряд (около 600 чел.). 22–23 января 1920 г. в решающем бою в районе Газавата Джунаид-хан был разбит и с сотней нукеров бежал в пески. 1 февраля почти без боя была взята ханская столица – Хива.

Номинальный хивинский хан Саид Абдулла отрекся от престола. Власть перешла к Ревкому. **В Хиве победила революция. И победа ее была принесена на штыках советских войск. Не случайно уполномоченный РСФСР, характеризуя отношение хивинцев к происходящим событиям, отмечал, что "главной заботой, заботой всех слоев является, как бы не ушли русские и не вернулся Джунаид"[16].**

27–30 апреля 1920 г. в Хиве состоялся первый Всехорезмский курултай народных представителей. Его решением Хивинское ханство упразднялось и на его территории образовывалась Хорезмская Народная Советская Республика (было восстановлено историческое название региона – Хорезм). В сентябре был подписан союзный договор между ХНСР и РСФСР, который дополнялся военно-политическим и экономическим соглашениями. В конце марта 1920 г., т. е. почти сразу же после свержения диктатуры Джунаид-хана, в Хорезм прибыли представители Туркомиссии ВЦИК и СНК РСФСР во главе с В. Куйбышевым. Их деятельность была подчинена задаче обеспечения просоветской ориентации Хивы. Не случайно уже 4 апреля был создан единый партийно-советский орган – Комитет коммунистов Хорезма, он

же Совет Народных Назиров (министров)[17]. Все посты в нем заняли записанные в коммунисты младохивинцы и некоторые туркменские племенные вожди (они сыграли одну из главных ролей в восстании, а потому в тот момент игнорировать их было просто опасно).

Однако это было только началом узурпации власти большевиками. В начале мая 1920 г. была проведена I Учредительная Всехорезмская партийная конференция коммунистов. Несмотря на то что коммунисты Хорезма формально не входили в состав Российской Коммунистической партии большевиков, ее работой от начала до конца руководили ЦК РКП(б) и компартия Туркестана. Понятно, что и все решения конференции вырабатывались под их непосредственным влиянием. Более того, в руководство Центрального Комитета созданной Хорезмской компартии были проведены иностранные коммунисты – представители компартий Туркестана и Бухары. Председателем ЦК стал направленный ЦК РКП(б) из Бухары (а точнее – Ташкента) Алимджан Акчурин.

С созданием компартии Хорезма сложились три реальные структуры властного влияния – собственно коммунисты, младохивинцы (та их часть, которая оставалась де-факто в составе своей партии) и туркменские родоплеменные вожди. Последние были в тот момент наиболее опасными соперниками коммунистов и младохивинцев. Поэтому были предприняты меры по их нейтрализации. По решению ЦК Хорезмской компартии и Совета Назиров ХНСР из Хивы были удалены большая часть людей из отрядов Гочмамед-хана, Гулам Али, Якши-Гельды и других туркменских вождей. Они были отправлены домой под предлогом участия в сельхозработах[18].

В борьбе за власть млодохивинские "коммунисты" в лице Палванияза Юсупова (председателя Совета Назиров ХНСР), Джуманияза Султанмуратова (зампреда) и др. пошли еще дальше. В середине сентября 1920 г. они устроили в Хиве настоящую кровавую бойню. Обманным путем были арестованы и без суда и следствия расстреляны около ста туркменских вождей и воинов, в том числе заместитель председателя Совета Назиров, прославленный вождь антиджунаидского восстания Гочмамед-хан[19]. Эта преступная акция вызвала возмущение туркменского населения Хорезма. Часть его сразу же пополнила басмаческое движение Джунаид-хана. Численность его отрядов стала достигать 10 тыс. человек. Они находили поддержку и помощь в районах кочевых

скотоводческих хозяйств, недовольных откровенно шовинистической политикой младохивинского руководства республики.

Туркбюро ЦК РКП(б), Туркомиссия ВЦИК и СНК РСФСР, а также Политуправление Хорезмской Красной Армии (Пурхив), который фактически руководил политической работой в Хиве, срочно принялись исправлять положение. Их представители выехали в туркменские районы, где провели ряд переговоров с родоплеменными вождями[20]. 21–23 января 1921 г. был проведен (в Порсы – центре туркменских районов) I Всехорезмский курултай, в котором приняли участие представители десяти крупных племенных и родовых групп. Курултай принял решение о немедленном прекращении вооруженных столкновений[21], а 4–5 марта 1921 г. в Хиве был санкционирован массовый митинг, на котором объявили о низложении младохивинского правительства ХСНР[22]. В июне 1921 г. была проведена "чистка" коммунистической организации, главным образом от младохивинцев. Таким образом, младохивинцы последовательно отстранялись от власти, а коммунисты превращались в ее единственный центр.

В конце 1921 г. прошел I съезд Коммунистической партии Хорезма. К этому времени численность ее составляла всего 1200 чел. (в июне после партийной чистки в ее рядах было и того меньше – 600 членов)[23]. Тем не менее перспективы общественно-политического развития Хорезма теперь определялись именно ею. И главным образом потому, что за этим номинальным центром власти стояли ЦК РКП(б) в лице своих туркестанских органов (Туркомиссия ВЦИК и СНК, Туркбюро ЦК РКП(б)) и Туркестанская компартия. Кроме того, коммунисты Хорезма могли в полной мере опираться на присутствие советских войск в регионе. В этой связи понятна резолюция, вынесенная I съездом Компартии: "До окончательного сформирования Хорезмской Красной Армии съезд просит об оставлении существующих красноармейских (советских. – *Авт.*) частей в Хорезме"[24]. Характерно, что просьба эта поступила не от представительного органа – Хорезмского ЦИК, который к тому времени уже функционировал, а от коммунистического съезда. Это еще раз показывало, кто отныне решал судьбу образовавшейся республики.

Туркестанские большевики активно готовили восстание и в Бухарском эмирате. По их инициативе 20 апреля 1918 г. в Ташкенте было проведено собрание бухарских эмигрантов. После произошедшего на нем идейного размежевания часть младобухарцев-джадидов, ассоциировавшая себя с партией "Шуро-Ислами", покинула совещание. Оставшиеся бухарские радикалы

приняли решение об образовании Компартии Бухары[25]. В ноябре 1918 г. в Ташкенте состоялся I съезд Бухарской Компартии (БКП). На нем был избран Центральный комитет партии и принята программа, центральным пунктом которой стало свержение эмирского режима и образование Народной Советской Республики.

К лету 1920 г. Бухара оказалась охваченной рядом локальных крестьянских выступлений. Чарджуйский бек в письме на имя эмира сообщал: "Все туркмены, за исключением пяти-шести государственных чиновников, стали на путь неповиновения"[26]. Несмотря на жестокое подавление, сопротивление бухарской деспотии нарастало с каждым днем. Москва и Ташкент спешно взялись за организацию восстания. В этой связи было образовано Военно-революционное бюро, в которое вошли представители Туркомиссии ВЦИК и СНК РСФСР – В. Куйбышев и М. Фрунзе, Компартии Туркестана – Н. Тюрякулов, а также Файзулла Ходжаев – лидер "левых" (в начале 1920 г. они создали организацию революционных младобухарцев).

Привлечение к подготовке восстания организации "младобухарцев-революционеров" вызвало сопротивление со стороны соперничавшей с ней БКП. Трения обрели настолько острый характер, что Ташкент вынужден был обратиться за консультациями в ЦК РКП(б). По поручению Ленина Оргбюро партии большевиков рассмотрело этот вопрос и обязало БКП войти в интересах революции во временный блок с революционной организацией младобухарцев[27]. Нити восстания вели к Москве, и она крепко держала их в своих руках.

Свержение деспотического режима Сеида Алим-хана в значительной мере облегчалось существованием на территории Бухарского эмирата советских анклавов – русских поселений в так называемых новых районах Бухары (Кагане), Термеза, Керки, Чарджуя. Именно они послужили ударными плацдармами для взятия власти. Восстание началось 28 августа 1920 г. На следующий день при посредстве туркменского революционного полка (520 сабель) были разогнаны эмирские чиновники в Старом Чарджуе. В этот момент М. Фрунзе издал приказ по войскам Туркестанского фронта. "Приказываю, – говорилось в нем, – всей нашей вооруженной мощью придти на помощь бухарскому народу в этот час решения. Командиры, комиссары, на вас смотрит сейчас вся Советская Россия и ждет от каждого исполнения его революционного долга"[28].

Советские войска силой в 7 тыс. штыков и сабель, 46 орудий, около 230 пулеметов, 10 бронеавтомобилей, 5 бронепоездов и 12 самолетов вторглись в Бухарский эмират[29]. **По сути это была военная интервенция. Но в большевистской дипломатии, которая "по-революционному смело" попирала нормы "буржуазного международного права", эта акция трактовалась как проявление пролетарского интернационализма.** Войска Туркестанского фронта предопределили быструю победу восстания (отряды внутренней оппозиции насчитывали всего 5 тыс. человек, тогда как вооруженные силы эмира достигали 30 тыс.). 2 сентября (т. е. всего через пять дней после начала восстания) командующий войсками Туркфронта М. Фрунзе телеграфировал Ленину: "...Над Регистаном (центральная площадь Бухары. – *Авт.*) победоносно развивается Красное знамя мировой революции"[30].

Далее все пошло по проверенному "хивинскому" варианту. В начале октября 1920 г. состоялся Всебухарский курултай народных представителей, который объявил о создании Бухарской Народной Советской Республики. Было образовано правительство республики – Совет Народных Назиров. Однако, чтобы не повторять ошибок Хивы, где в первые же месяцы создания ХНСР правительство стало проявлять "опасную самодеятельность", в качестве постоянного законодательного и контролирующего органа конституировался Революционный Комитет БНСР[31]. Именно он вкупе с представителями ЦК РКП(б) и Коминтерна и проводил всю политическую работу в новой Советской республике. Что касается партии младобухарцев (джадидов), то она объявила о своем роспуске и слиянии с Бухарской Коммунистической партией (сентябрь 1920 г.).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Из истории Советского Узбекистана. Ташкент, 1956. С. 39.

[2] *Гордиенко А. А.* Создание народно-советского государства и права и их революционно-преобразующая роль в Хорезме и Бухаре. Ташкент, 1959. С. 16.

[3] Цит. по: *Абдуллаев Р.* Интеграционные процессы в мусульманском мире и туркестанские джадиды // Евразийское сообщество. 1997. № 2. С. 128; *Турдиев Ш.* Роль России в подавлении джадидского движения // Центральная Азия (Швеция). 1998. № 1. С. 136.

[4] История Узбекской ССР. Т. 3. С. 250.

[5] *Садриддин Айни.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 472.

[6] *Камилов К. Ф.* В борьбе с реакцией // За Советский Туркестан,Ташкент, 1963. С. 444.

[7] *Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И.* Басмачество. М., 1985. С. 36–37.

[8] *Мухамедбердыев К. Б.* История Хорезмской революции. Ташкент, 1986. С. 47.

[9] Там же.

[10] Цит. по: *Мухамедбердыев К. Б.* История Хорезмской революции. С. 67.

[11] *Дсумов Я. М.* Очерки истории Каракалпакской АССР. Ташкент, 1960. С. 151.

[12] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. С. 662.

[13] Цит. по: *Мухамедбердыев К. Б.* История Хорезмской революции. С. 75.

[14] Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 2. Алма-Ата, 1964. С. 491.

[15] История Бухарской и Хорезмской народных республик. М., 1971. С. 96.

[16] Цит. по: *Мухамедбердыев К. Б.* История Хорезмской революции. С. 87.

[17] Там же. С. 92.

[18] Там же. С. 108.

[19] Там же. С. 111.

[20] Там же. С. 118.

[21] Там же. С. 125.

[22] История Бухарской и Хорезмской народных республик. С. 101.

[23] *Мухамедбердыев К. Б.* История Хорезмской революции. С. 146.

[24] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. С. 688.

[25] Цит. по: История Узбекской ССР. Т. 3. С. 275.

[26] Там же. С. 696–697.

[27] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. С. 699.

[28] Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 874.

[29] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны: Сборник документов. М., 1941. С. 330.

[30] *Гордиенко А. А.* Создание народно-советского государства и права и их революционно-преобразующая роль в Хорезме и Бухаре. Ташкент, 1959. С. 52–60.

Глава 4. ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕСИИ

Национальные движения и идеи автономии

Державный шовинизм, будучи государственно санкционированной политикой Российской империи, оставлял ее народам мало надежд на то, что они когда-либо смогут обрести право на самоопределение. Однако в ходе февральской революции 1917 г. монархия в России перестала быть исторической реальностью: здесь был конституирован новый строй – демократическая республика. В этой радикальной общественно-политической трансформации многие национальные партии и лидеры, вынашивавшие идею на-

ционально-территориальной автономии, усмотрели случай оказаться, наконец-то, услышанными и понятыми, причем не где-нибудь, а в Учредительном собрании, т. е. новом российском парламенте. Его скорый созыв декларировало образованное после свержения царизма Временное правительство. Оно же обещало достаточно широкое представительство в нем не только общероссийских политических партий, но и национально-региональных движений.

Трудно представить, что требования национального самоопределения могли получить в Учредительном собрании поддержку со стороны общероссийских политических партий. Последние в лучшем случае были способны как-то позитивно отреагировать на идею национально-культурной автономии. Хотя и та не вязалась с лозунгом "единой и неделимой России", который выступал чуть ли не центральным в большинстве партийных программ. Тем не менее "демократическая трибуна", как с пафосом окрестил будущее Учредительное собрание один из видных кадетов, была широко ангажирована. И открыть дебаты на ней готовились многие политические партии, в том числе и национальные.

16–21 апреля 1917 г. в Ташкенте прошел Первый краевой съезд мусульман Туркестана. В числе важнейших на нем обсуждался и вопрос о будущей форме государственного устройства России – унитарная или федеративная республика.

"Федералисты" были представлены частью прогрессистско-демократической интеллигенции, например, такими видными деятелями джадидизма, как Махмудходжа Бекбуди, Мунавар Кари, Ашурали Захири[1]. Однако главными идеологами "федеративной концепции" выступали на съезде такие ее поборники, как Заки Валиди, казахский инженер Мухаметджан Тынышпаев, узбекский юрист Ташпулат Нарбутабеков и др.

Прогрессисты, значительная часть которых находилась под влиянием романтизма младотурецкой идеологии, ставили вопрос о выборе альтернативы государственного устройства России с принципиальных позиций и отстаивали свой выбор жестко и бескомпромиссно. Они хорошо понимали, что федеративная модель создает предпосылки (по крайней мере, теоретически) для реализации в будущем более радикального варианта – национального самоопределения вплоть до отделения.

Однако идея федеративного устройства не встретила понимания у национальной интеллигенции, ассоциировавшейся с кадетской партией, а также в среде компрадорской буржуазии, удобно существовавшей за счет сложившейся колониальной экономической системы. В своем воинственном отношении к идеям

прогрессистов-демократов были солидарны улема (мусульманское духовенство) и аграрно-феодализированная верхушка. Это было вполне объяснимо, поскольку именно они выступали главными адептами незыблемости традиционного общества, основанного на докапиталистических отношениях и консервативно-клерикальной идеологии. Угрозу же этим устоям кадамисты (консерваторы) видели не столько в унитарном государстве (назови его хоть демократической республикой), сколько в прогрессивно преобразующем потенциале собственной интеллигенции. Дай ей возможность увлечься всякими идеями федерализма и прочего, рассуждали они, как власть религиозных и феодальных авторитетов будет, наподобие Турции, секуляризована.

И все же, несмотря на серьезное противостояние, Туркестанский съезд мусульман принял решение в пользу федеративного устройства Российской демократической республики[2]. На съезде был избран Краевой совет мусульман Туркестана (председатель – Мустафа Чокаев, секретарь – Заки Валиди, члены – Манувар Кари, Махмудходжа Бекбуди, Абиджан Махмуд, Убайдулла Ходжаев)[3]. С этого момента национально-либеральное движение Туркестана объединяется вокруг "Шурои-Исламия" и его Краевого совета (хотя организация "Шурои-Исламия" была образована в Ташкенте раньше, в начале марта 1917 г.). Были созданы отделения "Шурои-Исламия" и на местах (например, в Самарканде и Коканде). В июне 1917 г. организационно консолидировались и консервативно-клерикальные круги. Они стали группироваться вокруг созданной партии "Шурои-Улема". Причем наиболее сильные позиции она имела именно в Ташкенте. На выборах в здешнюю городскую думу "партия мулл и баев" получила 60 мест[4].

В сентябре 1917 г. в Ташкенте резко обострился продовольственный кризис. По городу прокатились стихийные бунты. 11 сентября большевистская фракция Исполкома Ташкентского Совета потребовала принять резолюцию о создании Революционного Комитета и передаче ему всей полноты власти. Эсеры и меньшевики, выразив решительный протест, бойкотировали это решение. Но, несмотря на их демарш, резолюция была проведена. На этом же заседании Совета большевики приняли решение о проведении массового митинга под лозунгом "Вся власть Советам!" (к этому их подвигли и события в Петрограде, где большевики, получив подавляющее большинство в Совете, поставили на повестку дня вопрос о переходе власти к Советам). На следующий день в Александровском парке толпы людей или, как они себя обозначили в резо-

люции митинга, "ташкентская революционная демократия, в лице 1-го и 2-го Сибирских полков, мелких команд, рабочих Ташкентской и Среднеазиатской железных дорог"[5]. Наглядно продемонстрировали, что стихия протеста становится неуправляемой.

В эпицентре митинга стоял вопрос о хлебе. Однако искусные большевистские популисты сумели придать ему нужную политическую направленность, заявив, что "учет и распределение продуктов по справедливости" могут обеспечить только Ревком и Советы. Большевистские ораторы указали голодной стихии и пути выхода из продовольственного кризиса. Они – "в немедленной реквизиции всех находящихся у капиталистов предметов и продуктов первой необходимости"[6].

Сентябрьские события в Ташкенте показали, что власть если еще и не впала в агонию, то стремительно приближается к ней с каждым днем. В этих условиях собрался II Краевой мусульманский съезд. На одном из его конспиративных заседаний было принято решение об образовании Туркестанской Федерации в составе Российской Республики. Для ее внутреннего управления предполагалось избрать парламент и сенат – Махкама-и-Шаръия (палата законов). Председатель сената – шейх-уль-ислам – должен был наблюдать за исполнением законов Туркестанской Федеративной Республики[7]. Структура органов управления, предполагавшая передачу контрольных функций Совету высшего духовенства в лице шейх-уль-ислама, свидетельствовала о том, что в целях консолидации национального движения прогрессисты пошли на компромисс с клерикально-консервативными кругами.

Органы Временного правительства, заигрывая на "новых демократических началах" с лидерами национального движения, в действительности подвергали обструкции все их усилия по созданию автономии. В еще большей степени "национально-автономистские" идеи игнорировались пришедшими вскоре к власти большевиками. **Причем Советы в первые месяцы революции проявили себя такими же носителями великодержавных колонизаторских стереотипов, как и представители свергнутого аппарата власти.** Об этом можно судить по резолюциям III съезда Советов Туркестана (ноябрь 1917 г.), в которых было принято решение о создании Совета Народных Комиссаров – Советского правительства края. В них, в частности, имелся и такой пункт: "Привлечение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду

того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций..."[8].

В то время, как голод зимы 1917–1918 г. десятками тысяч косил коренное население Туркестана (в особенности крестьян-казахов Семиречья), у Советов на их съездах и заседаниях речь шла исключительно о проблеме продовольственного снабжения Ташкента и Нового города (так называлась часть туркестанских городов, где проживало в основном европейское население. – *Авт.*). Более того, руководитель большевиков Тоболин цинично заявлял в тот трагический момент: "Киргизы (казахи), как экономически слабые... все равно должны будут вымереть. Поэтому для революции важнее тратить средства не на борьбу с голодом, а на поддержку лучше фронтов"[9]. Никак не реагировали Советы и на погромы, творимые в отношении казахских и киргизских хозяйств Семиречья кулачеством и русскими крестьянами-колонистами.

Георгий Сафаров (Володин), автор известной книги "Колониальная революция" (1921 г.), в которой с честных позиций исследуются первые годы власти Советов в Туркестане, описывает те события следующим образом: "Удаленная от власти мусульманская беднота была также лишена и хлеба. Новый город обрушивался на голодные старые города и кишлаки градом реквизиций и конфискаций, а мусульманское население вымирало, будучи не в силах само справиться с голодом. Между русским Новым городом и обитающей в нем советской властью и широкими массами коренного населения образовалась непроходимая пропасть"[10]. В глазах мусульманского населения, пишет он далее, новая власть стала означать "голодную смерть, красногвардейский налет на сложившийся веками национальный быт, расправы без разбора, поголовные конфискации и реквизиции, самочинные обыски"[11]. И самый главный вывод, который делает Г. Сафаров по поводу описываемых им событий, это то, что захват власти в Туркестане Советами был революцией "Нового города, казармы и железной дороги" (имеются в виду русское население городов, самодемобилизованные солдаты и рабочие железных дорог. – *Авт.*).

Другими словами, это была "колониальная революция". "Принадлежность к промышленному пролетариату, – проводит эту мысль Г. Сафаров, – в царской колонии была национальной привилегией русских. Поэтому и пролетарская диктатура здесь с первых же шагов приняла типично колонизаторскую внешность: русский рабочий взял на себя "управление народами Туркестана"[12].

Косвенно это подтверждал и сам Ленин, который, по воспоминаниям Заки Валидова, вынужденно признавал: "Товарищ Тоболин (главный проводник колонизаторских уклонов в Туркестане. – *Авт.*) один из тех наших друзей, которые распространяют в Туркестане идеи коммунизма. Наше стремление утвердить советский режим, не опираясь на русские колонизаторские силы государства, не поймут ни Тоболины, ни все прочие"[13]. Наконец, можно привести здесь цитату из статьи в газете "Правда", которая даже в 1920 г. констатировала, что "в Туркестане до сих пор существует теория, что носителями пролетариата здесь могут быть только русские".

Почти сразу же после окончания работы III съезда Советов, открыто продемонстрировавшего отчуждение новой власти от интересов коренного населения, краевой совет "Шурои-Исламия" созвал в Коканде IV съезд мусульман Туркестана. 27 ноября 1917 г. он вынес "автономистскую" резолюцию: "...съезд, выражая волю населяющих Туркестан народностей к самоопределению на началах, возвещенных великой российской революцией, объявляет Туркестан территориально-автономным в единении с Федеративной Демократической Российской Республикой, предоставляя установление форм автономии туркестанскому Учредительному собранию, которое должно быть созвано в кратчайший срок..."[14] Решениями этого же съезда было образовано правительство Туркестанской автономии. Руководящие посты в ней заняли представители казахской интеллигенции М. Тынышпав и М. Чокаев. И это было не случайно, поскольку именно они были наиболее свободными от связей с клерикально-консервативной улемой, а последняя пользовалась на съезде гораздо меньшим влиянием по сравнению с прогрессистско-демократической интеллигенцией[15].

Итак, съезд апеллировал к праву наций на самоопределение, за которое ратовали в своих программах большевики. Более того, если последние допускали (на уровне деклараций) реализацию этого права "вплоть до отделения", то кокандский съезд подтверждал свою приверженность Российской Федеративной Демократической Республике и, следовательно, не устремлялся в своей политической программе дальше идеи автономии. Тем не менее IV съезд Советов Туркестана (январь 1918 г.) объявил о незаконности "Кокандской автономии" и призвал объявить ей "самую беспощадную борьбу". Вслед за этим демаршем в Коканд были направлены революционные войска и Красная гвардия. Отряды революционных люмпенов вошли в город. Газета

"Новый Туркестан" писала: "Толпы вышедших из повиновения солдат и красногвардейцев, чернь и мелкая буржуазия бросились грабить и тащить, что только можно было... В старом городе были разграблены все магазины, торговые фирмы, торговые ряды, банки и частные более или менее приличные квартиры. Кассы в банках и торговых фирмах были взломаны, и деньги из них похищены"[16].

Кокандская автономия была разгромлена, а поборникам национальной идеи оставалось уповать на силы, не приемлевшие Советы, в том числе и на басмаческое движение, которое, конечно же, было неспособно реализовать ее демократические принципы, поскольку во многом отождествляло собой паупер-люмпенскую стихию, замешанную на клерикальных, родоплеменных, клановых и даже откровенно авантюрных интересах.

Что касается "белого движения", то оно было столь же непримиримо к лозунгам действительно национальной автономии, сколь и национал-коммунистические Советы. Правительство Колчака, которое в годы гражданской войны стремилось использовать различные национальные движения в своих интересах, но при этом не допускало даже малообязывающих деклараций в ущерб "великой идеи единой и неделимой России", доказало это со всей очевидностью.

Проводниками лозунга "национальной автономии" в Казахстане выступали представители интеллигенции, консолидировавшиеся в партию Алаш. Инициатором объединения национальной либеральной интеллигенции (ее лидерами были А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов, Ж. и Х. Досмухамедовы, Х. Габбасов, М. Тынышпаев, А. Ермеков и др.) в политическую организацию в свое время выступила газета "Казах". 21–26 июля 1917 г. представители почти всех регионов края собрались в Оренбурге для участия в Общеказахском съезде. Именно на нем Алаш оформился в национальную политическую партию. Дискуссия, развернутая на съезде (а до этого на страницах газеты "Казах") по целому ряду жизненно важных для дальнейших судеб края вопросов (территориально-национальная автономия, земельные отношения, народное образование и т. д.), получила свою завершенность в политической программе партии, опубликованной в газете "Казах" от 21 ноября 1917 г. (т. е. сразу же после Октябрьских событий в Петрограде).

5–13 декабря 1917 г. в Оренбурге состоялся Второй общеказахский съезд. Своей работой он подтвердил ориентацию либеральной интеллигенции на создание национальной автономии.

Учитывая быстро меняющуюся политическую ситуацию, съезд принял решение о взятии контроля за властью в руки партии и созданного ей правительства Алашской автономии (получило наименование "Алаш-Орда"). В преамбуле постановления съезда говорилось: "Имея в виду, что в конце октября пало Временное правительство и Российская Республика лишилась власти, пользующейся доверием народа и моральным авторитетом, что при отсутствии всякой власти в стране возможно возникновение гражданской войны, что анархия волна за волной заметает большие города и деревни по всему государству, что анархия растет с каждым днем и угрожает распространиться на территорию тех областей, где живут казах-киргизы, что волна анархии угрожает опасностью жизни и имуществу населения областей казах-киргизского народа, что единственным выходом из создавшегося трудного положения является организация твердой власти, которую признавало бы все население казах-киргизских областей, съезд единогласно постановил: "I. Образовать территориальную национальную автономию". При этом утверждение Конституции автономии алашевцы оставляли на "добрую волю" всероссийского Учредительного собрания[17].

В поисках гаранта национальной автономии партия Алаш была вынуждена идти даже на взаимоисключающие компромиссы и контакты. Так, она пыталась найти понимание в лагере антисоветских сил, в частности, у Дутова. Преследуя свои интересы, последний стал оказывать военную помощь алашской милиции. Однако казачий атаман, несмотря на всю его тактическую "дипломатию", был таким же яростным адептом "единой и неделимой России", как и все другие борцы с большевизмом. Более откровенным был адмирал Колчак, Сибирское правительство которого на просьбу Алаш-Орды о налаживании военного сотрудничества ответило, как свидетельствует М. Чокаев, следующим образом: "...в борьбе против большевизма русские не нуждаются в поддержке киргиз-инородцев".

От сотрудничества с лидерами белого движения руководство партии попыталось перейти к диалогу с советским правительством. Не приемля идеологические догматы большевиков, лидеры национально-либерального движения, по-видимому, еще надеялись, что те не станут открыто дезавуировать свои программные обязательства о предоставлении нациям право на самоопределение, вплоть до отделения и создания самостоятельного государства ("Декларация прав народов России"). Однако это была иллюзия. Уже тогда стало очевидно, что, вопреки своим же тео-

ретическим установкам по национальному вопросу, большевики трактуют это право исключительно в интересах диктатуры пролетариата. Тем не менее в конце марта 1918 г. в Москву была послана делегация алашевцев из Уральска (Жанша и Халел Досмухамедовы), которая имела встречи с Лениным и народным комиссаром по делам национальностей Сталиным. В начале апреля 1918 г. с ними же вели переговоры по прямому проводу А. Букейханов, Х. Габбасов и А. Ермеков. Во время этих контактов поднимался один вопрос – о территориально-национальной автономии. Однако программные установки Алаша не встретили понимания у большевистских лидеров. И это понятно, ведь у представителей интеллигенции речь шла о национальной автономии в составе **Демократической Федеративной Российской республики**[18]. Идеологи большевизма между тем мыслили решение вопросов национально-государственного строительства исключительно в пределах советской империи. Они рассматривали идею федеративного устройства как временную конструкцию, как переходный момент на пути к созданию централизованного советского государства, предполагавшего жесткий контроль центра над периферийными образованиями. Поэтому не случайно провозглашенное большевиками право наций на самоопределение было делегировано ими исключительно Советам, как "представительным органам, созданным революционным творчеством трудящихся масс". Последние же к тому времени были насквозь большевизированы и в вопросах национально-государственного строительства (впрочем, как и во всех других) могли, естественно, проецировать лишь большевистскую догматику с ее идеями "пролетарского интернационализма" и примата "общемировых классовых интересов над узко буржуазно-национальными".

Таким образом, казахская национально-либеральная интеллигенция познала ту же большевистскую казуистику, что и все другие национальные движения, пытавшиеся реализовать на колониальных окраинах Российской империи идею национального самоопределения на демократических началах.

Реализация советской модели государственного устройства

Жестко подавляя любые попытки национальных движений по созданию демократических моделей самоопределения, большевики форсированно навязывали национальной периферии свою альтернативу "автономии". Суть ее, как указывалось в те-

леграмме правительства РСФСР Совнаркому Туркестанского края (март 1918 г.), состояла в том, чтобы перехватить инициативу у националистов, очистить идею автономии от их "буржуазной скверны" и обеспечить "власть не верхам данной нации, а ее низам"[19]. Это означало, что автономии должны были строиться исключительно на принципе Советов.

Конструкцией для создания национальных автономий советского типа должно было служить "Положение о Татаро-Башкирской Советской Республике", разработанное Народным комиссариатом по делам национальностей РСФСР(Комиссия Сталина и Калинина). Ознакомившись с ним, Ташкентский Совет направил Наркомнацу телеграмму следующего содержания: "...принимая во внимание, что Туркестанский край объемлет большой контингент трудящихся мусульманской народности (?), организация которой находится еще в зачаточном состоянии, Исполнительный комитет просит в спешном порядке командировать в его распоряжение одного из комиссаров по делам мусульман внутренней России, снабдив его полными инструкциями"[20]. Вскоре в Ташкент был направлен чрезвычайный комиссар СНК РСФСР и ЦК РКП(б) П. Кобозев (апрель 1918 г.). Получил краевой Совет и дополнительные конкретные указания по организации советской автономии в виде пространной телеграммы Наркомнаца РСФСР.

Итак, все инструкции и разъяснения к ним были получены, человек Центра, призванный проконтролировать их выполнение, прибыл. Теперь можно было созывать Краевой съезд Советов. Пятый по счету, он открылся 20 апреля 1918 г. Назван он был "Чрезвычайным". И это было не случайно. Разгром Кокандской автономии вызвал протестную волну в виде басмаческого движения. Кроме того, национальное движение продолжало отстаивать идею "буржуазной (читай: демократической) автономии" и нужно было срочно выбить почву из-под его ног. Поэтому советской автономией в Туркестане Центр занимался в режиме действительно "чрезвычайки".

Через 10 дней после начала работы, т. е. 30 апреля 1918 г. V съезд Советов Края принял решение о создании Туркестанской Советской Автономной Республики в составе РСФСР. Высшим законодательным органом Туркестанской Республики провозглашался съезд Советов, а в межсъездовские периоды – ЦИК Советов. Исполнительные функции возлагались на Совет Народных Комиссаров. Председателем ЦИК был избран петроградский большевик П. Кобозев, председателем Совнаркома –

Ф. Колесов. Из 16 человек – членов правительства лишь трое представляли местные национальности. И это было "достижением", ибо в первом Совнаркоме последние не были представлены вообще ("не доросли" в своем классовом самосознании).

Надо сказать, что Туркестанская Республика являла собой скорее региональную советскую автономию, чем национально-территориальную, ибо было непонятно, какой из этносов в многонациональном крае выступает носителем этой самой автономии. Не случайно органы управления республикой, апеллируя в той или иной связи к населению, называли его то "туркестанцами", то "тюркскими трудящимися массами". Еще более размытыми в плане понимания вопроса о том, кто же являлся субъектом автономии – какая-то нация или просто регион, – выступали обращения типа "народ Туркестана" или "трудящиеся мусульмане". Не сумев создать систему советской национальной идентификации, большевики, сами того не осознавая, продолжали следовать идентификации, основанной на принципах пантюркистской и панисламистской социокультурной оппозиции (мусульмане – немусульмане, тюрки – нетюрки).

Тем не менее, когда председатель ЦИК Советов ТАСР Т. Рыскулов выступил с предложением преобразовать Туркестанскую АССР в Тюркскую Советскую Республику (с одновременным созданием Тюркской Компартии и Тюркской Армии), где субъектом национального самоопределения должен был выступать "коренной тюркский народ", оно сразу же было заблокировано. Его же автор, который мыслил эту идею в рамках советской государственной иерархии (вхождение Тюркской Республики в состав РСФСР, а Тюркской Компартии – в РКП(б)) и, следовательно, не поступался "большевистскими принципами", на всю оставшуюся жизнь получил ярлык "национал-уклониста".

Региональная по своей сути автономия Туркестана не позволяла реализовать в должной мере даже национально-культурную автономию населявших его народов. И наиболее сильно был ущемлен в этом отношении таджикский этнос – один из самых крупных и древних в Центральной Азии. Будучи нетюркским, он просто "не вписывался" в автономию абстрактной "советской тюркской нации". Его интересы не были представлены какой-то специальной структурой в созданном в Туркреспублике Народном Комиссариате по делам национальностей, его язык, весьма распространенный в Туркестане, не был объявлен государственным наряду с русским, узбекским и казахским, более того,

в Конституции Туркестанской АССР таджики даже не назывались в числе коренных этносов края[21].

Таким образом, создание Туркестанской Республики, являясь, безусловно, определенной победой над великодержавными шовинистами русско-имперского типа (Колесов, Тоболин, Казаков и иже с ними), породило местный шовинизм, в частности, как вскоре это выявили дальнейшие события, "великоузбекский". На этот счет достаточно привести лишь один пример. Газета "Туркестан" в статье "В стране таджиков" писала: "Желание употреблять этот язык (таджикский. – *Авт.*) означает, во-первых, стремление отделиться от жизни, потому, что жизнь в течение истории – против него, во-вторых, факт принятия его означает принятие не полезного, а бесполезного и лишнего языка, а потому таджикам необходимо просто немедленно перейти на узбекский язык и не придерживаться "особого таджикского языка", так как "ходом социального процесса уже решена его судьба"[22]. И это было сказано про язык Омара Хайяма и Хафиза, Рудаки и Руми!

Итак, "революционным творчеством масс", инициированным Центром и им же оформленным в нужные "советские" инструкции, на карте Туркестана была создана советская государственность. Процесс советского государственного строительства проходил и на территории Казахстана.

Первым органом, специально созданным для управления краем, стал Казахский отдел, образованный 11 мая 1918 г. при Наркомате по делам национальностей РСФСР. Уже через год, т. е. 10 июля 1919 г., Ленин подписал декрет "О революционном комитете по управлению Киргизским (Казахским) краем", а 26 августа 1920 г. ВЦИК и Совнарком РСФСР приняли "Декрет об образовании Автономной Киргизской (Казахской) Социалистической Советской Республики". Согласно этому документу, подписанному В. Лениным и М. Калининым, Казахстан обретал советскую государственность, включаясь на правах национальной автономии в состав РСФСР. Проходивший с 4 по 12 октября 1920 г. в г. Оренбурге Учредительный съезд Советов Казахстана (присутствовало 273 делегата) одобрил Декрет ВЦИК и Совнаркома от 26 августа и торжественно провозгласил Казахскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (КАССР).

Как уже отмечалось, в 1920 г. после свержения феодально-абсолютистских режимов в Хиве и Бухаре были образованы Народные Советские Республики. С этого момента они также стали субъектами интеграции в систему советской государственности.

Политико-экономические предпосылки к этому готовились оперативно. Вслед за подписанием договоров о дружбе с РСФСР этим республикам стала оказываться масштабная экономическая и военная помощь. Через местные коммунистические партии и ревкомы проводилась и контролировалась политическая работа. Почти сразу же были отчуждены внешнеполитические функции – этот главный атрибут государственного суверенитета. Хотя формально они сохранялись за Хивой и Хорезмом, но де-факто их проводником выступал уже центр. Прецедент был создан перед открытием в 1922 г. Генуэзской конференции, когда БНСР и ХНСР, подобно другим советским республикам, делегировали свои полномочия РСФСР.

В начале февраля 1922 г. Бухарская и Хорезмская коммунистические партии вошли в состав РКП(б). Тем самым создавался международно-правовой казус: единственные и, по сути, правящие партии суверенных республик включались в подчинение правящей партии иностранной державы. Ясно, что независимость ХНСР и БНСР, которая и до этого имела чисто формальный характер, становилась еще более номинальной. 18 мая 1922 г. решением ЦК РКП(б) в целях объединения и координации деятельности компартий Туркестана, Бухары и Хорезма Туркбюро ЦК РКП(б) было преобразовано в Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б). Фактически именно последнее стало определять направленность социально-экономической и политической жизни республик.

В марте 1923 г. состоялась I Среднеазиатская экономическая конференция, которая оформила хозяйственно-финансовое объединение Бухары, Хорезма, Туркестана и РСФСР[23]. Образование Среднеазиатского экономического совета ускорило создание экономического базиса для политической интеграции Центра и Средней Азии (свою деятельность он начал с введения в Бухаре и Хиве денежных знаков РСФСР). С этого момента последняя начинает проходить во всех планово-директивных документах как единый экономический район.

Итак, нетрудно заметить, что в Бухаре и Хорезме нарабатывался тот опыт, который позднее был реализован в других регионах мира, в том числе – в послевоенной Восточной Европе. Схема его была весьма проста: инициирование "народной революции" – обеспечение прихода к власти коммунистов и превращение их партии в монопольно правящую – проведение через созданный канал воздействия нужных Москве идейных установок и принципов (последнее осуществлялось через Коминтерн или

непосредственно РКП(б)). Посредством этой бесхитростной триады и мыслилось возгорание "пожара революции в мировом масштабе". Естественно, что все это прикрывалось идеологической догматикой и пропагандистской казуистикой (наподобие лозунга "пролетарского интернационализма").

Вернемся, однако, к началу данного опыта – в Бухару и Хорезм. С завершением демонтажа ханско-эмирского общественно-политического строя и государственного аппарата, с созданием народно-представительных органов власти, с проведением отдельных реформ (конфискация феодального и вакуфного землевладения, ограничение частной торговли и т. д.) как бы заканчивался революционно-демократический этап хивинской и бухарской революций. В этой связи "кураторы" этих революций в лице Средазбюро ЦК РКП(б) обозначили новый этап – социалистические преобразования. Отсталые Бухара и Хива включались в общий процесс социалистической модернизации. При этом, несмотря на то что большевики неустанно твердили о необходимости учета местных особенностей и социокультурной специфики, отсталые регионы вынуждались синхронизироваться с более развитыми регионами страны. Это приводило к жесточайшей форсированной ломке традиционного уклада, что порождало страдания населения. В 1920-х гг. именно население стало жертвой двух противоборствующих сил: с одной стороны, давление нового режима власти, с другой – кровавый террор басмачей.

Формальной констатацией начала социалистического этапа в развитии Бухары и Хорезма послужили решения законодательных органов власти этих республик. В октябре 1923 г. IV Всехорезмский съезд Советов провозгласил преобразование ХНСР в Хорезмскую Народную Социалистическую Республику. Ту же самую формальную процедуру провел 19 сентября V Всебухарский съезд Советов: Бухарская Народная Советская Республика стала социалистической – Бухарской Народной Социалистической Республикой (БНСР)[24]. Тем самым были сняты последние формальные международно-правовые препоны для последующего включения этих республик в состав СССР.

Важнейшим этапом в советском национально-государственном строительстве в Центральной Азии явилось национально-территориальное размежевание республик региона. Как уже говорилось, последний являл собой пеструю этническую мозаику. Наряду с районами компактного проживания тех или иных этносов имели место и многочисленные этнические анклавы и вкрапления. Даже внутри некоторых этносов существовали вполне

обособленные в социокультурном отношении этногруппы. Например, по переписи населения 1926 г. значительная часть ее респондентов идентифицировала себя как кыпчаки, курама, локайцы и т. д. Отдельные этносы ощущали сильную дифференциацию по изломам локально-территориальных общностей. Так, скажем, таджики, тяготевшие к культурному ареалу влияния Ферганы, Бухары и Самарканда, демонстрировали социокультурные особенности в отношении таджиков Восточной Бухары. Горные таджики (гальча) были менее урбанизированы и в гораздо большей степени, чем северные, раздроблены на локальные субкультуры – гармскую, бадахшанскую, кулябскую и т. д. В районах Северного Таджикистана – Матче, Фане, Фальгаре, Ягнобе (жители которого говорили на восходящем к согдийскому восточноиранском языке), Кштуте, Маргиано-Фарабе, Пенджикенте, Канибадаме, Исфаре и др. – исторически сложились мелкие этнографические общности, отличавшиеся особенностями диалекта, культуры и быта, менталитета. Они называли себя худжандцами, матчанцами, исфаринцами и т. д. Существовали различные субэтнические и этноконфессиональные группы. Можно назвать, например, бадахшанцев-исмаилитов, составлявших значительную часть населения Памира. Многие из них не признавали себя таджиками и идентифицировались как "помири", т. е. памирцы. Кроме того, они говорили на языковых диалектах, непонятных остальным таджикам[25].

Почти все народы региона оказались "разорванными" в государственных границах, причем ни один из этносов (кроме казахов в КАССР) не составлял в той или иной республике абсолютного большинства. Так, по данным на 1922 г., узбеков насчитывалось в Туркестанской республике 21 38 437 человек, Бухарской – 995 569, Хорезмской – 391 800 человек, казахов – соответственно 1 577 349, 7000 и 23 000 человек, туркменов – 267 318, 174 135 и 184 200 человек, 403 699 таджиков проживали в Туркестанской республике, а 802 632 – в Бухарской и т. д.[26]

На протяжении всей истории край сопровождали многочисленные региональные и клановые конфликты, которые, имея в своей основе социокультурные предпосылки, очень часто обретали форму этнического противостояния. Советская власть в еще большей степени высвободила энергию этнических борений (уже хотя бы тем, что разрушила многие традиционные стабилизирующие институты). Так, в Бухарской и Хорезмской республиках усилился узбекско-туркменский антагонизм, в 1923–1924 гг. вспыхнула кровавая усобица между казахами Мангышлака и

туркменами Красноводского уезда, в которой участвовали басмаческие отряды Джунаид-хана (было убито более 100 чел.). Частыми были стычки по вопросам водопользования между узбеками Самаркандской области и Бухарской республики, казахами и узбеками Туркестанского уезда (май 1924 г.)[27].

Серьезные конфликты порождали попытки подбора руководящей номенклатуры по принципу этнической представительности. Например, если председателем Совнаркома или ТуркЦИК избирался узбек или казах, то заместителем – непременно представитель другой национальности (при этом деловые качества могли никак не учитываться). Этнический непотизм процветал во всех сферах, порождая в одних случаях местный шовинизм, в других – "защитный" протекционизм.

Конфликты и противостояния в рамках этнокультурной многоукладности порождали в субъективном этническом сознании иллюзию, что только при условии создания "собственного этнического государства" данный народ сможет реализовать свои экономические, политические и культурные интересы, что лишь тогда этнонация обретет свой весомый статус и гарантии своей идентичности, а конфликты снимутся (хотя, в действительности, они лишь перемещались на уровни новых оппозиций, хотя и внеэтнических). Носители такого сознания – местная советская маргинальная номенклатура, которая была больше манипулятором национализма, чем его действительным адептом, успешно лоббировала в Центре проблему национально-государственного размежевания.

На первый взгляд может показаться удивительным, что Москва приняла такую постановку вопроса. Ведь Ленин, как и его идейные наставники – К. Маркс и Ф. Энгельс, был всегда "централистом". В 1913 г. он писал: "Централизованное крупное государство есть громадный исторический шаг вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству всего мира"[28]. Этого мнения придерживался он и в 1920 г., провозглашая федеративное объединение как форму перехода к полному единству[29]. Еще большим централистом был Сталин, курировавший в партии вопросы национального строительства. Между тем предполагавшееся национально-государственное размежевание работало как бы на процессы децентрализации.

Однако межэтнические конфликты, служившие, в том числе, базой и для басмаческого движения, различные "националуклоны" в местных партийных рядах, отвлекавшие от действительно советской работы, вызывали в Центре серьезную тревогу. Кроме того, сохранение единого государственно-правового простран-

ства в виде Туркестанской Республики давало стимулы для идей пантюркизма и панисламизма, которые воспроизводились не только в "буржуазно-националистических" кругах, но и в среде местной правящей номенклатуры, пытавшейся обосновывать их в рамках уже советской догматики. (Турар Рыскулов с его идеей Тюркской Республики был тому примером). И наконец, прислушаться к проблеме национально-государственного размежевания лидеров партии обязывали уже просто их же декларации по вопросам национального самоопределения.

Интерпретируя последние в узкоэтническом смысле, большевики стали заложниками национального вопроса. Именно в контексте последнего они рассматривали и функцию федерализма.

Между тем она имела гораздо более широкое содержание. Если придерживаться строгих определений, то федерализм – это территориально-региональная форма демократии, опирающаяся на гражданские права[30]. Федерализм становится действительно эффективной формой государственного устройства лишь в случае своего функционирования в рамках правового демократического гражданского общества. Последнее же предполагает не примат государства над личностью, а суверенитет последней от государства. Естественно, что большевики, будучи уже по природе своей идеологии ярыми государственниками, а следовательно, поборниками тоталитаризма, были противниками всякой демократии и гражданского общества. Поэтому отнюдь не случайно, ратуя на словах за идеи национального самоопределения и федерализма, они проводили в жизнь лозунги не гражданской солидарности и демократического самоуправления, а этнической солидарности, должной быть включенной в более широкую солидарность – советское классовое государство. И в этом смысле их мало смущал временный отход от идей жесткого централизма.

Таким образом, предполагавшееся национально-государственное размежевание Средней Азии нашло у руководства большевистской партии не только понимание, но и одобрение. Учитывая, что в своих утопических притязаниях на "победу революции в мировом масштабе" оно апеллировало ко всем народам и континентам, в том числе, и даже главным образом, к "пробуждающейся Азии", эта акция представлялась еще и выгодной с точки зрения создания пропагандистского имиджа социалистического демократизма в решении национального вопроса в советской Центральной Азии.

Границы новых республик были "оконтурены" по границам этнических ареалов. Понятно, что осуществить это идеальным

образом было практически невозможно (это не удавалось никому и никогда). Если одни этносы могли быть более или менее локализованы в районах компактного проживания, то другие оказывались как бы "разлитыми" по всей территории Средней Азии (практически это касалось всех народов). Положение усложнялось и тем, что ЦК РКП(б) подвергался сильнейшему давлению местной национальной руководящей элиты, стремившейся получить даже то, что им исторически не принадлежало. Имели место и откровенно националистические амбиции, наподобие идей создания "Великого узбекского государства", включавшего казахские районы Семиречья и Сырдарьи, или "Великого казахского государства" со столицей в Ташкенте, попытки игнорирования воли таджикского народа, доходившие в своем абсурде до отрицания его как этноса (это всего-навсего якобы "иранизированная тюркская дробь", а если таджики и "сохранились", то только, дескать, в Горном Бадахшане)[31].

Тем не менее границы были прочерчены и судьбы народов определены. И делалось это в узких партийных кулуарах, в различных комиссиях и подкомиссиях, где решения принимались не на основе серьезной научной экспертизы (экономические, этнографические, геоэкономические исследования), а исключительно исходя из "личного опыта и знания жизни своего народа" маргинальными национал-партфункционерами. В результате национально-территориального размежевания Средней Азии были созданы Узбекская и Туркменская ССР. Образовались две автономные области – Каракиргизская (Киргизская) в составе РСФСР и Каракалпакская – в составе Казахской АССР.

В ходе подготовки национально-территориального размежевания особенно сильные дискуссии вызывал вопрос о Таджикистане. Так, на одной из комиссий Ф. Ходжанов недоуменно вопрошал: "40 % таджиков мы выделили в автономную область, остальные остаются ни причем. Культурные центры таджиков (по-видимому, он имел в виду Самарканд и Бухару. – *Авт.)* остаются в пределах Узбекской республики, а горные, недоступные места мы выделяем в область", т. е., как он выразился, "объявляем верхушки гор областью"[32]. Только в последний момент первоначальный план создания Таджикской автономной области был пересмотрен в сторону образования Автономной Республики в составе Узбекской ССР (такому решению способствовало включение в Таджикскую АССР автономной области на Памире)[33].

В результате национально-территориального размежевания Средней Азии Казахской АССР передавалось 40 % террито-

рии бывших Туркестанской, Хорезмской и Хивинской республик с населением около 1,5 млн. человек. Территория Казахстана увеличилась с 2 млн. км^2 в 1920 г. до 2,8 млн. км^2 в 1925 г., и по ее размеру республика стала занимать второе место в СССР, уступая лишь Российской Федерации. Если до размежевания казахстанский участок государственной границы был незначителен (с Китаем в районе оз. Зайсан), то после протяженность его выросла до 2200 км. Вследствие присоединения к КАССР южных территорий ее население выросло с 4,8 (1920 г.) до 6,5 млн. человек (1926 г.). Удельный вес казахов составил 59,9 % (1926 г.) вместо 46,6 % (1920 г.)[34].

Процесс государственного строительства в Средней Азии продолжался и с завершением национально-территориального размежевания. Так, 1 февраля 1926 г. Президиум ЦИК РСФСР преобразовал Киргизскую автономию область в автономную республику. 15 октября 1929 г. было принято решение об образовании Таджикской ССР. В 1930 г. Каракалпакская автономная область выделилась из состава Казахской АССР и вошла на правах автономной республики в состав Узбекской ССР. Наконец, Конституция СССР 1936 г. зафиксировала изменение государственно-правового статуса Казахской и Киргизской АССР – они становились союзными республиками.

За довольно короткий исторический отрезок времени формальный государственно-правовой статус национально-территориальных образований Средней Азии и Казахстана претерпел существенные изменения. Однако в плане суверенизации они сохраняли изначальный статус-кво, ибо продолжали оставаться все той же бесправной и жестко подчиненной центральной власти частью политико-государственного образования под названием СССР.

Нарастание политических репрессий

С огосударствлением всей структуры отношений собственности (коллективизация и социалистическая промышленная модернизация) и формированием административно-командной системы завершился процесс тоталитарной эволюции государства. Закономерным результатом его стало и раскручивание репрессивной машины. Уже с момента установления Советской власти начали создаваться концентрационные лагеря, куда заключались и идеологические противники большевизма.

В ходе проведения коллективизации и раскулачивания, а также первых политических процессов над "врагами народа" зловещую роль обрело Главное управление лагерей НКВД СССР. Именно ГУЛАГ стал местом, где от непосильного каторжного труда, недоедания, унижения погибали сотни тысяч ни в чем неповинных людей.

На территории Узбекистана раскинулся Среднеазиатский лагерь (Сазлаг), принудительный труд заключенных которого в числе прочего должен был обеспечить и "хлопковую независимость СССР". Гигантский концентрационный лагерь был создан на территории Казахстана. Сокращенно он обозначался как Карлаг – Карагандинский лагерь.

В Акмолинском лагере жен и членов семей "изменников родины" (печально известный "Алжир"), т. е. жен видных партийных и военных руководителей страны, деятелей науки и искусства, зачисленных сталинской инквизицией в разряд "врагов народа", в полном неведении о своих родных и близких, но с верой, надеждой и любовью бесконечно страдали мужественные женщины, не пожелавшие отказаться от своих мужей. А те в это время с последними словами "Да здравствует товарищ Сталин!" падали от свинца ежовских и бериевских палачей, а дети их, оказавшись по воле "любимого друга всех детей" сиротами, "перековывались в коммунистический материал" в специальных детских домах, будучи обреченными еще на долгие годы оставаться изгоями общества.

"Кто не с нами – тот против нас", – клич, транслированный партией большевиков в маргинальные массы, отозвался многомиллионным митинговым хором голосов – "Собакам – собачья смерть!". Машина репрессий набирала обороты. В поисках формального повода для ареста и осуждения следователи НКВД преступали границы всякой сколько-нибудь нормальной логики. Так, могли обвинить в шпионаже в пользу Японии абсолютно безграмотного человека, всю жизнь прожившего на глухом полустанке в степи, или – в пособничестве турецкой разведке горца Памира. Если верить отчетам органов НКВД, то в одной только Алматинской области было "разоблачено" 29 различных контрреволюционных организаций и резидентур иностранных разведок. Всего же по Казахстану их "вскрыто" 183 с общим количеством "агентов" 3720 человек[35].

В Средней Азии и Казахстане репрессии имели столь же массовый характер, как и по всей стране. По неполным данным, в Казахстане, например, с 1920 по 1953 г. было подвергнуто поли-

тическим репрессиям 110 тыс. человек (на сегодня около 96 тыс. из них реабилитированы)[36]. Пик репрессий пришелся на 1934–1938 гг. Достаточно достоверных сведений по этому периоду пока нет, однако известно, что в 1934–1938 гг. из рядов ВКП(б) было изгнано 30 387 коммунистов (понятно, что исключенный из партии по любым обстоятельствам рано или поздно оказывался в пределах особого внимания НКВД со всеми вытекающими последствиями). Из 25 833 исключенных из партии в 1935–1938 гг. 8,5 тыс. человек были объявлены врагами народа, что составляло почти 17 % всей Казахстанской партийной организации, насчитываемой на 1 января 1938 г. около 48 тыс. коммунистов[37]. Масштабные чистки партийных рядов были проведены в среднеазиатских республиках.

Сталинская репрессивная машина день и ночь работала на то, чтобы держать страну в постоянном режиме тотального страха, она же обеспечивала бесперебойное функционирование "лагерной экономики" (лагерный труд давал основную часть заготовки древесины, обеспечивал 50–60 % добычи полезных ископаемых, 70 % золота, строительство железных дорог, каналов и т. д.).

Исходя из сталинского тезиса, что "по мере победы социализма классовая борьба будет нарастать", репрессии были призваны поддерживать в массах чувство накала революционной борьбы и революционной динамики. "Социалистическая поступь" общества тем уверенней, чем сплоченней его солидарность. Последняя же всегда нуждается в наличии оппозиции. "Классовый враг" – вот та оппозиция, которая требует постоянной революционной мобилизации. Однако внешний "классовый враг" – слишком абстрактная категория. Необходимо было создать видимый образ внутреннего "классового врага". Более всего подходила для этого интеллигенция, ибо озлобленное маргинальное сознание масс всегда питало к ней особую неприязнь.

Еще в конце 1920-х гг. репрессиям подверглась старая национальная интеллектуальная элита. В 1930-х гг. она была почти полностью уничтожена. Этого жаждала и новая маргинальная интеллигенция. Взращенная в институтах Востока и "красной профессуры", она рвалась к пьедесталу "духовных поводырей народа" и в этом своем стремлении не гнушалась ничем (архивы НКВД обнаруживают массу доносов, среди авторов которых есть и будущие "советские национальные классики"). Сталинская репрессивная гильотина оборвала жизнь таких ярких зачинателей прогрессистско-демократического движения в Средней Азии, как

Мунавар Кари Абдурашидов, Абдурауф Фитрат, Кадыри (Джулкунбай), Убайдулла Ходжаев, Ашурали Захири, Насреддин Шерахметов, Салимхан Тиллаханов и многих других. Был физически уничтожен цвет национально-либеральной интеллигенции Казахстана. Почти сразу же после внесудебного разбирательства были расстреляны А. Габбасов, Х. Досмухамедов, Ж. Досмухамедов, М. Тынышпаев, Ж. Акпаев, М. Жумабаев, Ж. Аймаутов и многие другие деятели алашевского движения. Всего по так называемому делу "Алаш-Орда" было репресировано 4297 человек, из них 2062 человека расстреляны[38].

Излюбленными объектами сталинской охранки выступали так называемые носители того или иного уклона. Уклонами же назывались всякие отклонения от "генеральной линии партии в вопросах строительства социализма" Еще на X съезде партии (март 1921 г.) Ленин говорил: "Уклон не есть еще готовое течение. Уклон это есть то, что можно исправить. Люди несколько сбились с дороги или начинают сбиваться, но поправить еще можно"[39]. Приведенные выше цифры ясно дают понять, что различные уклоны "поправлялись" одним проверенным методом – моральным и физическим уничтожением политических оппонентов.

Наряду со старой, еще дореволюционной волны, национальной интеллигенцией – представителями и идеологами национально-либерального движения, репрессиям поверглись видные местные партийные и советские функционеры, обвиненные в принадлежности к "правому" или "левому" уклонам, так называемые национал-уклонисты.

И те, и другие, и даже " не колеблющиеся", в конечном счете оказывались жертвами сталинизма, хотя на протяжении всех 20-х и начала 30-х гг. являлись непримиримыми идейными противниками, яростно обвиняя друг друга в ожесточенных дискуссиях. Одни из них, будучи завороженными революционной романтикой и марксистско-ленинской утопией о возможности "перехода отсталых народов к социализму, минуя капиталистическую стадию развития", ратовали за всемирное форсирование ломки традиционной структуры хозяйства и быта, с тем чтобы "отсталые народы" как можно скорее стали "по-настоящему передовыми социалистическими нациями" (Т. Рыскулов, У. Исаев, С. Сейфуллин, У. Джандосов, Т. Жургенев, А. Тогжанов, Ю. Ахунбабаев, А. Икрамов, Г. Артыков, А. Каримов, У. Исакеев, Айльгинов, Ш. Шотимор, Ф. Ходжаев, А. Рахимбаев, Абдуллаев, Н. Айтаков, К. Атабаев и др.), другие находились в поисках более умеренных альтернатив.

Так называемые национал-уклонисты были больше ориентированы на этническую идею с учетом реалий своих республик (прежде всего фактора многонациональности). Представленных по преимуществу интеллигенцией, их отличало трагическое ощущение страшных последствий от силовых вторжений государства в традиционную систему жизнеобеспечения этноса (что, как мы увидели, и случилось). Именно поэтому они выражали неприятие большевистской модели трансформации традиционного общества, всячески поддерживая тем не менее усилия власти в области культурного строительства, реализуя свои знания и способности главным образом на ниве просвещения народа. В отдельные моменты они даже полностью отходили от политики и все же были уничтожены Системой.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Заки Валиди Тоган.* Воспоминания. Кн. 1. Уфа, 1994. С. 178–180.
[2] Там же. С. 179.
[3] Там же. С. 180.
[4] *Сафаров Г.* Колониальная революция. Алматы, 1996. С. 92.
[5] Там же. С. 96.
[6] Там же.
[7] Там же. С. 104–105.
[8] Победа Великой Социалистической революции в Туркестане: Сборник документов. Ташкент, 1947. С. 92–93.
[9] Цит. по: *Мустафа Чокаев.* Туркестан под властью Советов. Алматы, 1999. С. 32.
[10] *Сафаров Г.* Колониальная революция. С. 132.
[11] Там же. С. 133.
[12] Там же. С. 115.
[13] *Заки Валиди Тоган.* Воспоминания. С. 300.
[14] Туркестанский Вестник. 1917. 1 дек.
[15] *Г. Сафаров.* Колониальная революция. С. 119.
[16] Там же. С. 130.
[17] *Бочагов А.* Алаш-Орда. Алматы, 1996. С. 244–245.
[18] См. подробнее работы К.Н. Нурпеисова, М.К. Койгельдиева.
[19] Политика Советской власти по национальным делам за три года. 1917 – XI. 1920. М., 1920. С. 9.
[20] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. С. 615.
[21] *Масов Р.* История топорного разделения. С. 12–15.
[22] Там же. С. 17.
[23] *Гордиенко А. А.* Создание советской национальной государственности в Средней Азии. М., 1959. С. 126.
[24] *Раджабов С.* Таджикская ССР – суверенное государство. Сталинабад, 1957. С. 60–65.

[25] *Азиз Ниязи.* Таджикистан: региональные аспекты конфликта (1990-е годы) // Этнические и межрегиональные конфликты в Евразии. Т. 1. М., 1997. С. 55–59.

[26] Вестник Юстиции Узбекистана. 1924. № 1. С. 12.

[27] *Гординко А. А.* Создание советской национальной государственности в Средней Азии. С. 142–145.

[28] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 14.

[29] Там же. Т. 41. С. 438.

[30] *Коржихина Т. П., Сенин А. С.* История Российской государственности. М., 1995. С. 187.

[31] *Гордиенко А. А.* Создание советской национальной государственности в Средней Азии. С. 168; *Масов Р.* История топорного разделения. С. 63.

[32] Цит. по: *Масов Р.* История топорного разделения. С. 45–46.

[33] Там же.

[34] *Двоскин Б. Я.* Экономико-географическое районирование Казахстана. Алма-Ата,1986. С. 87.

[35] *Орынбаева Д. Ш.* Политические репрессии в Казахстане в 1937–1938 годы: сравнительно-исторический анализ проблемы: Автореф. дис ... к. и. н. Алматы, 1999. С. 20.

[36] По материалам общества "Адилет".

[37] *Осипов В. П.* Всматриваясь в 20–30-е годы. Алма-Ата, 1992. С. 110.

[38] *Орынбаева Д. Ш.* Политические репрессии в Казахстане в 1937–1938 годы. С. 20.

[39] *Ленин В. И.* Полн. Собр. Соч. Т. 43. С. 101.

Глава 5. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 гг.

22 июня 1941 г. фашистская Германия вторглась в пределы СССР. Началась Великая Отечественная война советского народа. Уже в первые пять месяцев вероломного нападения враг оккупировал районы, где проживало 40 % населения страны, производилось 68 % чугуна, 58 – стали и алюминия, 65 – угля, 40 – железнодорожного оборудования. Исход войны во многом зависел от того, как быстро удастся наладить "военную экономику", что, в свою очередь, было невозможно без тотальной эвакуации производительных сил на Восток. Масштабы ее были беспрецедентны в мировой истории. Из районов, которым угрожал захват противником, по железнодорожным магистралям проследовало около 1,5 млн. вагонов, или 30 тыс. эшелонов с грузами[1]. В июне – декабре 1941 г. в тыловые регионы было перебазировано 1530 крупных предприятий и цехов. Более 200 из них были размещены в Казахстане, 30 – в Киргизии, около 100 – в Узбекистане, 20 – в Таджикистане[2].

Средняя Азия и Казахстан превращались в мощный арсенал фронта. Уже в первые месяцы началась конверсия промышленности региона. В полной мере была задействована его сырьевая база, в значительной мере компенсировавшая утраченные природоресурсные источники на оккупированных врагом территориях.

В Казахстане успешно работала "третья всесоюзная кочегарка" – Карагандинский угольный бассейн. Более чем на треть увеличилась добыча нефти на Урало-Эмбинском месторождении, почти вдвое возросла выработка электроэнергии. На Победу работали Текелийский полиметаллический и Акчатауский молибдено-вольфрамовый комбинаты, Восточно-Коунрадский молибденовый, Джездинский марганцевый и Донской хромовый рудники. На фронтовую вахту встали металлурги Балхаша и медеплавильщики Джезказгана, свинцевики Чимкента и Лениногорска.

Казахстан стал давать 85 % союзного производства свинца (из каждых десяти пуль, выпущенных по врагу, 9 были изготовлены из казахстанского свинца), 70 % – добычи полиметаллических руд, 65 – металлического висмута, 50 – медной руды, 30 – черной меди, 20 – вольфрама, 60 – молибдена. Джездинский рудник на 50–60 % обеспечивал потребности Магнитогорского комбината в марганцевой руде (как известно, марганец входит необходимым компонентом в производство обязательной для изготовления брони легированной стали[3].

В огромных объемах поставляли стратегические ресурсы республики Средней Азии. К 1 мая 1944 г. вступил в эксплуатацию первенец среднеазиатской вольфрамовой промышленности – рудник "Лянгар" (на высоте 2000 м над уровнем моря). В 1943 г. в отрогах Моголтау, недалеко от Ленинабада, началась разработка вольфрамового сырья (Чорух-Дайронское месторождение)[4].

Единственным в стране производителем ртути стал пущенный в 1942 г. в горах Алайского хребта (Киргизия) Хайдаркенский комбинат. В том же году в Киргизии вступил в строй свинцово-цинковый рудник Ак-Тюз. Основным поставщиком сурьмы стал Кадамджийский комбинат. В начале 1944 г. дал плавку Узбекский металлургический завод в Бекабаде[5].

В значительной степени потенциал военной экономики создавался за счет каторжного труда заключенных ГУЛАГа. На территории региона находилась целая сеть таких лагерей. Труд узников использовался на рудниках, шахтах, строительстве железных дорог и ирригационных сооружений, хлопковых полях.

Нельзя не сказать о страданиях, выпавших на долю депортированных народов. А в Среднюю Азию и Казахстан в свое время были высланы корейцы, немцы Поволжья, чеченцы, турки-месхеты, балкары, карачаевцы, поляки, греки-понтийцы, курды, иранцы, западные украинцы, белорусы и др. Все они, будучи низведенными до бесправного образа жизни, испытывали не только физические, но и моральные муки. И только сочувствие, моральная и материальная поддержка местного населения помогла этим народам выстоять и выжить в этот нелегкий час испытания их истории.

Особенно тяжелой оказалась судьба советских немцев, депортированных как до войны (1936 г.), так и в начале войны (1941). На основании распоряжений Совнаркома СССР "О расселении лиц немецкой национальности из промышленных районов в сельскохозяйственные" (30 октября 1941 г.) и Государственного Комитета Обороны СССР "О порядке использования немцев – переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет" (10 января 1942 г.) немецкое население подверглось мобилизации в так называемые трудовые армии. В них призывались мужчины в возрасте от 15 до 60 лет и женщины, если у них не было детей до трех лет (по сути дела, дети старше этого возраста оказывались беспризорниками, многие из них погибали от голода).

"Трудармии" представляли собой лагеря для принудительных работ, окруженные высоким заборам колючей проволоки и охраняемые вооруженными подразделениями НКВД. По дороге на работу колонны трудармейцев сопровождались конвоем, который получил право стрелять при малейшем неподчинении. Не выдержав физических тягот и издевательств лагерного начальства и конвойных солдат, которые называли несчастных не иначе как "фрицами" (в значении "враг" или "фашист"), десятки тысяч трудармейцев погибали. Жертвы их были столь многочисленны, что, по воспоминаниям одного из очевидцев, вместо могил для них рылись экскаваторами траншеи.

Разрабатывая военно-стратегическую концепцию блицкрига, германское ОКВ считало, что успех ее будет в немалой степени определяться и тем, как быстро удастся разрушить продовольственный потенциал страны. Поэтому, когда немецкие танковые клинья "отсекли" крупнейшие житницы СССР – Украину, Белоруссию, Северный Кавказ, геббельсовская пропаганда стала вещать о близком конце Советов, ибо там голод и хаос, а сталинские колхозы, как это представлял рейхсминистр земледелия Дарре, "уже работают на Вермахт". В одной из директив войскам

в июне 1941 г. германское верховное командование требовало: "Из хозяйственных соображений пока в порядок дня не должны быть поставлены вопросы о разделе земли и роспуске колхозов, хотя такие мероприятия и имеются в виду в будущем[6].

На занятой фашистами территории до войны производилось 38 % всех зерновых, около 50 – технических культур, 87 – сахарной свеклы; выращивалось 45 % поголовья крупного рогатого скота. Здесь насчитывалось 98 тыс. колхозов (41,7 % их общего числа по СССР), 1876 совхозов (50 %) и 2890 МТС (41,3 %). Нельзя сказать, что основные фонды колхозов были утрачены полностью: удалось эвакуировать много техники, перегнать в районы тыла 2,4 млн. гол. крупного рогатого скота, 5,1 – овец и коз, 0,8 – лошадей и т. д.

Летом – осенью 1942 г. под непрерывными вражескими авианалетами и артобстрелами люди героически налаживали небывалую переправу через Волгу. Здесь скопилось много колхозной техники, около 2 млн. гол. скота, основной поток которого двигался в Западный и Северный Казахстан. Другой поток эвакуированного стада, не доходя до Волги, направлялся вдоль Каспия – в Азербайджан и Среднюю Азию. Туда было переправлено свыше 1 млн. овец и коз[7]. Через Волгу было переправлено 5 тыс. автомашин, 3500 тракторов и комбайнов, 10 тыс. подвод с имуществом колхозов и совхозов, около 2 млн. гол. скота[8].

И все же с оккупацией фашистами районов с традиционно развитой сельскохозяйственной инфраструктурой аграрная сфера материального производства оказались подорванной до предела. В создавшихся условиях центр тяжести по продовольственному обеспечению армии и населения перемещался в восточные регионы, в том числе в Среднюю Азию и Казахстан.

В первую военную осень колхозы Средней Азии засеяли озимой пшеницы на 126 тыс. га больше, чем в 1940 г. Озимый клин Средней Азии и Казахстана увеличился за этот период на 44 %. Площади возделывания зерновых возросли на 23 %. В значительной степени это объяснялось сокращением удельного веса земельных площадей под хлопчатником. В Узбекистане, например, под хлеб было засеяно на 70 % больше земли, чем в 1940 г., в Таджикистане – на 30,7 %. В результате заготовки его существенно возросли. Так, в Киргизии, например, их прирост составил 1,7 млн. пуд.

С 1943 г. на довоенные объемы производства стало выходить хлопководство. За годы войны только колхозы и совхозы Узбекистана сдали государству 4 млн. 800 тыс. т "белого золота"[9].

Наряду с Закавказьем Средняя Азия и Казахстан превратились в главный свеклосеющий район. В производстве сахарной свеклы удельный вес региона поднялся с 3,6 % в 1940 г. до 50 в 1942 г.[10] Ценой огромного напряжения выполняла задания разрушенная в годы "великого перелома" животноводческая отрасль. К 1944 г. на отгонном содержании в Средней Азии и Казахстане и частью в Закавказье находилось 20 млн. гол. скота. За время войны стадо овец и коз возросло в Узбекистане на 1,5 млн. голов, крупного рогатого скота – на 162 тыс.[11] В Киргизии поголовье крупного рогатого скота дало рост на 23,8 %, овец и коз – на 38,2 %. Однако, как оказалось, это увеличение было достигнуто в том числе и за счет принудительного обобществления (конфискации) скота, находившегося в личном пользовании. Не случайно количество крестьянских дворов, не имевших скота, с 1940 по 1944 г. увеличилось с 10 до 36 % (в Тянь-Шаньской области, например, в 1944 г. в среднем на один двор приходилось 0,7 коровы, 0,6 лошади и одна овца)[12].

В Казахстане в 1941–1943 гг. по отношению к трем довоенным годам (1938–1940 гг.) поставки по мясу возросли на 66,5 %, молоку – на 18,7, по шерсти – на 38,1 %.

За сухими цифрами статистики стоят тяжелые испытания, выпавшие на военное поколение, величайшая высота взлета их духа и воли. Святость этой жертвенности становится тем осознанней, что в рядах непокоренных вместе с мужьями и отцами стояли женщины, дети и старики.

В годы войны 1 млн. 200 тыс. казахстанцев были призваны на фронт (на 01. 01. 1941 г. население республики насчитывало 6425 тыс. чел.), Таджикистан послал 209 тыс. человек[13]. Выбытие огромной массы людей из деятельностной сферы буквально "взорвало" баланс трудовых ресурсов. Особенно это касалось аграрного производства, где качество рабочей силы претерпело резкие изменения по всем своим характеристикам.

В армию ушли не только физически наиболее трудоспособные жители села, но и его самая профессионально-квалифицированная часть – механизаторы, шоферы и т. д. В Узбекистане контингент кадров-механизаторов уменьшился с 1941 по 1942 г. на 25 тыс. человек, в Таджикистане численность трудоспособных колхозников сократилась на 32,1 %, в Казахстане – на 164 тыс. человек[14].

"Военной" стала и половозрастная структура сельских трудовых ресурсов. Деформация ее была столь велика, что рельефно проступала даже на привычном фоне экстенсивной колхозной эко-

номики, где традиционно постоянно использовался труд женщин и детей. В январе 1943 г. из общей численности трудоспособного населения колхозов Казахстана (1 056 100 человек) на мужчин приходилось 20 %, женщин – 58 и подростков – 22 % (в число мужского населения включались и люди пожилого возраста). В Киргизии удельный вес женщин в составе работающих колхозников равнялся в 1943 г. 55 % против 44,3 % в 1942 г., в Таджикистане на женщин приходилось свыше 70 % общего количества выработанных в колхозах трудодней[15]. Если в 1940 г. выработка трудодней на одну женщину в колхозах Узбекистана составляла 186 ед., то в военные годы – 264, в Таджикистане – соответственно 100 и 144, Киргизии – 175 и 199, Казахстане – 180 и 261[16].

Итак, крестьянство Средней Азии и Казахстана, как и всей страны, демонстрировало высочайший патриотизм и жертвенность, идущие от огромной боли и тревоги за судьбу Отчизны. Но даже в этот грозный час, когда все слились в едином порыве и всеобщей солидарности, тоталитарный режим продолжал не доверять своему народу. Мобилизация ресурсов села, осуществляемая по разным каналам и на масштабной основе, подстегивалась механизмом жесткого контроля. "Перестройка партийно-политической работы на военный лад" вылилась в создание на селе новых директивных органов и принятие дополнительных репрессивно- регламентирующих нормативных актов. 17 ноября 1941 г. ЦК ВКП(б) принял решение о формировании политотделов при МТС и совхозах[17]. Они наделялись столь широкими полномочиями, что начальники их утверждались и смещались только ЦК ВКП(б) и не были подотчетны райкомам ВКП(б). Помимо всего прочего, политотделам вменялись дисциплинарная функция, контроль за исполнением планов сельскохозяйственных работ, обеспечение интенсивности товарных потоков. По сути дела это был многополномочный контрольный орган режима на селе.

Очередным подтверждением того, что колхозы являлись квазикооперацией и рассматривались государством не иначе как собственные вотчины, послужило постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. "О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней"[18]. В соответствии с ним обязательный минимум увеличивался в два раза. Постановление узаконивало использование детского труда, ибо распространяло свое действие на подростков от 12 до 16 лет. Колхозники, не выработавшие обязательный минимум, могли предаваться суду, как и председатели колхозов, не исполнявшие это постановление.

В 1946 г. вышла брошюра наркома земледелия СССР И. А. Бенедиктова "Несокрушимый колхозный строй". Главная идея – аграрный тыл устоял в годы войны лишь благодаря колхозному производству. Вся последующая историография также развивала этот тезис. Колхозно-совхозная система действительно сыграла в годы войны огромную роль. Она оказалась весьма действенной, но эффективность ее никоим образом не была связана с такими особо выделяющимися в историографии моментами, как качество организации производства, уровень материально-технической обеспеченности, высокая производительность труда и т. д. Эти факторы в условиях экстенсивного колхозно-совхозного производства сводились на нет. Колхозно-совхозная система оказалась эффективной именно как инструмент мобилизации ресурсов села, четко вписывающийся в арсенал административно-командных средств тоталитарного государства.

О вкладе республик Средней Азии и Казахстана в общую победу говорит то, что здесь, как и по всей стране, в сжатые сроки была проведена военная мобилизация населения. В результате ее в Казахстане были сформированы 12 стрелковых и 4 кавалерийских дивизии, 7 стрелковых бригад, около 50 отдельных полков и батальонов; в Таджикистане – 3 кавалерийские дивизии, 2 стрелковые бригады, минометный полк и отдельные батальоны; в Узбекистане – 4 стрелковые, 2 кавалерийские и 1 горно-стрелковая дивизии, 2 стрелковые бригады, отдельные полки; в Киргизии – 3 кавалерийские и 1 стрелковая дивизии, 2 стрелковые бригады ряд воинских формирований были созданы на территории Туркмении[19]. Мобилизация населения на фронт продолжалась все годы войны.

На фронтах Великой Отечественной войны сыны и дочери народов Средней Азии и Казахстана покрыли себя неувядаемой славой. За ратные подвиги высокого звания Героя Советского Союза были удостоены 497 казахстанцев, 280 представителей Узбекистана, 70 – Киргизии, 34 – Таджикистана[20].

Среди них славные дочери Востока М. Маметова и А. Молдагулова, дважды Герои Советского Союза, летчики С. Луганский, Т. Бегельдинов, Л. Павлов, воин-панфиловец Д. Шопоков, погибшая смертью храбрых под Сталинградом, студентка 2 курса Ташкентского пединститута Е. Стемпковская, участники берлинской операции воины-узбеки Б. Бабаев, С. Умаров и многие другие. Навсегда вошли в скрижали истории Великой Отечественной войны дочь Киргизии летчица Евдокия Пасько, первый генерал-узбек Сабыр Рахимов, командир 57-й гвардейской дивизии, геройски погибший в боях за польский город Гданьск, ко-

мандир полка панфиловской дивизии Б. Момыш-улы, партизаны К. Кайсенов, Герои Советского Союза М. Топиболдыев, С. Файзиев, С. Олесенко, Т. Исламов.

В годы войны в Среднюю Азию и Казахстан были эвакуированы многие научно-исследовательские институты Академии наук СССР и УССР, научные учреждения Москвы, Ленинграда, Киева и других городов. Среди них – институты физиологии, микробиологии, биохимии, востоковедения, истории, мировой литературы, истории материальной культуры и др. Здесь работали выдающиеся ученые: академики И. Вернадский, В. Обручев, Б. Струве, А. Бах, Л. Берг, А. Фаворский, Б. Греков, члены-корреспонденты АН СССР А. Якубовский, С. Малов, Х. Коштоянц, А. Михайлов, Е. Бертельц, В. Шишмарев и др. В годы войны Ташкентская обсерватория, где работали и эвакуированные ученые Москвы и Ленинграда, в течение нескольких месяцев оставалось единственной в СССР организацией, обеспечивавшей службу точного времени, отсчетами которого жили фронт и тыл.

Плодотворно работали известные представители творческой интеллигенции страны – А. Толстой, С. Маршак, С. Михалков, К. Паустовский, М. Зощенко, О. Форш, С. Сергеев-Ценский, Л. Квитко, В. Кочетов, С. Прокофьев, Р. Глиэр, А. Козловский, Г. Уланова, И. Грабарь, В. Фаворский, Кукрыниксы и многие другие. В Ташкенте 22 июня 1942 г. состоялось первое исполнение 7-й симфонии Д. Шостаковича симфоническим оркестром Ленинградской консерватории. Будучи эвакуированными в Среднюю Азию и Казахстан, продолжали ставить спектакли такие прославленные творческие коллективы, как Театр Моссовета, Московский театр революции, Московский театр им. Ленинского комсомола, Киевский академический театр им. Ивана Франко, Ленинградский государственный театр эстрады и миниатюр и другие.

В "золотой фонд" советской кинематографии вошли фильмы, созданные на Алма-атинской центральной объединенной киностудии (на базе "Мосфильма" и "Ленфильма"). Здесь работали более 500 киноработников и артистов, среди которых были С. Эйзенштейн, Ф. Эрмлер, Г. Рошаль, В. Пудовкин, Г. Александров, С. Васильев, И. Пырьев, Э. Тиссе, Н. Черкасов, М. Жаров, Л. Орлова, Н. Крючков, В. Марецкая и др. На базе ЦОКСа в 1941–1944 гг. были созданы такие известные ленты советского кино, как "Секретарь райкома" (режиссер И. Пырьев), "Она защищает Родину" (Ф. Эрмлер), "Воздушный извозчик" (Г. Раппопорт), "Фронт", "Жди меня", "Парень из нашего города" и др. Всего на киностудии было снято 23 полнометражные картины, а также

короткометражные ленты и киносборники. На Ташкентской студии работали М. Ромм, Я. Протазанов, И. Хейфиц, Н. Зархи, Л. Луков, Г. Козинцев, Л. Трауберг. При их непосредственном участии здесь были созданы кинофильмы "Его зовут Сухэ-Батор", "Александр Пархоменко", "Два бойца", "Насреддин в Бухаре", "Тахир и Зухра" и др.[21]

Народы Средней Азии и Казахстана радушно приняли эвакуированное население. Только Узбекистан приютил 200 тыс. детей-сирот. Поистине подвиг совершили ташкентский кузнец Шоахмет Шомахмудов и его жена Бахри, усыновившие и вырастившие 16 детей различных национальностей. Хамид Саматов из Каттакургана, ставший на войне инвалидом, вместе со своей матерью Мангит взял на воспитание 13 детей: в их семье выросли узбек Мирали, русский Иван, татарин Касым, армянин Арслан, белорус Женя, еврейка Лиза и др.

Победа советского народа в Великой Отечественной войне спасла человечество от фашистской угрозы. Память об этом навсегда сохранится в сердцах людей, как будет всегда помниться и подвиг народов Средней Азии и Казахстана, внесших свой патриотический вклад в разгром фашизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Народное хозяйство СССР за 70 лет: Стат. сборник. М., 1987. С. 44.

[2] *Козыбаев М.К.* История и современность. Алма-Ата, 1991. С. 49. История Киргизской ССР. Т. 2. Фрунзе, 1968. С. 95; История Узбекской ССР. Т.4. Ташкент, 1968. С. 78; *Сечкина Л.П.* Таджикистан в годы Великой Отечественной войны. Душанбе, 1989. С. 78.

[3] Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М., 1870. С. 180; История Великой Отечественной войны. Т. 2. М., 1961. С. 155; Книга памяти Казахстана. Алма-Ата, 1995. С. 385, 386.

[4] *Ломако П.Ф.* Цветная металлургия в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 139–140.

[5] Там же; История Киргизской ССР. Т. 2. С. 118; История Узбекской ССР. Т. 4. С. 94.

[6] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов. Т. 2. М., 1958. С. 793.

[7] История советского крестьянства. Т. 3. М., 1987. С. 153–154.

[8] Там же.

[9] История советского крестьянства. Т. 3. С. 208–211; История Узбекской ССР. Т. 4. С. 105.

[10] Там же.

[11] История Казахской ССР. Алма-Ата, 1967. С. 537–538; *Тулепбаев Б.А.* Торжество ленинских идей социалистического преобразования сельского

хозяйства в Средней Азии и Казахстане. М., 1971. С. 290; История советского крестьянства. Т. 3. С. 220; Книга памяти Казахстана. С. 271.

[12] История Киргизской ССР. Т. 2. С. 153.

[13] Книга памяти Казахстана. С. 271; *Сечкина Л.А.* Таджикистан в годы Великой Отечественной войны. С. 53.

[14] История советского крестьянства. Т. 3. С. 176; История Узбекской ССР. Т. 4. С. 102.

[15] *Балакаев Т. Б.* Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны. С. 110; История Киргизской ССР. Т. 2. С. 337; Очерки истории Советского Таджикистана. Сталинабад, 1957. С. 336.

[16] Исторический архив. 1962. № 6.

[17] КПСС в резолюциях и решениях его съездов и пленумов ЦК. Т. 7. С. 260–261.

[18] Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. М., 1948. С. 310–311.

[19] *Сечкина Л. П.* Таджикистан в годы Великой Отечественной войны. С. 54–56; История Узбекской ССР Т. 4. С. 128; История Киргизской ССР Т. 2. С. 93–94.

[20] *Сечкина Л. П.* Таджикистан в годы Великой Отечественной войны. С. 60; История Узбекской ССР. Т. 4. С. 139; История Киргизской ССР. Т. 2. С. 180.

[21] История Узбекской ССР. Т. 4. С. 113, 122; История Киргизской ССР. Т. 2. С. 170.

Глава 6. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В СОВЕТСКОЙ ПЛАНОВОЙ АДМИНИСТРАТИВНО-КОМАНДНОЙ СИСТЕМЕ

Послевоенные годы

После завершения войны вера в эффективность централизованной экономики обрела качество устойчивой идеологической константы. Апеллируя к победе в войне как доказательству правильности избранной модели развития, сталинская партийно-государственная пропаганда продолжала внедрять в массовое сознание универсальность директивно-распределительной системы. Между тем становилось все более очевидным, что вне чрезвычайных, мобилизационных условий последняя утрачивает свои и без того ограниченные возможности, ибо способна как-то функционировать лишь в экстремальной ситуации (война и т. д.). Поэтому уже в первые послевоенные годы в народном хозяйстве страны вновь обозначились негативные тенденции.

Их действие усугублялось тяжелейшими последствиями войны и стихией, обрушившейся на сельское хозяйство в 1946 г.

Страшная засуха, более сильная, чем в 1801 и 1921 гг., охватила весной и летом обширную территорию Молдавии, Украины, Центрального Черноземья, Нижнего Поволжья и примыкающие к нему районы Западного Казахстана, Приморского края, других регионов страны. Общая площадь погибших посевов зерновых составила 4,3 млн. га[1]. На сотнях тысячах гектаров всходы не возместили даже семенной материал, затраченный на посевы. Средняя урожайность по стране едва превышала 4 ц/га (по Средней Азии и Казахстану – 4–6 ц.). На фоне общего сокращения посевных площадей (по сравнению с довоенной базой посевной клин в Киргизии и Туркмении уменьшился на 16 %, Узбекистане – на 22 %) это не могло не вызвать катастрофического падения валовых сборов зерновых. В целом по стране был собран урожай в размере 36,9 % от довоенного уровня[2].

Молдавию, Украину, другие районы охватил голод. Как и в лихую годину 1932/33 г., люди, чтобы спасти себя и своих детей от голодной смерти, срезали по нескольку колосков, припрятывали пригоршню зерна, тайком пытались вынести с полей одну-две картофелины. В некоторых колхозах, хорошо зная, что государство не посчитается с критическим положением и "выгребет" из общественных амбаров все до последнего зернышка, стали еще до расчета по обязательным поставкам выдавать зерно колхозникам авансом в счет трудодней и на общественное питание. Как всегда, карательные акции государства не заставили себя ждать. По опыту массовых репрессий крестьян по делам "о пяти колосках" в голод 1932/33 г. режим масштабно развернул упреждающие санкции. Во второй половине 1946 г. (когда стало ясно, что грядет голод) Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановления "О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания, хищения и порчи" (27 июня) и "Об обеспечении сохранности государственного хлеба" (25 октября) (заметим определение: не "колхозный", а "государственный"). Уже осенью 1946 г. за хищение хлеба в стране было осуждено 55 369 человек, при этом по закону от 7 августа 1932 г. осудили 1146 человек, 37 из них были приговорены к расстрелу[3].

За "преступную мягкотелость" и невыполнение государственных поставок по хлебозаготовкам пострадала многие председатели колхозов. И это несмотря на то, что сельскохозяйственное производство испытывало острейший дефицит в руководящих кадрах (например, в Узбекистане действовали всего две школы по переподготовке председателей колхозов, Киргизии, Туркмении и Таджикистане – по одной). Во второй половине 1946 г.

в ходе хлебозаготовок только в Казахстане было арестовано 317 председателей правлений сельхозартелей, 308 человек сельсоветского и колхозного актива, что еще больше дезорганизовало колхозное производство[4].

4 июня 1947 г., т. е. в самый разгар голода, были приняты два драконовских закона, которые в части наказания были гораздо суровее, чем закон от 7 августа 1932 г. (о хищении соцсобственности)[5]. Указ "Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества" предполагал наказание в виде заключения в лагеря на срок от 5 до 8 лет, второй указ – "Об усилении охраны личной собственности граждан" – от 10 до 15 лет. По секретному распоряжению Совмина СССР действие указа от 4 июня было распространено также на мелкие кражи на производстве. Рабочие и служащие наказывались за мелкие кражи уже не одним годом лишения свободы, как было это ранее (указ от 10 августа 1940 г.), а приговаривались к 7–10 годам[6]. Формально направленные против воров и злостных расхитителей, указы по масштабам их применения обернулись массовыми репрессиями против населения, толкаемого голодом и безысходностью на самые различные ухищрения, большая часть которых никак не могла быть квалифицирована как уголовное преступление.

Об антигуманном характере указов говорило то, что около 50 % осужденных в 1946–1947 гг. составляли женщины с малолетними детьми, следовавшими вместе с матерями по этапу. На 1 июня 1947 г., т. е. менее чем через месяц после издания указов, в тюрьмы, колонии и лагеря было заключено 18 790 детей в возрасте до 4 лет, 6820 беременных женщин. Детей осужденных вдов (потерявших мужей на фронте) в возрасте старше 7 лет, которых некому было взять на воспитание, направляли в детдома и дома ребенка[7]. Так режим воздал благодарность павшим за Родину, сделав их детей полными сиротами. Всего к концу 1947 г. по указам от 4 июня в тюрьмы и лагеря было заключено 300 тыс. человек[8].

Несмотря на кризисное положение в сельском хозяйстве, государство продолжало отчуждать значительную часть колхозной продукции. В 1946 г. удельный вес обязательных поставок по хлебозаготовкам составил по отношению к валовому урожаю 51,5 %. Потери в неурожайных областях компенсировались увеличением объемов хлебозаготовок в других районах страны. В Казахстане, например, где урожай оказался тоже небольшим, государство изъяло около 56 % валового сбора зерна[9].

Выстраданное трудом и болью зерно, казалось бы, должно было направляться в голодающие районы. Однако руководство

страны ставило идеологическое доктринерство превыше жизни своих сограждан. Вопреки возможностям страны, оно развернуло широкомасштабную продовольственную помощь так называемым народно-демократическим режимам Восточного блока. Десятки тысяч вагонов с зерном следовали мимо вымиравших от голода украинских и молдавских сел в Болгарию, Румынию, Венгрию, Чехословакию, Германию.

Арсенал средств реагирования на продовольственный кризис в условиях административно-командной экономики был сужен до предела. По сути весь выбор ограничивался двумя рычагами: нормированием снабжения населения и экстенсификацией. В декабре 1946 г. Совмин СССР принял постановление "О расширении посевных площадей и повышении урожайности зерновых культур и особенно яровой пшеницы в восточных районах СССР" (идеология его была в последующем развернута в целинной политике партии)[11]. Согласно заложенным в нем установкам, в 1947 г. планировалось расширить посевные площади на 10 млн. га. В 1947–1949 гг. площади под зерновыми в Казахстане, Сибири, на Южном Урале должны были возрасти на 6,5 млн. га.

В рамках программы экстенсификации зернового производства в 1950 г. зерновые площади увеличились в Казахстане по сравнению с 1946 г. на 1 млн. 173 тыс. га[12]. В Узбекистане посевной клин возрос почти на 300 тыс. га, Киргизии – на 14 %. Только за счет этого фактора и удалось несколько увеличить валовые сборы зерновых культур. Но экстенсификация не могла коренным образом изменить положение в сельском хозяйстве, которое продолжало оставаться в застое. Так, в 1949–1955 гг. среднегодовой сбор зерновых составил только 4,9 млн. пудов при средней в стране урожайности 7,7 ц/га, что было лишь немногим больше, чем в 1910–1914 гг. (соответственно 4,4 млн. пудов и 7,0 ц/га)[13].

В республиках Средней Азии и Казахстане в годы первой послевоенной пятилетки (1946–1950 гг.) статистика фиксировала среднегодовую урожайность, равную показателям 1913 г. (4–6 ц/га). Среднегодовые валовые сборы зерна оказались меньшими, чем в 1928 г., а государственные закупки (в среднегодовом исчислении) уступали по своим объемам уровню 1941 г.[15] В тяжелейшем состоянии продолжало оставаться животноводство региона. В Казахстане, являвшемся крупнейшей животноводческой базой страны, в 1951 г. насчитывалось лишь 4,5 млн. голов крупного рогатого скота (в 1928 – 6,5 млн.), 1,5 млн. лошадей (3,5 млн.), 127 тыс. верблюдов (1 млн.). И только по овцам в силу их большей биологической репродуктивности удалось приблизиться к уровню

1928 г. – в 1951 г. их насчитывалось 18 036 тыс. В Узбекистане поголовье скота не достигало и 80 % довоенного уровня.

Однако было бы неверным не отметить успехи послевоенной пятилетки (1946–1950 гг.): в целом она дала определенный восстановительный эффект и даже сообщила некоторый импульс развитию сельского хозяйства. Однако кажущийся позитив послевоенного развития СССР меркнет на фоне послевоенного развития Германии и Японии – стран, потерпевших во второй мировой войне сокрушительное поражение. Здесь восстановление разрушенного хозяйства и его последующее быстрое экономическое развитие обеспечивались за счет реформаторской переориентации хозяйственной политики на создание механизма экономической мотивации. В СССР действие этого фактора было равно нулю, ибо ни о каких реформах не было и речи. Восстановление народного хозяйства осуществлялось главным образом благодаря трудовому энтузиазму и патриотизму народа, самоотверженно трудившему во благо Родины.

За внешне благополучными показателями послевоенной пятилетки стояли каторжный труд сельских тружеников, со всех сторон обложенных репрессивным принуждением, нищета и голод населения, варварская эксплуатация детского и женского труда, низкий уровень продолжительности жизни, высочайшие нормативы физического износа населения, использование рабского труда миллионов заключенных ГУЛАГа.

Таким образом, оценивая результаты послевоенного восстановления и развития экономики, следует иметь в виду, что эти процессы происходили не благодаря, а вопреки Системе, продолжавшей сковывать величайшую энергию масс, огромный потенциал трудового подвижничества, заложенный в природе народа.

В рамках неизменной системы координат продолжала выстраиваться стратегия промышленного развития. Стержнем ее попрежнему оставалась идеология, выработанная еще в годы индустриализации. Тогда, гипертрофируя внешнюю угрозу, Сталин выдвинул в качестве абсолютного приоритета всемерное развитие оборонного комплекса и тяжелой индустрии (группа "А"). Что касается производства товаров широкого потребления (группа "Б"), то оно фактически блокировалось.

После войны оправданием продолжавшейся политики игнорирования группы "Б" и чрезмерной концентрации ресурсов на развитии военно-промышленного комплекса и производства средств производства стала служить "холодная война" и выводимая из нее опасность новой империалистической агрессии.

Играя на стереотипах некритического отношения массового сознания к внутри- и внешнеполитическому курсу страны, ее руководство взамен нормального уровня жизни предлагало народу продолжать восхищаться грозной техникой на военных парадах, впечатляющими индустриальными пейзажами и невиданным размахом новых "строек коммунизма", без которых не преодолеть нового врага, образ коего начинала лепить идеологическая машина. Одним словом, вместо давно назревшей структурной перестройки промышленности с ее нацеливанием на нужды конкретного человека страна продолжала перенапрягаться в беспрецедентном наращивании производства стали, чугуна, свинца, угля. Промышленность Средней Азии и Казахстана являлась, пожалуй, одной из самых ярких иллюстраций этой политики.

В это время здесь начались работы по строительству Карагандинского металлургического завода (его называли "Казахстанской Магниткой"), в Усть-Каменогорске дал первую продукцию свинцово-цинковый комбинат, увеличивались производственные мощности Балхашского медеплавильного завода, воздвигался комплекс объектов крупнейшего медеплавильного комбината в Джезказгане, интенсивно эксплуатировались Карагандинское и Экибастузское месторождения угля и т. д. В Узбекистане в годы четвертой пятилетки завершилось строительство одной из крупнейших в Союзе Фархадской ГЭС, введено в действие свыше 150 новых промышленных предприятий, в Киргизии развернулось строительство целого ряда рудников цветной металлургии, вводились в эксплуатацию новые энергетические мощности (Лебединская и Аламединская ГЭС), в Таджикистане вступили в строй Нижне-Варзобская ГЭС и Такобский комбинат плавикового шпата, литейно-механический завод в Канибадаме. Средняя Азия и Казахстан превращались в крупнейшее звено военно-промышленного комплекса. Наряду с развертыванием широкой инфраструктуры военного производства здесь начиналось строительство атомного полигона под Семипалатинском, ракетного – в районе Балхаша, а чуть позже – космодрома на Байконуре и др.

В то же время производство предметов потребления продолжало оставаться более чем скромным. Так, к 1950 г. в огромном Казахстане насчитывалось всего 65 предприятий легкой промышленности, причем многие из них имели чуть ли не дореволюционную историю. Выступая одним из крупнейших производителей хлопка и шерсти, кожевенного сырья, республика имела неадекватный удельный вес в союзном производ-

стве хлопчатобумажных (0,1 %) и шерстяных (1,4 %) тканей, кожаной обуви (1,7 %).

Такая же ситуация была характерна для отраслей группы "Б" республик Средней Азии. Являясь производителями-монополистами хлопка, они выступали крупнейшими потребителями ввозимой конечной продукции хлопкообрабатывающей промышленности.

Вопреки расхожим стереотипам следует подчеркнуть, что уровень жизни населения по сравнению с довоенным периодом и тем более с периодом нэпа в рассматриваемое время продолжал снижаться, хотя действительно в первые послевоенные годы была отменена карточная система распределения товаров, проведена денежная реформа (1947 г.). Тем не менее расчеты показывают, что и после отмены карточек и осуществления денежной реформы, которая, кстати, носила ярко выраженный конфискационный характер, уровень розничных цен был втрое выше, чем в 1940 г. Денежная же заработная плата рабочих и служащих (в среднем исчислении) в 1950 г. превышала довоенную менее чем вдвое, т. е. снижение в 1948–1954 гг. цен понизило их общий уровень в 2,2 раза и, следовательно, не возвратило к уровню 1940 г.[17] В то же время индекс розничных цен в 1940 г. превышал уровень 1928 г. в 6,4 раза. Примерно так же возросла за эти годы денежная зарплата, т. е. покупательная способность за двенадцать довоенных лет не увеличилась[18]. Кроме того, не следует забывать, что снижение цен 1948–1954 гг. осуществлялось на фоне изъятия у населения значительных денежных средств в виде принудительных государственных займов и крайне низкого уровня зарплаты. Поэтому понятно, почему в то время магазины были завалены самыми изысканными деликатесными продуктами (от икры до экзотических кальмаров), но в дефиците числились хлеб и сахар: ведь в 1950 г. среднемесячная зарплата составляла в Казахстане всего 62 руб., Узбекистане – 59,6, Киргизии – 57,8, Таджикистане – 62,6 и Туркмении – 66,3 руб.[19]

Еще больше бедствовали сельские жители. Размеры их зарплаты определялись величиной колхозного дохода, которая оставалась крайне незначительной. Иного быть не могло, поскольку государственные закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию были столь низкими, что, например, в зерновом производстве возмещали лишь одну восьмую его себестоимости, а в животноводческом – и того меньше. Денежные доходы в среднем на один колхоз в 1946 г. составляли в Казахстане 143 тыс. руб., а в 1950 г. – около 170 тыс. руб. (в ценах соответствующих лет).

Поэтому среднемесячная зарплата сельских жителей к концу пятилетки (1950 г.) едва приближалась к 40 руб..

Даже в Средней Азии, где уровень доходности колхозов был гораздо выше среднесоюзного показателя (в силу их хлопковой ориентации), удельный вес тех из них, которые выдавали на один трудодень менее 1 руб., был чрезвычайно высок. Например, в Туркмении таких колхозов было 90 %, Узбекистане – 94 %, Таджикистане – 88 %. Только 60 % сельхозартелей выдавали на трудодень 1 кг зерна, а остальные – ниже этой нормы. В среднем по колхозам Средней Азии и Казахстана на один трудодень выдавалось всего 0,95 кг овощей и 0,04 кг картофеля. Впрочем, удельный вес доходов от колхоза в совокупном доходе семьи колхозника был невелик: он составлял всего 20 % денежных доходов и 38 % прихода зерновых. Основным источником существования оставалось личное приусадебное хозяйство. Именно за счет него колхозники обеспечизали свое потребление: картофеля – на 88,4 %, овощей – 73,4, мяса – 85,3, яиц – 95,6, молока – 97,7 %. От продажи продукции своего подсобного хозяйства сельские жители формировали до одной трети совокупного денежного дохода.

Но государство обложило налогом и личное хозяйство. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) (1939 г.) каждый колхозный двор, имевший приусадебный участок, принуждался к обязательным поставкам сельхозпродукции по государственным ценам. В зависимости от зональных условий каждая семья сдавала от 40 до 60 кг мяса, 120–280 л молока, 30–150 шт. яиц в год[20]. И лишь часть продукции, произведенной на личном подворье, крестьяне могли реализовывать на рынке, уплатив от объема продажи довольно высокие для них сборы и налоги.

Кроме того, и без того скудные доходы колхозников изымались на оплату страховых платежей и в счет принудительного государственного займа. Немалые средства отчуждались посредством налогообложения. С 1939 г. сельхозналог исчислялся в соответствии с доходами, полученными от скота, посевов на приусадебном участке, фруктовых деревьев и т. д. Размеры доходности устанавливались с каждой коровы, находящейся в личном пользовании двора, каждой сотки посева, каждого фруктового дерева и т. д. При доходе, исчисленном, например, в размере от 2 до 3 тыс. руб., налог с хозяйства составлял 220 руб. и 13 коп. с каждого рубля сверх 2 тыс. Таким образом, возможности приусадебного хозяйства колхозников еще более сужались. Этому способствовали и другие акции государства. Так, в 1946–1948 гг. в 1600 сельхозартелях Казахстана было изъято из приусадебного

пользования 536,6 тыс. га земли (якобы "незаконно захваченной"), 70 тыс. голов скота, взыскано 213 млн. руб. так называемой дебиторской задолженности. В Таджикистане подверглись конфискации 16 тыс. га земли, около 5 тыс. голов скота, 5 тыс. ц хлеба, около 2 млн. руб.; в Киргизии – 34,5 тыс. га земли, 600 голов крупного рогатого скота, 2 тыс. овец и коз, 2,2 тыс. лошадей, 31 млн. руб.; в Узбекистане – 33,5 тыс. га земли.

Прямые и косвенные изъятия резко снижали и без того мизерное потребление крестьянской семьи, сохраняя его на уровне биологически допустимого минимума. Например, из 21,7 кг мяса, приходящегося на одного члена семьи в год, в 1950 г. отчуждалось по тем или иным каналам около 5 кг, из 64 шт. яиц – 13 продавалось, 12 сдавалось по обязательным поставкам и только 39 оставалось на питание. В 1950 г., т. е. к концу "пятилетки послевоенного восстановления", на сельского жителя приходилось в год всего 1,76 кг сахара, 3,6 кг пшеничного хлеба, 0,87 кг рыбы, 47 кг овощей, 15 кг мяса, 160 кг молока и молочных продуктов[21]. Следовательно, энергетический баланс питания формировался главным образом за счет хлеба и картофеля.

Таким образом, государство продолжало обрекать население на страдания и полуголодное существование, деформируя не только духовное развитие нации, но и ее физический генотип.

Хрущевский поворот

После смерти Сталина началась ожесточенная борьба за власть в партийно-государственном синклите. Кремль охватили новые политические интриги и изощренная политическая борьба, нашедшая отражение в резолюциях партийных пленумов.

С марта 1953 г. страной стал править триумвират – Н. Хрущев, Г. Маленков, Л. Берия. 26 июня, прямо на заседании Президиума Совета Министров СССР, последний был арестован и вскоре расстрелян. С этого момента формальным лидером являлся Г. Маленков. Однако после осуждения ЦК партии "фракционной деятельности и антипартийной группы" В. Молотова, Л. Кагановича и Г. Маленкова новым руководителем государства стал Н. Хрущев, один из немногих деятелей сталинской креатуры, обладавший достаточно развитой политической интуицией в сочетании с неординарным организаторским мышлением и, самое главное, не утративший способности воспринимать импульсы, идущие от реальной жизни. Период правления Хрущева отличался

в политическом отношении ярко выраженной реформаторской направленностью.

Начинали с аграрного сектора. Именно здесь концентрировались болевые точки народного хозяйства. Хлебная проблема продолжала лихорадить страну, перманентно выводя ее на грань продовольственного коллапса. Производство зерна хронически не успевало за потребностями государства (и всего соцлагеря). К 1950 г. численность населения увеличилась на 20 млн. человек, в том числе городского – на 40 млн. (эти годы отмечены массовым "бегством" из деревни)[22]. В 1953 г. в стране заготовили 31 млн. т зерна, израсходовав на потребление 32 млн. Дефицит пришлось восполнить из государственных резервов.

Жизнь настойчиво требовала пересмотра традиционной политики в отношении деревни. В марте 1953 г. органы Совета Министров СССР начали разработку новой концепции. Ее основные положения были изложены в докладе Г. Маленкова на августовской сессии Верховного Совета. На сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС идеи трансформации аграрной политики получили закрепление в виде директивных установок. В соответствии с ними предусматривалось резкое увеличение инвестиций в сельскохозяйственное производство. Наряду с ростом капиталовложений существенно повышались закупочные и заготовительные цены на некоторые виды сельскохозяйственных продуктов, смягчалась налоговая политика, корректировались вопросы оплаты труда, актуализировались другие фрагменты экономического стимулирования развития агросферы.

Ориентация на качественно иное содержание в аграрной политике была пронизана верой, что стоит лишь вывести на колхозно-совхозные структуры инвестиционные артерии, как они тут же раскроют "заложенный в их природе огромный потенциал". Принцип "чем больше вложишь – тем больше получишь", абсолютный для рыночной экономики, стал экстраполироваться на невосприимчивое к этой аксиоме социалистическое хозяйство. С этого момента он наряду со сталинской колхозной максимой "чем крупнее – тем лучше", отражавшей идею всемерной концентрации производства и обобществления труда, начинал определять экономические приоритеты государства в области сельского хозяйства (и не только его)[23].

На начальном этапе в рамках нового курса были предприняты отдельные меры по послаблению государственной практики в отношении крестьянских хозяйственных подворий. В частности, с личных хозяйств колхозников была списана задолжен-

ность прошлых лет по обязательным поставкам продуктов животноводства государству, снижена сумма исчисляемого с них сельскохозяйственного налога (по отношению к 1952 г. он уменьшился в 1954 г. в 2,5 раза)[24].

Изменения в аграрной концепции получили, естественно, свою реализацию и в среднеазиатско-казахстанском регионе. Объемы капиталовложений в сельское хозяйство нарастали здесь еще более стремительно, чем по стране в среднем (в значительной мере это объяснялось ставкой на целину). В Казахстане в 1953–1958 гг. они увеличились по сравнению с 1946–1952 гг. более чем в 4 раза. Если в 1953 г. в сельскохозяйственное производство республики было вложено 97,2, то в 1960 г. – 814,1 млн. руб. Капиталонасыщенность посевных площадей в расчете на один гектар с 1953 по 1960 г. возросла в 2,5 раза[25].

В сельское хозяйство Узбекистана за этот же период было инвестировано 3,2 млрд. руб., т. е. столько же, как за предыдущие 23 года. Кратно выросли объемы капиталовложений в аграрную сферу Таджикистана, Киргизии и Туркмении.

Расширение инвестиционных потоков в аграрный сектор создало предпосылки для бурного роста его материально-технической базы. С 1958 г. в связи с реорганизацией МТС их техника стала продаваться колхозам. У них формировался собственный парк тракторов и других сложных сельскохозяйственных машин.

Произошло стремительное увеличение энергетических мощностей сельского хозяйства Казахстана. Количество тракторов (в 15-сильном исчислении) возросло с 49 тыс. в 1950 г. до 264 тыс. в 1958 г., комбайнов – соответственно с 16 тыс. до 96 тыс., автомобилей грузовых – с 8 до 74 тыс. В 1960 г. энерговооруженность труда одного рабочего совхоза составила в пересчете на традиционные коэффициенты измерения 23 л. с. В сельском хозяйстве Киргизии к концу 1958 г. насчитывалось 14247 тракторов против 6224 в 1953 г., зерновых комбайнов – соответственно 345 и 1050. На полях Узбекистана работали 64 тыс. тракторов, 16850 хлопкоуборочных машин, 2242 комбайна. По сравнению с 1940 г. на один колхоз стало приходиться тракторов больше в Туркмении в 11 раз, Таджикистане – 14, Узбекистане – в 24 раза[26].

Поворот "лицом к деревне" дал весьма ощутимые результаты, причем, неожиданно для руководства страны, почти сиюминутные. За период с 1954 по 1958 г. прирост валовой продукции сельского хозяйства составил 35,3 %. Таких темпов колхозно-совхозная система со времен коллективизации еще не знала. Советская экономическая наука дружно заговорила о "золотой пя-

илетке", о том, что благодаря "мудрости партийно-государственного руководства" сельское хозяйство страны доказало свою "органическую" способность к интенсификации производства, к таким темпам роста, которые недоступны "постоянно болеющей кризисами капиталистической экономике" и т. д. В эйфорию впало и руководство страны. Под влиянием произошедших на селе изменений оно уверовало, что механизмы динамики производства найдены и запущены в постоянное действие. Из этих иллюзий родились самонадеянные лозунги типа "Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла", "Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!" и т. д. При этом не принималось во внимание, что интенсификация это не просто наращивание капиталовложений, энергетических мощностей, численности поголовья скота, посевных площадей и даже не увеличение выпуска продукции, а именно суть повышение эффективности производства. В контексте этого решающего критерия экономика СССР проигрывала развитым капиталистическим странам.

Однако органы, призванные отслеживать тенденции в народном хозяйстве (Совмин, Госплан, ЦСУ, наука и т. д.), а по большому счету и сам правящий режим, не нуждавшийся в рационализации своей деятельности, продолжали насаждать в общественном сознании идеологию, пронизанную апологетикой самого "прогрессивного" советского строя. Эзотеричность, мания засекречивания экономической и социальной информации на всех ее уровнях, присущие "закрытому обществу", не позволяли ему самоидентифицироваться на фоне реальных оппозиций к другим структурам, моделям и качествам развития.

Сравнительный анализ, необходимый для критического осмысления и понимания хозяйственной ситуации, не мог быть выверен и в силу идеологической ориентации и заданности экономических теоретико-концептуальных конструкций, методологического инструментария науки, ее понятийно-категориального аппарата. Отсюда – благостные картины, рисовавшиеся в тот период развития страны. Между тем по сравнительно более поздним альтернативным оценкам становится очевидным, что уровень интенсификации экономики, и особенно сельского хозяйства, оставался в рассматриваемые годы неадекватным широкомасштабности предпринятых мер.

Конечная продукция сельского хозяйства (валовая продукция за вычетом текущего потребления на производственные нужды в самой отрасли) в своих средних годовых показателях соста-

вила в стране в 1951–1955 гг. 50 млрд. дол., в 1961–1965 гг. – 79,5, тогда как в США – соответственно 118 и 137,5 млрд. дол. Годовая выработка на одного занятого в сельском хозяйстве в рассматриваемые пятилетия фиксировалась в СССР в пределах 1600 и 2500 дол. (в США – 19 625 и 31250 дол., в ФРГ – 5300 и 9700, во Франции – 4750 8900, Великобритании – 10 150 и 17 450 дол.). Уровень производительности труда в аграрном секторе США в это же время был выше, чем в СССР, в 12,3, в ФРГ – в 3,9, Франции – в 3,6, Великобритании – в 7 раз[27].

И это при том, что СССР обгонял названные страны по темпам наращивания техники, масштабам пространственного расширения сельскохозяйственного потенциала (посевные площади и т. д.). Огромны были и трудовые ресурсы, задействованные в сельском хозяйстве. В 1951–1955 г. и 1961–1965 гг. здесь было занято 32 млн. человек, в то время как в США – 6,0 и 4,4 млн., ФРГ – 4,8 и 3,2, Великобритании – 1,2 и 0,9 млн. человек[28]. **Данные цифры говорят, что в рассматриваемые годы подвижки в сельскохозяйственном производстве происходили за счет не качественных, а количественных моментов. Другими словами, экстенсивный механизм колхозно-совхозной системы не был сломан. Более того, он продолжал раскручиваться, набирая все большие обороты.**

Думается, однако, что и экстенсивные факторы по своей роли и значимости в беспрецедентном росте валовой продукции сельского хозяйства в 1954–1958 гг. уступали личным подсобным хозяйствам. Это становится очевидным, если учесть, что в 1958 г. в этом секторе было сосредоточено 42,6 % всего крупного рогатого скота, 34,6 – поголовья коров, 23,7 – поголовья свиней, 17 – поголовья овец и 47,5 % поголовья коз. Личные подсобные хозяйства давали 36,2 % всего производства мяса, 45,6 – молока, 16,4 – шерсти. Ими обеспечивалось 27 % товарной продукции мяса, 16 – молока, 61 – яиц, 11 % – товарной продукции шерсти. Еще более высокие соотношения были в овощеводстве, садоводстве и т. д.[29]

Тем не менее и в рассматриваемые годы Хрущев придерживался генеральной линии партии на выкорчевывание всяких проявлений частной собственности, тотальное обобществление сельского хозяйства. Даже колхозы с их якобы кооперативной формой собственности рассматривались как временная стадия перехода к более высоким общественным (огосударствленным) структурам.

Отсюда – во многом программные тезисы о стирании грани между городом и деревней, различий между промышленным и сельскохозяйственным трудом, идеи о создании агрогородов,

поселков городского типа, индустриализации сельского хозяйства, понимаемой не только и даже не столько как его промышленная модернизация, сколько как средства придания колхозникам статуса, социального облика и стереотипов промышленного рабочего.

В этом же ряду действовала и усилившаяся установка на преобразование колхозов в совхозы. Хотя здесь присутствовали экономические мотивы, но они отлично вписывались в идеологическую доктрину о сближении государственной и колхозно-кооперативной форм собственности, в миф об "общенародной" (т. е. государственной) собственности как неизбежного будущего социалистического развития.

Что касается личных подсобных хозяйств, то они еще со времен коллективизации рассматривались как вынужденное неудобство, с которым в критические моменты продовольственного напряжения приходится мириться, но которое рано или поздно должно быть ликвидировано как необходимое условие для полного раскрестьянивания, столь победно начатого в годы сталинского "великого перелома".

Уже в марте 1954 г. Совет Министров СССР принял постановление, в соответствии с которым сокращались размеры приусадебных участков. Ровно через два года (6 марта 1956 г.) вышло постановление "Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели". По существу это были новые запретительные акты, призванные сократить приусадебный земельный фонд, ибо, как говорилось в постановлении, "использование земель в общественном хозяйстве при наличии в МТС большого количества техники и высокой механизации будет несравненно выгоднее, и колхозники в конечном счете будут получать доход значительно больше..."[30]. Желаемое, однако, не стало действительным, и колхозники по-прежнему имели больше в своем бюджете от личного хозяйства, чем от общественного.

"Соединить личный и общественный интерес", т. е. сделать труд в колхозе экономически более выгодным, чем в личном подворье, пытались и путем введения авансирования, а также перехода на денежную гарантированную оплату труда[31]. Но эти и другие меры по совершенствованию распределительных отношений не смогли компенсировать все более сужавшиеся возможности подсобного хозяйства как источника личного потребления.

Как полагают многие специалисты, свою эффективность аграрные реформы сохраняли до 1957–1958 гг. Далее начинался очередной спад. В 1965 г. валовая продукция сельского хозяйства Казахстана составила по отношению к 1960 г. всего 92 %. За вычетом действия экстенсивных факторов (целина и многократный рост численности занятых в аграрной сфере) падение темпов роста представляется еще большим.

То же самое наблюдалось в аграрном секторе среднеазиатских республик, хотя официальная статистика пыталась навязать общественному мнению обратное. Например, в Узбекистане провалили планы пятилетки 113 колхозов и 16 совхозов, а в Киргизии в 1960 г. пало более 600 тыс. овец, или 8 % всего их поголовья.

Методология экстенсификации продолжала оказывать деформирующее влияние и на развитие промышленности, что многократно усиливалось действующими идеологическими установками, в рамках которых экономика рассматривалась не только как условие жизнеобеспечения общества, но и в качестве важнейшей области состязательности двух систем – социализма и капитализма. При этом главным соперником видели США, где под воздействием рыночных механизмов (конкуренции и конъюнктуры) произошли структурные подвижки в промышленности. Удельный вес добывающего сектора в валовом национальном продукте снизился там до 5 % (1959 г.), тогда как доля обрабатывающего сектора поднялся до 20 %[32]. Но и внутри последнего менялись полюсы роста. От трудозатратных отраслей экономика США переходила на материало-, энерго- и капиталоемкие. Наблюдалась заметная переориентация потоков труда и капиталовложений с традиционных видов производств (черной и цветной металлургии, угольной промышленности и т. д.) на современные.

В СССР промышленная политика определялась субъективно-волевыми факторами, исходящими от руководства страны, которое продолжало верить, что исход соревнования будет определяться динамикой базисных отраслей (металлургия, добыча угля и железной руды и т. д.). Поэтому не случайно, когда Г. Маленков выдвинул довольно мягкий тезис о возможности опережающего развития легкой промышленности по сравнению с тяжелой индустрией, Н. Хрущев буквально зашелся в приступе идеологического гнева. Выступая на январском (1955 г.) Пленуме ЦК, он квалифицировал это как "отрыжку правого уклона, враждебных ленинизму взглядов, которые проповедовали Рыков, Бухарин и другие"[33].

Начинал раскручиваться очередной виток экстенсификации. Гигантские ковши шагающих экскаваторов врезались в породу, оставляя после себя "лунные" пейзажи горнодобывающих карьеров, дымы новых заводских труб еще более окутывали города, партии заключенных отправлялись на "химию" (на поселения в места, где возводились химические комбинаты). Стройки коммунизма шагали по стране, которая требовала еще больше руды, угля, стали, чугуна и т. д.

В Узбекистане стали эксплуатироваться богатейшие запасы бухарского природного газа, начали выпускать продукцию Алтынтопканский полиметаллический и Навоийский горно-металлургический комбинаты (а всего за 1959–1965 гг. в республике было введено в строй действующих 450 промышленных предприятий). В Киргизской ССР запускались перспективные угольные шахты в Кызыл-Кия, Кок-Янгаке, Алмалыке и Сулюкте, новые мощности по производству ртути и сурьмы.

В Казахстане только к 1960 г. было построено и введено в действие 83 крупных промышленных предприятия. В это время в республике получила развитие топливно-энергетическая база. В Карагандинском угольном бассейне было введено в действие более десятка крупных шахт и обогатительных фабрик. К 1955 г. свыше 2 млн. т угля (добыча угля осуществлялась открытым способом) дал Экибастуз. В эти же годы началась эксплуатация Усть-Каменогорской гидроэлектростанции, тепловых электростанций в Джезказгане и Джамбуле. Увеличились мощности Карагандинской, Чимкентской и других ТЭЦ. Выработка электроэнергии возросла в республике в 2 с лишним раза, в том числе гидроэнергии – в 5 раз.

В 1960 г. общий объем промышленной продукции республики составил по отношению к 1940 г. 732 %. В этом же году вошел в строй действующих Иртышский химико-металлургический завод, на котором впервые в стране было налажено промышленное производство целого комплекса редкоземельных элементов и редких металлов. В 1957 г. начал отгрузку продукции крупнейший в стране Джезказганский комбинат, построенный на базе Соколовско-Сарбайского месторождения. На рудах Атасуйских месторождений стал работать с полным производственным циклом Карагандинский металлургический завод.

В этой связи уместно вспомнить то трагическое событие, которое связано с Карагандинским металлургическим заводом. Оно, пожалуй, впервые после XX съезда КПСС, осудившего Сталина, показало, что, даже отрекаясь от сталинизма, Система продол-

жала оставаться тоталитарно-антиправовой, способной решать любые социальные и политические конфликты исключительно в контексте привычных репрессивных мер.

Сооружение Кармета (в г. Темиртау Карагандинской области) было объявлено всесоюзной молодежной стройкой. По линии ЦК комсомола сюда со всех концов страны прибывало огромное количество молодежи. В 1959 г. на Казахстанской магнитке работали 25,5 тыс. человек, среди них – несколько тысяч юношей и девушек, не достигших совершеннолетия. Спекулируя на энтузиазме молодых, не зная проблем с рабочей силой, партийные и советские функционеры, чиновники-хозяйственники абсолютно игнорировали задачи совершенствования организации и охраны труда на стройке, мало обращали внимание на решение вопросов культурно-бытового и жилищного строительства. Многие рабочие были не заняты либо работали на низкооплачиваемых трудовых операциях (рытье котлованов вместо простаивавших экскаваторов). Значительная часть строителей жила в палатках. На 31 тыс. человек, проживавших в восточной части г. Темиртау, имелось столовых на 1300 посадочных мест, на 1 тыс. человек приходилось только 3,5 больничных койки (а травматизм на стройке превышал всякие нормы), 55 школьных и 6 детясельных мест. Нередки были перебои с хлебом и питьевой водой.

В субботу, 1 августа 1959 г. группа рабочих направилась в столовую, но так и не смогла пообедать (все столовые были закрыты). Возмущение рабочих в последующем переросло в стихийные волнения, которые инициировали люди далеко не "комсомольской репутации" и даже судимые – именно они пытались направить толпу в русло противоправных действий. Далее события развивались по законам возбужденной неуправляемой толпы (погром отделения милиции, захват универмага и т. д.). Власти по инерции прибегли к силовым методам: была стянута милиция, подтянуты войска. Неизвестно кем данная команда вызвала беспорядочный огонь милиции и солдат.

Когда 4 августа 1959 г., после пика трагических событий, в Темиртау приехали тогдашний секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев (его направил сюда Н. Хрущев) и руководство республики, уже можно было подводить кровавые итоги "умиротворения": 16 убитых и свыше 50 раненых в результате незаконного применения милицией и военными оружия. Охрана порядка в городе передавалась армии, особое положение обеспечивали около двух полков (чуть не дивизия) военнослужащих[34]. Таков был первый

"опыт", далее будут Новочеркасск (июнь 1962 г.), Алма-Ата, Тбилиси, Вильнюс, Баку и т. д.

"...Вот возведем еще один сталелитейный завод, освоим еще одну горно-обогатительную фабрику – и тогда полностью удовлетворим наши ресурсопотребности", – примерно так рассуждали власти. Но чем больше расширялась промышленная инфраструктура, тем острее становился дефицит. И в этом не было парадокса. Стройки, заводы и фабрики, появившиеся на промышленной карте страны, расширяли круг потребителей, стучавшихся в кабинеты распределительных органов (Совмин, Госплан и т. д.) с требованием своей "доли" в получении угля, чугуна, стали, электроэнергии и т. д.

Катастрофическое отставание в структурной и научно-технической политике порождало моральный износ оборудования, ресурсозатратные технологии и т. д. Попытки "снять" проблему директивным путем не увенчались успехом: доля народнохозяйственного эффекта от внедрения достижений науки и техники упала с 12 % в 1950–1960 гг. до 7,4 в 1961–1965 гг.[35] Гигантские капиталовложения пропадали в "черной дыре" экономики. Экстенсивная природа социалистического хозяйства пожирала самою себя.

Свою долю ждали и союзники по соцлагерю и антиимпериалистические движения. Тяжелым грузом на бюджете страны лежал военно-промышленный комплекс. Одинаково бедно одетый советский народ с подлинным чувством восторга рукоплескал первым космонавтам, а в это время в квадрат "А" тихоокеанской акватории один за одним запускались "эшелоны масла" в виде очередных учебных запусков баллистических ракет. Мы, наверное, уже никогда не узнаем, каких огромных средств и напряжения стоили стране байконурский ракетно-космический комплекс (в ценах на 01.01.04 г. ориентировочная стоимость основных фондов космодрома оценивалась в 7601,8 млрд. руб.) или испытания на Семипалатинском атомном полигоне, обернувшиеся трагедией для народа Казахстана. **За каждой научно-технической идеей, способной реализоваться в военных целях, следовала очередная мобилизация ресурсов общества. На путях гонки вооружения научно-технический прогресс противоестественным образом работал не на благосостояние советского человека, а, наоборот, ущемлял его право на достойную жизни.**

В годы правления Н. Хрущева государство впервые повернулось лицом к жилищной проблеме. Миллионы людей в СССР ютились в коммуналках, обветшалых домах. Лишь немногие жили

в отдельных квартирах и еще меньше – в элитных домах, построенных в стиле сталинской фундаментальной архитектуры.

Массовое жилищное строительство при Н. Хрущеве осуществлялось по дешевым типовым проектам. Сегодня эти микрорайоны и "хрущевские" поселки представляются архитектурным анахронизмом, но тогда именно благодаря их массовому и быстрому строительству люди были "вызволены" из сырых подвалов, обрели счастье иметь собственную квартиру. Если в 1950 г. в Казахстане было построено жилья общей площадью 2103 тыс. $м^2$, то в 1960 г. – 7447 тыс. В Узбекистане в 1956 г. площадь введенного в эксплуатацию жилья составила 891 тыс. $м^2$, а в 1965 г. – 2250 тыс. Всего за семилетку в республике было построено жилья общей площадью 13 млн. 683 тыс. $м^2$. В Киргизии за этот же период было построено жилых домов общей площадью 4,3 млн. $м^2$.[36] Это был настоящий "жилищный бум".

В этот же период, после десятилетий застоя довольно широко развернулось производство предметов массового потребления, многие из которых были для населения в диковинку. Дворовые мальчишки целой ватагой ходили к своему более "счастливому" другу смотреть телевизор, а его такая же счастливая мама "одалживала" подружке стиральную машину. Появились магнитофоны, на смену бабушкиным буфетам и этажеркам приходили супермодные тогда серванты, мужчины с гордостью щеголяли в "безразмерных" носках и отливавших белизной нейлоновых рубашках.

Благодаря количественному и качественному росту производства потребительских товаров произошла диверсификация законсервированного общественного стандарта потребления. Но объемы выпускаемых в этой сфере (группа "Б") товаров не отвечали масштабам спроса населения, доходы которого в результата ряда предпринятых мер существенно выросли. В Узбекистане, например, один проданный радиоприемник приходился на 53 ед. потенциального спроса, один холодильник – на 181, одна стиральная машинка – на 128, один телевизор – на 118. В 1960 г. на почти 10-миллионное население в Казахстане было произведено всего 35,5 тыс. стиральных машин, 127 тыс. электроутюгов, 1,2 тыс. диванов-кроватей и т. д.[37] Производство ряда товаров вообще отсутствовало в регионе, а потому их ввозили.

Не удовлетворял людей и узкий ассортимент товаров. Они хотели приобретать более разнообразные и модные вещи. Рыночная экономика моментально отреагировала бы на эту потребность, но директивно-плановое хозяйство расписывало номенклатуру

товаров по пятилеткам, т. е. общественный стандарт потребления как бы замораживался на пятилетие.

Другими словами, государство навязывало населению структуру спроса: какие именно товары покупать. Естественно, только те, что в ту или иную пятилетку будет выпускать советская промышленность. А чтобы эта, чисто тоталитарная претензия не выглядела слишком обнаженно, то включалась идеологическая машина.

Скажем, в кинопрокате запрещался показ пусть даже идеологически безобидных фильмов, где советские люди могли увидеть западную "красивую жизнь". Модные пиджаки и узкие брюки, джинсы и яркие рубашки, обувь на микропоре (производство которой до поры до времени просто не могла освоить советская промышленность) объявлялись вкусами буржуазной растленной культуры, а их "носители" – стилягами и тунеядцами (за ношение рубашки "Парагвай", на которой всего-то была нарисована пальма, дружинники на улице могли забрать в отделение милиции). Но как только производство примерно таких же товаров (например, обуви на микропоре) налаживалось в СССР или соцстранах, они тут же выводились из-под идеологического огня. Говоря другими словами, потребительская конъюнктура и массовый спрос получали идеологическую санкцию.

Таким образом, в годы правления Н. Хрущева благосостояние и уровень жизни народа обрели тенденции к росту. Поколение, познавшее голод и холод, безысходность и задавленность в сталинское время, страдания военного лихолетья, воспринимало этот период как оттепель. Но с позиции сегодняшнего критического переосмысления истории следует признать, что государство могло делать для своих граждан во много крат больше, если бы смогло отказаться от политики, выстраиваемой в административно-командной системе координат. Но тогда это было бы совсем другое государство, как впрочем, и само общество.

Целина как зеркало экстенсивной экономики

Мы уже отмечали, что в начале 50-х гг. страна испытывала достаточно острый продовольственный кризис. Вольно или невольно, но новое руководство должно было продемонстрировать обществу свое видение выхода из него.

Теоретически ситуация могла развиваться по двум путям. Первый вариант выхода из кризиса предполагал радикальную развязку, а именно: глубокую трансформацию системы производственных отношений, т. е. переход к рыночным механизмам,

а также включение личного интереса, что было достижимо лишь по мере приватизации собственности, и прежде всего – на землю. Понятно, что подобное развитие событий даже не обсуждалось. В целях самосохранения Система выбрала гораздо более привычную, так сказать, экстенсивную модель решения проблемы. Смягчить (а затем устранить) продовольственный коллапс предполагалось за счет резкого увеличения зернового клина. В этой связи был взят курс на распашку гигантских земельных массивов на востоке страны, т. е. освоение целины. Для этого не надо было поступаться идеологическими догмами. Достаточно было собрать в единую армаду тракторы и, обыгрывая энтузиазм народа, совершить марш-бросок за Урал.

Надо сказать, что идея Целины, выдвинутая Н. Хрущевым, не находила поддержки в высшем руководстве партии. По воспоминаниям Н. Мухитдинова (тогда первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана), на одном из заседаний Президиума ЦК КПСС К. Ворошилов заявил Хрущеву: "Никита, ты забываешь или не знаешь Россию. Посмотри, в каком положении исконно русские области! В бедственном! Целые деревни, хутора запущенны, сплошь бездорожье. Люди не могут одеться, обуться! Многие страдают от безработицы, отсутствия условий для жизни, а ты хочешь государственные деньги еще больше закопать в песках Казахстана!" Более безапелляционно высказался В. Молотов, бросивший Хрущеву реплику: "Ты сломаешь себе шею на целине", на что Н. Хрущев твердо ответил: "...какие бы трудности и сопротивление ни были, мы добьемся цели!"

В известном смысле целина сыграла роль фактора, сработавшего на реанимирование входившей в состояние комы системы, оттянув ее агонию еще на долгие годы (подобно тому, как чуть позже Самотлор позволил долгие годы держать страну на наркотике нефтедолларов и создавать иллюзию благополучия). Гипотетически, но можно предположить, что если бы не целинный маневр, то возможности для сохранения системы в неизменном виде оказались бы еще более суженными.

Отвергая данный тезис, некоторые исследователи утверждают, что Н.Хрущев просто не имел другого выхода, ибо подъем зернового производства в традиционно сложившемся земледельческом ареале (Украина, юг России и т. д.) был в то время невозможен в силу недостаточного развития химической отрасли, т. е. промышленности удобрений.

Между тем даже за пределами рыночно-приватизационной возможности, т. е. в рамках привычного экстенсивного вари-

анта, имелись достаточно приемлемые, во всяком случае, альтернативные по отношению к целинной идее пути разрешения проблемы. Их просто не могло не быть, если учесть хотя бы ту данность, что из 300 млн. га черноземных и черноземовидных почв мира 190 млн. га, или две их трети, находилось в СССР. Это ли не гигантский резерв! Кроме того, можно вспомнить, что в 1954–1958 гг. средняя урожайность зерновых составила на целине всего 7,3 ц/га, а в 1962–1965 гг. и того меньше – 6,1 ц/га. Как справедливо утверждают экономисты, при таком положении прирост урожайности в целом по стране даже на один центнер по своему результату был бы фактически равносилен освоению всей целины[38]. Добавим, что для поднятия урожайности на один центнер вовсе не требовалось "большой химии", достаточно было придерживаться технологической дисциплины или, допустим, провести на полях снегозадержание.

Итак, можно утверждать, что идея целины, выдвинутая февральско-мартовским (1954 г.) Пленумом ЦК КПСС, отнюдь не носила неизбежно-необходимого характера. Напротив, данная акция была лишена объективно обусловленных предпосылок и в своем сущностном целеполагании была движима скорее политико-идеологическими моментами, нежели мотивами сугубо экономической рациональности.

Наиболее масштабные распашки предполагалось осуществить на севере Казахстана. С этого времени именно целина становится наиболее зримым символом восприятия образа Казахстана, предметом особой заботы руководства республики и страны в целом. Что касается Н. Хрущева, то для него она стала важнейшим критерием подбора и расстановки руководящих кадров в республике. Уже на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС он подверг резкой критике руководство Казахстана за недостаточную реализацию сельскохозяйственного потенциала. В этой связи руководителям партийной организации и правительства республики было предложено (в директивном порядке) разработать конкретный план подъема целинных земель. В конце ноября 1953 г. такой план был представлен в ЦК КПСС . В соответствии с ним предполагалось, что в течение 1954–1957 гг. посевные площади в Казахстане будут увеличены на 2,5 млн. га[39].

Но в правительстве СССР уже разрабатывался план гораздо более крупномасштабных распашек целины, и не за четыре, а за один-два года. Поэтому вскоре Москва снимает с должности секретаря Казахстанской партийной организации Ж. Шаяхметова,

а затем и председателя Совета Министров Н. Ундасынова. Новым главой правительства был назначен Д. Кунаев, а для "укрепления партийной организации республики" Центр направил сюда одного из организаторов партизанского движения в годы войны, а тогда министра культуры СССР П. Пономаренко (первым секретарем республиканской партийной организации) и первого заместителя начальника Главного политического управления Советской Армии Л. Брежнева (вторым секретарем).

Трудно сказать, сколько раз бывал Л. Брежнев на западе, востоке или юге республики, но целину посещал часто, чем заслужил в дальнейшем расположение Н. Хрущева (после XX съезда партии в 1956 г. стал секретарем ЦК КПСС). Сам же лидер страны шесть раз приезжал в Казахстан, неизменно посещая при этом целину. К 1962 г. по его инициативе пять северных областей республики были объединены в Целинный край (Н. Хрущев: "...Пора переходить на краевое управление народным хозяйством, а в перспективе исчезнут границы между республиками")[40] со "столицей" в г. Акмолинске, переименованном им же в Целиноград ("С этой могилой (русский перевод Акмолы ему представили как "белая могила". – *Авт.)* надо кончать и город переименовать в Целиноград!")[41]. Столь нехарактерно частое для первых руководителей страны посещение Казахстана тем не менее не помешало Н. Хрущеву в один из его приездов в Алма-Ату салютовать с трапа самолета здравицу "узбекскому народу", а в другой раз, подобно школьнику на уроках географии, удивляться территориальным просторам республики и вопрошать, что же за большой народ здесь жил в прошлом, если "занял такую громадную территорию"[42].

Если рассматривать целину в призме современных социально-экономических и политических реалий, то ее роль для республики несомненна. Во многом благодаря Целине Казахстан стал входить в так называемый зерновой пояс Земли – довольно узкую полосу в Северной Америке (Север США и Канада), в Европе (Франция, Украина, юг России), в южном полушарии (Аргентина и Австралия). Именно эти страны контролируют конъюнктуру мирового рынка зерна. В следствие включения в хозяйственный оборот целинных распашек в Казахстане стало производиться на душу населения от 1,5 и более тыс. кг зерна. Между тем согласно мировой практике для снятия продовольственной проблемы достаточно иметь показатель в пределах 1 тыс. кг. Таких стран насчитывается в мире немного: Канада, Австралия, США, Франция, Венгрия и др. Следует также иметь в виду, что 90–95 % мировых

посевных площадей, отводимых под хлебные злаки, занимают мягкие пшеницы, тогда как целинный регион Казахстана производит преимущественно твердую пшеницу, ее сильные сорта, отличающиеся высоким содержанием белка. Именно в Казахстане находится один из крупнейших мировых массивов производства твердой пшеницы. (Для сравнения: из сотни килограммов муки, произведенной из зерна с низкими технологическими качествами, выпекают 91 кг хлеба, а из такого же количества муки из сильного зерна – 115 кг; 20–30 % сильной пшеницы, добавленной к слабому зерну, уже позволяют получить качественный хлеб.) Следовательно, в результате освоения целинных земель республика получала все предпосылки не только для полного удовлетворения собственных потребностей, но и для выхода на мировой рынок в качестве страны – экспортера высокотехнологичного зерна. Например, в период 1976–1985 гг. среднегодовой резерв зерна на экспорт составлял 14,4 млн. т, что при мировой цене в 100 дол. за тонну было эквивалентно 1,4 млрд. дол.

Но существуют и другие стороны вопроса: экологическая рациональность, экономическая целесообразность и социальная эффективность "целинной эпопеи".

Уже в первые годы (1957–1958 гг.) в результате беспрецедентных распашек начались пыльные бури на легких почвах в Павлодарской области, а в начале 60-х гг. процессы выдувания почв охватили земли всего целинного региона. **К 1960 г. в Северном Казахстане было подвержено ветровой эрозии более 9 млн. га почв, что равнялось тогда примерно всей сельскохозяйственной площади такой страны, как Франция.** Правда, в дальнейшем были разработаны почвозащитные системы земледелия, в частности безотвальная обработка почвы (отвальный плуг был заменен на плоскорез, что позволяло сохранить стерню и другие органические остатки). Однако, как отмечают специалисты-экологи, любые мероприятия в современных их формах смягчают негативные явления, но не обеспечивают необходимой защиты окружающей среды. Следовательно, даже щадящие системы обработки почв не решают проблемы, а что касается основы степного целинного земледелия – паров, то, как известно, чистый пар наиболее подвержен ветровой и особенно водной эрозии и, следовательно, является сильным источником потерь почвенного плодородия.

Советский Союз терял больший объем верхнего слоя почв, чем любая другая страна. Подробная информация о масштабах эрозии в стране отсутствовала, однако, по самым осторожным оценкам Института всемирного наблюдения Лестера Брауна

(США), **потери верхнего слоя почвы на пахотных землях бывшего СССР составляли почти 2,3 млрд. т в год[43], причем значительная часть их приходилась на целинные районы Казахстана. За период освоения целинной пашни потери гумуса из пахотного горизонта превысили 1 млрд. т, или 1/3 его исходных запасов в черноземах и каштановых почвах.** Наблюдались не только дегумификация, но и существенное ухудшение структуры и водных свойств, что неизбежно вело к снижению устойчивости почв к эрозии.

Гумусный слой разрушался, а вместе с гибелью его каждого миллиметрового слоя на одном гектаре терялось 76 кг азота, 240 фосфора, 800 калия, и никакая "большая химия" не способна была компенсировать потери. Слой этот весьма тонкий: если представить Землю в виде футбольного мяча, то гумусный слой почвы должен быть изображен оболочкой тоньше человеческого волоса.

Гигантские распашки повлекли за собой и глобальное нарастание засушливости. Так, из 25 лет (с 1960 по 1985 г.) 23 года оказались в районах целинного Казахстана, Нижней Волги и других районах засушливыми.

На современном уровне эколого-географического прогноза предугадать региональные и глобальные последствия масштабных антропогенных (в данном случае агрогенных) воздействий на природную среду трудно, но не вызывает сомнения, что такое воздействие вызывает деградацию отдельных компонентов биосферы Земли, приводит к разбалансировке исторически сложившихся круговоротов и общему качественному перерождению. Разрушение же эволюционно возникшей качественной определенности и специфичности делает проблематичным дальнейшее развитие цивилизации.

Таким образом, целинные земельные распашки в Казахстане (в 1954–1960 гг. здесь было поднято 25,5 млн. га) не могли не дать масштабных негативных проекций. **Приняв курс на целину, отражавшую стратегию глобально расширяющегося (экстенсивного) природопользования, партийно-государственное руководство проигнорировало общегуманитарный принцип "Земля – наш общий дом", взяв тем самым на себя моральную ответственность за грядущие экологические катаклизмы.** Гигантская зона рискованного земледелия, формировавшаяся на пространствах Востока, была рискованна не только по отношению к урожаям, но прежде всего и главным образом в плане экологии нашего общего дома – планеты Земля.

Что касается экономической целесообразности, то этот аспект трудно иллюстрируется, поскольку такие подсчеты статистика просто не вела. Поэтому вряд ли кто точно знает, какова действительная цена экономических издержек легендарных казахстанских миллиардов пудов хлеба.

Тем не менее если учесть, что в целинный гектар засевалось от 1 до 2 ц зерна, а собиралось не более 6–9 ц (в 1954–1958 гг. средняя урожайность была на уровне 7,3 ц/га, а в 1961–1965 гг. – 6,1 ц/га)[44], то вопрос об экономической целесообразности предстает весьма актуальным. На величину издержек производства влияли и масштабы привлечения трудовых ресурсов. Ежегодно на целину прибывала огромная масса студентов, городских жителей, комбайнеров и механизаторов из других областей и республик. Так, в 1956 г. (первый случай, когда Казахстан дал 1 млрд. пуд. хлеба) на уборку урожая со всех концов страны было стянуто около 12 тыс. комбайнеров, 20 тыс. шоферов с соответствующей техникой, десятки тысяч студентов (как пелось в комсомольских песнях, это был их "третий трудовой семестр"). Кроме того, на целину регулярно посылали десятки армейских автомобильных батальонов, тысячи солдат срочной службы и воинов резерва. Порой число занятых на хлебной ниве достигало более 1 млн. человек. Все это, безусловно, сказывалось на рентабельности зернового производства, его себестоимости. Огромны были и энергетические затраты, которые росли в силу поистине бескрайних просторов целинных совхозных земель (только транспортировка хлеба с полей до совхозного зернотока требовала оргомного количества энергоносителей).

Ориентировавшаяся на методологию экстенсификации, советская агроэкономическая наука считала, что для решения продовольственной проблемы важно достигнуть такого положения, чтобы на душу населения приходился как минимум гектар пашни. В этом плане в 50-х гг. в СССР отмечался дефицит в 50 млн. га. Поэтому цифра в 42 млн. га распаханной в стране целинной нови отнюдь не случайна. Задача, поставленная научными авторитетами, была решена – каждый советский человек "получил" по гектару. На долю СССР приходилось 16 % всех зерновых площадей на земном шаре (для сравнения КНР – 13, Индия – 14, США – 8,5 %). Однако проблема осталась.

Располагая гигантским сельскохозяйственным потенциалом, страна тем не менее стабильно входила в пятерку крупнейших мировых импортеров зерна (наряду с Японией, Китаем, Саудовской Аравией и др.). За 10 лет (1976–1985 гг.) его было закуплено более 308 млн. т на сумму в 50 с лишним млрд. дол. Причем

это были "нефтедоллары": в 1960 г. было продано 17,8 млн. т нефти, куплено 200 тыс. т зерна, в 1985 г. – экспортировано 117 млн. т нефти, импортировано 44,2 млн. т зерна. Попросту говоря, зерно обменивали на невосполняемые ресурсы – нефть. В этой связи один из экономистов справедливо заметил: "Не будь нефти Самотлора, жизнь заставила бы начать перестройку лет 10–15 назад" (в этой связи в качестве ремарки заметим, что СССР был объективно заинтересован в ближневосточном кризисе, поскольку его незатухающие коллизии позволяли держать курс "нефтедоллара" на достаточно высоком уровне, а следовательно, решать внутренние проблемы страны; в этом интересы "социалистического интернационализма" и "американского империализма" смыкались)[45].

Жизнь доказала, что в условиях НТР природный фактор сам по себе еще не есть решающее условие. Взять хотя бы Нидерланды, которые крайне ограничены в земельных площадях и вынуждены метр за метром отвоевывать польдеры у моря. Однако СССР – одна шестая часть земли – не шел с ней в силу экстенсивного характера экономики ни в какое сравнение. В Голландии площадь пашни составляла всего 0,9 млн. га (в СССР – 233 млн.). Продукция на один гектар пашни составила здесь 8900 дол. (в СССР – 300). Один гектар пашни кормил 16,5 человек (в СССР – 1,2), один работник сельского хозяйства обеспечивал продовольствием 60 человек (в СССР – 13). Между тем на гектаре пашни в СССР было занято людей в 15–20 раз больше, чем в Голландии[46].

Итак, целина как "экстенсивный" маневр экономически не оправдал себя. Страна оставалась импортером зерна, а выход на вынужденную интенсификацию был заблокирован. Целина породила ряд негативных моментов и в контексте социальных опосредований. Конечно, она сыграла большую роль в создании в регионе обширной социальной и производственной инфраструктуры, возникновении новых городов и развитии старых. Но не следует забывать при этом, что освоение целины осуществлялось главным образом путем привлечения трудовых ресурсов из других республик (в 1960–1965 гг. рост населения Северного Казахстана на 61 % обеспечивался за счет межреспубликанской миграции)[47] – выходцев из РСФСР, Украины, Молдавии, Белоруссии и т. д. (Во время встречи с Мао-Цзедуном Н. Хрущев обсуждал даже возможность широкомасштабного привлечения на целину китайской рабочей силы). В результате здесь сформировалась широкая этноконтактная социокультурная зона, сильно динамизировавшая процессы интернационализации общественной жизни.

В то же время обширность миграционного потока имели отрицательные последствия. Так, регионы-доноры, т. е. районы – источники миграционного потока, превратились из трудоизбыточных в трудонедостаточные территории и на сегодня сохраняют острейший дефицит рабочей силы (например, Нечерноземье). Неконтролируемая миграция содействовала тому, что удельный вес коренного этноса в национальной структуре населения Казахстана снизился до 30 %. В результате возникла объективная угроза языку (ареал функционирования казахского языка еще более сузился: более 700 школ были переведены с казахского языка обучения на русский), социокультурным и другим институтам системы жизнеобеспечения казахского этноса. А это не могло не отразиться на всем комплексе межнациональных отношений, порождая взрывоопасные проблемы и напряжения.

В ходе освоения целины еще более обострилась проблема региональных противоречий в развитии производительных сил Казахстана. Целина, как и промышленный Восток, стала основным центром притяжения государственных инвестиций в ущерб другим регионам республики. В результате производственные и социальные инфраструктуры развивались в последних гораздо менее динамично, а производительные силы чуть ли не стагнировали, порождая вопросы занятости и пауперизации населения, демографические и экологические проблемы и т. д. Все это служило базой для возникновения проблемы "Север – Юг" (отсталые в плане развития производительных сил западный и юго-восточный регионы и относительно более развитые Север, Восток и отчасти Центр), чреватой негативными последствиями в самых разных проекциях.

Освоение целинных и залежных земель с ориентацией на расширение посевов под хлопок интенсивно проводилось в республиках Средней Азии. В августе 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР "Об орошении и освоении целинных земель Голодной степи в Узбекской ССР и Казахской ССР для увеличения производства хлопка". Согласно ему, предусматривалось в течение пяти лет освоить под посевы хлопчатника 300 тыс. га новых земель. В связи с этим проектом три хлопкосеющих района Казахстана и г. Бостандык, находившийся недалеко от Ташкента, у подножия гор Чимгана (здесь в последующие годы была создана курортно-спортивная зона), были переданы Узбекской ССР (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1956 г.). В середине июня 1958 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление "О дальнейшем рас-

ширении и ускорении работ по орошению и освоению Голодной степи Узбекской ССР, Казахской ССР и Таджикской ССР"[48].

Голодная степь представляла собой равнину площадью свыше 10 тыс. км^2, вытянувшуюся вдоль левого берега Сырдарьи. На юге ее охватывали горные отроги Туркестанского хребта, на западе – пески Кызылкумов. Площадь пахотно-способных земель проектировалась здесь в пределах более 1 млн. га. На проведение ирригационно-оросительных работ были выделены сотни миллионов рублей, для освоения которых создавался "Главголодстепстрой" Минводхоза СССР. Его силами строились Центральный (длиной 150 км) и Южный (90 км) каналы, реконструировался старый канал им. Кирова. Все они питались водами Сырдарьи. За счет освоения целины в районах Голодной степи посевные площади Узбекской ССР планировалось увеличить на 200 тыс. га, Казахской ССР – на 180 тыс., Таджикской ССР – на 50 тыс. га[49].

Продолжалось строительство Каракумского канала в Туркмении, первая очередь которого составила 400 км. Уже 1959 г. воды Амударьи пришли по нему в Мургабский, а затем – в Теджженский оазисы. Орошаемые земли в этих районах увеличились на 150 тыс. га. С завершением третьей очереди строительства канала (260 км) амударьинская вода пришла в столицу Туркмении – Ашхабад (1962 г.)

Ирригационное строительство разворачивалось и в Северном Таджикистане. К концу 50-х гг. в Дальверзинской степи было построено два крупных канала, что позволило освоить под хлопчатник 10 тыс. га целинных земель. Работы по включению в хозяйственный оборот новых земель проводились в Самгарском и Ходжа-Бакирганском массивах, Кулябском районе, Вахшской долине и т. д. Уже к 1960 г. в Таджикистане площади под хлопчатником возросли по сравнению с 1950 г. почти на 50 тыс. га[50].

Освоение целины в Голодном, Каршинском, Дальверзинском, Джизакском, Фаришском, Самгарском степных массивах, на территориях, примыкающих к Каракумскому каналу, превратили Среднюю Азию в обширнейшую хлопковую плантацию. По производству хлопка-сырца СССР занял третье место в мире (после Китая и США), причем 90 % его выращивалось в среднеазиатских республиках. В одной только Узбекской ССР хлопка производилось больше, чем в Бирме, Пакистане, Турции, Иране, Афганистане и Японии вместе взятых.

Хлопок, превращавшийся в сельскохозяйственную монокультуру Средней Азии, блокировал процессы диверсификации ее

аграрно-отраслевой структуры, а попросту говоря, обрек благодатный в биоклиматическом отношении регион оставаться в узкой нише хлопковой общесоюзной специализации. В общем массиве всех посевных площадей в 1970 г. под хлопком было занято 50 % земель в Узбекистане, 33 – Таджикистане и 63 – в Туркмении (в 1985 г. – соответственно 49, 39 и 55 %). Под яровую пшеницу же, например, в Узбекистане отводилось всего 3,6 % площадей (в 1985 г. – 1,5), в Таджикистане – 5,0 (1,1), в Туркменистане – 1,2 (менее 1 %). По официальным статистическим данным в 1987 г. удельный вес посевов картофеля и овощебахчевых культур по отношению ко всей сельскохозяйственной площади составил в Узбекской ССР всего 5 %, Таджикской ССР – 5,3 и Туркменской ССР – 8,1[51]. Даже такие традиционные для региона культуры, как виноград и плодово-ягодные, стали отходить на второстепенные позиции. Площадь их насаждений во всем посевном массиве Узбекистана составляла в том же 1987 г. 4,9 %, Таджикистане – 8,2 и Туркмении – 2,7 %. В Ферганской области, некогда названной Золотой долиной, площади под зерновыми составили в 1970 г. 6,4 % (1985 г. – 9,6 %), а под овощами – 0,2 %[52].

Монокультурная ориентация сельскохозяйственной отрасли региона привела к тому, что он превратился из аграрно-производящего в потребляющий. В республику стали ввозить не только зерновые, но даже картофель и некоторые виды овощей. Доходило до парадоксов, когда ташкентцы покупали в магазине яблоки, завезенные из далекой от них Молдавии.

Экстенсификация культуры хлопчатника, посевы которого подходили буквально под окна дома колхозника-дехканина, до предела сузили возможности развития личного подсобного хозяйства. И в без того аграрно-перенаселенной Средней Азии каждый клочок земли становился сильнейшим дефицитом. В 1986 г. площади под картофелем в личных подсобных хозяйствах в Узбекистане составили всего 7,5 тыс. га, в Таджикистане – 4,0, в Туркменистане – 1,9 тыс. га (для сравнения: в Украине – 994, Латвии – 60, Эстонии – 19 тыс. га). Площадь личных угодий, занятая по овощами, равнялась соответственно 44, 8,0 и 4,7 тыс. га[53]. Не располагая сенокосными угодиями, сельчане не могли содержать в личном хозяйстве и скот. Согласно статистике, в Узбекистане 47 % колхозников и рабочих совхозов не имели овец, 84 % – коз, 38 % – коров. В Таджикистане таких насчитывалось соответственно 49, 68 и 27 %, а Туркмении – 47, 78 и 41 %[54].

Учитывая, что именно личное подсобное хозяйство являлось основным источником потребления крестьянской семьи, а так-

же в огромной степени формировало общий фонд продовольственных ресурсов, следовало ожидать появления острых проблем в обеспечении населения региона в продуктах питания и прежде всего в сельской местности. "Тихий" голод, по которому никто и не думал бить тревогу, пришел в кишлаки. Так, в отчете специалистов Минздрава Туркменской ССР, проводивших в середине 80-х гг. обследование в одном из районов хлопкосеющей Ташаузской области, отмечалось: "За последние десять лет в магазинах не продавались мясо, куры, сливочное масло, молоко и молочные продукты. Нет их и на частных рынках, так как 85 % семей, живущих в районе, не имеют собственного скота и птицы. Из-за этого многие семьи голодают. В некоторых из них, особенно в многодетных, встречаются случаи голодной смерти детей"[55]. В Туркмении медицинская статистика фиксировала дефицит белкового питания в рационе беременных женщин, достигавший 60 %. Вследствие этого дети рождались крайне ослабленными. **В Ашхабадском районе каждая третья женщина рожала ребенка с признаками внутриутробного голодания, в Тахта-Базарском – в 1987 г. с таким диагнозом скончался 71 ребенок, в Геок-Тепинском – каждый второй малыш, состоявший на учете в местной поликлинике, был гипотрофиком.** Когда одну из матерей такого ребенка спросили: "Вы ели что-нибудь сегодня?", она ответила: "Ела, ела, вчера ела!". Но что ела, вспомнить так и не смогла[56].

Тяжелыми оказались и экологические последствия хлопкового приоритета. Бесконтрольный забор воды из Сырдарьи и Амударьи привел к Аральской катастрофе. Амударья в своем нижнем течении полностью высохла, а дельта ее превратилась в засоленную пустыню. Драгоценная в условиях аридной природной среды вода превратилась в экстенсивной нерыночной экономике почти в бесплатный ресурс. Тысячи ее кубометров, растекались по многочисленным ирригационным сооружениям, заливая хлопковые поля и рисовые чеки (рис в 70–80-х гг. стал для Средней Азии и Казахстана еще одной целиной), не столько орошая их, сколько покрывая коркой выпариваемой соли.

В погоне за хлопковым валом земля в огромных количествах насыщалась химикатами. Наряду с применением большой группы пестицидов, широко проводилась химическая дефолиация – предуборочное удаление листьев с хлопчатника для облегчения его механизированной уборки. Используемые при этом дефолианты были схожи с теми, что применялись американской армией в борьбе с вьетнамскими партизанами (оголение лиственного покрова джунглей для лучшего их обстрела с воздуха). Глубоко

проникая в почву, дефолианты просачивались в грунтовые воды, заражая их. Анализ колодезной воды в одном из поселков уже упоминавшейся здесь Ташаузской области Туркмении выявил, что содержание сульфатов в ней превышало предельно допустимые коэффициенты в 50, хлоридов – в 40, кальция – в 17, магния – в 10 раз! Практически вся сельхозпродукция, выращиваемая в хлопкосеющей зоне, имела повышенное содержание нитратов. Проведенное в конце 80-х гг. обследование кормящих женщин в той же Туркменской ССР показало, что в материнском молоке имелась концентрация дуста[57]. Онкология и различные гепатиты стали в Средней Азии одними из самых распространенных заболеваний, их признаки даже начинали входить в генный код части населения хлопковой зоны, т. е. становились наследственными. Лихорадка "белого золота", как называли в газетных передовицах тех лет хлопок, уносила жизни людей, превращала их в обреченных заложников советской экстенсивной экономики.

Таким образом, уже к началу 60-х гг. стало очевидно, что административно-командная система полностью исчерпала себя. Жизнь все больше и больше требовала расширения инициативы и самостоятельности предприятий, укрепления хозяйственного расчета, а следовательно, и радикальных изменений в организационной структуре всей общественно-политической жизни. Но непродуманная реорганизация, осуществляемая экспромтом Н. Хрущевым, не давала и не могла дать требуемого эффекта, понимание же, что система не поддается реформированию, придет в общественное сознание еще нескоро.

Нарастание кризиса административно-командной системы

Аппаратный партийный переворот, осуществленный в октябре 1964 г., стал финалом насыщенного противоречивыми исканиями и борениями, надеждами и утраченными иллюзиями хрущевского периода. Предав анафеме "субъективистско-волюнтаристскую политику Хрущева", новые лидеры партийно-государственной иерархии во главе с Л. Брежневым принялись за лечение хронически больной социалистической экономики.

На мартовском и сентябрьском (1965 г.) пленумах ЦК КПСС "были приняты исторические директивы по совершенствованию хозяйственного механизма". В них нашли отражение некоторые теоретические концепции, наработанные марксистско-ленинской экономической наукой.

Игнорируя фатум исторической тупиковости социалистической утопии, предаваясь иллюзиям возможности реформирования экономики аномальной административно-командной системы, ведущие научные авторитеты страны пытались решить проблему кризиса путем изменения отдельных фрагментов экономических отношений, не затрагивая при этом их основы – отношений собственности. Философия реформ допускала некоторое вторжение в частности, но не в природу сущностного целого (так называемой социалистической собственностью). Естественно, что такая методология уже изначально обрекала реформы на провал. Объективно не могли увенчаться успехом и частные решения, поскольку в условиях неизменной общественно-политической и социально-экономической системы они становились абсолютно иррациональными. Как, например, можно было достигнуть расширения прав и самостоятельности предприятий (за что ратовал сентябрьский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС), если параллельно этой ключевой установке реформ было принято решение о воссоздании взамен совнархозов министерств (в Казахской ССР было 9 совнархозов, Узбекской ССР – 4, Таджикской ССР, Киргизской ССР и Туркменской ССР – по одному совнархозу), на которые возлагались ответственность за распределение материалов и оборудования, оперативное руководство отраслью, финансирование, отслеживание качественных и количественных показателей и многие другие функции, совокупность которых означала контроль за всем производством. Получив такие сверхполномочия (в дальнейшем они еще более расширились), министерства превратились в отраслевых супермонстров, подмявших под себя права, инициативу и самостоятельность предприятий. Например, только Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения в 1985 г. направило на предприятия своей отрасли 140 тыс. официальных бумаг, получив от них 520 тыс. справок, отчетов, объяснений и т. д.[58] На 1 января 1966 г. в стране действовало около 600 министерств, госкомитетов и других ведомств, в которых было занято 15 млн. служащих.

По большому счету и сами предприятия были не заинтересованы в самостоятельности. Если последняя и требовалась, то до определенных пределов. И это понятно, так как при отсутствии рыночных механизмов и тотальном господстве директивно-распределительных принципов организации экономики поиск ресурсов, каналов реализации продукции, установление смежных связей, финансирование и многое другое могли вызвать у руководителей предприятий лишь головную боль, которую удобнее было

переложить на министерства. И все же, несмотря на очевидные изъяны, реформы вызвали определенное оживление экономики. Выросли показатели среднегодового роста промышленности и сельскохозяйственного производства, валового продукта и национального дохода, повысилась эффективность труда. В годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) народнохозяйственный комплекс достиг наивысших со времен введения плановой экономики индексов роста. Однако вскоре инерция реформ была исчерпана, а сами они, обретая все более половинчатый характер, были окончательно заблокированы.

Достаточно динамично шли в 1965–1985 гг. индустриали-зационные процессы в республиках Средней Азии и Казахстана. Они превратились в один из развитых промышленных регионов СССР. Здесь находилась основная база цветной металлургии страны, действовали обширный топливно-энергетический комплекс, развитая химическая отрасль, угледобывающая промышленность, имелся огромный (даже по мировым стандартам) потенциал золото-, нефте- и газодобычи. В советской Центральной Азии добывалось 60 % объема союзного производства урана, 97 – хрома, 70 – свинца, 50 – цинка, около 35 – меди, 90 – желтого фосфора, 40 – кормовых фосфатов, около 17 % – природного газа. В среднеазиатском регионе производилось 11 % всей электроэнергии, 13,5 – цемента, 17 – шифера, 10 – сельхозмашин, 6 – химического оборудования, 5 – кузнечно-прессового оборудования, 24 – мостовых кранов, 5 – проката черных металлов, 5,1 % – стали. Ведущие позиции занимал регион по производству угля, железных и марганцевых руд, ртути и сурьмы, алюминия. До союзного значения наращивались мощности в производстве ферросплавов, титана, магния, молибдена, вольфрама, золота, серебра и других редкоземельных элементов.

На территории Средней Азии и Казахстана была развернута довольно обширная инфраструктура военно-промышленного комплекса. Здесь функционировал мощный ядерный научно-производственный комплекс, включавший почти все циклы создания ядерного оружия – от добычи урана до испытания боезарядов (1 июня 1995 г. на полигоне под Семипалатинском был уничтожен последний ядерный боезаряд, подготовленный к испытаниям в туннеле длиной 592 м на глубине около 130 м). До распада СССР только в Казахстане насчитывалось около 50 предприятий оборонного значения, большая часть которых входила в КЭМПО – Корпорацию электротехнических и машиностроительных предприятий оборонного комплекса. На этих заводах произво-

дилось до 18 % боевых машин пехоты и бронированных машин, 11 % всех артиллерийских систем, стрелковое оружие, оборудование для ВМС (по отдельным компонентам – до 95 % всего производящегося в СССР), торпеды и донные авиационно-корабельные мины, пусковые установки для тактических ракет SS-21 (по натовской терминологии), ракетные комплексы береговой обороны, бортовая аппаратура для крылатых ракет, системы управления подводных лодок, химическое и биологическое оружие (за пределами России это были единственные производства в Союзе) и т. д.[59]

И все же, если рассматривать промышленность региона в структурном разрезе, то нетрудно будет заметить ее сохранявшуюся сырьевую направленность. На долю отраслей, выпускающих сырье и полуфабрикаты, приходилось более 60 % всего промышленного потенциала Центральной Азии. Причем 65 % его было сосредоточено на 5 % территории, тогда как другие территории, в основном трудоизбыточные, были задействованы в промышленном производстве в гораздо меньшей степени.

Преимущественное развитие получили топливно-энергетический комплекс, цветная и черная металлургия, химическая и нефтехимическая отрасли. В результате сложился относительно высокий удельный вес добывающего сектора промышленности (в 1986 г. – 14--17 % против 9 по СССР), тогда как, например, доля машиностроения в общем объеме промышленного производства составляла от 7 до 19 % (27,4 по СССР). Здесь почти отсутствовали предприятия, производящие гражданскую высокотехнологическую продукцию. За пределы среднеазиатско-казахстанского экономического района вывозилось, как правило, дешевое сырье (хотя на мировых рынках оно стоило как раз дорого), а поступала дорогостоящая конечная продукция. Отсюда – перекос стоимостного баланса ввоза – вывоза. Например, Казахстан вывозил продукции на 8, а ввозил – на 16 млрд.руб., в Таджикистане отрицательное сальдо межреспубликанского торгового баланса составило более 1 млрд. руб., в Туркмении дефицит внешнеторгового баланса находился на уровне 9 % валового общественного продукта.

В 1975–1985 гг. число построенных и введенных в действие только крупных промышленных предприятий достигло нескольких сотен единиц, в 1981–1985 гг. – 60. Бурное развитие получила производственная инфраструктура. В Казахстане протяженность железных дорог достигла 15 тыс. км, в горные районы Таджикистана было проложено 500 км узкоколейки. Разрослась сеть

шоссейных автодорог, многие из которых имели магистральный характер.

Концентрированным выражением "индустриального бума" стало увеличение доли промышленности, строительства, транспорта и связи в произведенном национальном доходе. В середине 1980-х гг. их удельный вес составил в Казахстане 59 %, Узбекистане – 53,5, Киргизии – 52,6, Туркмении – 49,8 и Таджикистане – 50,8 %[60]. За 25 лет (с 1960 по 1985 гг.) численность рабочих увеличилась в Казахстане в 2 раза, Узбекистане – 3, Киргизстане – 2,7, Таджикистане – 3,6 и Туркменистане – 2,6 раза (это, кстати, говорило о том, что подъем промышленного производства обеспечивался главным образом за счет экстенсивных факторов: рост промышленной продукции многократно отставал от роста численности занятых). Удельный вес населения, занятого в промышленности и строительстве, к середине 80-х гг. превысил 20 % в Узбекистане, Туркмении и Таджикистане, находился на уровне 30 % в Казахстане и Киргизии.

Промышленное развитие вызвало рост численности городов. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Казахстане насчитывалось более 30 городов с населением свыше 50 тыс. человек, 19 городов – свыше 100 тыс. чел. и пять городов с населением свыше 300 тыс. человек. В Узбекистане 5 городов перевалили отметку в 50 тыс. населения, 8 городов – 100 тыс., 4 города – 200 тыс. Столица республики Ташкент стал крупнейшим городом советской Центральной Азии. Численность его населения составила 2,1 млн. человек. Города-"стотысячники" появились на карте Туркмении (Ташауз), Таджикистана (Ленинабад).

Рост промышленной инфраструктуры способствовал интенсификации процессов урбанизации. В 1970 г. в Казахстане впервые в истории его народонаселения удельный вес городских и сельских жителей уровнялся, а с 80-х гг. горожане стали преобладать в структуре населения республики. В Узбекистане удельный вес городского населения составил в 1979 г. 41 %, Киргизии – 39, Туркмении – 48, Таджикистане – 35 %[61].

Приведенные выше данные, взятые из статистических народнохозяйственных отчетов, рисуют благополучную картину развития промышленности. Поэтому общество не видело не то что явных симптомов, но и каких-то косвенных намеков на кризис. Ведь долгие десятилетия единственным критерием функциональности и эффективности экономики был рост валового продукта, приучивший оценивать любую динамику только с количественной стороны: если объемы продукции по сравнению с предше-

ствовавшей базой хоть как-то возрастали — значит, отрасль в динамике, если нет — производство в прорыве, оно стагнирует. А цифры говорили о перевыполнении на миллионы тонн планов по стали, чугуну, нефти, углю и т. д.

Между тем "ползли в заоблачную высь" и графики импорта. Такая симметричность тенденций могла означать только одно: промышленность, выпуская огромнейшее количество, скажем, стали самой по себе, испытывала огромный дефицит ее сортамента (электростали, проката из низколегированной стали и т. д.; в 1985 г. из 155 млн. т стали, выплавленной в стране, 85,5 млн., т. е. значительно больше половины, приходилось на "дедовский" мартеновский способ)[62]. Следовательно, если в количественном отношении валовое предложение продукции перекрывало спрос, то по качеству отставало. Вместе с тем динамика в производстве той же стали при ее относительно незначительном экспорте свидетельствовала о гипертрофированной металлоемкости промышленности: только в машиностроении излишний вес продукции достигал 12—15 млн. т, что в 2,5 раза перекрывало годовой объем сталелитейной промышленности Казахстана.

Непроизводительная ресурсоемкость была характерна для отраслей экономики всех республик. Например, в Казахстане, Таджикистане и Киргизии в расчете на душу населения производилось электроэнергии больше, чем во многих высокоразвитых странах. По логике, согласно которой экономическое благосостояние и производительность труда во многом определяются среднедушевыми показателями потребления производства энергии, эти республики должны были представлять собой процветающий регион. Но в действительности индексы энергопотребления и развития экономики были более чем неадекватны.

Огромные масштабы ресурсоемкости экономики, помимо всего прочего, прямо стимулировались и действовавшей системой централизованного фондового обеспечения предприятий.

В ходе подготовки реформ 1965 г. высказывалась идея о необходимости перехода от централизованного фондирования материальных ресурсов и прикрепления потребителей к поставщикам на оптовую торговлю средствами производства. Ее поддерживал, например, ученый-экономист Е. Либерман — один из деятельных инициаторов реформаторских новаций. Однако многие "корифеи от науки" и практики увидели в замыслах ученого лишь "смешную либерманию" (тогда как западные наблюдатели, обыгрывая термин "либерализация экономики", с иронией называли реформы "либерманизацией советской экономики"). Настаивая на со-

хранении жесткого лимитирования, они утверждали, что отход от него возможен лишь после накопления материальных ресурсов и, следовательно, ликвидации их дефицита.

Между тем именно сохранявшаяся система централизованного фондового обеспечения предприятий и порождала дефицит. В Казахстане функционировали десятки тысяч предприятий, и все они безотказно брали все, что им отпускалось распредорганами, и в любых количествах. Дело доходило до того, что предприятие сдавало в счет металлолома первоклассную катанку, которая ему никогда и не была нужна, но которую оно когда-то взяло, исходя из принципа: свой карман не тянет, или когда оперный театр давал объявление в газете о распродаже материалов, свойственных не учреждению культуры, а скорее промышленному производству. Промышленность довела сверхнормативные запасы материальных ресурсов буквально до астрономических цифр. Разорвать заколдованный круг могла лишь структурная перестройка промышленности с ее ориентацией на ресурсосберегающие технологии. Но тут все опять упиралось в то самое сущностное целое, поскольку без радикальной трансформации отношений собственности и перехода к рыночной парадигме развития остановить затратный механизм экономики было попросту невозможно. Экономика в ее социалистическо-плановом виде была обречена пожирать самою себя.

Итак, в статистической казуистике, нагроможденной директивными ведомствами, можно было обнаружить, что в экономике развивались негативные тенденции. Хотя сделать это было не просто, ведь насквозь идеологизированная статистика, умело манипулируя цифрами, выстраивала динамические ряды таким образом, что отрицательные индексы обретали только знак "плюс". В целях фальсификации действительной картины разрабатывались особо изощренные методики. Например, Продовольственной программой СССР до 1990 г. декларированной на майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС, была поставлена задача обеспечить подушевое потребление мяса до 70 кг. И статистика делала все, чтобы "подтянуть потребление" до этой партийно-санкционированной цифры. С этой целью в категорию мяса стали засчитывать кости, субпродукты, внутренний жир (лярд) и т. д., были введены различные коэффициенты пересчета (например, говорили, что раз калорийность жира выше калорийности мяса, то можно 1 кг жира засчитывать вместо нескольких килограммов мяса).

Через так называемый множественный счет определялись объемы валового продукта. Например, на заводе сделали де-

таль стоимостью 100 руб. и передали ее смежному предприятию, на котором в ходе операций с этой деталью произвели стоимость в 50 руб., но в отчетах этого предприятия указывалось не 50, а уже 150 руб., в результате чего получался рост не на несколько процентов, а в несколько раз. Подобным образом фальсифицировались и стоимостные показатели плана. Последний, по статистике, всегда выполнялся и перевыполнялся, хотя 61 % предприятий машиностроительного комплекса, 42 % металлургического и т. д. не выполняли договорных обязательств (стоимость продукции, не полученной по договорным обязательствам, определялась в сотни и сотни миллионов рублей). Все объяснялось просто: недовыполнение в одном звене производства перекрывалось перевыполнением в другом. Допустим, где-то трехкратно превысили плановое задание по производству ведер. И вот этим излишком закрывался эквивалент равных по стоимости, но не созданных других продуктов, скажем, электромоторов.

Сложное положение складывалось в аграрном секторе экономики. Несмотря на постоянное наращивание капитальных вложений в сельское хозяйство, двукратный рост его энергетических мощностей, объемы валовой продукции не только не возросли, но, напротив, обнаруживали устойчивую тенденцию к убыванию. Темпы роста валовой продукции аграрного сектора были, мягко говоря, не адекватны нараставшим из года в год затратам. Так, в Узбекистане за 20 лет, с 1965 по 1985 г., основные производственные фонды сельского хозяйства выросли в 6 раз. Но его валовая продукция увеличилась за этот же период лишь на 78 %[63].

Не давали (в условиях нерыночной экономики и не могли дать) должной отдачи широко заангажированные мероприятия по орошению земель Средней Азии, призванные обеспечить гарантированно высокие урожаи сельхозкультур. Под эту кампанию Минводхоз СССР израсходовал за 1971–1985 гг. 113,5 млрд. руб., т. е. 28 % общей суммы капитальных вложений в сельское хозяйство (для сравнения: черная металлургия получила за эти же 15 лет около 50 млрд. руб.)[64]. Только в Узбекистане за этот период было введено в хозяйственный оборот 1,6 млн. га орошаемых земель, но прирост аграрной продукции дал гораздо меньший эффект. Деньги, затраченные на орошение, ушли буквально в песок, ибо до 40 % воды, забираемой из источников, терялось в результате ее испарения и фильтрации. Отсталая водорасточительная технология способствовала не столько мелиорации земель, сколько их засолению и

заболачиванию. **Другими словами, Минводхоз инвестировал грядущий экологический кризис.**

В самые благополучные 1966–1970 гг. среднегодовые темпы роста сельскохозяйственного производства были зафиксированы на уровне 28 %, но уже в 1971–1975 гг. – 15, а в 1981–1985 гг. – 0,1 %. Если же учесть, что немалая доля валовой продукции аграрного комплекса приходилась на личные подсобные хозяйства населения (в среднем в год за 1981–1985 гг.: по картофелю – 56 %, овощам – 32, бахчевым – 35, плодоягодным культурам – 53, мясу – 31, молоку – 44, яйцам – 35, шерсти – 22 %), то динамика валового производства в колхозно-совхозных структурах обретает в рассматриваемые годы еще более удручающую картину[65].

Согласно традиционным оценкам, производительность труда в сельском хозяйстве росла от пятилетки к пятилетке. В действительности же его эффективность оставалась низкой. Так, чистый результат от всей деятельности в расчете на одного работника в Казахстане составлял всего 11 руб., или по нереальному валютному курсу тех лет что-то около 25 долл., тогда как в США – 59 тыс. долл., Великобритании – 42 тыс., Германии – 32 тыс. долл. Один работник в среднем "кормил" лишь 13 человек (в США – 80, Швейцарии – 100, Нидерландах – 60 чел.)[66].

В свое время Сталин следующим образом раскрывал "преимущества" социалистического сельского хозяйства: "У капиталистов крупные хозяйства имеют своей целью получение максимума прибыли. У нас, наоборот, крупные хозяйства, являющиеся вместе с тем государственными хозяйствами, не нуждаются для своего развития ни в максимуме прибыли, ни в средней норме прибыли, а могут ограничиваться минимумом прибыли, а иногда обходятся и без всякой прибыли... Наконец, при капитализме не существует для крупных хозяйств ни особых льготных кредитов, тогда как при советских порядках, рассчитанных на поддержку социалистического сектора, такие льготы существуют и будут существовать. Обо всем этом забыла достопочтенная "наука"[67]. Такая идеология порождала иждивенческие тенденции в совхозах и колхозах, которые в условиях государственного патернализма, выражавшегося прежде всего в огромнейших дотациях на сельскохозяйственное производство и многомиллиардных кредитах, которые ежегодно просто списывались, мало задумывались о рентабельности.

В результате в 1981–1985 гг. только в Казахстане 53 % совхозов и колхозов были убыточны, а размеры убытка вылились в миллиард рублей (в Талды-Курганской области были убыточны-

ми 72 % совхозов и колхозов, Уральской – 78, Семипалатинской – 68, Целиноградской – 60 % и т. д.)[68].

Продолжал действовать затратный механизм. Так, в животноводстве затраты на производство 100 руб. валовой продукции составили в 1981–1985 гг. 120 руб. В рассматриваемые годы цена реализации не возмещала даже себестоимости в производстве мяса крупного рогатого скота, овощей, сахарной свеклы, молока и молочных продуктов, свинины, шерсти[69].

Таким образом, колоссальные объемы целевых финансовых инъекций в сельское хозяйство не давали адекватной отдачи. Механизм действовавших организационно-хозяйственных структур, несмотря на обильные мультимиллионные ассигнования, постоянно пробуксовывал, обнаруживая неспособность трансформировать гигантские затраты в нужный результат. Возникал порочный круг: для рывка структур была необходима широкомасштабная интенсификация, для которой, в свою очередь, требовались, наряду с прочим, огромные средства, однако последние, поступив в те же структуры, ими же и блокировались.

Глубоко иррациональную природу структурных образований эпохи "великого перелома" (колхозов и совхозов) обнаруживала их неспособность обеспечить общество продовольствием. Располагая на своей территории 2/3 мировых черноземов, занимая первое место в мире по площади сельхозугодий (603 млн. га в СССР, 431,5 – в США, Канаде – 78, Нидерландах – 2,0 млн. га), являясь абсолютным лидером по поголовью крупного рогатого скота, овец, свиней и птицы, обладая стадом коров, в 10 раз большим, чем Великобритания, и 40 с лишним раз, чем Дания (крупнейший экспортер масла), имея 23 млн. человек, занятых в сельском хозяйстве (в США – 3 млн.), страна оставалась крупнейшим импортером продовольствия[70]. Советский импорт сельхозпродукции возрос со среднегодового уровня в 2,6 млрд. долл. (20 % всего импорта) в 1970–1972 гг. до 19 млрд. долл. (24 %) в 1981–1985 гг. Если в 1970 г. было закуплено на мировых рынках 165 тыс. т мяса и мясопродуктов, то в 1985 г. – 857 тыс., животного масла – соответственно 2,2 и 276 тыс. т, сахара-песка – 2745 и 4125 тыс. т[71].

Из года в год стремительно росли импортные закупки зерна. И дело было не только в его дефиците. Главным стимулятором импорта выступали затратный характер экономики и магнетизм пресловутого вала. Это становится очевидным, если учесть, что в стране, даже в неурожайные годы, собиралось в среднем 70–75 млн. т пшеницы (в благополучные – до 80 млн.), тогда как, скажем, в США – 55–60, а в странах ЕЭС, вместе взятых, – 70–

75 млн. т[72]. Куда же исчезало зерновое изобилие? Если даже принять во внимание несбалансированную структуру питания населения, где основными энергетиками выступали картофель и хлеб (подушевое потребление хлебопродуктов в 1985 г. составляло в СССР 132 кг, в США – 96, Дании – 71, Канаде – 69, Нидерландах – 64 кг), то все равно масштабы производства зерна должны были оставаться достаточными для удовлетворения собственных потребностей и даже для экспорта.

Однако это в теории. На практике все сводилось на нет тем же затратным механизмом. Гигантские объемы зерна ежегодно исчезали в пропасти под названием "экстенсивное животноводство". Нарастив в погоне за валовыми показателями огромнейшее, но малопродуктивное поголовье скота – средний вес одной единицы крупного рогатого скота увеличивался всего на 3 кг в год (в Казахстане средние удои составляли 1800 кг, Киргизии – 1900, тогда как, например, в Дании – 5700 кг), сельское хозяйство постоянно упиралось в кормовую проблему. При сохранении деформированной структуры сельскохозяйственного производства (в рекордный по урожаю 1987 г. из 211 млн. т зерновых на кукурузу приходилось всего 14,8 млн. т, сою – 0,7 млн. т) потребности животноводства решались главным образом за счет грубых кормов и зерна. Последнего ежегодно скармливалось до 40–45 млн. т. Где-то в таких пределах и фиксировались импортные поставки[73].

Первые крупные импортные операции с зерном стали проводиться в 1963 г. Но на постоянную, так сказать плановую, основу они были поставлены в 1972–1973 гг., когда цены на нефть по сравнению с ценами мирового продовольственного рынка резко возросли, создав у руководителей страны иллюзию выгодности обмена невосполняемых сырьевых ресурсов на зерно. Если в 1970 г. было закуплено 2,2 млн. т зерновых, то в 1980 г. – 29,4 (из них 14,7 млн. т пшеницы), а в 1985 г. – 45,6 млн. т (21,4 – пшеницы). По данным ФАО (Продовольственная организация при ООН), с 1971 по 1988 г. СССР закупил за рубежом (в основном в США, Канаде, Аргентине, Турции) 483 млн. т зерна на сумму 70 млрд. дол. В 1985 г. каждая третья булка хлеба и каждая вторая пачка макарон, поступавшие в потребление населения, были импортного происхождения[74].

Аналогичные процессы наблюдались в хлопководстве. Казалось бы, объемы производства здесь должны были полностью закрыть потребности в продукции данной отрасли. Однако в силу того, что значительные площади засевались низкосортными культурами хлопчатника, которые могли сгодиться только для произ-

водства взрывчатых веществ и технической ветоши, страна была вынуждена восполнять часть потребностей импортом (например, такие операции по поводу закупок длинноволокнистого хлопка проводились в свое время с Египтом).

Катастрофические провалы в народном хозяйстве неминуемо проецировались на качество и уровень жизни населения. Вопреки декларациям, экономика работала не на человека. Об этом, в частности, свидетельствовала и структура промышленности, т. е. соотношение двух ее основных подразделений – производства средств производства (группа "А") и производства предметов потребления (группа "Б"). Если в 1970 г. удельный вес группы "А" (тяжелая индустрия, капитальное строительство, военно-промышленный комплекс и т. д.) в общем объеме продукции промышленности составил в Казахстане 73,3 %, то группы "Б" – 26,7. Близкие пропорции отмечались и в промышленности республик Средней Азии. В 1985 г. доля потребительских товаров упала до 25 %. Деформированные пропорции, заданные еще в годы сталинской индустриализации, обнаруживали, что динамика промышленности обеспечивается главным образом за счет первого подразделения. Следовательно, увеличение валового продукта, а через него и национального дохода, весьма слабо влияло на уровень жизни населения, коррелируя больше в сторону военно-промышленного и индустриального потенциала, нежели благосостояния общества.

Об относительно низком уровне жизни свидетельствовали и состояние здравоохранения, социального обеспечения, жилищная проблема, экология, нормативы физического износа населения, условия труда и его оплата, культурные и духовные потребности и т. д. и т. п.

Экстенсивная экономика, предполагающая чисто потребительское, а точнее будет сказать хищническое отношение к природной среде, не могла не породить в регионе обширнейший ареал экологического напряжения. Не иначе как экоцидом следует назвать деятельность Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР, по прямой вине которого превратился в мертвую зону Аральский регион. Уровень Аральского моря понизился на 14 м, площадь акватории сократилась на 40 %, объем воды – на 65 %. Если еще в 1950-х гг. здесь водилось 24 вида рыбы, 12 из которых представляли промышленную ценность, а уловы достигали 500 тыс. т в год, то к концу 80-х гг. 20 видов рыбы полностью исчезли и море утратило свое рыбохозяйственное значение[75]. Высохшее морское дно превратилось в гигантский очаг соленакоп-

ления и зарождения солепылевых бурь. Понятно, что все это сказалось на жизни населения Приаралья и его здоровье. Специалисты зафиксировали здесь 30-кратный рост заболеваемости брюшным тифом, 7-кратный – вирусным гепатитом, количество онкологических больных превышало союзный показатель в 15 раз[76].

Примерно с начала 70-х гг. в связи с дальнейшей экстенсификацией сельхозпроизводства в Казахстане начал применяться так называемый кочевой метод земледелия. Поля, утратившие естественное плодородие почв, выводились из хозяйственного оборота, а вместо них распахивались пастбища на свободных землях. В свою очередь, чтобы восполнить дефицит пастбищ, сжигались реликтовые леса в поймах рек Сырдарья, Жанадарья, Колгандарья и Кувандарья. Вследствие этого лесные массивы в Приаралье почти полностью были уничтожены. Например, по берегам Сырдарьи сохранилось менее 1/5 их первоначальной площади. В дельте этих рек исчезли и обширные площади тростника, он вырубался для производства бумаги. Приаральская дельта превратилась в болота и такыры. Из обитавших здесь 173 видов животных, значительная часть которых была занесена в Красную книгу СССР, осталось лишь 38[77].

Нельзя не вспомнить и о той негативной роли, которую сыграл в экологии региона ракетно-атомный проект. В середине 1950-х гг. началось строительство Байконура. Гигантский комплекс расположен на площади свыше 6717 км^2, которая равна территории 12 таких городов, как современная Москва. К космическому комплексу относятся также территории для сбрасывания отработанных ступеней ракет по трассе их движения: 4,6 млн. га – в Казахстане, 1,2 млн. га – в Туркмении, 5,3 млн. га – в России. При ударе этих частей ракет о землю происходит взрыв и остатки горючего разбрасываются на значительные расстояния, попадают в приземные слои атмосферы. Специальные исследования выявили наличие гептила (компонент ракетного топлива) в грунтовых водах и заражение им кормовых трав. Только в Казахстане вследствие этого из хозяйственного оборота должны быть выведены более 180 тыс. га кормовых угодий[78]. Космодром является крупнейшим потребителем воды и энергии. Его ежедневный расход воды составляет 160 тыс. кубометров. И это в маловодной местности вблизи высыхающего Аральского моря и снижающей уровень р. Сырдарьи.

Болью Казахстана стал Семипалатинский атомный полигон. Здесь был создан самый крупный в мире комплекс горных выработок, насчитывающий около 200 штолен, пробитых в горе Дегелен.

За 40 лет (с 1949 г.) на полигоне было проведено 470 (из 715 проведенных в СССР) ядерных взрывов: 26 наземных, 87 воздушных, 354 подземных. Ядерные испытания проводились и в других регионах Казахстана. Так, в массивах каменных солей Прикаспийской низменности на полигоне Азгир с 1966 по 1979 г. было осуществлено 17 подземных ядерных взрывов Еще 21 взрыв и 4 пуска ракет с ядерными зарядами были проведены в других районах республики.

Угрожающей стала проблема ядерных отходов. В Казахстане выявлено около 100 мест их складирования. Общий вес ядерных отходов составляет примерно в 419 млн. т . Из них 8 млн. т насыщено радионуклидами активностью около 13 млн. кюри и 225 млн. т — 233 тыс. кюри. Площадь радиоактивного техногенного загрязнения превышает 35 кв. км[79]. Крупными загрязнениями являлись и предприятия, задействованные на реализации атомного проекта: Целинный и Прикаспийский горно-металлургический комбинаты в Казахстане, Навоийский ГМК в Узбекистане, фирма "Изотоп", Мангышлакский энергокомбинат, Ульбинский металлургический завод в Восточном Казахстане, который являлся в СССР монополистом в производстве топливных элементов для ядерных реакторов, содержащих низкообогащенный уран. Ядерная инфраструктура привела к радиоактивному заражению огромных территорий, к серьезным и многочисленным отклонениям в здоровье проживающего здесь населения.

Стереотипы политэкономии социализма насаждали в общественном сознании уверенность в том, что инфляция в условиях социалистического планового хозяйства не может иметь места, ибо она есть атрибут исключительно рыночной экономики. Внешне как будто так и было: десятилетия цены на товары оставались стабильными, однако на самом деле инфляционные процессы, подчиняясь объективным законам экономики, развивались весьма бурно, но выступали в скрытой форме. О высоком уровне инфляции говорил сильнейший дисбаланс спроса и предложения. При социалистической (деформированной) модели цены низки и стабильны, но товары в дефиците и, следовательно, малодоступны или, наоборот, товаров много, но в силу убогости их ассортимента и качества они становятся попросту никому не нужными.

Все годы существования советского планового хозяйства сохранялся острейший дефицит по большинству групп товаров, и прежде всего — товаров широкого потребления, выпуск которых в силу блокирования группы "Б" даже отдаленно не отвечал спросу. Например, в 1985 г. производство предметов потребления на

душу населения в стоимостном выражении составляло в регионе всего 468–480 руб. Теоретически среднестатистический житель мог выкупить этот объем товаров за свою двух-трехмесячную заработную плату, зарплата же оставшихся девяти месяцев, не находя реализации, откладывалась в сберегательные банки, формируя так называемый "отложенный спрос". Следовательно, увеличение вкладов от населения в сберегательных кассах говорило не о росте благосостояния (как это всегда интерпретировалось пропагандой), а о росте инфляции. Если в 1975 г. вклады населения в сберегательном банке определялись в Казахстане в сумме 3653 млн. руб., то в 1985 г. – 7870 млн., в Узбекистане – соответственно 1807 и 3391 млн. руб., Таджикистане – 451 и 770 млн. руб., Киргизии – 582 и 1773 млн. руб., Туркмении – 424 и 727 млн. руб.[80]

В результате дефицита товаров неудовлетворенный покупательский спрос в масштабе страны составлял 21–25 млрд. руб. (явно заниженные оценки), население в поисках товаров и в очередях за ними потеряло (на середину 80-х гг.) 65 млрд. человекачасов, что соответствовало годовому фонду рабочего времени 35 млн. человек, занятых в народном хозяйстве. Все названные цифры и выступали внешне невидимым проявлением инфляции. Ее же явным обозначением были длинные очереди в магазинах.

Проявлением инфляции служили и опережающие темпы динамики оплаты труда по сравнению с ростом его производительности (в регионе это была устойчивая тенденция), так называемый долгострой, когда гигантские заводы возводились десятилетиями, не давая отдачи, а их строители исправно из года в год получали высокие зарплаты. Так нарастала денежная масса, не имевшая товарного обеспечения, что также приводило к инфляции.

Среди таких многочисленных утопий Н. Хрущева, как: "стереть грань между городом и деревней", "устранить различия между умственным и физическим трудом", "нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме" и т. д.) была и такая: "Догнать и перегнать Америку по производству молока, мяса, масла!".

В 80-х гг. уровень потребления мяса в СССР по отношению к США, по оценкам ряда независимых экспертов, составил всего 34,2 %, жиров и масла – 29,8, рыбы – 67, овощей – 19,3, фруктов – 19,7 %. Хотя средняя калорийность питания в СССР и США фиксировалась примерно на одинаковом уровне – 3300 ккал в день на душу населения, у советского потребителя 46 % дневного рациона приходилось на картофель и хлеб, а на мясо и рыбу – только 8 % (в США – соответственно 22 и 20 %). В потребительских

расходах семьи из четырех человек, работавших и получавших доход в 380 руб. в месяц (до вычета налогов), расходы на питание составляли 59 %, тогда как в США этот показатель равнялся 15,2 %. Фактические объемы потребления были в стране значительно ниже физиологически рациональных норм, рекомендованных специалистами. Если допустить выход на эти рациональные нормы, то доля расходов на питание составила бы в расходах среднестатистической советской семьи не 59, а 71 %, для достижения же количественных норм питания американской семьи потребовалось бы 90 % бюджета семьи, а если учесть стандарты качества – 180 %[81].

Оценки экономической доступности, выводимые через количество рабочего времени, необходимого для того, чтобы заработать на покупку продуктов питания, показали следующее: советскому работнику для того, чтобы купить условную единицу мяса, в 80-е гг. приходилось трудиться больше, чем американцу, в 10–12 раз, птицы – в 18–20, молока – в 3, сливочного масла – в 7, яиц – в 10–15, хлеба – в 2–6, водки – в 18 раз. В 1965 г. жители городов потребляли мяса (с учетом его качества) почти на 50 % меньше, чем в 1913 г. и 1927 г. (причем для покупки 1 кг мяса нужно было отработать по времени в 1,5 раза больше, чем в 1913 и 1927 гг.)[82].

Еще более удручающей была ситуация с качеством жизни в Средней Азии. Во многом она определялась характером инвестиционной политики государства. С ликвидацией территориально-хозяйственных органов управления – совнархозов распределение капиталовложений полностью перешло в ведение Центра. Последний, движимый интересами административно-командной экономики, перераспределял их основные потоки в зоны наибольшей экстенсификации (нефтяные районы и энергетические стройки Сибири, БАМ и т. д.) и более или менее высокой производительности труда (Прибалтика, Украина, Белоруссия). Средняя Азия, являвшая собой по преимуществу аграрную периферию Союза, была в этом отношении существенно ущемлена. Если принять индекс инвестиций на одного работника в РСФСР за 100, то в Узбекистане по отношению к нему в 1981–1985 гг. он составил 82,9, Киргизии – 61,7, Таджикистане – 64,1, Туркмении – 104,4 (последняя, так же как и Казахстан, где индекс был несколько выше, чем в РСФСР, входила в зону экстенсификации – освоение богатейших месторождений природного газа)[83].

Однако эти показатели корректировались в сторону еще большего снижения демографическим фактором, в частности преобладанием в Средней Азии не урбанизированного, а аграрного типа

демографического воспроизводства (ориентация на многодетную семью). Если в РСФСР на одного работника приходилось 0,69 иждивенца, то в Узбекистане – 1,5, Киргизии – 1,44, Туркмении – 1,56, Таджикистане – 1,94. С учетом этого момента индекс инвестиций на одного человека опускался в эти годы в Узбекистане до 54,5, Киргизии – 43,9, Туркмении – 74,2, Таджикистане – 37,8 (в РСФСР = 100)[84].

Соответственно ниже, чем в среднем по СССР, были все основные показатели уровня жизни. Так, индекс среднедушевого дохода (СССР = 100) составил в Узбекистане 34, Киргизии – 45, Туркмении – 50, Таджикистане – 32; среднедушевого потребления – соответственно 71, 67, 71, 57. Индекс среднедушевого потребления продовольствия определялся в Узбекистане в 81, Киргизии – 85, Туркмении – 83, Таджикистане – 82. Если в среднем по СССР на одного человека приходилось в день в 1980 г. 3215 ккалорий, то в Узбекистане – 2760, Киргизии – 2615, Туркмении – 2695, Таджикистане – 2740. Еще более тьермондистской (т. е. на уровне развивающихся, "третьих" стран) была структура энергетического баланса питания населения региона. Если в целом по стране удельный вес ккалорий из зерновых и картофеля составлял в 1980 г. 43 %, то в Узбекистане – 60, Киргизии – 56, Туркмении – 57 и Таджикистане – 61 %. Самыми высокими в стране были в Средней Азии и коэффициенты детской смертности. Если общесоюзный показатель находился в 1980 г. на уровне 37,7 детей на 1 тыс. родившихся, то в Узбекистане – 71,6, Киргизии – 70,4, Туркмении – 87,7 и Таджикистане – 91,0[85].

Таким образом, огромный и разнообразный комплекс мер, постоянно усложнявшийся, абсорбировавший гигантские ресурсы общества, периодически "встряхивал" экономические структуры, но не сообщал им поступательного движения. Говоря образно, структуры, созданные в ходе масштабного социального эксперимента, испытывали сильнейшую аритмию, которая выписывала кардиограмму, близкую к предынфарктному кризу. И именно кризис определял состояние общества, а не застой – термин, надуманный официальной пропагандой для обоснования и оправдания новых утопических экспериментов.

Последняя реформа: политика "перестройки"

Курс на социально-экономические преобразования, провозглашенный М. Горбачевым, имел на отправном этапе ту же тенденцию, что и попытки его предшественников, пытавшихся при

восхождении к власти показать себя деятельными, демократичными реформаторами. Система социально-экономических и политических акций, направленных на реформирование общества, вошла в историю под названием "перестройка". В развитии этого периода выделяется несколько этапов.

В рамках **первого этапа** (апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС – лето 1987 г.) были предприняты тщетные попытки реализовать концепцию ускорения. Как предполагало и верило руководство страны, вывести общество из застоя (пока еще слово "кризис" не упоминалось) поможет борьба с пьянством (отсюда беспрецедентная антиалкогольная кампания) и распущенностью (продолжение курса Ю. Андропова на ужесточение дисциплины). Ожидалось, что эти меры оперативно скажутся на росте производительности труда, а следовательно, и на ускорении общественного развития. Однако в качестве главного фактора ускорения виделась идея обновления производственного аппарата (станков, оборудования, технологических линий и т. д.). Как считали некоторые "архитекторы перестройки" (академик-экономист А. Г. Аганбегян и др.), перераспределение валютных ресурсов с закупки потребительских товаров (продовольствия, одежды, обуви и т. д.) на приобретение преимущественно машиностроительного импорта позволит уже к 1990 г. довести долю машин, оборудования и приборов гражданских отраслей машиностроения, отвечающих мировым стандартам, до 90 %, что даст возможность резко повысить производительность труда и ускорить экономическое развитие.

В аграрной сфере резервы ускорения виделись во внедрении достижений НТР, новых технологий и других факторов интенсификации сельскохозяйственного производства. Как убеждал М. С. Горбачев в своих выступлениях в Целинограде в сентябре 1985 г., эти моменты способны сообщить сильнейший импульс колхозно-совхозной системе, потенциал которой якобы огромный.

Между тем в условиях отсутствия рынка и частной собственности, конкурентной борьбы за потребителя всякие идеи ускорения оставались не более чем иллюзией. Действительно, зачем заводу, являющемуся монопольным производителем, скажем, телевизоров, новые технологические линии (хотя бы и японские), если у него при всеобщем дефиците, что называется, "с колес" реализуется даже самая устаревшая и некачественная продукция. Ведь потребитель лишен выбора и вынужден брать то, что ему предлагает производитель-монополист, причем по монопольно же высоким ценам. А раз так, то какой смысл в новых технологиях,

станках и т. д.? Поэтому заводы и фабрики всячески отказывались от навязываемого им импортного оборудования, а когда это не удавалось, то оно в контейнерах или в распакованном виде складировалось на задних дворах, открытое всем ветрам, снегам и дождям (такого импортного оборудования пропало на сотни миллионов долларов).

Очень быстро несостоятельность концепции "ускорения" выявилась и в сельском хозяйстве. Государственная колхозно-совхозная система уже в силу своей природы была не способна воспринять достижения научно-технической революции, новейшие технологии и научные системы земледелия. Колхозники и рабочие совхозов, будучи бесправными поденщиками у государства, отчужденными от средств производства и результатов труда, были безразличны к общественному производству и рассматривали работу здесь как своеобразную барщину. Поэтому говорить об интенсификации их труда было крайне самонадеянно.

Что касается извечной ставки на борьбу "всем миром" за дисциплину, то с помощью этой меры удалось повысить эффективность производства лишь на 1 %, да и то лишь в первый год перестройки. Антиалкогольная же кампания привела к нарастанию дефицита госбюджета (67 млрд. руб.) и обострению ситуации на потребительском рынке (этому же способствовала, кстати, и резкая переориентация импортных закупок с потребительских товаров на продукцию машиностроения). Кроме того, было пущено под пресс импортное оборудование, закупленное для вин- и пивзаводов. В Средней Азии и Казахстане подверглись вырубке многолетние насаждения винограда и плодово-ягодных культур, восстановить которые не удается до сих пор.

Второй этап. Лето 1987 г. – май 1989 г. Начальный период перестройки наглядно продемонстрировал несостоятельность попыток реформирования экономики посредством облегченных подходов. Становилось ясно, что косметическими мерами, стилизованными под реформу, не обойтись, ибо кризисные (как раз в это время протекавшие в обществе процессы впервые начинают характеризоваться не как застой, а именно как кризис) причины лежат гораздо глубже – в системе производственных отношений. **Общество все больше стало понимать, что путь к динамизации экономики и благосостоянию страны лежит через рынок и частную собственность – институты, которые в своей эволюции не миновало ни одно цивилизованное государство.** Однако руководство страны по-прежнему проявляло нерешительность, медлительность и излишнюю осторожность. Именно этим объясня-

ются попытки соединить план и рыночную стихию и тем самым выйти на некую модель социалистического рынка, подменить частную собственность надуманными гибридами (арендой, арендным подрядом и т. д.). Результатом этого периода стали половинчатые и аморфные законы о государственном предприятии (объединении) и о кооперации. Хотя они и сообщали обществу некоторое движение вперед, но проблемы не решали. Требовались гораздо более радикальные меры.

Третий этап. Май 1989 г. – август 1991 г. Идеи перестройки не получили развития не только в силу определенной нерешительности реформаторского крыла партийно-государственного руководства, но прежде всего вследствие яростного сопротивления бюрократической номенклатуры всех оттенков и уровней. Только с перемещением центра принятия решений из чиновничьих кабинетов в действительно представительный орган можно было ожидать эффективного прохождения реформаторских идей. Такие предпосылки были созданы после образования в результате весенних выборов 1989 г. народного парламента. Именно на его трибуне развернулась борьба за переход к рынку и частной собственности как важнейшим условиям создания на обломках тоталитарной империи демократического, т. е. гражданского правового общества.

В самом начале "перестройки" была декларирована официальная установка на всемерную демократизацию всех сторон общественной жизни. Однако уже декабрьские события (1986 г.) в Алма-Ате со всей очевидностью обнаружили, что эта идея не могла быть реализована в рамках административно-командной системы.

Уже в 1985–1986 гг. М. Горбачев, следуя аппаратной традиции, стал последовательно избавляться от "старой гвардии" Л. Брежнева, к которой принадлежал и Д. Кунаев. За всю историю казахстанской партийной организации это был третий казах – первый руководитель республики. Д. Кунаев до последних своих дней (умер в 1994 г.) оставался человеком системы, беспредельно верил в социалистический выбор и коммунистическую идею. Как первый секретарь ЦК Компартии Казахстана он активно проводил в жизнь политику Центра. Одним из немногих республиканских лидеров был назначен членом Политбюро ЦК КПСС. Являл он исключение и в том, что трижды награждался званием Героя Социалистического Труда (таких в высшей партийной иерархии было буквально единицы). Д. Кунаев сделал много заметного для социально-экономического и культурного развития

Казахстана. Демонстрируя тип партийных деятелей, обладавших широкой эрудицией и культурой, он достаточно бережно относился к наиболее ярким представителям науки, литературы, искусства, интеллигенции вообще. По-видимому, будет правильно сказать, что Д. Кунаев представлял собой авторитарный тип руководителя с претензией на просвещенного лидера. И тем не менее 16 декабря 1986 г. на Пленуме ЦК Компартии Казахстана (естественно с указания Москвы) Д. Кунаев был освобожден от своей должности. Новым лидером в Казахстан был направлен "солдат партии" (как он сам себя называл) Г. Колбин, работавший до того вторым секретарем ЦК Компартии Грузии и в Ульяновской области. Пленум продолжался около 20 минут без всякой информации и гласности Но даже не это было главным. В принципе, пускай и интуитивно, но общественность республики уже находилась в ожидании смены руководителей. Это был первый (и последний) прецедент в СССР, когда во главе национальной республики поставили человека, не только не представляющего коренного этноса, но даже не жившего в ней. Это ущемляло достоинство казахского населения, его национальное самосознание, вызывало чувство обиды за публичную демонстрацию отказа в доверии народу и его представителям. На этот комплекс причин накладывались провалы в социальной и национальной политике, экономике, маргинализация населения и студенческой молодежи и т. д. Все это, соединяясь в едином векторе, дало мощную этническую мобилизацию, вызвало импульсивный всплеск недовольства.

17 декабря значительные массы студенческой и рабочей казахской молодежи вышли на улицы и площади Алма-Аты. Подавлением волнений руководила непосредственно Москва (как вспоминают партфункционеры, в ту ночь Горбачев звонил в Алма-Ату около восьми раз), которая в экстренном порядке прислала в Алма-Ату не только своих функционеров, но и войсковые подкрепления. В ход были пущены милиция, войсковые и пожарные части. Избивая и поливая холодной водой из брандспойтов, им удалось разогнать митингующих. При этом было задержано около 2400 демонстрантов, телесные повреждения получили 1722 человека. В ходе последующих преследований было привлечено к уголовной ответственности 99 человек, 309 студентов отчислены из учебных заведений, 758 человек исключены из комсомола и т. д.[86] Так по преступной воле "верных интернациалистов-ленинцев" из Кремля миллионный многонациональный город (как и вся республика) в одночасье был ввергнут в атмосферу ме-

жэтнического отчуждения, взаимных обид и непонимания, унижения и морального оскорбления. К счастью, народы всегда мудрее политиков. И не благодаря, а вопреки им межнациональный мир стал постепенно восстанавливаться, ибо мудрость народов и в том, что они не помнят зла. Но события декабря 1986 г. тем не менее показали, что межнациональное согласие и мир, как любая гармония, как и все драгоценное в этом мире, – вещи весьма хрупкие и поэтому требуют бережного отношения.

В постановлении ЦК КПСС события в Алма-Ате были обозначены как проявление казахского национализма. Так же безапелляционно, в духе леденящей стилистики сталинских времен, когда обвинительные ярлыки навешивались на целые народы, интерпретировались пропагандой злоупотребления с заготовкой хлопка в Узбекистане. Пресса дружно писала не о "хлопковом деле в Узбекистане", а именно об "узбекском деле". Умалчивала она только о том, что "дело" это было спровоцировано Москвой. Именно она требовала от республики увеличения валовых сборов хлопка до 6 млн. т. Ничем не подкрепленный лозунг: "Даешь 6 миллионов тонн хлопка!" поставил на грань должностных преступлений многих руководителей хозяйств и предприятий, районов и областей Узбекистана. Чтобы не потерять партбилеты, они были вынуждены рапортовать о мнимых тоннах "белого золота". На почве "хлопковой лихорадки" пышным цветом расцвели приписки, коррупция, "адыловщина" и т. п. Все это совпало с кампанией нового генсека Ю. Андропова по борьбе с нетрудовыми доходами. Власть стала имитировать борьбу с экономическими преступлениями, причины которых коренились в самой природе административно-командной системы с ее извечным нацеливанием на планы и их перевыполнение. Вскоре в Узбекистан была направлена печально известная "бригада Гдляна – Иванова" из союзной прокуратуры. Попирая принцип презумпции невиновности, "московские товарищи" повергли республику в атмосферу правового беспредела. В ходе следствия к уголовной ответственности был привлечен ряд руководителей хозяйственных и административных органов, первых секретарей горкомов и райкомов партии, шесть первых секретарей обкомов, четыре секретаря ЦК Компартии Узбекистана, Председатель Совета Министров, зампред Президиума Верховного Совета Узбекистана.

Декабрьские события в Алма-Ате, пожалуй, впервые со всей очевидностью показали, что область приложимости идей гласности и демократизации виделись правящей Коммунистической партией в весьма суженных пределах. Их реализация как-то допуска-

лась в сфере культурной и интеллектуальной жизни, но строго табуировалась во всем том, что претендовало на какую-либо критику и оппозицию к Системе. Но даже в этом случае подходы заметно разнились. В то время как в Москве или Ленинграде миллионными тиражами выходили литературные журналы, печатавшие запрещенных ранее писателей-диссидентов и публицистические статьи, шокирующие цензуру, Казахстан волею властей продолжал оставаться интеллектуальной пустыней. Более того, в рамках широко развернувшейся кампании по борьбе с "казахским национализмом" (именно такое определение было дано алматинским событиям специальным постановлением ЦК КПСС) началось как бы вторичное (со времен 30-х гг.) выкорчевывание из исторической памяти народа всего того, что так или иначе связывалось с национально-либеральной интеллигенцией, репрессированной сталинским режимом. Вся гласность сводилась к критике в печати и на партийно-хозяйственных активах коррупции (главным рассадником ее в республике объявлялись Кунаев и его окружение), кадрового и регионального протекционизма. В целях имитации "непоколебимой решимости властей бороться с этими пороками" ряду высокопоставленных лиц были инкриминированы уголовные дела (позднее за отсутствием состава преступления они были прекращены).

Пропагандистский контекст развернувшихся обличительных кампаний задавался в столь изощренном тоне, что не только вызывал обоюдное раздражение по линии межэтнического разлома (коренное и некоренное население), но и искусственно насаждал противопоставление казахов северного региона (районы, подверженные наибольшей интернационализации) и южного (менее интенсивная этноконтактная зона), создавая последним образ некоего "мафиозного Техаса", монополизировавшего в республике все и вся.

В это же время в средствах массовой информации была широко ангажирована кампания по борьбе с привилегиями. С помпой сообщалось о передаче трудящимся одного-двух плохоньких партийных санаториев или намекалось на "скромность и демократичность" нового руководителя республики, который якобы сам ходит по утрам в магазин и покупает себе продукты[87].

Много усилий было затрачено на борьбу с преступностью, которая продолжала расти. В рамках горбачевской антиалкогольной кампании был выдвинут лозунг: "Очистим города и села от алкоголизма!". На предприятиях создавались общества трезвости, повсеместно вводились "сухие" свадьбы (распитие спиртного

запрещалось, и гости полуподпольно разливали водку в бутылки из-под минеральной воды), а милиция вылавливала выпивших чуть ли не прямо в ресторанных залах (в рамках кампании множество людей были исключены из партии, отчислены из учебных учреждений, уволены с работы). Алкоголизма, не стало меньше, подверженные этой болезни люди переходили к наркомании, занимались самогоноварением и т. д.

Таким образом, наблюдавшиеся в республике тенденции общественно-политической жизни проходили в заметной асимметрии с процессами в центре страны. И тем не менее, открыв шлюзы гласности, Система высвободила инерцию своего саморазрушения. Ветер перемен стал достигать и Казахстана.

Уже в 1987 г. в республике появляются первые неформальные объединения. Будучи отчужденной от участия в обсуждении политических коллизий, общественная инициатива пытается в этот период реализовать себя в единственно доступной сфере – экологии. Эта проблема даже приветствуется властью, ибо считается политически нейтральной и в то же время видится в качестве альтернативы, способной погасить взрывоопасную энергию все более задумывающегося общества. Кроме того, экология была той темой, которая без всяких последствий для властей могла быть отдана на откуп общественной критике, поскольку здесь они уже давно поступали по принципу: собака лает – караван идет (что бы ни говорили и ни писали о загрязнении окружающей среды, министерства и ведомства продолжали это делать).

Итак, начало неформальному общественному движению в Казахстане положили экологические организации. В 1987 г. был образован "Общественный комитет по проблемам Балхаша и Арала". Экологические объединения были созданы в Алма-Ате, Джамбуле, Талды-Кургане, Усть-Каменогорске и других городах республики. В Чимкенте "зеленые" выступали за закрытие "грязных" цехов свинцово-цинкового завода, в Павлодаре осуждали планы строительства комбината белково-витаминных концентратов и т. д.[88]

Следующим этапом в развитии неформальных организаций стало создание национально-культурных и историко-просветительских объединений. Среди них особой активностью отличались общество "Адилет" (много сделавшее по разоблачению преступлений сталинизма) и "Казак тілі" – общество содействия изучению и распространению казахского языка.

Дальнейшая эволюция неформального движения выявилась в создании организаций национал-радикальной ориентации, в дея-

тельности которых в это время все более явно начинает прослеживаться политическая направленность.

Летом 1989 г. оформляется движение "Желтоксан" ("Декабрь"). Оно возникло как объединение активистов (большинство из которых являлись участниками волнений в декабре 1986 г.), требовавших объективной оценки событий декабря 1986 г., реабилитации незаконно осужденных. В мае 1990 г. движение переоформилось в одноименную партию. Конечной целью в программе "Желтоксана" декларировалась установка на отделение от СССР и создание в Казахстане независимого государства. Характерен пункт предвыборной программы лидера партии Х. Кожахметова, выдвигавшегося кандидатом в президенты, где настаивалось на сохранении в Казахстане ядерного оружия, как средства сдерживания Китая и России[89].

В июне – июле 1990 г. на учредительной конференции в Алма-Ате оформилось гражданское движение "Азат". Оно стало основной силой оппозиции (по оценкам некоторых экспертов, на пик своего развития движение поддерживало примерно 30 тыс. человек при реальной численности активистов в несколько сот человек). Движение включало в себя заметную часть национальной интеллигенции и работников госаппарата. Отдельные организации вошли сюда на правах коллективных членов. Уже к осени 1991 г. во всех областях Казахстана были созданы оргкомитеты или отделения этого движения. "Азат" также провозглашал своей целью суверенитет Казахстана, предполагая вместе с тем более гибкую по сравнению с другими национал-радикальными течениями политику в области национальных отношений, ратуя за межнациональное согласие и учет фактора полиэтничности республики. Тем не менее у лидеров движения прослеживалось довольно мощное присутствие идей "Великого Турана" (Туркестанской конфедерации) и этнократического государства. Экономическая программа "Азата" была более эклектичной и аморфной и предполагала реформирование общества на принципах смешанной экономики (по типу китайской модели). Идея частной собственности на землю признавалась якобы неадекватной национальным традициям казахов.

Наиболее радикальной в плане этноцентристской ориентации с апреля 1990 г. стала выступать партия национальной свободы "Алаш", которая была, правда, весьма малочисленной. Основные программные моменты "Алаш" виделись ее лидерами в достижении реальной независимости Казахстана, пропаганде идей пантюркизма в противовес евроцентристским концепциям, на-

циональном возрождении Казахстана как ядра будущего государства – Великого Туркестана и т. д.

В 1991 г. на базе славянских национально-культурных центров было создано движение "Лад". Несмотря на общедемократические положения программы и устава движения, было заметно, что в своих действиях "ладовцы" не всегда были свободны от этнически ассоциированной идеологии и стереотипов. В 1990 г. в республике стали появляться объединения казачества. Провозглашая своей целью возрождение культурно-этнографических традиций, наиболее экстремистски настроенная часть лидеров казачьих организаций выступала тем не менее с весьма деструктивными требованиями. Так, в 1991 г. в достаточно ультимативной форме прозвучало их обращение к Верховному Совету (парламенту) республики. Здесь, в частности, говорилось: "... мы, казаки, напоминаем, что затягивание решения... вопросов Уральского, Сибирского и Семиреченского казачеств может привести к обострению обстановки в этих регионах и вынудить казаков своими силами наводить законный порядок по пресечению фактов геноцида по отношению к казачьему населению и пресечению антирусской истерии . Мы выражаем решительный протест против попыток уничтожить памятник герою всех казаков Ермаку Тимофеевичу (проводник завоевательной политики российского самодержавия. – *Авт.*) в г. Ермаке (Северо-Восточный Казахстан), а также... запретить проведение праздника 400-летия служения русскому отечеству и царю уральских казаков"[90]. В связи с последним в г. Уральске казаки провели сходку, на которой выдвигались идеи сепаратизма и ирредентизма, территориальных притязаний, призывы возродить казачьи военные формирования и т. д. Провокационные массовые демарши были организованы экстремистски настроенными казаками в г. Петропавловске, на севере Казахстана.

Как видно, трансформация общественно-политического движения развивалась преимущественно по этническому принципу. Причем это наблюдалось как на левом, так и на правом краю спектра политических сил. В то же время все более значительную роль в общественно-политической жизни республики стали играть движения и партии, декларирующие идею нации как гражданства, ратующие за идентификацию всех этносов республики как единого народа Казахстана. Именно на такую консолидацию общества работало антиядерное движение "Невада – Семипалатинск", во главе которого стоял известный поэт Олжас Сулейменов. Включая сотни тысяч людей, движение развернуло борьбу

за закрытие атомного полигона под г. Семипалатинском, а в последующем – за ликвидацию китайского полигона в Лоб–Норе (вблизи границы с Казахстаном), запрещение ядерных испытаний на планете. В 1991 г. на базе антиядерного движения возникла партия Народный Конгресс Казахстана, провозгласившая своей стратегической целью строительства правового, гуманного и демократического общества, борьбу против идей этноцентризма и сепаратизма[91].

Разочарование политикой перестройки, не оправдавшиеся ожидания быстрых позитивных перемен вызвали активизацию рабочего движения, которое становилось все более неуправляемым, выражая подчас открытое недовольство политикой официальных (т. е. впрямую подчиненных партии) профсоюзов. Такая ситуация породила процесс создания независимых профсоюзных структур. В 1989 г. одним из первых в СССР создается казахстанский независимый профсоюз "Бирлик", который последовательно отстаивал права своих членов, используя формы протестов и требований.

Таким образом, в рассматриваемый период в Казахстане начинает создаваться неформальное движение. Только с ноября 1989 г. по март 1990 г. в его рамках насчитывалось 103 общественных движения, партия, объединения и группы[92]. В обществе формировался разнообразный спектр социально-политических сил. И все же следует признать, что в отсутствие достаточно легитимного института частной собственности и рыночных отношений в обществе не могло быть и действительно не было более или менее рельефно выраженных разведенных интересов. Поэтому социальная база движения была в принципе однородной. Что касается групповых интересов, то они локализировались преимущественно по линии этничности или каких-то приемлемых для всех ориентаций (экология, ядерное движение и т. д.). Это, кстати, подтверждали и выборы в парламент, выявившие, что очень часто главным принципом дифференциации электората выступала идентификация именно с этнической группой.

Однородность социальной структуры общества, полное отсутствие среднего класса – главного востребователя демократических прав и свобод – объясняют, почему в Казахстане в тот период не имели сколько-нибудь массовой поддержки движения и партии ярко обозначенной демократической направленности. Если их абстрактные призывы к построению правового демократического государства еще находили восприятие в массах, то конкретный

программный курс на частную собственность и рыночные отношения общество в большинстве своем отторгало.

В рассматриваемый период Коммунистическая партия (на 1 января Компартия Казахстана насчитывала в своих рядах 797 931 члена) продолжала отстаивать свою претензию на роль единственно "руководящей и направляющей силы общества", однако, авторитет ее продолжал падать. Проведенные в начале 1990 г. социологические опросы в городах СССР, в том числе в Алма-Ате, выявили, что только 17 % респондентов верят в способность КПСС возглавить перестройку общества и обеспечить ее успех. Подобные настроения нарастали и в рядах самих членов партии. Так, в октябре 1989 г. в Алма-Ате был создан городской клуб избирателей "Кенес", инициаторами которого стали члены партии С. Абдрахманов, В. Мезенцев и др. На заседаниях этого клуба звучала критика КПСС, выдвигались требования ее глубокого реформирования. Однако состоявшаяся в середине 1988 г. Всесоюзная конференция КПСС, а затем съезд партии обнаружили полную несостоятельность партии к самообновлению и реформированию. Критика и оппозиция к ней со стороны общества обрели необратимый характер.

Разнообразный спектр общественно-политических движений выстраивался и в других республиках советской Центральной Азии. В Узбекистане его гамму составляли народное движение "Бирлик" ("Единство") и одноименная партия, Демократическая партия "Эрк" ("Воля"), Исламская партия возрождения, объединение молодежи "Адолат" ("Справедливость"), Движение демократических реформ, Партия социального прогресса, партия "Ватан Тараккиети" ("Прогресс Отечества"), Народное движение "Туркестан" и ряд других движений. До формального прекращения своей деятельности многие из организаций насчитывали в своих рядах всего лишь несколько десятков или сотен сподвижников. Наиболее массовым являлось национально-демократическое движение "Бирлик". Например, в 1989 г. на его митингах собирались десятки тысяч человек. Во многом это объяснялось тем, что лозунги движения (от требования повышения статуса узбекского языка до осуждения дискриминации узбекских юношей в Советской Армии) воспринимались в этнически ориентированном общественном сознании как идеи, направленные на национальную консолидацию. С самого начала своего политического ангажирования в конфликт с властями, а также с Духовным управлением мусульман вступила Исламская партия возрождения Узбекистана. Ей было отказано в разрешении на легальную дея-

тельность. Региональная конференция партии, состоявшаяся в конце января 1991 г., была разогнана, а ее делегаты подверглись административным наказаниям. Первые группы объединения молодежи "Адолат" начали формироваться в августе – сентябре 1991 г. в Наманганской, а затем в Ферганской и Андижанской областях. При этом они заявили себя как авангард молодежи, вставшей на борьбу с правонарушениями и аморальными, в контексте шариатских установок, поступками. На пик движения насчитывалось более 60 групп и отрядов численностью от 15 до 200 чел.

В начале декабря 1991 г. состоялся организационный съезд Движения демократических реформ Узбекистана (ДДР). В качестве первоначальной задачи лидеры ДДР декларировали идею консолидации оппозиции на умеренной демократической платформе. Принципы формирования такой платформы синтезировали как собственное видение демократических преобразований (подчас весьма аморфное и эклектичное), так и взгляды некоторых российских реформаторов[93]. Как и в других республиках СССР, Компартия Узбекистана к концу 80-х – началу 90-х гг. стремительно утрачивала свои позиции в обществе. Почти сразу же после августовского путча в Москве в 1991 г. Коммунистическая партия была переименована в Народно-демократическую партию. Председателем ее стал И. Каримов. По мере консолидации официальной власти Народно-демократическая партия стала все боле уверенно обретать статус правящей.

Политизация общества характеризовала реалии и "перестроечного" Таджикистана. Причем ее процессы протекали здесь в гораздо более противоречивых коллизия, чем в соседних республиках. Особенностью динамики общественно-политической жизни было здесь и то, что корректировалась она преимущественно двумя моментами: регионально-этнической конфронтацией и "исламским фактором". Осенью 1991 г. состоялся I съезд Исламской партии возрождения Таджикистана (ТПВТ), которая до этого действовала нелегально. В момент своей официальной регистрации ИПВТ политически самоидентифицировалась как партия парламентского типа, выступающая за экономические реформы на основе развития всех форм собственности. Лидеры и идеологи партии открыто заявляли, что в случае ее прихода к власти она будет стремиться к восстановлению ценностей ислама во всех сферах жизни таджикского общества. ИПВТ имела достаточно сильное влияние в Гармской группе районов, городах Душанбе, Курган-Тюбе, Пяндж.

В ходе дискуссий по закону о языке, развернувшихся в 1989 г. в Верховном Совете республики, в Душанбе сформировалось народное движение "Растохез". Его социальной опорой стали представители интеллигенции и деловых кругов. Движение не имело фиксированного членства, однако, как заявляли его лидеры, в столице оно пользовалось поддержкой не менее 10 тыс. граждан, в других городах – 50 тыс. Декларируя в качестве своих целей демократическую ориентацию, "Растохез" вместе с тем демонстрировал своими политическими установками приверженность этнической идее. Выступая против власти партийно-номенклатурного аппарата (прежде всего засилья в нем ленинабадцев), за более самостоятельный политический и экономический статус Таджикистана в составе СССР, движение выдвигало лозунги "таджикизации" кадров, предоставления таджикам Узбекистана культурной автономии. В 1991 г. от движения "Растохез" отделилась Демократическая партия Таджикистана (ДПТ). Ее поддерживала интеллигенция и городская молодежь. Это послужило важной предпосылкой к тому, что партия смогла оказать значительное влияние на развитие процессов демократизации общества. В дальнейшем, однако, лидеры ДПТ радикализировали свои программные требования и пошли на сотрудничество с исламистами, что сузило ее социальную базу и прежде всего в рядах интеллигенции[94].

В Киргизии первой официально зарегистрированной партией стала Демократическая партия "Эркин Кыргызстан" (ЭрК). Произошло это в октябре 1991 г. С самого начала своей деятельности ЭрК выступил с заявкой на роль лидера националистически ориентированных сил. Претендуя на роль главного поборника и выразителя общественных интересов киргизов, партия находила своих сподвижников в рядах маргинальной интеллигенции, госслужащих и бизнесменов. В качестве отправного момента своей идейно-политической платформы лидеры ЭрК видели в таких приоритетах общественно-экономического развития республики, которые были конструированы в векторе некой собственной национальной модели. Теоретические поиски последней, однако, очень часто были замешаны на "методологии", игнорирующей гражданские и национальные права некиргизского населения, что уже само по себе вступало в очевидное противоречие с декларированной ЭрКом политической самоидентификацией как партии демократического направления. Правая, радикально-националистическая часть спектра общественно-политических сил Киргизии была представлена в тот момент также Партией нацио-

нального возрождения "Асаба" ("Знамя"). Она образовалась как одна из фракций Демократического движения "Кыргызстан" (апрель–май 1990 г.), выражая неприятие его умеренных политических позиций. В ноябре 1991 г. "Асаба" оформилась в самостоятельную политическую партию.

Программные установки партии, этнически однородной по составу и националистической по идейной ориентации, являли собой яркий образчик "политического манихейства", ибо являли причудливую смесь из квазидемократических, национал-радикальных и популистских лозунгов. Ряды сочувствующих партия рекрутировала преимущественно в маргинализированной и люмпенизированной молодежной среде Бишкека.

В конце мая 1990 г. организационно оформилось Демократическое движение "Кыргызстан". На пик своей деятельности оно объединяло около 30 организаций, декларировавших приверженность демократическим принципам. Правопреемницей движения стала одноименная партия – Партия "Демократическое движение "Кыргызстан" (ДДК). В своих программных установках ДДК определяла себя как демократическую, центристскую организацию, не приемлевшую политический радикализм. Свои отношения к власти партия выстраивала в духе конструктивной и лояльной оппозиции, предлагая в качестве альтернативного пути экономических преобразований социал-демократическую модель (по типу экономических концепций стран Северной Европы)[95].

На протяжении 1990–1991 гг., когда в стране обсуждался вопрос о будущем СССР, Казахстан и другие республики Средней Азии активно выступали за сохранение Союза на принципах обновленной федерации и суверенности республик. Лидером Казахстана выдвигались также инициативы по созданию конфедеративного образования. Однако в стране возобладали центробежные тенденции, повлекшие за собой "обвальное" крушение советской сверхдержавы. С подписанием Соглашения о создании Содружества независимых государств (8 декабря 1991 г.) и протокола к Соглашению (21 декабря 1991 г.) СССР как государственное образование перестал существовать. Начинался новый период исторического развития – постсоветский.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История советского крестьянства. Т. 4. М., 1988. С. 100.

[2] Там же. С. 101; Динамика посевных площадей, урожайности и валовых сборов основных сельхозкультур. Алма-Ата, 1989. С. 3; История Узбекской ССР. С. 318; *Тулепбаев Б.А.* Торжество ленинских идей социалистического преобразования сельского хозяйства Средней Азии и Казахстана. С. 312.

[3] *Зима В.Ф.* Послевоенное общество: голод и преступность// Отечественная история. 1995, № 5. С.45.

[4] Там же. С. 48.

[5] Правда, 1947, 5 июня.

[6] *Зима В.Ф.* Послевоенное общество: голод и преступность. С. 46.

[7] Там же. С. 49.

[8] Там же. С. 58.

[9] Динамика посевных площадей, урожайности и валовых сборов основных сельхозкультур по Казахской ССР. С. 3.

[10] *Шевяков А.А.* Советская продовольственная помощь странам народной демократии // Социологические исследования. 1996. № 8. С. 5–9

[11] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 368.

[12] Динамика посевных площадей, урожайности и валовых сборов основных сельхозкультур по Казахской ССР. С. 3.

[13] *Валовой Д.* Экономика в человеческом измерении. М., 1988. С. 79.

[14] История советского крестьянства. Т.4. С. 427.

[15] Государственный комитет Казахской ССР по статистике. Динамика посевных площадей, урожайности и валовых сборов основных сельхозкультур по Казахской ССР. С. 3; История советского крестьянства. Т. 4. С. 472.

[16] Государственный комитет Казахской ССР по статистике. Животноводство Казахстана. Алма-Ата, 1989. С. 7.

[17] *Лацис О.Р.* Выйти из квадрата. М., 1989. С. 46.

[18] Там же.

[19] Госкомстат СССР. Труд в СССР: Статистический сборник. М., 1988. С. 166; Народное хозяйство Казахстана. Алма-Ата, 1973. С. 288.

[20] История советского крестьянства. Т. 4. С. 179.

[21] Там же.

[22] Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 373, 378.

[23] *Шанин Т.* Четыре модели развития советского сельского хозяйства // Великий незнакомец. С. 114.

[24] Заседание Верховного Совета СССР (пятая сессия). 5–8 августа 1953 г.: Стеногр. отчет. Москва, 1953. С. 317.

[25] *Колодин Ф.И.* Торжество ленинского плана социалистического преобразования сельского хозяйства Казахстана. Алма-Ата, 1971. С. 64–68; Народное хозяйство СССР в 1960 году. М., 1961. С. 579; Народное хозяйство Казахстана в 1961 г. Алма-Ата, 1962. С. 265; Народное хозяйство Казахстана в 1971 г. Алма-Ата, 1972. С. 226.

[26] *Колодин Ф.И.* Торжество ленинского плана социалистического преобразования сельского хозяйства Казахстана. С. 71; Народное хозяйство Казахстана в 1968 г. Алма-Ата, 1970. С. 172; Народное хозяйство Казахстана в 1980 г. Алма-Ата, 1981. С. 28.

[27] *Болотин Б.М.* Состояние и перспективы двух систем// Соревнования двух систем. М., 1988. С. 134–135.

[28] Там же. С. 132.

[29] История советского крестьянства. Т. 4. М., 1988. С. 273.

[30] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. С. 295.

[31] *Безнин М.А.* Колхозный двор в Российском Нечерноземье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.

[32] Современные Соединенные Штаты Америки. М., 1988. С. 167.

[33] Цит. по: XX съезд КПСС и его исторические реальности. М., 1991.

[34] По материалам статей Г. Култаева, опубликованным в газете "Горизонт" за 1991 г. (№ 21, 22, 24, 26).

[35] *Юзуфович Г.К.* Наука при социализме. М., 1970.

[36] Народное хозяйство Казахстана в 1973 г. С. 178.

[37] Народное хозяйство Казахстана в 1960 г.; Народное хозяйство Казахстана в 1973 г. Алма-Ата, 1975.

[38] XX съезд КПСС и его исторические реалии. М., 1991. С. 114.

[39] Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата, 1963. С. 498.

[40] *Кунаев Д.* О моем времени. Алма-Ата, 1992. С. 149.

[41] Там же. С. 130.

[42] Алма-Ата, 1986, декабрь. Алма-Ата, 1991. С. 19; *Кунаев Д.* О моем времени. С. 135.

[43] *Лестер Браун.* Предотвращение эрозии почвы// Мир восьмидесятых годов. М., 1989. С. 303.

[44] Динамика посевных площадей, урожайности и валовых сборов сельхозкультур по Казахской ССР. Алма-Ата, 1989. С. 4.

[45] Известия. 1989. 26 дек.

[46] Аргументы и факты. 1989. № 24.

[47] *Ковалев С.А., Любомирский А.Н.* Естественный прирост населения Северного Казахстана и миграции // География и производительные силы Северного Казахстана. М., 1971. С. 48.

[48] Коммунист Таджикистана. 1958. 15 июня.

[49] Справочник партийного работника. М., 1960. С. 159.

[50] *Абулхаев Р.А.* Развитие и освоение новых земель в Таджикистане. Душанбе, 1988. С. 147–149.

[51] Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. Москва, 1987. С. 226–228; Сельское хозяйство СССР: Стат. сборник. М., 1988. С. 51059.

[52] Там же. С. 60–66.

[53] Там же. С. 467–474.

[54] Там же.

[55] Комсомольская правда. 1989. 16 мая.

[56] Там же.

[57] Там же.

[58] *Коржихина Т.П., Сенин А.С.* История Российской государственности. С. 223.

[59] Казахстана: реалии и перспективы независимого развития. Москва, 1995. С. 118–145.

[60] Мир в цифрах: Стат. сборник. М., 1992. С. 10–11.

[61] Народное хозяйство СССР за 70 лет. Москва, 1987. С. 378.

[62] Мир в цифрах. С. 214; *Иоффе Я.* Мы и планета: Стат. сборник. М., 1987. С. 309.

[63] Комсомольская правда. 1989. 16 февр.

[64] Человек и земля. М., 1988. С. 211.

[65] Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 317–345.

[66] Аргументы и факты. 1991. № 21.

[67] *Сталин И.* Соч. Т. 12 С. 130.

[68] Совхозы и колхозы Казахстана: Стат. сборник. Алма-Ата, 1989. С. 27–29.

[69] Животноводство Казахстана. Статистический сборник. Алма-Ата, 1989. С. 317–321.

[70] СССР и зарубежные страны: Стат. сборник. М., 1988. С. 32–39; Мир в цифрах. С. 149–152.

[71] Там же.

[72] Там же.

[73] Там же; Известия. 1991. 23 июля; Литературная газета. 1991. 17 янв.; 1988. 13 апреля.

[74] *Зайченко А.С.* США – СССР: личное потребление//США: Экономика, политика, идеология. 1988. № 12.

[75] Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. С. 108.

[76] *Новиков Ю.В.* Природа и человек. М., 1991. С. 142–143.

[77] Зеленый мир. 1993. № 28; Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. С. 108.

[78] Там же.

[79] Там же. С. 104.

[80] Социальное развитие СССР: Стат. сборник. М., 1990. С. 122.

[81] *Зайченко А.С.* США – СССР: личное потребление; *Болотин Б.М.* Состояние и перспективы соревнования двух систем. С. 178–182.

[82] Там же.

[83] Там же.

[84] *Flakieraki H.* Incom inequalities in the former Soviet Union and its republics. – Armonk (N. U.); L.: Sharpe, 1993. – VII, 86 p.

[85] Там же.

[86] Алма-Ата, 1986, декабрь: Книга-хроника. Алма-Ата, 1991. С. 18–33

[87] Там же.

[88] *Аяганов Б.* Реферат дис. ... д-ра ист. наук. Алматы, 1996.

[89] Там же.

[90] Там же.

[91] Общественные движения в Казахстане. Алматы, 1996.

[92] *Аяганов Б.* Реферат дис. ... д-ра ист. наук. Алматы 1996.

[93] Постсоветская Центральная Азия. Потери и обретения. М., 1998. С.103–106.

[94] Там же. С. 218–240.

[95] Там же. С. 224–230.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (*Абусеитова М. Х., Масанов Н. Э., Хазанов А. М.*) 5

ЧАСТЬ 1. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ДРЕВНОСТИ И В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ 7

Глава 1. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ДРЕВНОСТИ (*Кляшторный С. Г., Масанов Н. Э.*) 7

Географическая среда 7
Хозяйственно-культурная эволюция 18
Этнокультурные процессы 34

Глава 2. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ (*Кляшторный С. Г.*) 46

Этнокультурные процессы 46
Хозяйственно-культурные процессы 48
Государственно-политическое развитие 64

ЧАСТЬ 2. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 74

Глава 1. Центральная Азия в раннее средневековье (*Кляшторный С. Г.*) . . 74

Этнические процессы 74
Государственно-политическое и этнокультурное развитие Центральной Азии в раннее средневековье 84
Государственно-политическое развитие в X – начале XIII в. 115
Социально-экономическое и культурное развитие 130

Глава 2. Центральная Азия в позднее средневековье (*Султанов Т. И.*) . . . 159

Государственно-политическое развитие Центральной Азии в XIII–XV вв. 159

Институты власти и система социально-экономических отношений . . 214
Население и этническая ситуация 232

Глава 3. ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (*Абусеитова М. Х., Султанов Т. И.*) 257

Культурная эволюция центральноазиатских обществ 257
Религия в истории и культуре Центральной Азии 264

ЧАСТЬ 3. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В XVI – начале XX в. 276

Глава 1. Государственно-политическое развитие (*Султанов Т. И., Масанов Н. Э.*) 276

Государственно-политическое развитие в XVI – середине XVIII в. . . 276
Взаимоотношения Казахстана со странами и народами Центральной Азии 314
Центральная Азия в составе Российской империи 353

Глава 2. Общество и культура (*Султанов Т. И., Абусеитова М. Х.*) 365

Власть и система социально-экономических отношений 365
Культура и общество 391

ЧАСТЬ 4. СОВЕТСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (*Абылхожин Ж. Б.*) 406

Глава 1. Центральная Азия в преддверии революции 406

Аграрная периферия 406
Колониальная промышленность 415
Маргинальная социальная структура 420

Глава 2. Становление и историческая динамика системы советского государственного тоталитаризма в Центральной Азии 432

В орбите российской революции 432
Узурпация власти большевиками 444
Оппозиция и военно-политическая борьба в регионе 452
Красногвардейская атака на капитал: политика "военного коммунизма" 460

Нэп как недолговременная альтернатива социально-экономическому и политическому кризису 471
Свертывание нэпа 474
Огосударствление отношений собственности: завершение тоталитарной эволюции государства 480

Глава 3. Бухара и Хива: из российских протекторатов в советские республики 501

Глава 4. Государственное строительство и политические репрессии 512

Национальные движения и идеи автономии 512
Реализация советской модели государственного устройства 520
Нарастание политических репрессий 530

Глава 5. Великая отечественная война 1941–1945 гг. 535

Глава 6. Центральная Азия в советской плановой административно-командной системе 544

Послевоенные годы 544
Хрущевский поворот 552
Целина как зеркало экстенсивной экономики 563
Нарастание кризиса административно-командной системы 575
Последняя реформа: политика “перестройки” 591

Научное и учебное издание

М.Х.Абусеитова, Ж.Б.Абылхожин, С.Г.Кляшторный, Н.Э.Масанов, Т.И.Султанов, А.М.Хазанов

ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Учебное пособие

Редакторы *Т. П. Казанникова, Л. И. Дробжева*
Дизайн обложки *В. Д. Сычева*
Компьютерная верстка *Г. К. Сарсенбаева*

ИБ № 461

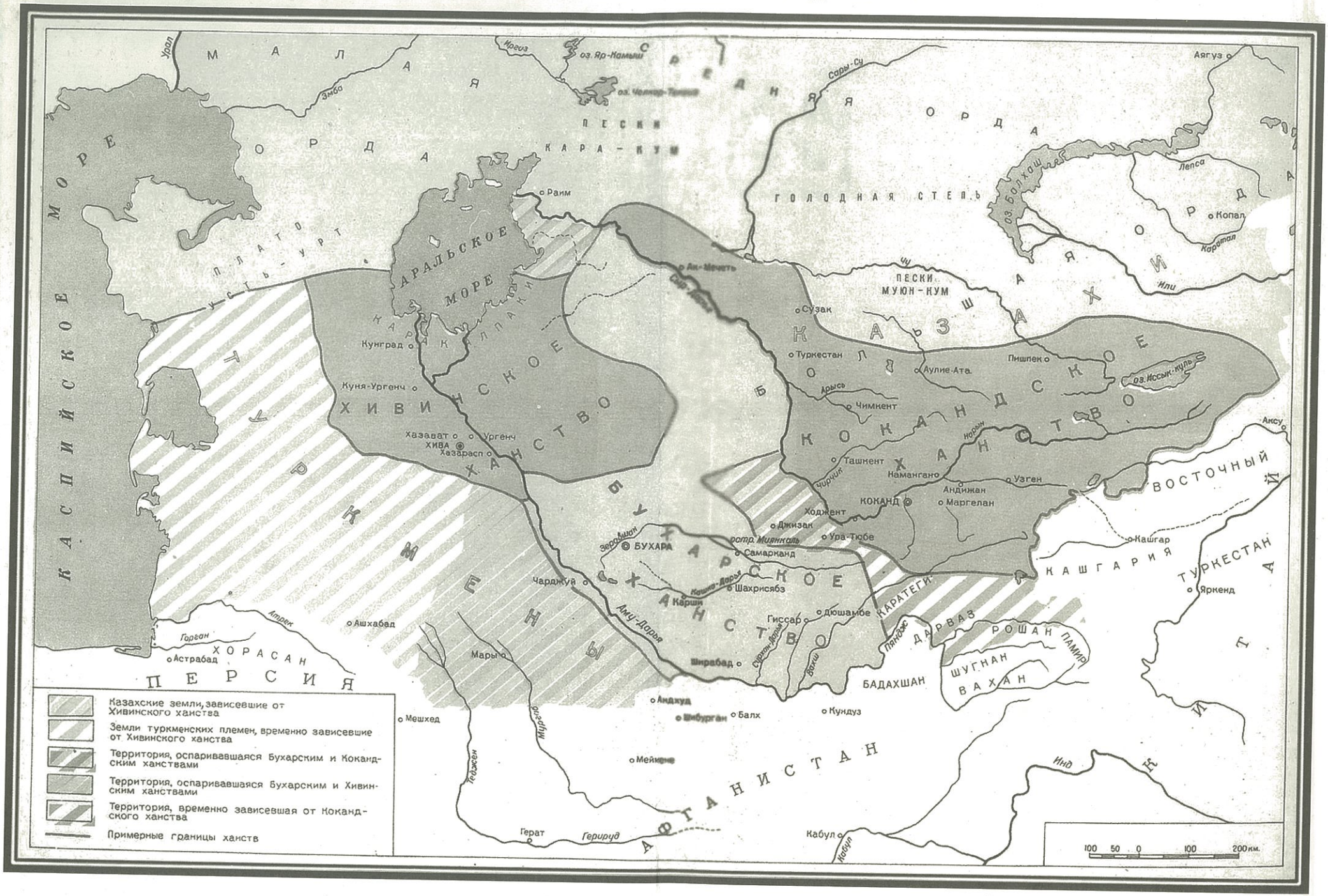
Подписано в печать 12.07.2001. Формат 60x90[1]/16. Бумага офсетная. Гарнитура "Таймс". Усл.п.л. 38,5. Усл.кр.отт. 41,0. Уч.изд.л. 36,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 189. Бесплатно.

Издательский дом «Кітап», 480009,. г. Алматы, пр. Гагарина, 93.
Тел.: 42-36-31, 42-07-90. TOO_Kitap @ mail. ru

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика.

БЕСПЛАТНО

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ХАНСТВА К СЕРЕДИНЕ XIX в.



ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX И НАЧАЛЕ XX в.